Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Министерство внутренних дел Российской Федерации
Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ (К 80-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ)

Международная научно-практическая конференция
(16 октября 2025 г.)

Сборник научных трудов

1 электронный оптический диск (CD-R)
Текстовое электронное издание

Научное электронное издание

Москва
Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя

2025

© Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя, 2025
ISBN 978-5-9694-1643-7

УДК 341
ББК 67.9
А43

Рецензенты:
начальник правового отделения Центра специального назначения в области обеспечения безопасности дорожного движения МВД России
кандидат юридических наук **М. Р. Юсупов**;
главнй эксперт международно-экспертной группы ДПД МВД России
кандидат юридических наук **А. И. Уфимцева**

Составитель **Соловьева Анна Сергеевна**,
преподаватель кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

А43 **Актуальные проблемы международного сотрудничества в правоохранительной сфере (к 80-летию создания организации Объединенных Наций)** : Международная научно-практическая конференция, 16 октября 2025 г. : сборник научных трудов / [сост. А. С. Соловьева]. – М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025. – 685 с. – 1 электронный оптический диск (CD-R). – Системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб; Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске.

ISBN 978-5-9694-1643-7

В сборнике представлены научные труды участников Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы международного сотрудничества в правоохранительной сфере», приуроченной к 80-летию создания Организации Объединенных Наций.

Предназначен для преподавателей, курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, а также для сотрудников правоохранительных органов.

Научное электронное издание

Минимальные системные требования: CPU 1,5 ГГц; RAM 512 Мб;
Windows XP SP3; 1 Гб свободного места на жестком диске

© Московский университет
МВД России имени В.Я. Кикотя, 2025

Издание подготовлено
с помощью программного обеспечения Microsoft Word

В авторской редакции
Компьютерная верстка *Достовалов Ю. Н.*

Подписано к изданию 16.12.2025
Объем издания: 5,27 МБ
Тираж: 10 электронных оптических дисков (CD-R)

ISBN 978-5-9694-1643-7

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
117997, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12
https://мосу.мвд.рф, e-mail: support_mosu@mvd.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Абашидзе А. Х.
Приветственное слово 17

Абдыразаков Б. Т.
Международно-правовые основы взаимодействия
Российской Федерации и Кыргызской Республики
в противодействии трансграничной киберпреступности 19

Айвазян Н. С.
Международное сотрудничество правоохранительных органов
в сфере миграции 26

Балюк Е. Г.
Административно-правовые аспекты деятельности
ООН по поддержанию мира и безопасности 30

Батоев В. Б.
К вопросу о международном сотрудничестве
в сфере противодействия киберпреступности 34

Батурина Е. В.
Международно-правовые аспекты взаимодействия России
с Абхазией и Южной Осетией в сфере противодействия
незаконному обороту наркотиков в контексте
их ограниченного международного признания 39

Безбородова Л. А., Куксов В. А.
К вопросу о взаимодействии оперативных подразделений
органов внутренних дел РФ и ФРГ в условиях цифровой трансформации 43

Безруков Г. Е.
Сравнительно-правовой анализ регулирования правового статуса
участников военных конфликтов в отдельных зарубежных странах 47

Бибиков А. А.
Взаимодействие ООН с Международной организацией
уголовной полиции (Интерпол) и международным уголовным судом 50

Блинкин В. А.
Правоохранительные органы и миграция: вызовы
для международного сотрудничества 54

Борисова Е. В.
Международно-правовое регулирование сотрудничества государств
в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов
от преступлений и финансированию терроризма,
совершенных с использованием криптовалюты 58

Буланкин Н. Ю.
Деятельность НЦБ Интерпола МВД России
в контексте международного права 64

Булгаков В. В.
Конституционно-правовые гарантии защиты информации 68

Буравлева А. К.
Сотрудничество и правоприменение в борьбе
с организованной преступностью в странах
южноамериканского общего рынка (МЕРКОСУР) 71

Бурденюк В. И.
Анализ практики комитета ООН по правам ребенка,
связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений 76

Валяев А. С.
Сотрудничество правоохранительных органов государств – членов
БРИКС в условиях геополитической трансформации:
новые вызовы и возможности 79

Вахитов А. Р.
Международное сотрудничество государств в борьбе
с киберугрозами: современные вызовы и перспективы развития 84

Владимирова В. Э.
Влияние института правопреемства на развитие международных отношений ... 91

Власова Е. Л.
Перспективы развития международного сотрудничества
в контексте современных киберугроз 94

Володина Д. В.
Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции 99

Волчихина П. А.
Перспективы создания единого правового регулирования
персональных данных в рамках ЕАЭС 102

Ворачак С.
Имплементация норм конвенции ООН против
транснациональной организованной преступности
в национальное законодательство ЛАОСА 106

Воротникова И. Г.
Двустороннее сотрудничество
правоохранительных органов Филиппин и Китая 110

Галиуллина А. И.
Проблемы и перспективы кибердипломатии в условиях глобальной угрозы... 114

Галкин В. В.
К вопросу об эффективности взаимодействия национальных
центральных бюро Интерпола стран Содружества Независимых Государств ... 119

Герасимова В. С.
Влияние актов межгосударственных органов по правам человека
на гражданское судопроизводство в Российской Федерации 122

Голованова Ю. А.
Организованная преступность как вызов системе
международной безопасности: дефекты координации
и возможные угрозы глобальному обществу..... 127

Гончарова Д. А.
Роль международного полицейского сотрудничества
в образовательной деятельности в условиях глобализации..... 131

Горбачева М. А.
Искусственный интеллект и безопасность: международно-правовые аспекты... 137

Горкина У. Р.
Сотрудничество Беларуси и Китая в правоохранительной сфере..... 141

Горшенева И. А., Криставчук С. М.
Режим борьбы с отмыванием денег
и его вызовы правоохранительным органам 145

Котылева Ю. В., Тимофеева Д. С.
Сотрудничество государств в борьбе
с незаконной миграцией: проблемы и пути решения 150

Гридчин М. М.
Международное сотрудничество правоохранительных органов,
включая меры по выдаче: обзор инициатив Южной Африки..... 153

Гудимова Е. А.
Актуальные проблемы международного космического права: правовое регулирование в целях обеспечения международной безопасности 157

Гужвинский Н. М.
Перспективы развития сотрудничества правоохранительных органов в условиях геополитической трансформации и угроз международной безопасности 161

Гулященко Н. В.
К вопросу о международно-правовых основах сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации и Кыргызской Республики в противодействии нелегальной миграции 164

Демичева Е. А., Якушин А. А.
Развитие международно-правовой системы для борьбы с международными преступлениями 171

Денисова А. Ю.
Правоохранительное сотрудничество на двустороннем уровне на примере Великобритании и Франции 176

Дидок В. А.
Сотрудничество России и Китая в сфере борьбы с гибридными угрозами в киберпространстве 182

Дылкина А. А.
Теоретические аспекты миграции в образовании 188

Евсеева Н. С.
Диверсификация азиатских миграционных потоков на российском рынке труда: проблемы правового регулирования и перспективы государственной миграционной политики 191

Ежунова Е. О.
Реадмиссия как инструмент противодействия незаконной миграции 197

Емельянова Ю. С.
Международное сотрудничество в области экологической безопасности 200

Жалсанов Б. Ц.
Памяти генерал-лейтенанта милиции Василия Петровича Игнатова, руководителя НЦБ Интерпола 204

Жукова О. И., Кан К. С.
Международное сотрудничество государств в области цифровизации миграционной сферы 207

Залетова А. Д.
Современное состояние и тенденции международной трудовой миграции 213

Заряева А. Э.
Международные стандарты обеспечения права
на благоприятную окружающую среду 217

Захаревская Е. А., Чернов Д. В.
Международное сотрудничество в вопросах профилактики
молодежного экстремизма в образовательных учреждениях 223

Захаров В. Р.
Искусственный интеллект и права человека:
актуальные проблемы и перспективы развития 228

Зиновьева У. А.
Роль международного сотрудничества в обеспечении национальной
безопасности Российской Федерации контексте незаконной миграции 231

Зыкин Н. И.
Проблемы и перспективы международного сотрудничества
в сфере противодействия киберпреступности 236

Иванова П. Р.
Международное сотрудничество в борьбе с преступностью..... 240

Игнатенкова А. Ю.
Международно-правовое регулирование
вопросов экологической безопасности 245

Измайлова В. Э.
Международное сотрудничество в сфере развивающейся связи
киберпреступности и терроризма 250

Казакова А. Р.
Принципы укрепления международного сотрудничества
и информации, связанной с правоохранительной деятельностью.
Обмен информацией в целях борьбы с коррупцией 254

Каминина Д. В.
Договор между Российской Федерацией
и Соединенными Штатами Америки о взаимной
правовой помощи по уголовным делам 259

Катков А. А.
Актуальные проблемы рассмотрения заявлений о приеме
в гражданство Российской Федерации 262

Келеберда Н. Г.
Геополитический ландшафт миротворческой деятельности ООН:
текущее состояние и приоритетные тенденции 266

Кикоть-Глуходедова Т. В.
Глобальные подходы к укреплению международного сотрудничества
в обеспечении киберустойчивости 269

Киселева Е. В.
Некоторые аспекты сотрудничества государств
с Управлением Верховного Комиссара ООН
по делам беженцев: проблематика безопасности 274

Кобец П. Н.
Значимость Научно-консультативного совета
при Совете министров внутренних дел государств – участников
Содружества Независимых Государств
в развитии международного сотрудничества 281

Коврижкина С. В.
Международно-правовые механизмы противодействия
финансированию терроризма 287

Коннов В. А.
К вопросу о влиянии практики межгосударственных органов
по правам человека на внутригосударственные правовые нормы
в сфере борьбы с преступностью 291

Константинов А. В.
Прямой доступ правоохранительных органов
к облачным данным против традиционных механизмов взаимной
правовой помощи (MLA): оценка рисков
для защиты персональных данных и пути их минимизации 296

Королева Е. В.
Обмен опытом работы правоохранительных органов
в борьбе с международной преступностью 300

Котцова М. П.
Роль международных организаций в борьбе с финансированием терроризма ... 304

Крохина Ю. В., Смиюха А. Е.
Ключевые аспекты выполнения правоохранительных задач
подразделениями полиции в рамках международного сотрудничества 310

Крючкова Т. В.
Перспективы развития международного космического сотрудничества 316

Кудалина И. А.
Актуальные вопросы международного сотрудничества
правоохранительных органов в борьбе с преступностью 320

Кузнецова С. А.
Международно-правовые основы
противодействия эксплуатации рабского труда 324

Куликов В. Н.
Перспективы развития международного сотрудничества
в контексте современных киберугроз 328

Лавриченко Р. К., Кладова Т. А.
Тенденции в международном сотрудничестве 334

Ларченко А. И.
Аспекты деятельности Министерства внутренних дел Испании
в борьбе с организованной преступностью 337

Лебедева В. И.
Современное состояние международного сотрудничества Интерпола
и антитеррористических подразделений ООН 341

Леончик Е. А.
К вопросу об ответственности за нарушение законодательства
о гражданстве в Республике Беларусь и Российской Федерации 345

Лисаускайте В. В.
Международно-правовые особенности регулирования сотрудничества
России и Беларуси в борьбе с преступностью 349

Логачева Д. Р.
К вопросу об особенностях международной
гражданской службы в договорных органах ООН 353

Лозинова К. И.
Опыт международного сотрудничества правоохранительных органов
России в сфере образования 357

Лябах К. Ю.
Роль Совета ООН по правам человека в противодействии экстремизму:
баланс безопасности и прав человека 362

Майдановская Е. Е.
Проблемы международно-правового регулирования деятельности
частных военных и охранных компаний 366

Македонская А. Е.
Международно-правовые аспекты противодействия
торговле людьми в XXI веке: вызовы и новые подходы 371

Максимов Н. Р.
К вопросу об уступке суверенитета
при международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства ... 375

Маслов А. И.
Конституционно-правовое регулирование
и урбанизация граждан в городах федерального значения 381

Мжельская Г. М., Лендова В. А.
Роль правоохранительных органов Великобритании
в организации международного сотрудничества полиции 387

Мокренев Н. В.
Аспекты деятельности Министерства внутренних дел Италии
в борьбе с организованной преступностью 392

Мягкова С. В.
Глобальные вызовы международной образовательной
миграции в современной России 396

Нефедов Б. И.
Особенности проявления трех основных принципов
уголовной ответственности индивидов
на национальном, трансграничном и международном уровнях 401

Никонов П. В.
Анализ практики Комитета ООН против пыток,
связанной с рассмотрением индивидуальных сообщений 410

Одиназода И. А.
Процессуальная интерпретация результатов ОРД:
границы допустимости и оценка доказательственного значения 414

Пасынков В. А.
Защита права человека на неприкосновенность частной жизни
в эпоху тотальной цифровизации 419

Перегудова А. П.
Об особенностях совершенствования регулирования механизмов международной трудовой миграции в условиях цифровизации 422

Петров А. А.
Королевство Нидерландов как мировой лидер в кибербезопасности..... 428

Петров М. Г.
Проблемы реализации потенциала Международной организации уголовной полиции (Интерпол): анализ недостаточной компетенции НЦБ и барьеров информационного обмена 433

Поваляева М. А.
Международные договоры об экстрадиции: опыт России и других стран 437

Пузырева Ю. В.
Перспективы принятия Конвенции о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них..... 442

Пулатов Ю., Равшанов У.
О международном сотрудничестве правоохранительных органов по противодействию терроризму 449

Пушкарев В. В.
Правовая природа и доказывание вреда критической информационной инфраструктуре: сравнительно-правовой анализ законодательства стран Юго-Восточной Азии и национальные приоритеты Российской Федерации... 454

Радченко Е. В.
Международно-правовые основы противодействия киберпреступности в рамках СНГ 460

Ронин В. С.
Деятельность кафедры прав человека и международного права в контексте вопросов международного правоохранительного сотрудничества .. 465

Сабанаева А. А.
О международно-правовом аспекте формирования административного права в современный период 469

Сабилин В. А.
О реализации целей устойчивого развития ООН в сфере регулирования миграции..... 474

Садеков Р. Р., Матвеев Д. А.
Полицейское взаимодействие стран – участников Организации Договора о коллективной безопасности в условиях многополярного мира 477

Саксонов Д. Р.
Об анализе диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ
и статуса потерпевшего по ст. 150 УК РФ 483

Саморукова А. В.
Влияние больших языковых моделей
на работу правоохранительных органов 489

Сатлер С. В.
Основные формы международного сотрудничества в борьбе
с транснациональной организованной преступностью стран
Содружества Независимых Государств в свете
новых вызовов и угроз региональной безопасности 500

Сафроникова М. С.
Вклад Комитета ООН по правам ребенка в международное сотрудничество
против трансграничной эксплуатации и торговли детьми 503

Седов В. Д.
Применение принципов международного права
в киберпространстве в эпоху развития нейросетей 508

Секушина Е. А.
Место НЦБ Интерпола в системе правоохранительных органов
государства: сравнительно-правовой анализ 513

Сенченко Е. А., Бояринова Е. А.
Глобальное сотрудничество в борьбе с преступностью 518

Серебрякова О. М.
Сотрудничество правоохранительных органов
в Азиатско-Тихоокеанском регионе 524

Симонова А. Е., Тесленко А. С.
Институциональные механизмы по противодействию терроризму
и экстремизму в международно-правовом пространстве 529

Соловьева А. С.
О некоторых вопросах деятельности и практики
подкомитета ООН по предупреждению пыток 535

Соломина А. А.
Сотрудничество Российской Федерации и Китайской Народной Республики
как ключевой аспект регулирования миграционных процессов
в данных государствах 540

Старова Е. В.
Международное сотрудничество правоохранительных органов
как одна из целей укрепления глобальной безопасности 545

Степанова И. С.
Правовое и институциональное обеспечение международного
сотрудничества государств – членов ЕАЭС в правоохранительной сфере 550

Суворова А. Ю.
Международное сотрудничество в правоохранительной сфере
в контексте образовательной деятельности 553

Сулименко А. Н.
Проблемы международного сотрудничества полиции в период
политической изоляции России на международной арене 558

Терешенко Е. Г.
Перспективы сотрудничества Республики Беларусь
и Российской Федерации в подготовке кадров
для уголовно-исполнительной системы 561

Тимонин С. А.
К вопросу об особенностях международного сотрудничества
правоохранительных органов в рамках осуществления
оперативно-разыскной деятельности 564

Тишков С. А.
Участие полицейских компонентов миротворческих операций ООН
в обеспечении прав человека (на примере МООНЮС) 567

Тишкова Д. С.
Тенденции развития правовых и организационных
основ миротворчества ООН: обзор министерской конференции
по поддержанию мира 2025 года 571

Трифонов С. Г., Трифонова К. В.
Цифровизация миграционного контроля как одно
из средств обеспечения национальной безопасности 575

Уварова Е. С.
Международное сотрудничество государств в борьбе
с транснациональной организационной преступностью:
актуальные проблемы и тенденции развития 581

Удунян В. Р.
Особенности международно-правового обеспечения борьбы
с терроризмом в рамках Лиги Арабских Государств 585

Файрушина М. З.
Государственно-правовые механизмы регулирования
незаконной миграции 589

Фролова Е. А.
Предупреждение преступлений, связанных с незаконной миграцией
в современных условиях: актуальные проблемы и анализ причин 595

Халимбеков Х. И.
Киберпреступность и международное право: поиск баланса
между безопасностью и правами человека в рамках ООН 602

Халитов О. Ф.
Кибергигиена и медиаграмотность как элемент
международного сотрудничества в образовательных программах
правоохранительной направленности 607

Хаминский Я. М.
Роль организации объединенных наций, группы разработки
финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ) и ее аналогов,
Международной организации уголовной полиции (Интерпол)
и иных организаций в борьбе с нелегальными формами
трансграничного движения капитала и с теневой экономикой 610

Хмиль И. В.
К вопросу о роли миротворческих операций ООН
в восстановлении общественного порядка в постконфликтной зоне 618

Хоменко Н. А.
Общие положения о сотрудничестве России и Интерпола 625

Хрупкова А. А.
О некоторых вопросах реализации принципа уважения прав человека
и основных свобод в современном мире 631

Чемис Е. Д.
Паттерны вынужденной миграции: причины и последствия 634

Чулкова М. Р., Петухова А. Р.
Актуальные вопросы международного сотрудничества
в деятельности органов внутренних дел 638

Шайдаев М. Ш.
Кибербезопасность в контексте
международной информационной безопасности 642

Шарипова А. Р.
Международное сотрудничество
в противодействии экстремизму и терроризму 649

Шахова Е. И.
Актуальные проблемы функционирования
зарубежных органов внешних сношений 654

Шмарикова Е. Д.
Тенденции развития международно-правовой борьбы с терроризмом 657

Шолина А. В.
Роль представительств МВД России в иностранных государствах
в борьбе с преступностью: международно-правовые
и национальные аспекты 660

Шумилова В. В.
Место и роль БРИКС в современной системе международных отношений..... 666

Юсупов Р. Г., Пинтсон А. Н.
Некоторые аспекты взаимодействия СССР и Лиги наций
в сфере международного контроля за оборотом наркотиков 670

Ярмак К. В.
Потенциал цифрового сопровождения при подготовке полицейских кадров
иностранных государств (на примере ведомственного вуза)..... 675

Ярцева А. И.
Основные направления и принципы
международного сотрудничества полиции 682

Абашидзе А. Х.[1]***,***
заведующий кафедрой международного права,
директор Юридического института
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
профессор Московского государственного института
международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
член Комитета ООН по экономическим,
социальным и культурным правам,
член Научно-консультативного совета
при Верховном Суде Российской Федерации,
член Научно-консультативного Совета
при Министерстве иностранных дел Российской Федерации,
член экспертного совета при Уполномоченном
по правам человека в Российской Федерации,
председатель Комиссии международного права
Российской Ассоциации содействия ООН,
профессор кафедры прав человека и международного права
Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО

Уважаемые организаторы и участники конференции!

Организация Объединенных Наций, которая в этом году отмечает свое 80-летие, была учреждена государствами антигитлеровской коалиции с решимостью «избавить грядущие поколения от бедствий войны» путем объединения усилий по поддержанию международного мира и безопасности. В ООН был создан Экономический и социальный совет (ЭКОСОС), под руководством и эгидой которого проводятся международные конференции и функционируют структуры по предупреждению преступности и уголовному правосудию, в частности, в лице одноименной Комиссии, Управления по наркотикам и преступности и других. Эти структуры ООН изначально функционировали на основах международно-правового характера – Уставе ООН, итогах Международного военного трибунала в Нюрнберге, Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г., Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. и других.

В условиях однополярности мироустройства «западный мир» попытался установить свои правила во всех ключевых сферах геополитики, используя для

[1] © Абашидзе А. Х., 2025.

этого все средства влияния, включая преобладание своей представленности в руководящих структурах ООН. Одним из результатов таких действий стало принятие в 1998 году Римского статута, а затем и создание на его основе Международного уголовного суда, который в настоящее время стал примером извращения идеи о международном органе правосудия и его значении. Событием, объективно верифицирующим указанный вывод, стало заявление Мали, Буркина-Фасо и Нигера от 23 сентября 2025 г., содержащее намерение о денонсации Римского статута и формировании конкурирующего правового института – Сахельского уголовного суда по правам человека.

В условиях деградации всего, что было достигнуто в результате равноправного сотрудничества государств-членов ООН в сфере международного уголовного права и правосудия, чрезвычайно востребованным является ежегодная научно-практическая Конференция, организуемая на базе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Выносимые на обсуждение в рамках Конференции вопросы являются особенно актуальными с точки зрения теории и практики уголовного права и процесса, в том числе – международного уголовного права.

Уверен, что итоги Конференции обогатят отечественную науку инновационными подходами к проблематике противодействия преступности на национальном и международном уровнях.

Желаю организаторам и участникам Конференции продуктивной и успешной работы!

Абдыразаков Б. Т.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТРАНСГРАНИЧНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

В эпоху цифровизации киберпреступность приобрела транснациональный характер – злоумышленники способны действовать из одной страны, атакуя жертвы в другой, используя интернет и современные технологии. Это создает серьезные угрозы для граждан и экономики государств, требуя скоординированных действий правоохранительных органов разных стран. Российская Федерация и Кыргызская Республика, как близкие партнеры и союзники по ряду интеграционных объединений, сталкиваются с ростом количества преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий. В Российской Федерации в 2024 г. киберпреступления достигли рекордного уровня – зарегистрировано 765,4 тыс. преступлений с использованием ИКТ (на 13% больше, чем в 2023 г.), что составило около 40% всех зарегистрированных преступлений. Более 84% из них совершены через интернет (рост на 23% за год) [8]. В Кыргызской Республике также наблюдается значительный рост киберпреступности, особенно мошенничеств; по словам начальника отдела по борьбе с киберпреступностью ГУВД Бишкека, число таких преступлений существенно увеличилось, однако детальная статистика была засекречена ввиду масштаба проблемы [12]. При этом раскрывается менее половины зарегистрированных киберпреступлений, что отражает сложности расследования.

Главная трудность заключается в трансграничном характере этих преступлений: мошеннические кол-центры, сеть хакеров или «фишинговые» группы могут базироваться за рубежом, использовать иностранные телекоммуникации и хостинг, скрываться под юрисдикцией третьих стран. Индивидуальные усилия каждой страны малоэффективны без тесного международно-правового взаимодействия. Международное сотрудничество в противодействии киберпреступности стало насущной необходимостью и признаётся единственной разумной альтернативой в борьбе с глобальными угрозами в цифровой сфере. Для Российской Федерации и Кыргызской Республики, имеющих общие интересы в обеспечении безопасности информационного пространства, важно выстроить прочную правовую основу сотрудничества, которая позволит быстро обмениваться данными, оказывать правовую помощь и выдавать преступников, невзирая на государственные границы.

---

[1] © Абдыразаков Б. Т., 2025.

Таким образом, проблема заключается в поиске оптимальных международно-правовых механизмов, обеспечивающих эффективное взаимодействие Российской Федерации и Кыргызской Республики против киберпреступности.

Несмотря на наличие обширной договорно-правовой базы, на практике сотрудничество Российской Федерации и Кыргызской Республики в сфере киберпреступности сталкивается с рядом трудностей. Одна из проблем – различия в национальном законодательстве и терминологии. В российском уголовном законодательстве отсутствует само понятие «киберпреступление» – используется терминология «преступления в сфере компьютерной информации». В УК КР [2] появилась глава 40 «Преступления против кибербезопасности», однако также нет единого определения «киберпреступности» – закон оперирует понятием «преступления против безопасности компьютерных систем» и т.п. Различия терминов и отсутствие унифицированных дефиниций могут затруднять квалификацию деяний при совместных расследованиях.

Такие несоответствия усложняют принцип «двойной инкриминации», необходимый для выдачи: если действие не является преступлением в обеих юрисдикциях, выдать лицо или оказать помощь сложнее. Соглашение о сотрудничестве государств - участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий 2018 г. [6] стимулировало унификацию – после него в УК КР были включены новые ст.ст. 319-322, синхронизировав их с подходами Российской Федерации и СНГ (неправомерный доступ, создание вредоносных программ, киберсаботаж, массовые рассылки), а Российская Федерация дополнила уголовный закон (ст. 159.6 УК РФ о кибермошенничестве, ужесточила наказание за онлайн-экстремизм).

Тем не менее, отдельные пробелы остаются (например, ответственность за спам-атаки явно не выделена в обоих государствах; оборот «хакерских» устройств прямо не криминализован в Кыргызской Республике).

Следующая проблема – различия в процедурах и технических возможностях, что влияет на эффективность правовой помощи. Российская правовая система предусматривает сравнительно длительные формальные процедуры при направлении запросов (через Генпрокуратуру или Минюст), тогда как Кыргызская Республика может действовать оперативнее, но ограничена ресурсами. До недавнего времени выполнение запроса о получении электронных доказательств могло занимать месяцы. Внедрение прямого электронного обмена МВД (Соглашение 2023 г.) должно ускорить этот процесс, однако остается вопрос допустимости доказательств, полученных таким путем, в суде – важно обеспечить, чтобы информация, полученная через полицейские каналы, потом была надлежащим образом оформлена через официальные процедуры международного публичного права (в идеале это требует параллельного направления запроса о правовой помощи для придания доказательству юридической силы).

Также существует проблема оперативности и сохранности цифровых доказательств: данные трафика хранятся недолго, и медлительность обмена может привести к их утрате. Здесь необходимы механизмы срочного замораживания данных (что предусмотрено в новой Конвенции ООН и соглашении СНГ) – их

реализуют через 24/7 контактные пункты. Российской Федерации и Кыргызской Республике еще предстоит полностью наладить такую практику экстренного сохранения информации до поступления официального запроса.

Исследователи в области международного права и криминологии отмечают, что опыт сотрудничества Российской Федерации и Кыргызской Республики по противодействию киберпреступности демонстрирует положительные тенденции, но требует дальнейшего развития. За последние 5 лет появилось немало научных работ, посвященных данной проблематике. Анализируя правовые основы, авторы указывают на важность разработки специальных двусторонних соглашений и гармонизации уголовного законодательства. Так, А.В. Крысанов подчёркивает, что эффективное международно-правовое сотрудничество возможно при общности государственных интересов и доверии между странами [7, с. 24]. В случае Российской Федерации и Кыргызской Республики эта общность выражена: обе страны заинтересованы в устойчивой безопасности и имеют взаимопонимание по большинству вопросов, что обусловлено необходимостью повышения технической оснащённости правоохранительных органов Кыргызской Республики и перенятия передового опыта Российской Федерации. Статистические сведения подтверждают актуальность проблемы: в Кыргызской Республике количество зарегистрированных киберпреступлений выросло в разы за последние годы (официально МВД КР сообщало о 1600 киберпреступлениях за 2024 г., при низком уровне раскрываемости) [9]. В Российской Федерации же «цифровая» преступность буквально переживает бум – с 2017 по 2024 гг. ежегодный рост составлял двузначные проценты, и доля таких преступлений возросла с 10% до 40% от общего числа. Этот эпидемический рост киберпреступности в обеих странах создает дополнительное давление на системы правопорядка и одновременно доказывает необходимость совместных действий. Научная новизна подходов Российской Федерации и Кыргызской Республики заключается в том, что они пытаются выстроить многоуровневую систему взаимодействия – от глобального (ООН) и регионального (СНГ, ШОС) до двустороннего уровня и прямых контактов между подразделениями. Такой целостный подход отмечается экспертами как правильное направление для борьбы с транснациональными преступлениями в киберпространстве [10, с. 31; 11, с. 601].

В то же время, остается и ряд нерешённых вопросов. Среди них – необходимость более активного вовлечения Кыргызской Республики в международные инициативы (возможно, в будущем и присоединение к Будапештской конвенции или её второму Дополнительному протоколу [5], если политические условия позволят), а также развитие общей платформы обмена данными о киберинцидентах в Евразийском регионе. Указанное обусловливает создание в рамках ЕАЭС единой базы данных о киберпреступлениях, доступную правоохранителям стран-участниц, что ускорило бы розыск и расследование. Пока подобная база существует лишь в формате обмена через Интерпол и канал СНГ (Бюро по координации борьбы с организованной преступностью СНГ – БКБОП). Статистический анализ также показывает узкие места: например, раскрываемость кибермошенничеств в Российской Федерации и Кыргызской Рес-

публике остается низкой (около 25-30% по некоторым видам), что свидетельствует о сложности расследований, требующих новых тактических приёмов и высокой квалификации. Поэтому научные публикации обосновывают важность подготовки кадров – введения специальных курсов по киберпреступности и расширения обмена экспертами. В 2024 г. вступил в силу Закон КР от 17 июля 2024 г. № 121 «О кибербезопасности Кыргызской Республики» [3], определяющий правовые основы единой системы кибербезопасности и усиливающий меры защиты инфраструктуры. Это положительный шаг, поскольку нормативное укрепление на национальном уровне создаёт благоприятные условия и для международного взаимодействия.

Подводя итог анализу, можно заключить, что Российской Федерации и Кыргызской Республике за последние годы сформировали разветвленную систему международно-правового взаимодействия против трансграничной киберпреступности. Эта система включает универсальные нормы (в ожидании ратификации Конвенции ООН 2024 г.), региональные соглашения (СНГ 2018, ШОС 2009 и др.), а также специальные двусторонние договоры (2021, 2023 гг.) и оперативные контакты. Благодаря этому большинство правовых препятствий для сотрудничества устранено – имеется договорная основа для обмена информацией, признания электронных доказательств, проведения выдачи и совместных действий.

На базе проведенного исследования можно выдвинуть ряд рекомендаций для дальнейшего развития сотрудничества Российской Федерации и Кыргызской Республике в противодействии киберпреступности:

1) Полная имплементация и ратификация международных договоров. Необходимо ускорить ратификацию и введение в действие Соглашения СНГ 2018 г. всеми участниками, прежде всего Кыргызстаном. Также следует активно готовиться к подписанию и ратификации Конвенции ООН против киберпреступности – обеим странам выступить в числе первых участников, чтобы задать тон ее реализации. Это укрепит универсальную правовую базу сотрудничества.

2) Гармонизация уголовного законодательства. Рекомендуется продолжить сближение норм УК РФ и УК КР относительно составов преступлений в сфере ИКТ. Кыргызской Республике целесообразно ввести в УК КР недостающие элементы (например, отдельную норму о незаконном перехвате данных, норму об ответственности за оборот «хакерских» устройств, если их применение не охвачено текущими статьями); Российская Федерация могла бы рассмотреть детализацию некоторых составов (например, ответственность за приготовление к киберпреступлениям, за массовые рассылки-«спам», если они приводят к ущербу). Обоим государствам целесообразно ввести единообразные понятия «киберпреступление» на уровне законодательных актов, основываясь на модельном законе СНГ.

3) Повышение эффективности взаимной правовой помощи. Необходимо разработать двусторонние протоколы или инструкции, регламентирующие ускоренный обмен запросами о правовой помощи по киберпреступлениям. Например, реализовать механизм параллельного направления электронного

уведомления о подготовке запроса с целью оперативного принятия мер по сохранению данных (т.е. предварительное неформальное уведомление с последующей официальной процедурой). Важно ввести практику прямого взаимодействия следственных групп: создавать совместные следственные группы (на основе подписанного СНГ в 2019 г. протокола о совместных следственных группах) для комплексного расследования крупных дел, затрагивающих обе страны.

4) Развитие технической инфраструктуры взаимодействия. Создать постоянный защищенный коммуникационный канал 24/7 между контактными пунктами МВД РФ и МВД КР (возможно, на базе уже реализованного обмена данных в электронном виде). Обеспечить резервные каналы и дежурные смены сотрудников, чтобы запросы и срочные сообщения обрабатывались без задержек в любое время суток. Внедрить систему отслеживания статуса запросов («tracking»), чтобы запрашивающая сторона могла видеть прогресс исполнения либо оперативно предоставлять дополнительную информацию по запросу партнера.

5) Совместные учения и обмен опытом. На регулярной основе проводить **двусторонние учения** по реагированию на кибератаки, с участием оперативников, следователей, экспертов. Продолжать практику семинаров и стажировок: направлять кыргызских специалистов на обучение в профильные центры Российской Федерации (например, в Учебный центр киберполиции при МВД РФ), а российских – в Кыргызской Республике для обмена местным опытом (например, по делам о телефонном мошенничестве, которое в Кыргызской Республике имеет свои особенности). Разработать совместные методические рекомендации по расследованию киберпреступлений, учитывающие законодательство обеих стран.

6) Создание совместных информационных ресурсов. Рассмотреть возможность создания единой базы данных (реестра) киберпреступлений и инцидентов для Российской Федерации и Кыргызской Республике (в перспективе – для всего ЕАЭС или СНГ). В эту базу, с ограниченным доступом для уполномоченных сотрудников, могли бы вноситься сведения о схожих преступлениях, способах совершения, используемых банковских счетах мошенников, IP-адресах, номерах телефонов и прочих «цифровых следах». Это помогло бы быстро устанавливать взаимосвязанные дела в двух странах и координировать расследование.

7) Углубление сотрудничества на международных площадках. Российской Федерации и Кыргызской Республике следует выступать единым фронтом на международных форумах по вопросам кибербезопасности – продвигать инициативы, выгодные для развивающихся стран, добиваться учета своих интересов (как это было при разработке Конвенции ООН). Продолжать совместно работать в экспертных группах ООН по вопросам киберпреступности и информационной безопасности, поддерживать друг друга на переговорах.

8) Мониторинг и анализ сотрудничества. Ввести практику ежегодных двусторонних встреч (или видеоконференций) на уровне руководителей про-

фильных подразделений МВД РФ и МВД КР, где обсуждать результаты сотрудничества за год: сколько запросов выполнено, какие проблемы возникали, какие кибертенденции наблюдаются. Такие встречи позволят гибко реагировать на новые вызовы и корректировать механизмы взаимодействия.

Проведенное исследование показало, что международно-правовые основы взаимодействия Российской Федерации и Кыргызской Республике в противодействии трансграничной киберпреступности формируются на нескольких уровнях – глобальном, региональном и двустороннем – и в совокупности образуют комплексную систему сотрудничества. За последние пять лет достигнут существенный прогресс: от принятия новой универсальной Конвенции ООН, отвечающей интересам обеих стран, до заключения прямых двусторонних соглашений, облегчающих оперативный обмен данными и выдачу правонарушителей. Правовые инструменты СНГ и ШОС дополнили пробелы, расширив уголовно-правовую унификацию и закрепив механизм взаимной помощи, адаптированный к реалиям постсоветского пространства.

Практические результаты – успешные совместные операции, экстрадиция преступников, рост обмена информацией – подтверждают эффективность выбранного курса. Научная новизна данного сотрудничества заключается в интегрированном подходе: Российская Федерация и Кыргызская Республика одновременно укрепляют договорную базу (законодательный аспект) и выстраивают рабочие межведомственные контакты (организационный аспект), что вместе даёт синергетический эффект. В то же время исследование выявило и сохраняющиеся проблемы: различия в правовых нормах и терминологии, пробелы в криминализации отдельных деяний, технологический разрыв и вопросы оперативности правовой помощи. Для их преодоления предложены конкретные меры – от гармонизации законодательства (внедрения недостающих составов преступлений) до технического совершенствования каналов связи и создания совместных информационных ресурсов.

В результате, можно заключить, что взаимодействие Российской Федерации и Кыргызской Республике в противодействии киберпреступности имеет прочный международно-правовой фундамент и демонстрирует позитивную динамику. Оно способствует укреплению правопорядка в цифровой сфере на пространстве двух государств и региона в целом. Реализация данных в работе рекомендаций позволит повысить эффективность этого взаимодействия, сделать его более проактивным, предсказуемым и устойчивым перед лицом быстро эволюционирующих киберугроз. Опыт сотрудничества Российской Федерации и Кыргызской Республике может служить моделью для других государств, стремящихся наладить двустороннее партнерство в борьбе с транснациональной киберпреступностью на основе доверия, взаимной выгоды и уважения суверенитета.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (ред. От 23.07.2025) (с изм. И доп., вступ. В силу с 03.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. №25. Ст. 2954.

2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.07.2025 г.) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/3548/ru

3. Закон Кыргызской Республики от 17 июля 2024 года № 121 «О кибербезопасности Кыргызской Республики» [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://cert.gov.kg/ru/legislation/

4. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности (Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243.

5. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS N 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://base.garant.ru/4089723/.

6. Соглашение о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий (Душанбе, 28 сентября 2018 г.) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://base.garant.ru/72087644/

7. Крысанов А.В. Международное сотрудничество: общетеоретическое и правовое измерение // Вестник экономики, управления и права. – 2018. – № 4 (45). – С. 23-28.

8. МВД оценило ущерб от IT-преступлений в 81 млрд руб.: С начала года ведомство заморозило на счетах кибермошенников 16 млрд руб. // Право ру. 2025. 18 июн.

9. МВД: Из зарегистрированных 1 600 киберпреступлений раскрыто меньше половины [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://media.kg/news/mvd-iz-zaregistrirovannyh-1-600-kiberprestuplenij-raskryto-menshe-poloviny/.

10. Мушкет И.И., Громская Н.А. Роль МПА СНГ в создании единого правового пространства на территории Содружества // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2025. – № 1 (66). – С. 27-36.

11. Павлова А.А., Игнатьева Т.И. Проблемы международного сотрудничества и законодательство отдельных стран в борьбе с компьютерной преступностью: сравнительный анализ // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 601-608.

12. Число киберпреступлений в Кыргызстане увеличилось, но статистика засекречена // Институт медиа полиси. 2024. 18 июл.

Айвазян Н. С.[1]***,***
студент Российского государственного
университета правосудия

Научный руководитель:
Парфененко Е. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия,
кандидат филологических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СФЕРЕ МИГРАЦИИ

Современная миграция - сложное явление, которое тесно связано с вопросами прав человека, безопасности и независимости. Необходимость борьбы с нелегальной миграцией, перемещением людей и другими международными опасностями делает сотрудничество разных стран не только полезным, но и жизненно важным.

Считается, что первое определение миграции было дано Эрнстом Георгом Равенштейном, который был британским географом и картографом. Он сказал, что миграция - это временная или постоянная смена места жительства человека. Сегодня мы можем сказать, что миграция – «процесс перемещения людей через внешние и внутренние территориальные границы, сопровождаемый сменой места жительства на определенное время или навсегда, независимо от тех факторов, которые послужили причиной такого перемещения» [1, с. 101].

Существует несколько классификаций миграции. Прежде всего, важно отметить добровольную миграцию, которая означает, что человек меняет свое местоположение добровольно. Полная противоположность этому -вынужденная миграция, то есть человек меняет свое местоположение недобровольно. Следующая классификация - легальная и нелегальная миграция. Легальная миграция заключается в том, что человек меняет свое местонахождение в соответствии с законодательством, например, при пересечении границ двух стран. Концепция нелегальной миграции полностью противоположна. Другими видами миграции являются внутренняя и международная миграции. Внутренняя миграция - это когда люди перемещаются внутри одной страны, а международная - это когда они мигрируют из одной страны в другую.

«В настоящее время проблема международного сотрудничества в борьбе с нелегальной миграцией, торговлей людьми и незаконным ввозом мигрантов становится особенно актуальной. Это связано с тем, что нелегальная миграция характеризуется трансграничным характером, с нарушением внутреннего законодательства о въезде, пребывании или выезде иностранного гражданина. Другими словами, глобализация проявилась в большей степени именно в крими-

[1] © Айвазян Н. С., 2025.

нальной сфере» [2, с.224]. Для того чтобы эффективно бороться с преступностью, вызванной миграцией, правоохранительным органам необходимо стандартизировать методы борьбы с нелегальной миграцией и как можно быстрее обмениваться информацией, поскольку современные технологии позволяют преступникам быстро обмениваться информацией между собой, даже в том случае, если члены преступной группы находятся в разных странах.

Важно упомянуть последствия нелегальной миграции. Поскольку нелегальная миграция нарушает законодательство Российской Федерации, она наносит огромный ущерб экономике нашей страны. Низкооплачиваемые, неэффективные рабочие места не стимулируют внедрение нового оборудования и технологий и не способствуют повышению производительности труда в российской экономике. Еще одна большая проблема, связанная с нелегальной миграцией, заключается в том, что нелегальные мигранты получают зарплату, не будучи официально трудоустроенными. По подсчетам Министерства внутренних дел, мигранты зарабатывают и после этого увозят на родину около 15 миллиардов долларов. Без всяких сомнений можно сказать, что это значительно снижает рост российской экономики.

Совершенствование и модернизация правового регулирования отношений в сфере миграции является одним из «основных направлений реализации государственной политики, в том числе и в связи с обеспечением миграционной безопасности» [3, с 358]. Из-за этого, институт миграционной безопасности является многоаспектным явлением.

В настоящее время Россия сотрудничает со многими международными организациями. Среди них:

1.Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Эта организация уполномочена руководить и координировать международные действия по защите беженцев и решению проблем беженцев по всему миру.

Россия является участницей Конвенции о статусе беженцев 1951 года, что обеспечивает правовую основу для сотрудничества. Кроме того, УВКБ ООН обеспечивает офис в Москве.

2. Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) является мировым лидером в борьбе с наркотиками, транснациональной организованной преступностью и терроризмом. Российские правоохранительные органы часто участвуют в региональных программах УНП ООН для Восточной Европы и Центральной Азии. Например, проекты, направленные на укрепление сотрудничества между странами СНГ в расследовании случаев торговли людьми. Кроме того, УНП ООН регулярно участвует в дискуссиях по вопросам миграции и борьбы с торговлей людьми в России.

3. Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Членами этого союза являются Россия, Казахстан, Беларусь, Армения, Кыргызстан. Граждане этих стран не нуждаются в разрешениях на работу, имеют равные трудовые права, и их пенсии тоже равны.

Почему вопросы миграции сегодня особенно актуальны? В целом, проблемы, связанные с миграцией, сегодня достаточно актуальны, поскольку только в

наши дни они приобрели системный и глобальный характер. Никогда в истории миграционные потоки не были столь масштабными и не затрагивали все континенты одновременно. Согласно отчетам ООН, число международных мигрантов в мире превысило 280 миллионов человек. Таким образом, последствия миграции ощущают не только страны, куда направляются мигранты, но и страны, из которых они уезжают. Более того, я могу сказать, что, если правоохранительные органы одной страны эффективно решают миграционные вопросы, значит, эти правоохранительные органы активно взаимодействуют с правительством той страны, откуда люди уезжают.

Второй причиной, по которой миграционные проблемы особенно актуальны сегодня, являются военные конфликты. Например, война между Израилем и Палестиной. Беженцы из этих стран страдают от отсутствия еды, крова и безопасности, поэтому они вынуждены покидать места своего проживания. Соседним странам ничего не остается кроме того, как ужесточить пограничный контроль. В этом случае мигранты вынуждены совершать преступления, чтобы выжить.

Когда речь заходит о путях решения проблем, связанных с миграцией, необходимо сказать, что все страны должны забыть о войнах. Если все население мира будет жить в гармонии, у людей не будет причин менять место жительства. Более того, правительствам всех стран необходимо разработать единое законодательство. В этом случае не будет разногласий по поводу способов наказания преступников. Возможно, необходимо создать единую международную информационную платформу, как базу данных, где будет храниться информация от пограничных, миграционных, налоговых служб и органов МВД разных стран. Это поможет отслеживать перемещения и выявлять правонарушения мигрантов, благодаря чему количество преступлений в этой сфере значительно снизится.

Подводя итог, нужно сказать, что сегодня миграционные проблемы чрезвычайно сложны. Правоохранительные органы всех стран должны объединиться и найти решения для этих проблем. На мой взгляд, важно соблюдать баланс между регулированием преступной деятельности мигрантов и обеспечением их безопасностью, необходимым образованием, здравоохранением и крышей над головой.

Список литературы

1. А.С. Брылева «Концепция миграции населения: доктринальные и законодательные аспекты» 2021 // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-migratsii-naseleniya-doktrinalnyy-i-zakonodatelnyy-aspekt

2. Максименко Е.И., Ляшенко П.В. «К вопросу международного сотрудничества правоохранительных органов в России и зарубежных странах по вопросам миграции // Право и государство: теория и практика.» 2023. № 12(228). С. 224-226. // URL: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_12_224.

3. Трифонова К. В. и Трифонов С. Г. «Особенности взаимодействия правоохранительных органов в сфере миграционной безопасности» 2022 // URL:https://sn-law.cfuv.ru/wp-content/uploads/2022/08/46.-TrifonovaTrifonov.pdf

4. Кристина В. Трифонова и Евгения В. Тутинас «К вопросу о взаимодействии правоохранительных органов в сфере миграции» 2022 // URL: https://правопорядок74.рф/files/content/33/LEGAL_ORDER_2022_2_49-55.pdf

5. «Palestine plan of partition with economic union – General Assembly resolution 181 (II) Future government of Palestine» 2024 // URL: https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-185393/

Балюк Е. Г.[1]***,***
слушатель факультета
подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бондарь Е. О.,
заместитель начальника
кафедры административного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Деятельность Организации Объединённых Наций в области поддержания мира и международной безопасности представляет собой сложный комплекс политико-правовых, организационно-административных и идеологических институтов, сформировавшихся в ходе более чем семидесятилетней практики многостороннего взаимодействия государств. Миротворческие операции ООН эволюционировали от формально-нейтральных мандатов по разделению сторон конфликтов к многоаспектным миссиям, совмещающим военную составляющую с гражданскими, полицейскими и институциональными задачами, что предъявляет особые требования к их административно-правовому обеспечению и правовой устойчивости [1; 20].

Правовая основа миротворчества Организации заложена в Уставе ООН, в котором Совет Безопасности наделён полномочиями определять наличие угрозы международному миру и принимать меры для её устранения, включая санкции и применение силы в рамках главы VII [1]. Правовой инструмент мандата, формируемый решениями Совета Безопасности, одновременно выступает источником международно-правовой легитимации миссий и основой для их административного развертывания, кадрового обеспечения и материально-технического снабжения. Практика показывает, что формулировки мандатов и степень детализации задач напрямую влияют на оперативную гибкость миссий и на возможности их правовой защиты перед принимающими государствами [4; 5].

Административно-правовое обеспечение миротворческих операций включает несколько взаимосвязанных элементов. Во-первых, это механизм принятия мандата, где политическое решение Совета Безопасности сопровождается подготовкой обоснований, правовых заключений и инструкций для Секретариата

[1] © Балюк Е. Г., 2025.

ООН. Во-вторых, это регламентация взаимоотношений с принимающим государством, закрепляемая в специальных соглашениях о статусе миссии, которые определяют правовой иммунитет персонала, порядок перемещений и взаимодействия с национальными органами власти. В-третьих, это внутренняя администрация Секретариата: структура Департамента миротворческих операций и подразделения, ответственные за планирование, логистику, подбор персонала и финансовое администрирование [3; 20].

Реформирование миротворческих операций, инициированное в начале XXI века, выявило системные административно-правовые пробелы и предложило конкретные рекомендации по их устранению. В докладе Панели по операциям поддержания мира (Доклад Брахими) подчёркивается необходимость реформирования процедур мандатирования, повышения оперативного планирования и укрепления взаимодействия между политическими, военными и гражданскими компонентами миссий [3]. Практическая реализация этих рекомендаций потребовала изменений в административных процедурах Секретариата, создании более чётких стандартов подготовки мандатов и усилении механизмов подотчётности [17]. Однако трансформация административной практики сталкивается с политическими и бюджетными ограничениями и различиями в трактовке мандатов государствами-членами [16].

Международная правовая среда последних двух десятилетий претерпела качественные изменения в связи с формированием и внедрением доктрины «ответственности защищать» (Responsibility to Protect). Включение этой идеи в итоговый документ Всемирного саммита 2005 года закрепило международную морально-политическую предпосылку для более активного использования коллективных механизмов при предотвращении массовых преступлений [2]. Появление R2P повлияло на юридическую аргументацию при выработке мандатов, особенно в ситуациях, где требуется защита гражданского населения и вмешательство в целях предотвращения геноцида и этнических чисток. При этом сохраняется сложность баланса между суверенитетом принимающих государств и обязанностями международного сообщества [13].

Российская научная школа уделяет особое внимание необходимости учитывать региональные и национальные особенности при формулировании мандатов и реализации миротворческих задач. В отечественной доктрине подчёркивается важность юридической ясности статуса миротворцев, координации между ООН и региональными организациями и сочетания политико-дипломатических и административно-правовых мер [9; 10; 11]. Российские исследователи отмечают, что недостаточная правовая определённость нередко усугубляла административные затраты и снижала результативность операций.

Ключевой административно-правовой проблемой остаётся финансирование миротворческой деятельности и прозрачность расходования средств. Бюджетные ограничения и задержки выплат осложняют планирование, приводят к дефициту ресурсов и ограничивают мобильность миссий. Финансовая неустойчивость делает административные процессы уязвимыми перед изменениями в

политике стран-доноров и требует разработки более гибких инструментов и жестких стандартов отчетности [16; 17].

С точки зрения российского правового порядка, международные договоры и общепризнанные нормы международного права являются составной частью правовой системы и обладают приоритетом в случае противоречия с нормами национального законодательства [6; 7]. Это положение создает основу для участия России в многосторонних инициативах и определяет рамки взаимодействия национальных органов с международными структурами.

Перспективы развития административно-правового обеспечения миротворчества связаны с интеграцией политических и операционных процессов, созданием гибких механизмов мандатирования, совершенствованием соглашений о статусе миссий и повышением финансовой устойчивости операций. Российские ученые подчеркивают необходимость учитывать опыт последних миссий, развивать сотрудничество с региональными партнерами и выстраивать правовые процедуры, способные работать в условиях гибридных конфликтов [8; 15; 18].

В заключение, административно-правовые аспекты деятельности ООН по поддержанию мира и безопасности находятся на пересечении международного права, внутреннего законодательства государств-членов и практики многосторонней политики. Их совершенствование требует согласованных усилий на уровне Совета Безопасности, Секретариата и национальных правовых систем, с учетом рекомендаций экспертов и научных школ [9].

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций. Принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. // Собр. законодательства РФ. – 2005. – № 48. – Ст. 5489.

2. United Nations Peacekeeping. Principles and Guidelines. – New York: UN Department of Peacekeeping Operations, 2008. – 95 p.

3. Резолюция Совета Безопасности ООН 1674 (2006) «О защите гражданского населения в вооруженных конфликтах» от 28 апреля 2006 г. – Нью-Йорк: ООН, 2006.

4. Резолюция Совета Безопасности ООН 1973 (2011) по ситуации в Ливии от 17 марта 2011 г. – Нью-Йорк: ООН, 2011.

5. Доклад Панели по операциям ООН по поддержанию мира («Доклад Брахими»). Док. ООН A/55/305–S/2000/809 от 21 августа 2000 г. – Нью-Йорк: ООН, 2000.

6. Фролова Н. Н. Миротворчество ООН: эволюция концепции и современные вызовы // Международная жизнь. – 2019. – № 5. – С. 45–58.

7. Российский совет по международным делам. Доклад «Будущее миротворческих операций ООН и роль России». – М.: РСМД, 2021. – 42 с.

8. Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1 от 24 октября 2005 г. – Нью-Йорк: ООН, 2005.

9. Киселев В. В. Административные механизмы реализации мандатов ООН по поддержанию мира // Международное право и международные организации. – 2018. – № 3. – С. 34–47.

10. Богатырев А. В. Миротворческая деятельность ООН: международно-правовые основы и практика. – М.: Юридическая литература, 2017. – 284 с.

11. Геворгян К. Х. Правовые аспекты миротворческих операций ООН // Журнал российского права. – 2019. – № 6. – С. 72–83.

12. Дудко И. С. Миротворческая деятельность ООН: проблемы административного и правового регулирования // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – № 4. – С. 55–64.

13. Лукин А. В. Россия и ООН: современные вызовы и возможности сотрудничества // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 2. – С. 92–105.

14. Авакьян С. А. Международное право и национальные интересы России: коллизии и решения. – М.: Норма, 2019. – 368 с.

15. Панов В. П. Правовые аспекты деятельности ООН по поддержанию международного мира и безопасности. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2016. – 312 с.

16. Chesterman S. You, The People: The United Nations, Transitional Administration, and State-Building. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 295 p.

17. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм. и доп.) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

18. Федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

Батоев В. Б.[1]***,***
старший научный сотрудник
отдела специальной техники
оперативно-технических подразделений
центра средств и систем связи
ФКУ НПО «Специальная техника и связь»
МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Актуальность избранной темы обусловлена постоянно нарастающими темпами цифровой трансформации всех сфер организации общественных процессов, в том числе охватывающей практически все сферы общества, экономики и государственного управления с сопутствующим созданием новых возможностей удовлетворения человеческих потребностей и уязвимостей в информационном пространстве. Киберпреступность, как феномен современной эпохи, представляет собой совокупность преступных деяний, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, направленных на нарушение общественной, экономической и информационной безопасности общества и государства. В условиях цифровизации киберпреступность отличает наличие признаков трансграничности на фоне всеобъемлющего охвата сети Интернет и совершенствовании способов обмена цифровой информацией. Безусловно, для организации эффективной борьбы с киберпреступностью необходимо не только совершенствование законодательных, технических, организационных, материальных и кадровых основ, но и развитие международного сотрудничества в целях координации действий, обмена передовым опытом и эффективными практиками нейтрализации киберугроз.

Проблематика киберпреступности приобретает все более острую социальную, экономическую и политическую значимость. Изучение мировой практики показывает, что только прямой экономический ущерб от киберпреступлений в 2025 году может превысить десятки триллионов долларов; формы преступлений варьируются от совершения дистанционных мошенничеств и кражи личных персональных данных до кибертерроризма и саботажа критической инфраструктуры. При этом активное развитие технологий искусственного интеллекта, Интернета вещей, больших данных и др. создают новые уязвимости, требующие коллективных ответных мер на транснациональном уровне.

Общеизвестно, что многообразие и сложность современных киберугроз выходят за рамки национальных юрисдикций. Многочисленные исследования подчеркивают необходимость создания устойчивых международных механизмов скоординированного обмена информацией, судебного, следственного и оперативно-розыскного взаимодействия, а также единого правового простран-

[1] © Батоев В. Б., 2025.

ства для борьбы с IT-преступлениями. Важно понимать, что несмотря на сложнейшую геополитическую ситуацию в мире изоляция в сфере киберпреступности непременно приведет к созданию уязвимостей в вопросах обеспечения международной безопасности, а также увеличению технологического разрыва между странами.

Основным документом по линии международного законодательного регулирования вопросов противодействия киберпреступности является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185, Будапешт, 23 ноября 2001 г.), детализирующая принципы уголовного законодательства по киберпреступлениям. Помимо данной конвенции в качестве универсального стандарта, влияющего на законодательство многих стран является Конвенции Организации Объединенных Наций против киберпреступности (Принята резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 г.), которая расширяет список стран-участников, устанавливает усиленные нормы защиты и технического сотрудничества, а также акцентирует внимание на правах человека и возможностях помощи развивающимся государствам. В дополнение существуют региональные инициативы, включая соглашения стран СНГ [4], Европейского союза и других международных институтов, направленные на углубление сотрудничества и гармонизацию подходов к выявлению и пресечению киберпреступлений [3]. Тем не менее, в настоящее время отсутствуют единые мировые стандарты и дипломатические механизмы в вопросах противодействия киберпреступности, что существенно усугубляет эффективное международное противодействие киберугрозам [1].

Будапештская конвенция о противодействии киберпреступности определяет состав киберпреступлений и устанавливает правовые нормы для уголовного преследования, включая несанкционированное проникновение, искажение данных, киберфрод и нарушения авторских прав; регламентирует процессуальные аспекты сбор доказательств и вопросы международного сотрудничества правоохранительных органов по линии оперативного реагирования. Главная задача данной конвенции заключается в унификации национальных законодательств стран-участников в целях формализации и ускорения трансграничного взаимодействия, способствующего повышению результативности борьбы с IT-преступностью.

Особое значение имеют положения конвенции об оказании международной правовой помощи, механизмах сдерживания и трансграничном доступе к информации, в частности статья 32b о трансграничном доступе к данным, являющаяся предметом непрекращающихся споров в международном праве. Указанная конвенция ратифицирована большинством европейских стран и рядом других государств. Здесь важно отметить, что государства с активной цифровой индустрией и собственными национальными интересами, такие как Российская Федерация (далее – РФ) и Китайская Народная Республика, к ее подписантам не относятся. РФ не приемлет положения статьи 32b, которая допускает возможность правоохранительных органов одного государства-участника проводить оперативно-розыскные мероприятия и следственно-судебные действия на

каналах электросвязи, а также получать общедоступный доступ к электронным данным, расположенным в юрисдикции другого государства без согласия последнего. Данная возможность воспринимается РФ в качестве потенциальной угрозы национальному суверенитету, безопасности граждан, информационных систем и критической инфраструктуры.

Нормы отечественного законодательства демонстрируют концептуальную позицию, ориентированную на защиту национального суверенитета при сохранении необходимости развития международного сотрудничества. РФ выступает за создание международных институтов, где сотрудничество строится на принципах взаимного уважения, прозрачности и не вмешательства во внутренние дела государств. Отечественные специалисты и эксперты выявили противоречия в положениях статьи 32b конвенции с нормами национального законодательства. В результате обсуждений и экспертиз принято решение об отказе от ратификации документа в предложенной редакции с целью защиты конституционных норм российского законодательства.

Международные эксперты указывают на отсутствие четких гарантий безопасности и контроля доступа к данным, что ставит под угрозу права на неприкосновенность частной жизни и суверенитет любого государства. Положения статьи 32b вызывают опасения относительно возможности злоупотреблений и неконтролируемого трансграничного доступа к критически важной информации, что требует пересмотра и выработки новых, сбалансированных механизмов [2].

В связи с этим РФ обеспокоена тем, что отсутствие контроля приводит к угрозе национальной безопасности и нарушению прав российских граждан на неприкосновенность частной жизни, тайну телефонных переговоров и др. Трудно не согласиться с тем, что превышение полномочий иностранных правоохранительных органов и трансграничный доступ без согласия национальных властей в каналам электросвязи является существенным препятствием для обеспечения суверенитета РФ. Применение механизма трансграничного доступа без взаимного согласия может спровоцировать несанкционированное вмешательство, утечки важных государственно значимых и личных данных, а также повысить риски шпионажа, кибершпионажа и др.

Правовая аргументация отказа РФ от ратификации данной конвенции (Распоряжение Президента Российской Федерации от 22.03.2008 г. № 144-рп) основана на положениях Конституции РФ, в нормах которой предусмотрено верховенство конституционного права над международным законодательством, а также приоритет защиты прав и свобод человека и гражданина. Более того, в ряде Пленумов Конституционного Суда РФ (Постановление № 13-П от 14.07.2008 г., Постановление № 27-П от 23.06.2024 г. и др.) отмечено о приоритете Конституции РФ над международными договорами, а также применении международных норм в национальном праве с учетом суверенных интересов.

Несмотря на это, РФ предложила свою альтернативную инициативу. В виде проекта международной конвенции, в котором особое внимание уделяется соблюдению суверенитета и национальным интересам по линии осуществления

контроля за информационными ресурсами с одновременным исключением механизмов неконтролируемого трансграничного доступа с акцентом на необходимость взаимного уважения и защиты прав и свобод человека и гражданина. РФ активно выражает необходимость поддержки инициатив по созданию центров координации, развитию обмена информацией между правоохранительными органами на основе многосторонних соглашений СНГ, БРИКС и других международных форматов, а также обоснованном внедрении технических и правовых мер безопасности. Разработанный РФ проект международной конвенции, направленный на обеспечение кибербезопасности с учетом суверенитета предусматривает юридическую фиксацию принципов суверенного контроля за цифровыми активами, механизмов согласования действий при международных расследованиях, усиление мер защиты гражданских прав, а также сбалансированность сотрудничества и национальной безопасности [5].

В отличие от Будапештской конвенции отечественный проект международной конвенции предусматривает более строгие критерии и достаточно прозрачные процедуры, что в совокупности обеспечивает формирование прочной основы при принятии компромиссных решений с учетом интересов всех задействованных сторон. Здесь же добавим, что РФ последовательно работает над укреплением международного сотрудничества при сохранении собственного суверенитета. Важным направлением является формирование правовой базы, способствующей прозрачности, ответственности и взаимному уважению при решении задач обеспечения кибербезопасности. Это подчеркивает необходимость пересмотра противоречивых международных механизмов и важность выработки новых более гибких и инклюзивных норм в целях обеспечения развития международного права и практики многостороннего равноправного взаимодействия в сфере противодействия киберпреступности.

Тем не менее, с учетом неразрешенности в вопросах правового регулирования общественных отношений в международном киберпространстве (отсутствие единого понятийного аппарата, разрозненность государств в части цензурирования сети Интернет и др.) Конвенция ООН против киберпреступности (2024 г.) с большой вероятностью очередным камнем преткновения в позициях государств, вместо заявленного компромисса [6, с. 122].

Думается, что в условиях динамичного развития цифровых технологий и роста киберпреступности международное сотрудничество выступает одним из основных инструментов создания эффективной единой платформы противодействия криминальным проявления на наднациональном уровне. При этом важно сохранять баланс между эффективностью борьбы с угрозами и соблюдением норм национального законодательства как по линии обеспечения суверенитета, так и защиты прав и свобод человека и гражданина. Отечественный опыт показывает, что только скоординированный подходи равноправный диалог, учитывающий национальные особенности и международные стандарты, способен обеспечить построение эффективной системы противодействия киберпреступности в глобальном цифровом пространстве.

Список литературы

1. Горелик И.Б. Международно-правовое противодействие киберпреступности: процесс формирования и проблемы управления // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 1 (12). С. 87-104.

2. Лазаренкова И.Ю. Международно-правовые механизмы противодействия транснациональной киберпреступности: вызовы унификации и проблемы имплементации в национальные правовые системы // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 2-1. С. 69-83.

3. Новичкова Е.Д. Международно-правовые инструменты борьбы с киберпреступностью // International Law Journal. 2022. Т. 5. № 4. С. 133-138.

4. Трофимцева С.Ю. Организация противодействия киберпреступности: сравнительный анализ процессуальных рекомендаций Будапештской конвенции и законодательства СНГ // Евразийский юридический журнал. 2020. № 11 (150). С. 245-247.

5. Трофимцева С.Ю. Международное уголовно-правовое противодействие киберпреступности: к вопросу об «устаревании» Будапештской конвенции // В сборнике: Фундаментальные проблемы информационной безопасности в условиях цифровой трансформации. сборник докладов II Всероссийской научной конференции (с приглашением зарубежных ученых). Ставрополь, 2020. С. 22-27.

6. Штодина Д.Д. Конвенция организации объединенных наций против киберпреступности 2024 года - итог «киберкомпромисса»? // Московский журнал международного права. 2025. № 1. С. 110-124.

***Батурина Е. В.*[1],**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ С АБХАЗИЕЙ И ЮЖНОЙ ОСЕТИЕЙ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В КОНТЕКСТЕ ИХ ОГРАНИЧЕННОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ

Проблема незаконного оборота наркотических средств представляет собой одну из наиболее острых угроз глобальной безопасности и стабильности.

В условиях транснационального характера этой угрозы международное сотрудничество становится неотъемлемым элементом эффективного противодействия [1]. Однако в случае республик Абхазия и Южная Осетия международно-правовой контекст сотрудничества оказывается сложнее из-за ограниченного международного признания республик [2].

На сегодняшний день независимость Абхазии и Южной Осетии признана лишь несколькими государства: Россией, Никарагуа, Венесуэлой, Сирией и Науру. Таким образом, Абхазия и Южная Осетия не обладают полноправным статусом участников международных договоров, включая ключевые международные конвенции в сфере борьбы с наркотиками: Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 года [3], Конвенцию о психотропных веществах 1971 года [4] и Конвенцию ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [5], и не могут напрямую взаимодействовать с международными организациями, в том числе ООН и ее специализированными агентствами, такие как Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC).

Указанные обстоятельства порождают правовые коллизии и вызывают вопросы относительно сотрудничества с республиками в сфере борьбы с наркотрафиком, а именно:

- невозможность легитимного экстрадиционного сотрудничества с третьими странами;

- отсутствие доступа к международным базам данных и механизмам Интерпол;

- риск признания совместных операций незаконными со стороны международного сообщества, особенно в случае пересечения границ с территорией, контролируемой Грузией.

В условиях отсутствия международного признания Россия выступает основным партнером Абхазии и Южной Осетии. Между сторонами заключен ряд двусторонних соглашений, включая: Договоры о дружбе, сотрудничестве и вза-

[1] © Батурина Е. В., 2025.

имной помощи (2008 и 2015 гг.) [6, 7], а также соглашения о сотрудничестве в борьбе с организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Указанные документы обеспечивают правовую основу для проведения совместных оперативно-розыскных мероприятий; обмена оперативной информацией между правоохранительными органами; усиления пограничного контроля; взаимной правовой помощи при расследовании преступлений.

Кроме того, Россия на регулярной основе оказывает методическую и кадровую поддержку правоохранительным структурам обеих республик, включая подготовку специалистов по вопросам выявления, пресечения и расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

Несмотря на активное взаимодействие в рамках двустороннего сотрудничества, наблюдаются расхождения в правовых инструментах противодействия преступлениям, связанным с незаконным оборотом наркотиков, используемых Российской Федерацией и республиками, что приводит к возникновению ряда трудностей.

К числу таких проблем в рамках сотрудничества с компетентными органами Абхазии относятся:

1. Уголовным кодексом Республики Абхазия не предусмотрена ответственность за незаконный оборот прекурсоров, в свою очередь в российском уголовном законодательстве такая ответственность предусмотрена статьями 228.3 и 228.4 Уголовного кодекса Российской Федерации.

2. В абхазском законодательстве для дополнительной квалификации преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков предусмотрены такие признаки, как крупный и особо крупный размер, в российском законодательстве – значительный, крупный, особо крупный.

3. В Абхазии административная ответственность за нарушения, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, закреплена в отдельных статьях Кодекса Республики Абхазия об административных правонарушениях. В частности: статья 45, предусматривающая наказание за употребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача; статья 100.1 – за отсутствие мер по охране посевов, содержащих наркотические растения, ст. 119 – за управление транспортным средством в состоянии алкогольного либо иного опьянения; статья 172 – за неисполнение родителями или их заменяющими обязанностей по воспитанию и обучению детей. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП России) охватывает значительно более широкий круг правонарушений в сфере оборота наркотиков, включая статьи 6.8, 6.9, 6.9.1, 6.13, 6.15, 6.16, 6.16.1, 10.4, 10.5, 10.5.1, 12.8, 20.20, 20.21, 20.22 КоАП России.

4. Кроме того, значительную роль в профилактике незаконного потребления наркотиков играет механизм правового побуждения наркопотребителей к прохождению профилактических, лечебных и реабилитационных процедур (в рамках части 2.1 статьи 4.1 КоАП России). В соответствии с частью 2.1 статьи 4.1 КоАП России при назначении административного наказания за правонарушения, связанные с нарушением законодательства о наркотических средствах,

психотропных веществах и их прекурсорах, судья вправе возложить на гражданина, признанного больным наркоманией или употребляющего наркотические средства, психотропные вещества без назначения врача, а также новые потенциально опасные психоактивные вещества, обязанность пройти диагностику, профилактические программы, курс лечения от наркозависимости и (или) медицинскую и (или) социальную реабилитацию. При этом за уклонение от прохождения указанных медицинских мероприятий статьей 6.9.1 КоАП России предусмотрены отдельные меры административной ответственности. В частности, такая ответственность наступает в случае, если лицо не посещает или самовольно покинуло медицинскую организацию или учреждение социальной реабилитации либо не выполнило более двух раз предписания лечащего врача.

К основным дивергенциям, создающим правовые и оперативные барьеры для эффективного двустороннего сотрудничества с Южной Осетией, можно отнести следующие аспекты:

1. В уголовном законодательстве Южной Осетии отсутствует пожизненное лишение свободы как вид наказания, в то время как в Российской Федерации оно предусмотрено за наиболее тяжкие преступления, включая отдельные составы, связанные с наркотиками.

2. Санкции за аналогичные преступления в Южной Осетии носят более мягкий характер: например, максимальный срок лишения свободы за незаконный оборот наркотических средств в особо крупном размере составляет 12 лет, тогда как в России – до 20 лет. Кроме того, штрафные санкции в Южной Осетии значительно ниже российских.

3. Важным различием является и отсутствие в законодательстве Южной Осетии административного ареста за потребление наркотиков без цели сбыта, что ограничивает возможности оперативного реагирования на данное правонарушение.

4. В Южной Осетии комплексная система профилактики, реабилитации и социальной реинтеграции лиц, употребляющих наркотики, включающая государственные и негосударственные реабилитационные центры, а также механизмы принудительного лечения по решению суда развита крайне слабо: специализированные реабилитационные учреждения практически отсутствуют, а профилактические программы носят фрагментарный и несистемный характер.

Вышеперечисленные различия не только снижают взаимную правовую совместимость, но и затрудняют координацию совместных правоохранительных и профилактических мер в контексте международного сотрудничества по борьбе с транснациональной наркоугрозой.

С учетом вышеизложенного представляется обоснованным активизировать процесс гармонизации законодательных норм.

В процессе сближения правовых систем Российской Федерации и республик целесообразно опираться на рекомендации, разработанные в рамках СНГ, касающиеся унификации и гармонизации законодательства в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Указанные документы основаны на положениях международных

антинаркотических соглашений, включая Единую конвенцию о наркотических средствах 1961 года (с поправками, внесенными Протоколом 1972 года), Конвенцию о психотропных веществах 1971 года, а также Конвенцию ООН 1988 года о борьбе с незаконном оборотом наркотиков и психотропных веществ.

Интеграция подобных стандартов в законодательство Абхазии и Южной Осетии повысит не только их внутреннюю правовую устойчивость, но и совместимость с международным и региональным законодательством, да в условиях ограниченного признания.

Список литературы

1. Волеводз А. Г., Цыплакова А. Д. Международное полицейское сотрудничество: современная институциональная структура и тенденции развития // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 3. С. 2-6.

2. Васильев М. А. Органы следствия в системе органов государственной власти непризнанных республик на территории бывшего СССР (Южная Осетия, Абхазия, Приднестровская Молдавская республика) // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития Материалы V Всероссийской молодежной научно-практической конференции. – М.: Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. С. 20-26.

3. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года (заключена в г. Нью-Йорке 30.03.1961) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf?ysclid=mg41uxkest905699538.

4. Конвенция о психотропных веществах (заключена в г. Вене 21.02.1971) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/substances1971.pdf?ysclid=mg4535wytj721490494.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf.

6. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Южная Осетия от 17 сентября 2008 г. // Официальный сайт Администрации Президента. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/199.

7. Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 28 мая 2015 г. // Официальный сайт МИД России. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/43713/.

***Безбородова Л. А.*[1],**
доцент кафедры
иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

***Куксов В. А.*[2],**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РФ И ФРГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

«Два величайших народа Европы никогда не могли быть равнодушны друг к другу уже из-за их доминирующей роли на евразийском континенте. Германо-российские отношения всегда характеризовались противоречивыми чувствами, в которых восхищение, неприязнь, страх и романтическая привязанность смешивались, а не чередовались» [1].

Современная преступность приобрела транснациональный и цифровой характер, что объективно требует усиления международного полицейского сотрудничества. Взаимодействие оперативных подразделений органов внутренних дел РФ и ФРГ, как ключевых игроков на европейском пространстве безопасности, имеет стратегическое значение. Однако процессы цифровой трансформации, с одной стороны, предоставляют новые инструменты для совместной работы, а с другой – порождают комплекс правовых, технических и организационных вызовов, требующих глубокого научного осмысления и выработки адекватных ответных мер.

Правовой основой взаимодействия выступают международные соглашения, включая Соглашение между Правительством РФ и Правительством ФРГ о сотрудничестве в борьбе с преступностью от 1993 года [6], а также многосторонние договоры в рамках Интерпола и Европола. Однако цифровизация преступной деятельности требует адаптации существующих правовых механизмов. Особую актуальность приобретают вопросы, связанныес юрисдикцией при расследовании киберпреступлений, порядком получения электронных доказательств и использованием данных телекоммуникационных операторов. Важную роль в практической плоскости играют прямые контакты между полицией Германии (Bundeskriminalamt, BKA) и Национальным центральным бюро Интерпола МВД России.

---

[1] © Безбородова, Л. А., 2025.
[2] © Куксов В. А., 2025.

Ключевым направлением сотрудничества стало противодействие киберпреступности. Российские и германские оперативные подразделения успешно взаимодействуют в расследовании дел, связанных с компьютерным мошенничеством, распространением вредоносного программного обеспечения и противоправным контентом в сети Интернет. Ярким примером эффективного сотрудничества стала совместная операция по пресечению деятельности международной преступной группы, занимавшейся хищениями денежных средств с использованием банковских троянов. В ходе операции были синхронизированы следственные действия на территориях обеих стран, что позволило задержать организаторов преступной схемы.

Цифровая трансформация предоставила новые технические возможности для взаимодействия. Внедрение защищенных каналов связи (таких как система I-24/7 Интерпола), систем видеоконференцсвязи и специализированных платформ для обмена оперативной информацией значительно ускорило процедуры взаимной правовой помощи, сделав их менее зависимыми от географических границ.

Существенным препятствием для углубления сотрудничества остаются различия в правовых системах двух стран. Нормы Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] и Уголовно-процессуального кодекса Германии [3] по-разному регламентируют порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. Особую сложность представляет согласование процедур, связанных с контролем за электронными коммуникациями и доступа к зашифрованным данным. Эти различия требуют разработки компромиссных правовых конструкций, позволяющих эффективно взаимодействовать в условиях цифровой трансформации.

Помимо общих различий в нормах Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] и Уголовно-процессуального кодекса Германии [3], существуют более конкретные коллизии, затрудняющие оперативное взаимодействие. Одной из наиболее острых проблем является различие в подходах к защите персональных данных. В ФРГ и на всем пространстве ЕС действует строгий Регламент GDPR (General Data Protection Regulation) [2], который накладывает существенные ограничения на трансграничную передачу данных, особенно в третьи страны, которые, по мнению Еврокомиссии, не обеспечивают «адекватный» уровень защиты. Российское законодательство (Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных») [5] имеет иную логику и процедуры, что создает «правовой вакуум» для оперативного обмена информацией о подозреваемых, потерпевших и свидетелях.

Еще одним сложным вопросом является институт «контролируемой поставки» в киберпространстве. В случае с физической контрабандой отработаны четкие процедуры. Однако при расследовании, например, распространения вредоносного ПО или фишинговых атак, когда необходимо позволить цифровому вредоносному контенту «пройти» через серверы на территории другой страны для выявления всех участников цепи, правовые основания и процедуры в РФ и

ФРГ не синхронизированы. Это может приводить к срыву операций на их финальной стадии.

Для преодоления существующих барьеров и повышения эффективности совместной работы представляется целесообразным развитие сотрудничества по следующим направлениям:

- разработка дополнительных протоколов к существующим соглашениям, которые бы регламентировали порядок получения электронных доказательств, определения юрисдикции при расследовании киберпреступлений и взаимодействия в условиях использования шифрования;

- внедрение совместимых технических стандартов и платформ для безопасного обмена данными, а также проведение совместных учений по отработке алгоритмов взаимодействия в киберпространстве;

- кадровое и научно-образовательное обеспечение: Разработка и реализация совместных образовательных программ для подготовки специалистов в области киберкриминалистики, цифровой разведки и международного права. Обмен лучшими практиками и преподавателями между учебными заведениями МВД России и полиции Герматия, проведение совместных научно-практических конференций и семинаров будет способствовать формированию общего концептуального подхода к вызовам цифровой эпохи.

Таким образом, цифровая трансформация создает амбивалентную ситуацию для взаимодействия оперативных подразделений России и Германии. С одной стороны, она предоставляет беспрецедентные технические возможности для оперативного взаимодействия, а с другой – обнажает и углубляет существующие правовые и proceduralные различия. Несмотря на это, практика совместных операций по противодействию киберпреступности наглядно демонстрирует как высокий потенциал, так и реальную эффективность такого сотрудничества.

Дальнейшее развитие партнерства требует от сторон политической воли, направленной на поиск компромиссных правовых конструкций, инвестиций в совместимые технологические решения и формирования общего профессионального пространства через совместное образование и науку. Научное осмысление этого динамичного процесса и выработка на его основе практических рекомендаций будут способствовать оптимизации международного полицейского сотрудничества в условиях необратимой цифровой трансформации.

Список литературы

1. Deutschland und Russland – «strategische Partner»? / Электронный ресурс // URL: https://www.bpb.de/shop/zeitschriften/apuz/29872/deutschland-und-russland-strategische-partner/ (дата обращения: 10.10.2025).

2. General Data Protection Regulation / Электронный ресурс // URL: https://gdpr.eu.org/full/ (дата обращения: 10.10.2025).

3. Strafprozeßordnung Bundesrepublik Deutschland / Электронный ресурс // URL: https://www.gesetze-im-internet.de/stpo/ (дата обращения: 10.10.2025).

4. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

5. Федеральный закон «О персональных данных» от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс».

6. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Федеративной Республики Германия о сотрудничестве в борьбе с преступлениями, представляющими повышенную опасность / Электронный ресурс // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46906/ (дата обращения: 10.10.2025).

Безруков Г. Е.*[1]*,
командир отделения
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА УЧАСТНИКОВ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ В ОТДЕЛЬНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Сравнительно-правовой подход к исследованию правового статуса участников вооруженных конфликтов позволяет выявить как универсальные принципы международного гуманитарного права, так и национальные особенности законодательного закрепления статуса военнослужащих, добровольцев и сотрудников правоохранительных органов в условиях войны и военных операций. «Современная задача участников вооруженных конфликтов – обеспечивать добросовестное исполнение принятых обязательств по МГП, что не только привнесет гуманизм в сферу военных действий, но и будет способствовать повышению эффективности МГП в современных условиях формирования нового миропорядка» [1, с. 174]. Анализ законодательства таких государств, как США, Франция и Германия, представляет особую ценность ввиду их активной вовлеченности в международные операции, развитой правовой базы и приверженности международному праву.

В Соединенных Штатах Америки правовой статус участников вооруженных конфликтов регулируется комплексом нормативных актов, включающих U.S. Code, Военный устав США (UniformCode of MilitaryJustice – UCMJ) [2], а также внутренние положения Министерства обороны (Department of Defense – DoD). В соответствии со ст. 10 U.S.C., военнослужащими признаются лица, проходящие службу в одной из ветвей Вооруженных Сил: армии, флоте, военно-воздушных силах, морской пехоте или космических силах [3]. Эти лица в случае конфликта обладают статусом законных комбатантов и, в случае пленения, подпадают под защиту Женевской конвенции III 1949 года.

Особенностью американской модели является высокая степень детализации статуса военнослужащих, включая нормы, регулирующие их поведение в усло-

[1] © Безруков Г. Е., 2025.

виях конфликта (через Rules of Engagement, правила ведения боя), а также обязанности командования. Кроме того, США активно используют контрактников и частные военные компании, однако статус последних в международном праве остается неопределенным.

Значимую роль играют силы Национальной гвардии и полиция, которые могут быть мобилизованы в случае чрезвычайного положения или угрозы безопасности. При этом правовой режим их участия в боевых действиях отличается от статуса регулярных военных и регулируется на уровне штатов и федерального законодательства.

Во Франции правовой статус участников вооруженных конфликтов регулируется нормами Кодекса обороны (Code de ladéfense), а также Кодекса внутренней безопасности (Code de lasécuritéintérieure). Военнослужащие французской армии обладают полным набором прав и обязанностей, связанных с участием в военных действиях, в том числе в составе международных операций (например, в рамках миссий ООН или ЕС).

Французское законодательство признает за военнослужащими статус законных комбатантов и гарантирует соблюдение всех норм международного гуманитарного права. В случае пленения они подпадают под режим военного плена, и за ними сохраняются все положенные государственные гарантии, включая страховые выплаты и правовую защиту.

Интересной особенностью французской системы является правовой режим жандармерии (Gendarmerienationale) – военизированной полиции, находящейся в двойном подчинении Министерства внутренних дел и Министерства обороны. Жандармы имеют воинский статус, проходят службу по военным правилам, но выполняют правоохранительные функции. В условиях войны или чрезвычайного положения они могут привлекаться к ведению боевых операций и в таком случае признаются комбатантами [4].

Правовой статус военнослужащих в Германии регулируется Законом о правовом положении солдат (Soldatengesetz) и Основным законом ФРГ (Grundgesetz). Согласно ст. 87а Основного закона, Бундесвер (Вооруженные силы ФРГ) может использоваться для обороны, а также при введении режима чрезвычайного положения внутри страны. Все военнослужащие, призванные по контракту или по закону, являются легитимными комбатантами.

Германия, как и Франция, четко разграничивает функции полиции и армии. Федеральная полиция (Bundespolizei) и земельная полиция (Landespolizei) в мирное время не могут участвовать в военных действиях, однако в случае военного положения возможна их координация с армией. В отличие от России, в законодательстве ФРГ действует запрет на использование армии для подавления внутренних беспорядков, за исключением крайних случаев (ст. 35 и 87а Основного закона ФРГ) [5].

В дополнение к правовому статусу военнослужащих Германия обеспечивает разветвленную систему социальной и правовой защиты, включая статус ветерана, право на медицинскую помощь, образование и финансовую поддержку.

Также законодательство четко регламентирует поведение солдата в плену и его защиту в соответствии с международным правом.

Сравнительный анализ показывает, что национальное законодательство рассмотренных государств:

1. закрепляют четкий правовой статус военнослужащих как законных комбатантов;

2. имеют развитую систему гарантий и защиты участников вооруженных конфликтов;

3. соблюдают принципы международного гуманитарного права (Женевские конвенции, Гаагское право);

4. разграничивают функции армии и полиции, включая правила вовлечения последних в боевые действия.

При этом, отметим и ключевые отличия, которыми являются:

1. наличие военизированной полиции во Франции (жандармерия) с двойным статусом;

2. высокая степень федерализма и децентрализации в США и Германии;

3. специальный режим регулирования контрактников и частных военных компаний в США.

Таким образом, зарубежный опыт демонстрирует целесообразность четкой законодательной регламентации статуса всех категорий участников вооруженного конфликта, в том числе приравнивания некоторых категорий (например, полицейских и добровольцев) к военнослужащим при определенных условиях.

Список литературы

1. Пузырева, Ю. В. 75 лет Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года: применение в условиях новых вызовов и угроз / Ю. В. Пузырева // Международное и отечественное право : сборник научных статей по итогам VII Севастопольского юридического форума, Севастополь, 03–05 октября 2024 года. – Тюмень: ТюмГУ-Press, 2025. – С. 169-175.

2. Кодекс Соединенных Штатов Америки, Раздел 10 – Вооруженные силы. – Вашингтон, округ Колумбия: Государственное издательство США. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/10.

3. Единый военный устав США (UniformCode of MilitaryJustice – UCMJ), Раздел 10, Глава 47 Кодекса США. – Вашингтон, округ Колумбия: Министерство обороны США, 2023. – URL: https://www.ucmj.us/

4. Кодекс внутренней безопасности Франции (Code de lasécuritéintérieure). – Консолидированная версия по состоянию на 1 января 2025 г. – Париж: Légifrance. – URL: https://www.legifrance.gouv.fr.

5. Закон о статусе военнослужащих Германии от 24 мая 1974 г. (BGBl. I S. 1051), с последними изменениями, внесенными Законом от 12 июля 2023 г. (BGBl. I S. 2046). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/soldg/.

Бибиков А. А.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Удунян В. Р.,
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ООН С МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛ) И МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

На современном этапе развития общества преступность является наиболее актуальной проблемой для многих стран мира, поскольку данное антисоциальное явление стремительно приобретает международный характер. Транснациональная преступность требует создания эффективного механизма правового регулирования и системы международного сотрудничества правоохранительных органов в целях, направленных на борьбу с рассматриваемым явлением. Наиболее эффективным средством борьбы с транснациональной преступностью стало создание Международной уголовной полиции – Интерпол. Важно отметить, что официальное признание Интерпола как межправительственной организацией произошло в 1971 году.

Необходимо отметить, что старые и новые угрозы, вызовы и риски для международного мира и безопасности все чаще проверяют способность и эффективность международных организаций, например, Организации Объединенных Наций (далее – ООН) выполнить свое основное обещание: «спасти грядущие поколения от бедствий и войны». Правоохранительная деятельность ООН на современном этапе осуществляется в рамках сотрудничества с Интерполом и Международным Уголовным судом (далее – МУС) [4, с. 123]. Сотрудничество ООН с Интерполом является неким ключом к выполнению Международным Уголовным судом его мандата.

На сегодняшний день уровень мировой преступности остается достаточно высоким, ввиду чего деятельность мирового центра – Национального центрального бюро (далее – НБЦ) Интерпола осуществляется в рамках программы по борьбе с международными преступлениями, при которой вырабатываются стратегии и тактики борьбы с масштабными преступлениями.

Интерпол, являясь международной организацией, стремится к созданию прочного и эффективного взаимодействия между правоохранительными органами всех государств, независимо от того, заключены между ними дипломати-

[1] © Бибиков А. А., 2025.

ческие соглашения или нет. Каждое государство имеет право самостоятельно назначать орган, осуществляющий свою деятельность с иными государствами, международными организациями, в том числе с ООН. Так, например, в Российской Федерации Указом Президента № 1113 от 30 июля 1996 года утверждено НЦБ Интерпола МВД России. Необходимо отметить, что НЦБ имеет широкое распространение на территории России, что дает возможность наиболее эффективного сотрудничества между субъектами и международными организациями [3; 4, с. 147–150]. Таким образом, НЦБ, функционирующие в регионах являются неким связующим звеном, обеспечивающим механизм борьбы с преступностью. Важно отметить, что Устав Интерпола ограничивает деятельность данной организации, связанную с вмешательством во внутренние дела государства (военного, политического и иного характера). При этом устанавливается ряд первостепенных задач, возлагаемых на Интерпол: 1) мировое сотрудничество международных правоохранительных органов по оказанию содействия в борьбе с преступлениями; 2) обмен информацией, касающейся основных направлений деятельности; 3) Контроль за соблюдением и исполнением международных соглашений и иных документов в рамках осуществления деятельности по борьбе с преступностью [4, с. 134–141].

На сегодняшний день наиболее актуальным и эффективным является международное сотрудничество по обмену оперативной информацией. Так, например, данное направление деятельности позволяет сотрудникам правоохранительных органов всех государств осуществлять не только международный розыск подозреваемых в совершении преступления, но и осуществлять поиски без вести пропавших граждан. Обмен оперативной информацией позволяет правоохранительным органам различных государств искать и выдавать преступников. Совместные усилия государств в рамках международного сотрудничества позволяют ежегодно отыскивать преступников, что является первостепенной целью не только Интерпола, но и ООН.

Двустороннее соглашение о сотрудничестве в области предупреждения преступности и уголовного правосудия было подписано в 1997 году между ООН и Интерполом. Полицейское подразделение Департамента операций по поддержанию мира ООН (далее – ДОПМ ООН) сформировало линию тесного сотрудничества с НБЦ Интерпола принимающих государств, целью которого стало улучшение взаимодействия между правоохранительными органами различных государств [5, с. 28].

При этом в 2006 году генеральный секретарь ООН Кофи Аннан закрепил за ДОПМ ООН ведущую роль в любых вопросах, касающихся работы ООН с полицией и иными правоохранительными органами во всем мире, тем самым санкционировал выход за пределы мандатов миротворческих операций ООН. В некоторых исключительных случаях полицейские мандаты предусматривали замену отсутствующего полицейского и другого правоохранительного потенциала принимающего государства и принятие на себя всего бремени поддержания правопорядка при одновременном создании полиции принимающего государства.

Также в декабре 2006 года с целью оказания помощи персоналу ООН в работе по судебным и правовым вопросам, ДОПМ ООН опубликовал сборник методических материалов по правовому обеспечению в операциях по поддержанию мира [5, с. 28]. Сборник содержал: Советы по повышению эффективности уголовно-исполнительной системы принимающего государства; рекомендации по укреплению национальной правовой базы, обеспечивающей реформирование юридического образования и профессиональной подготовки; рекомендации по укреплению независимости судебной власти; предложения по совершенствованию судебной системы в целом, ее подотчетности и прозрачности; рекомендации по развитию базовой судебной инфраструктуры, расширение доступа общественности к правосудию и внимание к правам жертв.

По итогам сессии 2009 года, где присутствовали представитель ООН, члены Генеральной Ассамблеи Интерпола и сотрудники Интерпола, через год была опубликована «Итоговая декларация» Генеральной Ассамблеи, содержащая план действий для Международного Уголовного суда (далее – МУС). Необходимо отметить, что Международный Суд является главным судебным органом ООН. Его роль заключается в том, чтобы разрешать в соответствии с международным правом юридические споры, представляемые государствами, и давать консультативные заключения по правовым вопросам, переданным ему уполномоченными органами и специализированными учреждениями ООН. Обеспечение полного, надлежащего и своевременного сотрудничества между МУС и государствами, а также межправительственными и неправительственными организациями имеет важное значение для эффективного функционирования Суда. Вопрос о сотрудничестве по своей природе динамичен – он будет меняться по мере изменения нагрузки Суда и по мере развития взаимодействия с внешними партнерами, Отсутствие сотрудничества и помощи может привести к задержкам в расследовании и судебном разбирательстве, а также к увеличению расходов МУС.

Просьбы о сотрудничестве связаны с различными формами помощи, которую Суд может запросить от государств. Правовая база, лежащая в основе сотрудничества, в зависимости от этапов деятельности, прописана в Частях 9 и 10, а также статье 15 (2) Римского Статута [1]. Кроме того, некоторые государства, не являющиеся участниками Конвенции, несут юридическое обязательство в полной мере сотрудничать с Судом в контексте ситуаций на их территориях, согласно резолюции Совета Безопасности ООН, принятой в соответствии с главой VII Устава ООН [4, с. 198]. Можно провести различие между обязательным сотрудничеством – как изложено в Части 9 Римского Статута, а также добровольной помощью и дипломатической поддержкой. Другие формы помощи прописаны в Рекомендациях о сотрудничестве (ICC-ASP/6/Res.) [2]. Эти рекомендации остаются актуальными по сей день и, по мнению Суда, служат полезным руководством для укрепления сотрудничества в рамках МУС.

МУС может иметь положительное политическое влияние и может влиять на внутреннюю политику государств. Например, в Судане угроза действия МУС побудила некоторых политиков дистанцироваться от обвиняемых. Отметим, что

Россия в рамках своей приверженности верховенству права активно сотрудничает с МУС, участвуя в его работе в качестве наблюдателя.

Таким образом, государства и другие организации с каждым годом все больше и больше проявляют готовность сотрудничать с Интерполом и Международным Уголовным судом. Еще одним ключевым элементом для улучшения эффективности работы является всевозрастающая готовность национальных координационных центров, комитетов и других структур к сотрудничеству. Их функция способствует актуализации судебных вопросов в рамках государственных учреждений, обеспечивает доступную точку входа МУС и Интерпола в национальную систему. Кроме того, дипломатическая и общественная поддержка также является приоритетной областью сотрудничества, создавая условия для улучшения и повышения плодотворного взаимодействия между государствами.

Список литературы

1. Римский Статут A/CONF.183/9 от 17 июля 1998 года с изменениями на основе протоколов от 10 ноября 1998 года, 12 июля 1999 года, 30 ноября 1999 года, 8 мая 2000 года, 17 января 2001 года и 16 января 2002 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf.

2. Резолюция об укреплении Международного уголовного суда и ассамблеи государств-участников, Приложение II Рекомендации о сотрудничестве, принятые консенсусом на 7-м пленарном заседании 14 декабря 2007 года; ICC-ASP/6/Res. [Электронный ресурс] URL: https://legal.un.org/icc/asp/2ndsession/report/russian/part_iv_res_7_r.pdf.

3.Инструкция по организации информационного обеспечения по линии Интерпола (утверждена приказом МВД России, Минюста России, ФСБ России, ФСО России, ФСКН России, ФТС России от 6 октября 2006 года № 786/310/470/454/333/971). [Электронный ресурс] URL: https://legalacts.ru/doc/prikazmvdrfn786miniustarf/?ysclid=m7jcao15vo878602560.

4. Овчинский В.С. Интерпол (в вопросах и ответах). – Москва : ИНФРА-М, 2018. 218 с.

5. Жуковский М.В. Участие сотрудников МВД России в международных миротворческих операциях // Право и безопасность. – № 1. – 2021. С. 27-33.

Блинкин В. А.[1]***,***
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И МИГРАЦИЯ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В постоянно развивающимся мире, когда появляются новые технологии, новые алгоритмы, начинают появляться новые способы и методы как облегчить свое существование, порой эти методы не входят в рамки закона и полностью противоречат ему. Поэтому в борьбу начинают вступать правоохранительные органы. Так как данные проблемы приносят колоссальный вред обществу, необходимо обеспечить их незамедлительное устранение, а для этого требуется усилие большого количества специально подготовленных и квалифицируемых специалистов. Именно поэтому критически важно обеспечить не только их грамотное обучение и подготовку, но и специализированное взаимодействие правоохранительных органов по всему миру. Это поможет быстро и четко реагировать на все инциденты, которые возникают ежедневно.

Одной из наиболее сложных и важных проблем, которой необходимо уделить особое внимание, является миграция. Массовое перемещение людей из одной страны в другую может создать некое социальное давление в различных сферах общественной жизни. К примеру, миграция создает определенные удручающие последствия в сфере экономики государства. Приток большого числа мигрантов влечет за собой определенную напряженность, связанную с конкуренцией за рабочие места, жилье, социальные услуги. А это может повлечь за собой рост общественного негодования и межэтнических противоречий. Так же следует отметить, что у государства, которое принимает большое количество мигрантов, возрастает уровень национальных расходов на здравоохранение, образование и другие социальные услуги. Что также может повлечь за собой ряд плачевных последствий. В дополнении к вышесказанному, следует отметить, что из-за различий в традициях, образе жизни и мировоззрения также могут возникнуть определенные несогласия, которые могут привести к межнациональному конфликту. Именно поэтому для правоохранительных органов

[1] © Блинкин В. А., 2025.

поступает вызов, как не допустить возникновения межнациональных конфликтов, а если такой конфликт возник, то принять грамотные решения для его мирного разрешения.

Кроме проблемы миграции, существует такая проблема, как незаконная миграция. Перемещение людей происходит с нарушением законодательства государства, включая незаконный въезд, пребывание и трудовую деятельность. Здесь следует отметить, что незаконная миграция в отличии от миграции, является более опасной и является правонарушением, следовательно, влечет за собой наступление ответственности. Чем же опасна незаконная миграция?

Незаконные мигранты не занесены в реестр контролируемых лиц, следовательно, это усложняет процесс их контролирования, а как следствие увеличивает риск появления в стране криминальных элементов и террористов. Незаконный ввоз мигрантов по своей сути является транснациональным преступлением, поскольку предполагает перемещение людей и получение прибыли через границы. По этой причине для эффективной борьбы с этим преступлением необходимы совместные международные усилия. Миграционный незаконный ввоз – это содействие нелегальному въезду в другую страну в обмен на деньги.

Международное сотрудничество подразумевает совместную работу правительств, организаций и частных лиц для достижения общих целей и решения общих проблем, особенно тех, которые выходят за пределы одной страны и не могут быть решены в ее рамках.

Незаконный ввоз мигрантов – это именно такая проблема. Мигранты начинают свой путь на родине и проезжают через промежуточные страны, чтобы добраться до страны назначения. Борьба с незаконным ввозом мигрантов без сотрудничества между странами такого типа была бы похожа на лечение симптомов, а не причины проблемы.

Контрабандисты, которые часто оказываются на шаг впереди правоохранительных органов, действуют гибко, объединяясь в слабо связанные сети или в высокоорганизованные синдикаты, и постоянно меняют тактику.

Чтобы победить организованную преступность, нужны организованные ответные меры. Страны должны иметь возможность оперативно обмениваться информацией о маршрутах. Существует ряд нормативно правовыз актов.

Протокол ООН о незаконном ввозе мигрантов – основной правовой документ в мире для борьбы с этим преступлением – в качестве одной из своих главных целей предусматривает сотрудничество между странами.

При разработке комплексного подхода к борьбе с этим преступлением необходимо учитывать социально-экономические причины явления незаконного ввоза мигрантов. Международное сотрудничество в уголовных делах является необходимым условием для эффективной борьбы с незаконным ввозом мигрантов. Трансграничный характер этого преступления означает, что нелегальные мигранты и преступники часто являются гражданами других юрисдикций. Однако многие случаи незаконного ввоза мигрантов на международном уровне не расследуются с использованием доступных механизмов международного со-

трудничества. В результате контрабандисты продолжают свою деятельность, не встречая препятствий, просто меняют маршруты, чтобы продолжать свои преступления, или же попадаются только преступники низшего звена, а стоящие за ними криминальные организации остаются безнаказанными.

До тех пор, пока не будут ликвидированы организованные преступные группировки, занимающиеся контрабандой мигрантов, контрабандисты будут продолжать свою деятельность и быстро адаптировать свои методы и маршруты к меняющимся условиям, таким как усиление пограничного контроля или изменения в визовом режиме.

Региональный и межрегиональный подходы должны стать приоритетными. Без тесного сотрудничества между странами назначения, транзита и происхождения внутри регионов и между ними незаконный ввоз мигрантов будет продолжаться, не встречая серьезного противодействия на границе. Во многих случаях национальные и двусторонние меры по борьбе с незаконным ввозом мигрантов приводили лишь к изменению маршрутов в другие страны.

По поводу данного вопроса 6-7 июля 2009 года в Каире был проведен семинар ООН в котором, в основном принимали участия страны востока. Цель семинара заключалась в обмене опытом между арабскими правоохранительными органами и службами безопасности, международными организациями и представителями отрасли для повышения безопасности границ в соответствии с соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН и другими нормами международного права, а также для обеспечения регулярной и безопасной трансграничной мобильности. На семинаре были освещены проблемы и большие возможности, предлагаемые внедрением предварительной информации о пассажирах (API)/записи регистрации пассажиров (PNR), а также решения, такие как юридическая и операционная практика, межведомственное и международное сотрудничество, совместимость систем и сотрудничество с индустрией авиаперевозок. На семинаре также были предложены решения по использованию биометрии в управлении границами. Общей темой трехдневного семинара было сотрудничество в повышении безопасности границ: с правительствами и между ними, а также с международными организациями при их технической поддержке.

Также хочу отметить заседание которое прошло в Душанбе 10 октября 2025 года. По итогам данного мероприятия был подписан пакет документов. В данный пакет входили следующие решения: Решение «О Программе сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в сфере противодействия терроризму и экстремизму на 2026–2028 годы», Решение «О Совместном заявлении глав государств – участников Содружества Независимых Государств о сотрудничестве в борьбе с транснациональной преступностью».

В заключение хочется отметить, что борьба против незаконной миграции является ключевым направлением в современном мире, так как она приносит вред государствам, она замедляет процесс их развития, создавая различные вредоносные последствия. Совместные усилия стран позволят эффективно про-

тивостоять этим негативным явлениям, как незаконный въезд, эксплуатация трудовых мигрантов и другие. Без тесного взаимодействия заинтересованных стран практически невозможно решить данную проблему.

Список литературы

1. Мелихов, М. Г. Правовые основы сотрудничества правоохранительных органов государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности / М. Г. Мелихов, З. С. Заитов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2011. – No 4(20). – С. 32-41. – EDN SFDQQV.

2. Путин В.В. Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008.- 480 с. - ISBN: 978-5-8041-0299-0

3. Steffen Angenendt and Anne Koch. Global Migration Governance and Mixed Flows Implications for Development-centred Policies / Steffen Angenendt. Anne Koch // SWP Research Paper; Stiftung Wissenschaft und Politik German Institute for International and Security Affairs

4. Palgrave Macmillan. The Role of EU Agencies in the Eurozone and Migration Crisis. European Administrative Governance (pp.205-227) / Palgrave Macmillan, Cham.

Борисова Е. В.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Шумилова В. В.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КРИПТОВАЛЮТЫ

На данном этапе развития цифровых активов, в частности криптовалют, для транснациональной экономики открылись новые возможности, однако с этим появились серьезные вызовы для международной финансовой безопасности. Международные организации в своих докладах неоднократно отмечали необходимость разработки глобальных механизмов регулирования оборота цифровых активов, борьбы с их незнакомым использованием. Например, в совместном докладе, подготовленном Контртеррористическим центром ООН при Контртеррористическом управлении ООН и Интерполом, указывается на риски терроризма, связанные с использованием новых технологий, в том числе криптовалют [1]. На это обстоятельство указывают и многие исследователи, отмечая, что криптовалюты нередко используются криминальными структурами в целях осуществления преступной деятельности [5, с. 83]. Кроме того, в докладе, подготовленном Банком России, также отмечаются основные проблемы, с которыми сталкиваются государства в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, совершенных с использованием криптовалюты [7].

Актуальность темы составляют анонимность, псевдонимность и скорость операций, которые сделали криптовалюты привлекательными для использования в преступной деятельности, в том числе для отмывания преступных доходов и финансирования терроризма.

Основной опасностью преступной деятельности с использованием криптовалют и цифровых финансовых активов составляет природа данных механизмов. В Белой книге или научном исследовании Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System, актором которого является человек или группа лиц под псевдони-

[1] © Борисова Е. В., 2025.

мом Satoshi Nakamoto, разработал протокол криптовалюты «биткойн» и создал первую версию программного обеспечения, в котором этот протокол был реализован, определяет криптовалюту как общее название цифровых валют, использующих технологию блокчейн для функционирования на одноранговой основе [11]. В свою очередь механизм блокчейна обладает следующими признаками:

1. Анонимность или псевдонимность. Несмотря на то, что блокчейн представляет собой публичный реестр, идентификация пользователей, осуществляющих транзакции, затруднена за счет отсутствия дополнительных сведений.

2. Транснациональный характер. Операции с криптовалютами не ограничены государственными границами, позволяя за короткий период времени перемещать средства между юрисдикциями с различным регулированием.

3. Децентрализация систем. Отсутствие единого центрального органа контроля усложняет применения традиционных мер регулирования и надзора.

На сегодняшний день мировое сообщество формирует комплексную систему международно-правового регулирования, направленную на противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных с использованием цифровых активов, и финансированию терроризма.

На универсальном уровне в рамках Организации Объединенных Наций (далее – ООН), ключевым нормативным актом, регулирующим борьбу с финансированием терроризма, является Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма, принятая в 1999 году. Данный документ устанавливает правовые рамки для сотрудничества государств в сфере противодействия финансовым потокам, направленным на поддержку террористических организаций.

Кроме того, следует упомянуть Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, принятую в 2000 году. Данный международный договор направлен на противодействие организованной преступности в глобальном масштабе, включая положения, касающиеся финансирования преступных групп, что делает его важным инструментом в борьбе с финансированием деятельности террористических организаций.

Международные нормативные акты, включая вышеупомянутые, разработанные и принятые в рамках ООН, формируют фундаментальную базу для сотрудничества в сфере противодействия финансирования терроризма.

В рамках темы международного сотрудничества в сфере противодействия преступности нельзя не отметить значимость Международной организации уголовной полиции – Интерпол (далее – Интерпол). В структуре Интерпола существуют специализированные подразделения, деятельность которых направлена на противодействия легализации (отмыванию) доходов от преступлений и финансированию терроризма, совершенных с использованием криптовалюты. Как один их примеров можно выделить отдел по борьбе с финансовыми преступлениями и коррупцией. Сотрудники данного подразделения занимаются выявлением новых способов отмывания средств, таких как использование криптовалют, децентрализованных финансов, токенов для легализации преступных доходов [5]. Помимо этого, в Сингапуре, располагается глобальный

центр инноваций Интерпола, который занимается исследованием и разработкой передовых технологий, включая анализ криптовалют и блокчейн-систем [6].

Использование таких технологий вызывает серьезную обеспокоенность на глобальном уровне, поскольку подрывается доверие к финансовым системам. В ответ на эти вызовы мировое сообщество активно разрабатывает комплексную систему международно-правового регулирования, направленную на борьбу с легализацию (отмыванием) денег и финансированием терроризма через цифровые активы. Помимо указанных универсальных международных организаций международное сотрудничество в сфере борьбы с легализацией и финансированием терроризма с использованием криптовалют осуществляется в рамках:

- ФАТФ (Financial Action Task Force) – это одна из ведущих организаций в данной сфере, деятельность которой направлена, как отмечает Я.М. Хаминский, на «координацию международных усилий по противодействию легализации преступно полученных доходов в финансовом секторе, а также с целью рассмотрения дополнительных превентивных мер в этой области» [10, с. 9]. В ее состав по итогам 2024 года входят 39 стран-участников и 2 региональные организации. (В 2023 году было принято решение приостановлении участия Российской Федерации в данной организации.) К ее функциям относится разработка стандартов и рекомендаций для предотвращения отмывания денег и финансирования терроризма. Рекомендации данной организации являются мировым эталоном [3].

В 2019 году ФАТФ представила рекомендации для криптовалютных компаний с требованиями внедрения идентификации пользователей (KYC) и мер по борьбе с отмыванием денег (AML). Представляется, что ключевым требованием (рекомендацией) ФАТФ стала рекомендация № 16, в которой закрепилось правило «Путешественника». Данной правило было адаптированно для вириальных активов (Virtual Asset Service Providers - VASPs), к которым относятся криптобиржи, провайдеры кошельков и некоторые участники рынка децентрализованных финансов. Согласно данному правилу, поставщики услуг обязаны собирать и передавать информацию об отправителе при переводе криптовалют на суммы свыше установленного порога. Также важной рекомендацией стало требование лицензирование и регистрация VASPs, с целью активации надзора и контроля со стороны компетентных органов.

- Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ). Так, согласно «Соглашению о Евразийской группе по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма» основной целью деятельности данной межправительственной организации является разработка и внедрение эффективных мер по предотвращению, выявлению и пресечению отмывания денег и финансирования терроризма на территории государств-членов [4].

Основу международно-правового сотрудничества государств на региональном уровне в области составляет Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма [2].

Европейский союз (далее – ЕС) на своей территории также ведет активную борьбу в сфере отмывания криптовалют. Так, пятая и шестая директивы ЕС по борьбе с отмыванием денег включают в себя положения требующие усиления контроля за транзакциями и легальностью этих транзакций криптовалют [3].

В июне 2023 года ЕС принял всеобъемлющую и инновационную нормативно-правовую базу для рынков криптоактивов (MiCA) [8], которая будет регулировать рынки криптоактивов (регламент ЕС 2023/114. MiCA предусматривает строгие правила прозрачности и управления, с одной стороны, и пруденциальные правила, как для других финансовых учреждений, с другой. Предполагается, что MiCA, охватывающий все аспекты криптоактивов, повысит уровень защиты граждан, финансовую стабильность, инновации и доступность финансовых услуг.

Международное сотрудничество в области противодействия отмыванию денег (ПОД) и финансированию терроризма (ФТ) осуществляется через разнообразные каналы и механизмы. Одним из ключевых инструментов является гармонизация национального законодательства в соответствии с международными стандартами, такими как Рекомендации ФАТФ. Это способствует созданию единого правового поля, что затрудняет для преступников поиск «безопасных гаваней».

ФАТФ проводит взаимные оценки эффективности национальных систем ПОД/ФТ. По результатам этих оценок страны, демонстрирующие значительные недостатки, могут быть включены в «серые» или «черные» списки. Это приводит к усилению контроля за финансовыми операциями, осуществляемыми с их участием, а также к репутационным рискам.

Обмен информацией является важной составляющей международного сотрудничества. Финансовые разведывательные службы взаимодействуют через сеть Egmont Group, включая обмен данными по операциям с криптовалютами. Поставщики услуг виртуальных активов (VASPs) обязаны обмениваться информацией в рамках «Правила путешественника». Правоохранительные органы сотрудничают на основе двусторонних и многосторонних соглашений, таких как Интерпол и Европол.

Для расследования сложных транснациональных схем, часто связанных с киберпреступностью, правоохранительные органы формируют совместные следственные группы (JITs). Эти механизмы обеспечивают координацию усилий и повышают эффективность противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма на глобальном уровне.

К примерам успешного сотрудничества можно отнести создание «Глобальной сети». Данный проект был инициирован ФАТФ с целью обеспечения обмена информацией между финансовыми учреждениями и правоохранительными органами для более эффективного отслеживания транзакций.

Таким образом, на основе анализа можно сделать вывод, что современный международно-правовой режим борьбы с отмыванием криптовалют представляет собой динамичную развивающуюся систему, основанную на межгосударственном взаимодействии, адаптации традиционных систем к цифровой среде и

создании специализированных органов надзора. Представляется, что дальнейшее укрепление этого режима в углублении координации между странами и постоянном обновлении нормативной базы в среде развивающихся технологий.

Список литературы

1. Кибербезопасность и новые технологии. 2024. URL: https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/guide_for_human-rights_based_approach_to_countering_use_of_new_technologies_for_terrorist_purposes_finalout_web_ru.pdf.

2. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 8. Ст. 1091.

3. Международное сотрудничество в борьбе с отмыванием денег через криптовалюты // URL: https://vc.ru/crypto/1350085-mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-v-borbe-s-otmyvaniem-deneg-cherez-kriptovalyuty.

4. Мурадян С. В. Организационно-правовые основы деятельности государств по противодействию финансированию терроризма и легализации преступных доходов в рамках ЕАГ // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionno-pravovye-osnovy-deyatelnosti-gosudarstv-po-protivodeystviyu-finansirovaniyu-terrorizma-i-legalizatsii-prestupnyh.

5. Мысина А.И. Международно-правовые основы сотрудничества государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий // Международное право. 2019. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovye-osnovy-sotrudnichestva-gosudarstv-po-protivodeystviyu-prestupleniyam-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy.

6. Мысина А.И. Сотрудничество государств по противодействию преступлениям в сфере информационных технологий на платформе глобального комплекса инноваций интерпола // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotrudnichestvo-gosudarstv-po-protivodeystviyu-prestupleniyam-v-sfere-informatsionnyh-tehnologiy-na-platforme-globalnogo-kompleksa.

7. Обзор событий в сфере противодействия отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (подготовлена Банком России). Сентябрь 2021 г. // Официальный сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/54855/Sep_2024.pdf.

8. С начала июля криптобиржи и эмитенты стейблкоинов будут работать в ЕС по правилам, предусмотренным законом MiCA // https://www.rbc.ru/crypto/news/667c22899a794702e2fa38dd?from=copyhttps://www.rbc.ru/crypto/news/667c22899a794702e2fa38dd.

9. Тохтарбаева С.М. Роль Интерпола в международном противодействии коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правове-

дения. 2017. № 2 (63). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-interpola-v-mezhdunarodnom-protivodeystvii-korruptsii.

10. Хаминский Я.М. Международно-правовые меры противодействия финансированию терроризма (на пример ФАТФ): автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2004. – 21 с.

11. Satoshi Nakamoto Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System / Satoshi Nakamoto [Электронный ресурс]//: [сайт]. – URL: https://www.ussc.gov/sites/default/files/pdf/training/annual-national-training-seminar/2018/Emerging_Tech_Bitcoin_Crypto.pdf.

Буланкин Н. Ю.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Удунян В. Р.,
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЦБ ИНТЕРПОЛА МВД РОССИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Правовой механизм Российской Федерации представляет собой сложно устроенную систему, состоящую из целого ряда различных компонентов, функционирование которых является залогом работоспособности данного механизма. В этом свете, не являются исключением и нормы международного права, призванные обеспечить реализацию основополагающих прав и свобод граждан.

Актуальность темы исследования подтверждается тем фактом, что ратификации международных правовых норм, требует от государственных ведомств Российской Федерации соответствующих практических мероприятий, которые бы обеспечивали практическую состоятельность описываемого процесса, а значит нивелировали бы фактор формальности института международных правовых норм в Российской Федерации. Следовательно, отдельные структуры МВД, наделенные соответствующими полномочиями, должны контролировать, а также исполнять меры по реализации стоящих задач.

В первую очередь, необходимо описать тот факт, что главенствующем звеном в иерархии международных правовых организаций, призванных бороться с преступностью является Интерпол, в юрисдикции которого находится сыск преступников по всему миру [1].

Российская Федерация, являющаяся активным участником международных отношений, а также ратифицировавшая большинство международных правовых конвенций, является активным партнером программ транснациональной полиции. Еще в советский период, наша страна вступила в Интерпол. Произошло это перед распадом Советского Союза. Приблизительно в это же время была учреждена наднациональная структура МВД, получившая название «Национальное центральное бюро Интерпола» [2].

Международная борьба с преступностью имеет ряд специфических характеристик. Среди наиболее популярных видов направлений, по которым происхо-

[1] © Буланкин Н. Ю., 2025.

дит сотрудничество между Россией и другими государствами, являются: терроризм, незаконный оборот наркотиков, преступления в миграционной сфере [3].

В условиях современности, по приблизительным оценкам, около шестисот международных соглашений, принятых нашей страной, прямо или косвенно содержат информацию или посвящены регулированию деятельности структур МВД. Основные вопросы, поднимающиеся в рамках данных договор посвящена комплектации полномочий и компетенций органов внутренних дел. Здесь можно отметить: противодействие конкретных преступлением, сотрудничество по раскрытию наиболее сложных и опасных уголовных дел, а также вопросы, связанные с экстрадицией преступников [4].

Возвращаясь к деятельности значимого подразделения структуры МВД в международном праве – НЦБ Интерпола [5], уместно привести слов руководителя структуры Калачева В.А. Описывания основания сотрудничества НЦБ Интерпола с транснациональной полицией, он заявил, что первоочередной целью НЦБ Интерпола МВД России является обеспечения мер уголовного преследования подозреваемого лица, среди которых центральное место занимает его задержание. Причем данная мера уголовного пресечения не должна ограничиваться временным и территориальных фактором. После осуществления меры уголовного пресечения в виде задержания НЦБ Интерпола МВД, уполномочены передать преступника, находившегося в розыске иностранным коллегам.

По причине тесного взаимодействия международного подразделения структуры МВД России с Интерполом, заметно увеличились потенциальные возможности отечественной правоохранительной системы, которая теперь расширила горизонты в области международного розыска объектов, представляющих культурную или историческую ценность. Кроме того, появились новые каналы поиска похищенных автомобилей, а также граждан, объявленных пропавшими без вести. В соответствии с статистическими данными, по инициативе Российской Федерации, в международный розыск было объявлено около 2 тыс. лиц. Кроме того, известны случаи возвращения в страну граждан, которые должны предстать перед уголовным судом Российской Федерации [6].

Продолжая рассуждение на предмет сотрудничества МВД России в области международного противодействия преступности, отметим, что международное сотрудничество МВД России охватывает не только традиционные области (борьба с терроризмом, наркотрафиком и другие области), но и более современные и технологичные сферы, такие как использование космических технологий и также нормам международного космического права. В качестве примера приведем пример, успешно реализуемый на территории Российской Федерации уже ни один год.

В научно-исследовательском центре «Охрана» успешно реализуется проект, именуемый «Магистраль», который в соответствии с технологическим назначением призван обеспечить спутниковое отслеживание за трубопроводами. При попытке «врезания» в трубопровод, одномоментно поступает соответствующий сигнал [7].

Несмотря на примере эффективного сотрудничества отечественных наднациональных структур с зарубежными, существует ряд проблем, значительно тормозящий динамичное развитие сферы международной борьбы с преступностью. Опишем основные из них.

На современном этапе международного сотрудничества, сформировался целый ряд факторов, влияние которых обуславливает кризисную ситуацию в международных отношениях. Перечислим некоторые из них:

1. В виду около политических интриг и определенных целей, преследуемых отдельными руководителями стран, растет уровень недоверия между субъектами международного сотрудничества;

2. По причине применения практики «двойных стандартов», которые сегодня активно наблюдаются на мировой политической арене, растет уровень недоверия к международным организациям. Существенные различия в интерпретации и оценке одних и тех же событий разными субъектами международного права, например, в подходах к различным вооруженным конфликтам, приводят к расхождениям во мнениях и затрудняют достижение консенсуса по вопросам международной безопасности.

3. Идея «коллективной безопасности», на которой базировалось создание ООН и прочих международных организаций, с течением времени отодвигается на второй план, в то время как во главу угла выдвигаются в большей степени экономические интересы отдельных государств [6].

В контексте всех вышеперечисленных проблем международных отношений, исследователи едины во мнении, что основой борьбы с преступностью на международном уровне, является борьба с сопутствующими преступлениями, связанными с легализацией доходов, полученных преступным путем; незаконным оборотом наркотиков, оружия и т.д.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать о том, что основным органом, обеспечивающим участие России в международной деятельность по борьбе с преступностью, является национальное центральное бюро Интерпола МВД России. За историю тридцатичетырехлетнего существования, силами НЦБ Интерпола, были пойманы и экстрадированы десятки тысяч преступников, находившихся в международном розыске. Кроме того, активно велась деятельность, связанная с поиском граждан, пропавших без вести, а также имущественных объектов, представляющих государственный или личный интерес.

Одним из наиболее популярных направлений международного сотрудничества является борьба с терроризмом. К сожалению, за последние годы, по причине сложившихся кризисных геополитических обстоятельств, уровень эффективности сотрудничества несколько снизился. Данный факт обусловлен тем, что иностранными партнерами игнорируются некоторые международные договоренности, а по многим вопросам применяется практика «двойных стандартов».

Список литературы

1. Степанян Анна Игоревна ТРАНСНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИЦЕЙСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ В УСЛОВИЯХ ГЛОБА-

ЛИЗАЦИИ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. №1 (93). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transnatsionalnaya-politseyskaya-deyatelnost-sovremennyh-gosudarstv-v-usloviyah-globalizatsii.

2. Геворкян А. И. К вопросу о характеристике полицейской системы современного государства / Российская полиция: три века служения Отечеству [Электронный ресурс] : материалы юбилейной Международной на- учной конференции, посвященной 300-летию российской полиции. Санкт-Петербург, 23–25 апреля 2018 г. / под ред. Н. С. Нижник. – Электронные дан. (19,6 Мб). – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2018. – С. 152–156.

3. Иван Иванович Котляров, Юлия Владимировна Пузырева Международное право и его роль в деятельности органов внутренних дел России // Вестник экономической безопасности. 2015. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-pravo-i-ego-rol-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-rossii.

4. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебное пособие / Д.Д. Шалягин, Ю.В. Пузырева. М.: МосУМВД России, 2014. С. 23–25.

5. Приказ МВД России от 31.03.2012 N 305 (ред. от 28.12.2021) "Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_282086/

6. В профильном комитете пояснили, чем опасно приостановление членства России в Интерполе. URL: http://duma.gov.ru/news/53575/

7. Кто защитит народ от газовых террористов // Аргументы и факты. 2007. № 26.

8. Сазонова Е. В. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ И МЕТОДЫ БОРЬБЫ С НИМ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ // Контентус. 2022. №10 (123). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnyy-terrorizm-i-metody-borby-s-nim-s-tochki-zreniya-globalnoy-problemy-sovremennosti.

Булгаков В. В.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ларина Л. А.*,*
заместитель начальника
кафедры конституционного и муниципального права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ИНФОРМАЦИИ

Информационное пространство современной России занимает важное место в системе государственного и правового устройства. Быстрое развитие цифровых технологий и глобализация информационных потоков создают перед государством задачу обеспечения права граждан на получение, хранение и защиту информации, а также охраны персональных данных и безопасности информационной среды. Конституционно-правовые основы этих процессов отражают баланс между свободой информации и защитой частной жизни. В контексте цифровизации особое значение приобретают три направления: право на доступ к информации, право на неприкосновенность частной жизни и ответственность государства за безопасность и цифровой суверенитет. Цель исследования – систематизировать основные конституционные и законодательные гарантии защиты информации и выявить ключевые проблемы их реализации [3].

Конституция Российской Федерации закрепляет базовые принципы информационной свободы. Статья 29 гарантирует право свободно искать, получать, передавать и распространять информацию, а статьи 22–24 устанавливают право на неприкосновенность личности, защиту частной жизни, личной и семейной тайны, тайну переписки и иных сообщений. Эти нормы формируют правовую основу защиты информационных прав граждан. Государство обязано обеспечивать возможность их реализации, а граждане – защищать свои интересы с использованием конституционных и судебных механизмов. Важным аспектом является необходимость баланса: защита частной жизни не должна ограничивать доступ к социально значимой информации, а свобода получения сведений не может нарушать права других лиц.

Право на доступ к информации реализуется через систему конституционных и законодательных гарантий. Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [5] определяет, что граждане и организации вправе искать и получать информацию при соблюде-

[1] © Булгаков В. В., 2025.

нии требований закона. Органы государственной власти обязаны обеспечивать прозрачность своей деятельности, создавая открытые ресурсы и информационные системы. Эти меры направлены на укрепление доверия между государством и обществом, а также на развитие институтов общественного контроля. Вместе с тем законодатель предусматривает ограничения, связанные с защитой государственной тайны, личной и семейной тайны, а также иных конституционно значимых прав. Право на доступ к информации тем самым сочетается с обязанностью государства сохранять информационную безопасность.

Право на неприкосновенность частной жизни является неотъемлемой частью конституционных гарантий защиты информации. Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» [6] регулирует обработку, хранение и защиту сведений, относящихся к частной жизни граждан. Закон предусматривает обязанности операторов по обеспечению конфиденциальности данных и предотвращению несанкционированного доступа, а также расширяет ответственность за их утечку. Внесенные в последние годы поправки усилили защиту прав субъектов данных и распространили действие закона на иностранные организации, работающие с персональными данными граждан России. Эти нормы формируют основу современной правовой политики в области информационной безопасности личности.

Система правовых гарантий защиты информации основывается на совокупности федеральных законов и подзаконных актов. Помимо законов об информации и персональных данных, ключевое значение имеет Федеральный закон № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» [4], закрепляющий принципы открытости власти. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации формирует концептуальные основы защиты личности, общества и государства от информационных угроз. Государство выступает гарантом прав граждан в цифровом пространстве, обеспечивая режим правового контроля, сертификацию систем и меры противодействия киберугрозам. При этом усиление регулирования должно сочетаться с сохранением прав человека на информацию и частную жизнь.

В условиях цифровизации особое значение приобретают категории информационной безопасности и цифрового суверенитета. Первая обеспечивает защиту личности и государства от внешних и внутренних угроз, вторая отражает контроль над национальными информационными ресурсами и инфраструктурой. Локализация персональных данных, развитие отечественных технологий и создание суверенной цифровой среды направлены на снижение зависимости от иностранных платформ и повышение защиты национальных интересов. Однако чрезмерное расширение мер контроля несет риск ограничения свободы информации, что требует выработки механизмов правового балансирования.

Право на доступ к информации и право на неприкосновенность частной жизни находятся в сложном соотношении. Первое требует открытости и публичности, второе – защиты личного пространства. Задача правового регулирования состоит в нахождении оптимального соотношения этих прав. Конституция допускает их ограничение в случаях, когда это необходимо для защиты

других конституционных ценностей. Таким образом, оба права образуют систему взаимных ограничений, где защита частной жизни не исключает общественную прозрачность, а свобода информации не должна нарушать личную автономию.

Практическая реализация конституционно-правовых гарантий сталкивается с рядом трудностей: формальным подходом к праву на доступ к информации, несвоевременным ответом на запросы граждан, низкой эффективностью механизмов обжалования и отсутствием достаточного контроля за операторами данных. Быстрое развитие технологий создает новые вызовы: обработка больших данных, распространение систем искусственного интеллекта, рост киберугроз. Законодательство не всегда успевает за этими процессами, что требует обновления нормативной базы и совершенствования правоприменительной практики. В перспективе ключевыми направлениями становятся усиление судебной защиты, повышение прозрачности органов власти, а также адаптация национального законодательства к международным стандартам в сфере информационной безопасности [2].

Конституционно-правовые гарантии защиты информации представляют собой целостную систему, обеспечивающую баланс между правом граждан на доступ к сведениям и правом на защиту частной жизни. Конституция и федеральные законы создают основу правового режима информационной безопасности, а практика их реализации требует дальнейшего совершенствования. Современные вызовы – цифровизация, киберугрозы, рост трансграничных потоков данных – делают необходимым развитие механизмов, способных обеспечивать как безопасность государства, так и защиту личных свобод. Оптимальное сочетание открытости информации и охраны частной жизни является ключевым условием устойчивого развития правового государства в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Водопьянова М. К. Конституционные гарантии приватности и киберугрозы: правовые коллизии защиты критической инфраструктуры //Вопросы российской юстиции. – 2025. – №. 36. – С. 31-40.
3. Рагимханова К. Т., Давудова С. Я., Пирметов К. М. Конституционно-правовые основы обеспечения информационной безопасности РФ //Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – №. 2. – С. 62-67.
4. Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления».
5. Федеральный закон от 27.07.2006 N 149-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025).
6. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных».

***Буравлева А. К.*[1],**
заместитель заведующего
кафедрой иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ В СТРАНАХ ЮЖНОАМЕРИКАНСКОГО ОБЩЕГО РЫНКА (МЕРКОСУР)

Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) был основан в 1991 году на основании Асунсьонского договора и включает Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай, Венесуэлу (членство приостановлено в 2017 году) и Боливию (присоединилась в 2024-м). Руководящий принцип МЕРКОСУР заключается в обеспечении стратегического подхода к удовлетворению спроса на экономическую конкурентоспособность в регионе МЕРКОСУР после окончания холодной войны. Окончание холодной войны также положило начало новой эре в международных отношениях, и эти новые глобальные отношения также стали движущим фактором возникновения МЕРКОСУР. За это время МЕРКОСУР установил прочные политические отношения сотрудничества и экономически интегрировался со странами Центральной Америки и Северной Америки, разработал систему протоколов и правил для взаимодействия со странами Азии и Африки. Европейский союз также рассматривается как важный партнер, поскольку он внес значительный вклад в разработку коммерческих договоренностей и соглашений об инвестициях. Однако данные позитивные изменения привели к некоторым проявлениям социальных волнений и растущей угрозы со стороны организованной преступности, которая использует целый ряд возможностей [5].

Существует ряд трудностей, связанных с налаживанием сотрудничества в регионе МЕРКОСУР в борьбе с организованной преступностью. Во-первых, трудно выработать последовательный подход к возникающим проблемам, поскольку отсутствует концептуальное видение, позволяющее разработать соответствующие судебные и законодательные меры в регионе МЕРКОСУР. Во-вторых, координация внешней политики еще не достигнута. были разработаны, и поэтому маловероятно, что МЕРКОСУР сможет воспользоваться преимуществами налаженных международных связей сотрудничества в области предупреждения преступности и организованной преступности [3]. В-третьих, очевидна растущая проблема проникновения и контаминации государственной системы преступными сетями и организациями [1]. В-четвертых, в регионе МЕРКОСУР не существует соглашений в отношении Конвенции Организации Объединенных Наций о транснациональной организованной преступности [2], которые устанавливали бы соответствующие наказания за транснациональную преступную деятельность и организованную преступную деятельность в госу-

[1] © Буравлева А. К., 2025.

дарствах-членах. В-пятых, уязвимость к деятельности организованной преступности, которая включает убийства, похищения людей, нападения, коррупцию и незаконный оборот наркотиков, что приводит к меньшему притоку иностранных инвестиций, чем если бы криминогенная ситуация не была столь угрожающей. Криминогенная ситуация также негативно сказывается на туризме. И, наконец, условия жизни многих людей приводят к возникновению районов с высокой степенью депривации.

В регионе МЕРКОСУР существует пять различных типов организованной преступности. Первый тип состоит из групп с четким распределением полномочий и дисциплиной, которые соблюдают ряд согласованных норм. Эти группы в значительной степени вовлечены в “grilagem de terra” (незаконный захват государственной собственности путем подделки документов), торговлю наркотиками, оружием, сигаретами и людьми. Они также вовлечены в проституцию, сексуальный туризм, контрабанду, нелегальную иммиграцию, незаконные операции через Интернет, компьютерные взломы, порнографию, пиратство, мошенничество со страховками и подделку кредитных карт. Некоторые из этих организованных групп занимаются торговлей материалами для производства кокаина. Второй тип группы - это те, у кого слабая организационная структура, эти группы, как правило, причастны к нападениям, фальсификации топлива, похищениям людей и угонам самолетов, число которых в регионе МЕРКОСУР растет. Третий тип преступных группировок - это те, кто в значительной степени вовлечены в ряд финансовых преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и экологическими преступлениями. В четвертой группе организованная преступность проявляется в преступной деятельности внутри государства. Все вышеперечисленное говорит о том, что некоторые государственные служащие коррумпированы или нечестны и сотрудничают с с организованной преступностью. В пятую группу входят террористические сети и организации, которые используют влияние террора с применением крайнего насилия или угроз для удовлетворения идеологий, религиозных убеждений, философских или политических убеждений. 30 апреля 1981 года во время концерта, организованного «Демократическим центром Бразилии» в районе Риоцентро в Рио-де-Жанейро, взорвались две бомбы. Этот взрыв был попыткой способствовать усилению военной диктатуры в Бразилии.

Связи между странами МЕРКОСУР являются значительными; об этом свидетельствует количество официальных отчетов, многосторонних встреч и принятие резолюций и протоколов. Альянс, сложившийся в регионе МЕРКОСУР , зависит от политической воли всех стран-участниц и укрепления доверия между ними в отношении того, что они будут решать проблемы, связанные с организованной преступностью, и выносить приговоры преступникам согласованными между ними способами. Ниже представлен ряд стратегических мер, которые необходимо принять для содействия многостороннему участию в решении проблемы организованной преступности в регионе МЕРКОСУР. В Бразилии, важно создать постоянную группу для обеспечения общественной безопасности Бразилии. Необходимо создать базу данных для содействия обмену

информацией о деятельности организованной преступности. Странам МЕРКОСУР следует рассмотреть возможность усиления охраны границ с помощью таких стратегий, как стандартизированный паспорт.

Для того чтобы регион МЕРКОСУР мог повысить свою безопасность, ему потребуется иметь сильную структуру на уровне страны. В рамках МЕРКОСУР необходимо будет установить специальную процедуру сотрудничества и совместной работы под эгидой Совета Безопасности ООН.

Предлагаемые процедуры по снижению уровня организованной преступности и борьбе с ней в регионе МЕРКОСУР проводятся при помощи: а) проникновения в государственные учреждения преступных сетей и организаций; б) проникновения в бизнес и коммерцию.

Следует обратить внимание на те органы уголовного правосудия, которые осуществляют политику, направленную на снижение активности организованной преступности. Кним относятся правоохранительные органы стран-участниц и партнеров МЕРКОСУР; городские администрации городов, расположенных на границах стран МЕРКОСУР; эксперты Европейского института по предупреждению преступности и борьбе с ней, связанного с Организацией Объединенных Наций, которые могут предложить важное сотрудничество для разработки политических стратегий борьбы с организованной преступностью в регионе МЕРКОСУР.

В Южной Америке растет обеспокоенность по поводу быстрого распространения организованной преступности. Очень немногие из целей, изложенных в «Целях тысячелетия», серии социальных мероприятий, разработанных в 2000 году Организацией Объединенных Наций, были достигнуты. Достижение этих целей будет означать искоренение голода, обеспечение всеобщего доступа к питьевой воде, снижение младенческой смертности и расширение доступа к базовому образованию. Эскалация организованной преступности в Южной Америке достигла неприемлемого уровня, что привело к убийствам судей, прокуроров, адвокатов, полицейских и журналистов. Правительства в попытке справиться с последствиями организованной преступности необходимо использовать социальные показатели, чтобы обеспечить условия для проведения социальных реформ в таких областях, как образование, общественная безопасность, пенитенциарная система и управление судами.

В коммерческой сфере необходимо улучшить условия для инвестиций. Согласно исследованиям, проведенным в 2024 году Карибской и Латиноамериканской экономической комиссией (CEPAL), 44% населения Южной Америки живет за чертой бедности, имея на жизнь менее доллара в день и не имея доступа к питьевой воде вода и надлежащая канализация. Бедность сосредоточена в городах, в трущобах, что делает Латиноамериканский континент одной из самых урбанизированных зон в мире. Правительствам Латинской Америки необходима программа, в которой приоритетное внимание уделялось бы десятилетнему росту образования, что позволило бы экономике Латинской Америки стать конкурентоспособной на мировом уровне.

Экономическая глобализация и, как следствие, глобализация преступности не сопровождались, возможно, по уважительной причине, правовой глобализацией [4]. Многие судебные системы сталкиваются с трудностями при вынесении приговоров из-за отсутствия альтернатив тюремному заключению. В регионе МЕРКОСУР произошел ряд изменений в отношении преступности, и некоторые из них могут быть связаны с организованной преступностью. Во-первых, преступность стала более жестокой. Можно наблюдать изменения в структуре преступности. Например, произошел переход от одиночных правонарушителей к преступлениям, совершаемым бандами. В регионе МЕРКОСУР организованная преступность связана с деятельностью, приносящей доход, многие из ее участников проникают в финансовые системы незамеченными и используют ряд стратегий, позволяющих оставаться незамеченными, таких как офшорное банковское обслуживание и использование электронных ресурсов для совершения финансовых транзакций. В этом отношении проблема заключается в том, что функционирует система уголовного правосудия в основе этого лежит принцип индивидуальной ответственности, в то время как существует большая потребность в переориентации на то, чтобы лучше справляться с деятельностью банд.

Деятельность организованной преступности имеет серьезные последствия для общества. Наблюдается рост насилия, взаимосвязь между экономической деятельностью организованной преступности и последующим оттоком инвестиционных средств из страны в экономику, которая, как считается, лучше регулируется и, таким образом, обеспечивает более безопасные инвестиционные возможности. Организованным преступным сетям необходимо использовать экономические структуры для отмывания доходов, и может возникнуть ряд сложных взаимоотношений, которые, если финансовые системы не будут регулироваться, приведут к тому, что государство будет причастно к отмыванию денег преступными сетями. Следовательно, если рассматривать демократические структуры как неспособные обеспечить целостность финансовых систем, их деятельность может быть серьезно подорвана и уязвима для более авторитарных форм правления. Поэтому важно, чтобы регион МЕРКОСУР взаимодействовал с международным сообществом для обеспечения необходимого обмена информацией и оказания помощи в создании согласованных структур для борьбы с деятельностью организованных преступных сетей.

Список литературы

1. Beck, Francis Rafael. Perspectivas de Controle ao Crime Organizado e Crítica à Flexibilização das Garantias. São Paulo, Ibccrim, 2004. - p. 74-82.

2. Resolution no. 55/25, Annex I, of 11/15/2000, of the United Nations General Assembly, dealing with the Convention on Transnational Organized Crime.

3. Souza, Solnage Mendes. Cooperação Jurídica Penal no Mercosul: Novas Possibilidades. Rio de Janeiro: Editora Renovar, 2001. - pp. 111-137.

4. Weeramantry, C.G. Human Rights and Scientific and Technological Progress. In Human Rights: New Dimensions and Challenges. Aldershot, Unesco Publishing, 1998. - pp. 247-248.

5. Zaffaroni, Eugenio Raúl. La Globalización y las Actuales Orientaciones de la Politica Criminal. in Direito e Cidadania. Praia - Cabo Verde, Ano III, No. 8, 1999. - pp. 72-76.

Бурденюк В. И.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ КОМИТЕТА ООН ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА, СВЯЗАННОЙ С РАССМОТРЕНИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СООБЩЕНИЙ

Проблема защиты прав детей на международном уровне остается одной из наиболее актуальных в современном обществе. Международная защита прав ребенка «с одной стороны это – деятельность, направленная на реализацию международных норм, а с другой – правовой институт в международном праве» [1, с. 86]. Договорные органы ООН играют ключевую роль в обеспечении выполнения государствами-участниками их обязательств по международным договорам в области прав человека, в том числе и по защите прав ребенка. «Данные органы в рамках своей деятельности рассматривают индивидуальные жалобы (сообщения) на нарушение прав человека, закрепленных в международных договорах, толкуют данные положения, а также осуществляют квалификацию нарушений национальными властями прав человека» [2, с. 204]. Основным механизмом контроля в обозначенной сфере выступает Комитет ООН по правам ребенка, учрежденный в соответствии со ст. 43 Конвенции ООН о правах ребенка 1989 г. (далее – Конвенция) [3].

Комитет ООН по правам ребенка – это орган, состоящий из 18 независимых экспертов, контролирующий выполнение Конвенции государствами-участниками. Комитет, также в праве принимать и рассматривать индивидуальные сообщения, или жалобы, от лиц, которые считаю, что их права были нарушены предусмотренные Конвенцией – со стороны государства-участника.

Проанализируем Решение Комитета ООН по правам ребенка от 22 июня 2021 г. по делу X.M. v. Spain по сообщению № 115/2020 [4]. Автор сообщения – X.M., родившаяся 9 августа 1981 года в Марокко. Она подает сообщение от имени своего сына A.E.A., гражданина Марокко, родившегося 21 ноября 2012 года в Испании, городе Мелилье. Она утверждает, что ее сын стал жертвой, вследствие нарушений статей 2, 3, 14, 28 и 29 Конвенции.

---

[1] © Бурденюк В. И., 2025.

8 мая 2019 года, после подачи заявления о зачислении А.Е.А. в школу в соответствие с установленной процедурой – Х.М. не получила никого ответа. 28 октября 2019 года, когда учебный год уже начался, автор в отсутствие ответа со стороны администрации подала заявление об оформлении акта зачисления в школу, которое было отклонено. Х.М. поясняет, что, поскольку А.Е.А. родился в Мелилье и его проживание в этом городе было убедительно доказано, отказ зачислить его в школу можно объяснить только дискриминацией в нарушение статьи 2 Конвенции на основании его марокканского происхождения и отсутствия у него законного вида на жительство. Также автор отмечает, что начальное школьное образование является обязанностью и отказ в доступе к нему представляет собой ущемление интересов в нарушение статьи 3 Конвенции. Х.М. убеждена и в нарушении статей 28 и 29 Конвенции из-за невозможности посещать школу ее сын не может достойно развивать все его способности. Автор подчеркивает, что, как следует из названия, учебное заведение, в котором учится А.Е.А., не является светским, поэтому он вынужден получать образование в духе мусульманской религии, что является нарушением его права и права его родителей на свободу религии, которое защищено статьей 14 Конвенции. На основании вышеизложенного автор просит немедленно зачислить А.Е.А. в школу.

Комитет после рассмотрения, признал данное сообщение приемлемым и постановил: государство-участник должно предоставить А.Е.А. эффективное средство правовой защиты за допущенные нарушения, включая адекватную компенсацию, а также принять позитивные меры, чтобы помочь ему как можно скорее наверстать упущенное и достичь того же уровня школьного образования, что и его сверстники. Государство-участник также обязано не допускать аналогичных нарушений в будущем.

Рекомендации, данные Комитетом ООН по правам ребенка государству-участнику:

А) убедиться, что, когда местные административные и судебные органы получают документы, свидетельствующие о том, что ребенок, обратившийся с просьбой о зачислении в школу в Мелилье, действительно проживает в городе, они принимают эффективные и оперативные меры для подтверждения места жительства ребенка.

Б) Обеспечить, чтобы в случае подтверждения фактического места жительства ребенка, обратившегося с просьбой о зачислении, местные административные и судебные органы немедленно зачисляли его или ее в школу.

В) Обеспечить, чтобы в случае возникновения спора о праве ребенка на образование было эффективное и доступное средство правовой защиты, которое может быть предоставлено незамедлительно, и чтобы как дети, так и их родители или опекуны были полностью осведомлены об этом средстве правовой защиты и связанных с ним процедурах.

Г) Обеспечить специализированную подготовку судей и административного персонала по вопросам осуществления Конвенции и, в частности, наилучшего обеспечения интересов ребенка.

Таким образом, механизм индивидуальных жалоб в межгосударственные органы по правам человека является важным инструментом, позволяющим детям и их представителям напрямую обращаться за защитой своих нарушенных прав на международном уровне после исчерпания всех внутренних возможностей. Комитет ООН по правам ребенка играет ключевую роль в международной системе защиты прав человека, выступая в качестве основного контролирующего органа по соблюдению государствами Конвенции о правах ребенка. Его деятельность направлена на обеспечение того, чтобы все дети в мире могли пользоваться своими правами и жили в условиях достоинства, уважения и равенства.

Список литературы

1. Коннов, В. А. Становление и развитие международно-правового регулирования в области защиты прав детей (историко-правовой анализ) / В. А. Коннов // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 2. – С. 85-90.

2. Соловьева, А. С. Особенности защиты права на справедливое судебное разбирательство в практике комитета ООН по правам человека / А. С. Соловьева // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 июня 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 204-207.

3. Конвенция о правах ребенка // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

4. Решение Комитета ООН по правам ребенка от 22 июня 2021 г. по делу X.M. v. Spain. Сообщение № 115/2020. CRC/C/87/D/115/2020 // База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CRC%2FC%2F87%2FD%2F115%2F2020&Lang=ru.

***Валяев А. С.*[1],**
командир отделения
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель кафедры
иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ БРИКС В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Глобальная политическая картина сегодня переживает не просто изменения, а настоящую трансформацию. Эпоха доминирования одного или нескольких центров силы уходит в прошлое, уступая место сложной, многополярной системе международных отношений. В этих новых условиях меняются все правила игры, включая сферу безопасности и правоохранительного сотрудничества. На этом фоне объединение БРИКС, изначально создававшееся как экономический клуб, стремительно наращивает свой геополитический вес. После исторического расширения 2023 года, когда к пятерке основателей (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) присоединились Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ, блок превратился в поистине глобальную платформу, представляющую интересы около 40% населения планеты и формирующую более 30% мирового ВВП. Эта новая конфигурация создала уникальную лабораторию для выработки совместных ответов на вызовы, с которыми поодиночке не справиться ни одно государство, даже самое мощное. Данная статья ставит своей целью разобраться, как в рамках БРИКС вызревает новая модель правоохранительного взаимодействия. Мы проанализируем, как страны со столь разными политическими системами, правовыми традициями и историческим багажом учатся вместе противостоять транснациональным угрозам нового поколения: международному терроризму, киберпреступности, наркотрафику и сложноустроенной нелегальной миграции. В основе исследования лежит не отстраненное теоретизирование, а практический анализ официальных документов объединения, отчетов его рабочих групп и, что особенно важно, реальных кейсов оперативного взаимодействия. Уже сейчас можно выделить ключевые институты, такие как Рабочая группа по борьбе с терроризмом и налаживаемые системы обмена финансовой информацией, которые становятся нервной системой этого сотрудни-

[1] © Валяев А. С., 2025.

чества. Главный парадокс и одновременно достижение БРИКС заключается в том, что ему удается совместить, казалось бы, несовместимое: незыблемые принципы государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела – с гибкостью и прагматизмом в решении общих проблем. Несмотря на все внутренние противоречия и структурные сложности, блок демонстрирует удивительную жизнеспособность, создавая рабочие рамки сотрудничества, которые могут стать прообразом альтернативных моделей глобального управления в новую, переходную эпоху. Чтобы понять логику развития правоохранительного сотрудничества в рамках БРИКС, нужно выйти за узкие рамки темы безопасности. Происходящее сегодня – это часть масштабного исторического процесса перераспределения влияния в мире. Старые иерархии рушатся, а новые центры силы не просто возникают на карте, но и заявляют о своем праве на собственный путь развития и собственное видение миропорядка. БРИКС является и продуктом, и активным проводником этой трансформации. С каждым новым саммитом, с каждой принятой декларацией он все увереннее преодолевает свой изначальный «экономический» имидж, закрепляясь в статусе полноценной геополитической платформы. Расширение состава в 2023 году – это качественный, а не только количественный скачок. Оно не просто увеличило географический охват блока, но и многократно усложнило его внутреннюю архитектуру, смешав интересы стран Ближнего Востока, Африки и Азии. Эта сложность, однако, таит в себе и огромный потенциал, создавая предпосылки для более масштабного и многогранного сотрудничества в сфере безопасности, основанного на принципе «объединяем усилия, но уважаем различия». Идеологическим фундаментом, на котором строится все здание сотрудничества, включая правоохранительную составляющую, является последовательная приверженность идее многополярного мира. Участники БРИКС едины во мнении, что устаревшие, по их мнению, модели глобального управления, доминировавшие в XX веке, не отвечают реалиям XXI века. Эта мысль красной нитью проходит через все ключевые документы объединения, будь то упомянутая Казанская декларация или заявления министров иностранных дел. Они настойчиво подчеркивают важность укрепления подлинно многосторонних подходов, где голос каждого суверенного государства был бы услышан. Эта общая философская установка напрямую проецируется на сферу безопасности, формируя особый, «бриксовский» подход. Он не является простым отрицанием западных моделей; скорее, это попытка предложить альтернативу, основанную на ином наборе принципов. В его основе – прагматизм, уважение к национальному суверенитету и понимание того, что такие угрозы, как терроризм или киберпреступность, не знают границ и потому требуют коллективного ответа, без которого невозможно устойчивое развитие ни одной из стран-участниц. Этот подход постепенно обретает плоть и кровь через создание конкретных институтов. Если первые годы существования БРИКС были эпохой больших политических заявлений и диалога на уровне саммитов, то сегодня мы наблюдаем постепенный, но неуклонный переход к выстраиванию постоянно действующих рабочих механизмов. Ярким примером служит Рабочая группа по борьбе с терроризмом, текущее председательство в

которой осуществляет Бразилия. Что примечательно, в ходе своих недавних заседаний участники группы пришли к выводу, который еще несколько лет назад мог бы показаться нетривиальным для силовых структур. Они открыто заявили, что силовые методы – необходимая, но недостаточная мера. Подлинная устойчивость в противодействии терроризму достигается на стыке правоохранительной деятельности и социальной политики. Образовательные программы, борьба с бедностью и социальным неравенством – вот что лишает экстремистские организации питательной среды, их главного ресурса – человеческого отчаяния и неустроенности. Такой комплексный взгляд, сочетающий силовое пресечение с глубокой социальной работой, становится отличительной чертой понимания безопасности в рамках БРИКС. На практике это сотрудничество дает уже вполне осязаемые результаты в нескольких ключевых направлениях. В сфере борьбы с терроризмом, помимо выработки общей стратегии, создаются узкоспециализированные подгруппы. Они фокусируются на конкретных, самых актуальных вызовах: как преступники злоупотребляют цифровыми технологиями, каковы современные схемы финансирования терроризма и как эффективнее всего готовить кадры для противостояния этим угрозам. Эти подразделения работают на опережение, отслеживая новые тренды, будь то использование криптовалют для анонимного сбора средств или распространение пропагандистских материалов, адаптированных под десятки языков и культурных кодов. Одним из важнейших практических достижений стало создание стандартизированных протоколов обмена информацией и оценки угроз. Это не просто бюрократическая процедура; это своего рода общий язык, который позволяет правоохранительным органам стран с разными системами быстро и эффективно координировать свои действия, не тратя время на преодоление терминологических барьеров. Не менее показательным примером растущего доверия и оперативной слаженности является борьба с наркотрафиком. Здесь особенно заметна роль Китая, который, сталкиваясь с такими вызовами, как кризис, связанный с фентанилом, активно использует многосторонние форматы. Участвуя в различных региональных группах по контролю над наркотиками, Китай и другие участники БРИКС отрабатывают модели взаимодействия – от совместных расследований до обмена данными о маршрутах поставок и химических прекурсорах, – которые затем могут быть масштабированы на всю площадку объединения. Это наглядная иллюстрация принципа «учиться на практике». Расширение сотрудничества на сферу противодействия транснациональной организованной преступности – еще один индикатор зрелости отношений. Показательна в этом смысле недавняя операция бразильской федеральной полиции по пресечению каналов нелегальной миграции, проведенная при международной поддержке. Она вскрыла сложные, разветвленные механизмы преступной деятельности, использующие поддельные документы и коррупционные схемы. Важно, что подобные вызовы актуальны не только для Бразилии, но и для многих других стран БРИКС, будь то Россия, сталкивающаяся с нелегальной миграцией из Центральной Азии, или ЮАР. Подобные кейсы делают абстрактные разговоры о сотрудничестве предельно конкретными и подчеркивают острую необходи-

мость выработки общих подходов. Цифровая сфера, безусловно, является полем битвы будущего, и в БРИКС это хорошо понимают. Участники профильной Рабочей группы по борьбе с терроризмом уже уделяют значительное внимание не только традиционным киберугрозам, но и таким новейшим вызовам, как использование искусственного интеллекта. Речь идет о создании с помощью ИИ убедительных пропагандистских материалов и персонифицированных методах вербовки в экстремистские группировки. Все активнее обсуждается вопрос о расширении мандата существующих подгрупп для работы с технологиями создания «дипфейков», которые могут быть использованы для дестабилизации политической обстановки в той или иной стране. Понимание того, что точечная кибератака на критическую инфраструктуру – энергосеть, финансовую систему или объект транспорта – способна парализовать жизнь мегаполиса и подорвать стабильность общества, даже не приведя к непосредственным человеческим жертвам, возводит это направление сотрудничества в ранг стратегического приоритета для всех без исключения участников блока. Однако было бы наивным рисровать идеализированную картину этого сотрудничества. Его развитие происходит на фоне серьезнейших, подчас многовековых, вызовов. Историческое наследие в виде пограничных споров, как между Индией и Китаем, или глубинное региональное соперничество, как между Саудовской Аравией и Ираном, – это не просто фон, а реальный фактор, постоянно осложняющий выработку единых позиций. К этому добавляются огромные различия в правовых системах (например, континентальное право и общее право), уровнях технической оснащенности правоохранительных органов и их операционных возможностях. Политическое разнообразие блока, где уживаются различные модели демократии и авторитарные режимы, порождает и разные подходы к фундаментальным вопросам: что важнее – безопасность государства или права отдельного человека, где проходит грань между свободой интернета и необходимостью его регулирования для противодействия преступности. Нахождение консенсуса в этой области требует от дипломатов и экспертов постоянного, кропотливого поиска баланса. Важно понимать, что развитие правоохранительного сотрудничества в БРИКС – это лишь один из элементов более масштабного проекта по созданию параллельных институтов глобального управления. Новый банк развития (НБР) и Договоренность о резервных пулах (ДРП), обладающие колоссальными финансовыми ресурсами, – это не просто экономические инструменты. Создавая альтернативную финансовую инфраструктуру, они снижают зависимость участников блока от западных платежных систем и, как следствие, от связанных с ними политических рисков. Эта финансовая «архитектура независимости» имеет прямое отношение и к правоохранительной деятельности: она позволяет создавать более защищенные каналы для транзакций, развивать собственные системы отслеживания незаконных финансовых потоков и противодействовать отмыванию денег и финансированию терроризма, опираясь на собственные технологические платформы. Каковы же перспективы у этого амбициозного предприятия? Они видятся достаточно широкими и связаны с несколькими направлениями. Во-первых, само расширение состава организации, при всей

его сложности, создает основу для более плотного и разветвленного обмена информацией, в том числе по региональным аспектам угроз. Во-вторых, последовательное председательство ключевых участников БРИКС в G20 предоставляет им уникальную возможность транслировать свои наработанные подходы к безопасности на главную мировую дискуссионную площадку. В-третьих, все более заметный акцент на программах развития потенциала и обучении кадров свидетельствует о растущем осознании того, что сотрудничество будет прочным только тогда, когда операционные возможности всех участников будут приведены к общему знаменателю. И, наконец, сама логика противодействия общим угрозам подталкивает страны к разработке общих стандартов оценки рисков и выработке если не единых, то хотя бы согласованных подходов к противодействию насильственному экстремизму.

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что правоохранительное сотрудничество в рамках БРИКС прошло впечатляющий эволюционный путь: от общих политических деклараций к созданию конкретных рабочих органов и реализации совместных операций. Сформировавшаяся модель, при всех ее противоречиях, демонстрирует удивительную гибкость и способность к адаптации. Ей удается находить точки соприкосновения там, где, казалось бы, непреодолимые различия должны были бы сделать любое сотрудничество невозможным. Накопленный опыт, созданные механизмы и, что самое главное, осознание взаимозависимости перед лицом общих угроз – все это заложило основы устойчивой системы взаимодействия. Успех этого уникального эксперимента будет зависеть от того, насколько его участникам хватит мудрости и прагматизма, чтобы находить тонкий баланс между глобальными стратегическими амбициями и повседневными операционными возможностями, предлагая миру не просто альтернативу, а эффективный ответ на вызовы новой, нарождающейся эпохи.

Список литературы

1. INTERPOL. (n.d.). Strategic Framework 2022-2025. https://www.interpol.int/en/Who-we-are/Strategy2/Strategic-Framework-2022-2025.

2. INTERPOL. (n.d.). Global Policing Goals. https://www.interpol.int/en/Who-we-are/Strategy2/Global-Policing-Goals.

3. INTERPOL. (n.d.). 2025 Theme: ICT and AI in policing. https://www.interpol.int/en/Who-we-are/Our-partners/International-organization-partners/INTERPOL-and-the-United-Nations/UN-International-Day-of-Police-Cooperation-September/2025-Theme-ICT-and-AI-in-policing.

4. Executive Committee of the Commonwealth of Independent States (CIS). (n.d.). Organizational and Legal Mechanism of Cooperation in Countering Transnational Crime within the Commonwealth of Independent States. https://eccis.org/page/13962/organizacionno-pravovoj-mehanizm-sotrudnicestva-v-protivodejstvii-transnacionalnoj-prestupnosti-v-ramkah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv.

Вахитов А. Р.*[1]*,
студент факультета права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

Научный руководитель:
Ромашев Ю. С.,
профессор Департамента
международного права
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
доктор юридических наук, профессор

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С КИБЕРУГРОЗАМИ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Современные информационно-коммуникационные технологии глубоко интегрированы во все сферы жизни, что обеспечивает глобальную уязвимость перед киберугрозами. По данным Positive Technologies, занимающейся кибербезопасностью, за первое полугодие 2025 года, самыми атакуемыми секторами стали государственные учреждения, промышленность и IT-компании, а основными методами атак были вредоносное ПО, социальная инженерия и эксплуатация уязвимостей. Ожидается, что глобальный ущерб от киберпреступности в 2025 году составит около 10,5–12 триллионов долларов [1]. Атаки на критическую инфраструктуру и массовые кибератаки на государства и организации имеют серьезные международные последствия. Опыт последних лет подтверждает это: по данным аналитического центра Совета Международных Отношений в 2017 г. атака WannaCry поразила сотни тысяч компьютеров и нанесла ущерб свыше $1 млрд, а вскоре за ней последовала атака NotPetya с убытками порядка $300 млн [2]. В таких условиях национальные усилия часто недостаточны: для эффективного реагирования и расследования киберпреступлений необходимо обмениваться информацией, координировать действия правоохранительных органов и вырабатывать единые стандарты противодействия [3]. Международные организации (ООН, СНГ, ШОС, Интерпол и др.) разрабатывают общие нормы и платформы для сотрудничества, а страны заключают двусторонние и многосторонние соглашения. В настоящей статье делается обзор ключевых правовых инструментов и механизмов международного взаимодействия в киберсфере, обсуждаются реальные случаи трансграничных инцидентов и выделяются современные вызовы и перспективы развития сотрудничества.

Первой крупной инициативой в области глобального противодействия киберпреступности стала Будапештская конвенция Совета Европы «О киберпреступности» (2001 г.) – первый в мире договор, нацеленный на гармонизацию

[1] © Вахитов А. Р., 2025.

наказуемости компьютерных преступлений и облегчение взаимодействия правоохранителей в трансграничных делах. Конвенция предоставляет странам-участницам механизмы экстрадиции и взаимной правовой помощи, а также круглосуточные контактные пункты для экстренных запросов.

В рамках СНГ еще в начале 2000-х годов было подписано Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 1 июня 2001 г.), которое устанавило формы сотрудничества (обмен информацией, исполнение запросов об оказании правовой помощи, координация совместных действий, подготовка кадров) и служит правовой основой для регионального обмена цифровыми доказательствами и оперативной координации между компетентными органами [4]. РФ подписала ее еще 01.06.2001, но ратифицировала ее только в 17.10.2008 со следующей оговоркой: “Российская Федерация оставляет за собой право отказать в исполнении запроса полностью или частично, если исполнение запроса может нанести ущерб ее суверенитету или безопасности.” [5].

Важным свежим этапом региональной кодификации в пространстве СНГ стало принятие Модельного закона «О противодействии киберпреступности» Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ (МПА СНГ) 14 апреля 2023 г. МПА СНГ утвердила текст модельного закона и рекомендовала направить его в парламенты государств – участников СНГ для использования в национальном законодательстве и дальнейшей имплементации [6].

Цель документа сформулирована как создание «единого правового механизма противодействия киберпреступности» в правовых системах стран-участниц и защита прав и законных интересов граждан, общества и государства от киберпреступлений. В структуре модельного закона выделены общие положения и определения (включая «кибербезопасность» и «киберпреступление»), приводится перечень типовых составов киберпреступлений (в проекте – неправомерный доступ к цифровой информации; неправомерное завладение цифровой информацией; неправомерное воздействие на цифровую информацию; нарушение функционирования ИКТ-сетей; создание/распространение вредоносных программ; преступления против критической информационной инфраструктуры; несанкционированный доступ к персональным данным и пр.), установлены направления превентивных мер и полномочий государственных органов, а также регламентация вопросов международного сотрудничества в этой сфере [6].

Аналитические исследования отмечают, что эффективность соглашения в рамках СНГ зависит от степени институционализации взаимодействия и уровня технической взаимозависимости участников: страны с развитой инфраструктурой быстрее вырабатывают практики совместных действий, в то время как менее оснащенные государства остаются в «зоне ожидания» и нуждаются в наращивании потенциала. В ряде публикаций подчеркивается, что СНГ-документы чаще всего служат платформой для межведомственных обменов и учений, нежели источником жестких правовых обязательств, сопоставимых с многосторонними конвенциями [7].

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) с ранних этапов включала в свою повестку вопросы информационной безопасности как элемент региональной стабильности. В структуре ШОС действуют документы и соглашения, касающиеся «международной информационной безопасности» и кооперации по борьбе с угрозами, исходящими из информационного пространства. Например, Agreement on Cooperation in Ensuring International Information Security between the Member States of the Shanghai Cooperation Organization от 2009 года, обеспечивающий юридическую и организационную основу для взаимодействия в рамках ШОС в поле обеспечения международной информационной безопасности [8]. Члены ШОС неоднократно выдвигали инициативы по продвижению концепции информационного (кибер) суверенитета и предлагали проекты Кодекса поведения государств в информационной сфере. На практике ШОС утвердила рамочные соглашения о сотрудничестве в информационной безопасности и практические механизмы консультаций между профильными ведомствами (регулярные консультации, рабочие группы, обмен экспертами). Однако большинство документов ШОС носят политико-правовой характер и ориентированы на согласование позиций (включая совместный подход к угрозам «три злобы»: терроризм, сепаратизм, экстремизм), а не на унификацию уголовного законодательства или создание единых процессуальных механизмов обмена электронными доказательствами [8].

Наряду с региональными соглашениями на уровне ООН в конце 2024 г. была принята Конвенция ООН против киберпреступление; совершенствование международного сотрудничества совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем (далее – ИКТ), и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (2024). В разработке конвенции активно участвовала российская сторона, а ее подписание странами участницами произошло летом 2025 года. После подписания конвенции, конвенция должна пройти этап ратификации [9].

В первую очередь предлагается использовать официальную терминологию ООН. “Информационно-коммуникационная система» означает любое устройство или группу соединенных или взаимосвязанных устройств, одно или несколько из которых по команде программы производит сбор, хранение и автоматическую обработку электронных данных” [10]. Это первый универсальный договор в области киберпреступности, разработанный под эгидой Генеральной Ассамблеи ООН. Как указывается в работе Д. Д. Штодиной принятие документа стало ответом на «стремительный рост кибернетической преступности» и отсутствие ранее всеобщего регламента, а также продолжением естественного развития через начатую конвенцию резолюции ГА ООН A/74/247 от 2019 года [11]. Конвенция ООН закрепляет положения о сотрудничестве в расследовании преступлений с использованием информационно-коммуникационных технологий и взаимопомощи по представлению электронных доказательств. Новый договор призван дополнить Будапештскую Конвенцию и закрыть нормативные пробелы, однако его тексты еще не во всех деталях отрегулированы (например, остаются дискуссии об объеме юрисдикции и защите данных) [10]. Так, Группа

правительственных экспертов ООН (GGE) выработала свод рекомендаций по поведению государств в киберпространстве, подтвердив применимость международного права в киберсфере [10].

Международные организации и союзы играют важную роль в практической координации. Интерпол и Европол обладают специализированными подразделениями (например, Европол – Центр противодействия киберпреступности EC3), координируют совместные операции и накапливают аналитическую информацию. Регулярно проводятся многосторонние учения (например, INTERPOL Cybercrime Conference) и операции по аресту киберпреступников и закрытию инфрастуктуры (например, акции против сетей ботнетов, Darknet-маркетов). Кроме того, ООН через UNODC реализует программы подготовки правоохранителей и судебных органов разных стран, развивая «культуры сотрудничества» и унификации методик расследований. Евросоюз применяет директивы и регламенты, предусматривающие обязательный обмен информацией между национальными центрами реагирования (CERT), а также международные соглашения с третьими странами (соглашение об экстрадиции, доступ к личным данным). ШОС располагает конкретной договорной базой по информационной безопасности – ключевой документ – Agreement on Cooperation in Ensuring International Information Security (2009) – задает рамки сотрудничества по обмену информацией, предупреждению угроз и проведению совместных упражнений и консультаций профильных ведомств. Научные исследования демонстрируют, что ШОС развивает в регионе концепцию коллективной защиты информационного пространства и «киберсуверенитета», при этом акцент делается на межгосударственной координации и обмене экспертным ресурсом, а не на полной юридической гармонизации уголовного права о киберпреступлениях [13].

Кроме того, важную роль играют частно-государственные партнерства. Крупные IT-компании и провайдеры интернет-услуг поддерживают постоянные каналы связи с полицейскими, что ускоряет получение электронных доказательств. Был введен стандарт запросов отследить активность пользователей (например, «траслирование данных» по запросу компетентных органов) – во многих странах его соблюдение осуществляется по принципу «стражи порядка предъявили ордер – компании обязаны отреагировать». Принципиальное значение имеет и 24/7 сеть контактов по e-evidence (например, механизм «Молния» в рамках Европейского Союза и Будапештской конвенции), которая допускает немедленную реакцию на инциденты. Так, Франция во время террористических атак «Шарли Эбдо» 2015 г. через подобные каналы получили ценную информацию от зарубежных интернет-компаний. Эффективность таких практик подчеркивается в отчетах: за первый квартал 2019 г. Великобритания обработала десятки срочных запросов из более чем 20 стран, а Панама через статьи 16–17 Будапештской конвенции помогла Израилю, Швейцарии и Австралии по обмену электронными доказательствами.

Несмотря на прогресс, международное сотрудничество сталкивается с рядом препятствий. Во-первых, сохраняются принципиальные разногласия между

странами по трактовке киберугроз. Некоторые государства (Россия, Китай) продвигают концепцию «киберсуверенитета» и считают излишними некоторые нормы западных стран. Во-вторых, правовые и юрисдикционные барьеры: в разных странах неравноценно развиты нормы об электронных доказательствах, что затрудняет судебную взаимопомощь. Третий фактор – технологическая сложность: динамика развития технологий (AI, облака, IoT) опережает темпы принятия межгосударственных нормативов. Ускоряются атаки в киберпространстве, в то время как создание доказательной базы (digital forensics) требует тонких международных согласований. В-четвертых, проблема доверия и информации: часто страны неохотно делятся разведданными и киберпрофилированием, опасаясь компрометации или использования против них. К тому же отдельные государства служат «убежищем» для киберпреступников (где их не выдают), что порождает фрустрацию партнеров. Наконец, ресурсная разница: развитые страны опережают по техническим и экспертным возможностям многие государства, поэтому часто необходима внешняя помощь (например, через программы США, ЕС и ООН по обучению и оснащению правоохранителей).

Указанные барьеры делают сотрудничество более затратным и иногда непрозрачным. Например, атрибуция крупной атаки (как NotPetya) требует согласованных усилий спецслужб многих стран; без взаимного доверия объявление виновных не столь эффективно. Тем не менее даже эти ограничения стимулируют инновации. Так, возрос интерес к частным инициативам международных «коалиций доверия» – например, Парижская декларация доверия и безопасности в киберпространстве (2018) или Группа прямых действий по выработке норм в рамках ООН.

Несомненно, международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью будет углубляться. Новое соглашение ООН 2024 г. может стать основой для стандартизации методов сотрудничества и заполнения «юридических пустот» (например, унифицированные нормы о криптовалютах и цифровых доказательствах). Расширится число участников: ожидается, что многие страны, не подписавшие Будапештскую конвенцию, рассмотрят присоединение к ней или к новому договору для укрепления правового режима против кибератак. Планируется развитие практических механизмов, таких как автоматизированные системы обмена запросами об электронных доказательствах (e-evidence), унификация стандартов сбора цифровых отпечатков и дальнейшее развитие круглосуточного сетей экстренного реагирования.

Технологические тренды предполагают новые формы взаимодействия: международные коалиции по обмену угрозами («threat intelligence-sharing»), где государства и частный сектор совместно мониторят и блокируют зловредные активности. Ожидается усиление работы на базе блокчейн и криптографии для безопасного и проверяемого обмена информацией об атаках. Также развивается сотрудничество в области аналитики больших данных и искусственного интеллекта, позволяющее заранее выявлять скоординированные атаки (каждый подобный проект должен сочетать усилия множества стран).

В условиях неумолимо растущих киберугроз международное сотрудничество государств стало ключевым элементом глобальной безопасности. Опыт последних лет показал: серьезная кибератака в одной стране быстро приобретает глобальные последствия, и лишь объединенные усилия правоохранительных, технических и судебных органов разных стран позволяют эффективно реагировать и сдерживать киберпреступников. При этом нарастают вызовы: технологические прорывы создают новые формы атак, а геополитические разногласия затрудняют быстрый обмен данными. Тем не менее мир постепенно выстраивает систему сотрудничества: дополняет региональные договоры универсальными, создает постоянные структуры и сети взаимодействия, развивает совместные тренировки и расследования. Далее важно стимулировать объединение усилий на основе доверия и прозрачности, продвигать принципы демократии в киберпространстве и учитывать интересы всех участников. Только при таком подходе международное сообщество сможет обеспечить адекватную защиту от современных киберугроз и приблизиться к стабильности и миру в цифровую эпоху.

Список литературы

1. Актуальные киберугрозы: I–II кварталы 2025 года // Positive Technologies URL: https://ptsecurity.com/ru-ru/research/analytics/aktual-nye-kiberugrozy-i-ii-kvartaly-2025-goda/ (дата обращения: 25.09.2025).

2. Increasing International Cooperation in Cybersecurity and Adapting Cyber Norms // Council on Foreign Relations URL: https://www.cfr.org/report/increasing-international-cooperation-cybersecurity-and-adapting-cyber-norms (дата обращения: 25.09.2025).

3. Dong, Irene, Future of War: The United States Cyber Warfare and International Cooperation (June 08, 2024). Available at SSRN: https://ssrn.com/abstract=4858334 or http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4858334

4. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации (Минск, 01.06.2001) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://copat.gov.az/... (дата обращения: 28.09.2025).

5. Федеральный закон от 01.10.2008 г. № 164-ФЗ О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.10.2008 // Российская газета

6. "Модельный закон о противодействии киберпреступности" (Принят 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге Постановлением 55-20 на 55-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ)

7. Лепешкина Оксана Ивановна Международное сотрудничество государств СНГ по противодействию киберпреступности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. №4 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-gosudarstv-sng-po-protivodeystviyu-kiberprestupnosti (дата обращения: 29.09.2025).

8. Agreement on Cooperation in Ensuring International Information Security (SCO, Yekaterinburg, 16 June 2009) [Эл. ресурс]. – Доступ: 28.09.2025.

9. О принятии Конвенции ООН против киберпреступности // Министерство иностранных дел РФ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1989289/ (дата обращения: 26.09.2025).

10. ООН: Резолюция, принятая ГА 24 декабря 2024 г. [по докладу Третьего комитета (A/79/460, пункт 15)] 79/243. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/426/76/pdf/n2442676.pdf (дата обращения: 10.02.2025).

11. Штодина Д.Д. 2025. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года – итог «киберкомпромисса»? – Московский журнал международного права. № 1. С. 110–124. DOI: https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-1-110-124

12. Council of Europe. Convention on Cybercrime (Budapest, 23 Nov. 2001) – Key facts and provisions URL: coe.intcoe.int. (дата обращения: 26.09.2025.

Владимирова В. Э.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Удунян В. Р.,
старший преподаватель
кафедры прав человека
и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ВЛИЯНИЕ ИНСТИТУТА ПРАВОПРЕЕМСТВА НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Уникальность института правопреемства заключается в том, что в случае изменения государственной власти или границы государства, все международные обязательства сохраняются, независимо от политических изменений, то есть новое государство должно продолжать исполнять все международные договоры, подписанные его предшественником.

В связи с тем, что правопреемство, в первую очередь, затрагивает международные отношения, оно связано со следующими принципами международного права [1]:

- принцип аннулирования договоров;
- принцип континуитета договоров;
- принцип подвижности договорных границ.

Принцип аннулирования договоров утверждает, что новое государство, ставшее независимым после колониального статуса, не обязано признавать ранее заключенные договоры, если они были подписаны колониальным правительством.

Принцип континуитета применяется, когда новое государство возникает после распада суверенного государства, и оно сохраняет действие прежних договоров, если они не противоречат принципам правопреемства.

Принцип подвижности договорных границ относится к ситуации, когда территория переходит от одного государства к другому, и он означает, что договоры, заключенные государством, к которому перешла территория, начинают действовать на ней.

Принципы института правопреемства включают в себя также непрерывность государственности, то есть государство считается непрерывным субъектом международного права, несмотря на изменение его политической системы или внутренней организации; права, привилегии и иммунитеты, то есть новое государство приобретает права, привилегии и иммунитеты, которыми обладало

[1] © Владимирова В. Э., 2025.

предыдущее государство (в зависимости от формы правопреемства и волеизъявления нового государства) [2].

Один из аспектов влияния института правопреемства на развитие международных отношений – это обеспечение непрерывности международной деятельности. Благодаря этому принципу правопреемства, государства могут продолжать сотрудничество, несмотря на изменение правительства или политической системы. Это помогает сохранить международную стабильность и обеспечить прогресс в сотрудничестве между государствами.

Важно осознавать, что в контексте правопреемства в международных отношениях могут быть задействованы не только государства, но и международные организации, такие как ООН. Правопреемство в случае таких организаций осуществляется в соответствии с общими принципами, принятых в данном институте. Международные организации также могут участвовать в процедуре правопреемства, как, например, при смене правительства в стране-члене такой организации.

Например, если происходит смена власти в стране, являющейся членом Организации Объединенных Наций (ООН), новое правительство должно установить сотрудничество с ООН на основе принципов, закрепленных в Уставе ООН и других международных нормах [3].

Так, например, в 1993 г. с одобрения Генеральной Ассамблеи ООН Комиссия международного права ООН на своей 45-й сессии постановила включить в повестку дня тему «Правопреемство государств и его последствия для гражданства физических лиц и государственной принадлежности юридических лиц» [4].

При этом, следует понимать, что международно-правовой характер регулирования и правового закрепления института гражданства в случае правопреемства государств направлен, в первую очередь, на защиту прав физических лиц и обеспечение для них возможности свободного выбора гражданства [5].

Институт правопреемства обеспечивает стабильность и непрерывность взаимодействия на международной арене, благодаря этому, государства могут быть уверены в том, что их международные обязательства будут сохранены, даже при изменении политической системы или руководства.

Также он способствует укреплению правового порядка в международных отношениях. Он поддерживает идею, что государства должны соблюдать законы и обязательства, принятые ими их предшественниками. Это способствует созданию доверия и уважения между государствами, а также предотвращает нарушение международного права, что в свою очередь, позволяет избежать конфликты и споры между государствами.

Еще одним аспектом влияния института правопреемства является передача имущественных и финансовых обязательств от одного государства к другому. Например, если государство переходит от колониального статуса к независимости, оно может претендовать на наследие своего предшественника, включая активы и обязательства. Институт правопреемства обеспечивает справедливость в

этом процессе и регулирует передачу имущества от одного государства к другому.

Если же возникают какие-либо проблемы в области правопреемства, то на международной арене рассматривается влияние международных соглашений и договоров на новое государство, изменение гражданства населения, сохранение государственной собственности и расчетов с долгами предыдущего государства.

В рассмотрении спорных вопросов участвует как государство-правопреемник, так и государство-предшественник.

При этом объектами института правопреемства в международном праве в каждом конкретном вопросе будут являться [6]: межгосударственные договоры; территория государства-правопреемника; государственная собственность; государственные архивы; долги; членство в международных организациях.

Так, можно сделать вывод, что институт правопреемства, влияя на международные отношения, способствует укреплению правовых основ и эффективности международных договоров. Государства обладают определенным гарантом правовой защиты благодаря механизму реализации и защиты прав человека и гражданина, что способствует урегулированию национальных и международных конфликтов.

Правопреемство способствует поддержанию стабильности в международной системе, влияет на доверие и взаимоотношения между государствами. Когда государство честно выполняет обязательства, это вызывает уважение со стороны других субъектов международной арены.

Список литературы

1. Лукашук И.И. Правопреемство государств в отношении договоров // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravopreemstvo-gosudarstv-v-otnoshenii-dogovorov-1.

2. Рияд Таха Шамсон Правопреемство государств: научно-практические аспекты // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravopreemstvo-gosudarstv-nauchno-prakticheskie-aspekty.

3. Бабинцева А.С. Абдрашитов В.М. Правопреемство государств в практике международного праве // URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravopreemstvo-gosudarstv-v-praktike-mezhdunarodnogo-prava.

4. Г.И. Курдюков, А.Б. Аксенов Комиссия международного права ООН о гражданстве в конкретных видах правопреемства государств // URL: https://clck.ru/3GZZ9y.

5. Нуржанова М.Д. Особенности международно-правового регулирования отношений, касающихся гражданства, в случаях правопреемства государств // URL: clck.ru/3GZZ8d.

6. Носов Д. В., Правопреемство в российском праве // Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2013. – 199 с.

***Власова Е. Л.*[1],**
доцент кафедры административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КИБЕРУГРОЗ

В реалиях сегодняшнего времени информационные технологии (далее – ИТ) стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни, в которой Интернет стал главным каналом для обмена информацией.

Однако, у ИТ две стороны одной медали. С одной стороны информационные технологии способствуют развитию общества, а с другой – открывают новые возможности для воздействия на него, например, кибератаки и утечки данных стали серьезными проблемами, требующими принятия кардинальных защитных мер. Кибератака – это преднамеренное воздействие на информационную систему или ее компоненты с использованием цифровых средств**.** Потенциальной возможностью кибератаки является киберугроза.

Так, количество фишинговых атак[2] с использованием Telegram увеличилось в 3,6 раза, через WhatsApp (принадлежит признанной в России экстремистской и запрещенной корпорации Meta) – в 4 раза. Злоумышленники маскируют фишинговые ссылки под сообщения от друзей, курьеров или представителей сервисов.

По данным Kaspersky Security Network, в первом квартале 2025 года в Российской Федерации было нейтрализовано более 12 млн атак с использованием вредоносного мобильного, рекламного или нежелательного программного обеспечения (далее – ПО), при этом самой распространенной угрозой для устройств стали троянцы (39,56% от всех обнаруженных угроз)[3].

По данным Центра ресурсов по борьбе с хищением персональных данных, за первое полугодие 2025 года в России было зафиксировано 1732 случая утечек данных, что на 11% больше, чем за аналогичный период 2024 года [1].

---

[1] © Власова Е. Л., 2025.

[2] Фишинговые атаки (фишинг, англ. phishing) – это способ интернет-мошенничества, при котором злоумышленники пытаются получить личную информацию пользователей: логины, пароли, номера банковских карт и т. д. с помощью маскировки под надёжные источники. Цель – заставить человека перейти по ссылке, ввести данные и тем самым передать их мошенникам.

[3] Троянцы – это особый класс вредоносного программного обеспечения, который зачастую пытается мимикрировать под те или иные приложения, чтобы убедить пользователя скачать и установить его на своё устройство. Трояны используют, чтобы получить контроль над компьютером, нанести вред системе или локальной сети, украсть личные данные или отследить действия пользователя.

Так, 28 июля 2025 года хакерская атака нарушила работу IT-систем «Аэрофлота», что привело к отмене десятков рейсов, массовым сбоям в расписании и большим финансовым потерям перевозчика. В октябре 2024 года произошла крупная атака на ГАС «Правосудие» и российские СМИ. Хакеры взломали государственную систему, которая используется для управления судебными процессами, и парализовали работу нескольких крупных российских СМИ, включая ВГТРК [2].

Число кибератак увеличилось не только в РФ, но и по всему миру. Их доля выросла на 30 % по сравнению с 2022 годом. Ежедневно фиксируется 2,200 атак (каждая через 39 секунд). Годовой ущерб от киберпреступлений достиг $10.29 трлн [3]. Ransomware[1] остается доминирующим типом атак (68% всех угроз).

Чаще всего кибератакам по всему миру подвергались образование и исследования – 3,341 атаки в неделю, государственный сектор – 2,084 атаки в неделю, здравоохранение – 1,999 атак в неделю [4].

Что касается регионального распределения, то чаще других кибератакам подвергается Африка – 3,365 атак на организацию в неделю, на втором месте Европа – рост атак на 22% за год, замыкает тройку «лидеров» Северная Америка – 53% случаев вымогательства.

Поэтому, как думается, международное сотрудничество в сфере кибербезопасности в настоящее время должно стать ключевым элементом глобальной безопасности, успех которого будет зависеть от преодоления политических разногласий, стандартизации технологий и усиления взаимодействия между государствами, частным сектором и международными организациями. Организующую роль, на наш взгляд, в решении данного вопроса должна взять на себя Организация Объединенных Наций (далее – ООН), поскольку в ее составе есть контртеррористическое управление ООН (далее – КТК**)** осуществляющее инициативы в области новых технологий, в том числе, программ по кибербезопасности и новым технологиям, направленных на укрепление потенциала государств-членов в области предотвращения и смягчения последствий неправомерного использования технических достижений[2].

Кроме того, агентством ООН является Международный союз электросвязи (далее – МСЭ), который разрабатывает глобальные стандарты для защиты цифровой инфраструктуры[3].

---

[1] Ransomware, или программы-вымогатели, – это вредоносное программное обеспечение, которое блокирует доступ к данным или компьютерной системе, требуя выкуп за их восстановление. В большинстве случаев такие вирусы шифруют файлы с помощью стойкой криптографии, а затем выводят сообщение с угрозами и инструкцией по оплате.

[2] Россия – член ООН, сооснователь организации и постоянный член Совета Безопасности с правом вето с 1991года. Помимо того, Российская Федерация – член Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН (КТК). По информации на 20 августа 2025 года, и. о. Постоянного представителя России при ООН Д.А. Полянский отметил, что Россия высоко ценит работу Управления ООН по контртерроризму и готова оказывать ему поддержку.

[3] Россия не входит в состав МСЭ, но сотрудничает с этой организацией. В 2001 году Совет МСЭ принял решение об учреждении в России Зонального представительства МСЭ. Оно

В настоящее время современные киберугрозы требуют от мировых держав преодоления политических разногласий и формирования единого фронта для защиты глобальной информационной инфраструктуры. Однако, реализация этого подхода сталкивается с рядом вызовов, связанных с различиями в национальных стратегиях, правовых нормах и вопросах суверенитета. Государства опасаются, что совместные меры повлекут утрату контроля над национальными информационными системами. Так, Россия и Китай выступают за создание универсального международно-правового режима обеспечения международной информационной безопасности, исключающего односторонние ограничительные меры, тогда как США и их союзники используют киберсанкции как инструмент геополитического давления [5]. США вводят ограничительные меры против физических и юридических лиц, вовлеченных в кибератаки против американских структур, либо так или иначе связанных с деятельностью в цифровой среде, которая затрагивает американские интересы[1]. Решением данной проблемы, на наш взгляд, явилось бы создание механизма киберсанкций под эгидой ООН с четкими критериями атрибуции атак. Такой механизм позволил бы снизить уровень межгосударственной конфронтации в цифровой среде и усилить меры доверия в киберпространстве. Например, 24 декабря 2024 года Генеральная Ассамблея ООН приняла Конвенцию по киберпреступности, которая была разработана по инициативе России. Документ направлен на укрепление международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью и защиту общества от угроз информационной безопасности.

Резолюция 79/243 будет открыта к подписанию в октябре 2025 года в Ханое (Вьетнам). Чтобы конвенция вступила в силу, подписать и ратифицировать ее должны не менее 40 государств[2].

Но уже сейчас известно, что у документа множество противников, прежде всего в западных странах. Скептиков, к которым относятся власти ряда европейских стран, западные IT-корпорации и некоммерческие организации, не устраивает то, что инициатором документа выступила Россия [6], некоторые правозащитные организации выразили опасения, что документ может привести к усилению цифровой слежки и нарушению прав человека.

Кроме того, высказываются опасения, что подписание резолюции 79/243 будет затруднено различиями в национальных стратегиях. Так, некоторые страны фокусируются на защите госинфраструктуры, другие – на бизнесе. Это

оказывает помощь в развитии электросвязи, внедрении современных информационно-коммуникационных технологий и подготовке специалистов. В 2022 году стало известно, что Россия не смогла войти в Совет МСЭ и потеряла выборные позиции в некоторых органах организации. Однако, Россия сможет вновь побороться за выборные позиции в МСЭ с 2027 года.

[1] В 2024 году корпорация ICANN (по управлению доменными именами и IP-адресами) представила проект правил подачи заявок на регистрацию новых доменов верхнего уровня, в которых содержится пункт об обязательстве соблюдать американские ограничительные меры.

[2] Условие о 40 государствах для вступления в силу конвенции по резолюции 79/243 закреплено в самом договоре, что соответствует принципам международного права, изложенным в Венской конвенции 1969 года. Это стандартная практика для многосторонних соглашений, где число ратификаций определяется их участниками на этапе принятия.

затрудняет координацию. Думается, что решением могла бы стать разработка гибридных стандартов, учитывающих как военные, так и гражданские аспекты. Гибридные стандарты включают в себя сочетание локальных сервисов и современных многонаправленных взаимодействий и сервисов, часто называемых облачными сервисами[1].

Считаем, что в основе гибридной системы защиты могут лежать, например, принципы нулевого доверия, то есть, обеспечение безопасного и подтвержденного доступа каждого пользователя (устройства) к информационным ресурсам, использование модели минимально необходимых привилегий и контроля доступа, мониторинг действий и активности пользователей за счет аналитики данных. Развивающиеся страны высказывают опасения о возможности нехватки ресурсов, в том числе, ограниченных бюджетов на киберзащиту и дефицита кадров. Для решения этих проблем, как думается, необходимы программы технической поддержки от международных организаций и партнерство с частными компаниями. Например, в 2024-2025 годах российские компании подписали ряд соглашений со странами Африки, Ближнего Востока и Азии. В частности, Kaspersky стала партнером инициативы Smart Africa[2], объединяющей 40 государств континента, а Positive Technologies[3] заключила соглашения в Египте и Саудовской Аравии.

Таким образом, ключевыми направлениями международного сотрудничества в области кибербезопасности на наш взгляд, являются: разработка единых правил защиты цифровых инфраструктур, включая энергетику, финансы и телекоммуникации. Гармонизация законодательства для упрощения расследования инцидентов и экстрадиции преступников; межстрановый обмен информацией и разведывательными данными; партнерство с технологическими компаниями (Microsoft, Google, IBM) для разработки решений против ransomware и DDoS-атак; участие бизнеса в киберучениях и тестировании новых технологий защиты; создание международных курсов по кибербезопасности, включая подготовку специалистов для развивающихся стран, в том числе, разработка стипендиальные программы и обмен опытом между университетами.

---

[1] Для создания целостной и эффективной системы безопасности в такой инфраструктуре необходимо учитывать несколько ключевых аспектов: единое управление доступом. Разрозненный контроль доступа в разных средах может увеличить риск утечек данных и усложнить администрирование; общая система мониторинга, которая собирает события из всех источников. Без единого обзора угрозы сложнее обнаружить вовремя, особенно если они возникают в разных частях инфраструктуры; согласованные политики с одинаковыми правилами доступа и защиты для всех сред. Различия в стандартах могут создать уязвимости, которые легко использовать злоумышленникам; интеграция реакции на инциденты. При атаке на одну часть системы важно проверять и остальные. Это позволяет остановить угрозу до её распространения.

[2] Smart Africa – альянс африканских стран, международных организаций и глобальных игроков частного сектора, направленный на цифровую трансформацию и социально-экономическое развитие в секторе ИКТ

[3] Positive Technologies (ПАО «Группа Позитив») – российская компания, специализирующаяся на разработке решений в сфере информационной безопасности.

Международное сотрудничество в кибербезопасности станет ключевым элементом глобальной безопасности. Успех зависит от преодоления политических разногласий, стандартизации технологий и усиления взаимодействия между государствами, частным сектором и международными организациями. Страны, инвестирующие в цифровые решения и подготовку кадров, получат стратегическое преимущество в борьбе с трансграничными угрозами.

Список литературы

1. Взломать за 60 секунд. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7737707.

2. ГАС «Правосудие» восстановила работу // К сбою привела хакерская атака. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/discussion/2024/11/11/gas_pravosudie_vosstanovila_rabotu__k_sboyu_privela_hakerskaya_ataka.

3. 83 Cybersecurity Statistics 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.demandsage.com/cybersecurity-statistics/.

4. Цифра дня: подсчитано количество всех кибератак на Россию за 2024 год. [Электронный ресурс]. URL: https://hi-tech.mail.ru/news/121003-cifra-dnya-podschitano-kolichestvo-vseh-kiberatak-na-rossiyu-za-2024-god/.

5. Перспективы создания механизма киберсанкций на глобальном уровне: пути и вызовы. [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-sozdaniya-mekhanizma-kibersanktsiy-na-globalnom-urovne-puti-i-vyzovy/.

6. Об истории создания и итогах работы Специального комитета по разработке всеобъемлющей международной Конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях. [Электронный ресурс]. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3162.

***Володина Д. В.*[1],**
студентка факультета экономики и права
Таганрогского института имени А. П. Чехова
(филиал) Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ)

Научный руководитель:
***Курилкина О. А.*,**
заведующий кафедрой
отраслевых юридических дисциплин,
Таганрогского института имени А. П. Чехова
(филиал) Ростовского государственного
экономического университета (РИНХ),
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Коррупция является одной из наиболее острых глобальных проблем современного мира. Она подрывает основы государственного управления, разрушает доверие общества к институтам власти, препятствует экономическому развитию и ставит под угрозу права и свободы граждан. В условиях глобализации коррупционные практики не ограничиваются национальными границами: транснациональные корпорации, офшорные схемы, международные переводы капитала и использование юрисдикционных различий создают условия для уклонения от ответственности. Именно поэтому международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции приобретает ключевое значение. Несмотря на наличие международных документов и организаций, в области борьбы с коррупцией сохраняется ряд проблем: каждое государство имеет свои определения коррупционных преступлений, особенности квалификации и меры наказания [4, с. 21]. Это затрудняет унификацию подходов и эффективное применение международных норм; коррупция часто пронизывает высшие эшелоны власти, поэтому некоторые государства формально поддерживают международные инициативы, но на практике препятствуют их реализации; использование офшорных зон, криптовалют, фиктивных компаний и подставных лиц осложняет отслеживание незаконных денежных операций [3]. Международные механизмы обмена финансовой информацией работают неравномерно и не охватывают все юрисдикции; такие структуры, как ООН или Совет Европы, разрабатывают стандарты и механизмы, но не обладают полномочиями прямого принуждения государств к их исполнению; в одних странах акцент делается на уголовное преследование, в других – на превентивные меры (например, декларирование доходов или электронные сервисы). Отсутствие гармонизированного подхода снижает результативность международных усилий [2].

---

[1] © Володина Д. В., 2025.

Основные международные механизмы

1. Конвенция ООН против коррупции (2003). Это главный универсальный документ, закрепляющий меры по предупреждению коррупции, криминализации коррупционных действий, международному сотрудничеству, возврату активов и технической помощи. Конвенция стала глобальным стандартом, но ее эффективность зависит от качества имплементации в национальные законодательства.

2. Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию (1999) и Гражданско-правовая конвенция о коррупции (1999). Эти акты закрепляют стандарты для стран Европы, включая механизмы уголовного преследования и компенсации ущерба пострадавшим сторонам.

3. Группа государств против коррупции (GRECO). Создана при Совете Европы, проводит мониторинг выполнения обязательств странами-участниками, формирует рекомендации и оценивает уровень антикоррупционной политики.

4. ОЭСР и борьба с подкупом иностранных должностных лиц. Конвенция ОЭСР направлена на предотвращение коррупции в международных коммерческих сделках. Она акцентирует внимание на ответственности транснациональных корпораций.

5. Региональные инициативы. В Африке действует Африканская конвенция о предотвращении и борьбе с коррупцией (2003), в Латинской Америке – Межамериканская конвенция против коррупции (1996). Эти документы отражают специфику регионов и помогают учитывать локальные особенности.

6. **Современные вызовы и пути совершенствования**

Международное сообщество должно развивать единые стандарты раскрытия информации о бенефициарных владельцах компаний, внедрять международные базы данных и блокчейн-технологии для отслеживания транзакций. Не менее важно расширять возможности экстрадиции коррупционеров, а также взаимного признания судебных решений в рамках уголовных дел о коррупции [6]. Одним из сложнейших вопросов остается возврат средств, незаконно вывезенных за границу. Здесь необходима более тесная координация банковских систем, упрощение процедур взаимной правовой помощи и исключение политических оговорок. Международные организации должны поддерживать НПО и журналистские расследования, которые раскрывают коррупционные схемы, особенно в странах с низким уровнем политической воли. Сложность заключается в том, что борьба с коррупцией требует уважения к правовым системам государств, но вместе с тем должна строиться на универсальных принципах транспарентности и подотчетности.

Международное сотрудничество в сфере противодействия коррупции является необходимым условием эффективной борьбы с этим явлением. Несмотря на существующие трудности – различия в национальных законодательствах, политические интересы, слабую прозрачность финансовых потоков, – мировое сообщество постепенно движется к выработке единых стандартов и практик [5]. Главная задача на современном этапе – укрепление доверия между государствами, развитие механизмов обмена информацией, повышение уровня про-

зрачности и вовлечение гражданского общества в процесс контроля. Только при комплексном подходе и реальном взаимодействии национальных и международных институтов возможно ограничить масштабы коррупции, которая сегодня носит трансграничный характер [1].

Список литературы

1. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции».

2. Уголовный кодекс РФ (раздел VIII, глава 30 – «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»).

3. Бойцова В.В. Международно-правовое сотрудничество в сфере противодействия коррупции. – М.: Норма, 2022.

4. Лапаева В.В. Коррупция как социально-правовое явление: проблемы международного и российского регулирования. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2021.

5. Журнал Государство и право (статья по международному антикоррупционному сотрудничеству 2023 гг.).

6. Журнал Российская юстиция (публикация по практике применения антикоррупционного законодательства).

***Волчихина П. А.*[1],**
стажер-исследователь
Департамента права цифровых технологий и биоправа
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В РАМКАХ ЕАЭС[2]

К целям создания Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) ст.4 Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г.Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) [1] относит создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, а также формирования единых рынков, что в контексте современного уровня развития общества невозможно представить без создания единого цифрового пространства в рамках союза. В данной ситуации необходимо обратить внимание на повышение социально-экономической ценности данных, в том числе персональных, обработка которых связана с определенными угрозами. Зачастую трансграничная передача персональных данных повышает риск утраты из или компрометации, что в свою очередь сопряжено с нарушением права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Создание единого акта, регулирующего трансграничные потоки данных в рамках ЕАЭС, в значительной степени облегчит ведение бизнеса, поспособствует информационному сближению государств-членов, а также позволит обеспечить более высокий уровень защиты прав человека. Приоритетность данного направления совершенствования регулирования была отмечена еще в Решении Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 года №12 "Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года" [2], где подчеркивается необходимость создания «Соглашения об обороте данных в Союзе (в том числе о защите персональных данных)» (далее – Соглашение). В 2022 году рабочая группа по вопросам цифровой трансформации в ЕАЭС анонсировала работу над проектом Соглашения [3], однако ко второй половине 2025 года соответствующие результаты достигнуты не были.

На сегодняшний день к международным актам, которые частично регулируют указанную сферу, можно отнести Конвенцию о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 года [4], сторонами которой, в том числе, являются Российская Федерация и Республика Армения. Республика Казахстан, Республика Беларусь и Кыргызская Республика участницами конвенции не являются. Данный акт оказал значительное влияние

---

[1] © Волчихина П. А., 2025.

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00698, https://rscf.ru/project/25-18-00698/.

на формирование правового регулирования персональных данных в мире, например, ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 года №152-ФЗ "О персональных данных" во многом схожа со ст.1 Конвенции. Однако данный документ содержит относительно общие положения и предоставляет сторонам достаточно широкие возможности в части формирования собственного подхода к регулированию на государственном уровне. Предполагается, что на современном этапе формирования информационного общества необходимо обратиться к правовым инструментам, устанавливающим более четкие правила и процедуры для обеспечения соблюдения прав граждан в цифровой среде.

Несмотря на приостановлении работы над регулированием потребность в правовом разрешении данного вопроса осталась. Только в Российской Федерации прогнозируемый объем экономики данных составит 800 миллиардов рублей к 2030 году [5, с. 166]. В то же время ОНН в Резолюции №68/167 подчеркивает недопустимость незаконного или произвольного сбора личных данных в контексте права человека на неприкосновенность личной жизни [6]. Право на защиту личной жизни подразумевает, что человек имеет возможность управлять информацией о себе и предотвращать раскрытие данных, касающихся его личной и интимной жизни [7, с. 86]. В рамках собственной юрисдикции Российская Федерация стремится обеспечить максимальный уровень защиты прав человека, однако при передаче данных за границу гарантировать безопасность невозможно. Неоднородность регулирования в государствах-членах ЕАЭС создает пространство для различных злоупотреблений и в значительной степени усложняет международное взаимодействие.

В контексте рассмотрения проблемы необходимости создания единого регулирования персональных данных на территории ЕАЭС необходимо обратить внимание на одну из наиболее динамично-развивающихся юрисдикций в данной сфере – Европейский союз. Общий Регламент по защите персональных данных (далее - GDPR) вступил в силу 25 мая 2018 года, и включает в себя не только общие принципы [8], но и более детально проработанные права субъектов, обязанности обработчиков, правила трансграничной передачи и штрафы за нарушения. Создание единого акта позволило создать общий стандарт, позволяющий унифицировать разрозненное регулирование отдельных государств. GDPR является логичным продолжением ранее упомянутой Конвенции 1981 года, в значительной степени расширяя возможности по контролю над персональными данными для резидентов Европейского союза и физических лиц.

Рассуждая о наиболее успешных практиках, нашедших отражение в Общем Регламенте по защите персональных данных, можно выделить общую проактивную направленность регулирования. Во многом указанный акт соответствует семи принципам, сформулированным Энн Кавукян, которые обобщают общемировые тенденции в сфере защиты персональных данных [9]. Приоритетность законных интересов пользователя, ориентированность на перманентную защиту на всех этапах работы с данными, доступность и прозрачность являются важнейшими постулатами, соответствующими регулятивным подходам стран-

членов ЕАЭС. Кроме того, ключевую роль играет обеспеченность указанных принципов действием соответствующих правовых механизмов.

Важно подчеркнуть, что европейское регулирование пошло именно по пути жесткой регламентации, а не создания очередного единого рекомендательного акта. Предполагается, что для защиты неприкосновенности частной жизни необходимо создать четкие регуляторные рамки, единый правовой стандарт в рамках ЕАЭС. Безусловно, степень детализации должна соответствовать уровню развития законодательства о персональных данных государств-членов союза. Несмотря на наличие обособленных актов, посвященных персональным данным, содержание положений, регулирующих трансграничную передачу персональных данных, различно. Законодатели государств-членов стремятся создать списки стран, обеспечивающих адекватную защиту прав субъектов персональных данных, однако разнятся требования к информированию соответствующих органов и перечень случаев, когда передача возможна и в те страны, где надлежащий уровень защиты данных не обеспечен. Так, сравнивая п.3 ст.25 Закона Кыргызской Республики “Об информации персонального характера"[10] и п.3 ст.16 Закона Республики Казахстан от 21 мая 2013 года №94-V «О персональных данных и их защите» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.09.2025 г.) [11], можно обнаружить, что Кыргызстан допускает трансграничную передачу данных в страны, не обеспечивающие адекватный уровень защиты, в составе общедоступного массива персональных данных, а в Казахстане такой возможности на уровне закона не предусмотрено. Также необходимо обратить внимание на Федеральный закон от 27.07.2006 года №152-ФЗ (ред. от 28.02.2025) "О персональных данных" [12], ч.3 ст.12 которого обязывает оператора дополнительно уведомлять уполномоченный орган о намерении осуществлять трансграничную передачу, что является уникальным механизмом в рамках законодательства стран-членов ЕАЭС. В целом, регулирование персональных данных в регионе имеет общие направления развития, однако предметная неоднородная масса норм создает значительное препятствие для гармоничного правового и экономического взаимодействия.

Несмотря на достаточно успешную интеграцию Общего Регламента по защите персональных данных в европейское законодательство, на практике его использование может быть сопряжено с рядом проблем. Участниками рынка отмечаются высокие затраты на соответствие требованиям GDPR, что является своеобразным барьером для полноценного соблюдения законодательства. Также многие процессы с европейским регулированием персональных данных достаточно высоко бюрократизированы. Таким образом, создание отдельного акта в рамках ЕЭАС требует выработки сбалансированного подхода, учитывающего интересы как бизнеса, так и субъектов персональных данных.

На сегодняшний день регулирование оборота персональных данных на уровне ЕАЭС находится на историческом этапе развития. Различия в законодательстве государств-членов создают барьер для формирования единого цифрового пространства, в рамках которого участникам оборота данных были бы гарантированы безопасность и стабильность. Для выработки индивидуального

подхода, отвечающего потребностям участников отношений, связанных с данными, необходимо учитывать опыт международного регулирования, теоретические подходы, а также особенности законодательства государств-членов ЕАЭС. При разработке соответствующего соглашения основным приоритетом должна стать защита прав субъектов, однако интересы бизнеса и экономические последствия интеграции должны быть учтены. Унификация действующего законодательства стран ЕАЭС позволит создать правовой стандарт, который в перспективе может оказать благоприятное воздействие на регулирование персональных данных в целом в регионе.

Список литературы

1. "Договор о Евразийском экономическом союзе" (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024)// СПС КонсультантПлюс

2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.10.2017 №12 "Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года"// СПС КонсультантПлюс

3. В ЕАЭС приступили к практической работе над соглашением об обороте данных [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-pristupili-k-prakticheskoj-rabote-nad-soglasheniem-ob-oborote-dannyh-/ (дата обращения: 21.09.2025)

4. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) (вместе с Поправками к Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (СДСЕ №108), позволяющими присоединение европейских сообществ, принятыми Комитетом Министров в Страсбурге 15.06.1999)// СПС КонсультантПлюс

5. Сырцева В.Ю., Забавина А.А., Залюбовин В.С., Казарьян К.Р., Сайкина М.В., Теленков Р.А. , Чернов А.В., Байрамкулова Л.А. Белая книга цифровой экономики 2023 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://d-economy.ru/analitic/belaja-kniga-cifrovoj-jekonomiki-2023/ (дата обращения: 21.09.2025)

6. Резолюция №68/167 Генеральной Ассамблеи ООН "Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век" [рус., англ.] // СПС КонсультантПлюс

7. Бурла В.М. Цифровизация как фактор влияния на развитие конституционной аксиологии // Право и цифровая экономика. 2021. N 4. С. 84 - 91.

8. Регламент N 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза "О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)" [рус., англ.] (Принят в г. Брюсселе 27.04.2016) // СПС КонсультантПлюс

Ворачак С.[1]***,***
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ КОНВЕНЦИИ ООН ПРОТИВ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛАОСА

Лаосская Народно-Демократическая Республика ценит международное право, особенно договоры, не только как правовую основу для международных взаимодействий, но и как ценный источник для построения верховенства права на национальном уровне.

Международное и национальное право взаимосвязаны. Дружественные отношения, взаимовыгодное сотрудничество и отсутствие войн, вооруженных конфликтов и других классических и нетрадиционных угроз миру и безопасности создают благоприятные условия для стран, чтобы сосредоточиться на собственном развитии.

Лаос подписал Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [1] (далее – Конвенция ООН против ТОП) в 2003 году и ратифицировал ее в 2004 году. В дальнейшем Лаос предпринимает шаги по приведению своего национального законодательства в соответствие с международными обязательствами.

Проанализируем особенности имплементации положений Конвенции ООН против ТОП во внутригосударственные акты Лаоса.

1. Уголовный закон.

Уголовный кодекс Лаоса [2] содержит несколько статей, которые можно применить для борьбы с организованной преступностью, хотя прямой статьи «участие в организованной преступной группе» в нем может и не быть в явной форме. Статья 75 Уголовного кодекса Лаоса «Создание преступной организации» – это ключевая норма. Она криминализирует создание или руководство организованной группой с целью совершения преступлений. Наказание ужесточается, если преступления являются тяжкими или если группа действует транснационально. Статья 59 Уголовного кодекса Лаоса «Соучастие» – используется для привлечения к ответственности всех участников преступной группы, даже если они непосредственно не совершали преступления.

2. Закон Лаоса о борьбе с торговлей людьми [3]

Закон устанавливает принципы, правила и меры по управлению, мониторингу, надзору и инспекции деятельности по борьбе с торговлей людьми, чтобы обеспечить ее систематический и эффективный характер, с целью защиты прав, интересов, жизни, здоровья, достоинства, свободы граждан и сохранения наци-

[1] © Ворачак С., 2025.

ональных традиций и обычаев, а также содействия национальному развитию и защите.

Вербовка, похищение, перемещение, перевозка или передача, укрывательство или прием лиц путем убеждения, рекомендаций, обмана, оплаты или предоставления выгоды, склонения, подстрекательства или злоупотребления властью, использования угроз или других форм принуждения, долговой кабалы, тайного усыновления, тайной помолвки, тайного брака, суррогатного материнства, принудительного попрошайничества, производства, показа и публикации порнографических материалов или любыми другими средствами.

Борьба с торговлей людьми означает координацию и сотрудничество между соответствующими организациями и другими национальными и международными секторами на региональном и международном уровнях для предотвращения, преследования и помощи жертвам торговли людьми. Международное сотрудничество в борьбе с торговлей людьми должно основываться на равенстве, взаимном уважении независимости, территориальной целостности и суверенитета, а также соблюдении международных договоров, участником которых является Лаос.

Правительство поощряет международные отношения и сотрудничество с иностранными государствами на региональном и международном уровнях в целях борьбы с торговлей людьми, включая обмен информацией и технологиями, наращивание потенциала и повышение квалификации соответствующих должностных лиц, привлечение технической и финансовой помощи и выполнение международных договоров и соглашений, участником которых является Лаос.

Закон Лаоса о борьбе с торговлей людьми является прямым результатом имплементации Палермского протокола и, соответственно, Конвенции ООН против ТОП. Его определения и основные правовые конструкции почти полностью соответствуют международным стандартам. не просто криминализирует деяние, но и создает основу для системы предупреждения, защиты жертв и международного сотрудничества.

3. Закон о наркотических средствах

Закон Лаоса о наркотических средствах [4] устанавливает принципы, положения и меры в отношении контроля, предупреждения и борьбы с наркотиками, направленные на создание в Лаосе общества, свободного от незаконных наркотиков, где лаосцы всех этнических групп имеют крепкое здоровье и могут вносить вклад как сила в защиту, сохранение, строительство и развитие нации.

Основные принципы в отношении контроля, предупреждения и борьбы с наркотиками заключаются в следующем: Государство является менеджером, контролером и инспектором, централизованно и единообразно, в отношении наркотиков по всей стране; Контроль, предупреждение и борьба с наркотиками является обязанностью каждого человека и организации во всем обществе;

Международные отношения и сотрудничество: Государство поощряет отношения и сотрудничество с иностранными государствами, регионом и международным сообществом в отношении контроля, предупреждения и борьбы с

наркотиками, основываясь на принципах уважения независимости, суверенитета, территориальной целостности и взаимной выгоды. Международные отношения и сотрудничество должны осуществляться в соответствии с международными договорами и соглашениями, участником которых является Лаос.

Закон Лаоса о наркотических средствах является серьезной попыткой имплементировать ключевые положения Конвенции ООН против ТОП в национальное законодательство. Он прямо криминализирует участие в организованных преступных группах, усиливает меры по конфискации доходов и борется с коррупцией в сфере наркотрафика.

4. Закон Лаоса об иммиграции и контроле за иностранцами [5]

Этот закон определяет принципы, правила и меры в отношении управления, мониторинга и инспекции деятельности по въезду-выезду и управления иностранцами в Лаосе. Цель состоит в том, чтобы обеспечить эффективность этой деятельности, быстрое и современное обслуживание, а также защитить суверенитет и национальную безопасность. Он также направлен на гарантирование стабильного и упорядоченного общества, содействие региональной и международной интеграции и вклад в защиту и развитие нации.

Въезд-выезд в/из Лаоса относится к перемещению в страну и из страны граждан Лаоса, иностранцев, лиц без гражданства и лиц лаосского происхождения, вместе с их транспортными средствами, при наличии правильной, полной и надлежащей документации, предусмотренной правилами.

Закон Лаоса об иммиграции и контроле за иностранцами в значительной степени имплементирует положения Конвенции ООН против ТОП. Он прямо криминализирует незаконный ввоз мигрантов и торговлю людьми, укрепляет пограничный контроль и безопасность документов, и предусматривает международное сотрудничество.

Целью Конвенции ООН против ТОП является повышение сотрудничества для более эффективного предупреждения и борьбы с транснациональной организованной преступностью. Конвенция представляет собой значительный шаг вперед в борьбе с транснациональной организованной преступностью, поскольку она демонстрирует признание государствами-членами важности поднимаемых ею вопросов, а также необходимости поощрять и расширять тесное международное сотрудничество для решения этих проблем. Лаос демонстрирует твердую политическую волю к выполнению международных обязательств по Конвенции ООН против ТОП на законодательном уровне. Страна создала вполне современную и адекватную правовую базу для борьбы с транснациональной организованной преступностью.

Список литературы

1. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

2. Уголовный кодекс Лаоса // Lao Official Gazette. – URL: https://www.laoofficialgazette.gov.la/index.php?r=site/list&old=0.

3. Закон Лаоса о борьбе с торговлей людьми // The National Assembly of the Lao PDR. – URL: https://na.gov.la/.

4. Закон Лаоса о наркотических средствах // Lao Official Gazette. – URL: https://www.laoofficialgazette.gov.la/index.php?r=site/list&old=0.

5. Закон Лаоса об иммиграции и контроле за иностранцами // The Department of Immigration of Lao PDR. – URL: https://immigration.gov.la/en/legislation.

***Воротникова И. Г.*[1],**
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук, доцент

ДВУСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ФИЛИППИН И КИТАЯ

Китайско-филиппинские дипломатические отношения имеют давнюю и непростую историю. 2025 год стал юбилейным в двусторонних отношениях между странами, что позволяет обеим сторонам проанализировать пройденный путь и определить перспективы сотрудничества.

Официальные дипломатические связи, установленные Китаем и Филиппинами в 1975 году, положили начало многоуровневому двустороннему сотрудничеству. По оценкам, отношения между странами на протяжении многих лет были «в основном теплыми и сердечными», однако в последние годы они находятся в центре столкновения геополитических интересов в Юго-Восточной Азии.

В то время как обе страны сталкиваются с противоречиями, возникающими вследствие сложных исторических и геополитических связей, определенных территориальных споров, и вместе с тем с растущими экономическими возможностями, их двустороннее взаимодействие характеризуется сочетанием сотрудничества и напряженности.

Растущее влияние Китая в регионе, особенно благодаря таким инициативам, как «Один пояс, один путь», открывает значительные возможности для развития инфраструктуры и торговли Филиппин. Фактически Китай стал крупнейшим торговым партнером Филиппин, а двусторонняя торговля достигла впечатляющих показателей, которые подчеркивают потенциал экономического роста. Однако экономическая ситуация не лишена сложностей. Страны выражают обоюдную обеспокоенность по поводу продолжающихся территориальных споров в Южно-Китайском море, которые осложняют экономическое сотрудничество, поскольку обе страны борются за ресурсы в спорных водах.

Главным очагом данного спора стал арбитраж, поданный Филиппинами в Организацию Объединенных Наций (ООН) в отношении территориальных претензий Китая в Южно-Китайском море. В 2016 году Гаагский арбитражный суд вынес решение в пользу Филиппин по нескольким искам, хотя Китай его отклонил [5].

Китай и Филиппины неоднократно предпринимали попытки урегулировать спорные территориальные вопросы, чему способствовал ряд совместных документов: соглашение, подписанное во время государственного визита на Филиппины в 1996 году тогдашнего президента Китая Цзян Цзэминя; совместное заявление 2000 года, направленное на «установление долгосрочных и стабильных

[1] © Воротникова И. Г., 2025.

отношений на основе добрососедства, сотрудничества, взаимного доверия и выгоды»; совместное заявление 2007 года во время визита бывшего президента Китая Ху Цзиньтао на Филиппины, в котором подтверждалась «приверженность дальнейшим шагам по углублению стратегических и партнерских отношений во имя мира и развития между двумя странами» [5].

Тем не менее, территориальный спор в Южно-Китайском море до сих пор не урегулирован. Несмотря на это, отношения между Китаем и Филиппинами значительно укрепились в период правления бывшего президента Филиппин Родриго Дутерте. Президент Дутерте высоко оценил помощь, оказанную Китаем в рамках борьбы с COVID-19, и выразил «глубочайшую благодарность» председателю КНР Си Цзиньпину за предоставление вакцины против коронавируса, жизненно важных медицинских принадлежностей и оборудования, а также за оказание технической помощи, что стало свидетельством «доброй воли китайского правительства, а также глубоких и прочных отношений между Филиппинами и Китаем». Президент Дутерте заверил, что на время его пребывания на посту президента «даже в эти сложные геополитические времена Филиппины сохранят нейтралитет и будут верны своим обещаниям Китаю» [4].

Перед своим избранием президент Филиппин Фердинанд Маркос публично защищал дружественный Пекину подход своего предшественника, заявляя, что политика взаимодействия, проводимая правительством Дутерте, более чем уместна, и что взаимодействие с Китаем – единственный путь к прогрессу. После выборов в ходе встречи с высокопоставленными китайскими чиновниками, включая посла Китая на Филиппинах Хуан Силяня и бывшего министра иностранных дел Ван И., президент Маркос подчеркнул, что Китай будет играть центральную роль «сильнейшего партнера» в восстановлении экономики после пандемии, а Филиппины будут поддерживать «новую золотую эру» двусторонних отношений [5].

Встречи и переговоры на высшем уровне с председателем КНР Си Цзиньпином отражают как сложность, так и потенциал отношений между странами. Стремление «вывести отношения на более высокий уровень», несмотря на обостряющуюся геополитическую напряженность в Южно-Китайском море, способствовало укреплению связей и подписанию ряда двусторонних соглашений, охватывающих несколько секторов, критически важных для Филиппин. Среди этих соглашений были ключевые соглашения о сотрудничестве, а также обновленный меморандум о взаимопонимании (МОВ) по участию Филиппин в китайской инициативе «Один пояс, один путь». Так, например, визит в 2023 году был расценен как дипломатический успех, давший импульс двустороннему сотрудничеству, особенно в экономической сфере [5].

Вторая значимая встреча лидеров двух стран состоялась в ноябре 2023 года на полях саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в Сан-Франциско в критический момент, когда напряженность в Южно-Китайском море обострилась из-за инцидентов между китайскими и филиппинскими судами, включая столкновение. В ходе этой встречи президент Маркос подчеркнул важность деэскалации напряженности, призвав к созданию

«механизмов снижения напряженности» в спорных водах. Признавая серьезность геополитических вызовов, оба лидера согласились, что эти вопросы не должны затмевать более широкие отношения между их странами. Си Цзиньпин, со своей стороны, подтвердил приверженность Китая мирному развитию и взаимному сотрудничеству, что соответствует его более широкому посланию, высказанному на саммите АТЭС, о содействии формированию открытого, динамичного и мирного Азиатско-Тихоокеанского сообщества [5].

Обоим лидерам удалось сохранить прагматичный подход. В частности, заявления Си Цзиньпина о снижении напряженности между крупнейшими экономиками мира, включая Китай и США, также отражали более широкую стратегию Китая, направленную на избежание ненужных конфликтов, которые могут нанести ущерб экономическому росту и стабильности [5].

Одним из важнейших направлений сотрудничества рассматриваемых стран является их двустороннее сотрудничество в правоохранительной сфере. В этой связи необходимо отметить, что особенно успешным является взаимодействие Китая и Филиппин по вопросам репатриации, в борьбе с наркотиками и игорным бизнесом.

Проведенная в сентябре 2021 года двусторонняя конференция по вопросам укрепления сотрудничества в сфере правоохранительной деятельности и транснациональной безопасности между Манилой и Пекином, в которой приняли участие глава Филиппинской национальной полиции генерал Гильермо Элеазар и заместитель министра общественной безопасности Китая Ван Сяохун «открыла двери» для сотрудничества в области подготовки кадров и взаимной помощи, включая борьбу с терроризмом и наркотиками [7].

В рамках достигнутых соглашений сотрудниками правоохранительных органов проводятся совместные операции. Так, например, по данным посольства Китая на Филиппинах, в июле 2024 года правоохранительные органы двух стран совместно провели репатриацию в Китай троих подозреваемых, причастных к похищению людей на Филиппинах. Эта операция в очередной раз продемонстрировала твердую решимость двух стран совместно бороться с похищениями людей и другими преступлениями, связанными с офшорным игорным бизнесом. [6]

В феврале 2025 года правоохранительные органы Китая и Филиппин совместно репатриировали в Китай около 100 граждан Китая, задержанных в ходе операций по пресечению противоправной деятельности офшорных игорных операторов на Филиппинах, что ознаменовало собой очередной шаг в сотрудничестве двух стран в области правоприменения после вступления в силу запрета на офшорный игорный бизнес и демонстрирует приверженность обеих сторон борьбе с незаконными азартными играми [3].

В ходе двусторонних контактов неоднократно подчеркивалась необходимость дальнейшего сотрудничества в деле защиты прав граждан и обеспечения безопасности обеих стран. Так, на совместной консульской консультации в Пекине 22 июля текущего года генеральный директор Консульского департамента МИД КНР Лун Чжоу и заместитель секретаря Министерства иностранных дел

Филиппин Мария Антонина М. Мендоса-Облена провели углубленный обмен мнениями по вопросам обеспечения безопасности, законных прав и интересов своих граждан и учреждений за рубежом, а также содействия кадровым обменам и другим вопросам. Китай призвал Филиппины создать благоприятные условия для двусторонних контактов между гражданами обеих стран, культурных обменов и торгово-экономического сотрудничества [1; 2; 8].

Стороны признали, что «многовековая дружба между филиппинским и китайским народами составляет основу двусторонних отношений», а «правоохранительная деятельность» является одной из областей, где «двустороннее сотрудничество может продолжать процветать», при этом «обмен информацией о правоохранительной деятельности может быть дополнительно усилен» [1].

Таким образом, Китайская Народная Республика и Республика Филиппины придерживаются позиции, что взаимовыгодное двустороннее сотрудничество в разных сферах способствует сближению в китайско-филиппинских отношениях, а участие Филиппин в китайской инициативе «Один пояс, один путь» является одним из ключевых элементов этого сближения. Все совместные проекты Китая и Филиппин свидетельствуют об их тесном взаимодействии и компромиссе, к которому стремятся оба государства.

Список литературы

1. Antonio R. PH, China continue cooperation on law enforcement, tourism // National. 24.07.2025. URL: https://mb.com.ph/2025/07/24/ph-china-continue-cooperation-on-law-enforcement-tourism

2. China and the Philippines Hold the Ninth Round of Consular Consultation / Ministry of Foreign Affairs People’s Republic of China. 23.07.2025. URL: https://www.fmprc.gov.cn/eng./xw/wjbxw/202507/t20250726_11677673.html

3. China and the Philippines Repatriation Cooperation // Embassy of China in the Philippines. 26.02.2025. URL: https://ph.china-embassy.gov.cn

4. Gita-Carlos R.A. China’s Sinopharm donation much appreciated: PRRD // PNA. 20.08.2021. URL: https://www.pna.gov.ph/articles

5. Joint Statement between the People's Republic of China and the Republic of the Philippines // Department of Foreign Affairs. Beijing. 05.01.2023. URL: https://dfa.gov.ph › dfa-news

6. Law Enforcement Authorities of China and the Philippines Jointly Repatriate Three Kidnapping Suspects to China / International Cooperation // Embassy of China in the Philippines. 14.07.2024. URL: https://www.mps.gov.cn

7. Nepomuceno P. PH, China police execs hold talks on law enforcement cooperation // PNA. 03.09.2021. URL: https://www.pna.gov.ph/articles/1152464

8. Rocamora J. A. L. PH, China discuss ‘safety, rights’ of nationals in consular meet // PNA. 23.07.2025. URL: https://www.pna.gov.ph/articles/1254982

***Галиуллина А. И.*[1],**
слушатель
Уфимского юридического
института МВД России

Научный руководитель:
Латыпов В. С.,
начальник кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического
института МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ КИБЕРДИПЛОМАТИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ УГРОЗЫ

Современная эпоха характеризуется глубокой и необратимой цифровизацией всех сфер человеческой жизни, что, наряду с колоссальными преимуществами, породило новый класс вызовов глобального масштаба. Киберпространство, изначально задуманный как децентрализованная и открытая среда, превратилось в арену острого соперничества государств, платформу для транснациональной преступности и инструмент ведения гибридных войн. Угрозы, исходящие из киберпространства, – от масштабных кампаний по дезинформации до атак на критическую информационную инфраструктуру (КИИ), – не признают государственных границ и требуют слаженного ответа. Именно в этом контексте зародилось и оформилось такое направление внешнеполитической деятельности, как кибердипломатия.

Кибердипломатия представляет собой совокупность дипломатических усилий, методов и процессов, направленных на управление международными отношениями в киберпространстве, предотвращение конфликтов и выработку общих правил поведения. Ее специфика обусловлена уникальной природой самого объекта регулирования: виртуальностью, анонимностью, высокой скоростью протекания процессов и наличием множества негосударственных акторов (крупные IT-корпорации, хактивисты, преступные группировки). Если традиционная дипломатия оперировала в относительно предсказуемой системе Вестфальского суверенитета, то кибердипломатия вынуждена действовать в среде, где классические понятия суверенитета, границ и применения силы размыты и подвергаются переосмыслению [1, с. 56].

Актуальность темы настоящего исследования определяется растущей интенсивностью и разрушительным потенциалом киберинцидентов, которые способны парализовать функционирование целых государств и дестабилизировать международную безопасность. При этом существующие международно-правовые механизмы, такие как Будапештская конвенция о киберпреступности, демонстрируют свою ограниченность и неспособность консолидировать все

[1] © Галиуллина А. И., 2025.

ключевые государства. Цель данной статьи – провести детальный анализ ключевых проблем, с которыми сталкивается кибердипломатия сегодня, и на основе этого анализа предложить конкретные пути оптимизации и новейшие методы совершенствования этого критически важного направления международного сотрудничества.

Кибердипломатия как инструмент реагирования на глобальные угрозы функционирует в условиях фундаментальных противоречий, которые коренятся в самой структуре международных отношений и в различии национальных интересов ведущих держав.

Одной из центральных проблем является конфликт концепций регулирования киберпространства. С одной стороны, существует модель, продвигаемая странами Запада во главе с США, которая основана на идее «свободного и открытого интернета» (free and open internet) с минимальным вмешательством государства. С другой стороны, Россия, Китай и ряд других государств отстаивают принцип «цифрового» или «информационного суверенитета», предполагающий право государства на регулирование национального сегмента интернета, защиту своего информационного пространства и обеспечение безопасности КИИ [2, с. 34]. Этот идеологический раскол делает чрезвычайно сложной выработку универсальных правовых норм. Например, российские инициативы в ООН по заключению международной конвенции по борьбе с киберпреступностью сталкиваются с сопротивлением западных стран, которые видят в них угрозу свободе слова и инструмент усиления государственного контроля.

Другой фундаментальной проблемой является «дилемма доверия» в условиях тотальной анонимности. В традиционной военной сфере наращивание группировок войск у границ является видимым и поддающимся верификации действием. В киберпространстве подготовка к масштабной атаке может годами оставаться незамеченной. Приписывание (attribution) кибератак остается технически и политически сложной задачей. Государства зачастую отказываются от ответственности, ссылаясь на действия «независимых хакеров», что создает почву для взаимных обвинений и подрывает саму возможность для конструктивного диалога. Отсутствие прозрачности и надежных механизмов верификации действий участников является питательной средой для «кибербезопасной дилеммы», когда оборонительные меры одного государства воспринимаются другим как подготовка к нападению.

Технологическое и ресурсное неравенство между государствами также выступает серьезным препятствием. Развитые страны обладают передовыми киберкомандованиями и разведывательными возможностями, в то время как многие развивающиеся государства не имеют достаточного потенциала даже для защиты собственных правительственных сетей. Это неравенство порождает асимметрию в подходах: для одних киберпространство – это поле для наступательных операций и сбора разведданных, для других – зона уязвимости. Как следствие, формируется запрос на разные «правила игры», что затрудняет достижение консенсуса по таким вопросам, как определение порога применения

военной силы в киберпространстве (jus ad bellum) или гуманитарные аспекты киберконфликтов.

Наконец, значительной проблемой является высокая скорость эволюции киберугроз по сравнению с инерционными дипломатическими процессами. В то время как многосторонние переговоры в рамках ООН или региональных организаций длятся годами, методы и инструменты кибератак обновляются ежедневно. Это приводит к тому, что любые принимаемые соглашения рискуют устареть еще до их ратификации. Бюрократическая медлительность традиционной дипломатии плохо совместима с динамичной и изменчивой природой киберпространства.

Преодоление указанных системных проблем требует отказа от шаблонных подходов и поиска новых, более гибких и прагматичных форматов взаимодействия. Оптимизация кибердипломатии должна быть направлена на создание многоуровневой архитектуры сотрудничества, которая способна функционировать даже в условиях стратегической нестабильности.

Учитывая тупиковую ситуацию с выработкой всеобъемлющей универсальной конвенции, наиболее перспективным представляется путь развития многоформатного и многоуровневого диалога. Параллельно с работой в формате ООН (Группа правительственных экспертов / Открытая рабочая группа) необходимо активно развивать региональные и тематические площадки. Такие структуры, как Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС, демонстрируют возможность согласования общих позиций по вопросам информационной безопасности на основе уважения принципа суверенитета [3, с. 89]. Российская дипломатия должна продолжать активную работу по консолидации вокруг этой концепции стран «глобального Юга», для которых контроль над национальным цифровым пространством является вопросом национальной безопасности.

Важным новым подходом является инициирование неформальных, узкопрофессиональных диалогов с участием не только дипломатов, но и технических специалистов, юристов-международников и представителей силовых ведомств. Подобные «трековые две» (track-two) дипломатия-инициативы, проводимые под эгидой авторитетных аналитических центров, позволяют в неофициальной обстановке проработать сложные технические детали, обсудить сценарии деэскалации и выработать взаимопонимание, которое впоследствии может быть формализовано на официальном уровне.

Для снижения рисков эскалации, вызванных ошибками или неверной интерпретацией киберинцидентов, критически важно создание каналов оперативной доверительной связи. Новейшим методом здесь может стать не просто подписание двусторонних соглашений (как, например, российско-американская договоренность 2013 года о создании линии связи по кибербезопасности, которая не была эффективно реализована), а создание постоянно действующих совместных центров кризисного реагирования. В такие центры на постоянной основе могли бы входить уполномоченные представители сторон для оперативного

обмена информацией о кибератаках, их атрибуции и координации мер по их нейтрализации [4, с. 112].

Еще одним перспективным направлением является разработка и внедрение детализированных и юридически необязательных (soft law) кодексов поведения ответственных государств в киберпространстве. Такие кодексы, будучи проще для принятия, чем жесткие международные договоры, могут устанавливать определенные «правила дорожного движения». Например, они могут включать положения о неприкосновенности КИИ объектов ядерной энергетики, здравоохранения и систем экстренного оповещения, о взаимных уведомлениях о крупных киберучениях, а также о сотрудничестве в расследовании киберпреступлений. Постепенное наполнение таких кодексов конкретным содержанием и их добросовестное выполнение позволит наращивать тот самый дефицит доверия.

В условиях правовых разногласий прагматичной альтернативой может выступать сотрудничество на техническом уровне. Кибердипломатия должна активно способствовать выработке общих международных стандартов кибербезопасности для критически важных объектов, протоколов обмена данными между национальными CERT (Командами реагирования на компьютерные инциденты), а также единых форматов запросов правовой помощи. Такой технический функционализм, отвлекая от идеологических споров, позволяет решать конкретные практические проблемы, снижая общий уровень уязвимости.

Наиболее реальной областью для прорыва в ближайшей перспективе является сфера противодействия транснациональной киберпреступности. Рост числа атак с использованием программ-вымогателей (ransomware), затронувших в том числе и объекты КИИ по всему миру, создает общую для всех государств угрозу. Это открывает окно возможностей для формирования для этого случая коалиций и оперативных рабочих групп между правоохранительными органами разных стран, как это уже происходило в отдельных случаях. Российская кибердипломатия могла бы выступить с инициативой по созданию постоянно действующей многосторонней платформы под эгидой Интерпола или иной структуры для совместного отслеживания и пресечения деятельности наиболее опасных преступных группировок, невзирая на политические разногласия.

Эффективность кибердипломатии напрямую зависит от качества ее кадрового и экспертного обеспечения. Необходимо готовить новое поколение дипломатов, обладающих глубокими междисциплинарными знаниями в области международного права, информационных технологий и стратегических исследований. Вузы дипломатического профиля должны внедрять специализированные магистерские программы по кибердипломатии, активно привлекать к преподаванию практиков из сферы IT и кибербезопасности.

Наконец, важнейшей задачей является усиление компонента публичной кибердипломатии. Речь идет о целенаправленной работе по разъяснению и продвижению национальных позиций и инициатив в области регулирования киберпространства для мировой экспертной аудитории. Использование современных цифровых платформ, публикация аналитических докладов на ос-

новных мировых языках, активное участие экспертов в международных конференциях – все это позволяет формировать благоприятный информационный фон и находить союзников для своих предложений, лоббируя национальные интересы в глобальном киберпространстве [5, с. 145].

Кибердипломатия находится на передовой борьбы с глобальными угрозами XXI века. Проведенный анализ показывает, что, несмотря на наличие глубоких системных проблем, связанных с идеологическими расколами, дефицитом доверия и технологическим неравенством, поле для конструктивного взаимодействия остается. Перспективы развития кибердипломатии лежат не в утопических попытках создать единый для всех свод законов, а в прагматичном и поэтапном движении по нескольким параллельным направлениям.

Ключевыми путями оптимизации являются: развитие многоуровневого диалога на основе уважения цифрового суверенитета; внедрение конкретных мер доверия и инструментов оперативной связи для предотвращения эскалации; углубление технического сотрудничества в области стандартизации и борьбы с киберпреступностью; а также совершенствование кадрового и экспертного потенциала. Новейшие методы, такие как создание совместных центров кризисного реагирования, развитие «трековых двух» инициатив и усиление публичной дипломатии, призваны наполнить эти направления конкретным содержанием.

Успех кибердипломатии в конечном счете будет определяться способностью государств, несмотря на политические разногласия, осознать общую ответственность за поддержание стратегической стабильности в новой, цифровой сфере. Для России это открывает возможность закрепить за собой роль одного из архитекторов будущего миропорядка в киберпространстве, активно продвигая сбалансированную и справедливую повестку, основанную на принципах международного права, суверенного равенства и коллективной безопасности.

Список литературы

1. Крутских, А.В. Информационное противоборство и международная безопасность / А.В. Крутских // Международная жизнь. – 2023. – № 5. – С. 54-67.

2. Стрельцов, А.А. Обеспечение информационной безопасности в контексте концепции цифрового суверенитета / А.А. Стрельцов // Мировая экономика и международные отношения. – 2024. – Т. 68, № 1. – С. 32-42.

3. Лукашук, И.И. Кибердипломатия и международное право: новые вызовы и перспективы сотрудничества в рамках БРИКС и ШОС / И.И. Лукашук // Правовое поле современной экономики. – 2023. – № 8. – С. 85-98.

4. Федоров, А.В. Управление киберконфликтами: меры доверия и механизмы деэскалации / А.В. Федоров // Современная Европа. – 2024. – № 2. – С. 105-118.

5. Земскова, Е.С. Публичная дипломатия в цифровую эпоху: инструменты продвижения национальных интересов в киберпространстве / Е.С. Земскова // Вестник МГИМО-Университета. – 2025. – № 1 (70). – С. 140-152.

Галкин В. В.[1]***,***
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БЮРО ИНТЕРПОЛА СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ

В современных условиях, когда преступная деятельность приобретает транснациональный масштаб, вопросы международного полицейского сотрудничества выходят на первый план [1]. Особую значимость это сотрудничество имеет для стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ, Содружество), которые связаны не только географической близостью, но и общностью исторического развития, а также схожими вызовами в сфере безопасности.

Сотрудничество государств в борьбе с преступностью представляется институализированным. «Созданы и успешно функционируют специализированные международные организации, обеспечивающие диалог по вопросам борьбы с преступностью» [2, с. 61].

Национальные центральные бюро Интерпола (далее – НЦБ Интерпола), выступая в роли ключевых звеньев в системе глобального обмена правоохранительной информацией, являются основным инструментом координации усилий в борьбе с такими угрозами, как организованная преступность, терроризм, незаконный оборот наркотических средств, незаконная миграция и киберпреступность. Эффективность их взаимодействия напрямую влияет на уровень безопасности в регионе.

Актуальность темы подчеркивается постоянной эволюцией преступной деятельности, которая становится все более организованной и приобретает международный характер, создавая разветвленные сети, действующие одновременно в нескольких юрисдикциях. В этом контексте страны СНГ сталкиваются с общими угрозами, что делает их сотрудничество не просто желательным, а жизненно необходимым.

Согласимся с точкой зрения Е. В. Баркаловой, которая отмечает, что «в рамках осуществления международного сотрудничества в сфере уголовного судо-

[1] © Галкин В. В., 2025.

производства одним из приоритетных направлений является взаимодействие с органами, организациями и учреждениями иностранных государств и территорий, а также с международными органами и организациями по вопросу выдачи лиц, находящихся в международном (межгосударственном) розыске, для уголовного преследования и (или) исполнения приговора» [3, с. 22]. Данный тезис точно отражает сущность деятельности НЦБ, где центральное место занимает именно розыск и экстрадиция лиц, скрывающихся от правосудия. Без налаженного механизма такого взаимодействия усилия правоохранительных органов одной страны могут быть сведены на нет возможностью преступников укрыться на территории соседнего государства.

Ключевая проблема эффективного взаимодействия заключается в существующей правовой и организационной асимметрии между государствами Содружества. Несмотря на общее прошлое, после распада СССР каждая из стран пошла своим путем развития, что отразилось на национальных правовых системах. Существенные различия в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве создают определенные барьеры на пути оперативного обмена информацией и координации совместных действий.

Отдельным актуальным вызовом является киберпреступность. Как справедливо отмечает Ю.В. Пузырева, «в современном мире информационное пространство по праву стало считаться пятой пространственной сферой построения разносторонних отношений как внутри государств ..., так и между государствами на различных международных площадках» [4, с. 28]. Виртуальное пространство не признает государственных границ, и преступники могут атаковать критическую инфраструктуру, совершать мошеннические операции или распространять запрещенный контент, находясь в любой точке мира. Борьба с такими преступлениями требует не просто обмена информацией, а высочайшей скорости реакции и глубокой технической подготовленности стран содружества. Однако уровень оснащенности и подготовки специалистов по киберпреступности в национальных центральных бюро государств-участников СНГ может существенно различаться, чем успешно пользуются злоумышленники.

Одним из примеров эффективности взаимодействия НЦБ Интерпола МВД России является факт экстрадиции россиянина из Сербии, обвиняемого в организации незаконной миграции. Установленное лицо в 2021 году организовало бизнес для получения прибыли от нелегального въезда в Россию. В 2025 году в результате слаженного и эффективного взаимодействия между государствами данный гражданин был возвращен для назначения ему наказания.

Несмотря на имеющиеся сложности и трудности, возможности для дальнейшего укрепления и развития сотрудничества между национальными центральными бюро Интерпола стран СНГ являются достаточно перспективными. Первоочередной задачей является гармонизация правовых основ сотрудничества. В данном контексте речь идет о создании общих правовых «коридоров» или протоколов, которые упростили бы процедуры взаимодействия именно в тех сферах, которые наиболее важны для борьбы с транснациональной преступностью. Это могло бы касаться ускорения процедур запросов по опреде-

ленным категориям дел, взаимного признания некоторых процессуальных действий и создаваемых в их ходе доказательств.

В заключение следует отметить, что эффективность взаимодействия национальных центральных бюро Интерпола государств-участников СНГ является важнейшим элементом региональной безопасности. Совершенствование этого взаимодействия – это не техническая, а в первую очередь политическая и организационная задача. Устранение правовых барьеров, внедрение передовых информационных технологий позволят создать рабочую и гибкую систему противодействия транснациональной преступности. Учитывая общность вызовов и угроз, дальнейшая интеграция усилий в этой сфере является не просто перспективой, а объективной необходимостью для обеспечения устойчивого развития и защиты граждан всех государств Содружества.

Список литературы

1. Международное уголовное право : Учебник / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева, А. А. Козлова [и др.]. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

2. Коннов, В. А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и международная защита прав человека: проблемы соотношения и приоритетов / В. А. Коннов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Москва, 31 октября 2018 года / Под общей редакцией Д.Д. Шалягина. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 61-66.

3. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства : учебное пособие / Е. В. Баркалова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2025. – 82 с.

4. Пузырева, Ю. В. Стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности / Ю. В. Пузырева // Актуальные вопросы обеспечения национальной безопасности : материалы II Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 07 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного Комитета Российской Федерации», 2024. – С. 28-33.

***Герасимова В. С.*[1],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ВЛИЯНИЕ АКТОВ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ратификация Российской Федерацией ключевых международных договоров по правам человека, включая Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. (далее – МПГПП, Пакт) [1], обусловила необходимость гармонизации национального законодательства и правоприменительной практики с общепризнанными международными стандартами. Одним из важных аспектов этого процесса является влияние актов межгосударственных органов по правам человека на национальное гражданское судопроизводство. Также отметим «национальный механизм, роль которого в вопросе защиты прав человека является ключевой» [2, с. 102].

МПГПП является одним из краеугольных камней международной системы защиты прав человека. Российская Федерация, являясь государством-участником Пакта, приняла на себя обязательства по уважению и обеспечению прав, закрепленных в нем, для всех лиц, находящихся на ее территории и под ее юрисдикцией [1].

Особое место среди межгосударственных органов занимает Комитет ООН по правам человека (далее – КПЧ, Комитет), учрежденный в соответствии с частью IV МПГПП. Его функции включают рассмотрение докладов государств-участников, а также индивидуальных сообщений в рамках Факультативного протокола к МПГПП. Соображения КПЧ по индивидуальным сообщениям, хотя и не имеют прямого характера юридически обязывающего судебного решения в смысле *res judicata* (с *лат*. – разрешенное дело, в римском праве положение, в соответствии с которым окончательное решение полномочного суда, которое вступило в силу, является обязательным для сторон спора и не может быть пересмотрено (согласно ст. ст. 59-60 Статута Международного суда ООН)) [3], обладают высоким авторитетом и значительным убеждающим воз-

[1] © Герасимова В. С., 2025.

действием, формируя международное понимание и толкование положений вышеуказанного Пакта.

КПЧ является договорным органом, осуществляющим надзор за выполнением государствами-участниками МПГПП своих обязательств. Помимо рассмотрения периодических докладов государств, КПЧ обладает компетенцией принимать к рассмотрению индивидуальные сообщения от лиц, утверждающих, что они являются жертвами нарушений государством-участником какого-либо из прав, закрепленных в Пакте, при условии ратификации соответствующим государством Факультативного протокола [4]. Российская Федерация ратифицировала Первый Факультативный протокол к МПГПП в 1991 году, тем самым признав юрисдикцию КПЧ по рассмотрению индивидуальных сообщений.

Соображения КПЧ по индивидуальным сообщениям, которые часто называют «квазисудебными решениями», не обладают юридически обязательной силой, аналогичной решениям международных судов [5]. Однако, они носят характер авторитетного толкования положений МПГПП и содержат рекомендации для государства по восстановлению нарушенных прав. Для государств-участников соображения КПЧ служат важным ориентиром в формировании правовой политики и судебной практики, а также являются элементом добросовестного выполнения международных обязательств. Игнорирование соображений КПЧ может негативно сказаться на статусе государства на международном уровне и его репутации в сфере защиты прав человека.

Конституция Российской Федерации в ч. 4 ст. 15 закрепляет принцип приоритета международного права, устанавливая, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора [6]. Эта норма является фундаментальной для интеграции международных стандартов в национальную правовую систему.

На уровне законодательства и судебной практики неоднократно подтверждалась необходимость применения международных договоров. Отметим, что «одним из наиболее удачных примеров международно-правового сотрудничества в последние несколько десятков лет было сотрудничество в области защиты прав человека» [7, с. 146]. Так, Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях ориентирует суды на применение норм международных договоров, а также на учет позиций международных органов по правам человека [8]. Однако, практика применения соображений КПЧ в гражданском судопроизводстве не всегда единообразна.

Несмотря на конституционное закрепление приоритета международных норм, их непосредственное применение национальными судами остается предметом дискуссий. Особую сложность представляет применение соображений КПЧ, не являющихся формально обязывающими. Отсюда возникает необходимость развития механизмов «интерпретационного влияния», когда националь-

ные суды учитывают международные стандарты при толковании внутреннего законодательства. Также, стоит отметить, что эволюция судебной практики зависит от повышения осведомленности судей о международных нормах и решениях, что способствует более глубокой интеграции международно-правовых стандартов в национальный процесс.

Акты КПЧ оказывают влияние на различные аспекты гражданского судопроизводства, главным образом через формирование более глубокого понимания и применения принципов справедливого судебного разбирательства, доступа к правосудию и эффективных средств правовой защиты.

Ст. 14 МПГПП закрепляет право каждого на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом. «Право на справедливое судебное разбирательство является одним из основополагающих прав человека в любой современной демократической стране» [9, с. 57]. КПЧ в своих соображениях неоднократно толковал и детализировал это право, что оказало воздействие на российскую практику. Например, Комитет обращал внимание на такие аспекты, как:

- независимость и беспристрастность суда. Соображения Комитета подчеркивают важность исключения любого влияния на судей, что способствует укреплению требований к отводу судей и формированию соответствующих стандартов [10];
- равенство сторон. Требование обеспечить равенство процессуальных возможностей для сторон, включая доступ к доказательствам, участие в процессе и представление своей позиции. В случаях, когда Комитет выявлял неравные условия для сторон в российском гражданском судопроизводстве, его соображения становились стимулом для пересмотра подходов национальных судов [11] и др.

Эффективное применение международных стандартов возможно только при наличии развитой теоретической базы, позволяющей правильно интерпретировать положения международных договоров и соображений Комитета. Ключевую роль в процессе имплементации и адаптации международно-правовых норм в национальное право играет также правовая доктрина. Исследования способствуют повышению правовой культуры судей и юристов, формированию у них понимания значимости международных обязательств и необходимости учитывать их при рассмотрении дел.

Несмотря на очевидное влияние актов КПЧ, существуют определенные проблемы в их имплементации в российское гражданское судопроизводство. Представляется, что к таковым можно отнести:

1) Отсутствие прямого обязательного характера. Соображения Комитета, как отмечалось, не являются юридически обязательными в том же смысле, что и решения международных судов. Это создает определенную правовую неопределенность и может приводить к игнорированию рекомендаций на уровне национальных судов;

2) Пробелы в законодательстве. Российское процессуальное законодательство не всегда содержит прямые указания на механизмы учета соображений

Комитета, что затрудняет их систематическое применение и порождает возникновение большего количества сообщений в адрес КПЧ о нарушении прав;

3) Низкий уровень осведомленности. Некоторые судьи и юристы могут быть недостаточно знакомы с практикой КПЧ, что ограничивает возможности использования его соображений в качестве аргументации и др.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что акты межгосударственных органов по правам человека, в особенности соображения КПЧ, оказывают существенное, хотя и не всегда прямое, влияние на гражданское судопроизводство в Российской Федерации. Это влияние проявляется в формировании более глубокого понимания принципов справедливого судебного разбирательства, доступа к правосудию и необходимости обеспечения эффективных средств правовой защиты. Конституционные положения о приоритете международных норм создают фундаментальную основу для такой имплементации.

Несмотря на существующие проблемы, связанные с отсутствием прямой обязательной силы у соображений Комитета и не всегда достаточной осведомленностью правоприменителей, перспективы дальнейшей интеграции международных стандартов в российское гражданское судопроизводство остаются значительными. Развивая судебную практику, повышая квалификацию юридического сообщества, а также, возможно, внося точечные законодательные изменения, Российская Федерация будет продолжать укреплять свою приверженность международным обязательствам в сфере прав человека, способствуя тем самым повышению качества и справедливости гражданского процесса.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/en/about-us/universal-declaration-of-human-rights.

2. Соловьева, А. С. Вопросы имплементации права на справедливое судебное разбирательство в основных законах отдельных государств / А. С. Соловьева // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2023. – № 23-2. – С. 102-103.

3. Статут Международного Суда (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.) // Сборник «Действующее международное право» т. 1.

4. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах: принят Резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 дек. 1966 г. // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpro1.shtml

5. Комитет по правам человека. Общее замечание № 33 (2009) о правах государства-участника в соответствии со статьей 10 Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах: (статьи 1 и 2 Факультативного протокола) // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи. –

Шестьдесят четвертая сессия. – Дополнение № 40 (A/64/40 (Vol. I)). – Приложение II. – Гл. VII.

6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

7. Коннов, В. А. Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений / В. А. Коннов // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 6. – С. 145-148.

8. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 31 окт. 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1996. – № 2.

9. Соловьева, А. С. К вопросу об особенностях воздействия позиций Комитета ООН по правам человека на правоприменительную практику Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации по отдельным аспектам права на справедливое судебное разбирательство / А. С. Соловьева // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 1(188). – С. 56-58.

10. Обобщение правовых позиций межгосударственных органов по защите прав и свобод человека и специальных докладчиков (рабочих групп), действующих в рамках Совета ООН по правам человека, по вопросу защиты права лица на доступ к суду // URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/28278/

11. Обзор практики Комитета ООН по правам человека по рассмотрению индивидуальных сообщений, поданных в отношении Российской Федерации // URL: https://www.vsrf.ru/documents/international_practice/32003/

Голованова Ю. А.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Алексич Е. В.*,**
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ВЫЗОВ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ДЕФЕКТЫ КООРДИНАЦИИ И ВОЗМОЖНЫЕ УГРОЗЫ ГЛОБАЛЬНОМУ ОБЩЕСТВУ

В условиях стремительно развивающегося прогресса, преобладания инновационных ресурсов в различных сферахжизнедеятельности, как отдельных индивидов, так и общества в целом, а также что самое главное – создание и совершенствование ИИ-технологий, глобализация подвергается новым вызовам и угрозам ежедневно. С современными технологиями и цифровизацией появляется все больше схем и способов совершения различных преступлений. В связи с этим государства выявляют эти проблемы и решают многоплановые задачи, которые ставит перед ними организованная преступность, представляющая вызов системе международной безопасности.

Итак, преступные формирования с каждым днем адаптируются к современным цифровым технологиям, виртуально преодолевают все препятствия в виде защитных механизмов и разрабатывают новые способы по совершению противоправных деяний для извлечения собственной выгоды во вред как государству, так и мировому сообществу в целом. Их деятельность по беспрепятственному переправлению информационных, людских и финансовых ресурсов носит трансграничный характер, а также координируются в глобальном масштабе. Несмотря на очевидную необходимость противодействия данным преступлениям, применении консолидированных усилий всех стран на международной арене, эффективность такого сотрудничества подрывается системными дефектами координации, становясь источником серьезных рисков и вызывая потенциально новые вызовы и угрозы для мирового сообщества.

Следует отметить, что транснациональная организованная преступность представляет собой не просто единую структуру: она является сложной и дифференцированной системой незаконных рынков, каждый из которых несет свои угрозы тем или иным сферам жизнедеятельности общества. Для четкого понимая субъектов преступлений и дальнейшего противодействия им, необходимо

[1] © Голованова Ю. А., 2025.

знать, с чем предстоит иметь дело и в какой области. Именно поэтому более подробно рассмотрим специфику угроз.

Нелегальная экономика, через финансовую систему которой отмываются огромные средства (1,5% мирового ВВП), ведет к подрыву стабильности рынков, основ честной конкуренции, а также лишает многие государства значительных налоговых поступлений, необходимых для развития, что является значимой угрозой для мирового сообщества и нарушает его целостную координированную работу [1].

Таким образом, нарушения прав человека и общественного здоровья, связанные с торговлей людьми и производством фальсифицированных лекарств, наносят огромный ущерб массового характера. Ежегодно миллионы людей становятся жертвами эксплуатации, как сексуальной, так и трудовой, что сравнимо с современной формой рабства. Это приносит огромные доходы преступникам. Так, например, процент совершения такого преступления, как торговля детьми, по странам в 2025 году, по данным УНП ООН, наглядно отражает статистика, показывая, что число жертв увеличилось по сравнению с предыдущими годами в связи с появлением новых форм и способов совершения противоправных действий [2]. Еще одну прямую угрозу и опасность для жизни и здоровья составляет торговля фальсифицированными лекарствами: по состоянию на январь 2025 года мировой рынок оценили данный ущерб в 4,4 млрд долларов [3].

Следует подчеркнуть, что организованная преступность создает прямую угрозу и государственному суверенитету, что проявляется в управлении через коррупцию и ослабление институтов. Незаконно подкупая некоторых недобросовестных политиков, чиновников и правоохранителей, они добиваются тем самым «захвата государства» (statecapture), при котором власть действует в интересах преступных синдикатов, а не граждан и общества, подрывая принцип демократии и верховенства закона.

Деятельность транснациональной организованной преступности (ТОП) дестабилизирует не только регионы, но и страны в целом. Наглядным примером служит торговля природными ресурсами: вырубка лесов в Юго-Восточной Азии с годовым оборотом в 3,5 млрд долларов является не только источником финансирования преступных групп, но и значимым риском для экологии, что приводит к ее усугублению и бедности [4].

Незаконный оборот огнестрельного оружия, нелегальная прибыль с которого составляет 170–320 млрд долларов, порождает насилие и высокий уровень преступности [5]. Рассмотрим современные гибридные угрозы обществу, среди которых выделяются следующие виды преступности:

1. Киберпреступность. Преступники действуют в просторах интернета анонимно, что и создает идеальные условия для их существования и развития различных мошеннических схем. С учетом колоссального количества зафиксированных случаев кражи данных, можно сказать, что эта сфера продолжает стремительно совершенствоваться, нанося масштабный ущерб и представляя до конца не изученную опасность.

2. Преступно-террористическая связь (Crime-TerrorNexus). Заметной в последнее время тенденцией становится сращивание терроризма и организованной преступности. Этот симбиоз является огромным вызовом системе международной безопасности, так как террористы используют преступные сети и каналы для логистической поддержки, финансирования и приобретения оружия.

Следует отметить, что правовым ответом от мирового сообщества на угрозу транснациональной преступности стала Конвенция ООН, принятая в 2000 году в Палермо [6]. Этот документ является ключевым в создании единых правовых стандартов для 192 государств-участников. Также конвенцией отведено внимание и на борьбу с торговлей людьми, незаконный оборот оружия и контрабанду мигрантами. Все эти направления закреплены соответствующими протоколами.

Однако реализация международных правовых норм, направленная на борьбу с ТОП, теряет свою эффективность, сталкивается с определенными трудностями из-за системных проблем (разрозненность правовых систем, ограниченность механизмов сотрудничества, оперативное несоответствие). Различия в национальных законодательствах создает «безопасные гавани» для преступников, какнапример, в случае с создателем вируса «ILOVEYOU» в 2000 году в Филиппинах [7]. На тот момент в стране не было закона, который бы регулировал киберпреступность, а соответственно из-за отсутствия состава «двойной криминальности» и пробела в законодательстве – гражданин не понес никакого наказания, а вирус нанес огромный ущерб всему миру. Механизмы сотрудничества (правовая помощь, экстрадиция) часто обременены бюрократией, медлительны и уязвимы. Их реализация может блокироваться, но при этом не существует единого и универсального договора, который бы обязывал все государства к сотрудничеству в этой сфере. Преступные сети, которые легко адаптируются и гибко приспосабливаются ко всем новым защитным механизмам, имеют значительное преимущество, так как международное взаимодействие не успевает отреагировать на их новые методы и не может отследить преступные маршруты.

Для эффективного противодействия ТОП необходимо движение и координация по следующим ключевым направлениям:

1. Углубление гармонизации законодательств. Необходимо активно осуществлять и реализовывать нормы Палермской Конвенции (UNTOC) в сфере кибер- и экологической преступности, интегрируя эти нормы в национальные правовые системы.

2. Создание гибких оперативных альянсов. Важно развивать и совершенствовать прямой обмен данными между спецслужбами и финансовыми разведками, а также практику формирования совместных следственных групп, обходя сложные дипломатические процедуры для принятия действительно важных оперативных решений по своевременному реагированию на угрозы.

3. Усиление мер по борьбе с отмыванием доходов. Учитывая то, что по данным ООН конфискуется менее 1% преступных доходов, следует повысить про-

зрачность финансовых операций и усилить ответственность банков для подрыва нелегальной экономической базы ТОП [8].

4. Техническая помощь и наращивание потенциала. Необходимо оказывать активную поддержку уязвимым странам по укреплению правоохранительных систем, наращиванию их потенциала перед угрозами транснациональной организованной преступностью.

Несмотря на то, что опасность ТОП продолжает расти, международные инструменты по их ликвидации действуют в правильном направлении. Однако их потенциал используется не в полном объеме из-за значительного разрыва между глобальными вызовами и национальными возможностями. Это и является первостепенной задачей для обеспечения безопасности и эффективной и действенной борьбы с транснациональной организованной преступностью в XXI веке.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что ключевая проблема координации основывается на фундаментальном противоречии. Правоохранительные системы отдельных государств ограничены национальными границами в рамках своего правового поля, в то время как преступные организации носят глобальный, трансграничный характер, затрагивая все мировое сообщество в целом. Даже существующие международные конвенции не могут полностью преодолеть этот барьер из-за отсутствия доверия, эффективного оперативного обмена информацией. Это затрудняет активное противодействие ТОП. Будущее глобальной безопасности зависит от способности мирового сообщества трансформироваться и преодолеть устаревшую парадигму национальной ограниченности, подорвав экономические основы преступных сетей для предотвращения их дальнейшего функционирования и самое главное -для защиты и сохранности всего мира.

Список литературы

1. https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_general_RU_Plain.pdf

2. https://worldpopulationreview.com/country-rankings/child-trafficking-by-country

3. http://pharmadigest.ru/vypusk/vypusk-2025-01/novosti-otraslevykh-smi/mirovoy-rynok-kontrafaktnykh-lekarstv-otsenili-v-4-4-mlrd/

4. https://www.unodc.org/toc/ru/crimes/environmental-crime.html

5. https://www.unodc.org/documents/toc/factsheets/TOC12_fs_general_RU_Plain.pdf

6. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1614235/

7. https://web.archive.org/web/20200607094321/https://www.esquiremag.ph/culture/tech/filipino-creator-of-the-i-love-you-virus-free-internet-a00289-20200504

8. https://www.unodc.org/unodc/ru/money-laundering/index.html

***Гончарова Д. А.*[1],**
доцент кафедры
теории и истории права и государства
Волгоградской академии МВД России,
кандидат филологических наук

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО ПОЛИЦЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях глобализации преступность трансформируется и приобретает транснациональный характер (киберпреступность, терроризм, наркоторговля, торговля людьми, коррупция). Ни одно государство не может эффективно противостоять этим угрозам в одиночку. Возникает острая необходимость в объединении усилий противостоять современным вызовам на межгосударственном уровне. Именно тогда в мире проявляется всесторонняя потребность в укреплении международного сотрудничества.

В общем понятийном аппарате международного права одним из его основополагающих принципов является принцип сотрудничества, закрепленный в качестве универсального принципа в Уставе ООН. Понятие международного сотрудничества используется во всех случаях, когда речь идет о международном взаимодействии политического, экономического, научного и иного характера на государственном или институциональном уровне. Согласно иностранным источникам, с функциональной точки зрения понятие международного сотрудничества включает в себя «операции обмена (*transfer*) с зарубежными странами», которые могут быть двусторонними и многосторонними, правительственными и неправительственными, централизованными и децентрализованными [1].

В настоящее время международное сотрудничество, участниками которого на начальном этапе были в основном правительства заинтересованных стран, характеризуется все большим расширением состава действующих акторов, являющихся полноправными участниками международных проектов: территориальные объединения, образовательные организации, ассоциации, профессиональные союзы, отдельные предприятия, общественные учреждения и др. Эта тенденция расширения институционального состава участников международного сотрудничества особенно характерна для культурного и образовательного сотрудничества.

Повсеместное использование понятия «международное сотрудничество» применительно к сфере образования началось в 60-х годах прошлого века. Это было связано со становлением национальных систем образования в многочисленных государствах Африки и Азии, только что вставших на путь независимого развития. Тогда на протяжении почти двух десятилетий (60-70-е годы XX века) развитые страны оказывали масштабное и разнообразное содействие развивающимся странам в целях решения острейших проблем дефицита нацио-

[1] © Гончарова Д. А., 2025.

нальных кадров специалистов и неспособности национальных систем образования стать действенным рычагом развития своих стран [2, с. 128].

Говоря о международном сотрудничестве в правоохранительной сфере в контексте образовательной деятельности, подразумевается совместная деятельность государств и их органов, направленная на подготовку высококвалифицированных кадров для правоохранительных органов путем обмена опытом, внедрения лучших практик, повышения уровня образования и гармонизации национальных образовательных систем в соответствии с современными потребностями. Оно охватывает подготовку специалистов для борьбы с международными и транснациональными преступлениями, включая обмен образовательными программами, проведение совместных тренингов и стажировок [3, с. 130].

Целью образования в столь специфичной деятельности является подготовка специалистов, способных решать профессиональные задачи в государственных органах и других структурах, связанных с охраной общественной безопасности. Ведь если специалисты владеют знаниями в области международного права, а именно понимают нормы международного права, договоры и конвенции, обладают межкультурной компетенцией, а именно способны эффективно взаимодействовать с коллегами из других стран, учитывая правовые, культурные и организационные различия; знают механизмы сотрудничества – разбираются в работе таких организаций как Интерпол, Европол, ООН, ШОС, БРИКС и др., а также умеют работать с информацией, т.е. понимают процедуры международного розыска, экстрадиции, правовой помощи по уголовным делам, взаимного признания приговоров и т.д. – то результатом станет отлаженная и стратегически важная система. Она не только явит собой инструмент "мягкой силы", но и внесет реальный вклад в глобальную безопасность, создавая сеть профессионалов по всему миру, знакомых с российскими подходами к правоохранительной деятельности и способных к эффективному межгосударственному взаимодействию.

Международное сотрудничество в правоохранительной сфере является неотъемлемой частью современной образовательной деятельности для подготовки высококвалифицированных специалистов.

Подготовка иностранных специалистов в образовательных организациях МВД России – это важное направление международного сотрудничества, которое сочетает в себе как образовательную функцию, так и задачи укрепления межгосударственных связей в сфере правоохраны.

Основными целями подготовки иностранных граждан в вузах МВД России являются:

– укрепление международного сотрудничества: создание кадровой базы для правоохранительных органов дружественных стран, что способствует укреплению доверия и партнерства;

– обмен опытом: передача российского опыта в области борьбы с преступностью, поддержания правопорядка и обеспечения общественной безопасности;

– повышение квалификации: предоставление иностранным специалистам современных знаний и практических навыков, которые они смогут применять в своей стране;

– формирование позитивного имиджа России: демонстрация возможностей и высокого уровня российского полицейского образования.

Правовой основой для подготовки иностранных специалистов являются:

– международные договора: соглашения между Правительством РФ и правительствами других государств;

– межведомственные соглашения: договоренности между МВД России и правоохранительными ведомствами других стран;

– квоты Правительства РФ: ежегодно выделяются квоты (бюджетные места) для иностранных граждан на обучение в российских вузах, включая вузы МВД.

Как правило, на обучение в ведомственные вузы РФ направляются действующие сотрудники правоохранительных органов (полиции, жандармерии, служб безопасности) стран-партнеров, которые соответствуют определенным требованиям по возрасту, образованию, здоровью и физической подготовке.

Подготовку иностранных специалистов проводят ведущие ведомственные вузы, в числе которых Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, Академия управления МВД России, Санкт-Петербургский университет МВД России, Волгоградская академия МВД России, Нижегородская академия МВД России, Омская академия МВД России и другие региональные вузы.

Указанные образовательные организации являются основными площадками для подготовки высококвалифицированных кадров по специальностям, связанным с оперативно-разыскной деятельностью и обеспечением правопорядка, крупнейшими вузами системы МВД с сильными научными и образовательными традициями, которые готовят специалистов по широкому спектру специальностей.

Говоря, непосредственно, о подготовке иностранных специалистов в Волгоградской академии МВД России, то она осуществляет подготовку иностранных специалистов с 12 февраля 1976 года, с момента создания специального факультета Высшей следственной школы МВД СССР. За прошедшие годы подготовлено около 4 тысяч квалифицированных специалистов для правоохранительных органов более чем 50 иностранных государств, накоплен значительный опыт успешной учебно-методической и воспитательной работы. Многие выпускники академии занимали и занимают высокие руководящие должности в своих странах.

В ходе получения дополнительного профессионального образования слушатели факультета подготовки иностранных специалистов Волгоградской академии МВД России актуализируют имеющиеся и получают новые знания в рамках своей специальности. При этом наиболее востребованными являются курсы повышения квалификации «Тактика и методика раскрытия и расследования отдельных видов преступлений. Общие и отдельные вопросы криминалистической экспертизы», «Сбор вещественных доказательств на месте преступления»,

«Осмотр места происшествия», «Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза».

Несмотря на критическую важность в условиях глобализации, международное сотрудничество в правоохранительной сфере в контексте образовательной деятельности сталкивается с рядом трудностей, вызовов и проблем.

Во-первых, пандемия COVID-19 оказала сложное и многогранное влияние на международное сотрудничество, которое можно описать как парадокс одновременного усиления конфронтации и солидарности. Пандемия первоначально спровоцировала волну «каждый за себя». Практически все страны в одностороннем порядке закрыли границы, что нарушило движение людей и товаров. Это было самым наглядным проявлением кризиса международного сотрудничества.

Так, до 2020 года Волгоградская академия МВД России успешно принимала на обучение сотрудников правоохранительных органов африканских государств по дополнительной профессиональной программе краткосрочного курса повышения квалификации на тему: «Тактика и методика раскрытия и расследования отдельных видов преступлений. Общие и отдельные вопросы криминалистической экспертизы» от двух до четырех курсов в год. Однако с 2020 года тенденция прибытия слушателей из африканских государств значительно снизилась до нулевой отметки и кризис не заставил страны искать новые пути взаимодействия.

Хотя, можно смело утверждать, что COVID-19 повлиял на международное сотрудничество неоднозначно: с одной стороны, пандемия усугубила геополитическую напряженность, усилила тенденции к суверенитету и протекционизму и показала слабость многосторонней системы перед лицом острого кризиса, с другой – продемонстрировала острую необходимость в международной кооперации для решения глобальных проблем. Она ускорила научную коллаборацию и показала, что ни одна страна не может быть в безопасности, пока вирус существует где бы то ни было. Также, она показала, что будущее международного сотрудничества будет определяться конкуренцией между национальными интересами и необходимостью глобальных ответов на трансграничные угрозы. Мир осознал свою взаимосвязь, но еще не нашел устойчивой модели для совместного управления уязвимостями.

Во-вторых, геополитическая напряженность в стране, выражающаяся санкциями, ограничила или вовсе приостановила образовательные обмены и совместные проекты. Конфликты (как, например, ситуация вокруг Украины) приводят к разрыву каналов сотрудничества. Санкции против отдельных стран делают практически невозможным любое взаимодействие с их правоохранительными органами, даже по таким универсальным вопросам, как терроризм или наркоторговля.

В-третьих, можно выделить и такую проблему как финансирование, заключающееся в высокой стоимости международных программ, курсов повышения квалификации и командировок.

В-четвертых, представляется, что вопросы безопасности и конфиденциальности, выражающиеся в ограничении на обмен оперативной информацией и некоторыми методиками в учебном процессе могут также приостанавливать процесс обмена международным опытом среди стран-партнеров.

Актуальные проблемы международного полицейского сотрудничества носят системный характер и требуют комплексного подхода, сочетающего политическую волю, правовую реформу, оперативную интеграцию и технологическое развитие. В условиях, когда преступность становится все более глобальной, неспособность найти решения этим проблемам ослабляет правопорядок в каждой отдельной стране.

Безусловно, многие ведущие университеты предлагают онлайн-курсы по специализированным темам (борьба с киберпреступностью, финансированием терроризма), что делает обучение доступным для широкого круга сотрудников, а также создают площадки для дискуссий, где слушатели из разных стран и профессорско-преподавательский состав образовательной организации обсуждают общие вопросы, делятся исследованиями и вырабатывают новые подходы к борьбе с преступностью в связи с укреплением и актуализацией современных технологий.

Для поддержания гармонизации образовательной системы, т.е. создания единых стандартов и подходов в правоохранительном образовании для обеспечения квалифицированного взаимодействия между странами эффективным представляется формирование единого правового пространства – взаимодействия образовательных организаций в рамках международно-правовых норм для решения общих проблем в сфере правопорядка. К числу такого взаимодействия следует отнести совместные образовательные программы, в рамках которых разработка и реализация учебных курсов и программ будет учитывать международные стандарты и лучший мировой опыт; международные конференции и стажировки для обмена знаниями и передовым опытом между специалистами посредством дистанционного обучения. Одним словом, развитие научных исследований, сотрудничество образовательных организаций в области правоохранительной деятельности, обмен результатами исследований должны происходить с внедрением инновационных технологий и использованием современных образовательных технологий и платформ для обучения специалистов иностранных государств.

Международное сотрудничество в правоохранительной сфере в контексте образовательной деятельности – это стратегическая инвестиция в безопасность. Оно создает основу для будущего эффективного взаимодействия правоохранительных органов разных стран на личном и профессиональном уровне. Выпускники таких программ становятся не просто юристами или полицейскими, а специалистами с глобальным мышлением, способными действовать в сложной международной среде для противодействия общим угрозам XXI века. Даже в условиях текущих геополитических сложностей важность этого направления не уменьшается, а скорее трансформируется, смещая фокус на сотрудничество с новыми партнерами и использование дистанционных форматов.

Список литературы

1. URL:http://www.ritimo.org/dossier_thematiques/cooperation_internationale/coop_int_intro.html.

2. Управление в высшей школе: опыт, тенденции, перспективы : [аналитический докл.] / [В. М. Филиппов и др.]. – [2-е изд.] – Москва : Логос, 2006. – 487 с.

3. Аржанова И.В. Международное образовательное сотрудничество – эволюция понятия и его содержательная сущность / И.В. Аржанова // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2011. – № 4 (2011). – С. 124-133.

4. Головатюк Виталий Владимирович. Организация международного полицейского сотрудничества в сфере профессиональной подготовки кадров : Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.11 : Москва, 2003 166 с.

5. Козырин А.Н. Международное сотрудничество в сфере образования: развитие законодательного регулирования // Реформы и право. 2011. № 3. – С.62-66.

Горбачева М. А.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Симонова А. Е.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БЕЗОПАСНОСТЬ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В нашей реальности люди все чаще прибегают к использованию искусственного интеллекта (далее - ИИ) и естественным образом он становится неотъемлемой частью современного общества, оказывая значительное влияние на различные сферы деятельности, включая международную безопасность. Однако стремительное внедрение технологий ИИ сопровождается не только новыми возможностями, но и значительными вызовами, с которыми приходятся бороться международным организациям разного уровня. К примеру, использование ИИ в области безопасности порождает вопросы, связанные с защитой прав человека, конфиденциальностью данных и предотвращением угроз. Эти и другие аспекты требуют особого внимания, так как их игнорирование может привести к серьезным последствиям как на национальном, так и на международном уровне. В условиях глобализации и растущей взаимозависимости стран, создание эффективных правовых механизмов регулирования ИИ становится приоритетной задачей международного сообщества. В данном вопросе есть целый ряд международно-правовых и организационных механизмов начиная с Организации Объединенных Наций (далее - ООН) и заканчивая организациями и соглашениями, работающих на межгосударственном и региональном уровне.

Так, первой международной площадкой в сетке таких организаций является ООН, которая в 2024 году в своей Резолюции Генеральной Ассамблеи «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем ИИ для устойчивого развития» [1], выделила ключевые аспекты исследуемой проблематики, такие как прозрачность, ответственность и предотвращение дискриминации в алгоритмах ИИ. Эти принципы направлены на создание доверия к технологиям и их соответствие правам человека, что особенно важно в условиях глобализации и роста внедрения ИИ в различные сферы жизни. Также, в рамках ЮНЕСКО в ноябре 2021 г. был разработан документ под названием «Рекомендации по этике использования искусственного интеллекта» [2]. Глав-

[1] © Горбачева М. А., 2025.

ными принципами согласного этому документу признаются: 1) Пропорциональность и принцип «не навреди»; 2) Охрана и защищенность; 3) Охрана и защищенность; 4) Право на неприкосновенность частной жизни и защиту данных; 5) Устойчивость; 6) Человеческий надзор и целеустремленность; 7) Прозрачность и объяснимость; 8) Ответственность и подотчетность; 9) Осведомленность и грамотность; 10) Многостороннее и адаптивное управление и сотрудничество. Так же данный документ включает положения о сотрудничестве с национальными правительствами, которые буквально заставляют государства-члены «обеспечить инклюзивность, прозрачность, междисциплинарность и многосторонность механизмов управления ИИ» [2]. Данные рекомендации направлены на создание общих принципов, способствующих разработке этических норм и их интеграции в национальные правовые системы для обеспечения основных прав и свобод человека.

Исходя из проведенных опросов в различных источниках, люди по всему миру обеспокоены что с использованием ИИ есть вероятность какого-либо наблюдения и вычисления данных без их согласия. В декабре 2018 года резолюцией 73/27 Генеральная Ассамблея ООН учредила Рабочую группу открытого состава (РГОС) [3], которая открыта для всех государств-членов и сосредоточена на разработке международных стандартов в исследуемой сфере. Группа определила потенциальные области для будущей работы, которые включают в себя наращивание сотрудничества на двустороннем, региональном и многостороннем уровнях в целях содействия выработке единого понимания существующих и возникающих угроз и потенциальных рисков для международного мира, а также определение механизмов, которые способствуют вовлечению других основных заинтересованных сторон, включая представителей частного сектора, научных кругов, гражданского общества и технического сообщества. Исходя из положений данного документа можно говорить о том, что «Группа призывает государства продолжать работу по продвижению рамок ответственного поведения государств, используя Организацию Объединенных Наций и другие региональные и многосторонние форумы для поддержания регулярного диалога, проведения консультаций и наращивания потенциала в инклюзивном, прозрачном, консенсусом и практическом ключе» [4]. Это подразумевает, что алгоритмы должны быть спроектированы таким образом, чтобы их действия и решения могли быть объяснены и проверены.

На региональном уровне также было предложено множество способов для разъяснения и защиты прав человека при взаимодействии с искусственным интеллектом. Европейская комиссия Европейского Союза (далее - ЕС) в 2021 году, предлагая «Регламент об искусственном интеллекте» [5], также включила требования к прозрачности и объяснимости алгоритмов, особенно в критически важных областях, таких как здравоохранение и правосудие. Окончательный вариант закона был принят Европейским парламентом ЕС 13 марта 2024 года и одобрен Советом ЕС 21 мая 2024 года. Данные инициативы подчеркивают значимость принципа прозрачности для формирования доверия к технологиям ИИ. Организация экономического сотрудничества и развития (далее: ОЭСР) разра-

ботала Принципы ИИ ОЭСР [6], которые были первоначально приняты в 2019 году и обновлены в мае 2024 года, акцентируя внимание на таких аспектах, как прозрачность, безопасность и уважение прав человека. Эти принципы способствуют формированию международных стандартов, применимых в различных юрисдикциях. Группа семи (G7) в 2019 году создала Глобальную партнерскую инициативу по вопросам искусственного интеллекта (GPAI) [7], целью которой является содействие международному сотрудничеству и обмену знаниями в этой области. Данные инициативы также подчеркивают важность международной координации в создании эффективных правовых механизмов регулирования ИИ. Государства - члены Шанхайской организации сотрудничества также акцентируют внимание на необходимости соблюдения баланса между развитием и безопасностью в сфере международного регулирования искусственного интеллекта [8]. В России также все чаще говорят о важности регулирования данной сферы через различного рода конференций, к примеру, на Восточном экономическом форуме (ВЭФ) было предложено множество инициатив по разработке стандартов и принципов этического использования ИИ. Все эти многочисленные усилия подчеркивают важность международного сотрудничества для создания эффективных и универсальных стандартов регулирования искусственного интеллекта.

Подводя итог можно заявить, что существует множество международно-правовых механизмов, которые реализуют защиту правового регулирования искусственного интеллекта, связанного с разработкой гибких и адаптивных стандартов, которые смогут учитывать динамику технологического прогресса. Необходимо отметить важность принятия документов, отражающих нормы и принципы на всех уровнях международного сотрудничества государств. Важным направлением является усиление межгосударственного сотрудничества и обмен лучшими практиками для создания эффективных норм. Участие международных организаций в координации усилий и разработке стандартов также играет значительную роль. Таким образом, при комплексном и согласованном подходе к совершенствованию правовых норм международное сообщество сможет обеспечить защиту прав человека и безопасность в условиях глобализации и растущего технологического развития.

Список литературы

1. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Использование возможностей безопасных, защищенных и надежных систем ИИ для устойчивого развития» (Женева, 21 марта 2024 г.) / [Электронный ресурс] // Documents.un.org: [сайт] – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/087/83/pdf/n2408783.pdf (Дата обращения 14.10.2025).

2. Этические аспекты искусственного интеллекта. Рекомендация ЮНЕСКО (Женева, 25 ноября 2021 г.)/ [Электронный ресурс] // Unesco.org: [сайт] - URL: https://www.unesco.org/ru/artificial-intelligence/recommendation-ethics (дата обращения 14.10.2025).

3. Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН 73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (Женева, 05 декабря 2018 г.)/ [Электронный ресурс]// Documents.un.org: [сайт] – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/418/07/pdf/n1841807.pdf (Дата обращения 20.10.2025).

4. Доклад Генеральной Ассамблеи ООН «Группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности» (Женева, 14 июля 2021г.) / [Электронный ресурс] // Documents.un.org: [сайт]. - URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n21/075/88/pdf/n2107588.pdf (дата обращения 20.10.2025).

5. Регламент ЕС 2024/1689 (Брюссель 21 мая 2024 г.) / [Электронный ресурс] // Digital-strategy.ec.europa.eu:[сайт] – URL: https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/policies/regulatory-framework-ai (Дата обращения 26.10.2025).

6. Выступление Анхеля Гурриа Генерального секретаря ОЭСР «Церемония запуска процесса принятия Рекомендации ОЭСР по искусственному интеллекту» (22 мая 2019 г) / [Электронный ресурс] // oecd.org:[сайт] – URL: https://web-archive.oecd.org/2019-05-24/520712-launch-ceremony-for-adoption-of-oecd-recommendation-on-ai-paris-may-2019.htm (дата обращения 26.10.2025).

7. О Глобальном партнерстве по искусственному интеллекту / [Электронный ресурс] // (GPAI) - OECD.AI:[сайт] - URL: https://oecd.ai/en/about/about-gpai (Дата обращения 14.10.2025).

8. Заявление Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о дальнейшем углублении международного сотрудничества в области искусственного интеллекта (Тяньцзинь,1 сентября 2025 г.) / [Электронный ресурс] // rus.sectsco.org:[сайт]- URL: https://rus.sectsco.org/images/07e9/09/0c/1982255.pdf (Дата обращения 14.10.2025).

Горкина У. Р.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Воротникова И. Г.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук, доцент

СОТРУДНИЧЕСТВО БЕЛАРУСИ И КИТАЯ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Сотрудничество между Беларусью и Китаем постоянно расширяется в самых различных сферах, особенно после того, как Китай инициировал проект «Один пояс, один путь». Однако до 2016 года встречи и договоры очень редко касались сотрудничества в правоохранительной сфере. Несмотря на то что обе страны подписали договор об уголовной и гражданской судебной помощи в 1993 году, только в 2007 году на встрече представителей Комиссии по законодательным вопросам с судьями Конституционного суда Беларуси и Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей было высказано намерение расширить сотрудничество в судебной сфере. Стороны обсудили основные конституционные принципы, на которых строятся политические системы обеих стран [2].

Встреча Президента Беларуси А. Г. Лукашенко с Председателем Китайской Народной Республики Си Цзиньпином послужила стимулом для быстрого повышения уровня сотрудничества в правоохранительной сфере. На встрече лидеры стран подписали совместную декларацию об установлении отношений взаимовыгодного сотрудничества. В декларации стороны договорились о дальнейшем углублении взаимного политического доверия и сотрудничества в различных областях. Особое внимание в декларации уделяется совместному проекту «Один пояс, один путь». Во время встречи президент Беларуси выразил свое восхищение данным проектом и подчеркнул, что понимает его важность для укрепления многополярности мира и его устойчивости. Через полтора месяца после этой встречи сотрудничество между правоохранительными органами Китая и Беларуси начало налаживаться [2].

В ноябре 2016 год В. В. Мицкевич, заместитель главы Администрации Президента Беларуси, провел несколько встреч с высокопоставленными китайскими чиновниками. На них обсуждались вопросы сотрудничества в области верховенства права. Во время этого визита Мицкевич встретился с заместителем председателя Верховного народного суда Китая Шэнь Дэюном, который выра-

[1] © Горкина У. Р., 2025.

зил надежду, что эта встреча откроет новую главу в сотрудничестве и взаимодействии между судебными органами двух стран и тем самым улучшит отношения в целом, и предложил Верховным судам двух стран наладить более тесное взаимодействие. Белорусский представитель, в свою очередь, согласился внести свой вклад в укрепление сотрудничества в судебной сфере и отметил, что Беларусь высоко ценит отношения с Китаем [2].

После встречи в ноябре 2016 года взаимодействие между судебными органами двух стран стало укрепляться и несколько делегаций Министерства юстиции Китая посетили Беларусь. Так, в июне 2017 года делегация представителей судебных органов Шанхая посетила Верховный и Конституционный суды Беларуси. В ходе встречи обсуждалось использование новых технологий в судебной практике: создание национальной судебной онлайн-базы данных с архивной информацией о судебных разбирательствах. В декабре 2018 года делегация из трех судей Народного суда высшей ступени провинции Ганьсу КНР посетила Минск. В ходе встречи с судьями Верховного суда Беларуси китайские коллеги получили возможность познакомиться с деятельностью судебной системы Беларуси. Белорусская сторона поделилась также некоторыми сведениями о результатах судебной реформы, направленной на сокращение сроков рассмотрения дел и внедрение элементов электронного правосудия, и выразила заинтересованность в дальнейшем сотрудничестве и обмене правовой информацией. В июле 2018 года председатель Верховного народного суда КНР Чжоу Цян провел встречу с В. В. Мицкевичем, в ходе которой было выдвинуто предложение о сотрудничестве в повышении качества подготовки судей и продвижении судебных реформ, например, таких как создание «умных судов» [2].

По данным экспертов, с момента запуска по инициативе председателя КНР Си Цзиньпина масштабного проекта «Один пояс, один путь» в сентябре 2013 года правовое сотрудничество между Китаем и Беларусью значительно расширилось в разных сферах, в том числе и в сфере образования и науки. Так, в марте 2017 года в Шанхае при Восточно-китайском педагогическом университете состоялось открытие Белорусского центра правовой информации, деятельность которого способствовала расширению научных, педагогических и гуманитарных связей.

В апреле 2018 года директор Национального центра правовой информации Е. И. Коваленко провел встречу с членом партийного комитета Министерства юстиции Китая, заместителем Министра юстиции КНР Гань Цзанчунем. Данный визит способствовал обсуждению и урегулированию вопросов в рамках проекта «Один пояс, один путь», а также подписанию меморандума о сотрудничестве в правовой сфере с Национальным центром по борьбе с преступностью. Гань Цзанчунь отметил, что достигнутые соглашения «повысят уровень сотрудничества, качество юридических услуг и правовую защиту» [2].

Согласно резюме меморандума, стороны договорились о сотрудничестве в сфере создания и продвижения 1) юридических информационных ресурсов, их использования в процессе принятия нормативных актов и применения законодательства, 2) системы двустороннего обмена правовой информацией, а также

3) информационной поддержки при организации конференций и семинаров в областях, представляющих взаимный интерес сторон. Было отмечено, что стороны могут использовать обмен данной информацией для оценки нормативных актов, связанных с защитой законных интересов инвесторов другой стороны, а также для контроля и оценки применения нормативных актов судьями. Подобный подход, по мнению сторон, может упростить судебный процесс и ускорить рассмотрение дела за счет применения иностранного законодательства в ходе судебных разбирательств при разрешении международных споров, поскольку он открывает доступ к онлайн-базам с соответствующей информацией об иностранных нормативных актах и руководствам по их применению [2].

Поскольку Беларусь является членом Нью-Йоркской конвенции и подписала «Договор между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам», судебные решения и арбитражные постановления одной стороны могут быть признаны и приведены в исполнение другой стороной [2].

С 2015 года Беларусь получила статус государства-наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества, являясь единственным европейским государством-наблюдателем в ШОС, что позволило ей участвовать в конференциях и форумах, организуемых членами ШОС. В декабре 2015 года Беларусь направила свою первую делегацию на заседание Совета глав правительств государств-членов ШОС, на котором основной темой обсуждения была роль стран-членов ШОС в реализации инициативы «Один пояс – один путь» [2]. 4 июля 2024 года на саммите в Астане процедура вступления республики в организацию была завершена, и, таким образом, Беларусь стала десятым по счету полноправным членом государств, входящих в «семью ШОС».

Сотрудничество Беларуси и Китая в правоохранительной сфере продолжало планомерно развиваться. Так, в 2021 году в Минске министр внутренних дел Беларуси И. В. Кубраков провел встречу с Чрезвычайным и Полномочным Послом Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Се Сяоюном. В ходе встречи было отмечено, что, несмотря на географическую удаленность, у Беларуси и Китая много точек соприкосновения, в первую очередь в борьбе с терроризмом, экстремизмом, киберпреступностью, контрабандой наркотиков и нелегальной миграцией. И. В. Кубраков привел в качестве положительного примера сотрудничества эффективную работу белорусских правоохранителей по задержанию и экстрадиции граждан, разыскиваемых Китаем через Интерпол за совершение уголовных преступлений. Министр также поблагодарил правительство Китая за помощь, оказанную во время эпидемии COVID-19, в виде медицинского оборудования и средств индивидуальной защиты для сотрудников белорусской милиции. В свою очередь Се Сяоюн, отметив высокий уровень общественного порядка и безопасности в Беларуси, подчеркнул, что Китай поддерживает Беларусь в отстаивании ее независимого курса развития и не приемлет никакого вмешательства извне. Дипломат также подтвердил готовность к расширению сотрудничества в правоохранительной сфере [3].

В сентябре 2025 года Следственный комитет Беларуси и Министерство общественной безопасности КНР подписали соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступностью, подготовке кадров и научных исследованиях. В ходе встречи в Пекине председатель Следственного комитета Беларуси Д. Ю. Гора и министр общественной безопасности КНР Ван Сяохун обсудили детали соглашения. Беларусь заинтересована в изучении опыта Китая в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, незаконным оборотом наркотиков, миграцией и коррупцией. Беларусь, в свою очередь, также готова поделиться с Китаем своими достижениями в области борьбы с киберпреступностью, расследования мошеннических схем и пресечения деятельности нелегальных колл-центров [1].

Таким образом, благодаря проекту «Один пояс, один путь» сотрудничество Беларуси и Китая в правоохранительной сфере активно развивается как на двусторонней основе – в ходе обмена опытом и технологиями, так и в рамках Шанхайской организации сотрудничества; его ключевыми направлениями являются борьба с транснациональной преступностью и создание «умных судов». Стороны демонстрируют заинтересованность в дальнейшем расширении стратегического взаимодействия.

Список литературы

1. Belarus and China signed an agreement on cooperation in the fight against crime. 2025. URL: https://belarus24.by/en/news/society/belarus-and-china-signed-an-agreement-on-cooperation-in-the-fight-against-crime/

2. China-Belarus Judicial Cooperation under the Belt & Road Initiative. 2020. URL: https://supremepeoplescourtmonitor.com/2020/08/21/china-belarus-judicial-cooperation-under-the-belt-road-initiative/

3. Minister: Cooperation with China in law enforcement has reached an unprecedented level. 2021. URL: https://eng.belta.by/politics/view/minister-cooperation-with-china-in-law-enforcement-has-reached-an-unprecedented-level-138943-2021/?ysclid=mfo82mzzuk581060200

***Горшенева И. А.*[1],**
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

***Криставчук С. М.*[2],**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

РЕЖИМ БОРЬБЫ С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ И ЕГО ВЫЗОВЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ

Очевидно, что деяния по отмыванию денег выходят за пределы национальной юрисдикции, поскольку доходы, полученные преступным путем, и документальные доказательства таких действий могут перейти из одного правового поля страны в другую. Такая ситуация приводит к перемещению уголовно-правовой ответственности за пределы конкретных суверенных государств, т.е. одна страна не компетентна решать проблему в одностороннем порядке и возникает необходимость прибегнуть к сотрудничеству с другими странами в обозначенной сфере, что и выступает условием международного сотрудничества правоохранительных органов.

Известно, что "транснациональный" в контексте противоправной деятельности означает «выходящий за пределы национальных границ».

В конце 1970-х и 1980-х годах при изучении проблем инноваций глобализации широко распространялось понятие "транснациональная преступность". Понятие транснациональной преступности изначально было не юридическим понятием, а криминологическим, и рассматривали его как социальное явление, социологическая концепция преступных групп или сетей, и как политическое понятие, разграничивающих транснациональных акторов по национальным государствам или негосударственным образованиям. Следует подчеркнуть, что хотя термин транснациональная преступность часто путают с международным преступлением, эти два понятия имеют разные значения и масштабы.

Исследователь Бассуни, например, объясняет, что различие между ними заключаются в следующем: международные преступления - это преступления, относящиеся к категории международного права, нормам или международными договорами др.; тогда, как, транснациональные преступления являются правонарушениями, входя в номенкулатуру законов более чем одной страны. Проще говоря, термин "транснациональная преступность" тождественен, когда два или

[1] © Горшенева И. А., 2025.
[2] © Криставчук С. М., 2025.

более государств взаимно соглашаются классифицируется определенные действия как уголовное преступление, что аналогично деяниям, нарушающим законы других стран.

Что касается деяний по отмыванию денег, то данный вид преступлений может рассматриваться как международное, так и транснациональное преступление. Международным преступлением подобные действия были первоначально признаны Конвенцией Организации Объединенных Наций, в которой государствам-участникам предлагалось ввести уголовную ответственность за акт отмывания денег. Как транснациональное или трансграничное правонарушение, отмывание денег является преступлением, конкретно связанным с деяниями, указанным законом более чем одной страны. Вот в этом контексте и возникает проблема транснационального отмывания денег если было выполнено одно из двух условий: во-первых, отличие юрисдикции, в которой отмываются незаконные доходы, отличается от юрисдикции, в которой было совершено преступление; или если финансовые операции по отмыванию, охватывают несколько национальных юрисдикций.

С точки зрения практики, как транснациональное деяние, отмывание денег совершается за пределами национальных юрисдикций. Это связано с тем, что в процессе таких финансовых операций преступники свободно перемещают незаконные средства через несколько финансовых учреждений по всему миру в попытке отдалить деньги от их незаконных источников. Транснациональная преступная деятельность по отмыванию денег способна привести к вовлечению в нее не одну национальную юрисдикцию: ту, в которой совершено преступление; ту, в которой задержаны преступники; ту, в которой находятся доходы; ту, в которой доходы были заморожены или конфискованы. Подобная многосубъекность демонстрирует, что трансграничный характер процесса отмывания денег предоставляется достаточно сложным для осуществления на практике.

Проблемы, с которыми сталкиваются правоохранительные органы, включают комплексные задачи по отслеживанию доходов, полученных преступным путем, и сбору других доказательств, находящихся в иностранных юрисдикциях.

Основная цель правоохранительных органов на этапе расследования заключается в том, чтобы идентифицировать преступников. Что означает установить подозреваемых лиц, ориентировать их поиск и арест, провести сбор доказательств, изъятие полученных доходов, и заключить под стражу обвиняемых. Достижения поставленной цели, правоохранительным органам необходимо выполнить три основные функции: получить информацию, сбор доказательств и задержание преступников. Очевидно, что межгосударственный характер преступлений предполагает необходимость сотрудничества между правоохранительными органами является ведомствами заинтересованных стран.

Отметим, что ранее характер преступления носил либо локальный, либо национальный характер. До тех пор, пока преступление рассматривалось как местная или национальная проблема, уголовное право оставалось территориальным. Принимая во внимание только территорию, на которой произошло преступление, исследователь Джон Блюм прокомментировал это так: "Система

уголовного правосудия основана на территории. Если что-то произойдет на моей территории, у меня есть правомочия. Если этого не произойдет, мне придется иметь дело с другими национальными государствами, чтобы получить информацию." Что, исходя из территориального характера преступления, уголовное право может изменять способы обеспечения правопорядка.

Правоприменение на национальном уровне относится к исполнению уголовного законодательства в пределах границ конкретной страны. В этом случае правоприменение подчиняется территориальной юрисдикции. Эта модель показывает, что расследование преступления фокусируется на определенной географической области, окружающей место, совершения преступления. Тогда справедливо, что неправомерные деяния, совершаемые за границей, не являются предметом озабоченности национальных властей. Как следствие, соответствующие государства могут неохотно осуществлять международное взаимодействие или оказывать содействие другому государству в привлечении правонарушителей к ответственности.

Следует подчеркнуть, что национальных правоохранительных ведомств осуществлять межгосударственное сотрудничество, то существуют два препятствующих фактора: необходимость уважать суверенитет и сложности сбалансирования различных правовых систем. Необходимость же уважать суверенитет другого государства подразумевает, что правовое поле внутренних правоохранительных органов не может распространяться за пределы его национальных границ. Если между государствами нет международного договора или соглашения, то сбор доказательств и информации, находящейся заграницей будет затруднен. Сложность согласования норм различных правовых систем связана с различием подходов к криминализации определенных видов действий, методов, +используемых правоохранителями, юридических процедур получения доказательств и формирования доказательственной базы.

Как указывалось ранее, при обеспечении соблюдения уголовного законодательства в пределах национального государства правоохранительные органы традиционно сосредотачиваются почти исключительно на реализации задач. В контексте же отмывания денег, которое все больше приобретает транснациональный характер, правительствам, при получении помощи, трудно координировать собственные действия с правоохранительными органами других стран. Это побудило страны расширить рамки применения и правоприменение внутреннего уголовного законодательства и функций в целях повышения возможностей международного сотрудничества посредством таких способов как экстрадиция, взаимная правовая помощь и конфискация доходов от преступлений. В этих условиях характеристики правоохранительной деятельности эволюционировали от внутренних кинтернациональным и транснациональным компанентам. Таким образом, глобализация правоприменительной деятельности означает применение внутреннего законодательства к преступной деятельности, осуществляемой за пределами территориальных конкретного государства.

Расширение границ правоприменения позволяет применять национальные законы к преступной деятельности, совершаемой за пределами территориаль-

ных границ национального государства. Это также указывает на осознание того, что преступления используют территории стран мирового сообщества и, как следствие, становятся международным явлением. В контексте проблемы отмывания денег ряд международных конвенций, таких как Венская конвенция 1988 года, Страсбургская конвенция 1990 года и Палермская конвенция 2000 года, была предпринята попытка решать эти задачи посредством интернационализации конкретных усилий национальных правоохранительных органов. В данных целях было разработано несколько положений, регулирующих международные формы сотрудничества, включающих выдачу преступников, оказания взаимной правовой помощи и конфискацию доходов от преступлений. Ниже приводится анализ этих методов в противодействии преступлениям, связанным с трансграничным отмыванием денег.

Установление международных механизмов взаимодействия в борьбе с преступлениями по отмыванию денег - очевидно, противодействие деяниям, носящим транснациональный характер, необходим высокий уровень международного сотрудничества в области правоприменения. Подобная кооперация играет важную роль в проведении успешного уголовного преследования за совершенное преступление.

Как отмечалось ранее, установлено , что любые акты отмывания денег выходят за границы национальной юрисдикции. В данном случае действие уголовного права распространилось за пределы суверенных государств. Как следствие, правоприменительная деятельность также становится все более интернационализированной. В этом случае чрезвычайно важно межгосударственное сотрудничество в противодействии трансграничному характеру указанных преступных деяний. Это означает, что любая страна не может решать проблему транснационального отмывания денег исключительно односторонними действиями, а скорее нуждается в содействие других стран в вопросах правоприменения. Другими словами, проблема трансграничной преступности не может быть решена без эффективного международного сотрудничества.

Основные способы осуществления международного сотрудничества включают уголовное преследование подозреваемого (экстрадиция), сбор доказательств (взаимная информационная и правовая помощь) и получение прибыли (конфискация имущества).

К сожалению, эффективных международных механизмов сотрудничества и взаимопомощи между странами черезвычайно недостаточно. Из-за отсутствия необратимых договоренностей правоохранителям сложно, а порой даже невозможно эффективно сотрудничать с другими странами. Кроме того, другими препятствиями, влияющими на продуктивность осуществления международного сотрудничества с помощью обозначенных средств, являются традиционные взгляды на суверенитет, разнообразие национальных правовых систем и способность осуществлять интернациональное взаимодействие.

Список литературы

1. David Felsen and Aris Kalaitzidis, “A Historical Overview of Transnational Crime” in Philip Reichel (Ed.), Handbook of Transnational Crime and Justice, (London-New Delhi: Saga Publication, 2005), p.3.

2. Gerhard O.W. Mueller, Transnational Crime: Definition and Concept, in Phil Williams and Dimitri Vlassis (eds), Combating Transnational crime: Concept, Activities, and Response, (London, Portland: Frank Cass, 2001), p.13.

3. Serano, Transnational Organized Crime and International Security: Business as Usual?, in M. Bardel & M. Sareno (eds), Transnational Organized Crime and International Security: Business as Usual?, p.p.13-36 (Boulder, CO: Lynne Riener, 2002), p.16.

4. Ibid. See also P.R. Viotti & M.P. Kauppi, International Relations Theory: Realism, Pluralism, Globalism (New York: Macmillan, 1987).

***Котылева Ю. В.*[1],**
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

***Тимофеева Д. С.*[2],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Понятие «незаконной миграции» толкуется в данной статье как «действия» граждан, незаконно въезжающих на территорию другого государства по суше, воде, или воздуху (включая транзитные перевозки) а также через зоны аэропортов [1, с.94-95]. Подобное поведение индивидов имеет различные формы проявления, демонстрируемых следующими факторами:

1) Незаконное пересечение границы - вход на территорию иного государства без надлежащих документов, прохождение границы вне пунктов пограничного контроля или нелегальными путями. В соответствии с действующими нормами права, перед тем как пересечь границу чужого государства иностранный гражданин должен иметь определенный пакет документов, в обязательном порядке, имея при себе официальный документ, разрешающий иностранному гражданину въезд в страну, нахождение в ней в течение определенного времени и покинуть ее в обозначенное время. Речь идет о наличии определенной визы, деловая, предназначенная для участия в деловых контактах, рабочая, необходима для временной работы в государстве, существуют другие визы - инвестиционная, студенческая, виза на лечение, виза жениха или невесты. При отсутствии такого документа мигрант может быть выслан за пределы государства, в которое он въехал или страны, в которую он направлялся, так как его действия будут незаконными в соответствии с нормами международного права.

2) Пребывание лица является нелегальным, даже в том случае, если гражданин иностранного государства, первоначально въехавший в страну законно, превысил установленный срок пребывания или не оформил требуемый статус законного проживания.

3) Трудовая миграция без разрешения это трудовая занятость иностранного гражданина на территории другого государства без официального разрешения на работу.

4) Фиктивный брак - это незаконное оформление брака с гражданином, резидентом страны с целью получения права на проживание.

---

[1] © Котылева Ю. В., 2025.
[2] © Тимофеева Д. С., 2025.

5) Наличие языкового и культурного барьеров, т.е трудности понимания разговорной речи, социальных, этических норм и действующих ценностей иноязычного сообщества.

Сегодня потоки незаконной миграция выступают существенной проблемой для многих государств. Статистические данные текущих лет показывают, что например, в 2022 году в США зарегистрировано рекордное количество пересечений юго-западной границы, а ЕС сталкивается с ростом незаконных пересечений границ на 64% чаще чем в прошлом году. По заявлению главы МВД Владимира Колокольцева, в России по состоянию на 1 октября 2024 года, находилось более 6,5 млн иностранцев, в настоящий момент, из них свыше 740 тыс. не имели законных оснований для пребывания в нашей стран [4].

Потоки нелегальной миграции в странах Евросоюза принято оценивать с помощью различных количественных показателей, к которым относятся:

Число отказов во въезде; Количество нелегальных иммигрантов, задержанных на границах стран Евросоюза или на его территории; Соотношение количества заявлений о предоставлении убежища или гражданства и объема отклоненных заявлений и случаев выдворения из страны.

Также подлежат учету число лиц, которые легально въезжают в страны ЕС и Россию, а затем не соблюдают установленные законом сроки пребывания.

Аналитические исследования на основе таких критериев, показывают, что ежегодные потоки нелегальных иммигрантов в ЕС достигают сотен тысяч человек.

Очевидно, что нелегальная миграция создает проблемы как принимающим странам, так и государствам на пути следования мигрантов. Поэтому, в большинстве случаев невозможно отследить перемещение таких нелегалов, что не способствует контролю, увеличивая различного рода риски для общества. Таким образом, отсутствие легального статуса, возникающий языковой и социокультурный барьеры, означают, что такие индивиды выпадают из официальных систем занятости, налогообложения и социальной поддержки, что влечет за собой негативные последствия, такие как наполнение рабочей силой теневой экономики, повышение риска криминала, отсутствие законного статуса делает этих лиц легкой добычей для эксплуатации и вовлечения в преступные картели.

Отсутствие должных санитарных условий, ограниченный доступ к медицинскому обслуживанию нелегальных мигрантов создают угрозу не только их личному здоровью, но и населению страны пребывания, способствуя распространению вирусных заболеваний. Социальная напряженность и нелегальная миграция могут также привести к этническим конфликтам, ксенофобии и проявлениям экстремизма. Трудности адаптации затрудняют процесс интеграции нелегалов в новое общество и способствуют расслоению последнего.

Не принимая во внимание существующие проблемы, несознательные работодатели упорно принимают на работу именно мигрантов, исходя из их готовности работать за мизерную плату, и «безразличия» к комфортности проживания и отсутствия требований к охране труда нелегальных работников.

Кроме того, работодатели часто пользуются уязвимым положением, увольняя их без соблюдения трудового законодательства, не опасаясь никаких последствий.

Языковой барьер, в такой ситуации, обуславливает психологическое состояние человека, его низкую самооценку, препятствующую его общению в сообществе.

Учитывая все выше обозначенное, борьба с незаконной миграцией является важнейшим направлением деятельности многих государств и международных организаций.

Для более плодотворной борьбы с нелегальной миграцией на международном уровне применяются многосторонние подходы, включающие в себя такие аспекты как:

– Унификация правового регулирования норм, национальных законодательств в области миграции.

– Выстраивание системы прочных контактов между международными и государственными структурами, ответственных за миграционные процессы. Например, создание совместных рабочих групп и регулярный обмен данными.

– Усиление контроля за деятельностью частных посредников.

– Активизация гражданского общества в деле осуществления миграционной политики.

– Совершенствование правовых механизмов, возвращения мигрантов на родину и оказания им поддержки при их добровольном выезде.

– Развитие направлений участия общественных организаций в разработке и реализации миграционной политики.

– Совершенствование инструментов языковой адаптации и субъектов миграционных сообществ.

Очевидно, что практически ни одна страна не застрахована от последствий международной миграции, стремительного роста ее нелегальных форм. В целях успешного преодоления негативных фактов этих явлений необходимо тесное взаимодействие всех институтов государства и соответствующих международных объединений.

Список литературы

1. Журнал международного права и международных отношений. 2020. № 3-4 С.94-95.

2. Письмо Комитета по судебной власти достопочтенному Алехандро Майоркасу, министру внутренней безопасности США, 19 октября 2022 г., загружено 28 апреля 2023 г.

3. Нелегальная миграция и борьба с ней. Нелегальная миграция в государствах- членах ЕС. Камилла Шериазданова 2015г. [ст. 89-102]

4.https://www.researchgate.net/publication/307181069_EU_POLICY_IN_THE_FIELD_OF_COMBATING_ILLEGAL_MIGRATION_IN_THE_CONTEXT_OF_RUSSIAN_NATIONAL_SECURITY

5. https://cis.org/Report/Gatekeeper-Countries-Key-Stopping-Illegal-Immigration

***Гридчин М. М.*[1],**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Горшенева И. А.*,**
заведующий кафедрой иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ, ВКЛЮЧАЯ МЕРЫ ПО ВЫДАЧЕ: ОБЗОР ИНИЦИАТИВ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Сообщество по вопросам развития стран Юга Африки входит в состав нескольких региональных африканских объединений, которые, в соответствии с принципами, изложенными в Лагосском плане и Абуджийском договоре 1991 года, являются одним из основных элементов создания Африканского экономического сообщества. Его площадь составляет более 9 миллионов квадратных километров. С экономической точки зрения регион сообщества по вопросам развития стран Юга Африки характеризуется как слаборазвитый. Некоторые государства, члены сообщества, относятся к категории наименее развитых стран мира. Сообщество располагает скудными ресурсами для разработки эффективных программ, касающихся образования, здравоохранения и правоохранительной деятельности. Проблемы, связанные с низким уровнем развития, усугубляются различными факторами, включая уязвимость субрегиона перед транснациональной организованной преступностью. Известно, что действующие в регионе организованные преступные группировки специализируются на угонах автомобилей, контрабанде оружия, наркотрафике, мошенничестве, краже имущества, незаконной торговле драгоценными камнями и минералами, отмывании денег, браконьерстве и проституции. Кроме того, появляются свидетельства все более активного участия организованных преступных группировок в торговле людьми. Синдикаты – это организации по использованию региона в качестве территории, транзитного пункта назначения для нелегальных мигрантов. Дополнительным фактором, ослабляющим деятельность некоторых государств – членов данного сообщества по вопросам развития стран Южной Африки, являются затяжные конфликты и войны [2].

Несмотря на сложные политические, экономические и социальные проблемы, с которыми сталкивается субрегион, сообщество по вопросам развития этих

[1] © Гридчин М. М., 2025.

стран добилось значительных успехов в укреплении сотрудничества правоохранительных органов. Одним из знаковых событий в области взаимодействия правоохранительных ведомств в субрегионе является создание в 1995 году Региональной полиции Южной Африки, Организации сотрудничества начальников полиции. Эта инициатива, направленная на укрепление кооперации правоохранительных органов различных государств в целях координации стратегий борьбы с транснациональной преступностью, распространилась и на другие регионы африканского континента. Например, экономическое сообщество Западноафриканских государств учредило комитет начальников полиции Западной Африки на основе официального соглашения, которое было ратифицировано главами государств-членов. Соглашение способствует обмену криминальной информацией, возвращению украденного имущества и передачи преступников из одной полиции в другую. В государствах Восточной Африки существует аналогичный субрегиональный правоохранительный орган, известный как Восточноафриканская организация по сотрудничеству начальников полиции. Региональная полиции Южной Африки, Организация сотрудничества начальников полиции, была создана в 1995 году по инициативе начальников полиции 11 стран. Речь идет о таких южноафриканских странах, как Ангола, Ботсвана, Лесото, Малави, Мозамбик, Намибия, Южная Африка, Свазиленд, Танзания, Замбия и Зимбабве. Маврикий стал двенадцатой страной, присоединившейся к этой программе. Создание Региональной полиции Южной Африки, Организации сотрудничества начальников полиции, было вызвано, в первую очередь, ростом трансграничной преступной деятельности в регионе. Цели Региональной полиции Южной Африки, изложенные в ее уставе, заключаются в следующем [1]:

1) Поощрение, укрепление и утверждение сотрудничества в оказании содействия в разработке совместных стратегий борьбы со всеми формами трансграничных и связанных с ними преступлений, вызывающих региональные последствия;

2) Подготовка и распространение необходимой информации о преступной деятельности в интересах участников по сдерживанию преступности в регионе;

3) Регулярная доработка совместных стратегий противодействия преступности, с целью учета меняющихся национальных и региональных потребностей и приоритетов;

4) Продуктивное ведение уголовных дел и картотеки правонарушений, а также совместный мониторинг трансграничной преступности путем использования всех возможностей Интерпола;

5) Разработка и внедрение соответствующих рекомендаций правительствам стран-членов по вопросам, способствующим эффективности полицейской деятельности в регионе Южной Африки;

6) Регуляция любых требуемых действий и стратегий, содействующих региональному полицейскому взаимодействию в соответствии с региональными обстоятельствами [1].

Экстрадиция широко признана в регионе сообществом по вопросам развития стран Юга Африки в качестве важного механизма регионального и между-

народного сотрудничества правоохранительных ведомств. Разработка сообществом по вопросам развития стран Южной Африки мер, направленных на оказание правовой помощи и выдачи, осуществлялась поэтапно. Первый шаг на этом пути был сделан в 1996 году, когда государства - члены сообщества подписали и приняли Протокол о борьбе с незаконным оборотом наркотиков. На цели этого протокола в значительной степени повлияли принципы, изложенные в Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988). Протокол обязывает государства-члены создавать соответствующие механизмы взаимодействия их правоохранительных органов, включая внедрение эффективного инструмента экстрадиции, позволяющего осуществлять выдворение из страны во всех случаях незаконного оборота наркотиков и отмывания денег, а также оказание взаимной правовой помощи во всех случаях проявления таких преступных деяний. 7 августа 2000 года государства - члены сообщества по вопросам развития стран Юга Африки подписали и приняли Протокол о правовых Делах. Данный протокол учредил юридический сектор сообщества, цели которого заключаются в разработке, насколько это возможно, общих стратегий и стандартов отправления правосудия и обеспечения соблюдения законности. Стремление Сообщества разработать юридические нормы в области противодействия коррупции привело к подписанию и принятию государствами-членами 14 Августа 2001 года Протокола против коррупции. Статья 10 Протокола обязывает государства-участники “оказывать друг другу максимально возможную взаимную помощь путем обработки запросов от органов, которые в соответствии с собственным национальным законодательством, обладают полномочиями по расследованию уголовных дел и преследованию в судебном порядке актов коррупции, представленных в Протоколе, собирать доказательства и предпринимать другие необходимые действия для содействия судебному разбирательству и мерам, касающимся расследования или судебного преследования за акты коррупции”. В документе, подписанном и принятом государствами-членами 14 августа 2001 года, признается “важность регионального и международного сотрудничества, региональных и международных инициатив, предпринимаемых для предотвращения, пресечения и искоренения незаконных производств, чрезмерное и дестабилизирующее накопление, оборот, хранение и использование огнестрельного оружия и связанных с ним материалов”. Государства-члены обязаны в соответствии с настоящим Протоколом создать соответствующие механизмы взаимодействия правоохранительных ведомств государств-участников, включая:

1) создание систем прямой связи для содействия свободному и быстрому обмену информацией между правоохранительными институтами региона;

2) формирование соответствующих инфраструктур в целях повышения эффективности деятельности правоохранительных органов, включая современные средства поиска и досмотра во всех назначенных пунктах выезда и въезда;

3) выстраивание национальных координационных центров в соответствующих правоохранительных органах для оперативного обмена информацией, направленных на борьбу с трансграничным оборотом огнестрельного оружия;

4) разработка эффективных механизмов экстрадиции.

3 октября 2002 года государства-члены приняли многоаспектное соглашение о взаимной правовой помощи. Подписание Протокола сообществом по вопросам развития стран Юга Африки и взаимной правовой помощи по уголовным делам происходили на фоне международной обстановки, в которой проблема организованной преступности быстро заняла важное место в повестке дня как в правоохранительной деятельности национальных правительств, так и международных организаций. Подобные инициативы, очевидно, будут способствовать активизации усилий международного сообщества в борьбе с организованной преступностью, что, объективно, лучше всего иллюстрирует участие более 120 государств на переговорах, приведшее к принятию в июле 2000 года Конвенции Организации Объединенных Наций против Транснациональной Организованной Преступности. Данная Конвенция, кроме других положений, предусматривает расширение международного сотрудничества и взаимной правовой помощи. Ряд стран, входящих в сообщество по вопросам развития стран Юга Африки, продемонстрировали свою политическую волю, приверженность и готовность присоединиться к международному сообществу в борьбе с транснациональной организованной преступностью, официально ратифицировав Конвенцию Организации Объединенных Наций против организованной преступности.

Список литературы

1. G20 Anti-Corruption Working Group Step-by-step Guide on Asset Recovery. URL:http://www.g20australia.org/g20_priorities_g20_2014_agenda/anti_corruption/g20_anti_corruption_working_group_asset_recovery.htm

2. UNODC. Effective Management and Disposal of Seized and Confiscated Assets. 2017. URL: https://www.unodc.org/documents/corruption/Publications/2017/17-07000_ebook_sr.pdf

3. UNODC. International Expert Meeting on the Return of Stolen Assets. 2019. URL: https://www.unodc.org/unodc/en/corruption/meetings/addis-egm-2019.html

***Гудимова Е. А.*[1],**
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат филологических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО ПРАВА: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В условиях современного мира человечество сталкивается с нарастающими вызовами, связанными с истощением природных ресурсов на Земле. Это побуждает к поиску альтернативных источников за пределами планеты, что стимулирует развитие передовых технологий для освоения космоса. По мере того, как космическая деятельность становится все более интенсивной, вопросы международного космического права приобретают первостепенную важность. Это право определяет статус космического пространства и объектов, а также регулирует взаимодействия между государствами и другими субъектами в сфере космических операций. Хотя оно опирается на фундаментальные принципы международного права, его специфика требует постоянной адаптации к новым реалиям.

Международное космическое право возникло в середине XX века на фоне холодной войны и первых космических достижений. Ключевым документом стал Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (Договор о космосе 1967 г.), который установил основы мирного использования космоса [1]. Согласно этому договору, космическое пространство является достоянием всего человечества, и его использование должно приносить пользу всем странам независимо от уровня их развития. Однако с ростом числа участников – от государств до частных корпораций – возникают новые проблемы, требующие срочного внимания. В 2025 году, как отмечают эксперты, автономия и искусственный интеллект в космических операциях опережают существующие правовые нормы, что подчеркивает необходимость эволюции права. Кроме того, конференция ООН по космическому праву и политике в 2025 году фокусируется на балансе интересов государств в решении насущных вопросов.

В этой статье рассматриваются ключевые проблемы: регулирование добычи ресурсов, коммерциализацию, определение границ пространства, космический

[1] © Гудимова Е. А., 2025.

туризм, а также анализ милитаризации и управления космическим мусором. Объем анализа позволит осветить эволюцию права и перспективы его развития, опираясь на актуальные тенденции 2025 года.

Международное космическое право представляет собой отрасль, регулирующую деятельность в космосе на основе принципов равенства, сотрудничества и мирного использования. Центральным актом является Договор о космосе 1967 г., ратифицированный более чем 110 странами. Согласно статье 1 данного договора, исследование и использование космоса осуществляется в интересах всех стран, а пространство свободно для доступа без дискриминации. Статья 2 Договора о космосе запрещает национальное присвоение космоса, включая небесные тела, что предотвращает колониализм в орбитальной среде. Статья 6 Договора о космосе возлагает на государства ответственность за деятельность, включая частную, требуя авторизации и надзора [1].

Дополнительные соглашения дополняют эту основу: Соглашение о спасании космонавтов 1968 г., Конвенция о международной ответственности за ущерб 1972 г., Конвенция о регистрации космических объектов 1975 г. и Соглашение о Луне 1979 г. (хотя последнее ратифицировано немногими). Эти документы формируют систему, ориентированную на государственные органы, но с ростом коммерческого сектора они кажутся устаревшими. Как указывается в отчете Комитета Организации Объединенных Наций по использованию космического пространства в мирных целях 2025 г., право должно эволюционировать для учета частных инициатив и новых технологий [3]. Проект данного комитета, опубликованный в 2025 году, помогает развивающимся странам создавать правовые рамки, расширяя доступ к космосу для «глобального юга». Это подчеркивает сдвиг от биполярной модели к многополярной, где роль частных компаний, таких как SpaceX и Blue Origin, становится доминирующей.

Одной из наиболее острых тем является добыча ресурсов на небесных телах. Договор о космосе 1967 г. (статья 2) запрещает присвоение, но не уточняет права на извлечение минералов [1]. С ростом интереса к астероидам, богатым платиной и редкоземельными металлами, и лунным ресурсам, таким как гелий-3, возникает вакуум в регулировании. В 2025 году компании планируют миссии по добыче, но без четких норм это может привести к конфликтам. Например, США и их партнеры с помощью Соглашений Артемиды (2020 г., обновленные в 2025 г.) продвигают принципы безопасной добычи, но они не универсальны и критикуются за игнорирование глобальных интересов. Россия и Китай развивают альтернативные инициативы, такие как Международная лунная исследовательская станция, подчеркивая необходимость многосторонних соглашений. Как отмечает А.Р. Гафурова, отсутствие норм для добычи создает риски для устойчивости [2]. По оценкам экспертов, рынок космической добычи к 2040 г. может достичь триллионов долларов, требуя правил распределения выгод.

Решение лежит в создании глобального режима, аналогичного Антарктическому договору, с акцентом на экологическую защиту и равный доступ. В 2025 году деятельность Комитета Организации Объединенных Наций по использо-

ванию космического пространства в мирных целях фокусируются на этом аспекте, предлагая кодекс поведения для ресурсной деятельности.

Коммерциализация усиливает дебаты о собственности. Договор о космосе не признает частную собственность на небесные тела, но позволяет владеть объектами, запущенными в космос. Классическим примером может считаться требование Грегори Немитца признать своей собственностью астероид Эрос в 2004 г., отклоненное судами, но иллюстрирующее пробелы в законодательстве.

В 2025 году частные фирмы, например, Varda Space Industries, производят материалы в микрогравитации, поднимая вопросы юрисдикции. А.Р. Гафурова подчеркивает, что договоры игнорируют частных инвесторов, требуя обновлений для лицензирования и ответственности [2]. Космическая повестка 2025 предлагает политикам США интегрировать коммерческий элемент в правовое регулирование [4]. Неоспорим тот факт, что необходимы соглашения о защите инвестиций и предотвращении монополий, с учетом протоколов Интерпола и налоговых аспектов, имплементированные в Международный космический закон.

Более того, граница между атмосферой и космосом остается спорной. Линия Кармана (100 км) принята многими, но, например, США используют значение в 80 км для астронавтов. Это влияет на юрисдикцию: воздушное пространство суверенно, в то время как космическое – общее. В 2025 году с развитием суборбитальных полетов, как у Virgin Galactic, нужны стандарты. Отсутствие консенсуса может приводить к конфликтам, особенно в военных контекстах. На данный момент Комитет Организации Объединенных Наций по использованию космического пространства в мирных целях обсуждает унификацию нормативной базы, но прогресс медленный.

Космический туризм эволюционировал от фантазии к реальности. Компании SpaceX, Blue Origin и World View предлагают суборбитальные и орбитальные туры. В 2025 году полеты стали регулярными, но правовое регулирование отстает: нет норм безопасности, страхования и ответственности для туристов. А.Р. Гафурова отмечает необходимость регулирования для частных полетов [2]. Федеральное управление гражданской авиации США выдает лицензии на полеты, но в глобальном смысле необходимы стандарты, включающие регулирование медицинских требований и экологических норм.

Новые вызовы включают милитаризацию: договоры запрещают использование оружия массового поражения, но не противоспутникового оружия. Испытания, проводимые некоторыми странами, усиливают напряжение на международной арене. Также использование ИИ-технологий является повышенным источником угроз, требующим своевременного анализа и выработки механизмов их правого регулирования и применения.

Проблема космического мусора стоит особо остро на современном этапе развития общества, что угрожает устойчивости не только на национальном уровне, но и на международном. Необходима жесткая регламентация утилизации космического уровня, основанная на общеобязательном характере для всех стран. Международное космическое право требует срочной модернизации для

соответствия уровню коммерциализации, технологий и глобальных вызовов. Ключ к решению современных вызовов в сфере охраны космического права, на наш взгляд, сокрыт в сотрудничестве всех государств-участников космического диалога и выработке общеобязательных правил.

Список литературы

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела.
URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.

2. Гафурова А.Р. Актуальные проблемы международного космического права. URL: https://scilead.ru/article/9835-aktualnie-problemi-mezhdunarodnogo-kosmichesk.

3. International Space Law. URL: https://www.unoosa.org/res/oosadoc/data/documents/2017/stspace/stspace61rev_2_0_html/V1605998-ENGLISH.pdf.

4. Space Agenda 2025. URL: https://csps.aerospace.org/sa2025.

Гужвинский Н. М.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ И УГРОЗ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Как отмечают исследователи [1], международное сотрудничество в сфере правопорядка становится ключевым элементом поддержания глобальной безопасности, но его эффективность снижается из-за политических и правовых барьеров.

Политические противоречия между государствами негативно сказываются на функционировании международных структур таких, как: Интерпол, Европол, структур ООН по борьбе с преступностью. Таким образом, можно сделать вывод о том, что политизация процедур розыска и экстрадиции подрывает доверие и приводит к выборочному применению норм международного права.

Особенно остро проблема проявляется в случаях, когда правовые запросы используются в политических целях – для давления на оппонентов или активистов. Международное сотрудничество осложняется различиями в национальных законодательствах, особенно в сфере защиты персональных данных и признания цифровых доказательств. Например, в странах ЕС действует строгий режим защиты данных, что ограничивает оперативный обмен информацией с партнерами из других регионов [2].

Тем самым выделяется одна из главных проблем - отсутствие унифицированных стандартов, что в свою очередь мешает созданию единого правового пространства борьбы с киберпреступностью.

В отчетах Интерпола и Европола подчеркивается стремительный рост киберпреступности, использующей шифрование и искусственный интеллект. Многие национальные службы не располагают сопоставимыми техническими средствами расследования. Кроме того, несовместимость информационных систем затрудняет обмен разведданными, а так же это все осложняется излишней бюрократией и сроками ответов на запросы [3].

---

[1] © Гужвинский Н. М., 2025.

Современная система противодействия транснациональной преступности представлена множеством организаций с частично пересекающимися мандатами. Однако отсутствует единый координационный центр, обеспечивающий стратегическое управление и распределение ответственности. Это приводит к дублированию функций и снижает эффективность совместных операций.

Создание минимальных международных стандартов для обмена цифровыми доказательствами, экстрадиции и защиты персональных данных позволит повысить уровень доверия и снизить юридическую фрагментацию.

С этой целью ООН и Совет Европы уже ведут работу по обновлению Конвенции о киберпреступности [4], что отражает стремление к глобальной унификации.

Одним из ключевых направлений становится развитие совместных аналитических платформ и центров обмена информацией. Примером может служить Европейский центр по борьбе с киберпреступностью, объединяющий ресурсы национальных полиций и экспертных структур.

Создание аналогичных региональных центров в Азии, Африке и Восточной Европе могло бы стать эффективным инструментом «технологического выравнивания» возможностей государств. В свою очередь Российская Федерация могла бы предложить создать единую базу данных по киберпреступности, где бы отражалась информация начиная с телефонного мошенничества до манипуляций с криптовалютными транзакциями с включением в нее адресов криптообменников, теневыми банками позволяющими обналичить преступные доходы. Сложность реализации в разы бы снизилась с предоставлением технического оборудования от Евросоюза и опыта борьбы в сфере киберпреступлений.

Для сохранения легитимности международных структур необходимо внедрение независимых процедур проверки политически мотивированных запросов и усиление парламентского контроля.

Деполитизация сотрудничества – ключевой фактор его устойчивости в эпоху геополитических конфликтов [5].

Эффективность кооперации зависит не только от технических средств, но и от уровня профессиональной подготовки. Программы международного обучения и обмена опытом способствуют унификации методов расследования и формированию единой профессиональной культуры правоохранителей.

Сотрудничество правоохранительных органов в условиях геополитической трансформации сталкивается с рядом системных вызовов – политизацией, правовой несогласованностью, технологическим неравенством и институциональной раздробленностью.

Однако эти же вызовы создают стимул для обновления механизмов координации. Перспективными направлениями становятся [6]:

– Структуризация и приведение к единым правовым стандартам и процедурам обмена данными;

– Создание международных аналитических центров;

– Укрепление независимых механизмов контроля и деполитизации;

– Развитие кадрового потенциала и единых образовательных программ.

Комплексная реализация этих мер позволит адаптировать международное правоохранительное сотрудничество к реалиям новой системы глобальной безопасности и повысить его устойчивость к гибридным угрозам XXI века.

Список литературы

1. Важенина И.В., Ефимова О.И., Исторические и организационно-правовые аспекты международного сотрудничества в правоохранительной сфере // Академическая мысль. 2022. №4 (21). URL: https://clck.ru/3Q2ee8 (дата обращения: 30.09.2025).

2. Европейский правовой контекст: защита данных в ЕС / [Электронный ресурс] // Cornell Law School: [сайт]. – URL: https://clck.ru/3Q2eeZ (дата обращения: 30.09.2025).

3. Ежегодный отчет Locta 2024 от Европола: Анализ угроз организованной киберпреступности / [Электронный ресурс] // Информационные технологии, кибербезопасность, искусственный интеллект: [сайт]. – URL: https://newsletter.radensa.ru/archives/6996 (дата обращения: 30.09.2025).

4. Второй Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности о расширении сотрудничества и раскрытии электронных доказательств / [Электронный ресурс] //: [сайт]. – URL: https://goo.su/vco7n (дата обращения: 30.09.2025).

5. Безносов М.А., Цифровизация геополитики: конфликт и сотрудничество // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2024. №2. URL: https://goo.su/NyIwJw (дата обращения: 30.09.2025).

6. Медушевский Н. А., Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «Фабрик мысли» и ее функционирование за пределами США // Полития. 2010. №1 (56). URL: https://clc.li/zgvoH (дата обращения: 30.09.2025).

Гулященко Н. В.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ ОСНОВАХ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ НЕЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ

Нелегальная миграция представляет собой остро актуальную проблему, затрагивающую безопасность и социальную стабильность государств. В условиях интенсивных миграционных потоков на постсоветском пространстве значительная часть перемещений населения происходит между Российской Федерацией и Кыргызской Республикой – странами, связанных как двусторонними отношениями, так и участием в общих интеграционных объединениях (СНГ, ЕАЭС, ОДКБ). С одной стороны, миграция рабочей силы из Кыргызской Республики в Российскую Федерацию носит массовый и во многом легальный характер, способствуя восполнению трудовых ресурсов. С другой стороны, сохраняется проблема нелегального пребывания и трудовой деятельности части мигрантов, а также деятельности преступных групп, организующих незаконный ввоз и вывоз мигрантов. По официальным данным МВД Российской Федерации, на конец 2024 г. в стране находилось около 6,3 млн иностранных граждан, из них порядка 655 тыс. (10,4%) – выходцы из Кыргызской Республики [14, с. 4]. Указанное подчеркивает значимость двустороннего сотрудничества в миграционной сфере. При этом, по оценкам Международной организации труда, 10-20% мигрантов из стран СНГ, работающих в Российской Федерации нелегально, подвергаются эксплуатации, включая лишение документов, ограничения свободы, угрозы и другие формы злоупотреблений [4, с. 256]. Таким образом, нелегальная миграция сопряжена как с криминальными рисками, так и с нарушением прав человека, требуя скоординированных мер правоохранительных органов двух государств, в том числе и в контексте международно-правового сотрудничества.

Проблема противодействия нелегальной миграции носит ярко выраженный трансграничный характер, что обусловливает потребность в международно-правовом регулировании совместных действий компетентных органов. Российская Федерация официально заявляет о приоритетности международного взаимодействия правоохранителей в борьбе с нелегальной миграцией [8]. Кыргызская Республика также заинтересована в решении проблем нелегального выезда своих граждан и пресечении каналов незаконного транзита мигрантов через свою территорию. Так, в связи с обострением ситуации в Афганистане власти Кыргызской Республики отмечают реальную угрозу проникновения экстреми-

[1] © Гулященко Н. В., 2025.

стов под видом беженцев и использования государства как транзитного коридора для нелегальных мигрантов, стремящихся в Европу [7]. В результате были введены временные визовые ограничения для граждан ряда государств «риска» (Афганистан, Пакистан и др.). Данные факторы повышают актуальность совершенствования международно-правовых механизмов, регулирующих сотрудничество Российской Федерации и Кыргызской Республики в пресечении нелегальной миграции.

Базовым универсальным инструментом международно-правового сотрудничества является Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [1] и Дополнительный Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху 2000 г. [2] И Российская Федерация, и Кыргызская Республика ратифицировали эти акты и тем самым признали на международном уровне обязательство сотрудничать в предупреждении и пресечении контрабандного перемещения мигрантов. Реализация положений Протокола потребовала криминализации соответствующей деятельности в национальных законах. В Российской Федерации уже в 2004 году в УК РФ введена статья 322.1 «Организация незаконной миграции» (ФЗ от 28.12.2004 №187-ФЗ), устанавливающая уголовную ответственность за организацию незаконного въезда, пребывания или транзита иностранных граждан. В Кыргызской Республике аналогичные нормы существовали, однако до недавнего времени относились к разряду административных правонарушений: с 2019 г. организации незаконной миграции в Кыргызской Республике влек наказание в виде административного штрафа.

Помимо универсального уровня, ключевую роль играет региональное сотрудничество на пространстве СНГ. Еще в 1998 г. государствами СНГ (включая Российскую Федерацию и Кыргызскую Республику) было заключено Соглашение о сотрудничестве в борьбе с незаконной миграцией [5] которым заложены основы обмена информацией, совместных мероприятий и согласования политики в данной сфере. В развитие этого соглашения создана Совместная комиссия государств-участников, проводящая регулярные заседания. Например, в 2018 г. состоялось 21-е заседание комиссии в г. Бишкеке, где стороны обменялись информацией о реализации соглашений о реадмиссии, выявленных каналах нелегальной миграции и ходе выполнения Программы сотрудничества СНГ в противодействии незаконной миграции на 2015-2019 гг., а также о формировании общей базы данных нелегальных мигрантов и лиц, которым закрыт въезд в государства СНГ [12]. Наличие такой межгосударственной информационной системы существенно повышает эффективность контроля: например, лица, депортированные из Российской Федерации за нарушения, вносятся в перечни, доступные компетентным органам других стран СНГ, включая Кыргызскую Республику. В последние годы на площадке СНГ обсуждается новая Концепция миграционной политики и подготовка следующей программы сотрудничества, призванной учесть современные вызовы (включая постпандемийные изменения миграционных потоков), однако до настоящего момента они не приняты.

Не менее важным региональным механизмом является сотрудничество в рамках Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), членами которой являются и Российская Федерация, и Кыргызская Республика. В структуре ОДКБ действует Координационный совет руководителей компетентных органов по вопросам борьбы с незаконной миграцией, на заседаниях которого вырабатываются совместные решения и рекомендации для правоохранительных ведомств. Очередное, 28-е заседание такого совета прошло 28 августа 2025 года в г. Чолпон-Ате (КР) [15]. Участники (делегации МВД Российской Федерации, Кыргызской Республики, других стран ОДКБ и представители Секретариата) отметили важность координационного совета и высокую эффективность ежегодной региональной операции «Нелегал», проводимой под эгидой ОДКБ для пресечения миграционных правонарушений. Операция «Нелегал» представляет собой серию синхронизированных оперативно-профилактических мероприятий, проводимых в государствах ОДКБ. В ходе таких операций выявляются незаконно пребывающие иностранцы, каналы их доставки, поддельные документы, организаторы преступных схем. Подводя итоги этапа операции «Нелегал-2025», совет наметил приоритеты сотрудничества: профилактика незаконной миграции, выявление и пресечение деятельности организованных преступных групп, занимающихся нелегальной миграцией. Также обсуждаются инновационные подходы – цифровизация миграционных процессов, расширение обмена данными (например, о выданных визах, нарушителях режима) и взаимодействие миграционных служб с пограничными органами. Примечательно, что на упомянутом заседании ОДКБ представитель Антитеррористического центра СНГ акцентировал тесную связь между незаконной миграцией и угрозами терроризма и экстремизма. Таким образом, международно-правовое сотрудничество в рамках СНГ и ОДКБ создает многостороннюю платформу, на которой Российская Федерация и Кыргызская Республика могут совместно противодействовать нелегальной миграции, исходя из общих интересов безопасности.

В последние годы сотрудничество правоохранительных и миграционных органов Российской Федерации и Кыргызской Республики развивается на фоне новых вызовов. Одним из них стала пандемия COVID-19 (2020-2021 гг.), когда закрытие границ и экономический спад существенно сократили миграционные потоки [13], но затем произошло их восстановление и перераспределение. С 2022-2023 гг. Российская Федерация усилила внутреннюю миграционную политику, стремясь снизить долю нелегального пребывания. Летом 2024 г. были приняты изменения в законодательство о правовом положении иностранных граждан, которые ужесточили правила регистрации и расширили полномочия полиции по контролю за мигрантами [6] (в частности, введена система реестра контролируемых лиц, куда включаются иностранцы-нарушители). Несмотря на предпринимаемые сторонами совместные усилия, проблема остается масштабной: по информации МИД Кыргызской Республики, на начало 2025 г. в Российской Федерации находилось порядка 377 тыс. кыргызских граждан, из которых десятки тысяч имели нарушения режима пребывания. К середине 2025 г. в ре-

естре нарушителей значилось около 90 тыс. кыргызских граждан [11], то есть не все сумели или захотели легализоваться. Российские правоохранительные органы продолжают проводить рейды и проверки, выявляя нелегальных мигрантов. В таких условиях особое значение приобретает координация действий по реадмиссии и выдворению: важно, чтобы депортация нарушителей происходила организованно, с передачей их кыргызской стороне для учета и предупреждения повторных попыток въезда. Здесь вновь задействуются упомянутые механизмы реадмиссии и общие базы данных СНГ.

Другим проблемным аспектом являются преступные сообщества, занимающиеся организацией каналов незаконной миграции. Согласно информации МВД Российской Федерации, такие каналы регулярно выявляются. Например, в Санкт-Петербурге в 2025 г. было перекрыто крупное подпольное «миграционное агентство», занимавшееся фиктивной регистрацией более полутора тысяч мигрантов и легализацией их пребывания за взятки [10]. Подобные схемы зачастую охватывают несколько стран: вербовка осуществляется в Кыргызской Республике, затем группы переправляются в Российскую Федерацию, где их встречают сообщники, обеспечивая жильем и поддельными документами. Расследование таких дел требует обмена информацией между правоохранителями двух стран – как минимум, запросов о подтверждении подлинности паспортов, данных о пересечении границы, установлении организаторов на территории отправления. В рамках СНГ действует соглашение об обмене информацией по линии МВД, для взаимодействия также используются каналы Интерпола. Тем не менее, необходимо дальнейшее укрепление совместной оперативно-розыскной работы. Возможно, целесообразно создавать совместные следственные группы для раскрытия крупнейших транснациональных схем незаконной миграции, как это практикуется в отношении наркоторговли или торговли людьми.

Следует упомянуть и гуманитарный аспект: защита прав законопослушных мигрантов. Оба государства заинтересованы, чтобы законные трудовые мигранты не превращались в нелегалов. Для этого внедряются информационные программы, обмен статистикой и консультации по взаимному признанию документов. Например, российская и кыргызская стороны работают над облегчением процедур получения разрешений на работу (в контексте ЕАЭС кыргызские граждане освобождены от разрешений) и признания квалификаций. Чем доступнее и понятнее легальные пути, тем меньше пространства остается для нелегальной миграции. Таким образом, профилактика – важное направление сотрудничества: от совместного распространения памяток до организации ярмарок вакансий и легального найма через государственные структуры.

Таким образом, международно-правовое регулирование сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации и Кыргызской Республики по противодействию нелегальной миграции в настоящее время представляет разветвленную систему, включающую универсальные (ООН), региональные (СНГ, ОДКБ, ЕАЭС) и двусторонние инструменты. Проведенный анализ показывает, что за последние пять лет эта система претерпела позитивные измене-

ния: ужесточено уголовное законодательство в отношении организаторов незаконной миграции; активизирован механизм реадмиссии для возврата нелегалов на родину на взаимной основе; создан институт взаимных представительств миграционных служб для оперативного взаимодействия на местах; реализованы специальные программы легализации мигрантов, позволившие тысячам граждан избежать нелегального статуса. Российская Федерация последовательно выступает за расширение международного сотрудничества правоохранительных органов в данной сфере, а Кыргызская Республика предпринимает комплексные меры как внутри страны (совершенствование законодательства, контроль за выездом граждан, предупреждение каналов транзита экстремистов), так и вовне (дипломатическое и полицейское присутствие в Российской Федерации для помощи мигрантам).

Вместе с тем, исследование выявило ряд проблем, требующих дальнейшего решения. Во-первых, сохраняются значительные масштабы нелегальной миграции между обоими странами, что указывает на необходимость повышения эффективности правоохранительного взаимодействия. Не все положения соглашений работают в полной мере – например, обмен оперативной информацией может сталкиваться с бюрократическими задержками.

Во-вторых, преступные группы адаптируются к мерам противодействия: появляются новые способы незаконного ввоза мигрантов, в том числе с использованием подделанных электронных виз, обхода пограничного контроля и т.д. Это требует постоянного обмена передовым опытом, проведения совместных учений и тренингов для миграционных подразделений МВД Российской Федерации и МВД Кыргызской Республики.

В-третьих, необходимо учитывать права мигрантов: силовые акции против нелегалов не должны приводить к неоправданной жестокости или ксенофобии. Здесь важна прозрачность сотрудничества – вплоть до допуска представителей страны происхождения к участию в проверках (как реализовано через киргизских офицеров связи).

Учитывая указанное, на международном уровне целесообразно обновить договорную базу СНГ, приняв новую Комплексную программу противодействия незаконной миграции на ближайшие годы с учетом цифровизации процессов – например, создать интегрированную информационную систему, объединяющую данные миграционных и пограничных служб обоих государств в режиме реального времени.

Кроме того, на двустороннем уровне целесообразно рассмотреть заключение отдельного соглашения между МВД двух стран именно по линии уголовного розыска – о сотрудничестве в раскрытии преступлений, связанных с организацией нелегальной миграции (в дополнение к общему миграционному соглашению 2003 г.). В рамках такого договора стоило бы регламентировать механизм создания совместных следственных групп и обмена оперативниками при расследовании транснациональных дел.

Кроме того, следует усилить превентивные меры: расширять легальные возможности трудоустройства (через межправительственные соглашения о

квотах, если нужно), продолжать информационные кампании для мигрантов о недопустимости нарушения правил.

В заключение, противодействие нелегальной миграции возможно только совместными усилиями. Опыт сотрудничества Российской Федерации и Кыргызской Республики показывает, что интеграция усилий – от обмена данными и нормативной гармонизации до совместных операций – приносит ощутимые результаты в укреплении правопорядка. Однако динамика миграционных процессов требует постоянного развития этих механизмов. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность борьбы с незаконной миграцией, обеспечить защиту прав трудовых мигрантов и укрепить дружественные отношения между нашими странами на принципах законности и взаимной выгоды.

Список литературы

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543/.

2. Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121710/.

3. Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством иностранных дел Кыргызской Республики о сотрудничестве в области миграции (Заключено в г. Москве 18.04.2003) [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=30577#AaQFCyUOghKI1ZXu.

4. Абытов Б.К., Осмонов С.М. Правовой статус мигрантов из Кыргызстана в России // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Вып. 8, №10. – С. 255-260.

5. В Бишкеке прошло заседание Совместной комиссии государств – участников Соглашения о сотрудничестве стран СНГ в борьбе с незаконной миграцией (02.11.2018) – Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://eccis.org/news/10154/v-biskeke-proslo-zasedanie-sovmestnoj-komissii-gosudarstv---ucastnikov-soglasenia-o-sotrudnicestve-stran-sng-v-borbe-s-nezakonnoj-migraciej.

6. В реестре нарушителей миграционного режима РФ числится 91 тысяча граждан КР [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://report.kg/obschestvo/53711-v-reestre-narushitelej-migracionnogo-rezhima-rf-chislitsja-91-tysjacha-grazhdan-kr.html.

7. Интернет-портал СНГ: Миграционная ситуация в Кыргызской Республике за 2021 год [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://e-cis.info/cooperation/3823/99652.

8. Колокольцев: Россия выступает за сотрудничество в борьбе с нелегальной миграцией. Подобные потоки сопровождаются большими рисками, напомнил глава МВД РФ [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://tass.ru/politika/25083833

9. МВД Кыргызстана открыло представительства в городах России [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://rg.ru/2024/11/13/v-gorodah-rossii-otkryli-predstavitelstva-mvd-kr.html

10. МВД: Киргизия впервые вышла на второе место по числу трудовых мигрантов в РФ (03.04.2025) – Интерфакс [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://www.interfax-russia.ru/northwest/news/mvd-kirgiziya-vpervye-vyshla-na-vtoroe-mesto-po-chislu-trudovyh-migrantov-v-rf

11. Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики: Внимание! Граждане Кыргызстана, находящиеся в России с нарушением миграционного законодательства, должны урегулировать свое правовое положение до 30 апреля 2025 года или покинуть страну [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://mlsp.gov.kg/ru/2025/01/18/vnimanie-grazhdane-kyrgyzstana-nahodyashhiesya-v-rossii-s-narusheniem-migracziionnogo-zakonodatelstva-dolzhny-uregulirovat-svoe-pravovoe-polozhenie-do-30-aprelya-2025-goda-ili-pokinut-stranu

12. О сотрудничестве государств – участников СНГ в противодействии незаконной миграции (19.04.2021) – Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс]. // Режим доступа: eccis.org/news/18597/o_sotrudnichestve_gosudarstv_-_uchastnikov_sng_v_protivodejstvii_nezakonnoj_migracii/

13. Полетаев Д., Коробков А. Международная миграция в эпоху пандемии: разрыв связей, денежные переводы и мигрантофобия [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://ru.valdaiclub.com/files/38718/

14. Соодонбеков А.А. Конституционно-правовые основы избирательного процесса в Кыргызской Республике: автореф. диссерт. … канд. юрид. наук. – М., 2025. – 32 с.

15. Состоялось 28-е заседание Координационного совета руководителей компетентных органов государств – членов ОДКБ по вопросам борьбы с незаконной миграцией (01.09.2025) – Официальный сайт ОДКБ [Электронный ресурс]. // Режим доступа: https://odkb-csto.org/priorities_kyrgyzstan/?ELEMENT_ID=24308#loaded.

Демичева Е. А.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Якушин А. А.[2]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ДЛЯ БОРЬБЫ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ

Для того, что в полной мере изучить, что является уголовной ответственностью за совершение международных преступлений физическими лицами, необходимо ознакомиться с основными этапами развития международно-правовой ответственности, а именно: какие положения потерпели изменения, а какие вообще утратили свою силу в нашем современном обществе.

В первую очередь, хотелось бы отметить, что проблема международно-правовой ответственности с каждым годом приобретает огромное значение, именно она сдерживает конфликты между государствами, тем самым выполняет охранительную функцию и поддерживает в определенный мировой порядок в сфере международных отношений.

С течением времени изменялись и основные принципы ответственности. Если мы будем говорить о древней Греции, то в качестве примера можно привести тот факт, что из-за нарушенного договора, который образовывал Пелопонесский союз, объединение глав других государств стали требовать назначения наказания Афинам. На тот момент одним из самых распространенных наказания являлись военные действия, против страны, которая нарушила договор, тем самым устанавливалось санкция, предусмотренная за международные преступления.

По прошествии веков данный принцип перестал быть законным, но в современном обществе также допускаются случаи, когда принимается решение о начале военных действий.

---

[1] © Демичева Е. А., 2025.
[2] © Якушин А. А., 2025.

Немало важным элементом в развитии международного уголовного права является выдача преступников. Международное содействие начало свою работу с момента оказания помощи с уголовными преследованиями. Этому свидетельствует тот факт, что еще в древне Египте, между египетским фараоном Рамсесом-2 и правителем Хаттушилем-3 было соглашение, по которому царь Хеттов должен будет вернуть в страну Рамсеса любого, кто убежит к нему в страну. Таким образом мы видим, что еще во времена до нашей эры, существовали целые соглашения на предмет выдачи преступников, ведь на тот момент была рабовладельческая эпоха и побег любого из рабов расценивался как преступление.

С течением времени институт выдачи преступников потерпел значительные изменения, развивалось общество, а вместе с этим пришел такой термин, как институт права убежища. В 1303 году Франция обязалась не предоставлять убежища для англичан, а Англия в свою очередь обязалась не предоставлять убежища гражданам Франции, а именно тем лицам, которые представляли опасность для государства, это были люди разных сословий, которые несли враждебность, а также были замечены в различных восстаниях на территории своих государств. Именно в период средневековья данный институт начал свое развитие, лица, которые бежали в другую строну из-за политических взглядов чаще всего передавались обратно, условия передачи таких лиц обычно были в форме двустороннего договора, поэтому зачастую, страна которая выдавала лицо имела какую-либо свою личную выгоду.

Россия не стала исключением в данном направлении и в свою очередь одним из самых ярких примеров является соглашение между князем Игорем и Византийской империей. Данный договор устанавливал, что те лица, которые совершали преступления на территории другого государства, выдавались обратно на родину и привлекались к ответственности согласно законодательству своего государства. Данный механизм послужил основой для развития международного уголовного права, а также а также нес за собой функцию ответственности за содеянные преступления.

С течением времени преступления начали выходить на более высокий уровень. Миру стали известны такие преступления, как: торговля рабами, оборот фальшивых денежных средств, оборот наркотических и психотропных веществ, пиратство и другие. Данные преступления носили за собой особо опасный характер и уже после того, как совершились первые преступления в данной области, сразу стало понятно, что государства должны объединить свои усилия в борьбе с ними. Яркими примером может послужить конвенция о наркотических средствах 1961 года [1]. Данная конвенция определила список наркотических веществ, дала четкие определения преступным элементам, которые занимаются распространением наркотических веществ, а также установила четкою последовательность действий, которые необходимы для борьбы с данным видом преступлений.

Во второй половине XIX века на первый план вышли преступления совершаемые в сфере работорговли и заключения в рабство. На венском конгрессе в 1815 г. рассматривался вопрос о запрете торговли рабами из Африканских ко-

лоний, а в 1841 году пять государств подписали договор, по которому запрещалось продажа рабов в Америку. Немного позднее в 1855 гону на Берлинской конференции был принят еще один нормативный акт, который запрещал работорговлю в бассейне реки Конго, а его водный ресурс для их перевозки, так как в то время данная практика была распространена и активно использовалась.

В вышеперечисленных документах данные преступления имели особо опасный характер и признавались преступлениями международного характера, и именно в этот перерод началось формирование договорного правила, которое закрепляло, что преступления международного характера признаются уголовно наказуемыми преступлениями.

Преступления, направленные на торговлю женщинами и детьми в целях разврата, оборот порнографии, также расценивались как преступления международного характера и для борьбы с данными видами преступлений разрабатывались различные национальные законодательные акты, система наказания для лиц, которые совершали данные преступления.

Если мы обратим внимание, то именно нормативные акты, которые были приняты в период XIX-XX веков, то мы можем заметить, что преступления, которые признаются преступлениями международного характера, а также все правовые нормы, которые в них содержатся образуют отрасль международного права - международное уголовное право. Именно в то время было определено, что только физическое лицо могло быть привлечено к ответственности по уголовному законодательству.

Преступления против мира всегда несут за собой огромную потерю населения земли. В соответствии с Версальским договором были приняты различные соглашения, в которых представилась возможность привлечь императора германии к ответственности за те преступления, которые он совершал. Именно в то время встала проблематика по вопросу о том, к какой категории преступлений будут относится преступления против мира, а также рассматривался тот акт, что данные преступления не могут подпадать под рассмотрение в рамках национального уголовного законодательства. Это и послужило началу привлечения к ответственности на основании международных соглашений.

Что касается непосредственно самого Версальского договора, то в данном документе была посвящена целая глава тому, чтобы привлечь к ответственности Вильгельма Второго. В статье 227 прописывалось следующее: “Союзные и объединившиеся державы предъявляют Вильгельму-II Гогенцоллерну, бывшему германскому императору, публичное обвинение в высшем оскорблении международной морали и священной силы договоров...” [2]. По данному договору представлялась возможность привлечения к ответственности не только глав государств, которые совершали данные международные преступления, но также и другие лица которые способствовали в совершении международного преступления. После событий первой мировой встал вопрос о создании судебного органа, который будет полномочен рассматривать дела о военных преступлениях, таким образом основными государствами участниками, которые были заинтересованы в создании такого органа, было принято решение о его

создании и на тот момент были определены государства, которые могли выдвинуть по одному жителю своей страны в качестве судьи.

До того, как началась вторая мировая война по всему миру заметно выростает преступность и в связи с этим проводилось большое количество различных конгрессов и конференций, на одной из них были приняты два важнейших международно-правовых акта: 1) Международная конвенция о предупреждении терроризма и наказании за него; 2) Конвенция об учреждении Международного уголовного суда.

Забегая вперед, хотелось бы отметить, что эти две конвенции так и не были приняты, но при их изучении мы видим, что в обществе того времени уже сложилось понимание того, что международные преступления по большей части носят огромную опасность для человечества. Данные конвенции положили основу для последующих нормативных актов, которые более подробно устанавливают основные принципы борьбы с одним из самых жестокий преступлений в международном праве – терроризмом. Также хотелось бы отметить, что данные две конвенции должны были работать в совокупности в качестве правовой основы в Международном уголовном суде.

Вспоминая события второй мировой войны, мы можем увидеть, что она характеризует новые этапы развития системы международных преступлений, а вместе с этим появление устойчивых процессуальных норм, которые были необходимы для создания первого судебного органа, который мог рассмотреть все аспекты, касающиеся правил ведения войны, которые были нарушены гитлеровской Германией. Для восстановления справедливости, в августе 1945 года в Лондоне было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции “О судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси”.

Одним из важных аспектов является тот факт, что данные деяния признаются не только международными преступлениями, но и устанавливается принцип наказуемости таких деяний: все физические виновные лица должна быть судимы компетентным судом того государства, на территории которого было совершено преступление, или же другим международным уголовным судом, в подсудности которого находится данное дело.

В после военный период мировое сообщество столкнулось с угрозой применения ядерного оружия. Данный период характеризовался как гонка вооружений. Применение ядерного оружия, а также других видов оружия массового уничтожения признаются международными преступлениями. В связи с этим стоит отметить Декларацию ООН “О праве народов на мир” от 12 ноября 1984 года, именно этот документ был одобрен 92 государствами, тем самым применение данного оружия послужило образованию нового вида международного преступления- против мира и человеческой цивилизации.

Комиссия ООН уделила огромное внимание создание Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества. В кодексе были прописаны самые тяжкие международные преступления, а также в нем устанавливалась ответственность за данные преступления. После событий, которые произошли в

Югославии и Руанде, представителями государств-членов ООН на международной конференции (июнь-июль 1998 года) был учрежден международный уголовный суд.

Вопрос о привлечении физических лиц к уголовной ответственности является до сих пор открытым, как и сама концепция международной уголовной юстиции в целом до сих пор не является общепризнанной, рост международной преступности, а также расширение перечня таких преступлений, еще раз доказывает, что мировому сообществу просто необходим единый механизм по борьбе с этими преступлениями.

Список литературы

1. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года / [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН: [сайт]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/single1961.pdf .

2. Мирный договор между союзными и объединившимися державами и Германией (Версальского договор) (Вместе со статутом лиги наций, уставом международной организации труда и "протоколом") (Подписан в г. Версале 28.06.1919) / [Электронный ресурс] // Законы России: [сайт]. – URL: https://lawrussia.ru/bigtexts/law_814/page7.htm

3. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси / [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. – URL: https://docs.cntd.ru/document/901737883.

4. Международное уголовное право : Учебник / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева, А. А. Козлова [и др.]. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

Денисова А. Ю.*[1]*,
преподаватель кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО НА ДВУСТОРОННЕМ УРОВНЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ФРАНЦИИ

Методологическая основа исследования.

В данном исследовании используются основные принципы (историзма, объективности, всесторонности рассмотрения объекта) и теоретические методы исследования (контент-анализ, синтез, обобщение).

Проблема безопасности в реализме была ключевой с момента его развития как особого направления теории международных отношений. Исторический аспект показывает, что сегодняшнее тесное правоохранительное сотрудничество между Великобританией и Францией – это не случайность, а результат долгой эволюции, в ходе которой обе страны, несмотря на политические перипетии, последовательно выбирали путь интеграции и совместного решения общих угроз. В викторианскую эпоху («Угроза с Континента») Британия воспринимала Францию как источник революционных идей и политического радикализма, который мог дестабилизировать порядок в UK. Это стимулировало первые попытки политического сыска и наблюдения за «подозрительными иностранцами». Первые контакты по борьбе с анархизмом прослеживаются на рубеже XIX-XX веков, когда обе страны столкнулись с волной анархистского терроризма. Взрывы в Париже и Лондоне заставили полиции наладить первые, еще неформальные, контакты для обмена информацией о международных сетях анархистов. Это был зародыш будущего сотрудничества спецслужб.

Как утверждает Магадеев И.Э., «безопасность традиционно относится к числу «чувствительных» сфер деятельности государства, информация о которой тщательно оберегается и держится под секретом. История англо-французских отношений в 1920-е гг. представлена также в солидном корпусе опубликованных дипломатических документов» [1].

На рубеже 1970-1990-х гг. произошло зарождение современного сотрудничества. Этот период определил основные векторы сотрудничества, которые актуальны до сих пор.

«Туннельный эффект» (The Channel Tunnel Effect). Решение о строительстве тоннеля под Ла-Маншем в 1970-х годах заставило две страны впервые задуматься о его последствиях для безопасности. Преступность и нелегальная миграция теперь могли перемещаться так же легко, как и законопослушные граждане.

---

[1] © Денисова А. Ю., 2025.

Протокол Сангатте (The Sangatte Protocol, 1991): межправительственное соглашение. Заключенный до открытия тоннеля, этот протокол установил фундаментальный принцип: пограничный контроль будет осуществляться не на самой границе, а в точках отправления. Это была революционная концепция, проложившая путь к более известному договору Le Touquet.

Договор Le Touquet Agreement (2003) – это британо-французское соглашение, подписанное 4 февраля 2003 года в Ле-Туке (Франция). Оно заложило основы сотрудничества двух стран по вопросу борьбы с притоком нелегальных мигрантов в Великобританию. Согласно документу, британский пограничный пункт размещался в Кале (Франция), а французский – в Дувре (Великобритания). Так Британия получила возможность разворачивать мигрантов до того, как они доберутся до пролива Ла-Манш и, тем более, до британской территории. Договор позволяет Великобритании производить досмотр мигрантов и не пропускать их через тоннель под проливом или на паромах. Именно он создал ту модель «прифронтового контроля», которая существует сегодня, и является причиной, по которой лагеря беженцев находятся на французской территории [2].

Период 2000-2016 гг. характеризуется углублением и институционализацией. Влияние ЕС и Шенгенской зоны: Членство Великобритании в ЕС (хоть она и не входила в Шенген) значительно облегчило сотрудничество. Появились инструменты вроде Европейского ордера на арест, SIS II (Шенгенской информационной системы) и Европола, которые сделали экстрадицию и обмен данными быстрыми и почти автоматическими.

Ланкастер-хаусские договоренности (2010). Этот масштабный двусторонний договор вывел сотрудничество на новый уровень. Он был сосредоточен не только на обороне, но и на безопасности, создав рамки для беспрецедентного взаимодействия спецслужб и полиции по борьбе с терроризмом.

Наконец, современная эра – Вызовы и адаптация (2016 год – настоящее время)

Brexit (от англ. Britain – «Британия» и exit – «выход») – добровольный выход Великобритании из Европейского союза (ЕС)) вместе с прекращением членства во всех структурах этой организации как исторический разлом. Выход Великобритании из ЕС стал самым серьезным вызовом за всю историю сотрудничества. Великобритания автоматически вышла из всех вышеупомянутых инструментов ЕС (Европол, Европейский ордер на арест, SIS II).

После Brexit сотрудничество во многом вернулось к своей изначальной, двусторонней основе, как это было до вступления в ЕС, но на гораздо более высоком технологическом и оперативном уровне.

В 2024 году отмечалась 120-я годовщина Антанты Кордиаль (Англо-французское соглашение 1904 г.), которое стало поворотным моментом в отношениях между Великобританией и Францией. Высоко оценив усилия французских правоохранительных органов, министр внутренних дел отметил, что в 2023 году количество малых судов, достигающих Великобритании, сократилось

на 36 %, приписав этот успех совместным усилиям. Также обсуждались планы по ускорению внедрения ключевого оборудования для воздушного наблюдения, предусмотренные соглашением между Великобританией и Францией на саммите в марте 2023 года, с целью повышения возможностей перехвата и приоритетного сотрудничества служб на противоположных берегах Ла-Манша для обеспечения безопасности мореплавания. В рамках расширенного сотрудничества с мая 2023 года, включая присутствие офицеров связи Великобритании на севере Франции, повысилась эффективность обмена информацией и совместных расследований организованной преступности.

Правоохранительное сотрудничество между Великобританией и Францией – это плотная сеть двусторонних договоров, рабочих соглашений и личных контактов между агентствами.

Оно прагматичное, так как обе стороны понимают, что преступность и миграция не знают границ; многоуровневое: включает взаимодействие на уровне полиции, жандармерии, спецслужб, пограничных и судебных органов, а также адаптивное: несмотря на политические сложности и Brexit, стороны находят способы поддерживать и финансировать совместные операции, особенно в самом чувствительном районе – Ла-Манше.

Это сотрудничество является наглядным примером того, как две соседние страны выстраивают сложную архитектуру безопасности, основанную на общих интересах, даже при наличии политических разногласий.

Как отмечает Серебрякова О.М., «официальное международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью закреплено в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях» [3]. Несмотря на выход Великобритании из ЕС, у нее с Францией существует плотная сеть двусторонних договоров и соглашений в правоохранительной сфере. Многие из них были заключены давно и продолжают действовать, другие были адаптированы после Brexit. Выделим основные направления правоохранительного сотрудничества:

1. Вопросы границы и миграции (Договор Le Touquet) / Le Touquet Agreement (2003).

Так называемый краеугольный камень приграничного сотрудничества. Это соглашение реализует принцип «приграничного контроля в точке отправления». Британские пограничники работают на французской стороне Ла-Манша (в портах Кале и Дюнкерка), а французские – на британской. Это позволяет перехватывать нелегальных мигрантов и предотвращать попытки пересечения еще до того, как они достигнут границы. На основе этого договора регулярно заключаются дополнительные финансовые соглашения (как в 2022 и 2023 гг.), по которым Великобритания обязуется выделять Франции сотни миллионов евро на усиление патрулирования побережья, создание центров задержания и приобретение технических средств.

2. Полицейское сотрудничество и взаимная правовая помощь.

Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (1991), представляющая основной договор, регулирующий совместную борьбу с преступностью. Это позволяет правоохранительным органам двух стран передавать и

запрашивать доказательства, проводить обыски и выемки на территории другой страны по запросу, осуществлять передачу лиц для проведения допросов или участия в судебных процессах. Отметим, что данный договор остался в силе после Brexit.

Соглашение о сотрудничестве между полицейскими и таможенными органами (1992) представляет рамочное соглашение, позволяющее осуществлять оперативное взаимодействие на местах. Прямые контакты между полицейскими управлениями, совместные патрули (например, в зоне Ла-Манша), обмен оперативной информацией и сотрудниками (офицеры связи).

3. Экстрадиция

Европейская конвенция о выдаче (1957).

Это многосторонняя конвенция Совета Европы, но она является основой для двусторонних отношений по экстрадиции после Brexit. Регулирует процедуру выдачи лиц, обвиняемых в совершении преступлений. Она заменила собой сверхбыстрый Европейский ордер на арест, который действовал, пока Великобритания была в ЕС. Процедура по Конвенции более медленная и бюрократическая.

4. Широкие рамки безопасности и обороны

Договоры Ланкастер – Хауса (2010)

Широкомасштабный двусторонний договор о сотрудничестве в области обороны и безопасности. Хотя он в большей степени ориентирован на военное сотрудничество, он напрямую затрагивает и правоохранительные аспекты:

- борьба с терроризмом: совместные операции, обмен разведданными между спецслужбами;
- кибербезопасность: совместное противодействие киберпреступности;
- борьба с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ).

Отметим также, что столичная полиция (The Metropolitan Police Service, The Met) активно и напрямую участвует в правоохранительном сотрудничестве с Францией. Это сотрудничество является жизненно важным для обеих сторон, учитывая их статус столиц, связанных транспортными артериями (тоннель под Ла-Маншем, авиасообщение), и общие угрозы, такие как международный терроризм и организованная преступность, и прослеживается через:

1. Специальные подразделения и каналы связи

Международное подразделение связи (International Liaison Officers, ILO). Цель работы – борьба с международной организованной преступностью. Для этого сотрудники ILO работают в стратегических точках мира, где их опыт помогает предотвратить преступления до того, как они затронут Великобританию, служат прямым каналом для обмена оперативной информацией, координации совместных операций и решения бюрократических вопросов в режиме реального времени.

2. Отдел специальных операций Лондонской столичной полиции (Counter Terrorism Command, SO15). Это подразделение тесно сотрудничает с французскими аналогами, такими как служба судебной полиции, отвечающая за борьбу с терроризмом (SDAT), входит в состав Центрального директората судебной

полиции (Direction centrale de la police judiciaire, DCPJ) и занимается расследованием организованной преступности, терроризма, киберпреступности и других серьезных и сложных форм уголовного поведения в стране и (Direction générale de la Sécurité intérieure) – Генеральная дирекция внутренней безопасности, контрразведка Французской республики (DGSI). Они регулярно обмениваются разведданными о террористических угрозах, отслеживают перемещения подозреваемых и координируют действия для предотвращения атак.

3. Национальное агентство по борьбе с преступностью (NCA). Хотя NCA – это отдельная структура, The Met тесно с ним взаимодействует. NCA координирует взаимодействие с французскими правоохранительными органами по вопросам организованной преступности (наркотрафик, торговля людьми, киберпреступность), и офицеры The Met часто входят в состав совместных следственных групп.

Среди конкретных сфер сотрудничества выделим борьбу с терроризмом. После терактов в Лондоне и Париже обмен информацией и совместные расследования стали еще более тесными. The Met и французские службы совместно расследуют дела, связанные с исламистским экстремизмом, борьбу с организованной преступностью (The Met сотрудничает с французской полицией и жандармерией в борьбе с наркотрафиком (перехват поставок кокаина и героина), киберпреступностью (расследование мошенничеств и хакерских атак, исходящих из другой страны, торговлей людьми; безопасность на транспорте (сотрудничество с французскими коллегами для обеспечения безопасности в тоннеле под Ла-Маншем и на вокзалах); розыск преступников (The Met активно использует каналы связи с Францией для розыска и задержания подозреваемых, которые могут скрываться по ту сторону Ла-Манш).

Таким образом, The Metropolitan Police является не просто участником, а одним из ключевых драйверов полицейского сотрудничества между Великобританией и Францией. Благодаря своим специализированным подразделениям и сети офицеров связи, The Met имеет прямые, ежедневные оперативные контакты с французскими партнерами для решения общих задач по обеспечению безопасности и борьбе с преступностью.

Как справедливо отмечают Горшенева И.А. и Эрстекис А.Д., «интересы государственной безопасности гораздо более сложны, противоречивы и размыты, чем традиционные угрозы безопасности, такие как угроза применения одним государственным субъектом военной силы против другого». В этой связи стоит упомянуть, что организованные преступные группы активно используют дроны для доставки наркотиков, телефонов и оружия через Ла-Манш, например, в тюрьмы или между побережьями. Британская полиция (включая The Met) и французская жандармерия ведут постоянную «войну дронов». Они используют собственные дроны для наблюдения, а также технологии для перехвата сигнала и нейтрализации преступных аппаратов. Это высокотехнологичное противостояние, требующее постоянного обмена тактиками и технологиями. Сотрудничество касается не только борьбы с преступностью, но и общественной безопасности. Например, перед крупными событиями, такими как Олимпийские игры в

Лондоне (2012) или в Париже (2024), полиция двух стран тесно координировала действия по кибербезопасности, антитеррористическому патрулированию и обмену данными о потенциально опасных лицах. Опыт, полученный The Met во время своей Олимпиады, напрямую передавался коллегам из Парижа.

Таким образом, эти факты показывают, что правоохранительное сотрудничество между Великобританией и Францией – это не просто скучные договоры, а живой, постоянно развивающийся организм. Оно простирается от высокотехнологичной борьбы с дронами до уникальных юридических решений, позволяющих работать «на чужой земле», что делает его одним из самых глубоких и практичных двусторонних партнерств в мире.

Список литературы

1. Магадеев И.Э. Взаимодействие Великобритании и Франции в сфере безопасности в 1920-е годы: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.00, 07.00.03 / Магадеев Искандэр Эдуардович; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Ист. фак.]. – Москва, 2012. –26 с.

2. Андреева Т.Н. Нелегальная миграция: вызов для Великобритании (февраль 2020 - июль 2021 г.) / Т. Н. Андреева // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 4. – С. 75-83.

3. Серебрякова О.М. Укрепление международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью / О.М. Серебрякова, РВ. Смирнов // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Старотеряево, 12 апреля 2024 года. – Старотеряево: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2024. – С. 751-755.

4. Горшенева И.А. Пересечение границ: международная миграция и национальная безопасность / И.А. Горшенева, А.Д. Эрстекис // Стратегическое планирование в сфере регулирования миграционных процессов с учетом новых вызовов и угроз национальной безопасности: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 30 мая 2024 года. – Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования "Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя", 2024. – С. 136-140.

***Дидок В. А.*[1],**
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат филологических наук

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ГИБРИДНЫМИ УГРОЗАМИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

В эпоху цифровизации и глобальной взаимосвязи гибридные угрозы представляют собой одну из наиболее сложных и многогранных форм вызовов национальной безопасности. Эти угрозы сочетают в себе элементы традиционной военной силы с неконвенциональными методами, включая экономическое давление, дипломатические манипуляции и, в особенности, информационно-психологические операции в киберпространстве. По сути, гибридные угрозы – это интегрированный комплекс инструментов, направленных на подрыв стабильности противника через одновременное воздействие на политические, экономические, социальные и культурные сферы. Их опасность усиливается тем, что они часто маскируются под легитимные действия, затрудняя своевременное выявление и нейтрализацию.

Россия и Китай, как ведущие игроки на глобальной арене, демонстрируют образец стратегического партнерства в противодействии таким угрозам. Их сотрудничество не только усиливает обороноспособность каждой страны, но и способствует формированию международных стандартов в области кибербезопасности. В контексте растущей геополитической напряженности, включая эскалацию киберконфликтов, это партнерство приобретает стратегическое значение. Синергия между Москвой и Пекином в сфере информационной манипуляции и киберзащиты создает серьезный противовес западным инициативам, таким как расширение НАТО в киберпространстве. Настоящая статья анализирует эволюцию этого сотрудничества, ключевые нормативные акты, практические механизмы и перспективы развития, опираясь на исторический контекст и актуальные тенденции.

Гибридные угрозы в киберпространстве эволюционировали от изолированных хакерских атак к комплексным кампаниям, интегрирующим цифровые инструменты с другими формами влияния. Согласно современным трактовкам, они включают использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для подрыва государственного суверенитета, нанесения экономического

[1] © Дидок В. А., 2025.

ущерба, поддержки терроризма, совершения преступлений и распространения дезинформации, вредной для культурного и социального климата. Эти угрозы особенно актуальны в многополярном мире, где киберпространство становится полем битвы за глобальное доминирование.

В настоящее время эксперты подчеркивают рост угроз, связанных с использованием ИИ, где искусственный интеллект усиливает эффективность гибридных операций. Например, китайско-российские аналитики отмечают, что западные державы, такие как США, используют кибершпионаж для манипуляции общественным мнением, как в случае с государственными программами типа PRISM (программа разведки), раскрытыми Эдвардом Сноуденом в 2013 году [2]. Это событие послужило катализатором для углубления сотрудничества между Россией и Китаем, подчеркивая необходимость защиты информационного суверенитета. Гибридные угрозы не только разрушают инфраструктуру, но и эродируют доверие к институтам, провоцируя социальные конфликты. В отчете Европейского центра передового опыта по противодействию гибридным угрозам за 2025 год Россия и Китай выделяются как ключевые государства в противостоянии таким вызовам [1].

Сотрудничество России и Китая в кибербезопасности уходит корнями в постсоветский период, но значительный импульс оно получило после разоблачений Сноудена в 2013 году. Эти утечки продемонстрировали масштаб глобальной слежки со стороны США, затрагивающей коммуникации между странами, что усилило опасения по поводу потери информационного контроля. В ответ Москва и Пекин активизировали диалог, кульминацией которого стало Соглашение о сотрудничестве в области международной информационной безопасности от 8 мая 2015 года [4].

Этот документ возник в условиях глобализации, где конкуренция за цифровые ресурсы обострилась. Данное партнерство помогает укрепить сетевой суверенитет обеих стран, противостоя внешнему давлению. К настоящему времени контекст взаимодействия эволюционировал: с учетом российско-украинского конфликта и американо-китайских торговых войн, гибридные угрозы включают санкции, кибератаки на критическую инфраструктуру и информационные кампании. Шведские официальные лица в начале 2025 года заявляли о гибридных угрозах со стороны России, Китая и Ирана, ссылаясь на данные разведывательных операций. Соответственно, партнерство России и Китая может служить своего рода буфером против таких обвинений.

Необходимо отметить, что Соглашение о сотрудничестве в области международной информационной безопасности 2015 года остается краеугольным камнем двустороннего сотрудничества. Оно определяет основные угрозы в информационной сфере, включая использование ИКТ для агрессии против государственного строя, экономического ущерба, терроризма, преступлений и вреда в сфере культуры. Документ устанавливает принципы сотрудничества, такие как равноправие, взаимное уважение суверенитета и невмешательство во внутренние дела.

Ключевые направления включают обмен информацией об угрозах, совместные исследования, защиту данных и координацию в международных организациях. Механизмы реализации охватывают консультации, рабочие группы и финансирование проектов. Соглашение также регулирует отношения с другими договорами и разрешение споров через переговоры. Его актуальность подтверждается обновлениями в китайском законодательстве, такими как поправки к закону о кибербезопасности, усиливающие контроль над данными [5]. Анализ показывает, что соглашение способствует унификации подходов, хотя различия в стратегиях Китая и России требуют дальнейшей гармонизации.

Практическая реализация партнерства проявляется в коммерческих инициативах. Ярким примером служит Меморандум о взаимопонимании между «Лабораторией Касперского» и Администрацией киберпространства Китая от 2017 года [5]. Подписанный на Всемирном форуме по управлению интернетом в Учжэне, он фокусируется на обмене данными о киберугрозах, инцидентах и атаках, особенно на стратегических объектах Китая. Планируемые меры включают тренинги для IT-специалистов и программы повышения осведомленности среди организаций и населения.

К настоящему моменту это сотрудничество расширилось: «Лаборатория Касперского» участвует в совместных проектах по защите интернета вещей (IoT) и критической инфраструктуры. Аналогично, компания Хуавей (Huawei) сотрудничает с российскими компаниями в 5G и квантовых коммуникациях, включая тесты шифрованной передачи данных в 2023 году. Такие инициативы не только повышают технологическую устойчивость, но и способствуют экономическому росту, увеличению объемов торговли в сфере информационно-коммуникационных технологий (ICT) между двумя странами.

К 2025 году российско-китайское партнерство в кибербезопасности достигло нового уровня, интегрируя технологии искусственного интеллекта и блокчейна. Особые усилия направлены на конвергенцию в условиях иностранной информационной манипуляции, где обе страны координируют усилия против западной трактовки событий и явлений. В рамках ШОС и БРИКС проводятся совместные учения по киберзащите. Положительные факторы, способствующие укреплению сотрудничества, включают высокий приоритет информационной безопасности в национальных стратегиях обеих стран. В частности, Китай в 2024 году ввел значительные обновления в законодательстве о данных, такие как Положение «О регулировании безопасности сетевых данных», вступившие в силу 1 января 2025 года [5]. Эти правила усиливают обязательства по защите личной информации, отчетности для крупных обработчиков данных и управлению важными данными, включая меры против утечек и скрейпинга данных. Китай всецело ориентирован на кибербезопасность с учетом возрастающей роли цифровизации во всех общественных отношениях. Повышаются требования к операторам онлайн-платформ, особое внимание уделяется механизмам конфиденциальности и процедурам отчетности при различных нарушениях. Российская Федерация, в свою очередь, завершает обновление Доктрины информационной безопасности от 2016 года, которая будет представлять собой

системный подход к обеспечению национальной безопасности в информационной сфере, с главным акцентом на защиту от внешних угроз, включая кибератаки и дезинформацию [3]. Данная доктрина усилит меры по противодействию иностранному влиянию и по укреплению суверенитета в киберпространстве, способствуя развитию отечественных технологий.

На сегодняшний момент фиксируется значительный рост инвестиционных вложений и патентов в развитие информационно-коммуникационных технологий. Китай занимает лидирующую позицию с показателями в более чем 4 миллиона действующих патентов, обнаруживается устойчивая тенденция к увеличению затрат в сфере интеллектуального производства и цифровой инфраструктуры [5]. Сотрудничество Китая и России ярко проявляется в области цифровых технологий в Дальневосточном регионе, где особое внимание уделяется двусторонним проектам по квантовым вычислениям и кибербезопасности. В медиапространстве Россия и Китай сотрудничают посредством различных платформ, например, было создано мобильное приложение, как продукт совместной деятельности компаний China Media Group и Россия Сегодня, способствующее информационному обмену и противодействию внешней дезинформации [5]. Однако, несмотря на эти успехи, остаются значительные вызовы: не полностью реализованный потенциал сотрудничества, различия в стратегических подходах (например, китайский акцент на экономическую интеграцию отличается от российского фокуса на военную безопасность) и растущее давление со стороны Запада, включая экономические санкции, которые ограничивают технологический обмен.

Несмотря на заметные достижения в двустороннем партнерстве, оно сталкивается с рядом серьезных препятствий, которые могут замедлить его развитие. Среди неблагоприятных факторов можно выделить относительно поздний старт интенсивного сотрудничества в киберпространстве, начавшийся по-настоящему только после 2013 года, что привело к накоплению отставания в создании глубоких интеграционных платформ; отсутствие всеобъемлющих совместных инфраструктур, таких как унифицированные центры обмена данными или межгосударственные облачные системы. Концептуальные расхождения также играют роль: Китай ориентирован на глобальную цифровую интеграцию через инициативы вроде «Цифровой шелковый путь» (Digital Silk Road), в то время как Россия подчеркивает суверенную модель, с акцентом на импортозамещение и защиту от внешнего влияния.

Уровень развития информационно-коммуникационных технологий в обеих странах требует дальнейших улучшений. Россия продолжает зависеть от импорта ключевых компонентов, таких как микрочипы и программное обеспечение, что делает ее уязвимой к санкциям и цепочкам поставок. Китай, в свою очередь, сталкивается с региональными диспропорциями: несмотря на лидерство в патентах, развитие в сельских и удаленных районах отстает, что влияет на общую устойчивость. Западное давление усиливает эти вызовы: расширение альянса «Пять глаз» (Five Eyes), в которую входят США, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, и инициативы НАТО по кибербезопасности,

такие как «Cyber NATO», сжимают пространство для российско-китайского сотрудничества, обвиняя обе страны в агрессивных действиях. Санкции США, введенные против китайских компаний вроде Хуавэй, создают риски для совместных проектов, заставляя Пекин балансировать между партнерством с Москвой и доступом к глобальным рынкам.

Для преодоления обозначенных вызовов Россия и Китай принимают комплексные меры, расширяя каналы сотрудничества через международные организации, такие как ООН, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и БРИКС. Примерами служат «Кодекс поведения в области обеспечения международной информационной безопасности» 2011 года, предложенный в ООН для установления норм в киберпространстве, и меморандумы ШОС-ООН 2020 года, направленные на координацию усилий по борьбе с терроризмом и киберпреступностью [5].

Научно-техническое сотрудничество охватывает ключевые области, включая проекты по 5G и ИИ в период 2019-2024 годов, такие как совместные разработки квантовых коммуникаций и сетей следующего поколения, которые повышают устойчивость инфраструктуры. В образовании и медиа наблюдаются альянсы университетов, например, партнерства между МГУ и Пекинским университетом по кибербезопасности, а также совместные форумы для обмена знаниями. В целом, такие меры способствуют не только двустороннему, но и глобальному диалогу, помогая преодолевать барьеры через практические инициативы и институциональные рамки.

Перспективы российско-китайского партнерства в противодействии гибридным угрозам выглядят оптимистично, особенно в контексте многополярного мира, где оно способствует совместному развитию, с одной стороны, «Цифрового шелкового пути» и цифрового компонента «Один пояс, один путь», с другой. Для России «Цифровой шелковый путь» предлагает преимущества в виде доступа к китайским технологиям, минимизируя риски от санкций, в то время как для Китая актуально расширение влияния в Евразии, несмотря на потенциальные риски, такие как несогласованность в Арктике.

В заключение, сотрудничество между Россией и Китаем в сфере борьбы с гибридными угрозами в киберпространстве не только защищает суверенитет обеих стран, но и активно развивает законодательство, создавая модель для других наций в эпоху цифровых вызовов. Через интеграцию усилий в многосторонних форматах и инновационные проекты, это партнерство может стать фундаментом устойчивого глобального порядка, балансируя между безопасностью и развитием.

Список литературы

1. Европейский центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам. URL: https://www.hybridcoe.fi/publications/countering-disinformation-in-the-euro-atlantic-strengths-and-gaps/.

2. Приходько О.В. США – Европа: информационная безопасность и кризис доверия. Обозреватель. М.: Институт стран СНГ, 2014. С. 23-39.

3. Совет Безопасности Российской Федерации. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/allnews/3857/.

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 8 мая 2015 года. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201608100001?rangeSize=1.

5. Юй Т. Китайско-российское сотрудничество в области совместного обеспечения информационной безопасности: состояние, факторы влияния и принятые меры. URL: https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.19.

Дылкина А. А.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хаминский Я. М.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МИГРАЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ

Формирование понятия «миграция» началось с конца XIX в. Английский географ Е. Равенштейн впервые дал научное определение, в котором миграция понималась как постоянное или временное изменение места жительства человека [1].

На сегодняшний день общепринятого и законодательно закрепленного термина образовательной миграции не существует. Потому исследователи дают свои понятия, опираясь на общее понятие миграции, которое дает Росстат, а также упоминаемое в Указе Президента Российской Федерации от 31 октября 2018г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики России на 2019-2025 годы», накладывая на них особенности определения по целевому и территориальному признаку.

Образовательная миграция в своей сущности представляет собой непрерывный процесс перемещения людей в рамках государства и на территории других стран с целью обучения в школах, высших учебных заведениях и специализированных образовательных организациях [2]. В большинстве источников принято выделять всего два вида миграции: социальную и экономическую. Образовательную относят больше к социальной, наряду с брачной, семейной миграцией, а также туристической и лечебной [3, с. 29].

Образовательная миграция обусловлена потребностью в получении обазования. Однако понятие образовательной миграции достаточно широкое, так как включает в себя получение начального общего, среднего общего, среднего специального, высшего образования, повышение уровня квалификации, прохождение курсов и различные варианты стажировки.

Рассматривая общее понятие миграции со стороны политико-географического принципа, можно выделить два типа миграции: межгосударственную или же международную, а также внутригосударственную. Международная подразумевает под собой обмен студентами и работниками между двумя и более странами, тогда как внутригосударственная миграция

[1] © Дылкина А. А., 2025.

ограничивается передвижением установленной категории граждан в рамках одного государства, то есть обмен происходит между субъектами РФ.

Внутригосударственная миграция, в отличии от межгосударственной, имеет более простой порядок правового регулирования, так как опирается на нормы внутреннего Российского законодательства, тогда как в международной пересекаются нормы Российского права, законодательства другого государства и международного права.

Перемещение граждан в пределах Российской Федерации не меняет их статуса, а потому общие права и обязанности как гражданина остаются неизменными. Лица, пересекающие границы государства меняют свой статус на соотечественников за рубежом и на иностранного гражданина соответственно.

На иностранных лиц распространяется большинство прав и требований гражданского, уголовного и административного законодательства, действующего на территории РФ. Однако есть и некоторые требования, ограничивающие возможности получения начального, среднего общего, среднего специального и профессионального образования для всех иностранных граждан. Так, например, в ст. 78 Федерального закона от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об образовании в Российской Федерации» для принятия на обучение по общеобразовательным программам обязательно предоставление документа о законности нахождения на территории Российской Федерации. В той же статье установлено требование о прохождении тестирования на достаточность знания русского языка для лиц, планирующих получение начального общего, основного общего и среднего общего образования в России [4].

Образовательная миграция, будучи одним из ключевых проявлений глобализации в социально-культурной сфере, носит системный характер воздействия, имеющий неоднозначиные последствия как для стран-доноров, так и для стран-реципиентов.

Преимуществами выступают формирование «циркуляции умов» и долгосрочное развитие человеческого капитала. Так, студенты, получающие образование за рубежом в ведущих мировых образовательных центрах, приобретают актуальные знания, знакомятся с инновационными технологиями и международными профессиональнми стандартами. В случае возвращения на родину происходит трансфер этих знаний и внедрение полученного опыта. Этот же факт можно рассмотреть и в негативном ключе. Не все обучающиеся возвращаются на родину, либо уезжают впоследствии, что дает основание существованию термина «утечка мозгов». Таким образом, государства-доноры вынуждены создавать условия для возвращения этих лиц для дальнейшей работы в стране [5].

Так же можно рассматривать и демографический вопрос в рамках образовательной миграции. Образовательная миграция в основном охватывает молодое, трудоспособное и репродуктивное население, что создает угрозу старения нации и появления демографических ям для стран-доноров, в случае отъезда и невозвращения уехавших лиц. Однако это же является и решением демографических проблем для принимающих стран [6].

Концентрация большого числа иностранных студентов в университетских районах может создавать существенную нагрузку на местную инфраструктуру: рынок жилья (рост цен на аренду), общественный транспорт, медицинские услуги. Это может вызывать недовольство местного населения, которое сталкивается с ростом стоимости жизни и конкуренцией за ресурсы.

Таким образом, образовательная миграция представляет собой системный феномен, обладающий значительным трансформационным потенциалом, характер воздействия которого диаметрально противоположен для взаимодействующих сторон. Для стран-доноров ключевой задачей является минимизация рисков безвозвратной «утечки мозгов» и максимизация выгод от «циркуляции умов» через создание привлекательных условий для ремиграции и взаимодействия с диаспорой. Для стран-реципиентов критически важным является нахождение баланса между экономическими и демографическими выгодами и социальной стабильностью, что требует проведения взвешенной и селективной миграционной политики, основанной на принципах устойчивого развития и социальной сплоченности.

Список литературы

1. Ravenstein E.G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. № 2. URL: http://www.jstor.orglstable/2979181.

2. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы [указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. №622] // Собрание законодательства РФ. – 2018. – №45.

3. Рязанцев С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М., 2007. С. 29.

4. Федеральный закон от 29.12.2012 №273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) "Об образовании в Российской Федерации.

5. Малахов В.С. Интеграция мигрантов: концепции и практики / В.С. Малахов. – М.: ИНФРА-М, 2020

6. Ибрагимова, А.А. Влияние миграционных процессов на демографическое развитие муниципальных образований (на примере Республики Татарстан) / А.А. Ибрагимова // В сборнике: Муниципальные образования регионов России: проблемы исследования, развитияи управления. Материалы V всероссийской межведомственной научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией Р.Е. Рогозиной. Воронеж, 2022.

***Евсеева Н. С.*[1],**
инспектор отделения
организационно-методического обеспечения
отдела организации служебной деятельности
подразделений по вопросам миграции
Управления по вопросам миграции
Главного управления МВД России
по Московской области

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ АЗИАТСКИХ МИГРАЦИОННЫХ ПОТОКОВ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ ТРУДА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ

На протяжении трех десятилетий миграционная система Российской Федерации функционировала в рамках устойчивой, казалось бы, незыблемой парадигмы. Ее ядром была ориентация на трудовые ресурсы из стран Центральной Азии, преимущественно из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана. Эта модель, основанная на общем историческом прошлом, культурно-языковой близости и безвизовом режиме, долгое время позволяла относительно безболезненно компенсировать демографические провалы и удовлетворять потребности низкоквалифицированных секторов экономики. Однако сегодня мы являемся свидетелями заката этой эпохи. Геополитические потрясения, экономические санкции, демографическое взросление самих центральноазиатских республик и, что немаловажно, беспрецедентная глобальная конкуренция за рабочие руки приводят к исчерпанию этой модели.

Российский рынок труда, находящийся в состоянии, близком к «перегреву», испытывает острейший кадровый голод, который уже не может быть утолен исключительно за счет привычных источников. В этих условиях диверсификация миграционных потоков перестает быть вопросом теоретических изысканий и превращается в стратегический императив для выживания и развития национальной экономики. Взоры работодателей и государственных стратегов все чаще обращаются в сторону «дальней» Азии – Индии, Китая, Северной Кореи и других стран региона. Однако является ли нынешняя система правового регулирования, заточенная под мигранта из постсоветского пространства, готовой к такому развитию событий?

Цель данной статьи – провести комплексный анализ проблем правового регулирования и перспектив государственной политики в контексте зарождающейся диверсификации азиатских миграционных потоков, выявив не только возможности, но и латентные риски этого сложнейшего процесса.

Ошибочно полагать, что необходимость поиска новых источников трудовой миграции возникла внезапно. Кризис традиционной модели назревал давно и обусловлен комплексом взаимосвязанных факторов.

---

[1] © Евсеева Н. С., 2025.

Во-первых, это *изменение социально-экономического ландшафта в самих странах Центральной Азии*. Как отмечают исследователи Д. Е. Рахимов и О. А. Моргунова, государства региона сегодня активно выстраивают собственные системы трудовой мобильности, расширяя ее географию. Традиционная евразийская миграционная система с центром в России более не является монопольной [4, с. 523]. Мигранты из Узбекистана и Таджикистана все чаще рассматривают в качестве альтернативы не только Казахстан, но и Турцию, ОАЭ, Южную Корею и даже страны ЕС, в частности Польшу. Это подтверждается и данными экспертов Российского совета по международным делам, указывающих на формирование новых, нероссийских векторов миграции.

Во-вторых, это *беспрецедентный рост международной конкуренции за трудовые ресурсы*. Россия столкнулась с тем, что за квалифицированного и даже неквалифицированного мигранта сегодня нужно бороться. Директор Института демографических исследований ФНИСЦ РАН Марина Храмова прямо заявляет: «Конкуренция между Россией, Китаем, Объединенными Арабскими Эмиратами и Евросоюзом за трудовых мигрантов из СНГ значительно обострилась». Условия, предлагаемые в странах Персидского залива или Южной Корее, зачастую оказываются более привлекательными как с финансовой, так и с правовой точки зрения.

В-третьих, это *внутренние проблемы российского миграционного законодательства*. Несмотря на многочисленные реформы, оно остается избыточно сложным, противоречивым и зачастую репрессивным. Как справедливо отмечает О. В. Кудин, законодательство до сих пор несет в себе черты, унаследованные от советской системы, и не всегда адекватно современным вызовам [3, с. 112]. Усложнение процедур, рост стоимости патентов, усиление контроля при одновременном снижении реальных доходов из-за колебаний курса рубля делают российский рынок труда менее привлекательным.

Наконец, *геополитический фактор*. Санкционное давление и общая нестабильность создают атмосферу неопределенности, что также влияет на решение мигрантов о выборе страны для трудоустройства. Все это в совокупности формирует ситуацию, при которой опора исключительно на центральноазиатский вектор становится для России стратегически рискованной.

В ответ на сложившиеся вызовы как бизнес, так и отдельные представители власти начали активно прорабатывать вопрос привлечения рабочей силы из стран, ранее не рассматривавшихся в качестве массовых доноров. Наиболее перспективными направлениями видятся Индия, Китай и Северная Корея. Однако каждый из этих векторов несет в себе уникальный набор проблем, прежде всего в правовой и социокультурной плоскости.

Индия. Привлечение индийских мигрантов обсуждается наиболее активно. Речь идет как о высококвалифицированных специалистах, так и о рабочих для строительного сектора. Главный вызов здесь – *колоссальная этнокультурная и языковая дистанция*. Мигрант из Индии, в отличие от мигранта из Таджикистана, не обладает даже пассивным знанием русского языка и не имеет представления о российских социокультурных нормах. Существующая патентная

система, требующая сдачи экзамена по русскому языку, истории и основам законодательства, становится для него практически непреодолимым барьером без специальных, дорогостоящих и длительных подготовительных программ. Кроме того, отсутствует развитая диаспоральная инфраструктура, способная взять на себя первичную адаптацию.

Китай. Трудовая миграция из КНР в Россию имеет давнюю историю, однако она носила преимущественно локальный характер (Дальний Восток) и была связана либо с сельским хозяйством, либо с торговлей. Перевод ее в формат массовой трудовой миграции наталкивается на *жесткую политику самого Китая*, который заинтересован в сохранении рабочих рук внутри страны, и на высокую конкуренцию со стороны более развитых экономик. Правовое регулирование здесь, вероятнее всего, потребует заключения сложных межправительственных соглашений, а не просто адаптации существующей патентной системы.

Северная Корея (КНДР). Этот случай заслуживает отдельного рассмотрения. Трудовая миграция из КНДР возможна исключительно в формате *организованного набора* на основе межгосударственных договоренностей. Это, с одной стороны, решает проблему контроля и первичного отбора, так как мигранты прибывают дисциплинированными бригадами под надзором своих руководителей. С другой стороны, такая модель создает риски совершенно иного порядка. Она непрозрачна, подвержена влиянию политической конъюнктуры и может вызывать вопросы у международных правозащитных организаций относительно условий труда и соблюдения прав работников. Более того, после санкций Совета Безопасности ООН, ограничивших использование северокорейской рабочей силы, возобновление такого сотрудничества требует сложнейших политико-дипломатических маневров. В качестве примера автор хотел бы привести ситуацию из жизни. Будучи посетителем складского комплекса АО «Восток-Сервис Спецкомплект» на территории были замечены организованные группы девушек из Северной Кореи, которые прибыли для осуществления трудовой деятельности на швейном цехе. Для более быстрой адаптации и создания комфортных условий пребывания трудовым мигрантам построили на территории комплекса общежитие, обеспечили трехразовым питанием, форменной одеждой и проводят культурные мероприятия.

Таким образом, каждый из новых векторов требует не просто «косметической» правки законодательства, а разработки принципиально новых, дифференцированных правовых режимов.

Существующая система правового регулирования миграции абсолютно не готова к эффективной работе с новыми потоками. Она построена на презумпции индивидуальной миграции из безвизовых стран СНГ и ориентирована на патент как основной легализующий документ. Эта модель неэффективна для мигрантов из визовых стран с большим культурным барьером.

Ключевые проблемы:

1. ***Негибкость правовых режимов пребывания.*** Система «патент для безвизовых, разрешение на работу для визовых» слишком громоздка. Она не учи-

тывает специфику краткосрочной и проектной работы, не предлагает механизмов для организованного набора вне рамок квотирования.

2. ***Неэффективность механизмов адаптации и интеграции.*** Существующий экзамен является скорее формальным барьером и фискальным инструментом, нежели реальным средством интеграции. Отсутствуют государственные программы языковой и правовой подготовки для мигрантов из «дальнего зарубежья». Эта функция стихийно ложится на плечи работодателя, что повышает его издержки и снижает привлекательность найма таких работников.

3. ***Отсутствие системы организованного набора («оргнабор»).*** Несмотря на многолетние разговоры, эффективная, прозрачная и не коррумпированная система государственного или государственно-частного оргнабора так и не была создана. Существующие пилотные проекты, например с Узбекистаном, носят ограниченный характер. Без такой системы привлечение десятков тысяч рабочих из Индии или Вьетнама превратится в хаос.

4. ***Слабость межведомственного взаимодействия.*** Миграционная политика по-прежнему разделена между несколькими ведомствами (МВД, Минтруд, МИД, ФСБ), чьи цели и задачи не всегда совпадают. Как отмечает И. В. Никитенко, миграционная политика России «весьма противоречива и не всегда отвечает интересам государственной безопасности» [16, с. 95], что является следствием в том числе и ведомственной разобщенности.

Перспективы государственной политики должны строиться на признании простого факта: эпоха стихийной, саморегулирующейся миграции из постсоветского пространства окончена. Будущее за проактивной, целенаправленной и диверсифицированной политикой.

Возможные шаги:

- *Разработка дифференцированных правовых режимов.* Вместо единой патентной системы необходим набор инструментов: целевые двусторонние соглашения об оргнаборе (как с КНДР, но более прозрачные), введение специальных «сезонных» или «проектных» рабочих виз, упрощенный режим для определенных отраслей (строительство, АПК) и категорий работников.
- *Создание государственной инфраструктуры для адаптации*. Необходимо создание федеральной сети центров домиграционной подготовки в странах исхода и адаптационных центров в России, предлагающих языковые курсы и правовые консультации. Это не расходы, а инвестиции в стабильность и безопасность.
- *Перезапуск и масштабирование оргнабора*. Следует создать публично-правовую компанию или консорциум с участием государства и крупного бизнеса, который бы стал единым оператором по организованному набору, неся ответственность за весь цикл: отбор, подготовка, доставка, юридическое сопровождение и содействие в возвращении.
- *Цифровизация миграционных процедур*. Создание единой цифровой платформы для мигрантов и работодателей, позволяющей подавать заявки, оформлять документы, проходить проверки и получать консультации онлайн, способно резко снизить коррупционные риски и бюрократические барьеры.

Подводя итог, Российская Федерация стоит на пороге новой миграционной эры. Продолжающаяся зависимость от иссякающих и становящихся все более конкурентными трудовых ресурсов из Центральной Азии представляет собой стратегический риск для экономического развития. Вынужденный поворот в сторону «дальней» Азии – это не временное решение, а долгосрочный тренд, который требует фундаментального переосмысления всей государственной миграционной политики.

Простой перенос существующих правовых механизмов, созданных для совершенно иного миграционного контингента, неминуемо приведет к провалу: росту нелегальной миграции, возникновению замкнутых и потенциально конфликтных анклавов и, в конечном счете, к дискредитации самой идеи диверсификации.

Будущее российского рынка труда напрямую зависит от того, сможет ли государство перейти от реактивной и запретительной логики к проактивной, прагматичной и конкурентоспособной миграционной стратегии. Это потребует не только внесения поправок в законы, но и политической воли для создания новых институтов и инфраструктуры, способных управлять сложными и многогранными миграционными потоками XXI века. В противном случае кадровый голод будет лишь нарастать, становясь главным тормозом экономического роста страны.

Список литературы

1. Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических изменений // Российский совет по международным делам. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherez-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demograficheskikh/.

2. Современная миграция в Россию из стран дальнего зарубежья // Российский совет по международным делам. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-migratsiya-v-rossiyu-iz-stran-dalnego-zarubezhya/.

3. Кудин О. В. Проблемы миграции и совершенствование миграционного законодательства в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 5. – С. 112–123.

4. Рахимов Д. Е., Моргунова О. А. Роль государственной политики стран Центральной Азии в формировании новых направлений трудовой миграции // Постсоветские исследования. – 2024. – Т. 7. – № 5. – С. 520–528.

5. Храмова М. «России нужно бороться за мигрантов» // Из интервью на телеканал РБК, 2024, 10 февраля. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.rbc.ru/economics/10/02/2024/65bbab919a79478bcd1aed9f.

6. Современные миграционные потоки на постсоветском пространстве // Всероссийский центр охраны труда. – 2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://vcot.info/blog/sovremennye-migracionnye-potoki-na-postsovetskom-prostranstve.

7. Оценка: новые люди. Зачем российским работодателям трудовые мигранты из Азии и Африки // Forbes. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.forbes.ru/biznes/542670-ocen-novye-ludi-zacem-rossijskim-rabotodatelam-trudovye-migranty-iz-azii-i-afriki.

8. Голова Е. Е. Трудовая миграция в современных условиях: новые вызовы для рынка труда и перспективы // Экономика труда. – 2025. – Т. 12. – № 5. – С. 717–738.

9. Рахмонов А. Х. Роль трудовых мигрантов из Центральной Азии в социально-экономическом развитии России в условиях новых глобальных вызовов // Управление. – 2024. – Т. 12. – № 2. – С. 82–90.

10. Лурье А. А. Трудовая миграция и рынок труда России // Социология. – 2023. – № 2. – С. 49–53.

11. Миграция населения в 2024 году: потоки ослабевают // Росконгресс. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://roscongress.org/materials/migratsiya-naseleniya-v-2024-godu-potoki-oslabevayut/.

12. В Госдуме предложили альтернативу мигрантам из Средней Азии // Лента.ру. – 2025. – [Электронный ресурс]. – URL: https://lenta.ru/news/2025/09/23/v-gosdume-predlozhili-alternativu-migrantam-iz-sredney-azii/.

13. Моисеева Е. М., Маньшин Р. В. Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2024. – Т. 4. – № 4. – С. 202–215.

14. Миграционная политика России и ОАЭ: конкурентные преимущества в борьбе за мигрантов // Росконгресс. – 2024. – [Электронный ресурс]. – URL: https://roscongress.org/materials/migratsionnaya-politika-rossii-i-oae-konkurentnye-preimushchestva-v-borbe-za-migrantov/.

15. Югай Ю. В. Трудовая миграция из стран Центральной Азии в Россию // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5. – № 2. – С. 206–219.

16. Никитенко И. В. Современная миграционная политика и ее влияние на миграционную безопасность в Азиатской части России // Региональные проблемы. – 2015. – Т. 18. – № 3. – С. 95–99.

Ежунова Е. О.*[1]*,
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.*,*
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РЕАДМИССИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

На сегодняшний день миграция представляется многогранным и системным феноменом, оказывающим комплексное влияние на все сферы жизни общества. Согласимся с Конновым В.А., который отмечает, что «...трансграничная миграция населения очень многообразна как по причинам ее, вызывающим, так и по правовым и социальным последствиям» [1, с. 1]. Миграционные потоки в целом оказывают благоприятное воздействие на экономическую и социальную сферы, однако, когда исследуемое явление становится неуправляемым, под угрозой оказывается национальная безопасность того или иного государства.

Под незаконной миграцией следует понимать это въезд, пребывание или транзитный проезд иностранных граждан или лиц без гражданства на территории страны в нарушение ее законодательства. Проблема незаконной миграции порождает рост социальной напряженности, усугубляет экономические трудности и способствует ухудшению криминогенной ситуации в принимающих государствах. В ответ государствам приходится проводить соответствующую работу по:

– усилению мер, направленных на предотвращение несанкционированного въезда и пребывания;

– ужесточению ответственности за нарушения миграционного законодательства;

– осуществлению высылки лиц, не имеющих законных оснований для нахождения на их территории.

Однако объектом исследования настоящей статьи является реадмиссия, под которой понимается «процедура, дающая государствам.., заключившим между

[1] © Ежунова Е. О., 2025.

собой двустороннее соглашение, право передавать и принимать незаконных мигрантов.., не имевших или утративших законные основания нахождения на территории государства назначения.., причем вне зависимости от того, является ли незаконный мигрант гражданином принимающей стороны...» [2, с. 87].

Содержание реадмиссии заключается в международно-правовом сотрудничестве государств с целью упорядоченного и гуманного возвращения лиц, незаконно находящихся на территории другой страны. Как справедливо отмечает О. И. Жукова, сущность реадмиссии «заключается в высылке иностранных граждан, лиц без гражданства за пределы государства назначения в случаях нарушения данными категориями лиц его иммиграционного законодательства» [3, с. 67]. Это один из ключевых инструментов для борьбы с нелегальной миграцией и ее последствиями. Иными словами, реадмиссия – это механизм международного сотрудничества, созданный для эффективного контроля за миграционными потоками и борьбы с нелегальной миграцией.

Соглашения о реадмиссии заключаются на основе принципа взаимности. Каждое государство обязуется принимать лиц, которые незаконно пересекли границу другого государства с его территории, при условии, что это другое государство будет поступать аналогичным образом. Соглашения о реадмиссии заключаются на основе принципа взаимности. Каждое государство обязуется принимать лиц, которые незаконно пересекли границу другого государства с его территории, при условии, что это другое государство будет поступать аналогичным образом.

В отличие от односторонней депортации или выдворения, реадмиссия всегда осуществляется на основе международных договоров. Это могут быть как двусторонние соглашения между двумя государствами, так и многосторонние соглашения.

Отметим, что при реадмиссии своих граждан обязательство государства принять обратно своих собственных граждан, незаконно пребывающих в другой стране, является принципом обычного международного права. Этот принцип закреплен в международных договорах, включая Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. (п. 2 ст. 13) [4]. То есть, даже без конкретного двустороннего соглашения государство обязано принять своего гражданина.

При реадмиссии граждан третьих стран и лиц без гражданства международное соглашение является обязательным. В этом случае одно государство обязуется принять гражданина третьего государства, если было доказано, что этот человек прибыл в государство-заявитель с территории первого государства.

Процедура реадмиссии включает определенные этапы, которые регулируются международным соглашением между государствами [5]. Во-первых, необходимо установить личность и гражданство лица, подлежащего возвращению. Затем компетентные органы государства, где находится лицо, должны направить официальный запрос. Второе государство рассматривает запрос, проверяет его обоснованность. Далее государство происхождения либо соглашается принять лицо, либо выносит мотивированный отказ. При положительном решении компетентные органы государств согласовывают сроки, место и

порядок передачи лица, включая вопросы транспортировки и сопровождения. Завершается процедура фактической передачей лица, то есть его физическим возвращением на территорию принимающего государства.

Таким образом, реадмиссия представляется многосторонним механизмом, требующим обязательного взаимодействия, по меньшей мере, двух суверенных государств. Ее природа объединяет элементы административных пресечений, направленных на прекращение незаконной миграционной деятельности и ресторативных мер, поскольку она способствует восстановлению общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Современная задача государств в обозначенной сфере должна заключаться в выработке взвешенной политике, позволяющей извлекать позитивный потенциал от миграционной мобильности населения, нивелируя при этом сопутствующие риски и вызовы.

Список литературы

1. Коннов, В. А. Сравнительная характеристика международно-правового регулирования миграции и международного права прав человека / В. А. Коннов // Advances in Law Studies. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 1-5.

2. Жукова, О. И. Становление института реадмиссии в международном праве / О. И. Жукова // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 16 ноября 2023 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2023. – С. 86-90.

3. Жукова, О. И. Особенности реадмиссии, отличающие ее от иных форм противодействия незаконной миграции / О. И. Жукова // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 67-71.

4. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

5. Международное миграционное право / И. П. Сайфуллина, А. Х. Абашидзе, М. М. Алексеева [и др.]. – Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – 228 с.

***Емельянова Ю. С.*[1],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В XXI веке экологическая безопасность перестала быть внутренним делом отдельно взятого государства. Изменение климата, загрязнение Мирового океана, истощение озонового слоя, сокращение биоразнообразия – эти глобальные угрозы не признают государственных границ. Ни одна страна, независимо от ее размера или уровня развития, не в состоянии самостоятельно справиться с этими вызовами. Это осознание привело к пониманию того, что международное сотрудничество является не просто желательным, а жизненно необходимым условием для обеспечения экологической безопасности планеты.

Стокгольмская конференция ООН по окружающей среде 1972 года стала отправной точкой для международного сотрудничества в области экологии. На данном форуме обсуждались меры для решения экологических проблем и вопросов охраны окружающей среды. Также был установлен Всемирный день окружающей среды (5 июня).

По итогам конференции были приняты документы, среди которых особое место занимает Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды , которая провозглашает, что человек является творением и создателем своей окружающей среды; окружающая среда обеспечивает физическое существование и развитие человека; сохранение и улучшение качества среды является важной проблемой для всего мира; неправильное использование способностей человека наносит ущерб окружающей среде, а также перечислены примеры ущерба природе; поставлена цель, которую человечество должна добиваться совместно - охрана и улучшение среды. Также декларация закрепляет 26 принципов, которая закрепляет вышеперечисленное.

Декларация не имела юридической силы и носила рекомендательный характер, однако стала отправной точкой для многих документов и ее положения были отражены во многих документах.

---

[1] © Емельянова Ю. С., 2025.

Стокгольмская конференция привела к созданию Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП). Этот орган занимается мониторингом состояния окружающей среды, информированием политических кругов и активизацией международной деятельности в этой сфере.

В 1987 году был опубликован доклад «Наше общее будущее», подготовленный Комиссией ООН по окружающей среде и развитию. В нем подчеркивалось, что бедность снижает устойчивость и усиливает давление на окружающую среду, требуя балансирования между экономикой и экологией.

Концепция устойчивого развития направлена на управление экологическими, социальными и экономическими аспектами для обеспечения справедливого развития и сохранения природных систем.

Доклад «Наше общее будущее» стал основой для 17 глобальных целей устойчивого развития, официально сформулированных ООН в 2015 году.

Конференция ООН по окружающей среде и развитию, известная как «Саммит Земли», состоялась в Рио-де-Жанейро В 1992 году. Это масштабное мероприятие, приуроченное к 20-летию первой Конференции по проблемам окружающей среды в Стокгольме, привлекло политических лидеров, дипломатов, ученых, представителей СМИ и неправительственных организаций из 179 стран. Участники обсуждали влияние человеческой деятельности на окружающую среду.

На «Саммите Земли» были подготовлены и утверждены три ключевых документа, определяющих направления международного сотрудничества и политики в области окружающей среды и устойчивого развития на XXI век:

1.Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. Этот документ является основополагающим заявлением принципов, направленных на достижение устойчивого развития. В нем изложены основные принципы, которые должны служить руководством для государств и всех участников в их усилиях по охране окружающей среды и улучшению качества жизни. Декларация включает 27 принципов, охватывающих такие аспекты, как права человека, гендерное равенство, экономическое развитие, охрана окружающей среды и международное сотрудничество.

2.Повестка дня на XXI век. Этот документ представляет собой всеобъемлющий план действий для устойчивого развития на глобальном уровне. В нем содержится рекомендации, разделенные на четыре основные раздела: социальные и экономические аспекты, сохранение и рациональное использование ресурсов, защита окружающей среды и укрепление международного сотрудничества.

3.Рамочная конвенция ООН об изменении климата. Эта конвенция стала первым международным соглашением, направленным на борьбу с глобальным изменением климата. Она обязывает государства-участники сотрудничать в области научных исследований, обмена информацией и разработки мер по смягчению последствий изменения климата. Конвенция также установила принципы устойчивого развития и справедливости в отношении изменения климата.

Через десять лет мировое сообщество подвело итоги по внедрению идей устойчивого развития. Для этого в 2002 году в Йоханнесбурге состоялся саммит

«Рио + 10». Его главной целью был поиск решений для практического воплощения этой стратегии. На саммите стали очевидны конфликты интересов и разные взгляды стран на проблему использования ресурсов. По результатам встречи были приняты два ключевых документа: Йоханнесбургская декларация и План выполнения решений. Российская Федерация представила свой взгляд в специальном докладе «Национальная оценка прогресса Российской Федерации при переходе к устойчивому развитию», подготовленном Министерством экономического развития и торговли Российской Федерации при участии МИД РФ и Министерства природных ресурсов РФ во взаимодействии с группой независимых экспертов» где заявила, что уверенно движется по пути устойчивого развития.

Йоханнесбургская декларация была принята в качестве итогового документа саммита. В ней были подтверждены основные принципы устойчивого развития, изложенные в Декларации Рио-де-Жанейро 1992 года, а также обращено внимание на необходимость решения таких ключевых проблем, как бедность, неравенство, доступ к чистой воде и санитарии, борьба с изменением климата.

План действий, принятый на саммите, содержал конкретные рекомендации и меры по реализации устойчивого развития на национальном и международном уровнях. Этот документ включал 422 рекомендации, которые охватывали широкий спектр вопросов, таких как экономическое развитие, охрана окружающей среды, социальная справедливость, управление природными ресурсами и международное сотрудничество.

Конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20», прошедшая в Бразилии в 2012 году, была посвящена поиску решений для снижения уровня бедности, развития «зеленой» экономики и улучшения международного сотрудничества. По ее итогам было принято решение о создании Целей устойчивого развития (ЦУР), на основе Целей развития тысячелетия.

Для противодействия изменению климата мировое сообщество заключило Парижское соглашение, которое было одобрено 12 декабря 2015 года. Всего через год оно вступило в силу, поставив перед странами задачу значительно сократить выбросы и не допустить превышения глобальной температуры более чем на 2°C, с перспективой ограничения в 1,5°C.

На сегодня соглашение поддержали 194 государства. В его рамках каждая страна обязуется снижать выбросы, адаптироваться к климатическим последствиям и постепенно наращивать свои усилия. Документ также координирует финансовую поддержку развивающихся стран со стороны развитых и устанавливает прозрачные правила отчетности. Пятилетние циклы пересмотра обязательств позволяют постоянно повышать их эффективность.

На сегодняшний день ООН решает множество экологических проблем, в том числе ведет борьбу с новыми вызовами. Так, например сейчас, наиболее острыми проблемами являются: климатический кризис и его последствия, пластиковое загрязнение океанов, утрата биоразнообразия и пандемии зоонозных заболеваний.

29-я Конференции Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата (КС-29), которая проходила с 11 по 22 ноября 2024 года в Баку. По итогам климатической конференции ООН в Баку было достигнуто соглашение, обязывающее развитые государства ежегодно направлять развивающимся странам 300 миллиардов долларов до 2035 года. Эти средства предназначены для резкого сокращения выбросов парниковых газов, защиты населения и повышения устойчивости к негативным последствиям изменения климата. Участники призвали правительства рассматривать данный документ в качестве отправной точки для его дальнейшего развития.

В ноябре 2025 года в Белеме (Бразилия) состоится юбилейная 30-я конференция ООН по климату (КС-30). Мероприятие станет площадкой для встреч глав государств, ученых, неправительственных организаций и активистов, которые определят ключевые шаги в противостоянии климатическим изменениям. В центре внимания саммита окажутся меры по сдерживанию глобального потепления в рамках 1,5 °С, представление обновленных национальных климатических стратегий, а также оценка выполнения финансовых договоренностей, достигнутых на предыдущей конференции (КС-29).

Список литературы

1. Парижское соглашение (заключено в г. Париже 12.12.2015) // Бюллетень международных договоров. – 2016. – № 11. – С. 3–11.

2. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию: принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, г. Рио-де-Жанейро, 14.06.1992. – [Б. м.]: ООН, 1992. – 6 с.

3. Цели в области устойчивого развития: преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 70/1 от 25.09.2015. – [Б. м.]: ООН, 2015. – 35 с.

4. Глобальная экологическая безопасность: вызовы и правовые механизмы: сборник научных статей / отв. ред. М. М. Бринчук. – Санкт-Петербург: РГГМУ, 2021. – 267 с.

Официальный сайт Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.unep.org/ (дата обращения: 19.10.2025)

***Жалсанов Б. Ц.*[1],**
доцент кафедры
административного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПАМЯТИ ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТА МИЛИЦИИ ВАСИЛИЯ ПЕТРОВИЧА ИГНАТОВА, РУКОВОДИТЕЛЯ НЦБ ИНТЕРПОЛА

В 2005 году в стенах Московского университета МВД России произошло мое знакомство с земляком, членом Союза писателей России, профессором кафедры прав человека и международного права, председателем Совета ветеранов Университета, помощником начальника Университета по международным вопросам, генерал-лейтенантом милиции в отставке Игнатовым Василием Петровичем.

Достаточно редко доводилось зайти в его кабинет на «генеральском этаже» и пообщаться с этим уникальным человеком и великолепным рассказчиком. Его повествования всегда были не о себе, а о замечательных людях, с которыми он служил, об удивительной природе страны, о музыке и о своей семье, об успехах внука, которого назвали в его честь, о супруге Валентине Захаровне, заслуженном враче педиатре и многом другом.

Очень гордился своим сыном, продолжателем «профессиональной династии» полковником полиции Петром Васильевичем и дочерью, заместителем министра здравоохранения Московской области Натальей Васильевной.

По прошествии долгих лет службы я с огромной благодарностью вспоминаю своего наставника Василия Петровича, человека, которой достиг колоссальных высот на службе Отечеству, имевшего огромный опыт работы, а главное, стремившегося передать свои знания и навыки, молодому поколению сотрудников, наполняя содержание службы, важностью для общества и государства.

Необходимо отметить, что Василий Петрович владел талантом располагать к себе людей. Помимо дружбы с видными государственными деятелями России и зарубежных стран, поддерживал близкие отношения с тележурналистом и путешественником Юрием Александровичем Сенкевичем, и с земляком народным артистом СССР Юрием Мефодиевичем Соломиным и многими другими выдающимися людьми.

Отметился Василий Петрович и на писательском поприще, являясь членом Союза писателей России, издал такие произведения о службе в милиции как «Уравнение с тремя неизвестными» [1] и «Романтика и проза сыска» [2].

Важным этапом службы генерала Игнатова Василия Петровича стала деятельность на должности одного из первых руководителей Национального центрального бюро Интерпола России (с декабря 1991 года по август 1993 года).

---

[1] © Жалсанов Б. Ц., 2025.

Высокая ответственность и трудолюбие на занимаемой должности по слаживанию в координационном сотрудничестве национальных правоохранительных органов разных стран мира в борьбе с общеуголовной преступностью, позволила ему заложить основы налаживания обмена информацией, оперативную реакцию на запросы, поступающие из правоохранительных органов государств-членов Интерпола

Следует отметить, что Постановление Совета Министров СССР № 338 от 7 апреля 1990 года ознаменовало официальное вступление Советского Союза в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол [3]. 27 сентября 1990 г. на 59-й сессии Генеральной ассамблей Интерпола (Оттава, Канада) СССР был принят в члены Интерпола. С 1 января 1991 г. в структуре МВД СССР начало действовать Национальное центральное бюро Интерпола.

Деятельность Игнатова Василия Петровича послужила также основой для принятия в последующем правовых актов, для адаптации организационного механизма Интерпола к российской правоохранительной системе, к которым относятся:

Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола» [4] в редакции Указа Президента Российской Федерации от 27 октября 2011 г. № 1434 [5],

Приказ МВД России, Минюста России, ФСБ России, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной таможенной службы от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 «Об утверждении Инструкции по организации ин формационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола» [6].

Деятельность на международном поприще началась еще в 1979 году, когда Игнатов Василий Петрович был включен в состав делегации Советского Союза для работы Генеральной Ассамблеи ООН 1979 года, где резолюцией 34/169 от 17 декабря 1979 года был принят «Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка».

Таким образом, немалая заслуга по закреплению международного стандарта, регулирующего поведение сотрудников правоохранительных органов при исполнении ими своих обязанностей принадлежит, в том числе и Василию Петровичу Игнатову. Тогда, советская делегация внесла предложение о разработке такого кодекса.

Целью Кодекса было создание универсальных принципов профессиональной этики, которые бы применялись всеми странами-членами ООН вне зависимости от особенностей национального законодательства.

Резолюция была принята подавляющим большинством голосов и стала важным документом в истории международного права, направленным на защиту прав человека и соблюдение основных свобод при осуществлении властных полномочий сотрудниками полиции и иных служб охраны общественного порядка, актуальным и на сегодняшний день.

В последние годы своей служебной деятельности Василий Петрович Игнатов занимал должность председателя Совета ветеранов Московского университета МВД России, одновременно являясь профессором кафедры Прав человека и международного права Университета.

Важно отметить, что, несмотря на то, что уже более девяти лет нет с нами Василия Петровича, до сих пор в коридорах Московского Университета МВД России имени В.Я. Кикотя висят его фотографии с курсантами, что, является признанием памяти заслуг выдающегося государственного деятеля, посвятившего себя защите правопорядка и воспитанию многих поколений «солдат правопорядка».

Список литературы

1. Игнатов, В. П. Уравнение с тремя неизвестными. М: Издательство Щит-М, 2001. 228 с.

2. Игнатов, В. П. Романтика и проза сыска. М: ЦИПК. 100 с.

3. О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол: Постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. № 338 // Семерка. Российский правовой портал [Электронный ресурс]. – URL: http://www.law7.ru/base29/part2/d29ru2445.htm.

4. Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции – Интерпола: Указ Президента РФ от 30 июля 1996 г. № 1113 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 32. – Ст. 3895.

5. О внесении изменении в Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113: Указ Президента РФ от 23 мая 2024 г. № 441 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 44. – Ст. 6240.

Об утверждении Инструкции по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола: Приказ МВД РФ, Минюста РФ, ФСБ РФ, Федеральной службы охраны РФ, Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков и Федеральной таможенной службы от 6 октября 2006 г. № 786/310/470/454/333/971 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполни тельной власти. – 2006. – 20 ноября. – № 47.

***Жукова О. И.*[1],**
преподаватель кафедры международного
и интеграционного права
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук

***Кан К. С.*[2],**
студентка специалитета
(Правовое обеспечение национальной безопасности)
Юридического факультета имени М.М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской академии народного хозяйства
при Президенте Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В ОБЛАСТИ ЦИФРОВИЗАЦИИ МИГРАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Цифровизация миграционной сферы становится ключевым направлением международного сотрудничества в условиях глобализации и технологической трансформации. Исследование этой темы представляет значительный интерес, поскольку оно охватывает комплекс правовых, технологических и социальных аспектов, требующих глубокого анализа и инновационных решений. Актуальность данной темы обусловлена необходимостью адаптации миграционного законодательства к вызовам современности, включая повышение эффективности управления миграционными потоками, обеспечение безопасности, соблюдение прав человека и др.

«Цифровизация (цифровое развитие) – процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов» [1]. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий. В миграционной сфере это означает переход на электронные визы, создание единых баз данных, использование биометрии и алгоритмов для анализа большого объема данных.

Роль международных организаций, таких как Организация Объединенных Наций (ООН) и Международная организация по миграции (МОМ), в регулировании цифровой миграции является многогранной и возрастающей в условиях глобальной цифровизации. В мае 2022 г. на первом Международном форуме по обзору миграции Генеральная Ассамблея приняла Декларацию «О прогрессе Форума по рассмотрению проблем международной миграции»

1 © Жукова О. И., 2025.
2 © Кан К. С., 2025.

[2], в которой обсуждается ход реализации GCM [3] и содержится «дорожная карта» для расширения глобального сотрудничества в области миграции [4].

МОМ является частью системы ООН в качестве «ведущей межправительственной организации, содействующей гуманной и упорядоченной миграции на благо всех» [5]. 28 ноября 2024 г. МОМ запустила свой первый в истории инновационный фонд – «динамичную платформу и механизм финансирования, призванные обеспечить поиск преобразующих решений миграционных проблем и помочь усовершенствовать глобальную миграционную систему. Этот центр помогает МОМ достичь ключевых целей по спасению жизней, поиску решений проблемы перемещения населения и поддержке путей для законной миграции» [6].

Возрастающая мобильность населения требует совместных усилий государств для управления миграционными процессами. Цифровизация позволяет создать единые платформы для обмена информацией о мигрантах, что способствует предотвращению нелегальной миграции и оптимизации легальных каналов.

Для России наиболее важным и приоритетным является сотрудничество, вектор которого сместился с Европы на государства азиатского региона из-за событий, произошедших в 2022 г., хотя тенденции к этому наблюдались и ранее. Под эгидой Содружества Независимых Государств (СНГ) реализуются скоординированные действия государств-участников по оптимизации контроля над миграцией и, в том числе, по противодействию незаконной миграции. Так, 6 марта 1998 г. главами правительств СНГ было подписано Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с незаконной миграцией [7]. Как следует из Соглашения, сотрудничество в борьбе с незаконной миграцией рассматривается как «одно из важнейших направлений регулирования миграционных процессов на территориях сторон» [7]. Данное направление также подверглось цифровизации, вектор которой, безусловно, задала именно Российская Федерация, закрепив в Указе «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», что «для повышения эффективности административных процедур в сфере миграции, а также для профилактики, предупреждения, выявления и пресечения нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, применения мер административного воздействия в этой сфере все большее значение приобретает использование современных цифровых технологий и информационно-технических средств» [8].

В числе значимых инициатив в России – ранее проект (представленный Минэкономразвития в ноябре 2024 г.), а сейчас Федеральный закон «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» [9]. Ключевым нововведением данного закона является обязанность для цифровых платформ «обеспечивать соблюдение требований законодательства о правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации к заключению с иностранными гражданами договоров подряда, возмездного оказания услуг на территории Российской Федерации» (п. 12 ч. 1 ст. 16 Проекта ФЗ) [10]. Это положение может стать основой для реформирования системы контроля пребывания иностранных граждан и лиц без гражданства на террито-

рии России, интегрируя цифровые платформы в государственную миграционную политику. 9 июля 2025 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил указ об учреждении государственного информационного ресурса «Цифровой профиль иностранного гражданина», содержащего сведения об «иностранных гражданах и лицах без гражданства, въезжающих в РФ, выезжающих из РФ, пребывающих (проживающих) в РФ, в целях формирования полной, достоверной и актуальной информации для оценки миграционной ситуации в РФ, выработки и реализации мер, направленных на урегулирование миграционных процессов на территории РФ» [11].

Несмотря на общую историю, миграционные законы стран СНГ все сильнее расходятся. При этом в них наблюдается и ряд единых тенденций. Эти векторы развития нацелены на укрепление региональной интеграции, внедрение цифровых технологий и улучшение социальных гарантий для работников. Значимым направлением стала цифровизация миграционной сферы. Государства СНГ активно вводят электронные визы, порталы предоставления государственных услуг и биометрические системы. Например, в Казахстане создают Единую цифровую платформу учета миграционных процессов, запуск которой запланирован на 1 ноября 2025 г. [12]. Во всех странах СНГ действуют официальные интернет-порталы, позволяющие дистанционно подавать заявки на патент, разрешение на трудоустройство и записываться в миграционные службы. Подобные шаги делают процедуры более прозрачными, снижают возможности для коррупции и облегчают мигрантам контакты с госорганами. В то же время активизируется противодействие нелегальной миграции. Страны СНГ согласовывают методы борьбы с незаконным наймом, ужесточая пограничный контроль и практику административного выдворения.

Однако цифровая трансформация миграционных процессов сталкивается с комплексом взаимосвязанных рисков, которые можно сгруппировать по нескольким ключевым направлениям:

1. Угрозы безопасности и контроля. Одной из основных проблем является потенциальное повышение рисков терроризма и организованной преступности в условиях недостаточного контроля за миграционными потоками из некоторых регионов. Кроме того, развитие цифровых услуг сдерживается трудностью дистанционной верификации подлинности документов и установления личности заявителя. Без надежных решений эта проблема остается серьезным барьером для полноценного перевода миграционных процедур в онлайн-формат. Централизованные базы данных (например, «цифровой профиль») становятся привлекательными целями для хакерских атак. Последствия могут быть катастрофическими: массовые утечки персональных данных, целенаправленная порча или удаление данных, что создает угрозу шантажа, кражи личности, дискриминации мигрантов и может парализовать систему пограничного контроля или привести к незаконному въезду/выезду.

2. Риски для прав и свобод мигрантов. Цифровизация создает новые вызовы в области защиты прав человека. Широкое внедрение технологий, например, специальных приложений для отслеживания местоположения мигрантов,

порождает серьезные вопросы о соблюдении права на частную жизнь. Это вызывает общую обеспокоенность тем, что цифровые инструменты могут усилить контроль над мигрантами, и актуализирует необходимость принятия мер по минимизации этих угроз. Собранные для миграционного учета биометрические данные могут быть перепроданы или использованы для иных целей без четкого правового основания. Практика сбора биометрии мигрантов не соответствует ключевым принципам законодательства о персональных данных: целевого использования и минимальной достаточности.

3. Технические и организационные проблемы интеграции. Эффективность цифровых систем сильно зависит от их слаженной работы. Однако зачастую наблюдается отсутствие интеграции между ведомственными информационными системами. Ярким примером является ситуация, когда эксперимент по сбору биометрии на границе в аэропортах не был синхронизирован с базами данных миграционных органов [13], что создало дополнительные неудобства для мигрантов и снижает эффективность управления. Пожилые, малообразованные лица или беженцы могут не иметь доступа к смартфонам, интернету или не владеть навыками для использования цифровых сервисов. Они оказываются в еще более уязвимом положении. Для преодоления этих барьеров требуется не только техническая модернизация, но и адаптация законодательства в связи с новыми вызовами и угрозами, что позволит в будущем создать процессуальные механизмы, адекватные цифровой реальности, а также обеспечивать альтернативных, нецифровых каналов доступа к своим услугам для уязвимых категорий мигрантов.

Цифровизация миграции – это не только про эффективность и ужесточение контроля. Она больше сказывается на правах человека, кибербезопасности и этике. Без адекватного правового опосредования цифровые инструменты из средства помощи мигрантам и государству могут превратиться в инструмент системной дискриминации, тотального контроля и создания новых уязвимостей.

В условиях глобальной цифровизации миграционная сфера переживает глубокую трансформацию. Однако этот процесс порождает комплекс правовых рисков, о которых говорилось ранее, требующих не технических, а системных законодательных решений. В этой связи необходима выработка сбалансированного подхода, который позволил бы извлечь выгоду из цифровизации, нивелировав ее негативные последствия.

На международной арене, особенно в рамках приоритетного для России сотрудничества с государствами – участниками СНГ, ключевой инициативой могла бы стать разработка и принятие специализированного Соглашения о защите персональных данных мигрантов. Такой документ должен установить жесткий принцип «миграционной цели», четко ограничивающий использование данных исключительно в целях учета и контроля, и запрещающий их вторичное использование для решение иных задач. В нем необходимо закрепить право мигранта на содержательное разъяснение любого автоматизированного решения, затрагивающего его права, а также создать механизм взаимной правовой помощи на случай кибератак и утечек информации.

На национальном уровне, на наш взгляд, Российской Федерации требуется точечная корректировка действующего законодательства. В Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» [14] следует ввести отдельную статью, устанавливающую особые гарантии для иностранных граждан. Эта норма должна предусматривать обязательную оценку воздействия на защиту данных перед внедрением любых новых цифровых систем, таких как «Цифровой профиль иностранного гражданина», и ввести обязанность властей уведомлять мигрантов об утечках их персональной информации.

Одновременно с этим критически важно законодательно преодолеть «цифровой разрыв». Поправки в Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан» [15] должны гарантировать, что введение любой новой обязательной цифровой процедуры будет сопровождаться сохранением альтернативного (аналогового) канала для лиц, не имеющих доступа к технологиям. Это обеспечит соблюдение принципа равноправия. Наконец, для укрепления кибербезопасности необходимо ужесточить ответственность должностных лиц за непринятие мер по защите миграционных систем.

Реализация этих предложений позволит не просто догонять технологические тренды, а формировать правовое поле, в котором цифровизация миграции будет служить не только интересам государственного контроля и безопасности, но и гарантировать защиту фундаментальных прав и свобод человека.

Список литературы

1. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы „Цифровая экономика Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_343571/.

2. Доклад Форума по рассмотрению проблем международной миграции 17–20 мая 2022 г., Нью-Йорк // Библиотека по правам человека. URL: https://hrlib.kz/document/350406.

3. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 19 декабря 2018 г., 73/195. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/ pdf/n1845202.pdf.

4. Глобальные вопросы повестки дня: Миграция // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/global-issues/migration.

5. Кто мы // Официальный сайт IOM Russia. URL: https://russia.iom.int/ru/kto-my.

6. Инновационный фонд MOM // News Central Asia (nCa). URL: https://www.newscentralasia.net/2024/11/29/innovatsionnyy-fond-mom-predlagayet-novatorskiye-resheniya-globalnykh-problem-migratsii/.

7. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с незаконной миграцией 6 марта 1998 г. // Офи-

циальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/52127/.

8. Указ Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_310139/.

9. Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» (не вступил в силу, начнет действовать в 1 октября 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/docment/cons _doc_LAW_511088/.

10. Булгаков А. Э. Цифровые платформы и обеспечение соблюдения миграционного законодательства: перспективы развития российской системы государственного контроля в сфере миграции // Миграционное право. 2025. № 3. С. 22–25.

11. Указ Президента Российской Федерации от 9 июля 2025 г. № 467 «О государственном информационном ресурсе „Цифровой профиль иностранного гражданина“» // НПП «Гарант-сервис». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412204934/.

12. Жизнь мигрантов в Казахстане упростят: вот что планируют внедрить // Digital business. URL: https://digitalbusiness.kz/2025-07-22/v-kazahstane-uprostyat-uchet-migrantov-vot-chto-izmenitsya-s-1-noyabrya-2025-goda/.

13. Цифровые технологии в сфере миграции // TADVISER. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Цифровые_технологии_в_сфере_миграции.

14. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

15. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant. ru/document/cons_doc_LAW_37868/.

Залетова А. Д.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

Международная трудовая миграция является неотъемлемой чертой глобализированной экономики и оказывает многогранное воздействие на социально-экономическое развитие как стран назначения, так и стран происхождения.

Всемирный доклад о миграции 2024 года, представленный Международной организацией по миграции (далее - МОМ), выявляет значительные изменения в глобальных миграционных моделях, включая рекордное число перемещенных лиц и значительный рост международных денежных переводов. Доклад подчеркивает, что международная миграция остается двигателем человеческого развития и экономического роста, что подтверждается ростом международных денежных переводов более чем на 650% с 2000 по 2022 год [1, с. 57].

США остаются абсолютным лидером по числу иммигрантов, принимая 52,4 миллиона международных мигрантов в 2024 году. Германия является вторым ведущим направлением для международных мигрантов, принимая 16,8 миллиона человек в 2024 году, за ней следуют Саудовская Аравия с 13,7 миллиона, Великобритания с 11,8 миллиона, Франция с 9,2 миллиона и Испания с 8,9 миллиона человек [2, с. 14].

Согласно данным Международной организации труда (далее - МОТ), в 2022 году в мире насчитывалось 167,7 миллиона трудящихся-мигрантов, из которых 102,7 миллиона составляли мужчины и 64,9 миллиона – женщины. Большинство из них (114,7 млн человек, или 68,4%) были сосредоточены в странах с высоким уровнем дохода [1, с. 55]. По оценкам ООН, общее число международных мигрантов в 2024 году достигло 304 миллионов человек, или 3,7% мирового населения.

По данным МОТ, большинство занятых международных мигрантов сосредоточено в секторе услуг – 102,7 миллиона человек или 68,4% от общего числа. Значительная часть трудящихся-мигрантов работает в ключевых секторах эко-

[1] © Залетова А. Д., 2025.

номики, включая предоставление услуг по уходу, строительство, сельское хозяйство и гостиничный бизнес.

Следует рассмотреть региональные модели регулирования трудовой миграции. Анализ региональных подходов к регулированию трудовой миграции показывает существенное разнообразие механизмов. Европейский союз выработал наиболее продвинутую систему регулирования мобильности рабочей силы, обеспечивающую свободу передвижения для работников из государств-членов Европейского Союза (далее - ЕС). Договор о функционировании ЕС предусматривает свободу передвижения работников и запрещает дискриминацию на основе гражданства между этими работниками в отношении занятости, вознаграждения и других условий труда, включая социальное обеспечение.

Арабские государства, особенно страны Персидского залива, демонстрируют иную модель регулирования, основанную на системе спонсорства, которая привязывает правовой статус мигранта к конкретному работодателю (система кафала). Эта система, несмотря на экономическую эффективность в обеспечении потребностей в рабочей силе, создает значительные риски для прав работников и часто критикуется международными организациями за создание условий для эксплуатации.

Страны Латинской Америки и Карибского бассейна сталкиваются с вызовами как стран происхождения, так и транзита мигрантов. Миграционный коридор Мексика-США является крупнейшим в мире по числу мигрантов. Регион характеризуется высоким уровнем нерегулярной миграции и связанными с этим проблемами защиты прав мигрантов.

Правовая основа международной трудовой миграции заложена в конвенциях МОТ, прежде всего в Конвенции № 97 о трудящихся-мигрантах 1949 года и Конвенции № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения 1975 года. Существенным достижением международного сообщества стало принятие в 2018 году Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, который представляет собой первое межправительственное соглашение, охватывающее все аспекты международной миграции [3]. Хотя Глобальный договор не является юридически обязательным, он основан на идеях государственного суверенитета, уважения прав и свобод человека, учета гендерных аспектов, укрепления международного сотрудничествам по вопросам миграции.

Международная конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года представляет собой наиболее всеобъемлющий международный инструмент в данной сфере, обеспечивающий уважение базовых прав человека всех мигрантов независимо от их миграционного статуса и предоставляющий доступ к минимальному уровню защиты на всех этапах миграционного процесса. Конвенция охватывает подготовку к миграции, набор работников, выезд, транзит, пребывание в стране назначения [4, с. 7].

В 2014 году МОТ запустила Инициативу справедливого найма, направленную на борьбу с эксплуатацией труда, широко связанной с наймом низкооплачиваемых трудящихся-мигрантов. Инициатива продвигает справедливый найм

как новую международную норму, несмотря на отсутствие прямого закрепления в международных правовых стандартах. МОТ использует множественные и разнообразные инструменты, включая исследование социально-трудовых проблем, техническое содействие и координированное управление для продвижения своих целей в этой области.

Важным направлением деятельности МОТ является продвижение ратификации ключевых конвенций по миграции. Однако уровень ратификации остается недостаточным: по состоянию на 2024 год менее 50 государств ратифицировали Конвенцию № 97 и менее 25 государств – Конвенцию № 143. Это существенно ограничивает эффективность международной системы защиты прав трудящихся-мигрантов.

Значительной проблемой остается сложность координации деятельности различных международных организаций в сфере миграции. В настоящее время регулированием различных аспектов миграции занимаются МОТ, МОМ, различные департаменты ООН и многочисленные региональные организации. Отсутствие четкого разделения функций по типам миграции препятствует формированию долгосрочных политик и снижает эффективность международного сотрудничества.

Правовое регулирование трудовых отношений с участием мигрантов характеризуется недостаточной проработанностью механизмов защиты от недобросовестных практик найма. Согласно данным МОТ, трудящиеся-мигранты в три раза чаще подвергаются принудительному труду по сравнению с национальными работниками. Уровень безработицы среди мигрантов составляет 7,2%, что значительно выше показателя для немигрантов в 5,2%. Женщины-мигранты сталкиваются с еще большими трудностями, их уровень безработицы достигает 8,7% [5, с. 29].

Для решения выявленных проблем предлагается реализация следующих мер по совершенствованию международного правового регулирования трудовой миграции.

Во-первых, необходимо активизировать усилия по продвижению универсальной ратификации ключевых конвенций МОТ по трудовой миграции и Международной конвенции ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов. МОТ должна усилить свою роль в нормотворчестве и установлении норм в области трудовой миграции, которая играет все более важную роль в устойчивом развитии.

Во-вторых, требуется укрепление механизмов координации между международными организациями, работающими в сфере миграции. Сеть ООН по миграции, созданная для поддержки имплементации Глобального договора о миграции, должна быть усилена и наделена большими ресурсами для обеспечения эффективного координированного подхода. Необходимо четкое разграничение функций между различными организациями по типам миграции.

В-третьих, необходимо совершенствование механизмов защиты прав трудящихся-мигрантов через развитие системы справедливого найма. Инициатива МОТ должна быть расширена и интегрирована в национальные законодатель-

ства и практики. Особое внимание должно быть уделено борьбе с недобросовестными практиками найма, включая долговую кабалу, принудительный труд и торговлю людьми.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность международного правового регулирования трудовой миграции и создать условия для более полного использования миграционного потенциала в интересах устойчивого развития всех государств мира, обеспечения достойного труда для трудящихся-мигрантов и соблюдения их фундаментальных прав.

Список литературы

1. Анализ основных тенденций международной трудовой миграции в мире / А.Р. Бяшарова, О.А. Тюрина, Н.К. Зокирова, К.Х. Абдурахманов, Б.Б. Исламова: Международная торговля и торговая политика, 2023 – №1 (33) – 51-64 с.

2. Хабриева, Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование: монография / Т.Я. Хабриева. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019. – 400 с. – ISBN 978-5-9516-0858-1.

3. Глобальный договор о безопасной, упоряоченной и легальной миграции. URL:https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n18/452/02/pdf/n1845202.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

4. United Nations. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. URL:https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_45_158.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

5. International Labour Organization. Global Estimates on International Migrant Workers – Results and Methodology. URL: https://www.sipotra.it/wp-content/uploads/2024/12/ILO-Global-Estimates-on-International-Migrant-Workers.pdf (дата обращения: 05.10.2025).

6. Международное миграционное право / И. П. Сайфуллина, А. Х. Абашидзе, М. М. Алексеева [и др.]. – Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – 228 с.

Заряева А. Э.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права,
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ

Современный мир переживает экологический кризис невиданных масштабов, что обусловливает первостепенную актуальность исследования международных стандартов обеспечения права на благоприятную окружающую среду. По данным Программы ООН по окружающей среде, в 2024 году экологические проблемы стали причиной значительного ущерба здоровью населения планеты, а изменение климата приобрело характер глобальной угрозы [7]. В Российской Федерации в 2024 году на 36% увеличилось число случаев высокого и экстремально высокого загрязнения воздуха, что было зафиксировано в 239 инцидентах [8]. Согласно данным Росприроднадзора, количество экологических нарушений в России за 2023 год выросло на треть, достигнув 15 367 случаев. В то же время количество экстремальных загрязнений рек и водоемов в стране за 2023 год увеличилось на 62% [9].

Степень научной разработанности темы характеризуется значительным вкладом отечественных и зарубежных исследователей. Фундаментальные основы международного экологического права заложены в работах О.С. Колбасова, развившего теоретическое понимание экологического права как самостоятельной отрасли [2]. Существенный вклад в исследование экологических прав человека внесли И.О. Краснова, раскрывшая конституционно-правовые основы права на благоприятную окружающую среду [3], С.А. Боголюбов, исследовавший системные вопросы экологического права [5]. Международно-правовые аспекты экологических прав человека получили отражение в трудах Н.Д. Эриашвили и Г.М. Сарбаева, исследовавших современные международно-правовые стандарты экологических прав [6]. Региональные системы защиты экологических прав изучали такие ученые, как А.М. Солнцев, анализировавший механизмы защиты экологических прав в латиноамериканском регионе [4], и И.П. Дудыкина, исследовавшая российские и европейские подходы к реализации Орхусской конвенции [1].

---

[1] © Заряева А. Э., 2025.

Формирование международно-правовых основ права на благоприятную окружающую среду началось с Конференции ООН по проблемам окружающей человека среды в Стокгольме (5-16 июня 1972 года). Стокгольмская декларация закрепила принцип: «Человек имеет основное право на свободу, равенство и благоприятные условия жизни в окружающей среде, качество которой позволяет вести достойную и процветающую жизнь». Это положение стало основой для создания международных механизмов защиты экологических прав [10].

Конференция ООН в Рио-де-Жанейро (3-14 июня 1992 года) развила стокгольмские принципы, утвердив право людей «жить в добром здравии и плодотворно трудиться в гармонии с природой». Декларация Рио впервые закрепила процедурные экологические права: доступ к экологической информации, участие общественности в принятии решений и доступ к правосудию по экологическим вопросам [11].

Орхусская конвенция 1998 года стала первым юридически обязывающим договором, предоставившим конкретные права общественности в экологической сфере. Конвенция признала право человека «жить в окружающей среде, благоприятной для его здоровья и благосостояния», распространив его на будущие поколения [12].

Принятие Генеральной Ассамблеей ООН 28 июля 2022 года резолюции 76/300 стало кульминацией процесса международно-правового признания экологических прав. Резолюция, поддержанная более 100 странами, признала право на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду правом человека [13].

Современная система защиты экологических прав базируется на механизмах ООН, центральное место среди которых занимает Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), созданная в 1972 году. В 2024 году ЮНЕП оказала поддержку странам в интеграции принципов прав человека в национальные стратегии по сохранению биоразнообразия [14].

Ключевым институциональным механизмом защиты экологических прав является Ассамблея ООН по окружающей среде (ЮНЕА), созданная в 2012 году и получившая название «всемирного парламента по окружающей среде» [15]. На шестой сессии ЮНЕА в 2024 году, в которой приняло участие рекордное количество делегатов - более 6 тысяч человек, включая 12 глав государств и правительств, было принято 15 резолюций, направленных на защиту человечества и планеты. Ассамблея продемонстрировала способность международного сообщества преодолевать геополитические разногласия и объединяться в борьбе за сохранение окружающей среды.

В системе универсальных механизмов защиты экологических прав важную роль играет институт специальных докладчиков ООН по правам человека и окружающей среде. В 2024 году эксперт ООН Дэвид Бойд указал, что «все предприятия несут ответственность за соблюдение прав человека, в том числе права на здоровую окружающую среду». Данная позиция расширяет круг субъектов ответственности за экологические права, включая корпоративные структуры наряду с государствами [16].

Многосторонние экологические соглашения составляют значительную часть универсальных стандартов – под руководством ЮНЕП принято более 15 наиболее значимых конвенций. В 2024 году восемь стран ратифицировали Кигалийскую поправку к Монреальскому протоколу, направленную на постепенный отказ от гидрофторуглеродов, что может предотвратить повышение глобального потепления на 0,5 градусов [17].

Региональные системы защиты экологических прав демонстрируют различные подходы. Европейская система, основанная на Орхусской конвенции 1998 года, устанавливает три процедурных права: доступ к экологической информации, участие общественности в принятии решений и доступ к правосудию. Конвенция создала механизм «экологической демократии», обеспечивающий непосредственное участие граждан в принятии экологических решений [18].

Африканская система базируется на Африканской хартии прав человека и народов 1981 года, статья 24 которой закрепляет, что «все народы имеют право на общую удовлетворительную окружающую среду, благоприятную для их развития». Особенностью африканского подхода является признание коллективного характера экологических прав, принадлежащих народам в целом [19].

Американская система экологических прав развивается в рамках межамериканской системы защиты прав человека, где формируется практика «экологизации» традиционных прав человека. Межамериканский суд по правам человека в своих решениях признает взаимосвязь между экологическими правами и такими основными правами, как право на жизнь, здоровье и благоприятную окружающую среду.

Латиноамериканский регион представлен Эскасуанским соглашением 2018 года – первым юридически обязывающим экологическим договором региона, развивающим принципы Орхусской конвенции применительно к специфике Латинской Америки и Карибского бассейна. Соглашение гарантирует доступ к экологической информации, участие общественности в принятии решений и доступ к правосудию, а также впервые в международной практике закрепляет обязательства государств по защите экологических активистов [20].

Современная реализация международных экологических стандартов сталкивается с системными проблемами. Основная трудность заключается в отсутствии универсального юридически обязывающего соглашения об экологических правах. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 76/300 от 2022 года носит рекомендательный характер и не создает правовых обязательств для государств.

Существенной проблемой остаются слабые механизмы контроля за исполнением экологических обязательств. По данным ЮНЕП, 92% населения планеты проживает на территориях с превышением норм загрязнения воздуха ВОЗ, при этом треть стран не имеет нормативов качества воздуха. Недостаточная имплементация международных стандартов в национальное законодательство усугубляет ситуацию: несмотря на признание права на благоприятную окружающую среду более чем 150 странами, качество правового регулирования существенно различается [21].

Третьей существенной проблемой является недостаточная имплементация международных стандартов в национальное законодательство. Хотя более 150 стран мира признали право на благоприятную окружающую среду в той или иной форме, качество правового регулирования и механизмы правоприменения значительно различаются. В России, несмотря на конституционное закрепление права на благоприятную окружающую среду в статье 42 Конституции РФ, практическая реализация этого права сталкивается с серьезными трудностями, о чем свидетельствует рост числа экологических правонарушений.

Четвертая проблема заключается в недостаточном финансировании международных природоохранных программ и механизмов. Согласно данным ВОЗ, экологические риски вызывают около 13,7 миллиона преждевременных смертей ежегодно (24,3% от общемирового показателя), однако международное финансирование природоохранных программ остается неадекватным масштабу проблемы [21].

Таким образом, проведенное исследование международных стандартов обеспечения права на благоприятную окружающую среду позволяет сделать вывод о том, что данная область международного права находится в процессе динамичного развития, однако характеризуется рядом существенных пробелов и противоречий. От первоначального признания экологических принципов в Стокгольмской декларации 1972 года до принятия резолюции ГА ООН 76/300 в 2022 году международное сообщество прошло путь постепенного осознания фундаментальной важности экологических прав для обеспечения достойного существования человечества.

Выявлены четыре ключевые проблемы современного состояния международно-правового регулирования экологических прав. Первая проблема связана с отсутствием единого юридически обязывающего международного соглашения, что приводит к фрагментации правового регулирования и снижению эффективности международно-правовых механизмов. Вторая проблема заключается в недостаточности контрольных и принудительных механизмов, что позволяет государствам уклоняться от выполнения международных экологических обязательств. Третья проблема касается неравномерности имплементации международных стандартов в национальные правовые системы, что создает правовую неопределенность и препятствует эффективной защите экологических прав. Четвертая проблема связана с недостаточным финансированием международных природоохранных инициатив, что ограничивает возможности практической реализации экологических прав.

Для совершенствования правового регулирования и практики применения международных стандартов экологических прав предлагается принятие Глобального пакта по окружающей среде как юридически обязывающего международного соглашения, которое бы кодифицировало основные принципы экологического права и создало эффективные механизмы их реализации. Необходимо также создание международного суда по экологическим правам человека с юрисдикцией по рассмотрению споров между государствами, организациями и индивидами относительно нарушений экологических прав. Требуется усиление

финансовых механизмов поддержки развивающихся стран в реализации международных экологических стандартов через создание специального международного экологического фонда. Важным направлением является развитие региональных систем защиты экологических прав с учетом специфических потребностей различных географических регионов и правовых традиций.

Список литературы

1. Дудыкина И. П. Орхусская конвенция: российские и зарубежные доктринальные оценки [Электронный ресурс] // Московский журнал международного права. – 2018. – № 4. – С. 96–109.

2. Колбасов О.С. Экология и право // Вестник сельскохозяйственных наук. 1988. № 6. С. 72–82.

3. Краснова И. О. Право на благоприятную окружающую среду как конституционное и Экологическое право // Актуальные проблемы российского права. 2019. №8 (105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-blagopriyatnuyu-okruzhayuschuyu-sredu-kak-konstitutsionnoe-i-ekologicheskoe-pravo (дата обращения: 25.09.2025).

4. Солнцев А.М., Отрашевская А.М. Эскасу как новый этап в развитии механизмов защиты экологических прав человека в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/eskasu-kak-novyy-etap-v-razvitii-mehanizmov-zaschity-ekologicheskih-prav-cheloveka-v-regione-latinskoy-ameriki-i-karibskogo (дата обращения: 25.09.2025).

5. Экологическое право : учебник / под ред. С. А. Боголюбова. – Э40 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2011. - 482 с.

6. Эриашвили Н. Д., Сарбаев Г. М., Федулов В. И. Современные международно-правовые стандарты экологических прав // Образование и право. 2021. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-mezhdunarodno-pravovye-standarty-ekologicheskih-prav (дата обращения: 25.09.2025).

7. Глобальный климатический кризис: о чем говорят международные доклады за 2024 год. – Текст : электронный // EcoStandard.journal : [сайт]. – Москва, 2024. – URL: https://journal.ecostandard.ru/esg/ustoychivoe-razvitie/globalnyy-klimaticheskiy-krizis-o-chem-govoryat-mezhdunarodnye-doklady-za-2024-god/ (дата обращения: 25.09.2025).

8. Количество опасных загрязнений воздуха в 2024 году выросло на 36% [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2025. – 9 июня. – URL: https://www.vedomosti.ru/esg/reports/news/2025/06/09/1115614-kolichestvo-opasnih-zagryaznenii-vozduha-v-2024-godu-viroslo-na-36 (дата обращения: 25.09.2025).

9. Количество экологических нарушений возросло на треть в 2023 году [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2024. – 10 апр. – URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2024/04/10/1030842-kolichestvo-ekologicheskih-narushenii-vozroslo-na-tret (дата обращения: 25.09.2025).

10. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды (Стокгольмская декларация) [Электронный ресурс] : принята в г. Стокгольме 16.06.1972. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 25.09.2025).

11. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию [Электронный ресурс] : принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 25.09.2025).

12. Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды [Электронный ресурс] : заключена в г. Орхусе 25.06.1998. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 25.09.2025).

13. Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду [Электронный ресурс] : резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 28 июля 2022 года, A/RES/76/300. – URL: https://docs.un.org/ru/a/res/76/300 (дата обращения: 25.09.2025).

14. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП) [Электронный ресурс] : создана в 1972 году по итогам Стокгольмской конференции. – URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972 (дата обращения: 25.09.2025).

15. Ассамблея ООН по окружающей среде (ЮНЕА) : создана в 2012 году [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/conferences/environment/stockholm1972 (дата обращения: 25.09.2025).

16. Право человека на чистую, здоровую и устойчивую окружающую среду [Электронный ресурс] // Inter-Legal. – 2025. – 3 сент. – URL: https://inter-legal.ru/pravo-cheloveka-na-chistuyu-zdorovuyu-i-ustojchivuyu-okruzhayushhuyu-sredu-novoe-pravo-v-universalnom-mezhdunarodnom-kataloge-prav-cheloveka (дата обращения: 25.09.2025).

17. Кигалийская поправка к Монреальскому протоколу по веществам, разрушающим озоновый слой [Электронный ресурс] : принята 15 октября 2016 года в г. Кигали (Руанда). – Режим доступа: http://ozonecenter.kg/wp-content/uploads/2018/02/Kigali-Amendment-7.pdf (дата обращения: 25.09.2025).

18. Африканская хартия прав человека и народов [Электронный ресурс] : принята 26 июня 1981 года в г. Найроби. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=12633 (дата обращения: 25.09.2025).

***Захаревская Е. А.*[1],**
старший преподаватель
кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России,
кандидат психологических наук

***Чернов Д. В.*[2],**
преподаватель кафедры
тылового обеспечения и финансового контроля
органов внутренних дел
Краснодарского университета МВД России

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ВОПРОСАХ ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

В современном обществе существует множество угроз. Одной из них выступает приверженность крайним и радикальным взглядам, что можно охарактеризовать как экстремистскую деятельность или экстремизм.

Нормативным документом в Российской Федерации, регламентирующим понятие экстремизма выступает Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [1]. Указанный Федеральный закон приравнивает между собой понятия экстремистская деятельность и экстремизм и закрепляет понятия экстремистской деятельности (экстремизма) [1].

Россия – это многокультурная и многонациональная страна. На территории Российской Федерации проживает огромное количество различных национальностей и народов, крупнейшими из которых являются русские (80,85%), татары (3,61%), чеченцы (1,28%), башкиры (1,2%), чуваши (0,82%), аварцы (0,78%) армяне (0,72%) и другие, всего же 194 народности, не включая указавших другие национальные принадлежности и лиц, не указавших национальной принадлежности [2]. Каждый народ обладает своими чертами: языком, вероисповеданием, обычаями, мировоззрением.

Имея такое разнообразие народов и культур, проживающих «рука об руку» могут возникать различные междоусобицы и локальные конфликты, в том числе и на почве различия традиций и взглядов. Данными ситуациями намереваются воспользоваться злоумышленники, стремящиеся к расколу общества и разжиганию межнациональной розни, совершая публично или посредством использования средств массовой информации действия, целью которых является пробуждение ненависти к представителям конкретной национальности, ра-

[1] © Захаревская Е. А., 2025.
[2] © Чернов Д. В., 2025.

сы, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Международное сотрудничество в вопросах профилактики молодежного экстремизма в образовательных учреждениях занимает особое место. Между учебными заведениями и даже государствами в современном периоде имеются договоренности о направлении студентов на обучение. Академия управления МВД России принимает к себе на обучение слушателей из Аргентинской Республики, Республики Эквадор, Республики Таджикистан, Республики Узбекистан, Монголии, Республики Беларусь, Киргизской Республики, Республики Казахстан и других. Краснодарский университет МВД России обучает слушателей из Социалистической Республики Вьетнам, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Республики Таджикистан, специалистов из Африки.

Принимая в свои двери студентов, курсантов, слушателей, абитуриентов, адъюнктов каждая из стран сотрудничества должна проводить мероприятия, направленные на профилактику молодежного экстремизма, разъяснять молодым людям, что все люди равны от рождения априори и нет нации лучше, либо выше другой. Так как идеи превосходства нации не ведут ни к чему хорошему, итоги такой идеологии мы все прекрасно знаем и помним.

Влияние на окрепший физически и морально организм взрослого человека представляет собой сложную задачу. Исходя из этого преступники пытаются воздействовать на более уязвимые слои общества. Несформированный разум подростков в совокупности с «юношеским максимализмом» является хорошей почвой для воздействия на них различных радикальных взглядов.

Рассмотрим пути воздействия и популяризации радикальных идей на примере становления и развития молодежной субкультуры в России – скинхедах.

Так в Российской Федерации данная молодежная субкультура берет свое начало в начале 1990-х годов. Российские скинхеды в большинстве своем относились к националистам-скинхедам.

Ключевыми причинами резкого роста движения скинхедов в России в тот период являлся развал системы образования и воспитания, экономический спад и безработица во время реформ 90-х годов XX века. Росту численности скинхедов также способствовала война в Чечне, сопутствующая ей неприязнь к выходцам с Кавказа и недостаточная подготовленность правоохранительных органов в борьбе с праворадикальными организациями [2].

По мнению Виктора Шнирельмана, на распространение расизма и «арийской идентичности» среди скинхедов в России также повлияла антикоммунистическая пропаганда и критика интернационализма в период «дикого капитализма» 1990-х годов, когда социал-дарвинизм и «стремление к героическому» способствовали популярности образов «сверхчеловека» и «высшей аристократической расы» [3]. Необходимо отметить, что на начальном этапе социальный состав скинхедов, в своем большинстве – это подростки 14 - 18 лет из неблагополучных семей «спальных районов».

Анализируя приведенную информацию можно сделать вывод, что радикальные идеи проникают в неокрепшие умы подростков во время утраты ценностей и идеалов, экономических трудностей и безработицы в стране, войны, особенно по национальному и религиозному принципу, что подстегивает ненависть одного народа к другому.

Именно в такие моменты остро встает проблема профилактики молодежного экстремизма в образовательных учреждениях. Возникает особенная потребность в просвещении подрастающего поколения, толкования истинных ценностей и смыслов, наставления на верный путь. Подросток, имеющий сформированное понимание своего места в жизни и свою роль в обществе, значимость Отечества как целого и цельного государства, равенство всех народов, входящих в состав нашей огромной Родины, более защищен перед угрозами из вне, подготовлен к воздействию этих угроз и возможное воздействие их не имеет для него губительного и значительного воздействия, так как нет белых пятен в сознании молодого гражданина, способных быть занятыми радикальными идеями.

В настоящее время, Россия, имея на своих рубежах вспыхнувший конфликт, подогреваемый западными «партнерами», непростую экономическую ситуацию в стране, осложненную ситуацию с товарооборотом, вновь может столкнуться с проникновением крайне радикальных идей, направленных на осуществление экстремистской деятельности. Возникшие трудности, неизвестные подрастающему поколению, появившемуся на свет в начале XXI века, могут показаться масштабными и значительными, ведущими к гибели их ценностей и идеалов, побудить к совершению действий, имеющих экстремистскую направленность. «Друзья» из-за рубежа могут подать идеи для «решения» возникших трудностей, указать на мнимые причины возникших внутригосударственных проблем, попытаться связать их с различными решениями и действиями, принятыми руководством нашей страны. Поэтому сейчас, как никогда ранее, необходимо направить свои взгляды на воспитание молодежи, привитие им любви к Родине, развитию патриотизма. Пояснить истинные причины трудностей в стране и цели создания данных трудностей коллективным западом.

Любовь к Родине должна воспитываться с самых юных лет, беря начало из семьи и продолжаться в образовательных учреждениях. Патриотическое воспитание – это не только наставление молодых людей, но и направление их своим примером. Введенная практика поднятия флага, исполнения гимна на линейке в школе закладывает в сознании подрастающего поколения веру в силу и могущество страны, вызывает гордость за ее достижения, позволяя затмить так долго вбиваемую из-за рубежа шаблонную карикатуру на пьяного крестьянина в лаптях, играющего на балалайке с медведем. Понимая значимое место Российской Федерации в мире, молодежь будет труднее вовлечь в противозаконные мероприятия, собирать на прозападные митинги и направлять к экстремизму. Практика патриотического воспитания должна продолжаться и углубляться. Необходимо создавать кружки, где молодые люди будут заняты интересным занятием (спортивные, художественные, музыкаль-

ные), формировать при этом патриотические взгляды, разъяснять о могуществе России, тогда и проникновение радикальных взглядов не найдет места в молодом разуме.

Условия современного мира, в котором живут молодые люди, кардинально изменились по сравнению с предыдущими поколениями. Возвышение технологий, глобализация и культурные изменения ставят перед обществом новые вызовы. В этом контексте воспитание патриотических чувств у молодежи становится не просто актуальным, но и необходимым аспектом формирования гражданского общества. Патриотизм – это далеко не только любовь к Родине – это глубинное ощущение привязанности к России. Если вдуматься, патриотизм – понятие куда более глубокое и многогранное, чем просто любовь к родной стране. Это, внутреннее чувство связи с Россией, в котором сплетаются и гордость за ее достижения, и уважение к ее уникальной культуре, и искреннее желание видеть ее процветающей. Когда мы говорим о воспитании этого чувства у молодого поколения, мы, по сути, помогаем им найти ответ на один из главных вопросов: «Какое мое место в жизни этой страны?» Это осознание рождает ту самую личную причастность к общему будущему.

Именно патриотизм служит краеугольным камнем нашей национальной идентичности. Но его сила не в лозунгах, а в прочном фундаменте из реальных исторических событий, культурных кодов и народных традиций. Из этого чувства закономерно вырастает гражданская ответственность. Молодой человек, который ощущает эту связь, с большей вероятностью будет не пассивным наблюдателем, а активным участником жизни общества: станет интересоваться политикой, осмысленно подходить к выборам, включаться в социальные проекты.

В наше непростое время, перед лицом глобальных потрясений, эта способность патриотизма сплачивать людей становится особенно ценной. Когда общество сталкивается с такими вызовами, как размывание культурных границ или идеологические противоречия, общие ценности и чувство сопричастности помогают преодолевать внутренние барьеры, объединяя людей поверх социальных, этнических или религиозных различий.

Ключевая роль в формировании этого чувства, безусловно, лежит на системе образования, начиная со школы. Задача школы и вуза – не «внушать» патриотизм, а дать студенту знания и опыт, которые позволят ему этот патриотизм осознать. Это и грамотно выстроенные курсы истории и литературы, которые раскрывают ценность национального наследия, и самое главное – практическое вовлечение. Молодежь должна не просто слушать, а действовать: участвовать в волонтерских акциях, краеведческих экспедициях, дискуссиях на исторические темы. Через такое живое участие и приходит настоящее, а не навязанное понимание своей роли в судьбе страны.

Непосредственное взаимодействие с символами своей страны, знание ее истории и культуры формируют у молодых людей гордость за свои корни и привязанность к родине. Воспитание патриотических чувств у молодежи – это важная задача, стоящая перед всем обществом. Это не только вопрос идентич-

ности, но и вопрос будущего нашей страны. В условиях глобализации и постоянных изменений важно, чтобы молодое поколение осознавало свою связь с историей и культурой, ценило достижения своих предков и стремилось к их сохранению и развитию. Только через патриотизм можно построить сильное, сплоченное и прогрессивное общество, готовое к вызовам времени.

Таким образом, можно подвести итог, что нестабильная политическая, экономическая обстановка современного мира как никогда указывает на необходимость воспитания уважения, поддержания терпимости к различным народам России, необходимость жить в мире и гармонии, воспитывать патриотические чувства к Родине. Данная задача лежит на образовательных учреждениях, так как именно педагог может всецело влиять на развивающийся разум подрастающего гражданина.

Список литературы

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

2. Данные Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/160796

3. Виктор Шнирельман. Порог толерантности. Арийская идеология и идентичность скинхедов // Новое литературное обозрение. – 2014.

Захаров В. Р.*[1]*,
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.*,*
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Искусственный интеллект (далее – ИИ) переживает период стремительного роста и проникновения во все сферы жизнедеятельности человека: начиная с систем здравоохранения и образования, заканчивая безопасностью, финансовой и политической сферами. ИИ обладает огромным потенциалом для улучшения качества жизни, оптимизации различных процессов и решения повседневных проблем. Наряду с вышеуказанными положительными аспектами ИИ оказывает зачастую основательное и неоднозначное воздействие на права и свободы человека. Представляется, что без должного регулирования и соблюдения этических принципов, развитие ИИ может привести к систематическим нарушениям прав человека. Эти проблемы требуют всестороннего научного анализа и осмысления.

Одной из самых острых проблем является алгоритмическая дискриминация. Системы ИИ обучаются на данных, которые могут содержать исторические предубеждения и элементы дискриминации. Если в исходных данных представлены некоторые признаки, например, раса, цвет кожи, пол, язык, религия, ИИ может усвоить и закрепить в своей памяти эти предубеждения, что впоследствии может повлечь дискриминацию. В то время как Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г. закрепляет за государствами-участниками обязанность «уважать и обеспечивать ... права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия» [1] на вышеуказанные аспекты. Например, алгоритмы подбора кандидатов на новые должности, запрограммированные на основе исторических кадровых данных, могут ущемлять женщин или представителей каких-либо национальностей, несмотря на индивидуальные достижения, указанные в резюме. Или же, например, алгоритмы оценки кредитоспособности могут несправедливо отказывать в займе лицам из определенных географических регионов, несмотря на то, что они финансово стабильны.

---

[1] © Захаров В. Р., 2025.

Системы ИИ также обладают уникальной способностью собирать, анализировать и интерпретировать огромные объемы данных, включая личную информацию (история перемещений благодаря геолокации, история браузера в сети Интернет, цифровые следы в социальных сетях, история покупок на маркетплейсах и т.д.). Указанное обстоятельство влечет за собой риски нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

Все чаще ключевые решения за человека доверяют принимать искусственному интеллекту. Сейчас ИИ ставит медицинский диагноз, однако это может повлечь диагностические ошибки. «Актуальными, дискуссионными и неоднозначными являются вопросы о допустимости замещения судьи специализированной программой или роботом, созданным на основе ИИ, а также о том, насколько морально-этическая сторона выносимых роботом решений будет отражать справедливость судебного разбирательства» [2, с. 228]. Возникает иллюзия, что «объективная» машина не может ошибаться. Однако большая часть систем ИИ являются по факту «черными ящиками»: трудно понять, как именно и по какому алгоритму принимаются решения и даются ответы пользователю. А когда решение оказывается ошибочным, выясняется, что ответственность не несет никто.

Для минимизации рисков и увеличения пользы ИИ необходим комплексный подход, включающий технические меры:

– разработка методов, позволяющих понять и обосновать решения ИИ-систем;

– публичное раскрытие (в разумных пределах) исходных данных, используемых алгоритмов и критериев принятия решений;

– создание регистров ИИ-систем, влияющих на права человека;

– внедрение обязательных процедур тестирования ИИ-систем на наличие предубеждений и дискриминационных начал на этапе разработки и перед началом деятельности;

– разработка методов защиты ИИ-систем от кибератак;

Комплексный подход в рамках оптимизации соотношения преимуществ и негативных последствий внедрения ИИ также должен включать в себя и правотворческие меры. Государства начинают разрабатывать национальные акты, регулирующее ИИ. Например, Регламент Европейского Союза № 2024/1689 от 13 июня 2024 г. (Закон об ИИ) [3], который классифицирует ИИ-системы по уровню риска (от низкого до неприемлемого) и устанавливает строгие требования для систем высокого риска (например, в здравоохранении, транспорте, доступе к услугам) – требования к прозрачности, оценке воздействия, обеспечению безопасности, документированию и подотчетности. Аналогичные инициативы прорабатываются в США, Китае, Японии и других государствах.

Кроме того, существует объективная потребность в разработке международных стандартов и норм, регулирующих ИИ, особенно в сфере прав человека. Отметим Рекомендацию по этическим аспектам искусственного интеллекта ЮНЕСКО 2021 г. [4]. Документ устанавливает ценности (права человека, человеческое достоинство) и принципы (прозрачность, справедливость, человече-

ский надзор), а также содержит рекомендации по конкретным областям общественной жизни, таким как защита окружающей среды, образование, здравоохранение и другие.

Подводя итоги, отметим, что ИИ способен приносить существенную пользу для человечества. Однако развитие ИИ должно сопровождаться должным контролем. В противном случае возможны серьезные риски для должной реализации прав и свобод человека, а также угрозы их нарушения. На наш взгляд, все субъекты права должны согласованно действовать в рамках достижения единой цели для достижения понятных, прозрачных и объяснимых решений ИИ.

Таким образом, технические аспекты по разработке алгоритмов ИИ должны быть прозрачными, правовое регулирование – четким и последовательным, а этические принципы – действенными. ИИ должен служить человеку, уважая его права и законные интересы. Иными словами, будущее ИИ должно основываться на разумном балансе между техническим прогрессом и защитой прав человека. Инновации должны служить людям, а не создавать новые угрозы.

Список литературы

1. Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

2. Соловьева, А. С. Искусственный интеллект и цифровые технологии в судебном процессе: проблемы обеспечения права на справедливое судебное разбирательство / А. С. Соловьева // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : V Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых (к 20-летию образования Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя): сборник научных трудов, Москва, 16 июня 2022 года / Сост. Р.Б. Осокин. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 227-230.

3. Регламент Европейского Союза № 2024/1689 от 13 июня 2024 г. // Официальный журнал Европейского Союза. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32024R1689.

4. Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта 2021 г. // UNESDOC Цифровая библиотека. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455_rus

***Зиновьева У. А.*[1],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хозикова Е. С.,
старший преподаватель кафедры
конституционного и муниципального права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Нелегальная миграция – это вызов, не знающий государственных границ. Преступные схемы перевоза людей через границу, поддельные документы и транзитные маршруты – главные проблемы в сфере незаконной миграции. Именно поэтому с этой угрозой в одиночку справиться невозможно. Для России, которая находится на стыке Европы и Азии, роль международного сотрудничества в борьбе с незаконной миграцией становится основной.

Следует согласиться с тезисом, что «миграция вносит существенные коррективы в государственную политику, развитие экономики, правовую и демографическую сферы жизни отдельных общественных коллективов и государств в целом» [8, с. 109].

Именно этим во многом обусловлено пристальное внимание к проблемам миграции как со стороны законодателя, так и научного сообщества [6, с. 141-146].

В соответствие с данными ООН за 2023 г. Россия после США является страной, привлекательной для мигрантов, она занимает второе место в мире по их числу. В Российской Федерации правовое регулирование пребывания иностранных граждан осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации [1], Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также нормативными актами федеральных органов исполнительной власти. В соответствие с Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранцы могут осуществлять трудовую деятельность только, если они получили разрешение на работу [2]. В России создана комплексная нормативно-правовая база для противодействия незаконной миграции. Важнейшая ее составляющая – международные договоры о сотрудничестве правоохранительных органов в

[1] © Зиновьева У. А., 2025.

борьбе с незаконной миграцией. Очевидно, что без взаимодействия государств эффективное предупреждение этого явления, имеющего трансграничный характер, просто невозможно [4].

Незаконная миграция создает различные вызовы для России. Они влияют абсолютно на все сферы жизни общества. В настоящее время миграция увеличивается с каждым годом, несмотря на все попыткам ее ограничить. В основном, люди стараются покинуть страну, в которой они родились, чтобы улучшить свой социальный статус, но чаще всего люди бегут из страны, чтобы спастись от вооруженного конфликта. Мигранты незаконно пересекают границу стран, что подвергает опасности не только их самих, но других людей [5].

В чем же опасность нелегальной миграции? Она влияет на экономику страны. Теневая занятость мигрантов лишает бюджет налоговых поступлений: по оценкам Росстата, ежегодные потери составляют до 90 млрд рублей. Данные средства могли бы пойти на развитие социальной инфраструктуры, которая испытывает сильное давление [3]. В регионах с высокой миграционной нагрузкой, таких как Москва и Тюмень, очереди в поликлиниках и школах выросли на 25%, что привело к снижению уровня жизни граждан. Кроме того, из-за появления нелегальной миграции растет уровень преступности. В 2022 году 34% тяжких преступлений в столице были совершены мигрантами. Поэтому нелегальная миграция требует внимания со стороны правоохранительных органов страны. Высокую опасность представляет собой деятельность экстремистских группировок: они вербуют нелегальных мигрантов, используют их в террористических актах. Так, ФСБ за последние три года предотвратила 12 попыток создания ячеек ИГИЛ[1] среди выходцев из Центральной Азии [12]. Также важно отметить, что конфликты на национальной почве участились на 40% особенно в регионах с высокой концентрацией мигрантов, таких как Подмосковье. В некоторых районах Сибири доля приезжих превышает 30%. Это вызывает недовольство местных жителей и меняет социально-культурный уклад страны [5].

Государства предпринимают меры, чтобы сдержать нелегальную миграцию. К ним относятся: усиление контроля за границей страны, введение административной и уголовной ответственности за незаконное пересечение границы и организацию нелегальной миграции, использование труда незаконных иммигрантов и другие [4]. Осознав масштаб угрозы, Россия сделала ставку на многостороннее международное сотрудничество как на главный инструмент противодействия незаконной миграции. И этот курс начал приносить плоды. Двусторонние соглашения с ключевыми странами СНГ, такие как программы реадмиссии с Узбекистаном и Таджикистаном, позволили только за 2023 год депортировать 15 тысяч человек.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) стала важным инструментом для обеспечения безопасности на восточных рубежах. Такие инициативы, как совместные учения «Безопасные границы-2023» с Казахстаном и Китаем [16], позволяют усилить контроль над тысячами километров общих границ, де-

[1] Международная исламистская суннитская террористическая организация, запрещенная в Российской Федерации.

лая их непроницаемыми для контрабандистов и нелегалов [13]. Интерпол предоставляет доступ к глобальной базе данных. В 2023 году благодаря системе I-24/7 российские пограничники идентифицировали 240 мигрантов, разыскиваемых по линии терроризма и наркоторговли. Это наглядный пример того, как обмен информацией в реальном времени помогает выявить не просто нарушителей миграционного режима, а опасных преступников [14]. Экономические союзы, такие как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), неожиданно стали мощным оружием против нелегальной миграции. Создание единой базы данных ЕАЭС позволило выявить 4,7 тысячи случаев так называемого «миграционного туризма», когда граждане третьих стран пытались использовать территорию союза для незаконного проникновения в Россию. А такие масштабные операции, как «Тайфун» с участием Беларуси и Казахстана, привели к задержанию 600 нелегалов и ликвидации 20 подпольных цехов. Конкретные проекты говорят сами за себя: система оповещения с Казахстаном сократила пограничные инциденты на 35%, а совместные патрули с Беларусью снизили транзитный поток в Калининградскую область вдвое [15].

Несмотря на успехи, в сфере незаконной миграции также остаются проблемы, которые нужно решить. Политические барьеры стали серьезным вызовом. Санкции со стороны ЕС блокируют поставки современных технологий, как это случилось со сканерами из Германии. Противоречия с Украиной привели к тому, что 85% нелегалов из Азии используют ее территорию как транзитный коридор, а Киев отказывается от совместных операций [16]. Однако они же стимулируют развитие собственных цифровых решений, которые становятся новым языком международного сотрудничества. Ответом на эти вызовы стала ускоренная цифровизация. Пилотный проект по внедрению биометрических паспортов с Арменией сократил число поддельных документов на 60%. Система на основе искусственного интеллекта «Мигрант-Аналитика», тестируемая в Сочи, уже прогнозирует риски с точностью 89%, позволяя упреждающе перебрасывать силы на угрожаемые участки [17].

Одновременно подчеркнем, что как верно отмечается в научной литературе, «В Российской Федерации создаются все условия для комфортного нахождения иностранных граждан и лиц без гражданства. Совершенствуется действующее законодательство, упрощается порядок получения разрешения на временное проживание, вида на жительство и гражданства Российской Федерации. Миграционное законодательство динамично изменяется, что актуализирует вопрос внесения изменений в действующее правовое поле» [9, с. 313-314].

После проведенного анализа можно сделать вывод, что незаконная миграция остается угрозой для России, пока не будут устранены ее коренные причины – экономическое неравенство и конфликты в странах исхода. Однако уже сегодня международное сотрудничество демонстрирует эффективность: взаимодействие в рамках ШОС, ЕАЭС и с отдельными странами ЕС доказывает, что многосторонний диалог способен снижать риски. Для прорыва нужны не только технологии, но и политическая воля – как со стороны Москвы, так и ее партнеров. Мы считаем, что если в дальнейшем страны продолжат тесное со-

трудничество, то негативная статистика незаконной миграции будет сводиться к минимуму.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

3. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 45. – Ст. 6917.

4. Аксенов А. А. Незаконная миграция как угроза национальной безопасности России // В сборнике: Анализ социально-экономического состояния и перспектив развития Российской Федерации. Материалы 6-й Международной студенческой научно-практической конференции. Государственный университет управления. – 2019. – С. 90-95.

5. Бугаевская Н. В., Батова Е. В. Правовые основы борьбы с незаконной миграцией // В сборнике: Актуальные проблемы борьбы с преступностью. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Ответственный редактор Н. В. Кабакова. – 2019. – С. 24-31.

6. Кирюхин В. В. Миграция несопровождаемых и разлученных детей: новые грани расширения международных прав ребенка // Актуальные проблемы законодательного регулирования миграционных процессов на территории государств-участников СНГ: Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. Под общей редакцией А. А. Беженцева. – СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 141-146.

7. Прудников А. С., Шагиева Р. В. Противодействие незаконной миграции и пути его совершенствования // В сборнике: Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества. Материалы Международного форума. Под общей редакцией П. В. Терелянского. – 2019. – С. 112-115.

8. Хозикова Е. С. О некоторых подходах к современному пониманию миграционных процессов // Актуальные проблемы государственно-правового строительства: сборник статей: [к 30-летию принятия Конституции Российской Федерации] / редкол.: И. В. Кольжанов [и др.]. – Орел: ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2023. – С. 109-114.

9. Хозикова Е. С. Устойчивое развитие России в контексте миграционной безопасности // Устойчивое развитие России: правовое измерение: сборник докладов X Московского юридического форума: в 3 ч. Часть 3. – М.: Издательский центр Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 309-314.

10. Чанбарисов А. Т. Международно-правовые основы противодействия незаконной миграции // В сборнике: Коренные народы современной России: этно-

языковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному году языков коренных народов. – 2019. – С. 350-357.

11. Отчет МВД РФ «О нарушениях миграционного законодательства», 2023.
12. Доклад ФСБ «Профилактика терроризма», 2023.
13. Материалы ШОС. // Электронный ресурс. URL: https://rus.sectsco.org.
14. Интервью представителя Интерпола для «Коммерсантъ», 2023.
15. Данные ЕЭК «Миграция в ЕАЭС», 2023.
16. Программа ЕС «Безопасные границы», 2023.
17. Отчет ЦНИИ «Мигрант-Аналитика», 2024.

Зыкин Н. И.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Удунян В. Р.,
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Современное мировое сообщество столкнулось с беспрецедентным вызовом – киберпреступностью, которая в силу своей транснациональной природы и технической сложности представляет серьезную угрозу для национальной и международной безопасности. Как справедливо отмечает С.П. Кушниренко, «сегодняшний уровень развития телекоммуникаций и сферы высоких технологий изменил не только мир, но и облик преступности» [1, с. 116]. Пропорционально росту числа пользователей IT-технологий растет и количество киберпреступлений, а наносимый ими материальный ущерб исчисляется триллионами долларов [1, с. 115].

Эффективное противодействие этому вызову невозможно в рамках юрисдикции одного государства. Это обуславливает актуальность темы международного сотрудничества правоохранительных органов, которое становится не просто желательным, а обязательным условием для выявления, пресечения и расследования преступлений в киберпространстве.

Киберпреступность обладает рядом специфических черт, которые кардинально отличают ее от традиционных форм преступности и создают значительные препятствия для международного взаимодействия [5, с. 122].

Киберпреступления зачастую совершаются в режиме онлайн одновременно из нескольких стран, нацеливаясь на информационные ресурсы, расположенные в третьих странах, а преступный результат может наступить в четвертой стране [1, с. 117]. Это порождает сложнейшие вопросы определения юрисдикции и применимого права.

Для эффективного преследования киберпреступников необходимо совпадение уголовно-правовой квалификации их деяний в национальных законодательствах всех задействованных стран. Однако, «не все страны имеют нормы, запрещающие деяния в сфере высоких технологий, а если и имеют, то разброс в формулировании их диспозиций огромен» [1, с. 116]. Отсутствие унификации

[1] © Зыкин Н. И., 2025.

делает невозможным не только уголовное преследование, но и выдачу преступников.

Основу доказательственной базы по делам о киберпреступлениях составляют цифровые следы, которые «трудно определяемы и обладают свойством мгновенного видоизменения в силу возможностей их быстрого удаления и преобразования» [1, с. 117]. Традиционные механизмы международной правовой помощи, предусматривающие оформление письменных запросов, для исполнения которых требуются месяцы, в условиях киберпространства оказываются неэффективными.

Мировое сообщество осознало масштаб угрозы киберпреступности еще в 80-х годах XX века. Первоначально усилия международных организаций (ООН, ОЭСР, Совета Европы) носили рекомендательный характер и были направлены на формирование общего понимания проблемы и выработку подходов к криминализации компьютерных преступлений на национальном уровне.

Знаковым событием стало принятие Советом Европы 23 ноября 2001 г. Конвенции о киберпреступности (Будапештской конвенции) [2]. Этот документ стал первым международным договором, направленным на решение проблемы киберпреступности комплексно, по трем направлениям:

1. Унификация составов преступлений (неправомерный доступ, перехват данных, вмешательство в системы, компьютерный подлог и мошенничество, др.).
2. Закрепление процессуальных норм, облегчающих расследование (обеспечение сохранности данных, раскрытие трафика, обыск компьютерных систем).
3. Создание эффективной системы международного сотрудничества, включая создание сети круглосуточных точек связи для оперативного взаимодействия [1, с. 121-125].

Несмотря на прогрессивный характер, Будапештская конвенция стала предметом острых дискуссий. Российская Федерация, изначально одобрив документ, впоследствии отказалась от его ратификации. Официальной причиной стало несогласие с положениями ст. 32, допускающей трансграничный доступ к компьютерным данным без санкции государства-участника, что, по мнению России, «может нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности» [1, с. 121]. Существуют и иные, неофициальные аргументы, такие как потеря актуальности некоторых составов и неприсоединение к Конвенции ряда «киберкриминогенных» стран.

В противовес Будапештской конвенции Россия выступила с инициативой разработки в рамках ООН всеобъемлющей Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности. Российский проект делает акцент на принципе неделимой безопасности и борьбе с использованием информационных технологий для «враждебных действий и актов агрессии», «подрыва политической, экономической и социальной систем» и «массированной психологической обработки населения» [3].

На основе анализа проблем и существующих правовых рамок можно выделить несколько ключевых направлений для повышения эффективности международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью.

Необходимо выработать универсальное, технологически нейтральное определение таких понятий, как «киберпреступление» и «компьютерные данные». Кушниренко критикует устаревшую терминологию российского Уголовного кодекса, связанную с понятием «ЭВМ», и предлагает использовать более широкий термин – «цифровая информация», определение которого можно заимствовать из Будапештской конвенции [1, с. 126-127]. Это позволит законодательству адаптироваться к быстрой смене технологий.

Уголовно-процессуальное законодательство многих стран, включая Россию, не в полной мере учитывает специфику работы с электронными доказательствами.

Помимо совершенствования правовой базы, значение имеет развитие оперативных каналов связи. Деятельность таких структур, как Интерпол и созданная в рамках Будапештской конвенции сеть, должна быть максимально интенсифицирована. Важно расширять практику совместных расследований и оперативно-розыскных мероприятий, а также проводить регулярные совместные учения и обмен лучшими практиками [4, с. 28].

Проблема противодействия киберпреступности носит глобальный и системный характер. Ее решение невозможно без тесного и доверительного международного сотрудничества правоохранительных органов. Как показывает анализ работы С.П. Кушниренко, существующая международно-правовая база, несмотря на наличие прогрессивных инструментов (таких как Будапештская конвенция), остается фрагментированной и подверженной политическим разногласиям, что наглядно демонстрирует позиция России.

Перспективы развития сотрудничества видятся в поиске компромиссов и формировании инклюзивной, универсальной правовой платформы под эгидой ООН, которая учитывала бы интересы всех государств. Параллельно с этим необходима постоянная работа по гармонизации национальных законодательств, внедрению специальных процессуальных норм для работы с цифровыми доказательствами и укреплению практических, оперативных механизмов взаимодействия. Только комплексный подход, сочетающий политическую волю, правовые инновации и практическое взаимодействие, позволит мировому сообществу адекватно ответить на вызовы цифровой эпохи.

Список литературы

1. Кушниренко С. П. Некоторые аспекты противодействия преступлениям, совершаемым в сфере высоких информационно-коммуникационных технологий / С. П. Кушниренко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2012. № 2. С. 113-129.

2. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS № 185) // СПС КонсультантПлюс. Заключена в Будапеште 23 ноября 2001 г.

3. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий // Официальный интернет-портал правовой информации. 28 сентября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/53417/ (дата обращения: 22.10.2025).

4. Талимончик В. П. Конвенции о киберпреступности и унификация законодательства / В. П. Талимончик // Информационное право. 2008. № 2. С. 27-30.

5. Осипенко А. Л. Сетевая компьютерная преступность. Теория и практика борьбы : Монография / А. Л. Осипенко. Омск : Омская академия МВД России, 2009. 480 с.

***Иванова П. Р.*[1],**
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат филологических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

С конца XIX века мировая преступность демонстрирует тенденцию к усилению своей международной составляющей. Этот процесс ускорился в последние десятилетия благодаря глобализации, стиранию государственных границ, расширению глобальных экономических связей и интенсивному обмену информацией. Преступные группы все чаще действуют за пределами одной страны, формируя транснациональные сети, которые генерируют огромные доходы, часто скрываемые в офшорных юрисдикциях. В результате преступность эволюционирует от локальных проявлений к глобальным угрозам, требующим коллективного ответа от международного сообщества.

В эпоху многополярного мира, где глобализация затрагивает все сферы жизни, совместные усилия государств в борьбе с преступностью становятся ключевым элементом обеспечения безопасности. Феномены вроде нелегальной миграции, глобального терроризма и незаконной торговли наркотиками затрагивают интересы каждого участника международных отношений, подчеркивая необходимость координации. Как отмечают эксперты, такие вызовы не могут быть решены в изоляции, поскольку они пересекают границы и влияют на стабильность глобального порядка [2].

Согласно российским научным подходам, международное сотрудничество в противодействии преступности представляет собой объединение усилий нескольких государств для нейтрализации уголовных угроз, чья общественная опасность выходит за рамки национальных границ. Более развернутое толкование подразумевает комплексное взаимодействие между странами, международными институтами и организациями, направленное на предотвращение, выявление, расследование и пресечение преступлений, а также на привлечение виновных к ответственности. Это включает меры по защите прав индивидов, общества, государств и всего мирового сообщества через разнообразные механизмы межгосударственного партнерства.

---

[1] © Иванова П. Р., 2025.

Данный вид сотрудничества обладает смешанным характером, поскольку интегрирует элементы международного и национального права, а также сочетает нормы международного, уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Оно возникает на стыке различных правовых традиций и отраслей, что делает его уникальным инструментом глобальной безопасности.

Объектом воздействия в рамках такого сотрудничества выступают преступные деяния и их последствия. Оно охватывает три основные группы правонарушений: международные преступления, уголовные преступления с международным элементом (так называемые конвенционные преступления) и транснациональные преступления. Каждая категория имеет свои особенности в плане юрисдикции, ответственности и механизмов противодействия.

Международные преступления – это наиболее тяжкие нарушения, угрожающие основам человеческой цивилизации и нормам международного права. К ним относятся геноцид, преступления против человечности, военные преступления и акты агрессии. Ответственность за них фиксируется в международных актах, а судебное преследование может осуществляться как национальными судами, так и специализированными международными трибуналами.

Формирование концепции международных преступлений уходит корнями в послевоенный период. Ключевыми документами стали уставы Нюрнбергского трибунала 1945 года и Токийского трибунала 1946 года, которые впервые систематизировали ответственность за преступления против мира и человечности. В последующие десятилетия список расширился благодаря уставам международного трибунала по бывшей Югославии (1993) и международного трибунала по Руанде (1994). Кульминацией этих усилий стало принятие Римского статута Международного уголовного суда (МУС) в 1998 году, который вступил в силу в 2002 году и на сегодняшний день ратифицирован более чем 120 странами [4].

МУС играет центральную роль в преследовании международных преступлений, дополняя национальные юрисдикции. Однако его деятельность вызывает споры: критики указывают на избирательность в выборе дел, часто фокусируясь на африканских лидерах, в то время как случаи в других регионах остаются без внимания.

Категория транснациональных преступлений включает деяния, предусмотренные международными соглашениями, которые подрывают нормальные межгосударственные отношения и наносят ущерб сотрудничеству в экономической, социальной, культурной и других сферах. Они затрагивают интересы государств, организаций и граждан, а ответственность за них определяется национальным правом на основе конвенций.

Примерами служат положения Европейской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года, конвенции об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года, международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 2000 года, конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермская конвенция) и конвенции ООН против коррупции 2003 года. Эти

документы обязывают государства гармонизировать свое законодательство и сотрудничать в расследованиях.

Классификация уголовных преступлений международного характера включает несколько групп:

1. Преступления против глобальной стабильности и безопасности: терроризм, захват заложников, пиратство, незаконный оборот ядерных материалов, оружия массового уничтожения, а также экологические преступления, такие как экоцид (массовое уничтожение экосистем) и биоцид (уничтожение биологического разнообразия). Например, сомалийское пиратство в 2000-х годах привело к созданию международных патрулей в Индийском океане.

2. Преступления, препятствующие развитию государств: фальшивомонетничество, отмывание денег, коррупция, контрабанда культурных ценностей и распространение детской порнографии. Коррупция, по данным Transparency International, ежегодно наносит глобальной экономике ущерб в триллионы долларов, подрывая доверие к институтам [5].

3. Преступления против общественного здоровья: прежде всего, незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ. Согласно отчету ООН за 2024 год, глобальный рынок наркотиков оценивается в 500 миллиардов долларов, с растущим влиянием синтетических опиоидов, таких как фентанил [1].

4. Преступления против прав и свобод человека: рабство, торговля людьми, сексуальная эксплуатация и другие формы бесчеловечного обращения. По оценкам Международной организации труда (МОТ), в 2023 году жертвами современной формы рабства стали около 50 миллионов человек.

В контексте России важно учитывать изменения в международных обязательствах. После прекращения членства в Совете Европы 16 марта 2022 года Федеральный закон № 43-ФЗ от 28 февраля 2023 года денонсировал ряд договоров, включая Устав Совета Европы 1949 года, Европейскую конвенцию о защите прав человека 1950 года и Европейскую конвенцию о пресечении терроризма 1977 года. Несмотря на то, что Российская Федерация перестала быть участником различных конвенций ООН, сохраняется взаимодействие России и ООН в сфере коррупции, документально закрепленное в конвенции ООН против коррупции 2003 года. Таким образом, Российская Федерация принимает активное участие в антикоррупционной деятельности на международном уровне.

Необходимо особое внимание уделить транснациональным преступлениям, которые на современном этапе развития общества занимают одну из лидирующих позиций в сфере правонарушений. Специфика подобных уголовных деяний заключается в том, что, по сути, они являются нарушениями, направленными против внутреннего правопорядка, но без коллаборации других стран, раскрытие данных преступлений не представляется возможным [3]. Международная помощь проявляется в сборе доказательств, конфискации имущества, уголовном преследовании правонарушителей. Согласно статистическим данным, связанным с экстрадицией преступников из России, более 90% преступлений охватывают нарушения правопорядка других стран, тогда как лишь менее 10% правонарушений относятся к преступлениям международного характера.

Особым удельным весом обладают киберпреступления, так как в современном мире территориальные границы при совершении подобных деяний стерты, и лишь международное сотрудничество может стать эффективным средством борьбы с данными видами преступлений.

Международное сотрудничество характеризуется несколькими фундаментальными признаками:

1. Субъекты участия: в процесс вовлечены как субъекты международного права (государства, организации вроде ООН, ЕС), так и национальные институты (полиция, суды, законодательные органы). В отдельных случаях физические лица, такие как свидетели, могут участвовать, предоставляя показания.

2. Формы реализации: аналогичны внутренним мерам, но адаптированы к глобальному контексту. К ним относятся криминализация деяний через унификацию законов, заключение договоров, создание судов (например, МУС) и организаций (Интерпол, Европол). Оказание правовой помощи включает экстрадицию, процессуальные действия, оперативные мероприятия и исполнение приговоров. Интерпол, основанный в 1923 году, функционирует как глобальный центр обмена информацией, без собственных агентов для арестов. Его базы данных охватывают украденные документы, биометрику и разыскиваемых лиц. Система "цветных уведомлений" включает красные (для ареста), желтые (пропавшие), синие (информация), черные (неопознанные тела), зеленые (опасные преступники), оранжевые (угрозы безопасности), пурпурные (методы преступлений) и серебряные (террористические угрозы, введены в 2022 году). Европол, в отличие от Интерпола, фокусируется на ЕС и имеет оперативные подразделения для координации расследований.

3. Правовое регулирование: обладает полисистемным характером, опираясь на международные нормы (договоры ООН) и национальное законодательство. Это создает сложную модель, требующую баланса между суверенитетом и коллективной безопасностью.

Несмотря на достижения, международное сотрудничество сталкивается с вызовами: геополитическими разногласиями, различиями в правовых системах и ростом киберугроз. Пандемия Ковид-19 и военные конфликты разных стран усилили транснациональную преступность, включая контрабанду вакцин и оружия.

Перспективы включают цифровизацию (ИИ для анализа данных), укрепление региональных альянсов (например, в БРИКС) и фокус на профилактике. Россия, развивая партнерства с Китаем и Индией, может внести вклад в новые механизмы, такие как совместные киберцентры.

Международное сотрудничество в противодействии преступности – это регулируемая нормами международного и национального права совместная работа субъектов для защиты индивидов, обществ и глобального сообщества от международных, конвенционных и транснациональных угроз. В условиях ускоряющейся глобализации его роль будет только возрастать, требуя инноваций и диалога для эффективного ответа на эволюционирующие вызовы.

Список литературы

1. Всемирный отчет по наркотикам. 2024. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/WDR_2024/languages/2412382R.pdf.

2. Волеводз А.Г. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М.: Юристъ, 2018.

3. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

4. Римский статут Международного уголовного суда. URL: https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf.

5. Corruption Perceptions Index. URL: https://www.google.ru/search?q=Transparency+International.+Corruption+Perceptions+Index%2C+2024.

Игнатенкова А. Ю.[1]***,***
командир отделения
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВОПРОСОВ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В настоящее время вопрос обеспечения экологической безопасности занимает одно из центральных мест в системе международных отношений, требует большого внимания, научного осмысления, а также четкого международно-правового регулирования. Окружающая среда представляет собой одно из центральных направлений нормального функционирования как отдельных государств, так и всего человечества в целом. Результаты негативного воздействия человека на природу имеют сильное разрушительное значение, которое проявляется со временем. В результате экологических кризисов многие государства начинают ощущать на себе их отрицательные последствия.

«Сегодня в мире происходит «тройной планетарный кризис», включающий в себя изменение климата, сокращение биологического разнообразия, а также загрязнение окружающей среды» [1, с. 194]. Глобальные экологические угрозы, такие как изменение климата, истощение природных ресурсов, утрата биологического разнообразия, загрязнение окружающей среды и трансграничное воздействие промышленных аварий, обусловили необходимость выработки согласованных международно-правовых механизмов охраны окружающей среды.

Экологические вызовы начали активно обсуждаться на международном уровне после 1970-х годов. Их усиление напрямую связано с индустриализацией и растущим воздействием человеческой деятельности на природные системы. Первоначально такие проблемы воспринимались как региональные (например, загрязнение в промышленных зонах). Однако к концу XX века стало очевидно, что бесконтрольное вмешательство в экосистемы Земли может привести к необратимым последствиям планетарного масштаба.

На исходе XX столетия, в условиях нарастающего кризиса глобальных экосистем, в международной повестке зарождается понятие экологической безопасности как обязательного компонента в системе международной безопасно-

[1] © Игнатенкова А. Ю., 2025.

сти. В 1987 году Резолюция Генеральной Ассамблеи Комитета по правам человека Организации Объединенных Наций (далее – ООН) о всеобъемлющей системе международного мира и безопасности провозгласила экологическое сотрудничество обязательным компонентом архитектуры глобальной безопасности. Это ознаменовало принципиальный сдвиг, в рамках которого экологические угрозы были приравнены к традиционным вызовам международной стабильности [2].

Множество экологических проблем в мире подтверждают актуальность исследуемой темы. Так, по словам Генерального секретаря ООН Антониу Гутерриша, климатические катастрофы наносят ущерб здоровью населения, усиливают неравенство и препятствуют устойчивому развитию. Полномасштабные бедствия еще не начались, но некоторые результаты глобального потепления уже очевидны. Например, на американском континенте в 2024 году бушевали масштабные лесные пожары. В Северной их спровоцировали беспрецедентные объемы выбросов в атмосферу, а в Южной – засуха. Другой пример – из-за потепления во всем мире около 1 млн видов животных, грибов и растений могут исчезнуть в течение ближайших нескольких десятилетий, а от биоразнообразия зависит более половины мирового ВВП.

Отметим, что ООН трактует закрепленное в Международном пакте о гражданских и политических правах право на жизнь как обязанность государств-участников принимать конкретные и эффективные меры по его обеспечению и реализации [3]. В их число входят, в частности, действия, направленные на максимально возможное снижение уровня детской смертности и увеличение продолжительности жизни населения. Подобные меры тесно связаны с улучшением качества окружающей среды и уменьшением вредного влияния неблагоприятных природных факторов на человека. В дальнейшем, анализируя представляемые государствами доклады о выполнении Пакта, Комитет ООН по правам человека пришел к выводу о наличии экологической составляющей права на жизнь.

Сегодняшние угрозы, такие как изменение климата или загрязнение океанов, в свою очередь выходят за национальные границы, требуя слаженной работы правительств, международных организаций и гражданских институтов. Так, согласно докладу ООН от ноября 2023 года, если тенденции потепления не изменятся, то температура в уже этом столетии может повыситься на 2,5-2,9 градуса. Это выше показателя в 2 градуса, зафиксированного Парижским соглашением о климате в 2015 году, что нанесет ущерб многим жизненно важным факторам.

На примере регулирования рассматриваемых вопросов, приведем одну из реакций на глобальные экологические угрозы, а именно Рио-де-Жанейрский саммит 1992 года, где 154 страны подписали Рамочную конвенцию ООН об изменении климата (далее – РКИК). Основная цель РКИК – стабилизация концентрации парниковых газов в атмосфере на уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. Документ закрепил принцип солидарности: промышленно развитые государства обяза-

лись поддерживать развивающиеся в экологических инициативах. Однако отсутствие конкретных квот на выбросы потребовало принятия в 1997 году Киотского протокола. Согласно ему, в период 2008–2012 гг. развитые страны должны были сократить эмиссию шести парниковых газов на 5,2% относительно 1990 года.

Концепция природоохранной безопасности акцентирует внимание на ключевой задаче среди множества экологических проблем: предотвращение глобальной экологической катастрофы как фундаментальное требование для продолжения существования человеческой цивилизации. Данная концепция формирует неразрывную взаимозависимость природоохранной деятельности и глобальной стабильности. Указанная взаимообусловленность была официально закреплена в решениях 41-го и 42-го Генеральной Ассамблеи ООН. Одновременно с этим, сохранение и совершенствование природной среды, эффективное управление естественными богатствами неразрывно связываются с гарантированием различных измерений глобальной стабильности, включая процессы демилитаризации, особенно в атомной сфере.

Правовая сущность концепции природоохранной безопасности заключается в императиве для стран организовывать собственную хозяйственную практику способом, исключающим нарастание экологического давления на локальном, межрегиональном, государственном, и мировом уровнях для гарантирования ее устойчивости. Глобальная природоохранная стабильность характеризуется таким форматом межгосударственного взаимодействия, который гарантирует сбережение, эффективную эксплуатацию, восстановление и улучшение природных ресурсов.

Современный международно-правовой режим, нацеленный на охрану глобальной экосистемы от антропогенного ущерба, демонстрирует значительный предметный охват. Тем не менее, динамика правотворчества – как на наднациональном, так и на внутригосударственном уровне – не успевает за вызовами, порождаемыми стремительной эволюцией технологий и масштабом их влияния на природу. Ключевая проблема нормотворчества в сфере экологической безопасности заключается в парадоксальности его объекта: количественная оценка ущерба и, что важнее, идентификация ответственного субъекта для применения санкций сопряжены со значительными трудностями [4, с. 219].

Постоянное развитие и обновление международно-правовых источников экологического права имеет особое значение, в том числе в части регулирования использования общих и уникальных природных ресурсов, отдельных территорий и объектов, а также обеспечения сохранения биологического разнообразия Земли. Действующие межгосударственные институты защиты прав человека сохраняют значимость и для Российской Федерации в контексте ее участия в мировом сообществе.

Проблематика обеспечения экологических прав человека в международном праве осложняется тем, что они не получили целостного отражения в едином специализированном нормативном документе. Однако, несмотря на отсутствие такой системной кодификации, в рамках международного сообщества сложи-

лось общее понимание и признание четырех базовых групп этих прав. К ним относят: право человека на благоприятную окружающую среду, право на получение сведений о состоянии этой среды, право на участие общества в процессе принятия решений, затрагивающих экологические вопросы, а также право на обращение за судебной защитой по соответствующим экологическим спорам [5, с. 20].

В связи с вышеизложенным отметим, что актуальным остается вопрос международно-правового режима экологической безопасности, который хотя и считается частью права международной безопасности, однако в свою очередь формируется на стыке с международными правами человека и международным экологическим правом. Его комплексная природа требует целенаправленного правового развития, итогом которого должен стать универсальная международный договор. Принятие этого документа станет завершающим этапом формирования права экологической безопасности. Данная мера позволила бы преодолеть существующие противоречия в понимании и практической реализации экологической безопасности, поскольку именно универсальный кодифицированный акт является необходимым условием для слаженной работы всего механизма международной охраны окружающей среды. Режим международной экологической безопасности обладает смешанной природой, интегрируя нормы из смежных отраслей: экологического права, международных прав человека и права международной безопасности. Ввиду глобального масштаба экологических угроз, они подлежат включению в сферу регулирования права международной безопасности с закреплением данного направления в качестве одного из ключевых приоритетов ООН. В качестве основополагающего принципа данного режима возможно признание поддержания такого состояния окружающей среды, которое гарантирует необходимые стандарты качества жизни, охрану здоровья населения и служит достижению целей устойчивого развития.

Таким образом, международно-правовое регулирование вопросов экологической безопасности представляет собой сложную и динамично развивающуюся систему, основанную на взаимодействии универсальных механизмов, обязательных и рекомендательных норм, а также на принципах устойчивого развития, солидарности и ответственности государств. Эффективное обеспечение экологической безопасности возможно лишь при условии реального выполнения международных обязательств, усиления правовых механизмов контроля, развития экологического образования и осознания человечеством своей коллективной ответственности перед будущими поколениями. В этом смысле международное право не только отражает уровень правовой цивилизованности современного мира, но и формирует основы его экологического будущего.

Список литературы

1. Солнцев, А. М. 6.4. Права человека и достижение целей устойчивого развития в целях экологической безопасности / А. М. Солнцев // От прошлого к будущему: права человека в современном мире : Коллективная монография. –

Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2025. – С. 194-205.

2. Резолюция 42/93 Генеральной Ассамблеи ООН от 7 декабря 1987г. Doc. A/42PV.93. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/ga/42/docs/42res.shtml.

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/ documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

4. Кукушкина А.В. Международно-правовые аспекты экологической безопасности на современном этапе // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. №450.

5. Защита экологических прав человека // Учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : РУДН, 2021. – 516 с.

Измайлова В. Э.[1]**,**
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Сенченко Е. А.,
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СВЯЗИ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ И ТЕРРОРИЗМА

Современное общество функционирует в условиях масштабной цифровизации, где информационные технологии становятся ключевым элементом профессиональной и личной деятельности. Активное использование сетевых сервисов обеспечивает удобство, оперативность взаимодействия и доступ к широкому спектру ресурсов, однако одновременно создает повышенные риски для безопасности пользователей и целостности информационных систем.

Актуальность темы определяется быстро меняющейся ситуацией методов киберпреступности. Ежегодная статистика свидетельствует о значительной взаимосвязи между киберпреступниками и террористами. Настоятельную необходимость расширения международного сотрудничества, совершенствования правовой базы, создание эффективных органов по противодействию угрозам, формирование механизмов предотвращения подобных кибератак.

Целью данной работы является исследование и обоснование необходимого вмешательства в сфере развивающейся связи киберпреступности и терроризма.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- выявить ключевые тенденции в использовании цифровых технологий (криптовалюты, даркнет, социальные сети);
- проанализировать эффективность существующих механизмов взаимодействия между государствами и правоохранительными органами в борьбе с киберпреступностью и терроризмом;
- разработать рекомендации по адаптации международных стратегий к динамично меняющимся угрозам.

Работа сформирована из введения, основной части, заключения и списка литературы.

За последние десятилетия мы стали свидетелями тревожной эскалации взаимосвязи киберпреступности и терроризма. Такое размывание границ

[1] © Измайлова В. Э., 2025.

создает серьезные проблемы для национальных и международных систем безопасности, требуя комплексного анализа для разработки эффективных мер противодействия и стратегического распределения ресурсов. Необходимость укрепления международного сотрудничества и создания комплексных систем управления необходимы для укрепления киберзащиты и повышения устойчивости к быстро растущим угрозам, исходящим от связи преступности и терроризма в киберпространстве. Правоохранительные органы, разбираясь в сложностях этого явления, стремятся разработать более целенаправленные меры политики, способные помешать распространению хакерских технологий, каналов финансирования и пропаганды среди различных злоумышленников, сочетающих преступные и экстремистские мотивы. В таких условиях возрастает актуальность вопросов обеспечения информационной безопасности.

Особое место занимает социальная инженерия. Названный тип угроз направлен не на техническую инфраструктуру, а на психологические особенности поведения пользователей. Сущность таких атак заключается в манипулировании доверием с целью побуждения жертвы к выполнению действий, угрожающих безопасности.

Анализ выявляет значительную конвергенцию в методах и тактике киберпреступников и террористов, отражающую эволюцию киберугроз. Обе группы, как было замечено, используют широкий спектр средств, включая фишинговые кампании, сетевые вторжения, доксинг, вредоносные атаки в даркнете. Платформы социальных сетей и приложения для обмена зашифрованными сообщениями превратились в динамичные арены, на которых киберпреступники, террористы беспрепятственно обмениваются приемами, занимаются распространением пропаганды, вербовкой и подстрекают к насилию. По мере того, как киберугрозы продолжают эволюционировать, понимание и учет конвергенции методов и тактик киберпреступников и террористов приобретают решающее значение для разработки мер кибербезопасности и стратегических ответных мер.

Угрозу также представляют целенаправленные атаки, осуществляемые с применением так называемых APT-методик (Advanced Persistent Threat). Эти операции отличаются высоким уровнем подготовки, длительностью скрытого присутствия и масштабностью последствий. Злоумышленники, обладающие достаточными ресурсами и техническими навыками, могут внедриться в критически важные сегменты инфраструктуры, оставаясь незамеченными в течение продолжительного периода. Целями таких атак становятся государственные органы, оборонные предприятия, энергетические компании и другие структуры стратегического значения. APT-группировки нередко поддерживаются национальными государствами, что придает их действиям особую политическую окраску. Сбои в работе критически важной инфраструктуры, таких как электросети, транспортные системы и учреждения здравоохранения, могут угрожать общественной, национальной и экономической безопасностям.

Организация Объединенных наций и Интерпол играют ключевую роль в борьбе с киберпреступностью, содействуя международному сотрудничеству между своими странами-членами. Организации поддерживает расследования киберпреступлений, разрабатывает инновационные технологии, помогает странам использовать цифровые доказательства, проводит учебные занятия и предоставляет оперативную разведывательную информацию для предотвращения и противодействия киберугрозам.

Искусственный интеллект и машинное обучение стали мощными инструментами для улучшения сбора разведывательной информации, выявления закономерностей и реагирования в борьбе со сложными угрозами, создаваемыми связями киберпреступности и терроризма. Методы сетевого анализа и визуализации данных на данной основе позволяют выявлять скрытые связи, коммуникации и финансовые транзакции. Эти данные могут помочь правоохранительным органам и разведывательным службам выявлять сети и отношения между преступниками. Рост популярности криптовалютных бирж создали новые потенциальные формы для атак злоумышленников. Политики и правоохранительные органы должны тесно сотрудничать с криптовалютной индустрией, научным сообществом и международными партнерами для разработки и внедрения нормативно-правовой базы, инструментов мониторинга и методов расследования. Это может включать такие меры, как ужесточение требований к проверке клиентов на криптовалютных биржах, разработку передовых инструментов аналитики блокчейнов и создание механизмов международного сотрудничества для обмена информацией и координации действий по борьбе с трансграничными преступлениями.

Крайне важно усилить превентивные меры, поскольку киберугрозы необходимо устранять до их реализации. Улучшение международного сотрудничества между правоохранительными органами и службами безопасности может позволить быстрее реагировать на глобальные угрозы.

Кроме того, при возникновении кибератак решающее значение имеют стратегии смягчения последствий и контроля ущерба. Улучшенное взаимодействие между государственными и частными организациями, наряду с усовершенствованными механизмами отчетности, может способствовать более быстрому и эффективному реагированию на киберугрозы. Для повышения готовности необходимы четкие протоколы управления кризисами, защищенные системы резервного копирования данных, учения по реагированию на чрезвычайные ситуации и международные координационные механизмы. Извлечение уроков из прошлых киберинцидентов посредством систематической оценки последствий атак может дополнительно укрепить будущую защиту.

Таким образом, современный перечень киберугроз является неисчерпывающим и представляет собой сложную и динамично изменяющуюся совокупность рисков, затрагивающих как физических лиц, так и государственные, корпоративные и международные структуры. В условиях нарастающей зависимости от цифровых систем ключевую роль играет своевременное выявление, оценка и нейтрализация угроз, а также разработка

адаптивных стратегий киберзащиты, соответствующих уровню технологического развития потенциальных противников.

Современный перечень киберугроз является неисчерпывающим и представляет собой сложную и динамично изменяющуюся совокупность рисков, затрагивающих как физических лиц, так и государственные, корпоративные и международные структуры. В условиях нарастающей зависимости от цифровых систем ключевую роль играет своевременное выявление, оценка и нейтрализация угроз, а также разработка адаптивных стратегий киберзащиты, соответствующих уровню технологического развития потенциальных противников. Следует отметить, что комплексный подход, объединяющий профилактику смягчения последствий и обеспечение устойчивости, является ключом к противодействию растущей связи между киберпреступностью и терроризмом. Чем больше организаций, органов, направленных на поддержание безопасности внутри государства, будут применять скоординированные и стратегические меры реагирования, тем лучше они будут подготовлены к ограничению последствий кибератак и укреплению цифровой безопасности.

Программные средства защиты представляют собой многоуровневую и взаимосвязанную структуру, предназначенную для обеспечения устойчивости информационной системы к внешним и внутренним угрозам. Эффективность их применения зависит от корректной настройки, регулярного обновления, интеграции в существующую инфраструктуру и постоянного анализа возникающих рисков. Построение полноценной архитектуры защиты требует не только наличия технических решений, но и высокого уровня организационной зрелости, позволяющей адаптировать механизмы реагирования к быстро меняющейся обстановке в сфере кибербезопасности.

Список литературы

1. Farber, S. The evolving nexus of cybercrime and terrorism: A systematic review of convergence and policy implications. *Secur J* 38, 29 (2025). https://doi.org/10.1057/s41284-025-00471-7.

2. Багоян Е. Г. Информационная безопасность и применение технологии блокчейн: зарубежный опыт и необходимость правового регулирования в Российской Федерации // Юрист. 2019. № 3. С. 42. DOI: 10.18572/1812-3929-2019-3-42-49 (www.doi.org).

3. Организация Объединенных Наций. (2000). Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протоколы к ней. https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-e.pdf.

4. Йылмаз, Й. (Изд.). (2017). Киберкриминология: изучение интернет-преступлений и преступного поведения. Пресса CRC.

***Казакова А. Р.*[1],**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Серебрякова О. М.*,**
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

ПРИНЦИПЫ УКРЕПЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНФОРМАЦИИ, СВЯЗАННОЙ С ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ. ОБМЕН ИНФОРМАЦИЕЙ В ЦЕЛЯХ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

В современном глобализированном мире предотвращение, выявление, расследование и судебное преследование коррупционных преступлений должны соответствовать меняющемуся характеру трансграничной преступности. Правоохранительные органы (ПО) играют важнейшую роль в борьбе с коррупцией. ПО наделены особыми полномочиями, которые могут быть ограничены рамками юрисдикции. Это требует межведомственного сотрудничества, а также международного сотрудничества и обмена информацией между ведомствами и странами в рамках механизмов сотрудничества. Такое сотрудничество имеет решающее значение для своевременных и эффективных действий по предотвращению, выявлению и расследованию коррупционных преступлений, а также для привлечения виновных к ответственности и возврата доходов, полученных преступным путем.

Статья 48 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (КПК ООН) о сотрудничестве правоохранительных органов требует от государств-участников тесного сотрудничества друг с другом в соответствии с их национальными правовыми и административными системами в целях повышения эффективности правоохранительных мер по борьбе с преступлениями, подпадающими под действие Конвенции. Кроме того, различные многосторонние конвенции, такие как Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (КТОП ООН), Конвенция о борьбе с подкупом иностранных государственных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих операций 1997 года (ОЭСР Конвенция о борьбе со взяточничеством) и Мексиканская конвенция Аль-Мукаррама государств-членов, Государства - члены Организации исламского сотрудничества о правоприменительной практике в области борьбы с коррупцией Сотруд-

[1] © Казакова А. Р., 2025.

ничество (2023 год); и региональные конвенции, такие как Арабская конвенция о борьбе с коррупцией, Конвенция 2010 года, Межамериканская конвенция против коррупции 1996 года, Африканский союз, Конвенция ООН против коррупции 2003 года и другие применимые документы также содержат положения о международном сотрудничестве и обмене информацией в целях усиления борьбы с коррупцией.

Международное сотрудничество между правоохранительными органами, включая обмен информацией, которая может быть использована в качестве доказательств по делам о коррупции, обычно основывается на двусторонних договорах о взаимной правовой помощи (ВПП), многосторонних конвенциях, соглашениях и договоренностях. Предпринимаются постоянные усилия по повышению эффективности существующих механизмов за счет изучения способов и принятия мер по укреплению сотрудничества между правоохранительными органами в целях более эффективного предотвращения, выявления, расследования и судебного преследования за коррупцию [3].

В Плане действий по борьбе с коррупцией на 2022–2024 годы страны «Большой двадцатки» договорились созывать технических экспертов и представителей соответствующих многосторонних форумов и сетей для обмена передовым опытом в области законодательства, трансграничного обмена информацией и операционных процедур, чтобы страны могли активнее участвовать в международном сотрудничестве и искать пути повышения цифровизации и функциональной совместимости этих процессов.

Основываясь на предыдущей работе Рабочей группы «Большой двадцатки» по борьбе с коррупцией, мы сформулировали эти принципы высокого уровня, чтобы подчеркнуть приверженность стран укреплению сотрудничества между правоохранительными органами, в том числе посредством эффективного обмена информацией, в соответствии с основополагающими принципами национальных законодательств, правовых систем и права и без ущерба для них.

Принцип 1. Создание или поддержание эффективных механизмов, обеспечивающих международное сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с коррупцией.

Необходимо создать надежную правовую и институциональную базу для обеспечения и содействия международному сотрудничеству правоохранительных органов в борьбе с коррупцией. Механизмы сотрудничества между правоохранительными органами разных юрисдикций должны быть созданы, поддерживаться и/или укрепляться, в зависимости от ситуации. Страны «Большой двадцатки» могут реализовать этот принцип следующим образом:

- Принятие мер, в том числе законодательных, если это необходимо, для обеспечения возможности сотрудничества между правоохранительными органами;

- Разработка механизмов для улучшения координации между правоохранительными органами и другими соответствующими органами для обеспечения своевременного и эффективного международного сотрудничества по вопросам борьбы с коррупцией;

- Рассмотрение возможности разработки типовых соглашений или механизмов для правоохранительных органов, которые позволят им эффективно обмениваться информацией между собой по мере необходимости и целесообразности через согласованные каналы связи.

Учитывая отсутствие соглашения о прямом сотрудничестве, использование Конвенции ООН против коррупции в качестве основы для взаимного сотрудничества правоохранительных органов в делах о коррупции. Например, статьи 46 (Взаимная правовая помощь), 48 (Сотрудничество правоохранительных органов), 56 (Специальное сотрудничество) Конвенции ООН против коррупции и статья 9 (Взаимная правовая помощь) Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок.

- Принятие мер, обеспечивающих возможность проведения совместных и/или параллельных расследований3 в соответствии с основополагающими принципами внутреннего законодательства, правовых систем и права.

Принцип 2. Использование каналов сотрудничества между соответствующими органами для оказания помощи в борьбе с коррупцией.

Сотрудничество между соответствующими органами, включая LEAs и финансовую разведку подразделения различных юрисдикций могут способствовать принятию более эффективных и целенаправленных мер в отношении физических и юридических лиц, подозреваемых в причастности к коррупции. В частности, консультации и поддержка до получения ОМС могут привести к более четко сформулированным, целенаправленным и хорошо подкрепленным запросам на получение ОМС, которые могут быть эффективно выполнены запрашиваемой страной. Кроме того, в ситуациях, когда запрос на MLA не требуется, соответствующим органам может быть полезно использовать другие подходящие формы поддержки, где это возможно и уместно[2].

Страны «Большой двадцатки» в соответствии с основополагающими принципами национальных законодательств, правовых систем и права могут реализовать этот принцип, в частности, следующим образом:

- Содействие в выявлении, отслеживании и, при необходимости, получении доступа к общедоступной информации о лицах, представляющих интерес, в том числе о юридических лицах, а также о доходах, полученных преступным путем, в ходе расследования случаев коррупции. Такая общедоступная информация может включать сведения о личности, местонахождении и деятельности лиц, подозреваемых в причастности к коррупции;

- Сбор информации, в том числе посредством сотрудничества с подразделениями финансовой разведки (ПФР), о наличии банковских счетов и других финансовых активов, принадлежащих лицам, представляющим интерес для расследования, в том числе юридическим лицам, в связи с коррупцией.

- Активно запрашивать информацию и при необходимости, взаимодействовать с соответствующими иностранными органами в отношении формата, формулировок и дополнительных требований внутреннего законодательства до по-

дачи запроса о международном сотрудничестве, если требуется срочная помощь в вопросах ареста активов в рамках расследования, связанного с коррупцией.

Принцип 3. Повышение способности правоохранительных органов сотрудничать со своими коллегами в других государствах, в том числе в реагировании на вызовы, связанные с новыми технологиями.

Для обеспечения эффективного международного сотрудничества в борьбе с коррупцией необходимы достаточные ресурсы и возможности. Государствам следует обмениваться опытом и экспертными знаниями, чтобы наращивать потенциал для расширения сотрудничества со своими партнерами. Такое сотрудничество также необходимо для лучшего понимания и решения новых проблем.

Страны «Большой двадцатки» могут реализовать этот принцип путем:

- Выделение достаточных человеческих, финансовых, материальных и технологических ресурсов, в зависимости от ситуации, для обеспечения эффективного сотрудничества в рамках процессов, предшествующих принятию pre-MLA и MLA.

- Организация регулярных программ обучения для сотрудников правоохранительных органов с целью повышения их институционального и оперативного потенциала при рассмотрении вопросов, связанных с трансграничной коррупцией, в зависимости от ситуации.

- Рассмотрение возможности предоставления технической помощи и поддержки в наращивании потенциала для достижения этой цели другим государствам по их запросу, в зависимости от наличия ресурсов.

- Внедрение практик, направленных на укрепление отношений и повышение уровня доверия между соответствующими органами в разных государствах, таких как содействие регулярному взаимодействию6 между специалистами, участвующими в расследованиях случаев коррупции, в том числе путем заключения соглашений и программ сотрудничества между правоохранительными органами и их коллегами.

Принцип 4. Усиление спонтанного обмена информацией в борьбе с коррупцией [1].

Активная коммуникация важна для проведения своевременных расследований и обеспечения возможности судебного преследования. В целях содействия оказанию взаимной правовой помощи в соответствии со ст. 46 Конвенции ООН против пыток, государства-участники могут передавать информацию без предварительного запроса, если государства считают, что такая информация могла бы помочь в проведении или успешном завершении расследований и процессуальных действий, связанных с коррупцией. Без ущерба для внутреннего законодательства страны «Большой двадцатки» должны рассмотреть возможность использования этих положений в рамках Конвенции ООН против коррупции и аналогичных положений в других соглашениях для добровольного обмена информацией с компетентным органом другого государства.

Страны «Большой двадцатки» могут реализовать этот принцип следующим образом:

- Повышение осведомленности местных правоохранительных органов о важности добровольного обмена информацией, а также о положениях договоров, обеспечивающих такую возможность, и о шагах, которые могут быть предприняты для содействия добровольному обмену информацией с зарубежными коллегами, в зависимости от ситуации.

- Рассмотрение возможности добровольной передачи информации без предварительного запроса, когда это уместно и не противоречит внутреннему законодательству и не ставит под угрозу текущие расследования, если есть основания полагать, что такая информация может помочь правоохранительным органам соответствующих юрисдикций в проведении или успешном завершении расследований и судебных разбирательств, связанных с коррупцией.

- Обмен передовым опытом и примерами из практики с другими странами с соблюдением конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни, когда спонтанный обмен информацией способствует проведению расследований, судебных преследований и связанных с ними разбирательств в отношении коррупции.

Необходимо отметить критическую важность международного сотрудничества и обмена информацией между правоохранительными органами для эффективной борьбы с трансграничной коррупцией в условиях глобализированного мира. Из-за юрисдикционных ограничений национальных органов такое взаимодействие является ключевым для предотвращения, выявления и расследования коррупционных преступлений, привлечения виновных к ответственности и возврата незаконно полученных доходов.

Международное сотрудничество осуществляется через двусторонние договоры о взаимной правовой помощи и соглашения. При этом постоянно предпринимаются усилия по повышению их эффективности борьбы с коррупционными преступлениями. Особое внимание уделяется роли стран «Большой двадцатки» (G20), которые в своем плане действий по борьбе с коррупцией договорились обмениваться передовым опытом, развивать цифровизацию и функциональную совместимость процессов.

Список литературы

1. G8 Action Plan Principles to Prevent the Misuse of Companies and Legal Arrangements. URL: www.gov.uk/government/publications/g8-action-plan-principles-to-prevent-the-misuse-of-companies-and-legal-arrangements/g8-action-plan-principles-to-prevent-the-misuse-of-companies-and-legal-arrangements

2. FATF and Asia-Pacific Group on Money Laundering (AGP). '7. Legal persons and arrangements', in Anti-Money Laundering and Countering Terrorism Financing Measures – Australia. 2015. URL: www.fatfgafi.org/media/fatf/documents/reports/mer4/7-Legal-Persons-and-Arrangements-Mutual-Evaluation-Australia-2015.pdf

3. Vermeulen, E., Beneficial Ownership and Control: A Comparative Study – Disclosure, Information and Enforcement. 2013. URL: www.oecd-ilibrary.org/governance/beneficial-ownership-and-control_5k4dkhwckbzv-en?crawler=true.

Каминина Д. В.[1]***,***
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Парфененко Е. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат филологических наук

ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ АМЕРИКИ О ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

В настоящее время совершаются преступления, которые распространяются на территорию многих стран. Такие преступления требуют взаимодействия между этими странами. С целью сотрудничества по уголовно-правовым вопросам были подписаны договоры и соглашения между рядом стран. Например, Договор Российской Федерации о правовой помощи по гражданским и уголовным делам с Китаем от 19.06.92 г., Договор Российской Федерации о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам с Киргизией от 14.09.92 г., Договор Российской Федерации о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам с Эстонией от 26.01.93 г., Конвенция (СНГ) о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.93 г. [1]. Одним из таких договоров стал Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам.

Договор был подписан в Москве 19 июня 1999 года и вступил в силу 31 января 2002 года. С момента вступления в силу этого договора Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о сотрудничестве по уголовно-правовым вопросам прекратило свое действие [2, с. 10]. Данный договор содержит многие положения, содержащиеся в других двусторонних договорах между США и рядом стран, а также между РФ и рядом стран.

Согласно договору, объем правового сотрудничества включает:

1) получение показаний и заявлений;
2) предоставление документов, материалов и других предметов;
3) вручение документов;
4) установление местонахождения и идентификацию лиц и предметов;
5) исполнение запросов о проведении обысков и выемок;

[1] © Каминина Д. В., 2025.

6) передачу лиц, содержащихся под стражей, для дачи показаний или для других целей, предусмотренных настоящим Договором;

7) установление местонахождения и арест имущества с целью его конфискации, возмещения ущерба и взимания штрафов;

8) любую иную правовую помощь, не запрещенную законами запрашиваемой Стороны.

Для реализации приведенных положений Договора привлекаются правоохранительные органы стран-участниц, в рамках договора называемые Центральными органами. Для Российской федерации Центральным органом стала Генеральная прокуратура Российской Федерации или лица, назначенные Генеральным прокурором. Для Соединенных Штатов таким органом является Министр юстиции или назначенные им лица. Также в Договоре указано, что Центральные органы должны прямо и непосредственно сотрудничать, и взаимодействовать между собой для облегчения выполнения этого Договора [3].

Несмотря на то, что Договор был подписан более четверти века назад, достаточно проблематично найти случаи взаимодействия правоохранительных органов стран-участниц согласно положением данного документа. Однако многие дела потребовали правового взаимодействия. «Так, 3 декабря в международном аэропорту Шереметьево передан правоохранительным органам России Лисицкий Станислав Эдуардович, обвиняемый в умышленном уничтожении чужого имущества путем поджога и покушении на убийство двух лиц, в связи с осуществлением лицом служебной деятельности, совершенном организованной группой» [4] - сообщает начальник Главного управления международно-правового сотрудничества Петр Городов в интервью РИА Новости, рассказывая о деле о депортации в 2020 году.

Сложности в реализации положений настоящего Договора возникают в связи с тем, что рассмотрение запросов по правовому сотрудничеству может затягиваться на годы. Кроме того, «компетентные органы США отказывают Российской Федерации в выдаче лиц, ссылаясь на отсутствие двустороннего договора, и не рассматривают в качестве правового основания для разрешения таких вопросов другие международные механизмы, например, положения многосторонних конвенций ООН против транснациональной организованной преступности, коррупции и другие, как и принцип взаимности» [4].

Упомянутые сложности делают реализацию Договора почти невозможной и требуют разрешения для осуществления двустороннего сотрудничества в полной мере.

Список литературы

1. Список действующих Договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов, 30 мая 1995 URL: https://docs.cntd.ru/document/9015808

2. Treaty with Russia on mutual legal assistance in criminal matters, 106th Congress, 2000 URL: https://www.congress.gov/106/cdoc/tdoc22/CDOC-106tdoc22.pdf

2. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам, МИД РФ URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/46880/

3. Интервью начальника Главного управления международно-правового сотрудничества Петра Городова информационному агентству РИА Новости, Генеральная прокуратура РФ, 12 янв 2021 URL:https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=58085835&ysclid=mgdx2zsf4r518852631

***Катков А. А.*[1],**
начальник отдела рассмотрения
вопросов гражданства
Управления по вопросам миграции
ГУ МВД России по г. Москве,
адъюнкт Академии управления МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАССМОТРЕНИЯ ЗАЯВЛЕНИЙ О ПРИЕМЕ В ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В России в апреле 2023 года принят новый федеральный закон (далее – ФЗ), регулирующий правоотношения в сфере гражданства Российской Федерации (далее – РФ), в том числе определившего основания, условия и порядок приобретения и прекращения гражданства РФ [3]. В связи с этим сразу стали возникать актуальные проблемы, связанные с толкованием и применением отдельных норм данного ФЗ.

Столица нашей родины г. Москва стала особо привлекательной для иностранных граждан в плане подачи заявлений о приеме в гражданство России. Это обусловлено тем, что в нашей столице наиболее высокий уровень жизни, предлагаемые хорошие зарплаты и доступность получения указанной государственной функции в Многофункциональном миграционном центре г. Москвы. Поэтому за 8 месяцев 2025 года в российское гражданство в г. Москве было принято 9266 человек. Наиболее часто обращаются граждане из следующих стран: Украина – 2159 человек; Таджикистан – 2112 человек; Беларусь – 734 человека; Молдова – 712 человек; Киргизия – 396 человека; Азербайджан – 317 человек; Армения – 303 человека; Узбекистан - 288 человек. В связи с этим по каждому заявлению проводятся проверки: 1) по всем имеющимся учетам на наличие судимости и компрометирующих материалов; 2) по основаниям приобретения гражданства родственниками; 3) подлинности представленных документов. Также обязательно согласование заявления претендента на гражданство с органами безопасности.

В своей работе Редкоус В.М. писал, что не все иностранные граждане, используя предоставленные права, добросовестно выполняют установленные для них обязанности при получении гражданства РФ. Поэтому государство начинает применять в отношении отдельных категорий иностранных граждан, меры государственного принуждения. Для этого могут использоваться также различные механизмы координации и воздействия в области диаспоры, миграции и развития, используя при этом опыт государств – участников СНГ. Редкоус В.М. приводит перечень задач, поставленных перед органами внутренних дел на расширенном заседании Коллегии МВД России 5 марта 2025 года, озвученных Президентом РФ и Министром внутренних дел РФ. Представленные задачи требуют повышенного внимания к правовому обеспечению всех направлений миграционной деятельности, что позволит в

[1] © Катков А. А., 2025.

полной мере обеспечить безопасность общества и граждан, сберечь культурную идентичность. В тоже время недостаток правовых средств решения проблем в области миграции – достаточно старая и обсуждаемая проблема [1]. Как указывал в своей работе Николаев А.Г., в современных условиях реализации государственного управления в публичной сфере деятельности российского государства преобладающими способами обеспечения действия права всегда становятся методы государственного принуждения [2].

Данные методы государственного принуждения применяются в случае нарушения действующего российского законодательства. Один из таких применяемых управленческих методов правового воздействия - это прекращение гражданства РФ. Так с начала действия нового ФЗ в г. Москве гражданство было прекращено: а) 90 - натурализованным гражданам, осужденным за совершение преступлений, в основном за совершение преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков; б) 7 - натурализованным гражданам по заключению ФСБ России; 8 - натурализованным гражданам за неисполнение обязанности по первичной постановке на воинский учет.

Частым основанием подачи заявлений о приеме в гражданство является основание по родственникам - гражданам РФ, по мотиву воссоединения с семьей (ч. 2, ч. 5 ст. 16 Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ) [3].

К примеру, за 8 месяцев 2025 года по этим основаниям принято 3 897 решений из 9 266, то есть более трети. Однако из них 43% заявлений подается иностранными гражданами, зарегистрированными в г. Москве, по своим родственникам, зарегистрированным на территории других субъектов Федерации. Указанное противоречит смыслу закона и понятию «воссоединение с семьей». Зачастую иностранные граждане по адресам регистрации и по виду на жительство в городе Москве не проживают. Родственники - граждане РФ, на основании которых они ходатайствуют о приобретении гражданства, зарегистрированные в других регионах, по адресам регистрации также не проживают. Согласно информации Миграционной службы 50 процентов принятых в гражданство граждан Таджикистана уезжают на свою родину и в России не живут, а только пользуются российскими льготами и получают социальные выплаты. Таким образом, целью таких иностранных граждан является только приобретение гражданства в Москве, а не реальное проживание и дальнейшая работа на благо города. Складывающаяся ситуация требует более внимательного подхода к проведению всесторонней проверки как заявителя, так и его родственников - граждан РФ.

В связи с этим разработан алгоритм взаимодействия подразделений ГУ МВД России по г. Москве при проверке адресов проживания лиц (постановки на миграционный учет, регистрации по месту жительства) при рассмотрении заявлений о приеме в гражданство РФ (выдачи вида на жительство).

Основная суть данного алгоритма действий сводится к следующему:

1. УВМ ГУ МВД России по г. Москве (далее – УВМ) при обращении иностранных граждан и лиц без гражданства с заявлением о приеме в гражданство Российской Федерации (вида на жительство) в порядке,

установленном приложением № 3 Приказа от 14.03.2022 № 78 «О рабочей группе по координации деятельности подразделений ГУ МВД России по г. Москве, направленной на выявление профилактику и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства, и мониторингу ситуации, складывающейся в сфере миграции» (в ред. приказа ГУ МВД России по г. Москве (далее – ГУ) от 01.09.2025 № 279) (далее – Приказ № 78), направляет запрос в ОМВД России по району г. Москвы (далее – ОМВД) с копией в ОВМ УВД по АО ГУ МВД России по г. Москве (далее ОВМ по АО).

Приложения: а) примерный образец запроса по иностранному гражданину или лицу без гражданства (далее ИГ); б) примерный образец запроса по родственнику гражданину России (далее РГ).

2. ОВМ по АО обеспечивает контроль за своевременным исполнением полученных запросов.

3. ОМВД обеспечивает проведение проверочных мероприятий в течение 15 календарных дней с момента поступления запроса.

4. Сотрудники ОМВД (либо отдельные сотрудники УВД по АО ГУ МВД России по г. Москве, по решению и поручению руководства УВД):

4.1. На основании запроса осуществляют в установленный срок выход по заявленному в обращении о приеме в гражданство (получении вида на жительство) адресу проживания ИГ, РГ с целью подтверждения его постоянного проживания на территории РФ. В ходе выхода сотрудник:

4.1.1. Убеждается в присутствии объекта запроса по указанному месту жительства, фактическом проживании по данному адресу (наличие соответствующих бытовых условий, личных вещей и.т.д., законных оснований пользования жилым помещением).

4.1.2. Опрашивает соседей объекта запроса, минимум из одной квартиры, в ходе опроса подтверждается факт постоянного (а не эпизодического) проживания объекта по заявленному адресу, устанавливается его образ жизни, в том числе выявляются факты противоправного поведения. В случае не подтверждения факта проживания объекта отбираются письменные объяснения и приобщаются к ответу, направляемому в УВМ.

4.1.3. О результатах выхода на адрес составляется подробный рапорт с указанием даты и времени проведения мероприятий, анкетных данных и контактных телефонов опрошенных лиц, времени проживания гражданина по указанному адресу (в случае проживания), роде его занятий, месте работы, составе семьи, подробно излагается информация о возможном противоправном поведении объекта запроса (в случае ее получения). Указанный рапорт приобщается к ответу, направляемому в УВМ.

4.1.4. В случае, если дверь в жилое помещение объекта запроса никто не открывает, либо получена информация о не проживании объекта, составляется подробный рапорт с указанием даты и времени проведения мероприятий, анкетных данных и контактных телефонов опрошенных лиц. Указанный рапорт приобщается к ответу, направляемому в УВМ.

4.1.5. Если в ходе выхода на адрес установлены факты фиктивного миграционного учета (регистрации по месту жительства), следует руководствоваться порядком, установленным приложением № 3 Приказа № 78.

5. ОМВД:

5.1. Направляет за подписью руководителя ОМВД (лица исполняющего обязанности) инициатору (УВМ) с согласованием в СЭД ИСОД МВД России с руководителем ОВМ УВД по АО результаты проведенной проверки в течение 1 рабочего дня после вынесения заключения об установлении факта фиктивной регистрации по месту жительства ИГ и РГ в жилом помещении, заключения об установлении факта фиктивной постановки иностранного гражданина или лица без гражданства на учет по месту пребывания, постановления о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, либо рапорт о подтверждении факта проживания проверяемого лица, с приложением материалов в его обоснование.

6. УВМ:

6.1. В случае установления факта не проживания объекта запроса по заявленному адресу выносит заключение об отказе в выдаче вида на жительство, выносит решение об отклонении заявления о приеме в гражданство Российской Федерации.

На основании вышеизложенного автор научной статьи приходит к следующим обобщенным выводам о том, что сегодня актуально стоят проблемы:

1) координации деятельности всех подразделений МВД России, направленной на выявление, профилактику и пресечение правонарушений и преступлений, совершаемых иностранными гражданами и лицами без гражданства;

2) мониторинг ситуации, складывающейся в сфере миграции и организации своевременного реагирования на противоправные ее проявления.

Список литературы

1. Редкоус В.М. О механизме координации в области диаспоры, миграции и развития (опыт государств – участников СНГ // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2025. № 2(74). С.77-83.

2. Николаев А.Г. Проблемы реализации дисциплинарного принуждения в государственном управлении, представленные в работах отечественных и зарубежных правоведов в период первой половины XIX века // Труды Академии управления МВД России. – 2025. - № 2(74). – С. 142-158.

3. Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О гражданстве Российской Федерации» // СЗ РФ, 01.05.2023, № 18, ст. 3215.

Келеберда Н. Г.*[1]*,
профессор кафедры международного
полицейского сотрудничества
и борьбы с преступностью по каналам Интерпола
Учебного центра подготовки
сотрудников органов внутренних дел
для участия в миротворческих миссиях
Всероссийского института повышения
квалификации МВД России,
кандидат философских наук, доцент

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ И ПРИОРИТЕТНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Миротворчество на протяжении многих десятков лет развивалось как одна из ключевых функций Организации Объединенных Наций. Сам термин «миротворчество» по-разному интерпретируется учеными, аналитиками и практиками в зависимости от их концептуальной установки. Тем не менее, объединяющим началом этих различных подходов остается понимание миротворчества как механизма ООН, предназначенного для урегулирования конфликтов и восстановления, поддержания мира и безопасности в зонах противостояния. Однако современные глобализационные процессы существенно трансформировали как само понимание миротворческой деятельности, так и ее цели, где поддержание мира перестало быть самоцелью.

Глобализация кардинально изменила мировую политику благодаря ускоренному распространению технологий, развитию транснациональных операций с товарами и услугами, международным потокам капитала и миграции людей. В результате возникли новые политически значимые акторы, что поставило перед миротворчеством принципиально новые вопросы. Ответ на них можно найти в двух концептуальных подходах [4].

Первый подход ограничивает сферу миротворчества мирным разрешением международных, межгосударственных конфликтов и содействием установлению мирных отношений между государствами. Согласно этой позиции, внутреннее политическое устройство общества, идеологические установки или внутренние конфликты не должны беспокоить миротворцев, если правительство придерживается вестфальских норм суверенной автономии и невмешательства. Таким образом, внутригосударственные конфликты и связанные с ними гуманитарные катастрофы остаются вне юрисдикции миротворческих сил.

Противоположная концепция исходит из того, что характер международной деятельности государства напрямую зависит от эффективности его внутреннего управления. С этой точки зрения, внутренняя политическая нестабильность и анархия имеют тенденцию подрывать международную безопасность. Поэтому

[1] © Келеберда Н. Г., 2025.

роль миротворчества выходит за рамки классической модели, предусмотренной в главах VI и VII Устава ООН, и затрагивает вопросы внутреннего устройства государств.

Согласно этой позиции, безопасность граждан внутри страны должна иметь первостепенное значение для сообщества цивилизованных государств, что предполагает экспорт либерально-демократических ценностей в общества, переживающие политическую нестабильность. Такой подход привел к относительной релятивизации государственного суверенитета: в случаях, когда правительство нарушает права граждан или не выполняет обязательств по их защите в конфликтных ситуациях, санкционируется ограниченное вмешательство миротворцев во внутренние дела принимающей стороны. Страны Запада (Великобритания, Франция, США) отстаивают приоритет защиты прав человека и норм международного гуманитарного права, тогда как Россия, Китай и многие развивающиеся государства последовательно поддерживают принцип невмешательства во внутренние конфликты [3].

Сегодня период относительного консенсуса в вопросах миротворчества сменился острыми разногласиями относительно формы и целей миротворческих операций. Три основные нормы миротворческой деятельности ООН – согласие, беспристрастность и неприменение силы – по-разному интерпретируются различными государствами. Растущие державы, такие как Китай, и организации вроде Африканского союза оспаривают отдельные положения нормативной базы миротворческих операций. Они утверждают, что миротворчество должно осуществляться исключительно с разрешения ООН и в партнерстве с ней, быть сосредоточенным на уважении национального суверенитета и избегать чрезмерной мобилизации сил при первых признаках конфликтов. Кроме того, распространение либеральных норм через миротворческие операции критикуется как навязывание западных, а не универсальных ценностей.

Современная реальность характеризуется переосмыслением ключевых норм миротворческих операций в контексте формирования постлиберального мирового порядка. Изменение геополитического баланса сил имеет серьезные политические, идеологические, финансовые и оперативные последствия для деятельности ООН. Среди наиболее значимых тенденций можно выделить следующие:

Во-первых, процессы глобализации высветили тесную взаимосвязь миротворческой практики с продвижением либерально-демократической повестки: верховенства права, соблюдения всеобщих прав человека, защиты гражданских лиц, поощрения прав женщин и детей, помощи в организации выборов. Подразумевается, что демократические государства реже вступают в конфликты друг с другом благодаря наличию устойчивых внутренних политических институтов и общим ценностям.

Во-вторых, изменение ландшафта глобальной безопасности в сторону сдерживания конфликтов, а не их полного разрешения, привело к сокращению масштабов миротворческих операций. ООН не создавала новых миротворческих миссий с 2014 года, а операции в Кот-д'Ивуаре, Гаити, Либерии и Дарфуре бы-

ли сначала заменены на более мелкие, а затем полностью свернуты. К 2023 году бюджет миротворческих миссий сократился на 23% по сравнению с 2015 годом [2]. Одновременно миротворческие операции объединяют столь разнородные виды деятельности (стабилизация, защита гражданских лиц, борьба с терроризмом, помощь в проведении выборов), что затрудняет определение четких границ мандатов и создает проблемы для разработки последовательной политической стратегии.

В-третьих, геополитический сдвиг в сторону внутригосударственных конфликтов повысил значимость полицейского компонента ООН (UNPOL). Этот компонент вносит уникальный вклад в реализацию мандатов, не ограничиваясь защитой гражданских лиц, но оказывая помощь в реформировании, реструктуризации и развитии полицейских служб и других правоохранительных органов принимающих государств [1]. Таким образом, UNPOL напрямую содействует установлению верховенства права. Участие полицейских в становлении мирных процессов делает менее вероятным возобновление внутренних вооруженных конфликтов, что особенно важно в условиях ограниченных возможностей миротворческих сил по защите гражданского населения.

Таким образом, миротворческие операции ООН не существуют в изоляции от глобальных тенденций. Изменение баланса сил мирового порядка трансформировало характер современных конфликтов от межгосударственных к внутригосударственным, а «голубые каски» призваны не только обеспечивать безопасность, но и способствовать внедрению определенных моделей социальной, политической и экономической организации, которые, по мнению международного сообщества, создают условия для устойчивого мира. Эта эволюция отражает сложную диалектику между сохранением суверенитета государств и необходимостью коллективного реагирования на угрозы безопасности в условиях глобализации.

Список литературы

1. Полиция ООН. Операции по поддержанию мира // https://peacekeeping.un.org/ru/un-police (дата обращения 22.09.2025)

2. Duursma, A., Bara, C., & Wilén, N. UN Peacekeeping at 75: Achievements, Challenges, and Prospects. International Peacekeeping, 2023. DOI: https://doi.org/10.1080/13533312.2023.2263178 (date of request 22.09.2025)

3. Gilder, A. Peace operations and human security // Journal of International Peacekeeping, 27 (1). pp. 1-11. // URL: https://centaur.reading.ac.uk/116135/ (date of request 22.09.2025)

4. Hansen, A. S. The Future of United Nations Peace Operations: Compendium of Policy Papers and Recommendations for the UN Peacekeeping Ministerial. Berlin, 6 May 2025. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/gapo_policy_papers_compendium_final.pdf (date of request 22.09.2025)

***Кикоть-Глуходедова Т. В.*[1],**
исполняющий обязанности
директора института кибербезопасности
факультета искусственного интеллекта
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
доктор юридических наук, доцент

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К УКРЕПЛЕНИЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ КИБЕРУСТОЙЧИВОСТИ

В юридической литературе представлено множество исследований, посвященных как медиабезопасности, так и особенностям международного сотрудничества в указанной сфере.

Отметим, что такая позиция ученых-правоведов вполне объяснима, ведь современное информационное пространство характеризуется беспрецедентной взаимосвязанностью и взаимозависимостью глобальной цифровой инфраструктуры. В условиях эскалации киберпреступности трансграничного характера и возрастания сложности атак традиционные механизмы национальной безопасности оказываются недостаточными без эффективного межгосударственного взаимодействия.

Более того, еще в 2021 году на заседании Совета безопасности Российской Федерации В.В. Путин акцентировал внимание на трансформации характера международной безопасности в условиях стремительного технологического прогресса. Отмечая возрастание значимости цифрового пространства как новой сферы глобального взаимодействия, глава государства подчеркнул, что внедрение инновационных технологических решений сопровождается не только ростом потенциала развития, но и возникновением качественно новых угроз [1].

В связи с этим возникает закономерный вопрос о том, каким образом возможно выстроить эффективную систему правового регулирования, способную реагировать на транснациональные киберугрозы. Ответ на этот вопрос кроется в эволюции международных правовых механизмов, направленных на обеспечение устойчивости критически важных систем и защиту цифрового суверенитета государств [2].

Первые международные документы в области кибербезопасности имели преимущественно региональный характер. Наиболее значимым шагом в развитии международного сотрудничества стала Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года, определившая единые стандарты криминализации компьютерных преступлений и процедуры обмена информацией [3]. Несмотря на ограниченное число участников и отсутствие ратификации со стороны России, данный документ заложил методологические основы для последующих инициатив и стал отправной точкой для формирования универсальных подходов к противодействию киберпреступности.

---

[1] © Кикоть-Глуходедова Т. В., 2025.

Параллельно развивались альтернативные модели взаимодействия. Так, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001 г.) рассматривает киберугрозы в контексте более широких транснациональных рисков, связывая их с вопросами идеологического экстремизма и использования сети Интернет в террористических целях [4]. Аналогичные положения были отражены в Конвенции Лиги арабских государств о борьбе с преступлениями в области информационных технологий (2010 г.), где особое внимание уделено защите критической информационной инфраструктуры и региональной специфике правового регулирования [5].

Вместе с тем, в рамках СНГ действует Соглашение о сотрудничестве государств-участников в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации 2001 года, которое предусматривает выдачу и оказание взаимной правовой помощи по уголовным делам [6].

Отметим, что развитие институциональной архитектуры международного сотрудничества происходит на нескольких уровнях. На глобальном уровне ключевую роль играют специализированные подразделения ООН, включая Управление по наркотикам и преступности и Контртеррористическое управление. Так, например, по инициативе России Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» [7], что привело к созданию специального межправительственного комитета для разработки соответствующей конвенции.

Региональные организации формируют собственные механизмы координации. Как отмечает И. С. Хованов, договорно-правовая база сотрудничества Генеральной прокуратуры Российской Федерации включает более 100 межведомственных соглашений с иностранными партнерами из 79 государств, предусматривающих обмен информацией, проведение совместных мероприятий и подготовку кадров. Важную роль в этой деятельности играют рабочие группы при Координационном совете генеральных прокуроров СНГ и Научно-методический центр, занимающийся разработкой рекомендаций для правоприменительной практики [8].

Особое значение приобретает деятельность Интерпола (в том числе НЦБ Интерпола МВД России) и Европола в обеспечении оперативного обмена информацией. Согласно п. 35 раннее упомянутой Будапештской конвенции, каждое государство-участник должно назначить контактный центр, работающий круглосуточно для обеспечения неотложной помощи в расследованиях. Создание таких центров позволило существенно сократить временные затраты на реагирование на трансграничные инциденты.

Однако, несмотря на позитивные тенденции, сохраняется ряд системных проблем. Одной из наиболее острых является определение юрисдикции над данными, физически размещенными на территории одного государства, но принадлежащими субъектам другой юрисдикции. Распространение облачных технологий и распределенных систем хранения данных существенно осложняет доступ к электронным доказательствам. Как отмечают В. Р. Атнашев и С. Н.

Яхъеева, именно эти обстоятельства стали одной из причин, по которым проект глобальной Конвенции по киберпреступности, предложенный Россией и Китаем в 2010 году, не получил международной поддержки [9].

Принятие в США закона CLOUD Act в 2018 году стало прецедентом в области экстерриториального регулирования доступа к цифровым данным. Закон разрешил американским правоохранительным органам получать сведения у технологических компаний независимо от места хранения информации [10]. Однако такая практика ставит под вопрос принципы государственного суверенитета и невмешательства, создавая опасный прецедент обхода традиционных процедур взаимной правовой помощи.

По мнению К. К. Клевцова, эти противоречия нередко приводят к нарушениям международного права, когда следственные органы, стремясь получить электронные доказательства, фактически вторгаются в юрисдикцию других государств без их согласия [11].

В этой связи, неизменными остаются традиционные механизмы взаимной правовой помощи международного сотрудничества. Однако, как отмечает А.А. Кульпин, на практике продолжают возникать существенные правовые затруднения, обусловленные различиями в национальных уголовных законодательствах, в частности - в вопросе признания деяния преступлением (когда деяние квалифицируется как преступление в одном государстве, но не признается таковым в другом) [12].

Немаловажное значение имеют и длительные сроки исполнения запросов, которые не соответствуют динамике киберугроз и волатильности электронных доказательств. Так, в частности, если общий срок рассмотрения и исполнения запросов о правовой помощи по уголовным делам, направляемых компетентными органами РФ в иностранные государства, составляет от 3 до 12 месяцев и более, то срок исполнения запросов исключительно по уголовным делам о киберпреступлениях занимает 120 дней, а по запросам о выдаче - 150 дней [13].

Вот тот контур проблем, который требует своего осмысления для проведения научных исследований. Для того, чтобы подступиться к решению указанных проблем, требуется междисциплинарный подход: необходимо решать не только конкретно-практические вопросы, например, унификация определений киберпреступлений и стандартов доказательств или подходов к квалификации преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий, определению критериев допустимости электронных доказательств и стандартизации процедур их сбора и передачи, но и методологические, теоретико-правовые проблемы.

При этом формирование глобальной системы киберустойчивости требует баланса между обеспечением безопасности и защитой фундаментальных прав, между эффективностью правоохранительной деятельности и принципами правового государства. Только усилия представителей разных наук, развитие многоуровневого диалога с участием государств, международных организаций, частного сектора и гражданского общества в состоянии сделать прорыв в

осмыслении международного сотрудничества в обеспечении киберустойчивости

Современные процессы цифровизации мировой экономики и государственного управления требуют пересмотра традиционных принципов международного права и механизмов обеспечения безопасности. Киберустойчивость сегодня выступает не только как техническая категория, но и как комплексная правовая и институциональная система, направленная на обеспечение стабильности функционирования цифрового общества.

Формирование эффективного международного режима в этой сфере возможно лишь на основе доверия, транспарентности и взаимного уважения суверенитетов государств. Для достижения этих целей необходимо укрепление роли международных организаций, развитие механизмов обмена информацией, создание совместных исследовательских и образовательных центров.

Как показывает анализ, глобальная система киберустойчивости должна строиться на балансе между безопасностью и свободой, государственными интересами и правами человека. Только многоуровневый диалог - при участии государств, научного сообщества, частного сектора и гражданского общества - способен обеспечить подлинную устойчивость и предсказуемость цифрового пространства в XXI веке.

Список литературы

1. В.В. Путин: в киберпространстве много угроз для глобальной безопасности и суверенитета стран. Дата обращения: 12.10.2025. https://tass.ru/politika/11006783.

2. Завьялова Д.В. Транснациональная кибербезопасность как объект криминалистического обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. №3. С. 160.

3. Convention on Cybercrime (ETS No. 185). Budapest, 23.XI.2001.

4. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г. // СЗ РФ. 13 октября 2003 г. № 41. Ст. 3947

5. Arab Convention on Combating Information Technology Offences. Дата обращения: 11.10.2025. https://archive.org/details/5975835-National-Security-Archive-Arab-Convention-on.

6. Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 01.06.2001 // Бюллетень международных договоров. 2008. №6

7. О принятии Генассамблеей ООН российской резолюции по противодействию информационной преступности. Дата обращения: 11.10.2025. https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/1580442/

8. Хованов И.С. Международное сотрудничество органов прокуратуры Российской Федерации в сфере противодействия экстремистской деятельности в сети Интернет // Аграрное и земельное право. 2024. №7(235). С. 81

9. Атнашев В.Р., Яхъеева С.Н. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3(29). С. 40

10. Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act). Public Law 115-141. 2018. Дата обращения 12.10.2025. https://www.federalregister.gov/documents/2020/03/03/2020-04248/clarifying-lawful-overseas-use-of-data-act-attorney-general-certification-and-determination.

11. Клевцов К.К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью в контексте противодействия новым вызовам и угрозам // Вестник СПбГУ. Право. 2022. Т. 13. Вып. 3. С. 688

12. Кульпин А.А. Новые вызовы институту экстрадиции в условиях глобальной напряженности // Вопросы российской юстиции. 2024. №29. С. 336

13. Comprehensive Study on Cybercrime. United Nations Office on Drugs and Crime. 2013. P. 230. Дата обращения 12.10.2025. https://afyonluoglu.org/PublicWebFiles/Reports/2013%20UN%20UNODC%20Compherensive%20Study%20on%20Cybercrime.pdf.

***Киселева Е. В.*[1],**
доцент кафедры международного права
юридического института
Российского университета дружбы народов
имени Патриса Лумумбы,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ С УПРАВЛЕНИЕМ ВЕРХОВНОГО КОМИССАРА ООН ПО ДЕЛАМ БЕЖЕНЦЕВ: ПРОБЛЕМАТИКА БЕЗОПАСНОСТИ

Интересы безопасности и защиты прав человека в целом или беженцев, в частности, нуждаются во взвешенном подходе, поскольку перекос в любую сторону стратегически негативно влияет и на индивидуальные права и свободы, и на общество и государство в целом [1; 7]. То же самое верно и применительно к международному сотрудничеству, в данном случае, в сфере международной защиты беженцев и иных вынужденно перемещенных лиц. Представляемое исследование сфокусировано на вопросах безопасности в деятельности УВКБ ООН. Проделанная работа подтверждает, что в стремлении сделать сотрудничество с государствами максимально эффективным УВКБ ООН исходит из возможности и продуктивности баланса интересов безопасности и международно-правовых обязательств государств по защите беженцев и других категорий лиц, нуждающихся в международной защите.

В качестве вступительного замечания обратим внимание, что в деятельности УВКБ ООН проблематика безопасности имеет три измерения: безопасность подмандатных лиц [4], безопасность персонала [16] и национальная безопасность государств. Именно в последнем смысле безопасность понимается в настоящем материале.

Непосредственно по сочетанию интересов национальной безопасности и международно-правовых обязательств в сфере защиты беженцев УВКБ ООН приняло два документа: «Отвечая на озабоченность вопросами безопасности без ослабления защиты беженцев» от 29 ноября 2001 г. [10] и заменившую ее вторую редакцию «Решение проблем безопасности без отрицательных последствий для защиты беженцев. Точка зрения УВКБ ООН» от 17 декабря 2015 г. [11] Однако отдельные аспекты темы находили свое отражение и в других документах [9; 8].

Суть позиции УВКБ ООН по проблематике национальной безопасности двояка: с одной стороны, УВКБ ООН разделяет озабоченность государств защитой национальной безопасности, но с другой стороны, УВКБ ООН обеспокоено возможными последствиями секьюритизации (смещения акцентов в сторону безопасности), которые могут выразиться в виктимизации беженцев и в эрозии системы международной защиты вынужденно перемещающихся лиц в целом – «тем, что лица, ищущие убежище, и беженцы могут подвергаться гоне-

[1] © Киселева Е. В., 2025.

ниям в результате предвзятости общественного мнения и слишком строгих ограничивающих законодательных или административных мер, а также тем, что могут быть подорваны основы тщательно выстроенных стандартов защиты беженцев» [11, п. 6].

Содержательно можно выделить следующие аспекты, которые выделяются УВКБ ООН: толкование обязательств государств согласно Конвенции о статусе беженцев 1951 г. (Конвенция 1951 г.) [3], толкование не раскрытых в Конвенции 1951 г. вопросов процедуры и иные аспекты формирования целостной системы международной защиты на уровне отдельных государств.

1. Конвенция о статусе беженцев 1951 г. затрагивает вопросы защиты национальной безопасности через многие свои положения.

Прежде всего, если лицо, претендующее на статус беженца, на самом деле таким образом пытается избежать законного наказания в государстве происхождения, то элемент преследования в определении беженца, как правило, будет несостоятельным, а значит, общественная опасность деяния лица вкупе с реализованным в отношении этого лица правом на справедливое судебное разбирательство приведут к отказу в признании человека беженцем [11, п. 12].

Положения об исключении по ст. 1 F Конвенции 1951 г. также направлены на защиту статуса беженца как авторитетного и целостного международно-правового института от компрометации его предоставлением недостойным такой защиты – лицам, в отношении которых есть серьезные основания полагать, что они «a) совершили преступление против мира, военное преступление или преступление против человечности в определении, данном этим деяниям в международных актах, составленных в целях принятия мер в отношении подобных преступлений; b) совершили тяжкое преступление неполитического характера вне страны, давшей им убежище, и до того как они были допущены в эту страну в качестве беженцев; c) виновны в совершении деяний, противоречащих целям и принципам Организации Объединенных Наций» (ст. 1 F Конвенции 1951 г.) [11, п. 18]. Следует помнить и о том, что при обнаружении обстоятельств по пп. a п. F ст. 1 Конвенции 1951 г. или пп. b п. F ст. 1 Конвенции 1951 г. после предоставления статуса беженца лицу, статус может быть аннулирован, а совершение тяжкого преступления неполитического характера лицом в стране, давшей убежище, и после допуска в эту страну в качестве беженца не освобождает от ответственности, которую может реализовать государство убежища [19].

Далее, ст. 31 Конвенции 1951 г., в целом формулирующая обязательство государств «не … налагать взысканий за незаконный въезд или незаконное пребывание на их территории беженцев», опосредует это обязательство рядом условий: наказание не должно налагаться на беженцев, «которые, прибыв непосредственно из территории, на которой их жизни или свободе угрожала опасность, предусмотренная в статье 1, въезжают или находятся на территории этих государств без разрешения, при условии, что такие беженцы без промедления сами явятся к властям и представят удовлетворительные объяснения своего незаконного въезда или пребывания». Разъяснения о применении этого положе-

ния Конвенции 1951 г., данные в Руководстве по международной защите № 14 от 23 сентября 2024 г., носят очень взвешенный характер и многократно подчеркивают не право, но даже обязанность государства следить за соблюдением своего законодательства, из которого беженцы должны изыматься лишь по совокупности как их исключительной ситуации, так и при их добросовестных попытках законодательство государства убежища соблюсти [14].

Прямо о безопасности государства убежища говорится в ст. 32 и 33 Конвенции 1951 г. Часть 1 ст. 32 прямо фиксирует: «Договаривающиеся государства не будут высылать законно проживающих на их территории беженцев иначе, как по соображениям государственной безопасности или общественного порядка»,- прямо уполномочивая государства ради защиты национальной безопасности высылать беженцев в государства, где преследование им не угрожает, соблюдая при этом определенные условия, например, судебный порядок принятия такого рода решений (ч. 2 ст. 32 Конвенции 1951 г.).

Аналогично и ст. 33 Конвенции 1951 г., содержащая в части 1 ныне признанный в качестве обычно-правового обязательства государств принцип невысылки, во второй части той же статьи признает, что «это постановление /о невысылке – Е.К./, однако, не может применяться к беженцам, рассматриваемым в силу уважительных причин как угроза безопасности страны, в которой они находятся, или осужденным вошедшим в силу приговором в совершении особенно тяжкого преступления и представляющим общественную угрозу для страны». Оба обстоятельства, позволяющие в исключительных ситуациях отойти от принципа невысылки, связаны именно с защитой национальной безопасности государства убежища [15].

Кроме названных, положения о временных мероприятиях (ст. 9 Конвенции 1951 г.), о проездных документах (ст. 28 Конвенции 1951 г.) также ограничивают международно-правовые обязательства государств в отношении беженцев в связи с необходимостью защиты национальных интересов государств [8].

2. В процедурно-процессуальной стороне решения вопросов, связанных с предоставлением статуса беженцев, также есть несколько аспектов, в которых проявляется понимание УВКБ ООН необходимости для государств защищать национальные интересы безопасности.

В первую очередь, УВКБ ООН подчеркивает, что регистрация, документирование, проверки беженцев, необходимые для определения статуса беженца, одновременно защищают и интересы безопасности, поскольку при осуществлении данных мероприятий государство осведомлено о присутствии лица на своей территории, его/ее данных, которые можно проверить, о месте нахождения и т.п., а в противном случае возрастает риск ухода лица, ищущего убежище, от досягаемости органами государства при сохранении всех рисков, которые государству уже не так легко будет проверить, отследить и пресечь [11, п. 10, 15; 5, с. 73].

Далее УВКБ ООН рекомендует государствам создавать специальное подразделение (выделять отдельного специалиста), для рассмотрения применимости положений об исключении, описанных выше, поскольку «сотрудники тако-

го подразделения обладали бы опытом работы в соответствующих сферах законодательства о беженцах и уголовного права, специальными знаниями о террористических организациях и четко налаженными каналами связи с разведывательными службами и правоохранительными органами, занимающимися уголовными делами. Опыт специалистов и четкая ориентация на источники информации обеспечили бы незамедлительное и качественное принятие решений» [11, п. 13].

Кроме того, касательно обозначенных в содержательной части вопросов проверки соблюдения положений о включении, применения положений об исключении, реализации высылки или временных мероприятий и т.п. прямо (в Конвенции 1951 г.) и опосредованно (рекомендациями УВКБ ООН) признается не абсолютный характер права на справедливое судебное разбирательство, поскольку некоторые данные по соображениям безопасности не могут быть раскрыты лицу, хотя в отношении данного лица использование таких данных может иметь неблагоприятные последствия в виде отказа в статусе, применении положений об исключении и т.п. Например, ч. 2 ст. 32 Конвенции 1951 г. о высылке в третье государство, не в страну преследования, прямо предусматривает, что «за исключением случаев, когда этому препятствуют уважительные соображения государственной безопасности, беженцам будет дано право представления в свое оправдание доказательств и обжалования в надлежащих инстанциях или перед лицом или лицами, особо назначенными надлежащими инстанциями, а также право иметь для этой цели своих представителей», признавая таким образом возможность процессуальной закрытости от беженцев, возможно, негативной для них информации [13, sections 3 and 4].

Отдельным вопросом в свете рассматриваемой темы является вопрос содержания под стражей лиц, ищущих убежище, по которому позиция УВКБ ООН является положительной (задержание может быть правомерным), но ограничительной (задержание должно являться исключительной, а не рутинной мерой) [11, п. 16; 2].

3. По вопросу о сопряжении интересов защиты национальной и построения целостной системы защиты беженцев УВКБ ООН особенно обращает внимание на разностороннюю полезность международного сотрудничества между органами безопасности отдельных государств и со специализированными международными организациями, например, Интерполом [17, с. 73-74], а также на то, что размещение беженцев в лагерях или городских условиях должно также отражать взвешенные соображения о безопасности и беженцев, и принимающего общества [6]. Сквозь призму безопасности можно посмотреть и на проблематику дискриминации и ксенофобии, способных создать риски безопасности пребывания в государстве беженцев, не представляющих угрозы безопасности вне той, что порождается враждебным приемом [11, часть L].

Отдельно следует сказать, что сотрудничество УВКБ ООН с государствами, касающееся проблематики национальной безопасности, может выражаться в комментировании проектов национального законодательства и уже принятых нормативно-правовых актов [12], участии в качестве третьей стороны в судеб-

ном рассмотрении дел беженцев и лиц, ищущих убежище, предоставлении информации для органов правозащитной системы ООН [20; 18].

Обобщая, можно сделать вывод из следующих трех важнейших положений.

Первое. Подход УВКБ ООН к сочетанию интересов защиты национальной безопасности государств и международной защиты беженцев и иных вынужденно перемещенных лиц носит комплексный характер, как с точки зрения принятия во внимание обеих сторон (интересов безопасности и интересов защиты), так и с точки зрения комплексного видения содержания международной системы защиты беженцев и иных категорий вынужденно перемещенных лиц.

Второе. Принципиальным для УВКБ ООН является рассмотрение вопросов безопасности и международной защиты не как взаимоисключающих, но как имеющих потенциал взаимного усиления.

Третье. УВКБ ООН в контексте проблематики безопасности гораздо более отражает в своих официальных позициях и работе понимание значения национальной безопасности для государств, чем это делают органы правозащитной системы ООН, хотя и возможно проследить некоторые различия в сдержанности общих положений и большей «прозащитности» их применении в конкретных случаях.

Список литературы

1. Алешин В.В. Безопасность - новые подходы. (Хлобустов О.М., Рыкунов В.И., Павленко С.З., Подуфалов В.Д. Права человека и интересы национальной безопасности. М.: Московская школа прав человека. 1999. - 181 с.) // Московский журнал международного права. 2000;(2):372-374.

2. Киселева Е.В., Шпаковский А.В. Позиция и роль УВКБ ООН в сфере международно-правового регулирования задержания беженцев и лиц, ищущих убежище // Юридическая наука. 2025. № 5. С. 444-449.

3. Конвенция о статусе беженцев 1951 года // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugee_convention.shtml.

4. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН). Руководство УВКБ ООН по безопасности подмандатных лиц. Первое издание, ноябрь 2011 г. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/opguidance/unhcr/2011/en/85431.

5. Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. Руководство по вопросам международной защиты беженцев и создания государственных систем убежища. Пособие для парламентариев №27. – 2017. – Режим доступа: https://www.refworld.org/ru/reference/handbook/unhcr/2017/ru/120593.

6. Ashraf, A. S. M. A. Humanitarianism, National Security, and the Rohingya Refugee Policy of Bangladesh // Strategic Analysis. 2021. Vol. 45(3). P. 184–206. https://doi.org/10.1080/09700161.2021.1918953.

7. Morris P. S. National Security and Human Rights in International Law // Groningen Journal of International Law. 2020. Vol. 8 (1). P. 123-149.

https://pdfs.semanticscholar.org/417f/935c75db26c9d4fab6cc0c8b14d19b7760c6.pdf
.

8. Murillo, Juan Carlos. The Legitimate Security Interests of the State and International Refugee Protection // Sur International Journal on Human Rights. 2009. Vol. 6, No. 10. P. 116-131. – Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=1567477.

9. Protection Policy and Legal Advice Section (PPLAS); Status Determination and Protection Information Section (SDPIS). Selected Documents Relating to National Security and Counter-Terrorism Relevant to International Refugee Protection. – UN High Commissioner for Refugees (UNHCR), May 2009. – Режим доступа: https://www.refworld.org/legal/natlegcomp/unhcr/2009/en/67432.

10. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Addressing Security Concerns Without Undermining Refugee Protection - UNHCR's Perspective. Rev.1. – 29 November 2001. – Режим доступа: https://www.refworld.org/reference/research/unhcr/2001/en/21681.

11. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Addressing Security Concerns Without Undermining Refugee Protection - UNHCR's Perspective. Rev.2. – 17 December 2015. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/2015/en/108434.

12. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Comments of the United Nations High Commissioner for Refugees on the Final Rule from the U.S. Department of Homeland Security and U.S. Department of Justice: “Securing the Border” and Proposed Extension of Applicability of Circumvention of Lawful Pathways Rule to Southern Coastal Borders. – 6 November 2024. – Режим доступа: https://www.refworld.org/legal/natlegcomments/unhcr/2024/en/149020.

13. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Guidelines for National Refugee Legislation, with Commentary. HCR/120/41/80 / GE.81-0013. – 9 December 1980. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/1980/en/17340.

14. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Guidelines on International Protection No. 14: Non-penalization of refugees on account of their irregular entry or presence and restrictions on their movements in accordance with Article 31 of the 1951 Convention relating to the Status of Refugees. HCR/GIP/24/14. – 23 September 2024. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/2024/en/148632.

15. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Scope of the National Security Exception Under Article 33(2) of the 1951 Convention Relating to the Status of Refugees. – 6 January 2006. – Режим доступа: https://www.refworld.org/jurisprudence/amicus/unhcr/2006/en/11743.

16. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). UNHCR RSD Procedural Standards Unit 2.4: Office Security. – 26 August 2020. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/2020/en/123301.

17. UN High Commissioner for Refugees (UNHCR). Unlocking rights: towards ending immigration detention for asylum-seekers and refugees. – September

2024. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/polrec/unhcr/2024/en/148655.

18. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Beyond Borders: UNHCR's Transformation. – 14 October 2024. – Режим доступа: https://www.unhcr.org/about-unhcr/beyond-borders-unhcr-s-transformation.

19. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). Guidelines on International Protection No. 5: Application of the Exclusion Clauses: Article 1F of the 1951 Convention relating to the Status of Refugees. – 4 September 2003. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/legalguidance/unhcr/2003/en/14733.

20. United Nations High Commissioner for Refugees (UNHCR). UNHCR and Human Rights: A Policy Paper. – 6 August 1997. – Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/strategy/unhcr/1997/en/13488.

Кобец П. Н.[1]***,***
главный научный сотрудник
Центра организационного обеспечения
научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России,
доктор юридических наук, профессор

ЗНАЧИМОСТЬ НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНОГО СОВЕТА ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Распад СССР, произошедшие глобальные изменения политической системы, преобразования социально-экономических общественных отношений и ликвидация союзного Министерства внутренних дел неизбежно привели к разрушению устоявшейся системы правоохранительной деятельности на всем постсоветском пространстве [1, с. 172]. В этих условиях бывшие союзные республики, ставшие самостоятельными государствами, столкнулись с новыми видами вызовов и угроз. В этот период широкое распространение получили такие преступные проявления как, терроризм; легализация преступных доходов; наркотрафик; контрабанда; фальшивомонетничество; кража автомобилей; преступления в финансовой и внешнеэкономической сферах; заказные убийства и др. [2, с. 45].

Сложившаяся криминогенная ситуация и тенденции ее развития обуславливают объективную потребность постоянного совершенствования условий эффективного обмена информацией (оперативной, статистической, научной), поступательного развития организационных, правовых и научных основ сотрудничества [3, с. 138]. Общие задачи в противодействии преступности обусловили необходимость организации их совместной научной проработки [4, с. 151]. Появление в этот период новых видов и способов совершения преступлений настоятельно диктовало необходимость наращивания совместных усилий правоохранительных органов стран СНГ по выработке новых научно обоснованных подходов к борьбе с преступностью, совершенствованию системы эффективного обмена информацией, развитию организационных, правовых и научных основ межгосударственного сотрудничества, обновлению методик подготовки высококвалифицированных кадров [5, с. 211].

Правоохранительная практика стран СНГ показала, что именно комплексное использование возможностей научного обеспечения правоохранительной деятельности гарантирует сегодня успех при решении важнейших задач в сфере противодействия разного рода преступным проявлениям [6, с. 14].

Именно по этой причине требовалось организовать при СМВД СНГ орган по организации и координации совместных научных исследований в сфере

[1] © Кобец П. Н., 2025.

борьбы с преступностью – Научно-консультативный совет при СМВД СНГ (далее – НКС при СМВД, Совет).

Учитывая приведенные обстоятельства и необходимость повышения эффективности научного обеспечения оперативно-розыскной деятельности правоохранителей наших стран, решением СМВД в сентябре 2013 года образован НКС при СМВД. В настоящее время работа Совета осуществляется в соответствии с Положением о НКС [7], утвержденным Решением СМВД от 10 сентября 2013 года, решениями СМВД, исполнительного органа НКС – Секретариата, который сформирован из числа сотрудников ВНИИ МВД России.

Впервые заседание Совета состоялось на базе ВНИИ МВД России в 2015 г., в ходе мероприятия были обозначены ключевые направления работы Совета, поставлены задачи и определены основные векторы развития научного сотрудничества правоохранительных ведомств стран Содружества, достигнуты договоренности об организации всестороннего взаимодействия с БКБОП, представляющим результаты деятельности НКС на ежегодных заседаниях СМВД СНГ [8, с. 25].

В соответствии с основными задачами Совет содействует проведению совместных научных исследований, представляет членам НКС и ведомственным образовательным организациям новые формы взаимодействия, активно взаимодействует с БКБОП по всем обозначенным направлениям, который представляет результаты деятельности НКС при СМВД участникам заседаний СМВД [9, с. 15].

В настоящее время деятельность НКС при СМВД выстраивается на основе ежегодного планирования, которым предусматривается проведение организационно-практических и научно-представительских мероприятий (далее – НПМ), обозначаются темы и сроки проведения совместных научных исследований. Руководство НКС при СМВД осуществляет его председатель, который выбирается большинством голосов уполномоченных представителей МВД государств – участников СНГ [10].

В процессе формирования планов работы НКС при СМВД предусматривается проведение ежегодных НПМ, обозначаются темы и сроки проведения совместных научных исследований. В том числе в процессе формирования Планов НКС при СМВД в них включаются ежегодные организационно-практические позиции, научно-методические и научно-представительские мероприятия. Основными темами научных разработок в рамках деятельности НКС при СМВД как правило, являются наиболее актуальные вопросы борьбы с преступностью, ежегодно обозначаемые решениями очередного заседания СМВД СНГ.

В настоящее время тематика научных исследований, проводимых под эгидой НКС при СМВД во взаимодействии и по согласованию с БКБОП, охватывает актуальные вопросы противодействия преступности, в разрешении которых заинтересованы правоохранители всех стран Содружества: совершенствование борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсов; направления совершенствования сотрудничества органов полиции/милиции в различных сферах деятельности; миграционная ситуация в государствах – участниках СНГ и др.

При этом в настоящее время особое внимание при выборе научных приоритетов при подготовке научно-исследовательских работ (далее – НИР) и планировании НПМ уделяется реализации пунктов "Межгосударственной программы совместных мер борьбы с преступностью на 2024–2028 гг.", утвержденной Решением Совета глав государств Содружества Независимых Государств от 13 октября 2023 года [11], а также согласованных целей, задач, приоритетных направлений, форм и механизмов развития сотрудничества МВД (Полиции) государств – участников СНГ. Именно по этой причине в числе самых приоритетных направлений научных разработок и НПМ в рамках деятельности НКС при СМВД являются наиболее актуальные проблемы борьбы с преступностью, ежегодно обозначаемые в ходе очередного заседания СМВД СНГ, в разрешении которых заинтересованы правоохранительные органы Содружества. В настоящее время наиболее значимые научные работы НКС при СМВД представляются в виде аналитических обзоров с предложениями, а также методических рекомендаций.

Результаты научных исследований и материалы международных НПМ, реализованных в рамках деятельности НКС при СМВД, широко используются Бюро для подготовки управленческих решений и аналитических материалов, которые представляются на ежегодных заседаниях СМВД СНГ. В ходе заседания СМВД СНГ, которое прошло 13 августа 2025 г. в Санкт-Петербурге были обсуждены приоритетные вопросы сотрудничества правоохранительных ведомств. Так, среди основных тем названы проблемы незаконной миграции; противодействие преступлениям, которые совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий; совместная работа по обеспечению безопасности дорожного движения [12].

Стремительное развитие общественных отношений, тенденции к повышению профессионального уровня преступников, появление новых видов преступлений и развитие технологий обусловливают расширение ежегодной повестки заседаний и увеличение количества решений, принимаемых СМВД СНГ. Как результат, с каждым годом увеличивается количество НИР и НПМ, которые проводятся в рамках реализации планов работы Совета. С момента создания субъектами научной деятельности НКС при СМВД проведено более двухсот совместных НИР и международных НПМ.

Стоит отметить, что все большее внимание при определении тем научных исследований, реализуемых в рамках НКС при СМВД, уделяется исследованию вопросов и мер противодействия преступным посягательствам, которые совершаются с использованием новейших цифровых технологий. В качестве примера хотелось бы привести следующие данные: если до 2019 года большинство НИР и НПМ были посвящены "традиционным" вопросам: противодействию региональной и транснациональной оргпреступности, противодействию экстремистским и террористическим организациям, незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсов, а также борьбе с незаконной миграцией, то с 2020 года все больше исследователей занимаются анализом и подготовкой рекомендаций по противодействию новым способам совершения преступ-

лений с использованием информационных технологий, интернет-мошенничеству и хищению средств с применением бесконтактных способов и др.

Безусловно, факторами, оказывающими существенное влияние на выбор тем научных изысканий, являются обобщение опыта и подготовка алгоритмов успешного противодействия нарушениям общественного порядка и противодействия проявлениям, нацеленным против основ конституционного строя и безопасности государства. Совершение новых видов преступных посягательств, происходивших во всех странах СНГ наглядно показывает, что лишь незамедлительное применение государством комплекса четко скоординированных мер противодействия данным противоправным деяниям способно защитить законность, обеспечить стабильность и спокойствие граждан. В связи с этим изучение нормативных правовых актов, регулирующих негосударственную (частную) охранную деятельность, оборот гражданского и служебного оружия на территории СНГ, а также всестороннее изучение опыта МВД стран Содружества по противодействию вовлечению несовершеннолетних в деструктивные группы в сети Интернет стали наиболее актуальными направлениями, им посвящен ряд подготовленных в последнее время научных исследований в рамках деятельности Совета.

В настоящее время основными приоритетными направлениями научной деятельности участников НКС при СМВД являются организация и проведение практико-ориентированных совместных исследований, направленных на выявление новых вызовов и угроз общественной безопасности стран Содружества, подготовку предложений по их нейтрализации, проведение анализа современных рисков, способных в краткосрочной перспективе оказать существенное негативное влияние на криминогенную обстановку в государствах СНГ, среди них: развитие негативных социальных процессов и социальной напряженности в межнациональных и межконфессиональных отношениях; активизация вербовочной деятельности посредством использования сети Интернет, направленной на вовлечение в экстремистскую и террористическую деятельность маргинальных личностей, подростков, а также, оппозиционных структур (объединений), радикально выступающих против действующей власти; усиление разведывательной и иной деструктивной деятельности западных специальных служб, НКО и иных иностранных организаций с целью дестабилизировать политическую ситуацию на территориях всех государств – участников СНГ; расширение использования информационно-телекоммуникационных технологий для манипулирования общественным мнением и общественно-политической ситуацией путем предоставления ложной, искаженной информации, направленной на дискредитацию институтов государственной власти и управления; обострение угроз, связанных с ростом общеуголовной и организованной преступности, включая экономическую преступность и наркопреступность.

В заключении хотелось бы отметить, что в дальнейшей перспективе приоритетными анализируемой деятельности НКС при СМВД должны оставаться вопросы реализации задач, поставленных СМВД СНГ, поскольку именно данный орган отраслевого сотрудничества СНГ по вопросам, входящим в компе-

тенцию ОВД определяет основные проблемы в сфере борьбы с преступностью, которые требуют первоочередного научного разрешения в государствах Содружества.

Список литературы

1. Обзор II Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Памяти А.А. Прохожева» (РАНХиГС, Москва, 21 апреля 2023 года) / О.Ф. Акбашев, К.В. Алексеев, В.П. Беркут [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2023. – № 4(48). – С. 158-191.

2. Кобец П.Н., Бражников Д.А. Противодействие миграционной преступности в рамках научного сотрудничества правоохранительных органов стран Содружества Независимых Государств // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2020. – № 3(29). – С. 42-46.

3. Предупреждение преступности в России: Монография / Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, Ю.Г. Касперович [и др.]; Под редакцией профессора Ю.М. Антоняна. – Москва: ОАО «Можайский полиграфический комбинат», 2014. – 344 с.

4. Обзор III Всероссийской научно-практической конференции «Правовое обеспечение национальной безопасности. Десять лет Закону о стратегическом планировании в Российской Федерации» (РАНХиГС, Москва, 19 апреля 2024 г.) / А.М. Воронов, С.И. Гирько, Д.В. Ирошников [и др.] // Транспортное право и безопасность. – 2024. – № 3(51). – С. 141-159.

5. Кобец П.Н. Развитие правовых основ сотрудничества государств- участников Содружества независимых государств в борьбе с международным терроризмом и экстремизмом // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2025. – № 2(103). – С. 209-215.

6. Мороз Н.О. Актуальные вопросы международного сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий в рамках СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2016. – № 3. – С. 12-14.

7. Научно-консультативный совет при Совете министров внутренних дел государств-участников Содружества Независимых Государств. URL. https://xn--b1amas.xn--b1aew.xn--p1ai/dop-stranica/nks-pri-smvd (дата обращения: 14.09.2025).

8. Кобец П.Н. О роли научно-консультативного совета при совете министров внутренних дел СНГ в противодействии незаконной миграции как одного из условий обеспечения общественной безопасности // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2019. – № 3(27). – С. 21-26.

9. Кобец П.Н. Становление правовых и организационных основ международного научного сотрудничества, реализуемого в рамках Совета министров внутренних дел государств - участников СНГ // Международное публичное и частное право. – 2020. – № 4. – С. 14-17. – DOI 10.18572/1812-3910-2020-4-14-17.

10. Положение о Научно-консультативном совете при Совете министров внутренних дел государств - участников Содружества Независимых Государств. URL. file:///C:/Users/pkobe/Downloads/Polozhenie_o_NKS.pdf (дата обращения: 14.09.2025).

11. Решение Совета Глав Государств СНГ от 13 октября 2023 г. "О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы". URL. https://www.consultant.ru/law/podborki/mezhgosudarstvennaya_programma_sovmestnyh_mer_borby_s_prestupnostyu/ (дата обращения: 14.09.2025).

12. В Санкт-Петербурге прошло заседание Совета министров внутренних дел стран СНГ. URL. https://www.zakon.kz/sobytiia/6487205-v-sanktpeterburge-proshlo-zasedanie-soveta-ministrov-vnutrennikh-del-stran-sng.html (дата обращения: 14.09.2025).

***Коврижкина С. В.*[1],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА

В современном мире терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз глобальной безопасности, а его финансирование является ключевым фактором, обеспечивающим устойчивость и распространение террористических сетей. Согласно данным ООН, ежегодно на финансирование террористических актов расходуются миллиарды долларов, получаемые из различных источников, включая отмывание денег, торговлю наркотиками и благотворительные фонды, маскирующие незаконную деятельность [1, с. 5]. По оценкам Global Terrorism Index 2025, в 2024 году число стран, подвергшихся хотя бы одной террористической атаке, увеличилось с 58 до 66 – это максимум с 2018 года, а общее количество смертей от терроризма составило 7555, что на 13% меньше, чем в 2023 году, в основном за счет отсутствия крупных инцидентов вроде атаки ХАМАС 7 октября 2023 года [7]. Международное сообщество осознает, что эффективное противодействие этой угрозе невозможно без координированных усилий на глобальном уровне, что приводит к формированию комплексной системы международно-правовых механизмов. Эти механизмы включают универсальные конвенции, резолюции Совета Безопасности ООН, рекомендации специализированных организаций, а также региональные соглашения. Цель настоящей статьи – проанализировать ключевые элементы этой системы, выявить их эффективность и обозначить перспективы развития в контексте новых вызовов, таких как цифровизация финансовых потоков и геополитическая нестабильность.

Универсальные международно-правовые механизмы противодействия финансированию терроризма опираются прежде всего на рамочные документы Организации Объединенных Наций. Центральным актом здесь является Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, принятая Генеральной Ассамблеей ООН и вступившая в силу в 2002 году [2]. Эта конвенция определяет финансирование терроризма как умышленное предо-

[1] © Коврижкина С. В., 2025.

ставление или сбор средств, полностью или частично, для совершения актов, квалифицируемых как террористические в соответствии с приложенными к ней международными договорами (например, конвенциями о борьбе с захватом заложников или авиатерроризмом). Ключевые положения конвенции включают криминализацию таких действий (статья 2), установление юрисдикции государств над преступлениями, совершенными на их территории или их гражданами (статья 7), а также принцип aut dedere aut judicare – выдача или судебное преследование подозреваемых (статья 9) [2]. Кроме того, конвенция подчеркивает необходимость международного сотрудничества: государства обязаны предоставлять взаимную правовую помощь, обмениваться информацией и не ссылаться на банковскую тайну как на основание для отказа (статья 18). Важным аспектом является гуманитарная оговорка (статья 15), позволяющая отказать в выдаче, если есть основания полагать, что запрос мотивирован политическими или дискриминационными мотивами, что обеспечивает баланс между безопасностью и правами человека. На 2025 год конвенцию ратифицировали около 192 государств, что охватывает подавляющее большинство членов ООН, хотя некоторые страны внесли оговорки, влияющие на полноту сотрудничества.

Дополнением к конвенции 1999 года служат резолюции Совета Безопасности ООН, которые имеют обязательный характер для всех государств-членов. Резолюция 1373 от 2001 года, принятая в ответ на теракты 11 сентября, требует от государств блокировать финансовые активы лиц и организаций, связанных с терроризмом, отказывать в любой поддержке террористам и привлекать к ответственности тех, кто участвует в сборе или предоставлении средств [3]. Эта резолюция учредила Контртеррористический комитет (КТК) для мониторинга выполнения обязательств, что стало важным механизмом оценки национальных систем. Более поздние резолюции развивают эти положения: резолюция 2462 от 2019 года акцентирует внимание на замораживании активов и использовании риск-ориентированного подхода, а резолюция 2178 от 2014 года фокусируется на борьбе с финансированием иностранных боевиков-террористов, включая уголовную ответственность за их вербовку и поддержку [3]. Роль КТК заключается не только в оценке, но и в содействии технической помощи: комитет публикует доклады, анализирующие меры государств по противодействию финансированию терроризма (ПФТ), и сотрудничает с другими органами ООН, такими как Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН). По данным отчета FATF 2025 года, несмотря на эти усилия, 69% юрисдикций, оцененных FATF и глобальной сетью, демонстрируют серьезные или структурные недостатки в расследовании, преследовании и осуждении случаев финансирования терроризма, что подчеркивает необходимость усиления мер [8].

Значительную роль в глобальной системе ПФТ играет Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), созданная в 1989 году по инициативе стран G7. FATF разработала 40 рекомендаций по борьбе с отмыванием денег и 9 специальных рекомендаций по финансированию терроризма (обновленных в 2012 году до 40 рекомендаций в едином формате), которые включают требования к идентификации клиентов, мониторингу транзакций и

надзору за некоммерческими организациями, часто используемыми для отмывания средств [4]. Эти рекомендации носят мягкий характер (не являются договорами), но их выполнение оценивается в рамках региональных групп FATF (например, Евразийская группа – ЕАГ), и несоблюдение приводит к включению стран в "черные" или "серые" списки, что сказывается на их экономических отношениях. В контексте России участие в ЕАГ позволяет интегрировать национальное законодательство (ФЗ-115 "О противодействии легализации доходов") в глобальные стандарты. Согласно всестороннему обновлению рисков финансирования терроризма FATF за 2025 год, террористы все чаще используют смешанные методы, комбинируя цифровые технологии (включая социальные сети и краудфандинг) с традиционными, такими как хавала и наличные переводы, что усложняет отслеживание; при этом растет роль децентрализованных ячеек и одиночных актеров, финансируемых за счет мелких преступлений и легальных источников [7].

На региональном уровне международно-правовые механизмы адаптируют универсальные нормы к специфике регионов. Для Евразии ключевыми являются Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 года в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Договор о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с терроризмом 1999 года [5]. Шанхайская конвенция предусматривает совместные меры по пресечению финансирования, включая обмен информацией о подозрительных транзакциях и координацию правоохранительных органов. В Европе Варшавская конвенция Совета Европы 2005 года расширяет меры по конфискации активов, интегрируя их с Директивой ЕС 2018/1673 о борьбе с отмыванием денег [6]. Эти региональные акты усиливают эффективность универсальных механизмов за счет оперативного взаимодействия: например, в рамках ШОС проводятся совместные учения по финансовому мониторингу. В 2024 году, по данным Global Terrorism Index, атаки "Исламского государства" и его филиалов выросли на 6% (до 559), а смерти от них снизились на 12% (до 1805), что частично объясняется усилением регионального сотрудничества, но также указывает на адаптацию террористов к контрмерам.

Несмотря на солидный арсенал инструментов, международно-правовые институты сталкиваются с различными вызовами. Во-первых, разнородность национальных законодательств приводит к пробелам в сотрудничестве: не все страны ратифицировали конвенцию 1999 года (на 2025 год – около 192 государств, но с оговорками). Во-вторых, новые технологии, такие как криптовалюты и онлайн-платформы, усложняют отслеживание потоков: FATF в 2021 году обновила рекомендации по виртуальным активам, но их внедрение отстает; отчет 2025 года отмечает рост угроз от одиночных актеров, часто молодых, использующих микрофинансирование через игры и соцсети. В-третьих, геополитические конфликты, включая санкционные режимы, иногда используются для обхода мер ПФТ. Для преодоления этих проблем необходимы дальнейшая гармонизация норм, усиление роли КТК в оценках рисков и развитие цифровых инструментов обмена данными. Кроме того, в регионах конфликтов, таких как

Сахель (где в 2024 году пришлось 51% глобальных смертей от терроризма – 3885 случаев), гуманитарная помощь рискует быть перенаправленной на финансирование террористов, что требует строгого мониторинга.

В заключение, международно-правовые механизмы противодействия финансированию терроризма формируют многоуровневую систему, сочетающую обязательные конвенции и резолюции с гибкими рекомендациями. Их эффективность подтверждается снижением глобальных террористических смертей на 13% в 2024 году (по данным Global Terrorism Index), но общий тренд за последнее десятилетие остается смешанным: без учета аномалий 2023 года смертность стабилизировалась на уровне 2017 года, а число атак выросло бы на 8% без снижения в отдельных странах. Участие России в этих механизмах, включая председательство в ЕАГ в 2024–2025 годах, подчеркивает ее вклад в глобальную безопасность. Дальнейшее развитие должно фокусироваться на интеграции ИИ в мониторинг, устранении 69% дефицитов в расследованиях (по FATF) и укреплении регионального сотрудничества для противодействия децентрализованным угрозам.

Список литературы

1. Международно-правовое регулирование противодействия финансированию терроризма // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 28. С. 4–20.

2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года // Декларации и конвенции ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml (дата обращения: 01.10.2025).

3. Резолюция Совета Безопасности ООН 1373 (2001) // Резолюции СБ ООН. URL: http://www.un.org/russian/documen/scresol/res2001/res1373.htm (дата обращения: 01.10.2025).

4. Рекомендации FATF по борьбе с отмыванием денег и финансированию терроризма. Париж: FATF, 2012. 124 с.

5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. // Документы ШОС. URL: http://www.sectsco.org/RU/show.asp?id=82 (дата обращения: 01.10.2025).

6. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма 2005 г. // Документы Совета Европы. URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/international_conventions.php (дата обращения: 01.10.2025).

7. Международное уголовное право : Учебник / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева, А. А. Козлова [и др.]. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

***Коннов В. А.*[1],**
докторант факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПРАКТИКИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА НА ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАВОВЫЕ НОРМЫ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Во второй половине XX века благодаря деятельности ООН и многих других региональных организаций система международной защиты прав человека вышла на новый уровень своего развития. И это выразилось не только в заключении и ратификации многочисленных международных договоров, а в том числе и в появлении контрольных механизмов, призванных обеспечить их выполнение государствами. За последние десятилетия сформировалось два типа таких контрольных механизмов - основанные на судебных процедурах (международные региональные суды по правам человека) и основанные на внесудебных процедурах (комитеты ООН по правам человека, региональные комиссии по правам человека). Несмотря на существенные различия в правовой природе, процессуальных и организационных аспектах их деятельности, а также в правовых последствиях выносимых решений, есть несколько моментов, которые их объединяют. Это, во-первых, то, что в них могут быть поданы обращения (жалобы) физических и юридических лиц, исчерпавших внутригосударственные средства защиты своих прав. Во-вторых, такие обращения связаны с возможными нарушениями со стороны государств обязательств, вытекающих из соответствующих международных договоров. В-третьих, контрольные механизмы роднит то, что многие из них могут выносить по данным обращениям решения, квалифицируя конкретные ситуации в качестве нарушения договорных норм.

Правовые последствия принимаемых межгосударственными органами решений по индивидуальным и коллективным обращениям сводится, как известно, к двум основным аспектам - к принятию национальными властями мер, восстанавливающих нарушенное право конкретного заявителя (меры индивидуального характера), и к модернизации внутригосударственных правовых норм в целях недопущения аналогичных нарушений в будущем (меры общего характера) [1, с. 83-93.]. В этих двух формах государственного реагирования прослеживается разная степень обязательности, а также различия по такой обязательности относительно разных межгосударственных органов. В частности, в некоторых из них исполнение решений в порядке мер индивидуального характера является строго обязательным, а меры общего характера могут пред-

[1] © Коннов В. А., 2025.

приниматься властями исходя из собственных соображений (Европейский Суд по правам человека). Другие межгосударственные органы являются более гибкими. Комитеты ООН по правам человека, будучи внесудебными институтами, принимают только рекомендательные акты, что отражается и на обязательности мер индивидуального и общего характера [2, с. 224-332]. Тоже самое относится и к решениям различных региональных комиссий по правам человека. Следовательно, степень влияния практики межгосударственных органов по правам человека на национальное право зависит как минимум от двух аспектов: от правовой природы самого органа, а также от положений базовых договоров относительно обязательности реагирования на такие решения.

Реализация практики межгосударственных органов по правам человека на национальном уровне в виде изменений в законодательстве и правоприменительной деятельности не является обязательствами государств, вытекающих из договоров. Это, в частности не следует напрямую ни из положений базовых конвенций, ни из решений самих органов. Более того, в некоторых их актах в контексте рассмотрения отдельных жалоб прямо указывалось на отсутствие обязательства изменять национальное право[1].

Тем не менее, за много десятилетий существования практики межгосударственных органов ее влияние на национальное законодательство и правоприменительную деятельность отдельных государств прослеживается весьма часто. Степень такого влияния сильно различается в зависимости от типа правовой системы, вида межгосударственного органа, выносившего решения, международной организации, под эгидой которой организован и действует тот или иной суд, комитет или комиссия. Также степень влияния очевидно зависит от того, к какой сфере общественных отношений относятся жалобы. Упрямая статистика Комитетов ООН, региональных судов и комиссий показывает, что большинство обращений связаны с действиями правоохранительных органов, в частности полиции. В частности, 50-60% жалоб в ЕСПЧ, Межамериканский суд по правам человека, Комитет ООН по правам человека за 2019-2024 годы (последние пять лет) относились к вопросам нарушения тех статей базовых договоров, которые гарантируют права, обычно ограничиваемые властями в рамках мер по противодействию преступности (право на личную неприкосновенность, право на защиту от пыток, право на справедливое судебное разбирательство [3], право на неприкосновенность частной жизни и т.д.). Данная статистика вполне объяснима, поскольку с ограничительным воздействием именно со стороны правоохранительных органов граждане сталкиваются в повседневной жизни чаще всего, и это воздействие носит наиболее жесткий характер - выражается в большей сте-

[1] В делах Джеймс и другие и в деле Литгоу и другие, ЕСПЧ постановил, что от государств не требуется инкорпорировать Конвенцию во внутреннее законодательство, но что “суть прав и свобод, изложенных, должна быть обеспечена внутренним правопорядком, в той или иной форме, каждому, кто находится под юрисдикцией Договаривающихся государств”, ЕСПЧ, Джеймс и другие против Соединенного Королевства, Жалоба № 8793/79, Решение от 21 февраля 1986 г., пункт 84, и Литгоу и другие против Соединенного Королевства, Жалоба № 9006/80, 9262/81, 9263/81, 9265/81, 9266/81, 9313/81, 9405/81, Решение от 8 июля 1986 г., пункт 205.

пени не в финансовых потерях, а в лишении свободы в самых различных формах, ущербом для здоровья и др.

Реализация государствами решений межгосударственных органов по правам человека в контексте мер общего характера часто затрагивает правоохранительное законодательство. Несмотря на мягкий характер такого влияния, тем не менее, власти нередко признают необходимость корректировки внутренних норм для предотвращения аналогичных нарушений в будущем. Спектр таких корректировок весьма широкий и является результатом более обширного исследования. Однако в рамках настоящей статьи хотелось бы остановиться на двух концептуальных аспектах: на примерах реализации практики межгосударственных органов по правам человека в сфере правоохранительной деятельности и на формах такой реализации.

Направления и формы реализации практики в национальном праве:

1) Корректировка внутригосударственных норм уголовно-процессуального законодательства по таким вопросам как: реформа правил о допустимости доказательств, особенно в случаях, когда доказательства были получены незаконным путем. К примеру, Закон Великобритании о защите свобод 2012 года (Protection of Freedoms Act 2012)[1] коренным образом реформировал систему, позволявшую полиции на постоянной основе хранить отпечатки пальцев, образцы ДНК и профили ДНК всех лиц, арестованных по подозрению в совершении любого правонарушения, даже если они впоследствии были оправданы или дело против них было прекращено. Суть изменений была связана с делом S. and Marper v. The United Kingdom (2008) [4], и выразились они в том, что:

- данные лиц, оправданных или в отношении которых дело было прекращено, в большинстве случаев должны быть уничтожены;

- ведены строгие временные рамки для хранения данных в исключительных случаях (например, для серьезных преступлений).

2) Корректировка норм внутреннего уголовно-исполнительного законодательства. В частности, в рамках выполнения постановления Европейского Суда от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против Российской Федерации» (жалоба № 23284/04) [5] Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации» в законодательство Российской Федерации введены положения, направленные на защиту от произвольного вмешательства в право на уважение корреспонденции осужденных к лишению свободы.

3) Корректировка внутригосударственных норм, направленных на защиту персональных данных лиц, попавших в орбиту уголовного преследования. В качестве примера можно привести постановление ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» (жалоба № 1585/09) [6], на основе которого был принят Федеральный закон от 23 июля 2013 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с уточнением полномочий органов прокуратуры Российской Федерации по во-

[1] UK Protection of Freedoms Act 2012. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/9/contents (дата обращения: 27.06.2025).

просам обработки персональных данных». Также был издан приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 22 ноября 2013 г. № 506 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке обработки в органах прокуратуры Российской Федерации персональных данных, полученных в связи с осуществлением прокурорского надзора».

4) Корректировка национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части уточнения оснований для амнистии и помилования лицам, виновным с серьезных или грубых и массовых нарушениях прав человека. В частности, Межамериканский Суд по правам человека (МАСПЧ) в рамках дела «Барриос Альтос против Перу» (Barrios Altos v. Peru) 2001 г. [7] постановил, что законы об амнистии, препятствующие расследованию серьезных нарушений прав человека (таких как пытки, внесудебные казни и насильственные исчезновения), не имеют юридической силы. Верховный суд Перу в 2003 году официально отменил законы об амнистии, прямо сославшись на решение МСПЧ по делу «Барриос Альтос». Это открыло дорогу для судебных процессов над бывшим президентом Перу Альберто Фухимори и другими высокопоставленными лицами за преступления против человечности. Этот прецедент стал краеугольным камнем для всей межамериканской системы, и на него стали ссылаться суды в других странах (Чили, Аргентина, Уругвай) для отмены аналогичных амнистий.

5) Криминализация или усиление уголовной ответственности за отдельные виды деяний на основе практики межгосударственных органов. В качестве примера можно привести реформу уголовного законодательства Турции в связи с позициями Комитета по ликвидации дискриминации в отношении женщин (КЛДЖ), высказанными им в своих Заключительных замечаниях [8]. В частности, рекомендации Комитета, наряду с давлением местных НПО, способствовали принятию в 2004 году нового Уголовного кодекса Турции, в котором:

- были отменены положения, смягчавшие наказание за так называемые «преступления чести»;
- сексуальные домогательства и насилие в семье были криминализированы более строго;
- было введено понятие «преследования» (сталкинга).

Выше были приведены далеко не все возможные варианты влияния практики межгосударственных органов по правам человека на национальное право в сфере борьбы с преступностью. Но даже приведенный перечень изменений показывает широту охвата направлений правоохранительной деятельности, которые затронули такие изменения, то, что их источником явились решения и рекомендации как судебных, так и внесудебных органов. Также следует отметить общую тенденцию, в соответствии с которой расширяется круг вопросов, по которым различные государства «прислушиваются» к решениям межгосударственных органов и реализуют соответствующие позиции на внутреннем уровне.

Список литературы

1. Солнцев, А. М. Юридический статус актов договорных органов по правам человека в национальных правовых системах / А. М. Солнцев, А. Е. Конева // Международное правосудие. – 2013. – № 4(8). – С. 82-93.

2. Абашидзе, А. Х., Договорные органы по правам человека : учебное пособие / А. Х. Абашидзе, А. Е. Конева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : РУДН, 2015. – 437 с.

3. Соловьева, А. С. Защита права человека на справедливое судебное разбирательство по уголовным делам в практике межгосударственных органов по правам человека : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.5. – М., 2024. – 245 с.

4. Case of S. And Marper v. The United Kingdom (Applications nos. 30562/04 and 30566/04). URL: https://hudoc.echr.coe.int/fre#{%22itemid%22:[%22001-90051%22]}.

5. Постановление ЕСПЧ от 28 октября 2010 г. по делу «Борис Попов против Российской Федерации» (жалоба № 23284/04). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=227956#QOT3f1VY9Mbt8Uii1.

6. Постановление ЕСПЧ от 6 июня 2013 г. по делу «Авилкина и другие против Российской Федерации» (жалоба № 1585/09). URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=346151#sjk4f1V4dgAKV0hP.

7. Case of Barrios Altos v. Peru Judgment of March 14, 2001. URL: https://www.corteidh.or.cr/docs/casos/articulos/seriec_75_ing.pdf.

8. GENERAL RECOMMENDATION ON GENDER STEREOTYPES CONCEPT NOTE URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/documents/hrbodies/cedaw/activities/General-Recommendation-41-gender-stereotypes.docx.

Константинов А. В.*[1]*,
доцент кафедры
«Уголовное право, уголовный процесс
и правоохранительная деятельность»
Юридического института
Российского университета транспорта,
кандидат юридических наук, доцент

ПРЯМОЙ ДОСТУП ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ К ОБЛАЧНЫМ ДАННЫМ ПРОТИВ ТРАДИЦИОННЫХ МЕХАНИЗМОВ ВЗАИМНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ (MLA): ОЦЕНКА РИСКОВ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И ПУТИ ИХ МИНИМИЗАЦИИ

Современная преступность все более приобретает транснациональный и цифровой характер. По данным МВД России, наблюдается снижение количества преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В общем числе зарегистрированных преступлений их удельный вес уменьшился с 39,3% в январе – сентябре 2024 года до 38,5% [8]. Значительная часть доказательственной информации по таким делам, включая персональные данные пользователей, хранится на серверах зарубежных IT-корпораций (таких как Microsoft, Google, Amazon) в рамках моделей облачных вычислений. Это ставит перед российскими правоохранительными органами сложную задачу оперативного получения таких данных для раскрытия и расследования преступлений.

Традиционным механизмом решения этой задачи является институт взаимной правовой помощи, регламентированный многосторонними (например, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам 1959 года [7]) и двусторонними договорами РФ. Однако процедура взаимной правовой помощи характеризуется значительной длительностью, бюрократической сложностью и не всегда приводит к желаемому результату в силу политических разногласий или различий в материальном праве. В этих условиях все более распространенной практикой становятся прямые запросы российских правоохранительных органов к иностранным провайдерам, минуя официальные каналы. Актуальной проблематикой остается наличие острой коллизии между потребностью в эффективном доступе к цифровым доказательствам и необходимостью обеспечения конституционных прав граждан на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ [1]) и защиту персональных данных (ст. 24 Конституции РФ), а также соблюдения международно-правовых принципов, в первую очередь, уважения государственного суверенитета.

В Российской Федерации при необходимости производства на территории иностранного государства допроса, осмотра, выемки, обыска, судебной экспертизы или иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ,

[1] © Константинов А. В., 2025.

суд, прокурор, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель вносит запрос об их производстве компетентным органом или должностным лицом иностранного государства в соответствии с международным договором Российской Федерации, международным соглашением или на основе принципа взаимности. Общий порядок направления запроса о правовой помощи предусмотрен ст. 453 УПК РФ [2].

Ключевой коллизией является противоречие между широкими полномочиями следователя по УПК РФ и императивными требованиями ФЗ-152 «О персональных данных» [3]. Согласно п. 2 ст. 12 данного закона, трансграничная передача персональных данных на территорию иностранного государства может осуществляться только при обеспечении адекватной защиты прав субъектов данных. При этом статус России в смысле «адекватности» уровня защиты с точки зрения права ЕС (после решения Суда ЕС по делу «Schrems II» [9]) и многих других юрисдикций является негативным. Таким образом, подобные действия ставят иностранного провайдера перед дилеммой: нарушить законодательство страны своего местонахождения (например, GDPR в ЕС) или проигнорировать запрос российских властей.

Еще одной проблемой является отсутствие гарантий для субъектов данных. При процедуре взаимной правовой помощи запрос санкционируется судом запрашивающего государства и проверяется центральным органом запрашиваемого государства. Прямой запрос лишает субъекта данных (например, пользователя облачного сервиса) возможности обжаловать действия по передаче его данных в иностранные правоохранительные органы, что нарушает принцип справедливости судопроизводства, закрепленный в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [6].

Ограничение прав на неприкосновенность частной жизни и тайну связи возможно только на основании судебного решения и в строгом соответствии с федеральным законом. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну означает предоставленную человеку и гарантированную государством возможность контролировать информацию о самом себе, препятствовать разглашению сведений личного, интимного характера (например, Постановление от 16.06.2015 №15-П, от 25.05.2021 №22-П) [4, 5].

С международно-правовой точки зрения, практика прямых запросов может рассматриваться как нарушение принципа суверенного равенства государств (ст. 2 Устава ООН) и вмешательство во внутренние дела государства, на территории которого находятся серверы с данными.

Мировая практика предлагает различные подходы к решению данной проблемы:

1. Модель США (Cloud Act): Закон CLOUD Act позволяет правительству США заключать исполнительные соглашения с иностранными государствами, позволяя их правоохранительным органам напрямую запрашивать данные у американских провайдеров, минуя процедуры ВПП, при условии соблюдения

определенных правовых стандартов (наличие обоснованного подозрения, уважение к правам человека) [10]. Ключевым элементом является принцип взаимности.

2. Модель ЕС (Регламент e-Evidence): Предлагаемый регламент ЕС о электронных доказательствах устанавливает единые правила для прямых запросов судов и правоохранительных органов государств-членов ЕС к поставщикам услуг, расположенным в другом государстве-члене, с уведомлением судебных органов страны назначения и возможностью оспаривания [11].

Обе модели демонстрируют движение в сторону либерализации прямого доступа, но в строгих процессуальных рамках, обеспечивающих контроль и защиту прав.

Стихийно сложившаяся практика прямых запросов к иностранным облачным провайдерам существует в правовом вакууме и порождает значительные риски: от нарушения международного права и законодательства о защите данных до признания полученных доказательств недопустимыми. Действующий УПК РФ и ФЗ-152 не содержат механизмов для разрешения коллизии, связанных с практикой прямых запросов, однако предложенная модель правового урегулирования процедуры прямого доступа, основанная на судебном контроле, принципе взаимности и заключении международных соглашений, позволит привести действия правоохранительных органов в соответствие с конституционными стандартами и международно-правовыми обязательствами России. Это повысит эффективность борьбы с транснациональной киберпреступностью, обеспечив при этом надежные гарантии защиты персональных данных и цифровых прав граждан.

Перспективой дальнейших исследований может стать детальная проработка модельных положений международного соглашения о прямом доступе к электронным доказательствам для государств-членов ЕАЭС, а также анализ вопросов юрисдикции в отношении данных в условиях развития технологий распределенных реестров (блокчейн).

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/.

3. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса

Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» в связи с жалобой граждан Г.Ф. Грубич и Т.Г. Гущиной» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2021 № 22-П «По делу о проверке конституционности пункта 8 части 1 статьи 6 Федерального закона «О персональных данных» в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «МедРейтинг» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_385041/.

6. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/.

7. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам (Заключена в г. Страсбурге 20.04.1959) // https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51326/.

8. О состоянии преступности в России за январь-сентябрь 2025 год // Официальный сайт МВД РФ. – URL: https://media.mvd.ru/files/application/15123414.

9. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 16 July 2020. Data Protection Commissioner v Facebook Ireland Limited and Maximillian Schrems. Case C-311/18. // – URL: https://www.dataprotection.ie/sites/default/files/uploads/2021-03/CJEU%20Judgment%2016.07.2020.pdf (*Facebook – признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ).

10. Clarifying Lawful Overseas Use of Data Act (CLOUD Act) // U.S. Congress. – 2018. – URL: https://www.justice.gov/criminal/cloud-act-resources

11. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on European Production and Preservation Orders for electronic evidence in criminal matters (e-Evidence regulation) // EUR-Lex. – 2018. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52018PC0225.

12. Расследование преступлений, совершенных с использованием криптовалюты: Учебное пособие / Д. А. Иванов, М. М. Макаренко, В. В. Пушкарев, Е. А. Русскевич. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 80 с.

***Королева Е. В.*[1],**
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

ОБМЕН ОПЫТОМ РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В современном мире мы наблюдаем стремительное развитие телекоммуникационных и информационных технологий, упрощающих и ускоряющих коммуникацию людей, документооборот как внутри стран, так и в мировых масштабах. Авиасообщение, быстроходные суда, электропоезда, развитая сеть автомобильных дорог обеспечивают оперативное передвижение людей и грузов между странами и континентами. Вместе с тем, наряду с быстрым обменом информацией и товарами, инновационные каналы связи и транзита активно используются преступными сообществами как для планирования и совершения противоправных деяний, угрожающих человечеству в целом, так и для осуществления незаконных финансовых операций, ввоза контрабанды, реализации преступных замыслов транснационального характера, получивших общемировой размах. В данной статье проанализируем, что понимается под международной преступностью, разберемся, какие виды подобных деяний представляют наибольшую опасность, и изучим, каким образом строится взаимодействие правоохранительных органов России и зарубежных государств в данной сфере с учетом текущей политической обстановки.

Каждое государство ставит гарантии национальной безопасности приоритетным условием мирного сосуществования и стремится защитить и отстоять свои интересы на мировой арене. Вместе с тем, мировое сообщество постоянно подчеркивает, в том числе на высшем уровне, важность совместного решения общемировых проблем, включая противодействие преступности.

Международными признаются, прежде всего, преступления против мира и безопасности [1, с. 186]: агрессия, геноцид, преступления против человечности, преступления против сотрудников ООН и связанного с ней персонала, военные преступления [2, с. 4].

Вместе с тем, в последнее время понятие «международная преступность» все чаще ассоциируется с другим значением: «противоправное функционирование профессиональных преступных либо транснационально-структурированных объединений, непосредственно связанное с пересечением данными преступными группами границ различных государств для того, чтобы иметь возможность реализовать свои преступные замыслы» [3, с.20]. Подобные преступления, хотя и не несут прямой угрозы миру и стабильности, представляют несомненную общественную опасность (незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, нелегальная эмиграция), наносят ущерб

[1] © Королева Е. В., 2025.

экономике (контрабанда, фальшивомонетничество, легализация преступных доходов, нарушают права человека (работорговля, распространение порнографии, пытки и жестокие наказания), нарушают стабильность межгосударственных отношений (терроризм, захват заложников, вербовка). По причине их широкого распространения, подобные преступления приобрели поистине международный характер и требуют решительных действий всего мирового сообщества.

Они представляют все большую угрозу для общества по причине латентности, высокой организованности, финансовой обеспеченности деятельности преступных сообществ. Организаторы пристально отслеживают и успешно используют в своих интересах межгосударственные, религиозные, социальные конфликты, вовлекая в преступные сообщества наиболее уязвимые слои населения. Все это позволяет говорить о международном характере таких преступлений и подчеркивает важность сотрудничества правоохранительных органов в сфере противодействия международным преступлениям.

Сложившаяся на данный момент мировая обстановка способствует росту международной преступности и в значительной мере затрагивает интересы нашей страны.

Сложность налаживания политического взаимодействия, санкционное давление на Российскую Федерацию со стороны западных стран, открытое игнорирование интересов России в условиях проведения специальной военной операции осложняет сотрудничество Российской Федерации с зарубежными коллегами во многих областях науки, искусства, спорта, промышленности и торговли. К счастью, взаимодействие в правовом поле не прервалось. Россия продолжает быть активным членом Совета безопасности ООН, принимает живое участие в противодействии преступности в рамках своего внешнеполитического курса, тщательно соблюдает принципы и нормы международного права. Наша страна всегда готова оказать зарубежным партнерам правовую помощь, включая экстрадицию; российские ученые участвуют в международных научно-представительских мероприятиях, проводят совместные исследования в сфере противодействия преступности. Как член Интерпола Россия принимает активное участие в борьбе с международными преступлениями. Восемьдесят региональных подразделений Интерпола функционируют в нашей стране, каждое из них предоставляет Национальному Центральному бюро в Москве информацию, полученную в ходе расследований и операций на местах. Распространяя полученные данные по всему миру, НЦБ помогает контролировать и предотвращать транснациональную преступность по следующим направлениям: расследования в отношении лиц, скрывающихся от правосудия, борьба с организованной преступностью и терроризмом, предотвращение экономических преступлений и подделки валюты, розыск угнанных автомобилей, похищенных произведений искусства, пресечение незаконного оборота наркотиков, контрабанды огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, противодействие киберпреступности, конфискация поддельных документов.

Несмотря на попытки ряда стран изолировать Российскую Федерацию, исключив ее из Интерпола в обход уставных документов, Международная организация уголовной полиции категорически отказалась от подобного шага, ссылаясь на статью 2 Устава организации, гарантирующую обеспечение полицейского сотрудничества и предоставление открытых каналов связи. В заявлении сказано, что мандат Интерпола на предусматривает наложение санкций и карательных мер, а также отстранение страны или прекращение ее членства в Организации. Генеральный секретариат подчеркнул, что правила Интерпола строго запрещают предпринимать какие-либо действия политического, военного, религиозного или расового характера [4]. Многие страны заявили о своей заинтересованности в сотрудничестве с Российской Федерацией по линии Интерпола, подчеркнув серьезные опасения по поводу безопасности в случае прекращения обмена информацией.

Тем не менее, ряд надзорных мер были приняты Интерполом для предотвращения злоупотребления каналами Организации в связи с преследованием отдельных лиц в рамках конфликта на Украине и за его пределами. Так, начиная с марта 2022 года НЦБ в Москве больше не может напрямую отправлять информационные бюллетени странам-членам, требуется предварительное одобрение Генерального секретариата.

Несмотря на сложности, Российская Федерация продолжает вносить свой вклад в противодействие и предотвращение международной преступности.

Так с декабря 2024 года по май 2025 года Россия совместно с 89 другими странами принимала участие в операции Pangea XVII, направленной на пресечение незаконной торговли нелицензированными и поддельными лекарственными препаратами через Интернет. Совместными усилиями полицейские арестовали 769 подозреваемых и ликвидировали 123 преступные группы. Стоимость конфискованных лекарственных препаратов оценивается в 65 миллионов американских долларов, но гораздо ценнее спасенные человеческие жизни [5].

В данный момент Российская Федерация участвует в пилотном проекте по внедрению новых серебряных уведомлений Интерпола. Эта инициатива отвечает стремлению Интерпола содействовать международному сотрудничеству в области возвращения активов, включая взаимодействие со странами-членами, Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) и Управлением ООН по наркотикам и преступности. С помощью уведомлений данного типа страны-участницы могут запрашивать информацию об активах, связанных с преступной деятельностью человека, такой как мошенничество, коррупция, незаконный оборот наркотиков, экологические преступления и другие серьезные правонарушения. Впоследствии, данная информация может быть использована для ареста, конфискации или возвращения активов в соответствии с национальным законодательством [6]. Подобная практика, безусловно, необходима, поскольку беловоротничковые преступления, незаконный оборот наркотиков, финансирование террористической деятельности представляют все более серьезную угрозу для каждой страны и мирового сообщества в целом.

Таким образом, несмотря на сложную политическую обстановку и выраженные конфликты между отдельными странами, международное сотрудничество в сфере борьбы с международной преступностью не прерывается и даже выходит на новый уровень взаимодействия и взаимопомощи. Совместные операции полицейских служб различных стран позволяют эффективно раскрывать преступления и предотвращать угрозы мировому правопорядку. Российская Федерация активно сотрудничает с зарубежными коллегами, как обеспечивая собственную национальную безопасность, так и внося вклад в общую борьбу с международной преступной деятельностью.

Список литературы

1. Рыжов, В. Б. Международная преступность: понятие, доктринальное и правовое обоснование методов противодействия ей на современном этапе / В. Б. Рыжов // Образование и право. – 2018. – № 4. – С. 183-192. – EDN ORXRHV.

2. Мироненко С. Ю. Понятие и виды международных преступлений // Российско-азиатский правовой журнал. 2024. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-mezhdunarodnyh-prestupleniy.

3. Номоконов В. А. Транснациональная организованная преступность: дефиниции и реальность. Монография. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2001. – 375 с.

4. Ukraine: INTERPOL General Secretariat statement. 10.03.2022 (электронный ресурс): URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2022/ Ukraine-INTERPOL-General-Secretariat-statement.

5. Record 769 arrests and USD 65 million in illicit pharmaceuticals seized in global bust. 25.06.2025. (электронный ресурс). URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2025/Record-769-arrests-and-USD-65-million-in-illicit-pharmaceuticals-seized-in-global-bust.

6. INTERPOL publishes first Silver Notice targeting criminal assets. 10.01.2025. (электронный ресурс). URL: https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2025/INTERPOL-publishes-first-Silver-Notice-targeting-criminal-assets.

Котцова М. П.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОРЬБЕ С ФИНАНСИРОВАНИЕМ ТЕРРОРИЗМА

Современное состояние международной безопасности характеризуется беспрецедентным ростом террористических угроз, которые приобретают глобальный трансграничный характер и требуют комплексного международного ответа. Финансирование терроризма представляет собой одну из наиболее опасных форм преступной деятельности, поскольку обеспечивает материальную основу для совершения террористических актов и функционирования террористических организаций.

1. Правовые основы деятельности международных организаций в сфере противодействия финансированию терроризма.

Международно-правовая основа противодействия финансированию терроризма формировалась поэтапно в ответ на эволюцию террористических угроз. Ключевым документом стала Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 года, которая заложила фундаментальные принципы международного сотрудничества в данной сфере [5]. Конвенция определила финансирование терроризма как уголовное преступление и установила обязательства государств по его предотвращению, включая требования по криминализации соответствующих деяний в национальном законодательстве.

События 11 сентября 2001 года кардинально изменили подходы международного сообщества к борьбе с терроризмом. Резолюция Совета Безопасности ООН №1373 от 28 сентября 2001 года впервые признала терроризм угрозой международному миру и безопасности и установила всеобщую обязательную программу противодействия терроризму [8].

Дальнейшее развитие международно-правовой базы связано с принятием Резолюции СБ ООН №2463 от 28 марта 2019 года, которая определяет современное понимание финансирования терроризма как сбор, перемещение, передачу и предоставление доступа к средствам террористическим организациям

[1] © Котцова М. П., 2025.

[9]. Данная резолюция учитывает новые вызовы, связанные с использованием современных финансовых технологий в террористических целях.

Особое значение имеет деятельность Международного суда ООН в рассмотрении споров, связанных с применением конвенции о борьбе с финансированием терроризма. Решение Международного суда от 31 января 2024 года по делу «Украина против Российской Федерации» продемонстрировало сложности в применении международно-правовых норм о финансировании терроризма на практике [6].

2. Роль ООН и ее структурных подразделений в противодействии финансированию терроризма

Организация Объединенных Наций играет центральную роль в координации международных усилий по борьбе с финансированием терроризма. Совет Безопасности ООН, выполняя свою основную функцию поддержания международного мира и безопасности, сосредоточился на эффективности мер противодействия терроризму, в то время как Генеральная Ассамблея обеспечивает справедливость и соответствие этих мер принципам ООН.

После терактов 11 сентября 2001 года роль Совета Безопасности значительно возросла. Был создан Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН при поддержке Исполнительного директората, а также существенно расширена деятельность комитета по санкциям, учрежденного резолюцией 1267 (1999) [4, с. 36]. Эти органы играют ключевую роль в координации международных усилий по блокированию финансовых активов террористических организаций.

Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) реализует специализированные программы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. В рамках Глобальной программы борьбы с отмыванием денег, доходами от преступной деятельности и финансированием терроризма УНП ООН помогает государствам-членам укреплять национальные системы противодействия. Программа обеспечивает выработку соответствующей политики и углубленную подготовку персонала национальных органов и частного сектора [3, с.149].

Контртеррористический центр Управления ООН по борьбе с терроризмом разрабатывает специализированные руководства по противодействию использованию новых технологий в террористических целях. В 2024 году было презентовано Руководство по противодействию использованию виртуальных активов и провайдеров услуг виртуальных активов в целях финансирования терроризма, подготовленное с участием российского Росфинмониторинга.

Особую роль играет система санкций ООН, которая позволяет замораживать активы лиц и организаций, связанных с террористической деятельностью. По резолюции 2253 (2015) в перечень включена террористическая организация ИГИЛ, что обеспечило правовую основу для международного сотрудничества по блокированию ее финансирования.

3. Деятельность ФАТФ и региональных групп по типу ФАТФ

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) является ключевой международной организацией в сфере противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. В состав ФАТФ входят 33 государства, включая Российскую Федерацию с 2003 года. Организация разрабатывает международные стандарты и рекомендации, которые регулярно обновляются в соответствии с эволюцией угроз.

ФАТФ в 2019 году представила специальные рекомендации для криптовалютных компаний, требующие внедрения мер по борьбе с отмыванием денег (AML) и идентификации клиентов (KYC). Эти меры включают обязательную идентификацию клиентов, мониторинг и отчетность по подозрительным транзакциям, сотрудничество с правоохранительными органами. Однако эффективность существующей системы остается недостаточной: по экспертным оценкам, система финансового мониторинга выявляет лишь около 10% случаев отмывания денег [11].

По инициативе России в рамках ФАТФ проводятся специализированные исследования по финансированию ИГИЛ, результаты которых публикуются три раза в год и позволяют странам обмениваться актуальной информацией о методах финансирования международного терроризма. Российская Федерация также инициировала новаторское исследование финансовой составляющей в процессе вербовки лиц для террористической деятельности.

Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), созданная по инициативе России в 2004 году, является одной из наиболее активных региональных групп по типу ФАТФ. По итогам 4-го раунда взаимных оценок ФАТФ в октябре 2019 года Российская Федерация вошла в пятерку государств с наиболее эффективными антиотмывочными режимами. Особо отмечены передовые подходы к проведению национальной оценки рисков, межведомственная координация и высокий уровень финансовой разведки [11].

Совет руководителей подразделений финансовой разведки государств-участников СНГ проводит регулярные операции по выявлению лиц, причастных к деятельности международных террористических организаций. С 2015 года эта работа позволила заморозить сотни счетов лиц, имеющих отношение к терроризму.

4. Современные вызовы: криптовалюты и цифровые активы в финансировании терроризма

Развитие криптовалют и цифровых активов создало принципиально новые возможности для финансирования террористической деятельности, что представляет серьезный вызов для международного сообщества. Россия в 2024 году ввела комплексное регулирование криптовалют, включая создание государственного реестра подозрительных криптоадресов для борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма.

Росфинмониторинг России неоднократно фиксировал факты финансирования терроризма с использованием таких криптовалют, как Bitcoin, Ethereum и Monero. Риски использования террористами виртуальных активов связаны с

высокой анонимностью криптовалют, децентрализованностью их выпуска и обращения. Эксперт ООН Камаль Анвар отметил, что риски очень большие, но масштаб угрозы оценить трудно [10, с. 79].

Террористы значительно повысили внимание к криптовалютам, поскольку их использование помогает обходить финансовые организации и их инструменты борьбы с финансированием терроризма. От Bitcoin террористические организации переходят к использованию Tron, который является «слепым пятном» в борьбе с финансированием терроризма. Tron стал доминирующей блокчейн-платформой для транзакций с Tether, крупнейшим стейблкоином.

Росфинмониторинг разработал систему "Прозрачный блокчейн" для отслеживания трансакций в криптовалюте, которая позволяет создавать базы данных криптовалютных кошельков, связанных с финансированием преступной деятельности. Эксперт ООН Камаль Анвар предложил сделать этот инструмент доступным всем специалистам для совместной борьбы с финансированием терроризма [10, с. 81].

Новой угрозой становится использование искусственного интеллекта в преступной деятельности для сбора средств и пропаганды. ООН подготовила отчет на эту тему, и дискуссии ведутся на уровне Генерального секретаря Антониу Гутерриша.

При этом, несмотря на развитую международно-правовую базу и активную деятельность международных организаций, существует ряд серьезных проблем, препятствующих эффективному международному сотрудничеству в борьбе с финансированием терроризма.

Одной из проблем является разобщенность государств в трактовке понятия «экстремизм» и подходах к борьбе с его финансированием, что существенно ограничивает возможности эффективного международного сотрудничества. Если на антитеррористическом треке международное сотрудничество развивается эффективно, то о едином международном контр-экстремистском фронте говорить пока рано.

Следующей проблемой является недостаточное регулирование сферы оборота виртуальных активов. В связи с отсутствием адекватного законодательного регулирования криптовалют, включая деятельность посредников, рейтинг России по рекомендации ФАТФ №15 «Новые технологии» был снижен до уровня «Частичное соответствие» [3, с. 151].

В том числе проблемой является политизация международного сотрудничества, что демонстрирует решение Международного суда ООН по делу «Украина против России», где политические мотивы преобладали над правовыми аспектами.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что международные организации играют центральную роль в борьбе с финансированием терроризма, обеспечивая разработку международно-правовых стандартов, координацию усилий государств и техническую поддержку национальных систем противодействия. ООН формирует общую правовую рамку через конвенции и резолюции Совета Безопасности, ФАТФ устанавливает техниче-

ские стандарты и проводит оценку их соблюдения, а региональные группы адаптируют международные подходы к специфике конкретных регионов.

Однако анализ современного состояния международного сотрудничества выявил четыре ключевые проблемы, требующие незамедлительного решения. Во-первых, недостаточная координация между международными организациями и национальными органами приводит к дублированию функций и снижению эффективности информационного обмена. Во-вторых, формальный подход к применению риск-ориентированных методов не позволяет сосредоточить ресурсы на реальных угрозах. В-третьих, отсутствие единых подходов к определению экстремизма препятствует формированию комплексной системы противодействия. В-четвертых, недостаточное регулирование криптовалют создает новые возможности для террористов.

Для повышения эффективности международного сотрудничества необходимо реализовать следующие меры. Следует создать единую информационную платформу для обмена данными между всеми заинтересованными организациями с обеспечением необходимых гарантий конфиденциальности. Требуется разработать унифицированные критерии оценки рисков, основанные на анализе реальных угроз, а не формальных показателях. Необходимо достичь международного консенсуса по определению экстремизма и выработать единые стандарты противодействия его финансированию. Критически важным является ускоренное внедрение международных стандартов регулирования криптовалют и обеспечение контроля за деятельностью провайдеров услуг виртуальных активов.

Практическая реализация предложенных мер позволит создать более эффективную систему международного противодействия финансированию терроризма, способную адекватно отвечать на современные вызовы и угрозы. Особое значение имеет развитие российских инициатив, таких как система «Прозрачный блокчейн», которые могут стать основой для международного сотрудничества в сфере контроля за криптовалютными транзакциями.

Список литературы

1. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из мировых проблем борьбы с преступностью // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 78-84.

2. Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2017. 24 с.

3. Глущенко П.А. Современные масштабы и тенденции финансирования экстремистской и террористической деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2025. № 2. С. 145-152.

4. Грязнов А.Е. Роль Совета Безопасности ООН в контексте противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма // Международное право и международные организации. 2024. № 8. С. 34-41.

5. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (принята резолюцией 54/109 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1999 г.) // СПС «Гарант»

6. Нальгиев А. М., Польшакова В. В., & Гавкалюк А. Б. Комментарий к решению Международного Суда от 31 января 2024 года по делу о применении Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма и Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Украина пр. Российской Федерации). Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. №2(1). С. 88–103.

7. Платонов А.В. Правовые механизмы борьбы с отмыванием денег и уклонением от уплаты налогов // Вопросы российского и международного права. 2024. Т. 14. № 4А. С. 194-202.

8. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373 от 28 сентября 2001 г. «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» // Официальные отчеты ООН. S/RES/1373 (2001).

9. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Резолюция 2463 (2019), S/RES/2463 (2019), 29 марта 2019 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n19/093/03/pdf/n1909303.pdf (дата обращения: 13.09.2025)

10. Рощупкина А.В. Роль криптовалют в финансировании терроризма // Российский академический журнал. 2024. № 4. С. 78-85.

11. Тисе О.Н. Особенности выявления, расследования и квалификации преступлений, связанных с финансированием терроризма : монография. М. : Перо, 2021. 160 с.

***Крохина Ю. В.*[1],**
старший преподаватель
кафедры огневой и физической подготовки
Международного межведомственного
Центра подготовки и переподготовки специалистов
по борьбе с терроризмом и экстремизмом
Всероссийского института
повышения квалификации МВД России

***Смиюха А. Е.*[2],**
старший преподаватель
кафедры подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
и подразделений по вопросам миграции
Центра подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Всероссийского института
повышения квалификации МВД России

КЛЮЧЕВЫЕ АСПЕКТЫ ВЫПОЛНЕНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ЗАДАЧ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПОЛИЦИИ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В период тотальной глобализации и непрекращающегося расширения трансграничной преступной деятельности, правоохранительные структуры всего мира подвергаются колоссальному давлению. Криминальные сети, подобно призракам, пересекают национальные рубежи, окутывая планету сетью передовых технологий и развитой логистики. В их распоряжении – пугающий набор инструментов: террористические акты, незаконный оборот наркотических средств, торговля людьми, преступления в киберпространстве и легализация доходов, полученных преступным путем. В этом нестабильном и небезопасном мире результативное взаимодействие на международном уровне является не просто предпочтительным, а абсолютно обязательным условием для достижения успеха в борьбе с преступностью и обеспечения безопасности населения. Без сомнения, центральная роль в этом объединении по праву отведена полицейским формированиям, находящимся на переднем крае противостояния криминалу. Именно на них возложена ответственность за выявление, предотвращение и расследование преступлений, поддержание правопорядка и обеспечение безопасности в пределах их компетенции.

Актуальность выбранной нами темы предопределена, в первую очередь, постоянным увеличением масштабов транснациональной преступности, что диктует необходимость объединения ресурсов различных стран.

---

[1] © Крохина Ю. В., 2025.
[2] © Смиюха А. Е., 2025.

Во-вторых, расширением сфер международного сотрудничества в правоохранительной области, включая новые формы взаимодействия и новые виды совершаемых преступлений.

В-третьих, необходимостью повышения эффективности международного сотрудничества в условиях ограниченных ресурсов и возрастающих угроз безопасности.

В-четвертых, потребностью в адаптации национальных законодательств и правоприменительной практики к международным стандартам и требованиям. Все эти вышеперечисленные факторы, на наш взгляд, делают исследование ключевых аспектов выполнения правоохранительных задач подразделениями полиции в рамках международного сотрудничества актуальным, важным и своевременным.

Вопросы международного сотрудничества в правоохранительной сфере получили достаточно широкое освещение в научной литературе. Существуют работы, посвященные общим вопросам международного права, вопросам международного уголовного права, проблемам сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с отдельными видами преступлений, а также вопросам подготовки кадров для международного сотрудничества. Такими исследованиями занимались Курамшин В.А., Новичкова Н.М., Ерекенева З.С., Перминова А.А., Соломатина Е.А., Калашников О.Д., Меркулов М.А., Колаев А.М., Сабитова К.Р., Максименко Е.И., Карагезян Р.А., Шеншин В.М., Назарова И.С., Кикоть-Глуходедова Т.В., Войников В.В., Энтин М.Л., Ондар А.Х.Э.О., Дорофеев И.Н., Забавка В.И. и др.

Как отмечает в своей работе Т.В. Кикоть-Глуходедова, в рамках международного сотрудничества осуществляется информационный обмен, проводятся скоординированные международные полицейские операции, профилактические, оперативно-разыскные и следственные мероприятия, исполняются международные следственные поручения и запросы в рамках оказания правовой помощи по уголовным делам, а также активизируется взаимодействие рабочих групп по координации оперативного взаимодействия в сфере борьбы с транснациональной преступностью, экстремизмом и терроризмом [1].

Согласимся с мнением исследователя З.С. Ерекеневой, которая в своей работе утверждает, что обсуждение международного полицейского сотрудничества имеет важное значение как для научного, так и практического аспекта. В широком смысле под международным полицейским сотрудничеством понимается взаимодействие правоохранительных органов государств в процессе борьбы с преступностью как на стадии предупреждения, так и на стадии расследования [2].

Важная точка зрения принадлежит исследователю К.Р. Сабитовой, которая подчеркивает то, что в рамках международного сотрудничества по борьбе с преступностью отводится разная роль международным правоохранительным организациям. Правовой статус международных правоохранительных организаций – равноправность субъектов при подписании договоров одного уровня или подписании международных договоров в определенных международно-правовых отношениях [3].

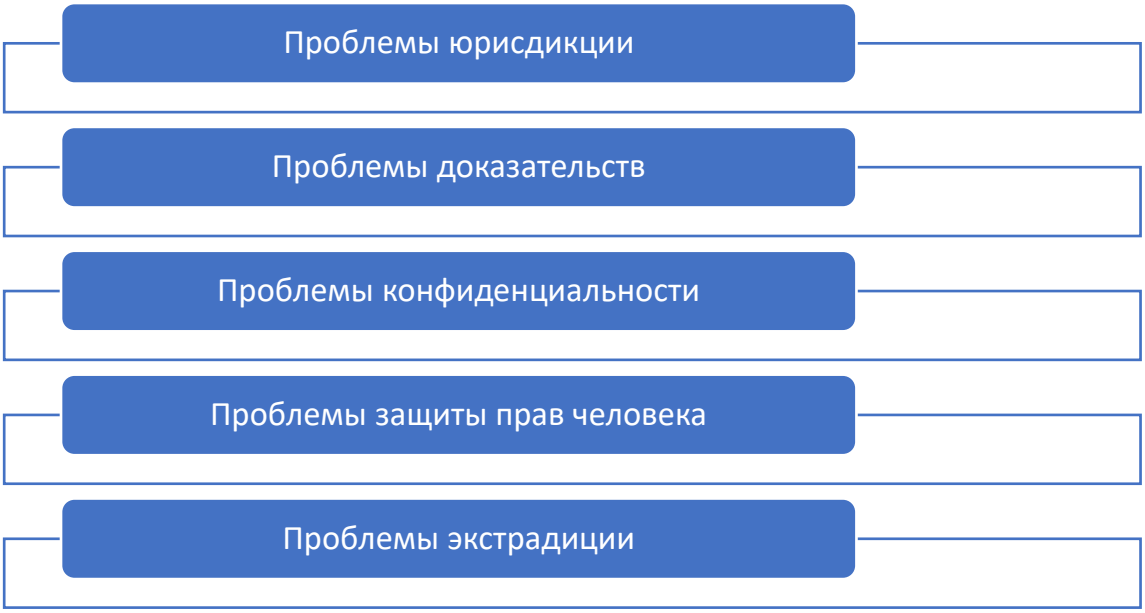
Основными формами и направлениями международного сотрудничества подразделений полиции является обмен оперативной информацией, организация и проведение совместных операций по пресечению транснациональных преступлений, оказание взаимной правовой помощи, организация совместных учебных мероприятий, семинаров и конференций для повышения квалификации сотрудников полиции, участие в деятельности международных организаций, таких как Интерпол и Европол, для координации усилий по борьбе с транснациональной преступностью.

Эффективность взаимодействия между международными полицейскими подразделениями подвержена влиянию целого ряда обстоятельств:

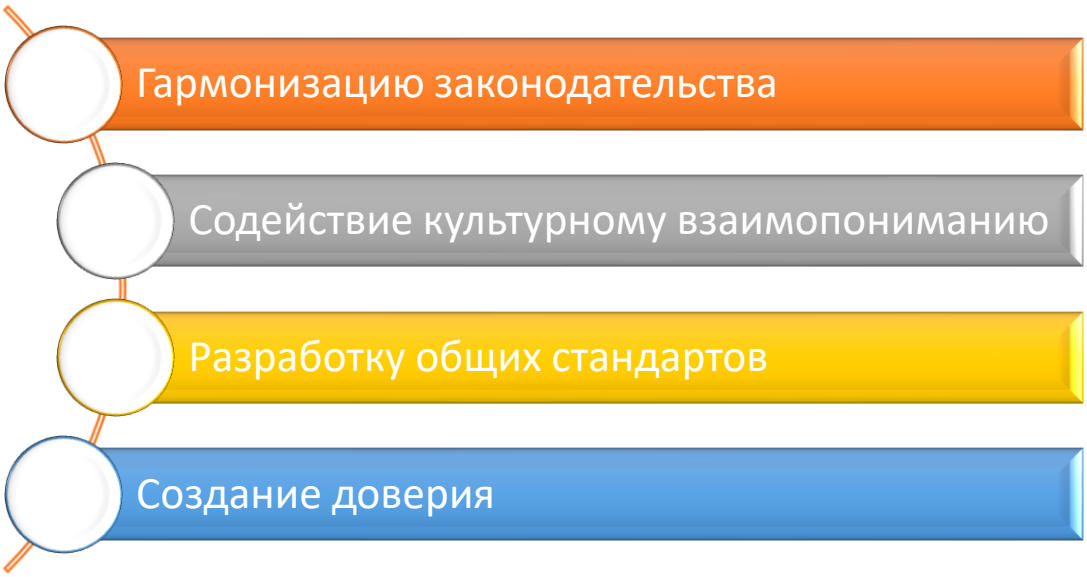
- Расхождения в национальных правовых системах способны создавать трудности в процессе обмена данными и предоставления взаимной юридической поддержки.
- Культурные нюансы способны оказывать воздействие на понимание преступности и на оперативные методы правоохранительных структур.
- Языковые сложности могут создавать препятствия для коммуникации и обмена информацией между полицейскими различных государств.
- Ограниченность в финансовых и материальных средствах способна уменьшить возможности для участия в международных операциях и повышения квалификации кадров.
- Дефицит доверительных отношений между правоохранительными органами разных стран может осложнять обмен данными и совместные действия.

При выполнении правоохранительных задач в международном контексте возникают различные проблемы, включая:

Для повышения эффективности международного сотрудничества национальные стратегии и тактики должны быть адаптированы к международным стандартам и требованиям. Это включает в себя:

Для эффективного участия в международном сотрудничестве правоохранительных органов сотрудникам полиции необходимо развивать определенные профессиональные навыки, в том числе:

✓ свободное владение иностранными языками. Исследователями в этой связи подчеркивается роль иностранного языка, открывающая новые возможности для профессионального роста и развития в соответствии с компетентностным подходом и растущим значением профессиональной коммуникации для сотрудников полиции и их взаимодействием с обществом с целью налаживания социального партнерства, раскрывается практическая значимость коммуникации, иноязычной коммуникации в современном мире, где все более прозрачными становятся границы между странами, а налаживание международного сотрудничества хорошая практика для специалистов в области правоохранительной деятельности [4];

✓ знание основ международного права и международных договоров в области правоохранительной деятельности;

✓ знание культур и правовых систем других стран;

✓ навыки международного общения и межкультурного взаимодействия;

✓ навыки использования международных информационных систем, таких как базы данных Интерпола.

Мы пришли к выводу о том, что международное сотрудничество имеет важное значение для борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения глобальной безопасности. Полицейские структуры играют ключевую роль в этом сотрудничестве, и их эффективность зависит от множества факторов, включая гармонизацию законодательства, культурное взаимопонимание, доверие и профессиональные навыки.

Грамотно адаптируя национальные стратегии и тактику к международным стандартам и развивая профессиональные компетенции своих сотрудников, подразделения полиции, занятые в этой сфере, вполне могут значительно повысить эффективность международного сотрудничества в борьбе с преступностью.

Автор А.И.Степанян своей работе указывает на то, что в настоящее время в каждом регионе мира существует какая-либо форма панконтинентальной полицейской организации, которая обеспечивает координацию, сотрудничество и взаимодействие между многочисленными полицейскими ведомствами. Общие базы данных и общая полицейская доктрина обеспечивают взаимодействие и совместную деятельность по расследованию и обеспечению соблюдения во всех континентальных регионах [5].

Мы разделяем точку зрения автора В.М. Шеншина, который предположил, что в условиях современности роль международно-правового регулирования в выполнении правоохранительными органами своих функций возрастает, так как деятельность, осуществляемая в соответствии с международными договорами, является одной из наиболее эффективных форм взаимодействия в правоохранительной сфере [6].

На основании вышеизложенного, собственного практического и научного опыта мы считаем целесообразно усовершенствовать и внедрить международную систему оперативного обмена данными между правоохранительными органами, используя защищенные каналы связи и современные IT-инструменты. Это позволит оперативно реагировать на транснациональные угрозы. Регулярно организовывать совместные учения, тренировочные мероприятия и программы обмена опытом. Это поможет не только улучшить координацию действий, но и повысить уровень профессиональной подготовки сотрудников.

Также важно продолжать активное внедрение новейших технологий (аналитических систем, искусственного интеллекта, кибербезопасности) в оперативную служебную деятельность органов правопорядка. Такие технологии позволят оперативно выявлять угрозы, анализировать большие объемы данных и принимать обоснованные решения на международном уровне.

Общая стратегия должна базироваться на принципах доверия, прозрачности и оперативности. Создание единой информационной сети, проведение регулярных совместных тренировок, развитие правового сотрудничества и внедрение современных технологий – все эти меры в совокупности будут способствовать повышению эффективности выполнения правоохранительных задач подразделениями полиции в условиях международного сотрудничества.

Таким образом, стратегические рекомендации направлены на создание условий для тесного взаимодействия, оперативного обмена данными, гармонизации правовых норм и постоянного совершенствования технологической базы, что вместе обеспечивает более эффективное противодействие транснациональной преступности и оперативное выполнение правоохранительных задач в условиях глобализации.

Список литературы

1. Кикоть-Глуходедова, Т. В. Совершенствование деятельности специализированных органов по обеспечению национальной безопасности в России на основе использования положительного опыта зарубежных стран / Т. В. Кикоть-Глуходедова // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 107-111. – DOI 10.24412/2073-0454-2022-2-107-111. – EDN ZKFCVA.

2. Ерекенева, З. С. Международное сотрудничество МВД Российской Федерации / З. С. Ерекенева // Социальное управление. – 2025. – Т. 7, № S1. – С. 54-61. – EDN EUVRSL.

3. Сабитова, К. Р. Правовой статус международных правоохранительных организаций и их роль в противодействии преступности / К. Р. Сабитова, Е. И. Максименко // Мир Закона. – 2024. – № 5-6(265-266). – С. 101-145. – EDN XLEYFW.

4. Шалимова, О. Н. Особенности подготовки сотрудников полиции средствами иностранного языка / О. Н. Шалимова // Филологический аспект. – 2025. – № 3(119). – С. 54-62. – EDN VLGGRF.

5. Степанян, А. И. Транснациональная полицейская деятельность современных государств в условиях глобализации / А. И. Степанян // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1(93). – С. 41-48. – DOI 10.35750/2071-8284-2022-1-41-48. – EDN IDREUY.

6. Шеншин, В. М. К вопросу о международном сотрудничестве Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации с иностранными партнерами / В. М. Шеншин, И. С. Назарова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7(223). – С. 73-77. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_73. – EDN CWVZPE.

Крючкова Т. В.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Удунян В. Р.,
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОСМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

С середины XX века, когда началась «космическая» эра в истории человечества, появилась возможность рассматривать космонавтику через призму дипломатии. Термин «космическая дипломатия» вошел в научный обиход в англоязычных странах в 1960-е годы, в то время как США и СССР стали ведущими игроками в этой области [1, с. 198]. Соревнование между этими сверхдержавами, обусловленное условиями холодной войны, создало условия для так называемой «космической гонки» [2, с. 138].

С 1980-х годов к ведущим космическим державам присоединились Япония, Канада, Китай и другие страны. Одним из наглядных результатов международного сотрудничества стало создание Международной космической станции, запущенной в 1998 году. В наше время более 120 стран участвуют в космической деятельности, 20 из которых являются ведущими космическими странами. Основными тенденциями современной космической деятельности являются коммерциализация, появление новых игроков в лице частных корпоративных структур и милитаризация космоса [3].

Огромную роль в регулировании космической деятельности играет Организация Объединенных Наций (ООН). В середине XX века был создан Комитет ООН по использованию космического пространства в мирных целях, который стал площадкой для обсуждения международных соглашений по этой теме. Однако следует отметить, что многие документы ООН носят рекомендательный характер и требуют обновления для эффективного регулирования современной космической деятельности. Россия активно поднимает вопрос о необходимости создания всеобъемлющей конвенции по космическому праву.

Одним из основополагающих документов в области космической дипломатии является записка ООН «Повестка дня «Космос-2030», подготовленная в 2017 году. В ней подчеркивается важность международного сотрудничества в космической сфере для решения глобальных проблем и создания устойчивых

[1] © Крючкова Т. В., 2025.

партнерств. Космическая дипломатия рассматривается как одна из разновидностей дипломатии, наряду с военной и экономической.

С момента начала эры освоения космоса и в последующие годы Советский Союз продемонстрировал впечатляющие достижения. Кульминацией этого периода стал исторический полет Юрия Гагарина, первого человека, преодолевшего земное притяжение, а также успешное развертывание первых орбитальных станций. Помимо очевидных научно-технических достижений, «Миссия мира» Юрия Гагарина стала важным актом международной космической дипломатии, активно способствовавшим налаживанию диалога между странами.

Несмотря на геополитические изменения, последовавшие за распадом Союза, Россия успешно продолжила свою деятельность в области международного освоения космоса. Ключевыми направлениями стали участие в создании Международной космической станции и регулярные запуски космических аппаратов, зачастую в сотрудничестве с зарубежными партнерами. Для эффективного осуществления международного сотрудничества в космической сфере Россия сформировала необходимую правовую базу. Она включает в себя ряд законодательных актов и стратегических направлений развития, призванных регулировать космическую деятельность.

Анализ документов, касающихся международного сотрудничества в космической сфере, показывает, что существует несколько видов межгосударственного взаимодействия, каждый из которых направлен на решение определенных проблем.

Последние годы ознаменовались активизацией разработки и внедрения правовых инициатив как отдельными государствами, так и наднациональными организациями. Основное направление этих инициатив – это создание условий для взаимного доступа к программам, касающимся космической инфраструктуры и технологических разработок. Таким образом, эти действия помогают не только наладить более тесное сотрудничество в области космических исследований, но и в целом более эффективно использовать ресурсы.

В рамках национальной политики многие страны активно внедряют программы, направленные на поддержку роста и совершенствование своей космической инфраструктуры.

В настоящее время некоторые страны приступили к реализации проектов, направленных на создание наземных станций для управления спутниками, а также на внедрение новых технологий в системы наблюдения за Землей. Такие программы позволяют проводить совместные исследования и тестировать новые спутниковые системы, что, с одной стороны, ускоряет их внедрение, а с другой - облегчает адаптацию как на государственном, так и на международном уровне.

Региональные инициативы, такие как Европейское космическое агентство (ЕКА), также играют важную роль в обмене данными и ресурсами между странами Европы. Они предоставляют платформы для совместной разработки технологий, например, в области навигации, наблюдения за окружающей средой и

изучения климата. Эти совместные усилия обеспечивают более интегрированный подход к проблемам, с которыми сталкивается человечество.

Следующим шагом на пути к эффективному межгосударственному сотрудничеству должно стать заключение многостороннего договора, касающегося устойчивого использования космоса, вместе с мерами по предотвращению гонки вооружений, что прямо упоминается в Пекинской декларации XIV саммита БРИКС [4].

Еще одним шагом на пути создания эффективного межгосударственного сотрудничества должно стать заключение многостороннего договора по устойчивому использованию космического пространства, а также мер по предотвращению гонки вооружений, что непосредственно указано в Пекинской декларации XIV саммита БРИКС.

Стоит также отметить, что сегодня продолжает активно развиваться международное сотрудничество в области космонавтики, в частности между Россией и Китаем. Так, в конце ноября Роскосмос и Китайское национальное космическое управление (CNSA) подписали программу сотрудничества на период с 2023 по 2027 года. В текущем году взаимодействие между Россией и Китаем в области космоса продолжало углубляться.

В данном документа отражены основные направления совместной работы двух стран по созданию Международной научной лунной станции (МНЛС). Кроме того, был подписан контракт о сотрудничестве для обеспечения совместимости глобальных навигационных систем ГЛОНАСС и Beidou.

В сентябре были заключены контракты на размещение наземных станций систем ГЛОНАСС и Beidou. В рамках этих соглашений планируется построить три российские измерительные станции в китайских городах, а также три китайские станции в России.

В июне 2021 года Госкорпорация «Роскосмос» и Китайская национальная космическая администрация (КНКА) на Глобальной конференции по исследованию космического пространства (GLEX-2021) представили дорожную карту для создания МНЛС. Согласно этой информации, строительство станции должно завершиться к 2035 году.

В заключении, необходимо отметить, что государства сегодня ориентированы на гармоничное сосуществование и сотрудничество, на правовое регулирование международных отношений, возникающих в «космическом» правовом поле, опираясь при этом на принцип мирного использования космоса, что крайне важно для будущего человечества.

Космическая отрасль продолжает активно развиваться, что в свою очередь приводит к необходимости в дальнейшей актуализации проблем и выявлении путей решения вопросов космической дипломатии.

Одной из многообещающих перспектив развития международного правового взаимодействия сегодня является сопоставление опыта различных стран в правовых ситуациях различного характера, которые позволят определить ход дальнейшего сотрудничества во благо безопасного развития человечества в космическом пространстве.

Список литературы

1. Дипломатический словарь для студентов / Авт. кол.; под рук. А. В. Яковенко, д-ра юрид. наук, профессора. – М.: Издательство Дипломатической академии МИД России, 2022. – С. 298;

2. Батурин Ю.М. Космическая дипломатия и международное право. – Звездный городок: РГНИИЦПК, 2006. – С. 138;

3. Щеголькова Д.В., Орешкина Е.И., Шушканова Е.А. Космическая гонка вооружения в годы холодной войны. [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2011. – №7. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kosmicheskaya-gonkavooruzheniya-v-gody-holodnoy-voyny (дата обращения: 02.10.2025);

4. СМИ: страны БРИКС создали механизм по сотрудничеству в космосе [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: https://tass.ru/ kosmos/14730569 (дата обращения: 02.10.2025);

5. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела» от 27.01.1967 [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/2540462/ (дата обращения: 02.10.2025).

***Кудалина И. А.*[1],**
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

В современном мире перед правоохранительными органами ставится множество сложных задач. В эпоху беспрецедентного обмена информацией полиция все чаще сталкивается с новыми вызовами и угрозами глобального характера, которые затрагивают интересы всего международного сообщества. К таким угрозам относят международный терроризм, киберпреступность, организованную преступность, экологические преступления, преступления в сфере интеллектуальной собственности, глобальную миграцию.

Рассмотрим эти угрозы подробнее. Киберпреступность считается одной из самых распространенных форм транснациональной преступности из-за развития технологий и обмена информацией. Вредоносное программное обеспечение, распределенные атаки типа «отказ в обслуживании» (DDoS), деятельность интернет-мошенников – все это примеры сложнейших современных киберугроз. Новые виды киберпреступлений появляются постоянно. Учитывая то, что киберпреступники становятся все более гибкими и организованными, осваивают и используют новые технологии, правоохранительным органам необходимо обмениваться информацией и знаниями со своими коллегами по всему миру для разработки своевременных мер реагирования.

В рамках международного сотрудничества Интерпол создал рабочее пространство по обмену знаниями о киберпреступности для всех соответствующих пользователей. А также платформу для совместной борьбы с киберпреступностью, с доступом, ограниченным только оперативными участниками.

Экологические преступления - серьезная угроза для нашей планеты и будущих поколений. Экологические преступления часто сопровождаются такими правонарушениям, как подделка документов, коррупция, отмывание денег.

Учитывая то, что природные ресурсы ограничены и не все могут быть восполнены, борьба с экологическими преступлениями становится актуальной задачей современности.

Выступая на заседании Генеральной Ассамблеи, Генеральный секретарь Интерпола Вальдеси Уркиса подчеркнул важнейшую связь между преступлениями в сфере интеллектуальной собственности и организованной преступностью, особо отметив необходимость комплексного подхода к ликвидации преступных сетей, управляющих этими преступлениями.

---

[1] © Кудалина И. А., 2025.

Генеральный секретарь Интерпола также отметил, что «Преступления в сфере интеллектуальной собственности создают серьезную угрозу не только для отраслей, но и для отдельных лиц и правительств. Это подрывает инновации, креативность и общественное доверие. Наращивая потенциал, укрепляя сети и обмениваясь знаниями и опытом, мы добиваемся одного важного результата: оперативной готовности. Готовности предвидеть, расследовать и противодействовать вредоносным сетям».

Растущая угроза и глобализация организованной преступности стала основной темой Европейской региональной конференции Интерпола в Албании. На конференции также обсуждались вопросы миграции, киберпреступности, незаконного оборота наркотиков и будущие задачи полицейской деятельности. Министр внутренних дел Албании Таулант Балла подчеркнул:

«ИНТЕРПОЛ – лучшая глобальная организация, предоставляющая такую платформу для сотрудничества; ИНТЕРПОЛ – надежный партнер, помогающий полиции каждой страны-члена напрямую работать со своими коллегами, даже между странами, не имеющими дипломатических отношений.

«Поскольку мы все из разных стран и, естественно, говорим на разных языках, организованная преступность говорит на том же языке – языке «незаконной финансовой выгоды любой ценой» – посредством киберпреступлений, торговли людьми, наркотиками, оружием, мошенничества, отмывания денег; действий, которые совершаются за счет наших честных и невинных граждан».

Существует проект Интерпола, который направлен на борьбу с таким преступлениями, на незаконный оборот наркотиков, азартные игры, вымогательство, похищение людей, отмывание денег (Азиатская организованная преступность).

Терроризм рассматривается как незаконное использование умышленного насилия для достижения политических целей. Понятие «террористическая деятельность» включает в себя организацию, планирование и подготовку террористического акта. А также вербовку и обучение, информационное пособничество в планировании, подготовке и проведении террористического акта.[1, с.76]

Деятельность правоохранительных органов направлена на повышение эффективности работы национальных центральных бюро, а также на расширение международного сотрудничества полиции через каналы Интерпола в борьбе с транснациональной преступностью.

Эффективная борьба с современным терроризмом, который носит транснациональный характер, возможна только совместными усилиями всех членов мирового сообщества.

Правоохранительные органы направляют свою деятельность на выявлении террористов и пресечение их деятельности. Страны-участницы Интерпола могут обмениваться информацией, анализировать разведданные и предупреждать о деятельности транснациональных террористических сетей.[2]

Преступность в современном мире постоянно меняется. По мере развития передовых технологий всегда будут появляться новые способы и средства со-

вершения преступлений, поэтому сотрудники правоохранительных органов всегда стремятся быть на шаг впереди преступников.

Мы живем в так называемом изменчивом, неопределенном, сложном и неоднозначном мире. В этих условиях инновации имеют решающее значение, чтобы оставаться в курсе проблем полиции в современном быстро меняющемся мире, где преступники быстро используют технологии и возможности.

Жизненно важное значение в работе правоохранительных органов имеет сотрудничество, налаживание партнерских отношений, иногда за пределами традиционных зон комфорта полицейских.

Технологические достижения в области искусственного интеллекта и робототехники – от распознавания лиц до технологий прогнозирования будущего – могут иметь множество последствий для полиции во всем мире. В руках преступников эти технологии могут представлять цифровые и физические угрозы, и в то же время эти инструменты открывают перед полицией новые возможности в борьбе с преступностью. [3]

Информационные технологии: автоматическая обработка текста, поиск информации в базах данных, аналитическая работа широко используются в практике сотрудника правоохранительных органов.

В своем вступительном слове на заседании 92-й Генеральной ассамблеи Интерпола в Глазго, президент Интерпола Ахмед Насер Аль-Раиси отметил: “От роста организованной преступности, незаконного оборота наркотиков и терроризма до проблем, связанных с изменением климата и миграцией, наша способность адаптироваться и внедрять инновации имеет решающее значение. Генеральная ассамблея в этом году предоставляет странам-членам возможность провести плодотворные переговоры, обменяться информацией и усовершенствовать стратегии сотрудничества”.[4]

На заседании Генеральной ассамблеи обсуждались также вопросы: искусственный интеллект и будущее полицейской деятельности, будущее руководства правоохранительными органами, глобальное партнерство, управление и обработка данных.

Современные вызовы безопасности взаимосвязаны и глобальны, угрожая устойчивому развитию общества. Поэтому многостороннее сотрудничество правоохранительных органов имеет жизненно важное значение для противодействия этим сложным и меняющимся рискам. [5]

Интерпол ,полицейская организация, работающая на глобальном уровне, играет уникальную роль в поддержке международных усилий по защите сообществ и повышению безопасности мира.

Для создания более безопасного и устойчивого мира для будущих поколений важным является:

- предоставить возможность мировому правоохранительному сообществу более эффективно противодействовать терроризму и предотвращать его посредством международного сотрудничества;

- содействовать безопасности границ во всем мире;

- усилить меры правоохранительных органов по защите уязвимых сообществ;

- уменьшить глобальный вред и воздействие киберпреступности;

- обеспечить борьбу с коррупцией и финансовыми преступлениями во всех их формах;

- оказывать противодействие серьезной организованной преступности и незаконному обороту наркотиков;

- способствовать укреплению экологической безопасности и содействовать обеспечению устойчивых средств к существованию путем противодействия преступлениям, влияющим на окружающую среду и климат.

В заключение следует отметить, что рост транснациональной преступности подчеркивает важнейшую роль международного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с преступностью. В условиях, когда мир сталкивается с современными угрозами, крайне важно подчеркнуть важность непрерывных усилий в области международного сотрудничества правоохранительных органов по повышению безопасности в мире.

Список литературы

1. Злобин А.В., Картмазов В.Н. Проблемы терроризма и способы борьбы с ним: Учебное пособие. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011.

2. Spotlight on role of inter-regional cooperation in addressing terrorist threats. 2020. https://www.interpol.int/

3. Artificial intelligence and law enforcement: challenges and opportunities, 2019. http://www.interpol.int/.

4. European Conference of Interpol. Asian organized crime. https://www.interpol.int/Crimes/Organized-crime/Asian-organized-crime

5. The 92-nd General Assembly, 2024. https://www.interpol.int/News-and-Events/Events/2024/92nd-INTERPOL-General-Assembly

6. International police cooperation 2017, http://www.what-when-how.com/.

Кузнецова С. А.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ РАБСКОГО ТРУДА

Проблема эксплуатации рабского труда, несмотря на его формальную отмену во всех государствах мира, остается одной из наиболее острых вызовов глобальному сообществу. Современные формы рабства, часто скрытые и транснациональные по своей природе, требуют столь же сложного и многоуровневого международно-правового реагирования. Международно-правовые основы противодействия этому явлению представляют собой эволюционировавшую систему норм, прошедшую путь от запрета классического рабства до комплексного регулирования всех форм принудительного труда и торговли людьми в целях эксплуатации. Историческим фундаментом в борьбе с рабством является Конвенция 1926 года [1, с. 27–33.] Данный документ впервые предоставил международное определение рабства, сформулировав его как положение или состояние лица, над которым осуществляются некоторые или все права собственности. Этот запрет получил дальнейшее развитие в Дополнительной конвенции 1956 года [2], которая осудила и уголовно наказуемые практики, подобные рабству, такие как долговая кабала, крепостное состояние и принудительный брак женщин. Однако центральное место в современном понимании борьбы с эксплуатацией труда занимает деятельность Международной организации труда (МОТ). В 1930 году Конвенция МОТ № 29 [3, с. 239-247] заложила основы для определения и ликвидации принудительного труда, установив его как любую работу или службу, выполняемую лицом под угрозой наказания, без добровольного согласия. Данная конвенция обязывает государства-участники к скорейшему упразднению принудительного труда, с исключениями для военной службы и чрезвычайных ситуаций. Позднее принятая Конвенция МОТ № 105 (1957) [4, с. 783-785] ужесточила режим борьбы с принудительным трудом, запрещая его использование в качестве политического инструмента, метода мобилизации рабочей силы, поддержания трудовой дисциплины, наказания за участие в забастовках и меры дискриминации. Важным этапом стало принятие

[1] © Кузнецова С. А., 2025.

Конвенции МОТ № 182 (1999) [5, с. 13-19] о наихудших формах детского труда, получившей всеобщую ратификацию. Она призывает государства к немедленным и эффективным мерам по запрету и ликвидации таких форм труда, включая рабство, торговлю детьми, долговую кабалу, крепостной труд и принудительный труд, в том числе вербовку детей для участия в вооруженных конфликтах. Параллельно с деятельностью МОТ, система договоров ООН по правам человека также содержит запреты на принудительный труд (Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 [6]; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, 1966) [7]. Решающим моментом в борьбе с транснациональными аспектами проблемы стал Протокол ООН о предупреждении и пресечении торговли людьми (2000) [8], дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности [9]. Этот документ, содержащий универсальное определение торговли людьми, предусматривает вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой, обмана или злоупотребления властью для целей эксплуатации. Эксплуатация включает в себя эксплуатацию проституции, принудительный труд, рабство и изъятие органов. Таким образом, Протокол тесно связывает борьбу с организованной преступностью с защитой прав человека, создавая правовую основу для уголовного преследования лиц, занимающихся торговлей людьми.

Важным элементом международно-правового режима является международное уголовное право. Римский статут Международного уголовного суда 1998 года [10, с.3-87] классифицирует рабство как преступление против человечности в случае совершения его в ходе широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население. Данная классификация придает борьбе с принудительным трудом особую значимость, возводя его к числу наиболее тяжких международных преступлений. Эффективность любого международного режима напрямую зависит от механизмов контроля. В системе Международной организации труда (МОТ) такими механизмами являются Комитет экспертов по применению конвенций и рекомендаций, а также трехсторонний Комитет по применению конвенций и рекомендаций в рамках Международной конференции труда. Эти органы осуществляют постоянный мониторинг выполнения государствами ратифицированных конвенций. В системе Организации Объединенных Наций (ООН) ключевую роль играет Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), координирующее внедрение Палермского протокола, а также специальные процедуры Совета по правам человека, в том числе Специальный докладчик по вопросу о современных формах рабства. Несмотря на наличие развитой нормативной базы, статистические данные свидетельствуют о вопиющих масштабах проблемы рабства. Согласно совместным докладам Международной организации труда и Walk Free Foundation [11], в 2021 году около 27,6 миллиона человек в мире находились в ситуации принудительного труда, из которых 17,3 миллиона подвергались эксплуатации в частном секторе, 6,3 миллиона – в форме принудительной сексуальной эксплуатации, и 3,9 миллиона – государством-насильственно принуждаемыми к труду. При этом 86%

случаев принудительного труда в частном секторе приходится на такие отрасли, как сельское хозяйство, строительство и домашние хозяйства. Эти цифры наглядно свидетельствуют о разрыве между правовыми обязательствами государств и реальной ситуацией на местах.

Основными вызовами для эффективной имплементации международно-правовых норм остаются слабость национальных правовых систем и правоохранительных органов, коррупция, недостаточная подготовка судей и прокуроров по идентификации случаев трудовой эксплуатации, а также сложность расследования транснациональных преступлений. Кроме того, уязвимость мигрантов, особенно нелегальных, и лиц без гражданства создает благодатную почву для злоупотреблений. Таким образом, международно-правовые основы противодействия эксплуатации рабского труда представляют собой всеобъемлющую, многоуровневую систему, основанную на универсальных запретах, конкретных конвенциях МОТ, протоколах в рамках борьбы с организованной преступностью и нормах международного уголовного права. Однако сам по себе этот правовой каркас не является панацеей. Его действенность напрямую зависит от политической воли государств, эффективности национальных механизмов имплементации, включая уголовное преследование виновных, защиту жертв и устранение глубинных социально-экономических причин, таких как бедность и неравенство, которые порождают уязвимость. Дальнейшее укрепление международного сотрудничества, включая обмен оперативной информацией и гармонизацию законодательств, является необходимым условием для перевода прогрессивных международных норм в реальное сокращение числа людей, живущих в условиях современного рабства.

Список литературы

12. Конвенция о рабстве (Подписана в г. Женева 25.09.1926) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. VIII. – М., 1935. – С. 27–33.

13. Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством (Заключена в г. Женеве 07.09.1956) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1957. – № 8. – Ст. 224.

14. Конвенция Международной организации труда № 29 относительно принудительного или обязательного труда (Принята в г. Женеве 28.06.1930 на 14-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной организацией труда. 1919–1956. – Т. I. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – С. 239–247.

15. Конвенция Международной организации труда № 105 об упразднении принудительного труда (Принята в г. Женеве 25.06.1957 на 40-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной организацией труда. 1919–1956. – Т. I. – Женева: Международное бюро труда, 1991. – С. 783–785.

16. Конвенция Международной организации труда № 182 о запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда (Приня-

та в г. Женеве 17.06.1999 на 87-ой сессии Генеральной конференции МОТ) // Бюллетень международных договоров. – 2009. – № 9. – С. 13–19.

17. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17(1831). – Ст. 291.

18. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17(1831). – Ст. 291.

19. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 34. – Ст. 4390.

20. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.

21. Римский статут Международного уголовного суда (Подписан 17.07.1998 в г. Риме) // Бюллетень международных договоров. – 2001. – № 7. – С. 3–87.

22. Международная организация труда (МОТ) & Walk Free Foundation. Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage. – Geneva: International Labour Office, 2022. – 86 p. – Режим доступа: https://www.ilo.org/global/topics/forced-labour/publications/global-estimates-modern-slavery-2022/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.10.2025).

***Куликов В. Н.*[1],**
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ КИБЕРУГРОЗ

В настоящее время интернет-безопасность является одной из главных проблем века, поскольку она затрагивает страны по всему миру и не может быть решена в индивидуальном порядке. Учитывая агрессивный характер технологического роста и глобализации, киберугрозы являются не только одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкиваются люди, компании и государства, но и самой быстрорастущей проблемой. К таким рискам относятся хакерство, кибервымогательство, кибершпионаж, киберсаботаж, промышленный кибершпионаж, кибервойна и терроризм, которые в случае их реализации могут привести к экономическому хаосу, ослабить системы безопасности государств и дискредитировать правительственные институты [1]. Это транснациональные угрозы, а значит, бороться с ними можно только в тесном сотрудничестве стран мира. Именно на этом фоне трансграничное сотрудничество в области кибербезопасности становится одной из ключевых стратегий, которые могут быть приняты для создания прочной международной архитектуры борьбы с киберугрозами [2]. Киберпространство по своей сути не имеет границ, что затрудняет сотрудникам службы безопасности принятие мер для защиты киберпространства. Организации сталкиваются с корпоративными угрозами со стороны киберпреступников, причем последние являются международными мошенниками, которые перемещаются из одной страны в другую, пользуясь лазейками в законах и процедурах разных стран. Всемирный журнал передовых инженерных технологий и наук приводит такой пример, когда программа-вымогатель запускается из одной страны, а важные объекты в другой стране полностью блокируются, и государство, подвергшееся атаке, не может наказать или экстрадировать злоумышленников, поскольку они находятся за пределами юрисдикции государства, подвергшегося атаке. Аналогичным образом, деятельность в области кибершпионажа, осуществляемая несколькими странами, требует от вовлеченных стран обмена разведданными и принятия совместных мер реагирования. Однако, если отбросить эти опасения, работе в рамках таких партнерств могут препятствовать доверие, правовые системы и геополитическое соперничество [3]. Основные проблемы международного сотрудничества в данной сфере:

* Отсутствие единого определения кибератак и их классификации
* Различия в национальных законодательствах
* Сложность установления источника кибератаки

[1] © Куликов В. Н., 2025.

* Недостаточная координация действий между государствами
* Разный уровень технической оснащенности стран.

Эти проблемы усугубляются отсутствием четкого центра тяжести в области кибербезопасности, поскольку страны различаются по многим параметрам, включая уровень технологического развития, правовую базу и стратегические направления. Именно по этой причине растущая частота и изощренность киберугроз требуют международного сотрудничества в области киберзащиты. Такие инциденты, как глобальная атака программы-вымогателя WannaCry в 2017 году и атака цепочки поставок Solar Winds в 2020 году, показывают, что кибер-риски затрагивают весь мир.

Цели киберпреступности были определены на Всемирном экономическом форуме в 2023 году. В этом мероприятии приняли участие многие страны и филиалы, что доказывает, что ни одна страна или организация не может остаться в стороне от этого [4]. Они также выявили серьезные пробелы в международной координации ответных мер, в частности, были отмечены слабо скоординированные меры реагирования на киберугрозы. Такая поэтапная стратегия, как известно, не только откладывает своевременное реагирование, но и позволяет противнику извлечь выгоду из порочного круга в киберпространстве. Создание объединенной и интегрированной системы не просто желательно, но и необходимо для защиты электронных основ современного общества. Из выше сказанного следует, что при создании подлинной международной структуры партнерства в области кибербезопасности необходимо решить эти задачи. Среди этих факторов можно выделить такую проблему, как доверие, которая чаще всего рассматривается в качестве ключевого вопроса. Для оптимизации сотрудничества в определенной области, представляющей интерес, странам необходимо раскрывать секретную информацию, такую как данные об угрозах и их анализ, слабые места и меры по управлению рисками. Тем не менее, слабое применение механизмов защиты данных, проблемы с владельцами, слежка и потенциальная потеря конкурентоспособности препятствуют такому обмену [5]. Ибо какие бы отношения ни существовали между государствами, они не могут быть стерты или отменены силой доверия, и всегда должны существовать рабочие протоколы, правовые стандарты, а также меры укрепления доверия. Например, внедрение безопасных и аутентичных средств коммуникации улучшит поток информации, автоматически не создавая угрозы для интересов страны или компании. Кроме того, многие конвенции и договоры могут усилить правовую основу для данного сотрудничества, и страны, участвующие в нем, будут следовать императиву, принципам и правилам. Другая важная проблема, непосредственно связанная с проблемами интеграции, заключается в следующем: другим важным вопросом является сближение законодательства и нормативно-правовой базы. Кроме того, существуют различия в правовых мерах, регулирующих кибербезопасность в разных странах, что привело к взаимодействию между странами в вопросе кибербезопасности, которое должно основываться на согласованности законов. Например, нормативные

акты по безопасности данных, такие как общие положения о защите данных в ЕС, могут вступать в прямое противоречие с законодательством других стран о надзоре, что может привести к возникновению юридических и этических проблем. Эти структуры не могут быть полностью интегрированы без проведения всесторонних устных и письменных консультаций и взаимного согласования интересов различных заинтересованных сторон [6]. К ним относятся Организация Объединенных Наций, Европейский союз, Африканский союз и другие, которые играют важную роль в достижении консенсуса и согласовании политики. Техническая совместимость является еще одним основополагающим фактором для эффективной координации совместной работы. Кибербезопасность, основанная на этих решениях, в основном включает в себя такие элементы, как системы обнаружения угроз, шифрование и реагирование на инциденты. Крайне важно, чтобы эти технологии были совместимы, чтобы различные организации работали рука об руку. Это означает, что благодаря совместимости инструментов и процессов, а также совместимости данных, страны могут легко работать совместно. Например, использование участниками структурированного представления информации об угрозах (STIX) и надежного автоматизированного обмена информацией (TAXII) повысит уровень осведомленности об угрозах и обмене информацией между участниками [7]. Кроме того, любые программы по обмену разведданными, обучению и наращиванию потенциала могут сократить технический разрыв между участниками, чтобы все они могли конструктивно противостоять киберугрозам. Политическое вмешательство и несовпадение национальных интересов представляют собой еще одну проблему для трансграничного сотрудничества. Кибербезопасность может подрывать суверенитет и принимать решающие меры во взаимодействии государств, когда они пытаются защитить свои особые стратегические объекты в рамках общей борьбы с киберугрозами. Чтобы избежать подобных препятствий, государство должно протянуть руку помощи и согласиться деполитизировать вопросы безопасности в Интернете и работать на благо общества. Некоторые из мер, которые могут быть приняты, включают создание сбалансированной и беспристрастной площадки для встреч, такой как Глобальный форум по киберэкспертизе (GFCE), который будет способствовать проведению встреч и поможет устранить разногласия. Кроме того, военное сотрудничество и меры по обеспечению прозрачности, тренинги могут снизить такие факторы, снижающие доверие, как подозрительность. Частный сектор также призван сыграть важную роль в трансграничном сотрудничестве в области безопасности в киберпространстве. Большинство важнейших объектов инфраструктуры, включая телекоммуникации, энергетику и финансы, принадлежат частным корпорациям и управляются ими, поэтому их участие имеет решающее значение для нейтрализации угроз. Установлено, что по сравнению с тем, что один сектор решает проблему самостоятельно, сотрудничество как государственного, так и частного секторов способствует комплексному решению проблемы кибербезопасности. Например, Альянс по борьбе с киберугрозами (CTA) нацелен на создание консорциума аналогичных

частных фирм, которые делятся своей информацией об угрозах и совместно работают над решением этих вопросов. Подобное сотрудничество для поощрения связей на международном уровне может помочь усилить способность всей экосистемы кибербезопасности предотвращать сбои в системе безопасности. Трансграничное сотрудничество может быть ускорено с помощью новых технологий, включая искусственный интеллект и блокчейн технологии [8]. С помощью ИИ можно с высокой точностью и скоростью обнаружить угрозу и отреагировать на нее до того, как она возникнет. Благодаря этому децентрализованная технология блокчейн, обеспечивающая высокий уровень безопасности, будет идеальной для распространения информации и аутентификации. Но использование организациями этих технологий создает другие моральные дилеммы и проблемы управления, например, предвзятые алгоритмы и защита данных. Эти проблемы должны решаться таким образом, чтобы оптимизировать выгоды, которые могут быть получены от такой динамики, и все это без полного риска сбоев в этих ключевых процессах для предприятия.

Когда речь заходит о сотрудничестве и партнерстве в сфере трансграничной кибербезопасности, критически важным является развитие потенциала и повышение уровня образования людей. Получение перспектив для создания квалифицированного персонала, способного внедрять эффективные меры кибербезопасности, имеет решающее значение для государств и международного сообщества [9]. Существует потребность в программах наращивания потенциала с целенаправленными мероприятиями по подготовке специалистов в области кибербезопасности, просвещение политиков и повышение осведомленности населения в целом о рисках кибербезопасности. Глобальный форум по киберэкспертизе (GFCE) как глобальное мероприятие и Программа развития кибернетического потенциала АСЕАН (АССР), в которых подчеркиваются региональные примеры укрепления глобальной компетентности в области кибербезопасности посредством обучения персонала. Реальное сотрудничество между государствами может открыть возможность создания многосторонней системы, которая позволит управлять природой угроз в киберпространстве. Реализация этого видения сопряжена с очень серьезными препятствиями, которые включают в себя доверие, правовую и техническую стандартизацию и геополитику. Посредством диалога, гармонизации, поддержки инноваций и развития потенциала глобальное общество может создать надежную среду кибербезопасности, которая защитит мировое цифровое наследие и обеспечит благополучие всего мира для будущих поколений. На протяжении многих лет такие угрозы продолжали меняться, а это означает, что наша защита от них также должна измениться, и это также придаст большое значение необходимости постоянных усилий и сотрудничества на глобальном уровне.

Еще одним компонентом представленной теоретической базы, заслуживающим внимания, является оценка действующих международных договоров и деклараций которая включает Будапештскую конвенцию о борьбе с

киберпреступностью и укреплению доверия и безопасности в киберпространстве.

Как мнения экспертов, вовлеченных в международное сотрудничество, так и общий опыт работы учреждений по обеспечению кибербезопасности различных стран имеют неоценимое значение с точки зрения понимания эффективной реализации лучших мировых практик и подходов в области кибербезопасности, а также регулярное изучение сильных и слабых сторон различных форм международного сотрудничества. Таким образом, это позволит собрать практические данные о существующих недостатках и возможностях киберсотрудничества в реальном мире. Вторичные данные будут включать письменные или электронные отчеты, тематические исследования и базы данных о прошлых кибератаках, такие как ежегодный отчет Агентства Европейского союза по кибербезопасности (ENISA), Агентства кибербезопасности Соединенных Штатов, Агентство по безопасности инфраструктуры (CISA) и Глобальный форум по киберпреступности (GFCE). Эти отчеты содержат конкретную информацию о количестве и частоте кибератак, видах атак и связанных с ними последствиях, а также данные о деятельности в области кибербезопасности на национальном и международном уровнях. Таким образом, анализ этих наборов данных позволит выявить закономерности успешного трансграничного сотрудничества для предотвращения или сдерживания киберугроз. Кроме того, в ходе этого анализа будут оценены экономические и социальные потери, вызванные массовыми киберинцидентами, подчеркнута необходимость принятия эффективной архитектуры международной безопасности для предотвращения подобных угроз.

Перспективы развития международного сотрудничества связаны с:

* Укреплением многостороннего диалога между государствами
* Разработкой универсальных норм поведения в киберпространстве
* Созданием эффективных механизмов реагирования на киберугрозы
* Повышением уровня технической оснащенности развивающихся стран

За последние 5 лет значимые дискуссии по вопросам кибербезопасности проходили на следующих форумах:

* Конференция по кибербезопасности в Мюнхене (2023)
* Саммит ШОС (2022)
* Форум по управлению интернетом (IGF)
* Конференция по международной информационной безопасности (2021)

Перед государствами стоят следующие приоритетные задачи:

* Гармонизация национальных законодательств
* Создание эффективных механизмов обмена информацией
* Развитие технической инфраструктуры
* Подготовка квалифицированных специалистов

Сотрудничество в области кибербезопасности между странами имеет решающее значение в борьбе с растущими угрозами в мировом киберпространстве. Результаты, представленные в данной статье, доказывают

преимущества международного сотрудничества в области экономики и безопасности. Затраты на совместные действия затмеваются потенциалом предотвращенных кибератак. В целях повышения кибербезопасности странам необходимо развивать сотрудничество и обмен информацией, принимать комплекс правовых мер, направленных на совместную защиту критически важной инфраструктуры. Это связано с тем, что современные подходы, используемые различными странами по отдельности, способны лишь минимизировать ущерб, снизить затраты и побудить организации по всему миру создавать средства защиты от нового типа киберугроз. Многостороннее сотрудничество, подкрепляемое эффективной политикой, является ключом к устойчивой защите глобального общества от киберугроз.

Список литературы

1. Иванов А.В. Международное сотрудничество в сфере кибербезопасности: проблемы и перспективы // Международные отношения. – 2023. – № 3. – С. 45-56.

2. Петров С.Н. Киберугрозы и международная безопасность // Военная мысль. – 2022. – № 4. – С. 12-23.

3. Сидоров Д.А. Правовые аспекты международного сотрудничества в киберпространстве // Право и государство. – 2023. – № 2. – С. 78-91.

4. Международные стандарты информационной безопасности / Под ред. Н.И. Мороз. – М.: Международные отношения, 2023. – 245 с.

5. Глобальные вызовы кибербезопасности: коллективная монография / Отв. ред. В.А. Соколов. – СПб.: Питер, 2022. – 312 с.

6. Актуальные проблемы международной кибербезопасности / Под ред. А.П. Волкова. – М.: Наука, 2023. – 198 с.

7. Доклад о состоянии международной кибербезопасности за 2023 год. – ООН, 2023. – 124 с.

8. Стратегические направления развития международного сотрудничества в сфере кибербезопасности / Под ред. М.И. Смирнова. – М.: ЮНИТИ, 2023. – 289 с.

9. Международное сотрудничество в сфере противодействия киберугрозам: сборник материалов / Сост. И.В. Михайлов. – М.: Дипломатическая академия, 2023. – 187 с.

***Лавриченко Р. К.*[1],**
заместитель начальника
кафедры международного полицейского
сотрудничества и борьбы с преступностью
по каналам Интерпола
Всероссийского института повышения
квалификации МВД России,
кандидат педагогических наук

***Кладова Т. А.*[2],**
преподаватель кафедры
международного полицейского
сотрудничества и борьбы с преступностью
по каналам Интерпола
Всероссийского института повышения
квалификации МВД России

ТЕНДЕНЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В настоящее время в мире наблюдаются тенденции к сворачиванию различных программ и проектов, нацеленных на укрепление и развитие международного сотрудничества. Настало время открыто заявить о том, что международное сотрудничество под угрозой. Масштабы официального сотрудничества между государствами в целях развития во всем мире сокращаются впервые за долгие годы [3, с. 45]. Наблюдается тревожная тенденция, поскольку в условиях различных катастроф, техногенных и природных пожаров, войн на планете международное сотрудничество необходимо людям, как никогда. Глобальное сотрудничество в целях всеобщего развития не только спасает жизни обычных людей в краткосрочной перспективе, но и способствует долгосрочной стабильности общества [1, с. 56].

Сегодня международное сотрудничество становится краеугольным камнем взаимоотношений между государствами, международными организациями, национальными неправительственными организациями, многонациональными или транснациональными корпорациями для регулирования международных отношений. За последние десятилетия международное сотрудничество стало новой областью исследований для реализации международной политики посредством новых повесток дня в области развития, понимаемых как новые цели всех субъектов по ускорению глобального развития [2, с. 32]. Глобальное наступление на сотрудничество в целях развития – уже не угроза, а реальность. Некоторые страны, такие как США, сокращают жизненно важную гуманитарную помощь на миллиарды долларов. В Европе такие страны, как Германия, Швеция и Нидерланды также сокращают свое международное сотрудничество.

[1] © Лавриченко Р. К., 2025.
[2] © Кладова Т. А., 2025.

Настало время прекратить раздоры, соперничество, и прийти к согласию и взаимопониманию. На сегодняшний день мир нуждается в стабильности, а человеческое общество нуждается в справедливости и открытых возможностях для своего развития, прогресса, в то время как конфликты и войны, катастрофы, глобальное потепление, экологический кризис, эпидемии и пандемии, терроризм и торговля людьми остаются бедствиями, продолжающими нивелировать все общемировые попытки наладить спокойную и стабильную жизнь [4, с. 78].

Фактически, сотрудничество между различными субъектами, участвующими в глобальной политике, могло бы послужить средством переосмысления новых стратегий и помочь найти новые ответы на давно назревшие вопросы [5, с. 14].

На фоне обозначенных выше проблем роль международной организации ООН становится особенно значимой. Она прилагает все усилия по содействию построения более справедливого общества во всех странах, не только в развитых. На сегодняшний день наблюдается тенденция к разумному и аккуратному вовлечению международного сотрудничества, которое стимулирует дополнительные усилия и инвестиции в неблагополучные страны [6, с. 23]. Уровень абсолютной бедности, ликвидация которой долгое время была приоритетной целью международного сотрудничества, несколько снизился в относительном выражении, опустившись ниже 10% населения мира, что является историческим минимумом [2, с. 32]. С другой стороны, растущее неравенство, изменение климата, миграция и вооруженные конфликты по-прежнему являются серьезными вызовами для будущего международного сотрудничества [1, с. 56]. Более того, новые все более усиливающие свое общемировое влияние игроки, такие как Китай и частные фонды, бросают вызов мировоззрению традиционных стран-доноров членов ООН [3, с. 45].

В этом контексте [7, с. 45]возникает вопрос о том, в каком направлении будет развиваться международное сотрудничество в ближайшие годы и каковы текущие тенденции в Организации Объединенных Наций. Логично предположить, что систематический обмен опытом между странами должен быть продолжен и будет осуществляться в режиме регулярного и конструктивного диалога со всеми членами ООН. Существующий обмен опытом внутри самой организации ООН между государствами недостаточен [4, с. 78]. Взаимное обучение между развивающимися и развитыми странами все больше выходит на первый план. Таким образом, глобальное сотрудничество приобретает все более важные и интересные формы.

Список литературы

1. Hoffmann, K., & MacKenzie, D. (2023). Global Governance and the New Normal: Trends in International Cooperation Post-COVID-19. Routledge.

2. Smith, J. R., & Brown, A. L. (2024). Adapting to Global Challenges: Innovative Approaches to International Collaboration. Cambridge University Press.

3. United Nations. (2023). The Future of Global Cooperation: New Initiatives and Strategies for the 21st Century. United Nations Publications.

4. Kumar, S. (2024). Digital Diplomacy: How Technology is Shaping International Cooperation. Springer.

5. Wilson, T., & Garcia, P. (2023). Bridging Divides: The Role of International Partnerships in Addressing Global Issues. International Policy Press.

6. OECD. (2024). Global Cooperation in a Changing World: Trends and Policy Recommendations. OECD Publishing.

7. Johnson, R., & Lee, M. (2025). The Evolution of Multilateralism: New Frameworks for International Cooperation. Harvard University Press.

Ларченко А. И.,[1]
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель кафедры
иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИСПАНИИ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Исследуя эволюцию правоохранительной стратегии с конца прошлого столетия до наших дней, автор детально рассматривает три ключевых элемента испанской модели: ее правовое обеспечение, стратегическое планирование и оперативное воплощение. Центральное место в анализе отводится такому фундаментальному законодательному акту, как Ley Orgánica 4/2015 о защите общественной безопасности, который предоставил правоохранительным органам современные инструменты для работы в сложных условиях [2]. Подчеркивается переход от традиционной реактивной модели к проактивной стратегии, основанной на тщательном сборе и анализе оперативной информации, координируемой на высшем уровне Государственным секретариатом по безопасности. В статье подробно раскрывается роль элитных подразделений в структурах Национальной полиции и Гражданской гвардии, чья деятельность нацелена не на разовые задержания, а на системное разрушение преступных сетей через подрыв их экономических основ и ликвидацию руководящего звена. Детальному рассмотрению подвергаются такие специализированные направления борьбы, как противодействие международному наркотрафику, торговле людьми в целях сексуальной и трудовой эксплуатации, а также новейшим вызовам в киберпространстве. Аргументация подтверждается актуальными статистическими данными, которые наглядно иллюстрируют эффективность применяемых мер, выражающуюся в рекордных изъятиях наркотических веществ, раскрытии транснациональных сетей и спасении сотен жертв современных форм рабства. В заключительной части формулируется вывод о том, что испанское Министерство внутренних дел выработало целостную, динамичную и адаптивную модель, которая успешно комбинирует жесткое законодательное поле, действия высокопрофессиональных оперативных подразделений, фокус на финансовых расследованиях и теснейшую интеграцию в систему международной правоохранительной кооперации, что в совокупности позволяет эффективно противо-

[1] © Ларченко А. И., 2025.

стоять постоянно эволюционирующим вызовам со стороны организованной преступности.

Стратегическое расположение Испании на карте мира, определяющее ее роль как естественного моста между Европой, Африкой и Латинской Америкой, предопределило ее повышенную уязвимость перед лицом транснациональной организованной преступности. Транзитные маршруты наркотрафика, потоки нелегальной миграции, отмывание преступных капиталов – все эти вызовы потребовали от испанского государства выработки адекватного, системного и жесткого ответа. Результатом этой работы стало формирование Министерством внутренних дел Испании комплексной многоуровневой стратегии, которая интегрирует в единый механизм передовые правовые нормы, централизованное стратегическое планирование и высокопрофессиональное оперативное исполнение, что в совокупности позволяет не просто реагировать на преступления, но и упреждать их, системно разрушая инфраструктуру и экономику криминальных предприятий.

Правовой каркас этой деятельности образуют несколько ключевых законодательных актов. Фундаментальную роль играет Ley Orgánica 4/2015 от 30 марта о защите общественной безопасности [2]. Несмотря на то что отдельные его положения, касающиеся регулирования публичных мероприятий, стали предметом общественной дискуссии, именно этот документ предоставил правоохранительным органам критически важные для борьбы с организованными группами полномочия. Речь идет о расширенных возможностях по проведению проверок документов в зонах повышенного риска, осуществлению досмотров и, что особенно важно, оперативному установлению контролируемых периметров (cordon sanitare) для блокирования действий преступных сетей в режиме реального времени. Дополняет эту правовую базу Уголовный кодекс Испании, в частности, статьи 570 bis и ter, которые криминализируют сам факт создания, поддержания или финансирования преступной организации [1]. Эта норма права позволяет прокуратуре и судам преследовать не просто отдельные эпизоды преступной деятельности, а саму структуру группы, ее руководящее звено и пособников, что кардинально повышает эффективность борьбы с мафиозными образованиями.

На уровне стратегического планирования ключевая координирующая роль возложена на Государственный секретариат по безопасности. Именно этот орган обеспечивает синхронизацию действий двух основных правоохранительных институтов страны – Национальной полиции, зона ответственности которой охватывает крупные города и столицы провинций, и Гражданской гвардии, традиционно отвечающей за сельскую местность, территориальные воды и государственную границу. Сердцевиной современной испанской стратегии является концепция «полицейской деятельности, основанной на разведке» (intelligence-led policing). Это означает, что все крупные операции инициируются и планируются на основе тщательного анализа данных, собираемых и обрабатываемых специализированными подразделениями: Центральным разведывательным управлением Национальной полиции и Центральным оперативным управлени-

ем Гражданской гвардии. Их работа позволяет перейти от практики «тушения пожаров» к проактивному выявлению и нейтрализации угроз, нанося удары по руководящему звену и логистическим цепочкам преступных группировок. Особое, стратегическое значение в этой системе уделяется финансовому направлению. Принятие Закона 17/2003 о правовом режиме ареста имущества [3] и Закона 10/2010 о противодействии отмыванию денег и финансированию терроризма [4] позволило наносить точечные удары по главному мотиватору организованной преступности – экономической выгоде. Возможность замораживать и конфисковывать активы, нажитые преступным путем, – будь то недвижимость, счета или транспортные средства, – наносит криминальным сетям более ощутимый урон, чем даже аресты их рядовых членов.

На оперативном уровне эта стратегия воплощается в жизнь высокоспециализированными подразделениями, каждое из которых является мировым лидером в своей узкой области. Классическим и исторически первым направлением остается борьба с наркотрафиком. Противодействие этому злу возложено на такие структуры, как Специальная прокуратура по борьбе с наркотиками (Fiscalía Especial Antidroga) в составе Гражданской гвардии и специализированные подразделения UDYCO (Unidades de Droga y Crimen Organizado) Национальной полиции. Их работа, часто сопряженная с риском для жизни, приносит осязаемые результаты. Согласно последнему Годовому отчету об организованной преступности за 2022 год, испанские правоохранители провели 37 масштабных операций, в результате которых были нейтрализованы крупные транснациональные сети и арестованы 3925 человек, связанных с наркобизнесом. Цифры изъятий поражают воображение и красноречиво свидетельствуют о масштабах проблемы: 256 тонн кокаина и 350 тонн гашиша были перехвачены на подходах к испанскому побережью и в рамках международных полицейских операций [5].

Вторым критически важным направлением является борьба с торговлей людьми, которая в XXI веке приняла формы современного рабства. Испания, как страна с развитой экономикой, является одним из ключевых центров назначения для жертв, в основном женщин и детей, из стран Латинской Америки, Восточной Европы и Африки. Противодействием этому ужасающему явлению занимаются, в частности, Управление по делам женщин и несовершеннолетних (UFAM) Национальной полиции и группы EMUME Гражданской гвардии. Их подход является двухуровневым: с одной стороны, это неотвратимое преследование преступников, а с другой – комплексная работа по выявлению, спасению и реабилитации жертв, которые часто находятся в состоянии крайней уязвимости. Статистика за 2022 год – 289 операций, 1034 ареста и 1437 идентифицированных и спасенных потенциальных жертв – показывает не только масштаб явления, но и гуманистическую, ориентированную на защиту прав человека, составляющую работы испанской полиции [5].

Наконец, новейшим и стремительно растущим фронтом борьбы стало киберпространство. Киберпреступность, осуществляемая организованными группами, включает в себя финансовое мошенничество, атаки с использованием программ-вымогателей (ransomware), кражу данных и онлайн-эксплуатацию де-

тей. Противодействие этим угрозам требует совершенно иных, высокотехнологичных компетенций. Ими обладают Центральное управление по киберпреступности (Unidad Central de Ciberdelincuencia) Национальной полиции и Группа по телематическим преступлениям (Grupo de Delitos Telemáticos) Гражданской гвардии. Их работа носит глобальный характер, так как серверы и исполнители могут находиться в любой точке мира, что делает неизбежным тесное международное сотрудничество. Более 16 000 арестов за киберпреступления в 2022 году свидетельствуют о том, что испанские правоохранительные органы успешно адаптируются к вызовам цифровой эпохи [5].

Именно международная кооперация является тем множителем, который усиливает эффективность всех перечисленных национальных мер. Как активный член Европейского союза, Испания является ключевым игроком в таких структурах, как Europol и Eurojust. Совместные следственные группы (Joint Investigation Teams, JIT) стали рутинным, но крайне эффективным инструментом. Крупные операции по задержанию лидеров международных наркокартелей, перехвату партий оружия или ликвидации сетей по торговле людьми почти всегда являются результатом слаженной работы испанских спецслужб с коллегами из других стран. Эта глубокая интеграция в общеевропейское правоохранительное пространство позволяет действовать на опережение и эффективно бороться с преступностью, не знающей границ.

В заключение можно констатировать, что Министерство внутренних дел Испании не просто адаптировалось к современным угрозам, а создало опережающую, целостную и динамичную модель противодействия организованной преступности. Эта модель, сочетающая в себе мощный законодательный фундамент, централизованное стратегическое планирование, основанное на разведданных, действия высокоспециализированных оперативных подразделений, системный подрыв экономики преступного мира и теснейшее международное взаимодействие, демонстрирует свою высокую эффективность. Хотя ни одна страна не может быть полностью защищена от деятельности преступных сообществ, испанский опыт доказывает, что комплексный, наступательный и умный подход позволяет успешно защищать национальную безопасность и правопорядок от организованной преступности.

Список литературы

1. Spanish Penal Code (Código Penal Español).

2. Organic Law 4/2015, of March 30, on the protection of citizen security (Ley Orgánica 4/2015, de 30 de marzo, de protección de la seguridad ciudadana).

3. Law 17/2003, of May 29, on the legal regime of property seizures (Ley 17/2003, de 29 de mayo, sobre el régimen jurídico de la embargo de bienes).

4. Law 10/2010, of April 28, on the prevention of money laundering and financing of terrorism (Ley 10/2010, de 28 de abril, de prevención del blanqueo de capitales y financiación del terrorismo).

***Лебедева В. И.*[1],**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ИНТЕРПОЛА И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ООН

Международный терроризм, как сорняк, пустивший корни в каждой стране мира, не случайно обозначается глобальной проблемой XXI столетия. Человечество, помнящее разрушения и лишения мировых войн, осознало необходимость создания такой системы, которая в силах поддержать мир и безопасность во всем мире во имя процветания всех народов. Воплощением такой системы стала Организация Объединенных Наций, созданная 24 октября 1945 года, - именно ей отводится одна из главных ролей в борьбе с международным терроризмом как с явлением, которое угрожает миру и безопасности всех стран. –

Нормативно-правовая регламентация взаимодействия и сотрудничества международных организаций в сфере противодействия терроризму нашла свое выражение в таких международно-правовых актах как:

– Декларация ООН «О мерах по ликвидации международного терроризма» (1994);

– Конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997);

– Конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999);

– Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (2001);

– Конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма (2005) и др.

Вышеуказанные международно-правовые акты вместе с основополагающими принципами международного права создают правовую базу для взаимодействий в сфере противодействия терроризму.

Стоит особо отметить и перспективы расширения урегулированности указанной сферы в связи с разработкой новых международно-правовых актов. К примеру, 26 октября 2025 года в Ханое (Вьетнам) состоялась церемония подписания Конвенции ООН против киберпреступности, в качестве одной из основных целей которой предусмотрено юридическое закрепление обязанности участников Конвенции обмениваться электронными доказательствами, экстрадировать преступников и защищать цифровые пространства. В тексте Конвенции против киберпреступности, а именно в статье 41 нашли свое отражение и нормы, регулирующие порядок обращения к Сети 24/7 Международной организации уголовной полиции с целью обеспечения быстрого взаимодействия между полицейскими органами

[1] © Лебедева В. И., 2025.

и применения других методов сотрудничества в области обмена информацией [1]. Указанная Конвенция стала первым юридически обязывающим договором в области международной информационной безопасности, нацеленного на укрепление международного правоохранительного сотрудничества по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях и призвана нарастить политико-дипломатические усилия по выполнению согласованных взаимных обязательств и совершенствованию конвенционных механизмов сотрудничества [2].

Значимым среди направлений антитеррористического взаимодействия Организации Объединенных Наций с международными организациями видится сотрудничество ООН с Международной организацией уголовной полиции, потому как Интерпол имеет статус Постоянного наблюдателя при Организации Объединенных Наций с 1996 года, что формализовано рядом резолюций и соглашений. Это способствует координации усилий в борьбе с терроризмом и торговлей людьми, обеспечивая оперативное информирование правоохранительных органов о лицах и организациях, подпадающих под санкции Совета Безопасности ООН. Офисы представителей Интерпола при ООН в Нью-Йорке и Вене обеспечивают непосредственный контакт и сотрудничество с различными агентствами и миссиями ООН, что улучшает динамику и эффективность взаимодействия [3].Структурные подразделения ООН, такие как Исполнительный директорат Контртеррористического комитета и Контртеррористическое управление, активно сотрудничают с Интерполом и такими структурами как Антитеррористический центр СНГ и Региональная антитеррористическая структура ШОС. Например, АТЦ СНГ интегрирован в систему международного антитеррористического сотрудничества, имея статус наблюдателя в Интерполе и тесно взаимодействуя с ООН. Центр участвует в подготовке и проведении совместных антитеррористических учений, обменивается аналитическими материалами, переведенными на русский язык, и вносит вклад в подготовку руководств по защите критически важной инфраструктуры: в 2024 году были проведены совместные учения, в ходе которых отработаны вопросы противодействия финансированию терроризма и киберугрозам [4].

Примеры взаимодействия Интерпола и Контртеррористического управления ООН включают совместные усилия по борьбе с терроризмом и организованной преступностью на глобальном уровне. В целях иллюстрации взаимодействия приведем следующие:

- во-первых, Интерпол является ключевым партнером в Программе ООН по противодействию террористическим перемещениям (UN Countering Terrorist Travel Programme), запущенной в 2019 году. Эта программа повышает возможности стран-членов выявлять и перехватывать потенциальные угрозы безопасности через анализ пассажирских данных (API и PNR). Интерпол обеспечивает интеграцию своих глобальных баз данных (например, базы данных подозреваемых в терроризме и украденных или потерянных документов) для оперативного международного обмена информацией и совместного реагирования до и после перемещения лиц. В 2024 году базы данных Интерпола обработали более 8

миллиардов запросов от стран-участников, что существенно повышает эффективность выявления террористов и предотвращения злоупотреблений документами;

- во-вторых, в июне 2018 года исполнительный директор Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН) и генеральный секретарь Интерпола подтвердили усиление сотрудничества для поддержки стран в борьбе с терроризмом, организованной преступностью и незаконным оборотом наркотиков. Сотрудничество охватывает обмен данными, борьбу с иностранными боевиками-террористами, региональное и межрегиональное взаимодействие правоохранительных органов, а также расширение возможностей судебной экспертизы, кибербезопасности и укрепление работы государственных институтов. В частности, внимание уделяется угрозам, связанным с финансированием терроризма через наркоторговлю и другими транснациональными преступлениями.

Не менее значимым с практической точки зрения является антитеррористическое взаимодействие Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН (КТК) и Интерпола, среди ярких примеров которого сотрудничества можно обозначить:

- координацию и обмен информацией по выявлению и задержанию лиц, причастных к терроризму, с использованием баз данных Интерпола и механизмов Контртеррористического комитета, позволяющие повысить эффективность международного розыска и пресечения террористической активности;

- в рамках планов совместных действий между Интерполом и структурами ООН, включая КТК, реализуются операции по борьбе с транснациональной организованной преступностью и кибертерроризмом, где особое внимание уделяется проблемам терроризма, незаконной торговли, киберпреступности и безопасности границ;

Интерпол поддерживает Контртеррористический комитет Совета Безопасности ООН через предоставление технических и оперативных возможностей полицейского контроля, а также участвует в подготовке и реализации рекомендаций и санкций Совета Безопасности по противодействию терроризму.

Таким образом, современное состояние международного сотрудничества Интерпола и антитеррористических подразделений ООН характеризуется тесным взаимодействием в области борьбы с терроризмом, обменом оперативной и аналитической информацией, а также совместными программами и учениями [5]. Взаимодействие Интерпола и антитеррористических подразделений ООН основано на многоуровневой интеграции усилий, направленных на повышение оперативного реагирования на террористические угрозы, развитие стратегических и практических мер защиты безопасности в общемировом масштабе.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности // URL: https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243?ysclid=mi7b47xgb0875210749.

2. Сообщение Министерства иностранных дел Российской Федерации для СМИ о подписании Конвенции ООН против киберпреступности // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2055536/?ysclid=mh4rqx8z1112431420 3.

3. Интерпол и ООН // URL: https://www.interpol.int/en/Who-we-are/Our-partners/International-organization-partners/INTERPOL-and-the-United-Nations.

4. Антитеррористическому сотрудничеству крепнуть // URL: https://e-cis.info/news/566/130019/.

5. О Контртеррористическом комитете СБ ООН // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/sovet-bezopasnosti/1628252/.

Леончик Е. А. [1]***,***
аспирант Белорусского государственного
экономического университета

К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ГРАЖДАНСТВЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Совершенствование правового статуса гражданина представляет собой актуальное направление научного исследования. В современных условиях, которые характеризуются усложнением социальных отношений и усилением глобальных проблем, а также растущими требованиями к эффективности государственного управления, исследование данной темы приобретает особую актуальность.

Права и обязанности граждан представляют собой важнейший элемент правового статуса личности, направленный на обеспечение стабильности развития общества и защиты государства. Нормативно закрепленные требования к правомерному поведению граждан выступают важным инструментом поддержания стабильности и согласия в обществе. В условиях укрепления института гражданского общества их выполнение становится важным элементом гармонизации интересов личности, общества и государства.

Необходимо также отметить, что эффективность правового регулирования указанных общественных отношений в полной мере связана с гарантиями их эффективной реализации, которые выступают связующим звеном между законодательно закрепленными обязанностями и их реальным выполнением [1, с. 71].

Именно они обеспечивают переход от нормативного закрепления обязанностей к их практической реализации, устраняя препятствия и создавая необходимые условия для выполнения. В этой связи особую актуальность приобретает институт ответственности за нарушение законодательства о гражданстве.

С целью изучения данного института, а также его совершенствования представляется необходимым проведение сравнительного анализа законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации.

В этой связи необходимо отметить принятые в установленном законодательством порядке изменения, связанные с оптимизацией правового статуса гражданина Российской Федерации. Так, 4 августа 2014 года в РФ был принят Федеральный закон № 142 «О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации. В котором установлена обязанность граждан Российской Федерации извещать органы Федеральной миграционной службы о наличии гражданства иностранного государства.

Следуя положениям данного закона, гражданин Российской Федерации обязан подавать уведомление о каждом факте приобретения гражданства (подданства) иностранного государства либо получения вида на жительство или иного

[1] © Леончик Е. А., 2025.

документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства, а также вправе подавать уведомление об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства [2]. Кроме того, российским законодательством установлен шестидесятидневный срок на направление соответствующего уведомления.

Нарушение вышеуказанного обязательства влечет за собой административную либо уголовную ответственность. Так, ст. 19.8.3 Кодекса РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность как за нарушение сроков для уведомления, так и за неуведомление гражданином уполномоченных органов о наличии у него второго гражданства в виде административного штрафа в размере от 500 до 1000 рублей [3]. А ст. 330.2 Уголовного кодекса РФ предусматривает уголовную ответственность за неисполнение гражданами обязанности по уведомлению уполномоченного органа власти о наличии у гражданина подданства иностранного государства [4].

В законодательстве Российской Федерации отсутствует определение термина «иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства», что затрудняет применение правовой нормы на практике. Кроме того, на наш взгляд, данный термин охватывает только понятие территориальной принадлежности гражданина и не в полной мере соответствует целям принятия изменений в законодательство о гражданстве.

Вице-спикер Государственной Думы Российской Федерации С. Неверов, обосновывая необходимость установления обязанности уведомлять о наличии иностранного гражданства, подчеркнул, что «государство должно знать, находится ли гражданин в общественно-правовой связи с другой страной, какие у него есть обязанности. Ведь, приобретая гражданство, человек наделяется не только правами, но и обязанностями, в том числе воинской обязанностью, обязанностью отстаивать интересы этой страны и др.» [5].

Вместе с тем, общественно-правовая связь личности и государства может возникать на основании документов, прямо не предполагающих право на постоянное проживание на территории данного государства, но, в свою очередь, создающих предпосылки для получения такого права.

В этой связи представляется необходимым обратиться к белорусскому законодательству. Так, в январе 2023 года в Закон о гражданстве Республики Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З были внесены изменения, в результате которых статья 11 указанного нормативного правового акта была изложена в новой редакции: «Граждане Республики Беларусь, приобретшие гражданство иностранного государства либо получившие вид на жительство или иной документ иностранного государства, предоставляющий право на льготы и другие преимущества, в течение трех месяцев со дня получения соответствующих доку-

ментов обязаны проинформировать об этом органы внутренних дел или органы дипломатической службы» [6].

Однако, действующее законодательство Республики Беларусь не предусматривает ни уголовной, ни административной ответственности за нарушение вышеуказанной нормы. По мнению автора отсутствие правовой основы для привлечения к юридической ответственности граждан, которые, получив гражданство других государств, не уведомляют компетентные органы белорусского государства негативно сказывается на государственном регулировании общественных отношений в сфере гражданства и миграции, поскольку отсутствие ответственности приводит к росту правонарушений, недобросовестному отношению граждан к исполнению своих обязанностей.

Вместе с тем, считаем, что нарушения законодательства о гражданстве не наносят значительный вред общественным или государственным интересам, и степень общественной опасности от данных правонарушений несоразмерна правовым последствиям, предусмотренным Уголовным Кодексом Республики Беларусь.

С учетом изложенного считаем необходимым внести изменения в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях, закрепляющие административную ответственность граждан, не представивших в указанный законом срок актуальную информацию о факте приобретения гражданства иностранного государства, получения вида на жительство или иного документа иностранного государства, предоставляющего право на льготы и другие преимущества в соответствующем иностранном государстве.

Кроме того, предполагаем целесообразным внесение изменений в Федеральный закон Российской Федерации № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» и изложение п. 1 ст. 11 данного акта в следующей редакции: «гражданин Российской Федерации обязан подавать уведомление о каждом факте приобретения гражданства (подданства) иностранного государства либо получения вида на жительство или документа иностранного государства, предоставляющего право на льготы и другие преимущества, а также вправе подавать уведомление об утрате гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или документа иностранного государства, предоставляющий право на льготы и другие преимущества».

Список литературы

1. Курак, А. И. Конституционное право Республики Беларусь (в таблицах, схемах, определениях) : справ. пособие. А. И. Курак. – Минск, РУП «Белтаможсервис», 2003. – 288 с.

2. О гражданстве Российской Федерации: Федеральный закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. №62-ФЗ: [принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 19 апреля 2002 г. в ред. Федер. закона Рос. Федерации от 28 апреля 2023 года N 138-ФЗ] // Собр. Законодательства Рос. Федерации. – 2002. – №100.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с

06.09.2025) // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661.

4. Особенная часть // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) : [принят Государственной Думой 24.05.1996, одобрен Советом Федерации 05.06.1996].

5. Неверов С. Комментарий к закону о двойном гражданстве // Официальный сайт фракции Единая Россия в Государственной Думе. URL: http://www.er-duma.ru/press/63501/.

6. О гражданстве Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь от 1 августа 2002 г. № 136-З : [принят Палатой представителей 18 июня 2002 года в ред. Закона Респ. Беларусь от 5 января 2023 г. № 242-З] // Эталон. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=h10200136.

***Лисаускайте В. В.*[1],**
профессор кафедры
уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Важным элементом борьбы с преступностью для любого государства выступает взаимодействие на двустороннем и региональном уровне. Оно может осуществляться на основании международных договоров, а также в рамках региональных международных организаций. Как правило, государства объединяют оба формата для более эффективного результата. Как отмечают исследователи, «активность и успешность, в свою очередь, определяются совпадением интересов по предотвращению и ликвидации транснациональных угроз и вызовов безопасности, характером взаимоотношений, геополитическим расположением, наличием общих границ» [1, с. 66]. Особое значение такого сотрудничества имеет для сопредельных государств в связи с растущими рисками трансграничного характера преступности и роста видов преступности, приобретающих такую характеристику. Одним из крупных соседов России, с которым наша страна имеет давние корни эффективного взаимодействия в любой сфере, является Беларусь.

Российская Федерация и Республика Беларусь являются активными участниками международного механизма борьбы с преступностью как на многостороннем, так и на двустороннем уровне. В качестве потребностей такого взаимодействия выступают не только исторические и культурные связи стран – соседей, но и экономические интеграционные процессы Союзного государства, страдающие от проявления трансграничной преступности. Поэтому осуществление сотрудничества этих государств в указанном направлении является весьма актуальным и необходимым.

В качестве правового основания такой деятельности выступает несколько международных соглашений. Традиционно для любого отраслевого взаимодействия базовым документом является основополагающий договор. В нашем случае таковым рассматривается Договор о создании Союзного государства 1999 г. В этом соглашении определено: «обеспечение безопасности Союзного государства и борьба с преступностью» [2]. Таким образом, борьба с преступностью рассматривается как основополагающего направления наравне с экономическим и социальным сотрудничеством двух стран. Следует отметить, что все три направления взаимосвязаны между собой и являются важными критериями развития каждого государства и их совместного взаимодействия.

---

[1] © Лисаускайте В. В., 2025.

За прошедший период государства реализовали различные совместные мероприятия, направленные не только на оперативное реагирование в борьбе с преступностью, но и на формирование единой правовой базы, совершенствование правоохранительной деятельности [3, с. 32].

Как было отмечено ранее, сотрудничество двух стран осуществляется на основании различных правовых и организационных механизмов. Еще одним правовым элементом регулирования взаимодействия России и Беларуси в рассматриваемой сфере выступает Соглашение СНГ по борьбе с преступностью 1998 г. [4]. Данный договор устанавливает, с одной стороны, специфику взаимодействия в рамках конкретного регионального механизма, с другой стороны, определяет рабочие инструменты именно относительно указанного направления. На основании положений представленных договоров действует Соглашение о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью 2014 г. [5]. В данном случае представляется весьма интересным избранный подход, когда конкретное двустороннее взаимодействие основано, среди прочего, на региональном соглашении, участниками которого являются сопредельные государства. Рассмотрим отдельные его положения более подробно.

Одним из важных аспектов в реализации такого сотрудничества выступает установление органов государства, которые компетентны в его осуществлении. Согласно ст. 2 Договора установлен широкий перечень таких структур, среди которых указаны: министерства внутренних дел, генеральные прокуратуры, федеральные службы безопасности, следственные комитеты государств, а также специальные структуры в сфере борьбы с конкретными видами преступлений. Мы отмечает такой комплексный подход, поскольку в каждой стране компетенция государственных органов может различаться, и на практике могут возникнуть вопросы несовместимости из-за неучета данного вопроса.

В соответствии с содержанием ст. 3 Договора широким является перечень направлений рассматриваемого сотрудничества. В нем указаны как традиционно транснациональные виды преступности (террористическая деятельность, коррупционные преступления, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми и другие), так и преступные деяния, совершение которых редко имеет межгосударственное проявление (преступления против собственности, против жизни и здоровья, преступления против половой неприкосновенности). Такой подход вполне обоснован, поскольку позволяет совместными усилиями реализовывать принципы неотвратимости наказания уголовной ответственности за совершенные преступления.

Представляют интересы и формы сотрудничества государств, получившие закрепление в рамках ст. 4 Соглашения. В рамках их объемного списка можно отметить наличие оперативно-розыскных мероприятий:

- розыск лиц, скрывающихся от уголовного преследования или отбывания наказания;

- розыск похищенных предметов;

- согласование действий по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений.

Другую группу форм сотрудничества составляют различные мероприятия научного, методологического, нормотворческого и иного характера. Таким образом, даже поверхностный анализ рассмотренной нормы Договора свидетельствует о существовании двустороннего, многопрофильного механизма по борьбе с преступностью.

Весьма традиционным для такого типа межгосударственных соглашений, и в тоже время, важным в практическом применении, является наличие и качественное содержание правил оформления запросов в рамках осуществляемого сотрудничества. Поскольку непосредственное их исполнение осуществляется государствами в соответствии со своим национальным процессуальным законодательством, важно соблюдать все условия документооборота, указанные в соглашении, для осуществления эффективного сотрудничества. Проведенный анализ отдельных положений Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью 2014 г. свидетельствует на наличии качественной правовой платформы по осуществлению сотрудничества государств в данной сфере.

Данная правовая платформа включает в себя и иные международные договоры, регулирующие более узкие вопросы сотрудничества России и Беларуси в борьбе с преступностью. На ее основании государства реализуют конкретные мероприятия. Так, за 2023 год правоохранительными органами государств было проведено более 100 совместных операций, в том числе, прекращена незаконная деятельность 16 интернет-наркошопов, пресечено 30 каналов поставки и транзита наркотических средств и психотропных веществ, реализованы мероприятия в рамках операции по противодействию незаконной миграции "Нелегал", в ходе которой были выявлены каналы незаконной миграции иностранцев в приграничных районах двух стран [6].

Следует отметить, что одним из более узких направлений взаимодействия двух государств выступает борьба с коррупцией. Россия и Беларусь осуществляют совместную работу в этой сфере в рамках системы ООН, а также различных региональных международных организаций: СНГ, ШОС, ОДКБ. В тоже время, реализуется и двусторонний формат. Правовым основанием такого сотрудничества выступает Соглашение о повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией 2013 года [7]. В договоре определяются основные понятия, формы совместной деятельности, а также компетентные органы государств. В качестве последних указан целый перечень правоохранительных структур каждого государства, таким образом подчеркивая комплексный характер проблем в сфере коррупции и желание с ними бороться.

Важным направлением любого сотрудничества выступает обмен информацией между государствами в конкретной сфере. Рассматриваемое соглашение содержит достаточно детальный перечень таких сведений. Такая постоянная работа позволяет своевременно устанавливать новые коррупционные схемы, выявлять преступления, совершаемые с использованием современных технологий. В тоже время, следует отметить, что по мнению экспертов существует необходимость создания новых форматов сотрудничества двух государств в

борьбе с коррупцией, в том числе, посредством заимствования соответствующих механизмов, действующих в рамках региональных организаций.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что сотрудничество России и Беларуси в борьбе с преступностью может осуществляться на основании разных правовых документов, как двустороннего, так и регионального характера. На наш взгляд, говоря о такой работе двух сопредельных стран, использование смешанного подхода имеет важное значение в целях эффективности и своевременности взаимодействия относительно предупреждения как отдельных видов преступлений, так и преступности в целом с учетом существующих рисков и угроз.

Список литературы

1. Бахлова, О.В. Интеграционное взаимодействие в борьбе с терроризмом как транснациональной угрозой (на примере Союзного государства Беларуси и России) / О.В. Бахлова // Социально-политические науки. – 2016. – №2. – С. 65 – 70.

2. О создании Союзного государства [Электронный ресурс]: договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/901756243.

3. Курбанов, Р.А., Гурбанов, Р.А. Правовые основы сотрудничества органов юстиции, правоохранительных органов и специальных служб Союзного государства Беларуси и России / Р.А. Курбанов, Р.А. Гурбанов // Экономика. Право. Общество. – 2017. – №4 (12). – С. 31 – 42.

4. О сотрудничестве в борьбе с преступностью [Электронный ресурс]: соглашение государств - участников Содружества Независимых Государств 1998 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/901732327.

5. О повышении эффективности взаимодействия в борьбе с преступностью [Электронный ресурс]: соглашение между Российской Фдереацией и Республикой Беларусь 2014 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/420229309.

6. БелРос. [Электронный ресурс]: В 2023 году правоохранительные органы РФ и Беларуси провели более 100 совместных операций. URL: https://belros.tv/news/intervyu/v-2023-godu-pravookhranitelnye-organy-rf-i-belarusi-proveli-bolee-100-sovmestnykh-operatsiy/

7. О повышении эффективности сотрудничества в сфере борьбы с коррупцией преступностью [Электронный ресурс]: соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь 2013 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://docs.cntd.ru/document/499074139.

Логачева Д. Р.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.*,*
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ В ДОГОВОРНЫХ ОРГАНАХ ООН

Понятие «международная гражданская служба» (далее – МГС), которое было введено в политико-правовой лексикон с созданием Лиги Наций, а затем было развито и укрепилось в рамках Организации Объединенных Наций, традиционно ассоциируется с корпусом сотрудников, осуществляющих административные, исполнительные и аналитические функции в международных межправительственных организациях.

МГС представляет собой «совокупность отношении и деятельности лиц, составляющих персонал международных межправительственных организаций, осуществляемых на основе уставов этих организаций и в соответствии с принятыми ими специальными нормативными актами в интересах всех государств-членов данной организации» [1, с. 249].

МГС играет важную роль, поскольку она представляется уникальным институциональным механизмом, который обеспечивает функциональность всей системы глобального управления благодаря квалифицированному персоналу. Одной из особенностей МГС является то, что она основана на договорных отношениях между служащим и международной организацией. Цель МГС состоит в выполнении мандата конкретной международной организации в интересах международного сообщества в целом.

На примере персонала Секретариата ООН, который выполняет повседневную административную и основную работу организации и является наиболее крупной и универсальной частью международной гражданской службы, представляется интересным выяснить, на основе каких начал осуществляется прием на службу. В соответствии с п. 3 ст. 101 Устава ООН, основными требованиями и условиями являются «высокий уровень работоспособности, компетентности и добросовестности» [2] сотрудников. Кроме того, необходимо учитывать важность подбора персонала с учетом принципа справедливого географического распределения.

---

[1] © Логачева Д. Р., 2025.

Данная триада «работоспособность, компетентность, добросовестность» представляет собой не просто список желательных качеств, которыми должны обладать сотрудники МГС, а взаимосвязанную систему требований, каждая из которых имеет свое строгое значение. Высокий уровень работоспособности является функциональной характеристикой. Она относится к способности сотрудника выполнять задачи продуктивно, своевременно и с использованием оптимальных ресурсов в условиях часто меняющейся, многоукладной и стрессовой обстановки. Высокий уровень компетентности выступает содержательной характеристикой, которая включает в себя: профессиональные знания и навыки в конкретной области (например, юриспруденция или экономика), языковую подготовку (свободное владение рабочими языками организации), межкультурную коммуникабельность (умение эффективно взаимодействовать с иностранными коллегами). Высокий уровень добросовестности подразумевает этические и мировоззренческие характеристики, являющиеся краеугольными камнями доверия к международной службе: беспристрастность, независимость и неподкупность.

Проанализировав эти требования, можно заметить, что МГС стремится в компетентности, легитимности и постоянному повышению эффективности. Основой деятельности сотрудников МГС является служение коллективным интересам и ценностям, провозглашенным международным сообществом, таким как мир, безопасность, устойчивое развитие и защита прав человека.

Исследование института МГС в системе договорных органов ООН представляет научный и практический интерес, учитывая особую роль этих механизмов в защите прав человека. «Международные нормы о правах человека благодаря таким органам стали «живыми», экстраполированными на конкретные ситуации, в которые попадают граждане в их отношениях с государственными институтами» [3, с. 146].

Комитет ООН по правам человека (далее – КПЧ ООН, Комитет) учрежден в соответствии с п. 1 ст. 28 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее – МГППП, Пакт) для контроля за выполнением его положений государствами-участниками.

При формировании состава Комитета учитываются определенные критерии, которыми должны соответствовать его члены (п. 2 ст. 28 МПГПП). Безусловно это должны быть граждане государства-участника Пакта. Также члены КПЧ ООН должны обладать «высокими нравственными качествами и признанной компетентностью в области прав человека» [4]. Представляется, что члены Комитета должны отличаться безупречными моральными, профессиональными и этическими характеристиками. Во-первых, «высокие нравственные качества» предполагают наличие у членов КПЧ ООН идеальной репутации, честности, повышенного чувства ответственности, приверженности принципам справедливости и гуманизма. Эти качества необходимы, прежде всего, для того, чтобы гарантировать независимость их мнений, а также чтобы исключить влияние политических, идеологических или иных внешних факторов при осуществлении ими своих профессиональных обязанностей. Нравственный авторитет членов

Комитета способствует укреплению доверия со стороны государств-участников и международного сообщества в целом. Во-вторых, «признанная компетентность в области прав человека» предполагает наличие у членов КПЧ ООН глубоких теоретических знаний международно-правовых норм, практики их применения и всестороннего понимания современных вызовов в сфере защиты прав человека. Таким образом, проанализированные характеристики выступают гарантией объективности, независимости и профессионализма членов Комитета, делают его решения более авторитетными и способствует повышению доверия к международным механизмам защиты прав человека.

Кроме того, п. 2 ст. 28 МПГПП содержит положение, в соответствии с которым для членов КПЧ ООН учитывается наличие юридического опыта. Данный аспект отражает объективную необходимость включения в состав Комитета специалистов, обладающих фундаментальными знаниями и практическими навыками в области права, способными грамотно интерпретировать нормы международных договоров, соотносить их с национальными правовыми системами и выявлять пробелы или противоречия в правоприменительной практике государств.

Также необходимо проанализировать положения ст. 38 МПГПП, где указывается, что члены КПЧ ООН, прежде чем приступить к исполнению своих обязанностей, делает торжественное заявление на открытом заседании, в котором подтверждает свою готовность осуществлять возложенные на него функции беспристрастно и добросовестно. Данная процедура имеет не только формально-этический, но и глубоко символический и правовой характер, поскольку она закрепляет личную ответственность члена Комитета перед международным сообществом и подчеркивает высокие стандарты профессионального поведения, ожидаемые от членов договорных органов.

Под беспристрастностью в данном контексте понимается способность члена КПЧ ООН принимать решения исключительно на основе фактов, норм международного права и принципов справедливости, без учета личной заинтересованности, в отсутствии влияния политических интересов, национальной принадлежности или давления со стороны государств. Понятие добросовестности связано, в свою очередь, с высоким уровнем профессиональной этики, честности, ответственности и внутренней дисциплины при выполнении служебных обязанностей. Добросовестное осуществление функций предполагает, что член КПЧ ООН действует с полной отдачей, соблюдая принципы объективности, законности и уважения к человеческому достоинству, а также воздерживается от любых действий, способных поставить под сомнение его независимость или подорвать авторитет Комитета.

Таким образом, требование действовать беспристрастно и добросовестно формирует этический фундамент деятельности членов Комитета, служит гарантией его независимости и справедливости, а также способствует укреплению доверия к международной системе защиты прав человека. Отметим, что «отсутствие обязывающего характера у соображений и решений КПЧ ООН вовсе не означает, что они не оказывают существенного влияния на национальные пра-

вовые системы государств» [5, с. 205]. В свою очередь, проанализированные принципы обеспечивают не только юридическую легитимность решений Комитета, но и их моральный вес, подтверждая, что деятельность его членов основана на идеалах гуманизма, справедливости и равенства перед законом.

Таким образом, МГС – это в первую очередь профессиональный корпус сотрудников, которые работают на постоянной основе в международных организациях, руководствуясь принципами независимости, беспристрастности, честности и служения общим интересам человечества. Ценность МГС заключается в создании устойчивой, профессиональной и беспристрастной среды, в которой становится возможным осуществление устойчивого взаимодействия и эффективного сотрудничества государств.

Независимые эксперты договорных органов ООН и другие международные гражданские служащие выполняют критически важную роль по мониторингу соблюдения государствами их международно-правовых обязательств. Кропотливая экспертная работа, включающая анализ докладов и рассмотрение индивидуальных сообщений, напрямую способствует укреплению верховенства права на глобальном уровне и защите основных свобод человека. Профессиональная и беспристрастная работа корпуса международных гражданских служащих договорных органов ООН обеспечивает легитимность и эффективность данных контрольных механизмов. Их деятельность служит важным барьером на пути произвола национальных властей и является практическим инструментом для тысяч людей, ищущих защиту своих нарушенных прав.

Список литературы

1. Морозов Г.И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. – М., 1974. – 332 с.

2. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 1945 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.

3. Коннов, В. А. Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений / В. А. Коннов // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 6. – С. 145-148.

4. Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

5. Соловьева, А. С. Особенности защиты права на справедливое судебное разбирательство в практике комитета ООН по правам человека / А. С. Соловьева // Вопросы совершенствования правоохранительной деятельности: взаимодействие науки, нормотворчества и практики : Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 19 июня 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 204-207.

***Лозинова К. И.*[1],**
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Королева Е. В.,
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

ОПЫТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Уровень преступности в нашей стране растет, структура преступных организаций становится более сложной. В связи с этим, мировое сообщество осознает, что международное сотрудничество правоохранительных органов является ключевым моментом борьбы с транснациональной преступностью.

Международная преступность все чаще принимает трансграничный характер: преступные группы оперируют в нескольких странах, используют международные финансовые схемы, а также современные цифровые технологии (криптовалюты, анонимные мессенджеры, темную сеть). Это требует скоординированных действий правоохранительных организаций не только в стране, но и за ее пределами. Эффективны даже краткосрочные совместные учения, программы обмена опытом сотрудников полиции, а также сотрудничество на уровне высших профессиональных учреждений [1, с. 655].

Образование является ключевым компонентом подготовки сотрудников правоохранительных органов, так как его качество напрямую влияет на способность полицейских противостоять преступности. Процесс подготовки сотрудников полиции имеет первостепенное значение для любой страны, поскольку их служба затрагивает все сферы жизни общества. Чем больше в стране будет грамотных специалистов в этой сфере, тем меньший будет уровень преступности.

Программа высшего образования сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации быстро меняется и совершенствуется, подстраиваясь под мировые тенденции роста преступности. Обучение основывается на изучении передового опыта правоохранительной деятельности, в том числе с использованием современных технологий, делая образовательный процесс более интересным и качественно формируя профессиональные компетенции полицейского. Овладение цифровыми навыками, модернизация правоохранитель-

[1] © Лозинова К. И., 2025.

ной системы позволит специалистам качественно бороться с любыми видами преступлений [2, с.150], успешно преодолевать сложности, связанные с значительным ростом преступлений в киберпространстве. Интеграция передового опыта в процесс обучения всегда положительно отражается на результате.

Не менее важным фактором, определяющим успешность борьбы с трансграничной преступностью, является международное сотрудничество правоохранительных организаций. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин постоянно подчеркивает, что крайне важно объединить усилия стран в борьбе с международной и организованной преступностью, терроризмом и незаконным сбытом наркотических веществ, для чего следует больше внимания уделять совместной работе государств, начиная с этапа профессионального обучения сотрудников правоохранительных организаций, добиваясь повышения уровня их подготовки для грамотных действий в любых ситуациях [3, с.156]. Понимая важность обмена опытом с коллегами из других стран еще на этапе обучения, наше государство старается разными способами обеспечить такое взаимодействие [4, с.52].

Рассмотрим несколько примеров сотрудничества российских правоохранительных органов с зарубежными странами.

Бесценен опыт в этой сфере Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (ВИПК МВД России). Совет коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в июне 2006 года решил, что базовым научным заведением дополнительного профессионального образования сотрудников правоохранительных органов и специальных служб государств-членов ОДКБ станет ВИПК МВД России. Совместная деятельность организована в различных форматах:

1) Обмен опытом в процессе обучения, включая лекции и стажировки преподавателей;

2) Проведение стажировок для слушателей и студентов университета;

3) Сотрудничество в научно-исследовательской деятельности по вопросам криминалистики и предупреждения правонарушений;

4) Сотрудничество в научно-исследовательской деятельности по вопросам криминалистики и предупреждения правонарушений;

5) Объединение усилий ученых для изучения проблем преступности и выработки методов ее преодоления;

6) Проведение международных конкурсов научных работ.

В 2008 году подписание Протокола о намерениях между Департаментом кадрового обеспечения МВД России и CEPOL ознаменовало начало важного этапа в развитии отношений между МВД России и этой европейской образовательной организацией.

На протяжении последнего десятилетия, в соответствии с соглашением о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью между Великобританией и Российской Федерацией, Лейстерский университет тесно взаимодействовал с Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя.

Важно отметить, что подобные партнерские программы имеют большое значение для системы образования МВД России в целом. Безусловно, подобных альянсов в сфере образования, а также возможностей для взаимопомощи в профессиональной деятельности должно быть значительно больше, чтобы система подготовки сотрудников органов внутренних дел продолжала развиваться и совершенствоваться, используя знания и навыки, полученные в ходе международных деловых встреч, форумов и научных мероприятий.

Основными направлениями международного полицейского сотрудничества в образовательной сфере на данный момент являются:

1. Предоставление образовательных услуг в институтах МВД гражданам СНГ;
2. Обмен образовательным потенциалом с менее развитыми странами;
3. Изучение новых образовательных технологий в сфере профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов зарубежных государств;
4. Повышение квалификации профессорско-преподавательского состава;
5. Применение опыта зарубежных государств при осуществлении профессиональной подготовки;
6. Разработка совместных курсов и рабочих программ для обучения;
7. Обновление дистанционных видов подготовки для лучшей координации между странами.

В 2008 г. было подписано Соглашение о подготовке кадров для правоохранительных, противопожарных, аварийно-спасательных органов и специальных служб государств – членов ОДКБ.

На данный момент, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя продолжает активное сотрудничество с зарубежными странами. 16 сентября 2025 года, руководством университета был подписан протокол о сотрудничестве с Королевской кадетской полицейской академией Королевской полиции Таиланда. Документ предусматривает межвузовское взаимодействие, направленное на обмен опытом, изучение новых образовательных программ в сфере подготовки кадров, развитие культурных и спортивных связей, участие профессорско-преподавательского и переменного состава в совместных научно-практических мероприятиях. Кроме того, 22 мая 2025 года в университете была организована Международная научно-практическая конференция, посвященная взаимодействию правоохранительных органов России и зарубежных государств в борьбе с незаконной миграцией. Благодаря подобным мероприятиям, сотрудники имеют возможность обмениваться передовым опытом, осваивать новые образовательные программы, совершенствовать профессиональные навыки специалистов и повышать качество подготовки кадров. Активное взаимодействие с зарубежными партнерами и заключение межвузовских соглашений ясно демонстрируют тенденцию к интеграции российской системы полицейского образования в глобальную образовательную среду. В перспективе, такое сотрудничество не только станет взаимовыгодным, но и создаст надежную основу для успешной борьбы с глобальной преступностью, обеспечивая профессио-

нальную подготовку высококлассных, компетентных и открытых к развитию сотрудников.

Основными функциями такого сотрудничества в сфере образования являются:

1. Повышение профессиональной компетентности и квалификации кадров [5, с. 35-36]:

• Обмен лучшими практиками, ознакомление с передовым опытом других стран в расследовании различных видов преступлений (киберпреступления, терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговля людьми, незаконная миграция).

• Внедрение современных методик обучения, использование инновационных образовательных технологий и подходов, разработанных зарубежными партнерами, для подготовки сотрудников.

2. Унификация и гармонизация подходов и стандартов:

• Сближение законодательства, изучение правовых систем других стран для понимания особенностей уголовного и административного права, что облегчает международное правовое сотрудничество.

• Выработка общих стандартов, разработка единых или совместимых стандартов и протоколов для проведения расследований, сбора доказательств, обеспечения кибербезопасности и других оперативных действий.

3. Противодействие транснациональной преступности [6, с.2]:

• Подготовка к совместным операциям, обучение тактике и стратегии проведения международных операций, координации действий между различными ведомствами и странами.

• Обмен разведывательной информацией, создание условий для более эффективного обмена информацией и анализа данных, необходимых для борьбы с организованной преступностью.

4. Обмен научными знаниями и ресурсами:

• Совместные научные исследования, проведение коллективных исследований актуальных проблем преступности и безопасности, разработка теоретических основ для новых методов противодействия.

• Совместное использование образовательных ресурсов, доступ к учебным материалам, библиотекам, базам данных и специализированному оборудованию партнерских учебных заведений.

5. Формирование и укрепление доверия и взаимопонимания:

• Создание личных контактов. Образовательные программы и обмен опытом способствуют установлению личных связей между будущими и действующими сотрудниками правоохранительных органов разных стран, что является фундаментом для будущего профессионального взаимодействия.

• Культурный обмен, понимание культурных, социальных и политических особенностей партнеров, что помогает избежать недоразумений и повысить эффективность совместной работы.

Подводя итог, можно с уверенностью отметить, что расширение сотрудничества образовательных учреждений, входящих в систему Министерства внут-

ренних дел России, с зарубежными партнерами, обмен опытом преподавания и заключение договоров о совместной работе свидетельствуют о устойчивом курсе на установление тесного взаимодействия систем подготовки полицейских кадров в России и за рубежом в рамках глобальной системы профессионального образования.

Список литературы

1. De Castro, A. International cooperation in police training: evaluation of a European Union programme for African gendarmes / A. De Castro, R. Gaona Prieto, J. I. Antón // Security Journal. – 2023. – p. 654-670 -DOI 10.1057/s41284-023-00388-z. – EDN ZMBGXQ.

2. Лазутина, И. В. Приоритеты и инструменты международного сотрудничества России в области наукии образования / И. В. Лазутина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 1. – С. 150-166. – EDN THDBIL.

3. Путин В.В. Избранные речи и выступления. М.: Книжный мир, 2008.- 480 с. - ISBN: 978-5-8041-0299-0

4. Андрейцо, С. Ю. Взаимодействие полиции и гражданского общества: российский и зарубежный опыт / С. Ю. Андрейцо, М. М. Соболева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2022. – № 2. – С. 51-55. – DOI 10.26163/GIEF.2022.13.21.008. – EDN YRHYEW.

5. Мелихов, М. Г. Правовые основы сотрудничества правоохранительных органов государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности / М. Г. Мелихов, З. С. Заитов // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2011. – № 4(20). – С. 32-41. – EDN SFDQQV.

Правовые основы и опыт сотрудничества России с иностранными государствами в сфере розыска, наложения ареста, конфискации, возврата имущества и денежных средств, полученных незаконным путем, а также доходов от такого имущества / Л. И. Александрова, Т. А. Диканова, Е. В. Быкова [и др.] ; Университет прокуратуры Российской Федерации. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2021. – 496 с. – (Прокуратура). – ISBN 978-5-392-33756-9. – DOI 10.31085/9785392337569-2021-496. – EDN XIPFFZ.

Лябах К. Ю.*[1]*,
заместитель директора
по дополнительному образованию
юридического института
Российского университета
дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
кандидат юридических наук

РОЛЬ СОВЕТА ООН ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ: БАЛАНС БЕЗОПАСНОСТИ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

На универсальном уровне внимание к противодействию экстремизму обусловлено прежде всего осознанием того, что его последствия во многих случаях угрожают международному миру и безопасности, подрывают стабильность общества и ведут к масштабным нарушениям прав человека. Следует заметить, исторически ООН сосредоточивалась исключительно на терроризме, однако со временем в поле зрения наряду с терроризмом вошел и экстремизм; впоследствии он даже стал предметом отдельного внимания.

Совет ООН по правам человека (СПЧ), являясь ключевым органом системы ООН по продвижению и защите прав человека, интегрировал противодействие экстремизму в свою повестку дня и стремится вырабатывать эффективные стратегии и механизмы реагирования. В этой сфере СПЧ играет важную роль в координации международных усилий, разработке рекомендаций и мониторинге соблюдения прав человека в государствах, сталкивающихся с экстремистскими угрозами.

Основные направления деятельности СПЧ в контексте противодействия экстремизму включают:

- подготовку рекомендаций и правовых рамок, обеспечивающих баланс между требованиями безопасности и защитой прав человека [1, с. 45];
- системное наблюдение за ситуацией с правами человека в контексте экстремистских угроз и подготовку докладов, позволяющих выявлять нарушения и предлагать меры их устранения [2, с. 78];
- оказание экспертной и технической помощи при разработке и реализации национальных стратегий противодействия экстремизму [3, с. 102];
- образование и просвещение: продвижение образования в области прав человека и формирование толерантной, инклюзивной среды, устойчивой к экстремистским идеологиям; пример – программы СПЧ по поддержке молодежи в странах риска, направленные на развитие лидерских качеств и критического мышления [4, с. 56].

Особый вклад в этом направлении вносит Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, мандат которого был учрежден Комиссией по правам человека в 2005 году.

---

[1] © Лябах К. Ю., 2025.

В ноябре 2023 года на эту должность был назначен Бен Сол, который в начале 2024 года представил свой первый Доклад по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом. В докладе он изложил подход к выполнению мандата, проанализировал состояние защиты прав человека в контексте глобальных контртеррористических усилий, обозначил области работы предшественника и задал новые тематические приоритеты: защита прав человека в деятельности региональных и субрегиональных организаций и механизмов; административные меры в борьбе с терроризмом; роль негосударственных акторов и специализированных международных органов; привлечение к ответственности и возмещение ущерба за крупномасштабные нарушения прав человека, вызванные контртеррористическими мерами. По его оценке, «многие нарушения прав человека, выявленные его предшественниками за последние 18 лет, не только не были устранены, но усугубились», в связи с чем Специальный докладчик «призывает государства удвоить свои усилия, чтобы поставить права человека в центр усилий по борьбе с терроризмом» [5, с. 1].

Не менее значим доклад Специального докладчика, представленный в августе 2024 года. Доклад посвящен защите прав человека региональными организациями в условиях борьбы с терроризмом – в разрезе региональных норм и регионального сотрудничества. После масштабных реформ глобальной контртеррористической архитектуры ООН концепты «экстремизма» и «насильственного экстремизма» стали ключевыми элементами международных программ, а также региональных и национальных стратегий безопасности. Специальный докладчик последовательно подчеркивает риск подмены борьбы с терроризмом более расплывчатой категорией «экстремизм», что ведет к злоупотреблению контртеррористическими законами в политических целях и нарушению основных прав человека. Неопределенность и чрезмерно широкие дефиниции «экстремизма» в ряде региональных документов усугубляют ситуацию, по мнению Специального докладчика злоупотребления возможны не только на национальном, но и на транснациональном уровне в рамках сотрудничества, опирающегося на такие документы.

В этом контексте заслуживает внимания Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму 2017 года [6]. Сохраняя преемственность, она внесла новые элементы по сравнению с Конвенцией 2001 года и, в частности: a) расширила понятие «экстремизм», включив в него идеологии и практики, направленные на «разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [6]; b) ввела понятие «экстремистский акт», под которым понимаются деяния, предусмотренные подп. 3 п. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года, а также, среди прочего, «организация вооруженного мятежа и участие в нем в экстремистских целях; создание, руководство и участие в экстремистской организации; разжигание политической, социальной, расовой, национальной и религиозной вражды или розни; пропаганда исключительно-

сти, превосходства либо неполноценности человека по признаку его политической, социальной, расовой, национальной и религиозной принадлежности; публичные призывы к осуществлению указанных деяний; массовое изготовление, хранение и распространение экстремистских материалов в целях пропаганды экстремизма» [6].

Таким образом, наряду с категорией «экстремизм» ШОС закрепила «экстремистский акт», что по аналогии с борьбой с терроризмом открывает возможность принятия антиэкстремистских конвенций по отдельным актам, и одновременно позволяет квалифицировать ряд действий как проявления «экстремизма».

Специальный докладчик также обращает внимание, что большинство региональных документов предусматривают различные формы транснационального сотрудничества – по расследованию, экстрадиции, взаимной правовой помощи, обмену информацией, профилактике, координации, обучению и технической помощи; некоторые – в специализированных областях (контроль над вооружениями, финансирование терроризма, пограничный контроль, совместные учения, специальные контртеррористические силы). Такое сотрудничество неразрывно связано с правами человека и может иметь серьезные последствия, особенно при отсутствии адекватных гарантий прав человека в документах и слабости национальных и региональных механизмов защиты. Стоит отметить, что так сложилось исторически, документы о транснациональном сотрудничестве в сфере уголовного правосудия содержат незначительное упоминание о правах человека. Например, универсальные конвенции о борьбе с терроризмом, принятые начиная с 1970-х годов, ограничиваются лишь упоминаниями о необходимости обеспечения «справедливого обращения» с подозреваемыми, консульского доступа и недискриминации при выдаче и взаимной помощи. Традиционно предполагалось, что для защиты прав человека достаточно общих положений о применении международного права прав человека, в то время как сами конвенции были узко направлены на борьбу с конкретными методами терроризма.

Показательна тенденция, зафиксированная в докладе A/HRC/43/46: государства, которые регулируют «экстремизм» в законодательстве, политике, программах или практике, должны отменить положения, не соответствующие международному праву; внутренние нормы должны отвечать принципам законности, необходимости и соразмерности [7, с. 25]. В своих рекомендациях Бен Сол предлагает пересмотреть региональные определения так, чтобы они соответствовали требованиям законности, определенности и предсказуемости, охватывали лишь деяния, которые действительно имеют террористический и экстремистский характер по международным стандартам, и не затрагивали защищенные права и свободы. Он рекомендует исключать из таких определений: a) действия государственных и негосударственных вооруженных сил в условиях вооруженного конфликта, если они соответствуют нормам международного гуманитарного права; b) акты пропаганды, протеста, инакомыслия или забастовки, если они не приводят к смерти или серьезным телесным повреждениям;

а также воздерживаться от криминализации или введения ответственности за «экстремизм» как таковой, что на наш взгляд вызывает серьезные опасения [5].

Борьба с экстремизмом остается одной из приоритетных задач Совета ООН по правам человека. Эффективная реализация стратегий и инициатив Совета требует международного сотрудничества и приверженности всех государств-членов ООН. Региональные организации могут находить региональные решения для региональных проблем и стремиться контролировать нормы и процессы, они также могут быть конструктивным связующим звеном между универсальными и национальными стандартами в деле внедрения и стимулирования глобальных стандартов. В то же время региональные усилия по борьбе с экстремизмом могут страдать от недостатков в реализации, обеспечении ресурсами, мониторинге и правоприменении, а также от политических разногласий.

Список литературы

1. Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. Видение и приоритеты: доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом : [Электронный ресурс] / Б. Саул. – A/HRC/55/48. – Женева: ООН, 2024. – 24 с. – URL: https://undocs.org/ru/A/HRC/55/48 (дата обращения: 15.09.2025).

2. Организация Объединенных Наций. Генеральная Ассамблея. План действий по предотвращению насильственного экстремизма: доклад Генерального секретаря : [Электронный ресурс] / Генеральный секретарь ООН. – A/70/674. – Нью-Йорк: ООН, 2015. – URL: https://undocs.org/ru/A/70/674 (дата обращения: 17.09.2025).

3. Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. Предотвращение насильственного экстремизма: подход, основанный на правах человека: доклад Верховного комиссара : [Электронный ресурс] / Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. – A/HRC/31/65. – Женева: ООН, 2016. – URL: https://undocs.org/ru/A/HRC/31/65 (дата обращения: 17.09.2025).

4. Управление Верховного комиссара ООН по правам человека. Рабатский план действий по запрещению подстрекательства к национальной, расовой или религиозной ненависти, составляющего подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию : [Электронный ресурс] / УВКПЧ ООН. – Женева: УВКПЧ ООН, 2012. – URL: https://www.ohchr.org/en/documents/policy-and-methodological-publications/rabat-plan-action-prohibiting-advocacy-national-racial (дата обращения: 17.09.2025).

5. Шанхайская организация сотрудничества. Конвенция по противодействию экстремизму : [Электронный ресурс]. – Астана, 9 июня 2017 г. – URL: http://ecrats.org/upload/iblock/349/Конвенция%20по%20экстремизму%20(русский).pdf (дата обращения: 15.09.2019).

6. Организация Объединенных Наций. Совет по правам человека. Воздействие политики и практики, направленных на предупреждение насильственного экстремизма и борьбу с ним, на права человека: доклад Специального докладчика : [Электронный ресурс]. – A/HRC/43/46. – Женева: ООН, 2020. – URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/43/46.

Майдановская Е. Е.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Шумилова В. В.*,**
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

В современной системе международных отношений наблюдается тенденция к делегированию государствами ряда своих традиционных функций негосударственным акторам. В качестве примера, иллюстрирующего данное явление, можно привести сферу обеспечения безопасности государства. Связанно это с возрастанием роли частных военных и охранных компаний (далее – ЧВК, ЧВОК) при проведении наступательных и оборонительных операций, операций по обеспечению охраны и поддержанию мира. При этом стоит отметить, что спрос на привлечение ЧВОК существует очень давно. Несмотря на то, что наибольшую активность они стали проявлять только после окончания Второй мировой войны, первые подобия частных организаций, выполняющих заказные поручения в период вооруженных конфликтов, появились еще в античном мире [6, с. 59].

ЧВОК представляют собой негосударственные организации, привлекаемые государствами для «оказания помощи, обучения и консультирования» [5, с. 4] по вопросам выполнения определенного рода задач, которые связаны с деятельность государства в военной или охранной сфере. Относительно правовой регламентации их деятельности стоит отметить тот факт, что существуют некоторые сложности в вопросах определения источников, которые бы содержали соответствующие нормы международного права: как отмечает Ю.В. Пузырева, их международно-правовой статус находится в правовом регулировании норм «мягкого права» [10, с. 98]. Что касается внутригосударственного права, то в большинстве стран мира нормативно-правовых актов, регулирующих их деятельность, нет.

Одной из основных проблем в рассматриваемой сфере является необходимость разграничения международно-правового статуса сотрудника ЧВОК и наемника.

---

[1] © Майдановская Е. Е., 2025.

Существуют отдельные международно-правовые акты, регулирующие деятельность ЧВОК и наемников и отражающие особенности их функционирования, что нашло регламентацию в следующих источниках:

1) в статье 47 Дополнительного протокола №1 от 8 июня 1977 года к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года «О защите жертв международных вооруженных конфликтов» [2], где дается определение термина «наемник»;

2) Международная конвенция «О борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников» 1989 года [7];

3) Международный кодекс поведения частных охранных компаний» 2010 года [8] (носит рекомендательный характер), который считается неким началом внедрения института наемничества в рамки международного права, и его соблюдение является обязательным условием для заключения контракта на оказание военной услуги на международном уровне;

4) «Документ Монтре» 2008 года [1] (носит рекомендательный характер), который содержит рекомендации по регулированию деятельности сотрудников ЧВК на территориях с военными конфликтами;

5) Резолюция 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года «Определение агрессии» [11], в котором международным правонарушением считается применение наемников и ЧВК против других стран.

Примерами нормативно-правового регулирования деятельности ЧВОК на национальном уровне являются следующие акты:

1) Закон «О контроле над экспортом вооружений» [3], принятый США, который лицензирует и регулирует деятельность американских ЧВК вне территории юрисдикции государства, а также выполняет надзорную функцию за выполнением условий заключаемых контрактов;

2) Закон «О регулировании иностранной военной помощи» [4], принятый в ЮАР в 1998 году, согласно которому функционирование ЧВК лицензирует национальный комитет, контролирующий простое вооружение страны и др.

Кроме того, в данной сфере были приняты правовые инициативы «Green Paper» Великобритании от 2002 года и Швейцарии от 2006 года, в которых ставятся цели над усилением контроля использования и работой ЧВК. Данные инициативы должны были поспособствовать созданию некого международного органа, который контролировал бы деятельность ЧВК и установил бы запрет использования данных организаций государствами, ведущими агрессивную политику.

Несмотря на все принимаемые ограничения и попытки урегулировать деятельность ЧВОК, их правовой статус все же остается неопределенным. Это все обуславливается пробелом в теоретико-правовом характере их существования, который позволяет нанимать и использовать ЧВОК в обход закона, что порождает системные проблемы с ответственностью, снижению эффективности международного гуманитарного права с наступлением соответствующих последствий.

При этом необходимо отметить ряд преимуществ, которыми обладают ЧВОК по сравнению с функционированием регулярных вооруженных войск, что увеличивает спрос на их «услуги»:

1) если использовать ЧВОК в военных действиях, то уровень общественного недовольства снижается, так как нет прямых доказательств того, что данное государства прибегло к их помощи;

2) мобильность ЧВОК выше, чем у армии;

3) потери ЧВОК не вносятся в отчеты государства.

Вместе с тем необходимо выделить некоторые трудности, с которыми сталкиваются государства в процессе взаимодействия с такими организациями:

1) мотивация ЧВОК состоит именно в получении прибыли, а не в служении государству;

2) при постоянной оплате услуг ЧВОК наносится ущерб экономике государства;

3) ЧВОК могут выходить за рамки обговоренных действий с сопутствующим ущербом, что вытекает из их неконтролируемости государством.

Согласно нормам международного гуманитарного права в боевых действиях могут принимать участие только комбатанты. За свои действия уголовную ответственность, кроме военных преступлений, они не несут. Определение комбатанта заключено в п. 2 ст. 43 I Дополнительно Протокола 1977 года к Женевским конвенциям 1949 года [2]. Формально ЧВОК соответствуют требованиям к определению статуса комбатанта, которые перечислены в ст. 1 Приложения к Конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1907 года [12]. Однако частные военные компании права на участие в боевых действиях не имеют, так как они – не комбатанты.

У государств есть своя выгода в привлечении ЧВОК, за счет чего они и получили такое широкое распространение. Предоставляя большой перечень своих услуг, они остаются вне международного контроля. В Женевских конвенциях указано, что все государства обязуются соблюдать и обеспечивать соблюдение норм международного гуманитарного права, из чего вытекает, что государство-наниматель все-таки должно нести ответственность за деятельность ЧВОК в случае нарушения ими правовых норм. Практика же показывает, что государства стараются не афишировать факт привлечения ЧВОК.

Таким образом, возникает противоречие между международными договорами и практикой их применения, итогом чего становится безнаказанность ЧВОК и государства-нанимателя, которые не желают нести ответственность за последствия. Де-факто, норма права нейтрализуется отсутствием механизма для ее реализации. В результате чего может наблюдаться снижение «приоритетной роли международного права как фундамента международного правопорядка» [9, с. 77], что приводит к «размытию границ между публичными функциями государства и частным коммерческим сектором» [5, с. 5] и формированию благоприятной среды для приватизации войны и применения силы.

Список литературы

1. Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и надлежащей практике для государств в отношении деятельности частных военных и охранных компаний в период вооруженных конфликтов от 17 сентября 2008 года // Сайт Федерального департамента иностранных дел Швейцарии. – URL: https://www.eda.admin.ch/eda/en/home/foreign-policy/international-law/international-humanitarian-law/private-military-security-companies/montreux-document.html.

2. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 года, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, от 8 июня 1977 г. (Протокол I) // Справочно-правовая система Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15492#HekyF0VAju2XrrYD1.

3. Закон «О контроле над экспортом вооружений» от 30 июня 1976 г. // Сайт Управления Федерального Регистра США. – URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2018-title22/html/USCODE-2018-title22-chap39.htm.

4. Закон «О регулировании иностранной военной помощи» № 15 от 1998 года // Сайт Парламента Южной Африки. – URL: https://www.parliament.gov.za/storage/app/media/Docs/acts/0c31c057-7ae8-4e22-80bd-897ccb12a385.pdf.

5. Котляров И.И. Пузырева Ю.В. Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право // Международный журнал международного права. 2013. № 2. С. 3-22.

6. Малоффев И.В., Верещагин С.Г. История и эволюция частных военных компаний: от античности до современности // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества: сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2023. С. 59-65.

7. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 года // Сайт Организации Объединенных Наций. – – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mercen.shtml?ysclid=mgzj1vs52h784608868.

8. Международный кодекс поведения частных поставщиков охранных услуг от 9 ноября 2010 года // Сайт Международного Кодекса поведения для частных поставщиков охранных услуг (ICoCA). – URL: https://icoca.ch/the-code/.

9. Павлова Л.В. Роль международного права как регулятора международных отношений в условиях глобализации / Л. В. Павлова // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сб. науч. тр. Вып. 3 / редкол.: Е. В. Бабкина, А. Е. Вашкевич (отв. редакторы) [и др.]. – Минск: БГУ, 2011. – С. 76–85.

10. Пузырева Ю.В. Актуальные проблемы международно-правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий в деятельности ЧВОК // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы двадцать первой международной научно-практической конференции / под ред. Ю.В. Анохина. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – Ч. 2. С. 98-100.

11. Резолюция Генеральной Ассамблеии ООН от 14 декабря 1974 года «Определение агрессии» // Сайт Организации Объединенных Наций. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml?ysclid=mgzj38kn61622861727.

12. IV Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // Справочно-правовая система Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15807#3bRbL0VryoipmW1A.

***Македонская А. Е.*[1],**
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ронин В. С.,
заместитель начальника
кафедры прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В XXI ВЕКЕ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ

Торговля людьми (трафикинг) является одним из наиболее масштабных и прибыльных видов транснациональной организованной преступности в XXI веке, представляя собой грубейшее нарушение фундаментальных прав и свобод человека. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), жертвами торговли людьми ежегодно становятся сотни тысяч людей по всему миру, при этом лишь малая часть из них выявляется и получает помощь [1]. Глобализация, развитие транспортных и, в особенности, информационно-коммуникационных технологий создали новые возможности для преступных сетей, сделав торговлю людьми более латентной, изощренной и транснациональной по своему характеру.

Актуальность темы обусловлена необходимостью постоянной адаптации международно-правовых инструментов к быстро меняющейся криминальной среде. Несмотря на существование развитой системы международных договоров и институтов, сохраняются значительные пробелы в их реализации. Целью данной статьи является анализ современного состояния международно-правового регулирования противодействия торговле людьми, выявление ключевых вызовов нового столетия и оценка эффективности мер, принимаемых международным сообществом.

Современная международно-правовая система борьбы с торговлей людьми базируется на нескольких ключевых документах. Фундаментальное значение имеет Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 года (Палермский протокол) [2]. Именно этот документ впервые на универсальном уровне дал комплексное определение торговли людьми, которое включает три основных элемента:

---

[1] © Македонская А. Е., 2025.

1. Действие (вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей).

2. Средство (угроза силой или ее применение, похищение, обман, злоупотребление властью или уязвимым положением, подкуп и пр.).

3. Цель (эксплуатация), которая включает, как минимум, эксплуатацию проституции других форм сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние либо изъятие органов.

Это определение стало краеугольным камнем для национального законодательства большинства государств. Важно отметить, что согласие жертвы на запланированную эксплуатацию объявляется не имеющим значения, если было использовано любое из указанных в Протоколе средств.

Другими важными инструментами являются:

– Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (2005 г., Варшавская конвенция), которая уделяет особое внимание защите прав жертв и ввела так называемый «период для размышления» [3] – время, в течение которого жертве предоставляется помощь и защита, и она может принять решение о сотрудничестве с правоохранительными органами.

– Директивы Европейского Союза, в частности, Директива 2011/36/ЕС о предупреждении и борьбе с торговлей людьми и защите ее жертв, которая ужесточила меры наказания и расширила понятие эксплуатации [4].

Эти документы закрепили принцип, согласно которому противодействие торговле людьми должно основываться на трех правилах: предупреждение, преследование и защита.

Современные вызовы и новые формы торговли людьми в XXI веке достаточно разнообразны. В данный список можно включить кибертрафикинг.

Интернет и социальные сети кардинально изменили механизм вербовки жертв. Преступники активно используют онлайн-платформы для размещения ложных объявлений о работе, установления контакта с уязвимыми лицами (например, через знакомства), а также для организации сексуальной эксплуатации через веб-камеры и на специализированных сайтах. Анонимность и трансграничный характер интернета серьезно затрудняют расследование и привлечение виновных к ответственности. Как справедливо отмечает исследователь А. Сандлер, «цифровое пространство стало новой ареной для торговли людьми, где традиционные методы правоохранительной деятельности зачастую неэффективны» [5, с. 43].

Также важно затронуть тематику торговли людьми в контексте вооруженных конфликтов и миграционных кризисов.

Военные действия и вынужденное перемещение населения создают условия массовой уязвимости, чем активно пользуются злоумышленники. В условиях конфликта торговля людьми принимает формы сексуального рабства, принудительных браков, вербовки детей-солдат и принудительного труда. Миграционные потоки являются источником для эксплуатации в виде принудительного труда на сельскохозяйственных работах, в строительстве

и в сфере услуг. Жертвы-мигранты часто не обращаются за помощью из-за страха депортации или незнания языка, что делает их «невидимыми» для властей. Происходит расширение целей эксплуатации похищенных людей.

Если в начале XXI века основное внимание уделялось сексуальной эксплуатации, то сегодня все более распространенными становятся и другие формы, например:

– принудительный труд: эксплуатация в швейных мастерских, на стройках, в сельском хозяйстве, в сфере домашнего хозяйства;

– принудительное попрошайничество;

– торговля органами для трансплантации;

– принудительные браки;

– эксплуатация несовершеннолетних в целях совершения преступлений (например, торговля наркотиками).

Таким образом, международно-правовая база противодействия торговле людьми в XXI веке представляет собой развитую, но все еще недостаточно совершенную систему. Палермский протокол и другие ключевые документы заложили прочный фундамент для сотрудничества государств. Однако глобализация, цифровизация и обострение миграционных и конфликтных кризисов породили новые, более сложные формы трафика, требующие новых решений.

Основными проблемами остаются пробелы в имплементации норм, слабая идентификация жертв, недостатки международного сотрудничества и неполная реализация правового статуса пострадавших. Перспективы развития международного права в этой сфере видятся в дальнейшей конвергенции уголовно-правового и правозащитного подходов, активном противодействии спросу на услуги жертв трафика, а также в интеграции новейших технологий в практику предупреждения и расследования данного преступления. Успех в борьбе с торговлей людьми будет зависеть от способности международного сообщества к консолидации и адаптации к постоянно эволюционирующим угрозам.

Список литературы

1. Global Report on Trafficking in Persons 2022 // United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). – URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2022/GLOTiP_2022_web.pdf.

2. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Принят в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 4. –572 с.

3. Конвенция Совета Европы о противодействии торговле людьми (Заключена в г. Варшаве 16.05.2005) // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 4. – 573 с.

4. Директива Европейского Парламента и Совета 2011/36/ЕС от 5 апреля 2011 года о предупреждении и борьбе с торговлей людьми и защите ее жертв, и заменяющая Рамочное решение 2002/629/ПВД // Официальный журнал Европейского Союза. – 2011. – L 101/1.

5. Сандлер, А.Р. Кибертрафикинг: новая реальность международной безопасности // А.Р. Сандлер – Москва: Вестник МГИМО-Университета № 2, 2022. – 42-59 с.

6. Указ Президента РФ от 16.11.2022 № 834 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере противодействия торговле людьми на период до 2030 года».

7. Международное уголовное право : Учебник / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева, А. А. Козлова [и др.]. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

8. Gallagher, A. T. The International Law of Human Trafficking. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. – 600 p.

9. Волеводз, А.Г. Противодействие торговле людьми: международно-правовые и национальные механизмы. / А.Г. Волеводз. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 512 с.

Максимов Н. Р.*[1]*,
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Химичева О. В.*,*
начальник кафедры уголовного процесса
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации

К ВОПРОСУ ОБ УСТУПКЕ СУВЕРЕНИТЕТА ПРИ МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Международное сотрудничество в борьбе с преступностью представляет собой направление внешней политики государств, ставящее перед собой цель сосредоточить их усилия в противодействии наиболее общественно опасным видам преступлений и, таким образом, минимизировать негативные социальные, экономические и иные их последствия.

Одним из наиболее важных направлений международного сотрудничества правоохранительных органов является международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства, представляющее собой взаимодействие компетентных органов и должностных лиц – участников уголовного судопроизводства с представителями иностранных государств и международных организаций в целях реализации назначения уголовного судопроизводства. В большинстве своем, исключая такие институты, как экстрадиция (выдача), передача уголовного судопроизводства, а также передача лица для дальнейшего отбывания наказания, международное сотрудничество по уголовным делам направлено на собирание доказательств по уголовным делам, находящихся за пределами территории государства, в производстве компетентных органов которого находится уголовное дело.

Наиболее часто реализуемым правовым механизмом получения доказательств за рубежом является международная правовая помощь по уголовным делам. Несмотря на то, что указанный институт в настоящее время является достаточно разработанным с научной точки зрения, относительно иных способов собирания доказательств за пределами территории государства, в настоящий момент в теоретических основах имеется ряд дискуссионных вопросов, требующих своего разрешения.

---

[1] © Максимов Н. Р., 2025.

Одна из подобных проблем заключается в неопределенности круга фундаментальных основ международной правовой помощи по уголовным делам. Отечественным законодателем прямо закреплено в уголовно-процессуальном законе лишь два принципа – взаимности и равенства юридической силы доказательств. В уголовно-процессуальной доктрине в настоящий момент предложены следующие принципы международной правовой помощи:

1. Законности;
2. Взаимности;
3. Добровольности;
4. Уважения суверенитета иностранного государства;
5. Уступки суверенитета запрашиваемой стороной в части определения применимого права;
6. Непротиворечия запроса запрашивающего государства законодательству иностранного государства;
7. Сотрудничества судебных и следственных органов государств на началах равенства;
8. Обеспечения правовой защиты и равенства участников уголовного судопроизводства на территории государств, осуществляющих сотрудничество;
9. Реализации договорных норм через национальное законодательство;
10. Соблюдения прав и интересов государств, не участвующих в договоре;
11. Обязательности выполнения условий договора;
12. Определение относимым международным договором применимого права в целях осуществления сотрудничества [1, с. 108].

В настоящей статье полагаем целесообразным обратить особое внимание на принцип уступки суверенитета. Будучи важнейшим признаком государства и фундаментальным принципом всей системы международных отношений, понимание государственного суверенитета и по сей день является предметом многочисленных споров и обсуждений.

Рассмотрим же некоторые из предлагаемых дефиниций. С.В. Черниченко понимает суверенитет как верховенство государства в пределах его границ и независимость на международной арене [2, с. 26-27]. Д.Б. Ушаков пишет о суверенитете как признаке, присущем государству верховенству на своей территории и независимости в международных отношениях [3, с. 6]. А.А. Кокошин выделяет также «реальный суверенитет», определяя его как способность государства на деле (а не декларативно) самостоятельно проводить внутреннюю, внешнюю и оборонную политику, заключать и расторгать договоры, вступать или не вступать в отношения стратегического партнерства [4, с. 63].

Указанные определения, несмотря на некоторые расхождения в используемой терминологии, в целом сходятся в том, что под суверенитетом государства понимается его действительная способность осуществлять власть на своей территории и проводить независимую внешнюю политику.

Переходя же к рассмотрению непосредственно принципа уступки суверенитета в уголовном судопроизводстве, необходимо уточнить, что вопросы передачи компетенции в этой сфере другому государству именуются в научной ли-

тературе как «передача части суверенитета», либо «уступка суверенитета» [5, с. 21-22]. Основная научная полемика же в части указанного явления сводится к решению вопроса о наличии либо отсутствии в деятельности компетентных органов и должностных лиц государств при исполнении положений международных договоров о правовой помощи, собственно, такого явления, как передача суверенитета, то есть, верховенства власти государства на своей территории и в какой-либо сфере государственной деятельности, и вытекающих из этого функций и полномочий другому государству.

С целью ответа на данный вопрос полагаем целесообразным для начала определить границы суверенитета Российской Федерации в уголовно-правовой сфере. В соответствии со ст. 4 Конституции Российской Федерации, суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию, а Конституция и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации, из чего делается вполне очевидный вывод, что свою уголовно-правовую политику Российская Федерация осуществляет в ее пределах. Статья 118 же закрепляет отправление правосудия по уголовным делам как деятельность, относящуюся к ведению сугубо государства Российская Федерация. Уголовно-процессуальный закон конкретизирует конституционные положения, указывая на то, что местом производства по уголовному делу в соответствии с ч.1 ст. 2 УПК РФ может находиться только на территории Российской Федерации, если международным договором не предусмотрено иное. При этом следует отметить, что в отдельных случаях, в соответствии с ч. 3 той же статьи допускается производство процессуальных действий в соответствии с требованиями УПК РФ за пределами территории Российской Федерации.

Тем не менее, уголовно-процессуальная деятельность часто выходит за обозначенные отечественным законодателем рамки, обозначающие пространственные пределы действия закона, создавая ситуации, формально не подпадающие ни под одно его соответствующее положение. Речь идет о международной правовой помощи по уголовным делам. Сущность данного явления заключается в направлении следователем запроса о производстве следственных и иных процессуальных действий компетентному органу или должностному лицу иностранного государства. В большинстве своем подобные запросы имеют своей целью собирание доказательств по уголовному делу, однако, при этом, исполняются, по общему правилу, по законодательству запрашиваемого государства (см., к примеру, ч. 1 ст. 8 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (заключена в г. Кишиневе 07.10.2002)). В этом и заключается, по мнению ученых, уступка суверенитета, поскольку государство, прерогативой которого является отправление правосудия по уголовным делам (в широком смысле слова), передает часть своей компетенции (суверенитета) иностранному государству, которое, в свою очередь, занимается собиранием доказательств в интересах уголовного процесса иностранного государства.

Подобной позиции придерживается В.В. Милинчук, указывая, что помимо передачи процессуальных полномочий по собиранию доказательств, уступка

суверенитета выражается также и в признании материалов, полученных зарубежными органами власти в ходе производства следственных действий по местному законодательству, доказательствами [6, с. 26]. На наш взгляд, указанная точка зрения является дискуссионной ввиду того, что вопросы признания доказательств, полученных на территории зарубежного государства иностранными органами и должностными лицами, напрямую регламентированы в ст. 455 УПК РФ. Положения указанной нормы устанавливают требования к полученными подобным образом материалам, а именно:

1. Доказательство получено в ходе исполнения поручения об оказании правовой помощи по уголовному делу либо в приложении к поручению об осуществлении уголовного преследования;

2. Международная правовая помощь и поручение об осуществлении уголовного преследования должны производиться на основании международного договора, соглашения, либо на основе принципа взаимности;

3. Полученные доказательства должны быть заверены и переданы иностранной стороной в установленном порядке.

Исходя из смысла ст. 455 УПК РФ, можно сделать вывод о том, что доказательство, полученной иностранной стороной в рамках исполнения запроса о правовой помощи по уголовному делу признается таковым (доказательством) только должностными лицами Российской Федерации, осуществляющими уголовное судопроизводство на досудебной стадии – следователем либо дознавателем. Именно после проверки доказательств вышеуказанными участниками уголовного судопроизводства на предмет соответствия положениям ст. 455 УПК РФ материалы, прибывшие из-за рубежа, становятся, собственно, доказательствами. Из данного суждения, в свою очередь, появляется возможность, сделать вывод о том, что, если рассматривать процесс собирания доказательств в широком смысле слова, то есть не как сугубо «завладение», а наделение имеющей значение для надлежащего разрешения уголовного дела информации процессуальным статусом доказательства. На основании вышесказанного, можно сделать вывод о том, что деятельность зарубежных компетентных органов и должностных лиц по собиранию доказательств не представляет собой собирание доказательств в широком смысле слова, если рассматривать указанную деятельность с точки зрения отечественного законодательства и уголовно-процессуальной доктрины.

Противоположную В.В. Милинчук точку зрения высказывает Н.И. Марычева, полагая, что передача суверенитета не имеет место в рамках исполнения запроса об оказании правовой помощи, аргументируя свою позицию тем, что сотрудничество государств в сфере уголовного судопроизводства осуществляется на основе международных договоров, с целью исполнения обязательств по которым соответствующие органы власти взаимодействующих государств наделяются всеми необходимыми полномочиями [7, с. 32]. Здесь нельзя не согласиться с исследователем, поскольку сама природа трансграничных отношений предполагает наделение участвующих субъектов специальными правами и обязанностями, имеющими место только при появлении в правоотношениях «ино-

странного элемента», однако, необходимо уточнить, что исполнение упомянутых обязательств, по нашему мнению, само по себе не означает «принятие» суверенитета другого государства, равно как и его уступку противоположной стороной.

Указывая на причину возникшей полемики, К.К. Клевцов выделяет, в первую очередь, отличия подходов к определению того, что является международной правовой помощью по уголовным делам. Так, одними исследователями данный феномен понимается в узком смысле, то есть, сугубо как производство процессуальных действий по запросу иностранного государства, а другими – в широком, включающим в себя также экстрадицию (выдачу) и иные институты международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства [8, с. 23].

По мнению В.М. Волженкиной, уступка суверенитета заключается в предоставлении иммунитета представителям иностранного государства, прибывшим с целью участия в процедуре оказания правовой помощи. Находя указанную точку зрения дискуссионной, ввиду того, что процедуры, связанные с регулированием пребывания официальных представителей иностранных государств в стране аккредитации относятся в большей степени к международному дипломатическому и консульскому праву, позиция В.М. Волженкиной, тем не менее, наталкивает на мысль о том, что уступка суверенитета будет иметь место при реализации экстерриториальных норм уголовно-процессуального закона, а также при реализации своих процессуальных полномочий работниками консульских учреждений Российской Федерации за рубежом, которые, однако, на наш взгляд, правовой помощью не являются и представляют собой отдельную форму собирания доказательств на территории иностранного государства [9, с.176].

Подводя итог, необходимо отметить, что, по нашему мнению, при оказании правовой помощи по уголовным делам уступка суверенитета отсутствует ввиду, во-первых, отсутствия факта собирания (в широком смысле слова) доказательств компетентными органами иностранных государств, и решающей роли российских участников уголовного судопроизводства в приобщении полученной зарубежными партнерами информации к уголовному делу в качестве доказательств, и во-вторых, в самой сущности трансграничных международных отношений, возникающих при исполнении международных договоров. При этом стоит заострить внимание на том, что уступка суверенитета в прямом смысле слова имеет место при реализации экстерриториальных норм уголовно-процессуального закона, в рамках которых, по согласованию с государством пребывания, представители иностранных государств имеют право производить следственные и иные процессуальные действия. На основании вышесказанного можно говорить об отнесении принципа уступки суверенитета скорее к числу общих начал отдельных форм собирания доказательств на территории иностранного государства, нежели к принципам международной правовой помощи по уголовным делам.

Список литературы

1. Сняткова В.Ю. Понятие и принципы международного сотрудничества на досудебной стадии уголовного процесса // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-printsipy-mezhdunarodnogo-sotrudnichestva-na-dosudebnoy-stadii-ugolovnogo-protsessa.

2. Черниченко С.В. Теория международного права. В 2-х томах. Том 2: Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. 528 с.

3. Ушаков Н.А. Суверенитет в современном международном праве. М., 1963. 271 с.

4. Кокошин А. Реальный суверенитет. М., 2006. 180 с.

5. Катков А.Д. Суверенитет государства: проблема его понимания и историческое развитие принципа // Международные отношения. 2019. №3.

6. Милинчук В.В. Взаимная правовая помощь по уголовным делам: общие условия оказания и формы (действующая практика и перспективы развития): дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 321 с.

7. Марычева Н.И. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам: дис. … д-ра юрид. наук в форме научного доклада. М., 1996. 108 с.

8. Клевцов К.К. Международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства : теоретико-правовые основы / К.К. Клевцов. – М. : Международные отношения, 2024. – 432 с.

9. Волженкина В.М. Нормы международного права в российском уголовном процессе. СПб.: Юридический центр Пресс; Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2001. 358 с.

***Маслов А. И.*[1],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Харламов С. О.,
начальник кафедры
конституционного и муниципального права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И УРБАНИЗАЦИЯ ГРАЖДАН В ГОРОДАХ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В истории современного общества настал тот момент, когда темпы индустриализации развились до своего максимума, подкрепляемые при этом наличием в промышленности новых информационных технологий, позволяющих производить больше товаров и услуг при повышении их качества, что увеличило темпы производства и развития городов, которые стали ключевыми точками, концентрирующими в себе авангард производства. В связи с этим, сама роль городов, обладающих большим числом ресурсов для повышения уровня жизни населения в них и развития экономики страны, является ключевой. Крупные города обеспечивают высокий уровень образования, жилищные условия, достаточные для комфортного проживания семей, являющихся основными ячейками общества, достойный уровень оплаты труда, позволяющий практически каждому специалисту реализовывать свои профессиональные навыки и активно получать новые знания в более узкоспециализированных сферах; нельзя не упомянуть про развитую сферу медицинских услуг, способствующую борьбе с убылью населения и увеличению общей продолжительности жизни, а также про развитую инфраструктуру и транспортные коммуникации. Данные факторы, положительно влияющие на жизнь людей и делающие города привлекательными для проживания, намного шире указанного списка, и каждый из нас с ними прекрасно знаком из повседневной жизни. Однако история нашей страны знает те города, которые имели особое значение, являясь не только крупными производственными центрами, но занимая центральное положение в организации иерархической системы нашей страны. Данные города были наделены статусом «Город федерального значения».

Города федерального значения – Москва, Санкт-Петербург, Севастополь – занимают уникальное, стратегически важное положение в политической, экономической и социальной системе России. Их особая роль, предопределенная

[1] © Маслов А. И., 2025.

исторически и закрепленная юридически, формирует мощные центростремительные силы, притягивающие человеческие, финансовые и управленческие ресурсы. Однако этот же статус порождает комплекс острых вызовов, ключевым из которых является противоречие между конституционными правами граждан и устойчивым развитием перенаселенных мегаполисов. Анализ данной проблемы требует комплексного подхода, опирающегося на положения Конституции Российской Федерации и раскрывающего диалектику развития этих уникальных субъектов Федерации.

Основа особой роли городов федерального значения имеет прямые конституционные основания. Прежде всего, статья 65 Конституции РФ [1] наделяет Москву, Санкт-Петербург и Севастополь статусом субъектов Российской Федерации, но при этом выделяет их в отдельную категорию – «города федерального значения». Уже эта формулировка указывает на их повышенную значимость не только как административных единиц, но и как опорных точек всего государственного устройства. Особенно ярко это проявляется в статусе столицы. Согласно части 2 статьи 70 Конституции РФ, столицей России является город Москва. Данный конституционный императив определяет его как центральный узел всей политической системы страны. Здесь концентрируются все высшие органы государственной власти – Президент, Правительство, палаты Федерального Собрания. Это, в свою очередь, автоматически притягивает аппарат управления, многочисленные лоббистские структуры, представительства других субъектов Федерации и транснациональных корпораций, стремящихся быть в эпицентре принятия ключевых политических и экономических решений. Таким образом, столичная функция создает самоподдерживающийся эффект притяжения, превращая город не просто в административный центр, а в главный нервный узел.

Правовые основы для формирования особой модели управления городами федерального значения заложены в статье 72 Конституции РФ, которая относит установление общих принципов организации государственной власти и местного самоуправления к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Эта норма позволяет федеральному центру, исходя из уникальности данных городов, формировать для них специальные правовые режимы через принятие соответствующих федеральных законов. Ярким примером является Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который устанавливает особый порядок организации местной власти в Москве, Санкт-Петербурге и Севастополе, отличающийся от общепринятого. Это позволяет более гибко, но в рамках единого правового поля, выстраивать систему публичной власти, адекватную вызовам мегаполиса.

Исходя из своего уникального конституционно-правового статуса, города федерального значения закономерно трансформируются в мощнейшие экономические и социальные «магниты». В экономическом плане они выступают в роли полюсов роста национальной экономики. Здесь концентрируются штаб-квартиры крупнейших российских корпораций и финансовые институты, вклю-

чая центральные офисы системообразующих банков и главные фондовые биржи. Такая концентрация капитала и управления создает диспропорционально большое количество высокооплачиваемых и статусных рабочих мест по сравнению с другими регионами, формируя устойчивый экономический импульс для трудовой миграции.

Не менее значима их роль как социальных и культурных центров. В этих городах сосредоточены ведущие вузы страны, научные институты Российской академии наук, лучшие медицинские клиники и исследовательские центры, а также объекты культурного наследия и передовые учреждения культуры. Реализация конституционных прав граждан на образование (статья 43 Конституции РФ) и на доступ к культурным ценностям (статья 44 Конституции РФ) на самом высоком качественном уровне оказывается напрямую связанной с переездом в один из городов федерального значения для значительной части абитуриентов, ученых, медицинских работников и деятелей искусства. Дополняет эту картину статус ключевых транспортно-логистических узлов международного и внутреннего сообщения, что облегчает ведение бизнеса, повышает мобильность населения и укрепляет их интеграцию в глобальные экономические процессы.

Ключевым правовым драйвером, трансформирующим социально-экономическую притягательность в демографическое давление, выступает статья 27 Конституции РФ. Она гарантирует каждому, кто законно находится на территории Российской Федерации, право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Это фундаментальное право, являющееся одним из основных элементов личной свободы, означает, что любой гражданин России может легально и беспрепятственно переехать в Москву, Санкт-Петербург или Севастополь в поисках лучшей жизни, качественного образования, высокооплачиваемой работы или реализации своего профессионального потенциала. Государство, в соответствии с духом и буквой основного закона, не может вводить прямые запреты или разрешительные механизмы на переезд (подобные советскому институту прописки) [2]. Таким образом, конституционная норма о свободе передвижения является главным правовым катализатором внутренней миграции, вектором которой неизменно выступают города федерального значения.

Массовый и зачастую стихийный приток населения, стимулируемый конституционными правами и объективными экономическими преимуществами, приводит к системным проблемам, создавая фундаментальное противоречие между индивидуальными правами граждан и объективными возможностями мегаполиса по обеспечению достойного качества жизни для всех. Это противоречие проявляется в виде целого комплекса дисбалансов.

В первую очередь, возникает острейшая жилищная проблема. Колоссальный дисбаланс между спросом и предложением на рынке недвижимости закономерно взвинчивает цены на жилье как на первичном, так и на вторичном рынках, а также на аренду. В результате конституционное право на жилище (статья 40 Конституции РФ), которое государство обязано поощрять и защищать, для многих мигрантов, молодых специалистов и даже коренных жителей становит-

ся трудноосуществимым без активных и зачастую дорогостоящих мер государственной поддержки, таких как ипотечные субсидии или программы реновации.

Транспортная система исторически сложившихся мегаполисов, с их сформировавшейся столетия назад уличной сетью, физически не рассчитана на современные объемы транспортных потоков. Это приводит к хроническим заторам, которые становятся неотъемлемой частью повседневной жизни миллионов горожан. Увеличение времени в пути на работу и обратно не только негативно сказывается на качестве жизни, приводя к стрессу и потере личного времени, но и наносит прямой ущерб экономической эффективности, увеличивая логистические издержки.

Критическое давление испытывает на себе вся социальная инфраструктура. В сфере образования детские сады и школы в центральных и густонаселенных районах оказываются переполненными, а очередь на устройство ребенка в дошкольное учреждение может исчисляться годами. В здравоохранении поликлиники и больницы, особенно в районах массовой жилой застройки, работают в режиме постоянной перегрузки, где врачи вынуждены принимать пациентов в условиях жесткого лимита времени, а запись к узким специалистам растягивается на месяцы [3]. Это создает системные сложности в реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь (статья 41 Конституции РФ) на должном уровне для всех категорий жителей. Коммунальная инфраструктура – системы водоснабжения, канализации, электро- и теплоснабжения – зачастую работают на пределе своих проектных мощностей, особенно в пиковые периоды потребления, что повышает риски аварий и снижает общую надежность жизнеобеспечения города.

Экологические проблемы в условиях гиперурбанизации выходят на первый план. Высокая концентрация автотранспорта и промышленных предприятий становится источником загрязнения атмосферного воздуха, водных объектов и почв. Проблема утилизации и переработки твердых коммунальных отходов приобретает гигантские масштабы, требуя нестандартных и зачастую непопулярных решений, таких как строительство мусоросжигательных заводов в непосредственной близости от жилых массивов. Наконец, перенаселенность может порождать социальную напряженность, когда у коренного населения формируется восприятие «пришлых» как виновников перегруженности, роста цен и ухудшения качества социальных услуг, что в отдельных случаях может выливаться в формы бытового ксенофобии и социального трения.

Возникающая правовая коллизия является центральной проблемой в контексте регулирования урбанизации. С одной стороны, существует безусловная норма статьи 27 Конституции РФ о свободе передвижения. С другой стороны, часть 3 статьи 55 Конституции РФ допускает ограничение прав и свобод человека и гражданина федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц. Перенаселенность, перегрузка инфраструктуры и усугубляющиеся экологические проблемы напрямую затрагивают здоро-

вье населения (через ухудшение экологии и доступности медицины) и законные интересы уже проживающих граждан (на доступ к качественным социальным услугам, благоприятную окружающую среду и комфортные условия жизни). Таким образом, государство оказывается перед необходимостью найти тонкий баланс, разрабатывая такие правовые и управленческие механизмы, которые, не посягая на саму суть права на свободный выбор места жительства, позволяли бы смягчать негативные последствия гиперурбанизации, ссылаясь на нормы статьи 55 Конституции.

Таким образом, города федерального значения, будучи мощнейшими драйверами национального развития в силу своего уникального конституционного и фактического статуса, в известной степени становятся заложниками собственного успеха [4]. Право на свободное передвижение, гарантированное Конституцией, оборачивается для них серьезнейшими системными вызовами, ставя под вопрос их дальнейшую устойчивость и комфортность проживания. Выход из этой ситуации лежит не в попытках административного ограничения конституционных прав, а в выработке комплексной государственной политики, действующей в нескольких направлениях. Во-первых, это активное стимулирование пространственного развития страны через создание точек роста и полюсов притяжения в других регионах, что позволит перенаправить миграционные потоки. Во-вторых, проведение активной и продуманной градостроительной политики в самих городах федерального значения, направленной на опережающее развитие транспортного каркаса, создание новых объектов социальной и инженерной инфраструктуры. В-третьих, развитие агломерационных подходов, предполагающих перераспределение части столичных функций и населения на прилегающие территории субъектов Федерации, формируя более сбалансированные системы расселения. Наконец, совершенствование механизмов регистрационного учета, который должен быть не рудиментом запретительной системы, а современным инструментом для точного учета населения, адекватного бюджетного планирования и разработки долгосрочных стратегий социально-экономического развития этих уникальных городов-субъектов.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

2. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 N 5242-1 (последняя редакция) // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] / URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2255/.

3. Прокурор разъясняет - Управление Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу [Электронный ресурс] /

URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/activity/legal-education/explain?item=3675720.

4. Как статус города федерального значения повлияет на его развитие // РБК Компании [Электронный ресурс] / URL: https://companies.rbc.ru/news/zMhYacn8qm/kak-status-goroda-federalnogo-znacheniya-povliyaet-na-ego-razvitie/.

***Мжельская Г. М.*[1],**
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

***Лендова В. А.*[2],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ОРГАНИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИЦИИ

Современная преступность приобрела транснациональный характер, а организованные преступные группы активно используют преимущества глобализации и технологического прогресса для достижения своих противоправных целей. В контексте современных вызовов роль правоохранительных органов Великобритании в организации международного сотрудничества имеет критическое значение для обеспечения национальной безопасности. Правительство Великобритании признает, что серьезные и организованные преступления представляют собой транснациональную угрозу, и ни одна отдельная организация или страна, действующие в изоляции, не могут эффективно противостоять сложным преступным группам, работающим невзирая на государственные границы. Ответом на эти вызовы стало формирование разветвленной системы международного полицейского сотрудничества, основанной на прочной правовой базе, развитых институциональных механизмах и постоянно совершенствующихся оперативных возможностях. Эффективность этой системы непосредственно влияет на безопасность британских граждан, стабильность экономики и защиту демократических институтов.

Фундаментальным документом, определяющим общие подходы к безопасности, является Национальная стратегия безопасности, подчеркивающая необходимость укрепления подходов к внутренней безопасности в условиях растущих по масштабу и сложности угроз [1].

В области конкретных механизмов сотрудничества ключевое значение имеет Закон об экстрадиции 2003 года [2], регулирующий процедуры выдачи преступников. Этот закон устанавливает правовые рамки для осуществления экстрадиционных процедур между Великобританией и другими странами. Согласно существующим положениям, Великобритания имеет систему двусторонних договоров об экстрадиции со многими государствами, включая Албанию, Индию, США, Бразилию и другими странами. Эти договоры устанавли-

[1] © Мжельская Г. М., 2025.
[2] © Лендова В. А., 2025.

вают взаимные юридические обязательства и процедуры для передачи лиц, обвиняемых в преступлениях или осужденных за противоправную деятельность.

Основополагающим принципом большинства экстрадиционных договоров является принцип двойной подсудности, означающий, что предполагаемое преступление должно считаться противоправным деянием как в запрашивающем государстве, так и в запрашиваемой стране. Это обеспечивает защиту от выдачи лиц за действия, которые не признаются преступными в какой-либо из правовых систем двух государств. Договоры об экстрадиции также содержат важные гарантии для защиты лиц от несправедливого обращения, включая защиту от выдачи по обвинениям с политической мотивацией, право на справедливое судебное разбирательство и гарантии не применения пыток или бесчеловечного обращения.

После выхода Великобритании из Европейского союза произошли значительные изменения в правовых механизмах сотрудничества. С 1 января 2021 года Великобритания автоматически перестала быть членом Европола, Евроюста, Европейского ордера на арест и Шенгенской информационной системы (SIS II) [3]. База данных SIS II представляла собой наиболее распространенную систему на территории ЕС, с помощью которой полиция и органы пограничной службы получали информацию и оповещения в режиме реального времени о лицах, подозреваемых в уголовных правонарушениях. После потери доступа к SIS II британским правоохранительным органам пришлось удалить около 40 000 оповещений по известным преступникам, потенциально представляющим угрозу для национальной безопасности страны.

Правоохранительная система Великобритании характеризуется децентрализованной структурой. В стране не существует единой централизованной системы полиции, вместо этого функционируют 52 полицейских формирования: 43 в Англии и Уэльсе, 8 в Шотландии и одно в Северной Ирландии. Все они подчиняются Министерству внутренних дел Великобритании, которое организует их взаимодействие. Знаменитый Scotland Yard фактически является Службой столичной полиции (Metropolitan Police Service), а «New Scotland Yard» – местом расположения ее центрального офиса.

Центральным элементом институциональной архитектуры международного полицейского сотрудничества Великобритании является Национальное агентство по борьбе с преступностью (далее NCA), выполняющее функции ведущего оперативного ведомства по противодействию серьезной и организованной преступности [3].

Важнейшим компонентом международного сотрудничества является взаимодействие с Международной организацией уголовной полиции (Интерпол). Британское Национальное центральное бюро Интерпола предоставляет информацию о региональных тенденциях преступности, помогая офицерам полиции по всей стране обнаруживать и расследовать поток незаконных товаров вдоль трафиковых маршрутов. Оно также играет ключевую национальную роль в борьбе с наиболее серьезными для страны областями преступности, включая

преступления против детей, расследования беглецов, финансовые преступления и торговлю людьми.

Интерпол и NCA помогают Великобритании бороться с международной преступностью через координацию и предоставление специализированной поддержки расследованиям, используя каналы Интерпола для построения эффективных партнерств между силами полиции Великобритании и правоохранительными органами во всем мире. Кроме того, существует семь подразделений Интерпола, присоединенных к NCB «Манчестер», каждое с делегированными региональными полномочиями: Ангилья, Бермуды, Британские Виргинские острова, Каймановы острова, Гибралтар, Монтсеррат, Теркс и Кайкос.

После Брексита изменился характер взаимодействия с европейскими правоохранительными структурами. Ранее членство Великобритании в Европоле помогало отслеживать и задерживать преступников благодаря совместным механизмам обеспечения правопорядка, действующим среди государств-членов Европейского союза. В 2002 году заработал Европейский ордер на арест, который позволил проводить ускоренную процедуру экстрадиции, обеспечив оптимизированный и более эффективный процесс. Ввиду того что Великобритания больше не может пользоваться Европейским ордером на арест, согласно которому страны не имеют права отказывать в выдаче собственных граждан, теперь проведение экстрадиции своих граждан в Великобританию не является обязательным для государств-членов Европейского союза. В соответствии с принятой в прошлом веке Европейской конвенцией о выдаче преступников, страны вправе отказывать в экстрадиции собственных граждан, однако при осуществлении этого права уголовное преследование разыскиваемых лиц обычно проводится в своей стране.

Правоохранительные органы Великобритании используют разнообразные оперативные механизмы и инструменты для международного сотрудничества, которые постоянно развиваются и адаптируются к новым вызовам. Одним из ключевых инструментов является система "красных уведомлений" Интерпола, используемая для оповещения стран-участниц о лицах, разыскиваемых для экстрадиции. Однако направление государственной политики имеет огромное влияние на международное сотрудничество полицейских затрудняя экстрадицию некоторых лиц, совершивших преступные деяния на территории РФ.

Договоры об экстрадиции являются частью более широкой системы соглашений о взаимной правовой помощи (MLA), которые способствуют обмену информацией и доказательствами между странами, что необходимо для эффективного проведения экстрадиции. Посредством такого сотрудничества осуществляется сбор улик в поддержку запросов об экстрадиции, предоставление показаний свидетелей и других важных сведений, обеспечение согласованности и эффективности правовых процессов в обеих странах.

В ответ на потерю доступа к европейским базам данных после Брексита, Великобритания работает над созданием собственных систем обмена данными. Создание в Великобритании собственных баз данных, аналогичных тем, которые имеются в Европейском союзе (далее ЕС), представляет собой серьезную

задачу в части обеспечения охраны правопорядка в краткосрочной перспективе. Без сотрудничества со стороны ЕС создание системы, способной работать на таком же режиме и так же эффективно как раньше, представляет значительную сложность.

Одним из ключевых нововведений является Платформа международных правоохранительных предупреждений (International Law Enforcement Alerts Platform - I-LEAP). Эта платформа обеспечит процесс обмена данными, при котором соответствующие органы международных партнеров смогут осуществлять поиск в британском "хранилище предупреждений". Эта система имеет потенциал выйти за рамки всего, что ранее существовало в этой области, усиливая использование INTERPOL и вводя новые возможности обмена предупреждениями с международными партнерами [9]. Такой обмен предупреждениями в реальном времени сокращает время принятия решений, поддерживает точность оперативных решений и информирует о следующих шагах, предпринимаемых офицерами полиции для подтверждения личности субъекта на месте события.

Важным аспектом оперативного сотрудничества является участие британских правоохранительных органов в международных конференциях и форумах. Примером может служить участие представителей Национального агентства Великобритании по борьбе с преступностью в 39-й конференции Ассоциации национальных полиций стран-участниц АСЕАН (АСЕАНАПОЛ) в Ханое, где обсуждались вопросы сотрудничества в борьбе с незаконной торговлей наркотиками, терроризмом, контрабандой оружия, торговлей людьми, преступностью в области высоких технологий. Подобные мероприятия позволяют налаживать прямые контакты между правоохранительными органами разных стран и согласовывать совместные подходы к борьбе с транснациональной преступностью [4].

В своей международной деятельности правоохранительные органы Великобритании руководствуются четкими региональными приоритетами и стратегическим позиционированием, которые определяются национальными интересами и текущей геополитической обстановкой. Одним из ключевых региональных приоритетов остается Европа, где сотрудничество продолжает играть жизненно важную роль, несмотря на изменения, вызванные выходом Великобритании из Европейского союза.

Таким образом, правоохранительные органы Великобритании играют важную роль в организации международного сотрудничества, создавая многоуровневую систему взаимодействия с зарубежными партнерами в сфере борьбы с преступностью.

Эта система основана на прочной правовой базе, центральным элементом которой является Закон об экстрадиции 2003 года и другие нормативные акты, адаптирующие правовые рамки к пост-брексит реалиям и технологическим вызовам. Институциональная архитектура сотрудничества характеризуется ведущей ролью Национального агентства по борьбе с преступностью (NCA), которое координирует деятельность различных ведомств через свое Бюро по

международной преступности Великобритании и взаимодействие с Интерполом.

Оперативные механизмы постоянно совершенствуются, хотя выход Великобритании из Европейского союза создал значительные проблемы, включая потерю доступа к Европейскому ордеру на арест и базам данных SIS II.

Стратегические приоритеты Великобритании в этой сфере определяются национальными интересами безопасности и характеризуются прагматичным подходом, сочетающим приверженность многостороннему сотрудничеству через такие организации, как INTERPOL, с развитием двусторонних связей с широким кругом партнеров в Европе, Юго-Восточной Азии и других регионах. Несмотря на достигнутые успехи, правоохранительные органы Великобритании сталкиваются с серьезными вызовами, включая растущую сложность и транснациональный характер преступности, быстрое технологическое развитие, используемое преступниками, и необходимость балансирования между эффективностью сотрудничества и защитой прав граждан.

Список литературы

1. National Security Strategy 2025: Security for the British People in a Dangerous World (HTML) (Updated 29 August 2025) URL: https://www.gov.uk/government/publications/national-security-strategy-2025-security-for-the-british-people-in-a-dangerous-world/national-security-strategy-2025-security-for-the-british-people-in-a-dangerous-world-html

2. Extradition Act 2003 (18 November 2003) URL: https://www.gov.uk/government/publications/extradition-act-2003

3. Fugitives and international crime URL: https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/

4. Сотрудничество в борьбе с транснациональной преступностью в Юго-Восточной Азии URL: https://vietnam.vnanet.vn/russian/tin-van/сотрудничество-в-борьбе-с-транснациональнои-преступностью-в-юго-восточнои-азии-211592.html

5. Crime and Policing Bill: international cooperation factsheet (Updated 21 July 2025) URL: https://www.gov.uk/government/publications/crime-and-policing-bill-2025-factsheets/crime-and-policing-bill-international-cooperation-factsheet

6. User guide to police workforce statistics Updated (23 July 2025) URL: https://www.gov.uk/government/publications/user-guide-to-police-workforce-statistics/user-guide-to-police-workforce-statistics

7. National Strategic Assessment 2025 of Serious and Organised Crime URL: https://www.nationalcrimeagency.gov.uk/nsa-2025

8. Crime and Policing Bill: international cooperation factsheet (Updated 21 July 2025) URL: https://www.gov.uk/government/publications/crime-and-policing-bill-2025-factsheets/crime-and-policing-bill-international-cooperation-factsheet

Мокренев Н. В.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хмирова Е. А.,
старший преподаватель кафедры
иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ИТАЛИИ В БОРЬБЕ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Борьба с организованной преступностью в Италии представляет собой один из самых сложных и институционализированных ответов на угрозы со стороны негосударственных акторов в мировом масштабе. Министерство внутренних дел Италии через свой Департамент общественной безопасности создало сложную экосистему специализированных правоохранительных органов и стратегических рамок, специально предназначенных для противодействия преступным организациям мафиозного типа. Этот аппарат был в значительной степени формализован в начале 1990-х годов после периода интенсивного мафиозного насилия, кульминацией чего стало создание «Дирекции по расследованию мафиозных преступлений» на основании законодательного декрета № 345 от 29 октября 1991 года, учредившего межведомственный следственный орган под прямым руководством Министерства. Философской основой этого подхода является признание того, что традиционные методы правоохранительной деятельности недостаточны против преступных организаций, характеризующихся «омертой» (кодексом молчания), глубоким проникновением в общество и сложными экономическими операциями. Вместо этого Италия стала пионером стратегии, основанной на разведданных и направленной на активы, которая нацелена на операционные возможности и экономические основы организованных преступных групп, одновременно планомерно разрушая их командные структуры.

Краеугольным камнем этих усилий является DIA – инновационный межведомственный орган, объединяющий персонал из основных правоохранительных органов Италии: Государственной полиции (Polizia di Stato), Корпуса карабинеров (Carabinieri) и Финансовой гвардии (Guardia di Finanza), с присоединением в 2013 году Тюремной полиции (Polizia Penitenziaria). Такой межведомственный состав целенаправленно разработан для использования специализированных возможностей при преодолении традиционного соперничества между ведом-

[1] © Мокренев Н. В., 2025.

ствами, которое исторически мешало антимафиозным усилиям. Структура DIA отражает ее двойную миссию и организована в три основных департамента: Профилактические расследования, который собирает и анализирует разведданные о динамике организованной преступности; Уголовные расследования, который планирует и координирует деятельность судебной полиции; и Международные отношения в следственных целях, который управляет сотрудничеством с иностранными правоохранительными органами. Эта организационная архитектура обеспечивает комплексный подход, охватывающий все этапы – от первоначального сбора разведданных до оперативного пресечения и международного сотрудничества. Руководящая структура, в которой директор сменяется каждые три года из числа высокопоставленных офицеров различных участвующих сил, гарантирует непрерывную институциональную память, одновременно включая разнообразные профессиональные перспективы.

Оперативные полномочия, предоставленные DIA и Министерству внутренних дел, представляют собой исключительные права правоохранительных органов, тщательно определенные итальянским законодательством. К ним относятся право предлагать компетентным судам личные и имущественные профилактические меры, при этом Директор DIA обладает исключительной национальной юрисдикцией в отношении мер по предотвращению обращения с активами в соответствии с законодательным декретом № 159/11. Особенно значительными являются полномочия по проведению «расследований активов в рамках профилактической деятельности», что позволяет получать доступ к реестрам банковских и депозитных счетов, способствуя развитию возможностей финансовой экспертизы, нацеленной на экономическую инфраструктуру преступных организаций. Директор может запрашивать судебное разрешение на профилактическое прослушивание коммуникаций, когда это «необходимо для целей профилактических мер и сбора информации» относительно преступлений, связанных с мафией. Более того, DIA может санкционировать проведение операций под прикрытием в отношении конкретных преступлений, включая отмывание денег и наркоторговлю, с правовой защитой офицеров, занятых на этих деликатных операциях, а также проводить проверки субъектов, подозреваемых в проникновении мафии, включая кредитные учреждения и финансовых посредников. Эти широкие полномочия отражают признание в итальянском законодательстве того, что традиционные процессуальные границы требуют корректировки при противостоянии преступным организациям, которые используют конституционные защиты для прикрытия своей деятельности.

Стратегическая методология, применяемая Министерством внутренних дел через DIA, делает акцент на проактивной разведке и долгосрочном анализе, а не на реактивном уголовном реагировании. Как отмечается в анализе моделей полицейской организации, философия DIA сосредоточена на том, чтобы «узнать больше о противнике, прежде всего через изучение субъектов, представляющих оперативный интерес (преступных организаций, а не отдельных преступлений)». Этот подход представляет собой фундаментальный сдвиг от традиционного менталитета полиции, ориентированного на отдельные преступные инци-

денты, к модели разведывательной службы, нацеленной на преступные экосистемы. Операционная реализация этой стратегии видна в периферийной структуре DIA, включающей 12 оперативных центров и 9 оперативных секций, распределенных по всей стране, которые функционируют не как территориальные юрисдикции, а как «локальные платформы для операций команд DIA», обеспечивая оперативную гибкость и избегая провинциализма, который может развиться в географически закрепленных подразделениях. Эта структурная инновация оказалась особенно ценной для решения региональных различий итальянской организованной преступности – от сицилийской Коза Ностры до неаполитанской Каморры и калабрийской Ндрангеты, каждая из которых имеет деструктивные характеристики, но все более взаимосвязанные операции.

Международное сотрудничество составляет все более критически важное измерение антимафиозной стратегии Министерства, признавая транснациональный характер современной организованной преступности. Специализированный департамент DIA по международным отношениям в следственных целях «способствует и развивает через двусторонние и многосторонние соглашения связи со своими иностранными коллегами для улучшения борьбы с феноменом организованной преступности, часто взаимосвязанным в международном сценарии». Это институционализированное сотрудничество выходит за рамки обмена информацией и включает совместные следственные группы и партнерства по стратегическому анализу, особенно в рамках Европейского союза. Оперативная необходимость этого международного измерения подчеркивается созданием DIA Обсерватории по организованной преступности в Албании для мониторинга криминальной динамики, имеющей прямые последствия для безопасности Италии, что отражает признание того, что географические границы не могут ограничивать стратегические ответы на преступные сети. Этот трансграничный подход дополнительно усиливается через сотрудничество DIA с итальянскими разведывательными агентствами AISE и AISI, которые обязаны уведомлять DIA о любых фактах, связанных с деятельностью мафиозного типа, создавая интегрированные рамки национальной безопасности, связывающие внутренние правоохранительные органы и возможности внешней разведки.

Несмотря на эти существенные достижения, Министерство внутренних дел сталкивается с постоянными проблемами в адаптации к эволюции организованной преступности. Традиционные мафиозные организации продемонстрировали значительную устойчивость и адаптивность, диверсифицируясь в киберпреступность, финансовые манипуляции и проникновение в легальные экономические сектора, все это сохраняя при этом свой территориальный контроль в традиционных опорных пунктах. Современная статистическая картина показывает, что, хотя смертельное насилие сократилось, организованная преступность остается глубоко укорененной, при этом кражи сохраняются как наиболее распространенное преступление в Италии с примерно одним миллионом случаев, сообщенных судебным властям в 2023 году. Это указывает на диверсификацию преступной деятельности за пределы традиционной мафиозной деятельности. Появление иностранных организованных преступных групп,

действующих на итальянской территории, требует постоянной структурной адаптации и международного сотрудничества. Более того, изощренное использование преступными организациями юристов и финансовых посредников для прикрытия своей деятельности требует все более специализированных возможностей финансового расследования. Эти развивающиеся вызовы требуют постоянного совершенствования законодательных инструментов и оперативных методик, особенно в сфере цифрового наблюдения и финансовой экспертизы, для поддержания эффективности институционального ответа.

Подход Министерства внутренних дел Италии к борьбе с организованной преступностью представляет собой институционализированную стратегию, которая интегрирует специализированные межведомственные органы, исключительные правовые инструменты, проактивные разведывательные методики и рамки международного сотрудничества. DIA является центральным операционным элементом этих усилий, воплощая принцип «Vis Unita Fortior» – объединенная сила сильнее – через свою интегрированную структуру, использующую отличительные возможности различных правоохранительных органов Италии. Статистические данные о конфискации активов, снижении числа убийств и арестах высокопоставленных фигур демонстрируют ощутимое влияние этого подхода на операционные возможности и экономические основы преступных организаций. Тем не менее, адаптивная устойчивость групп мафиозного типа требует постоянной эволюции стратегий и инструментов, особенно поскольку преступные предприятия все чаще используют цифровые технологии и глобализированные финансовые системы. Опыт Италии предлагает бесценные уроки для глобальных усилий по борьбе с организованной преступностью, иллюстрируя как необходимость специализированных институциональных архитектур, так и постоянные проблемы противостояния преступным entities, которые непрерывно мутируют свои структуры и операции, сохраняя при этом свою существенную угрозу для государственной безопасности и экономической целостности.

Список литературы

1. Legislative Decree No. 345 of 29 October 1991. *Establishment of the Direzione Investigativa Antimafia (DIA).* Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 1991.

2. Legislative Decree No. 159 of 6 September 2011. *Code of Anti-mafia Laws and Preventive Measures.* Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, 2011, No. 212.

3. Direzione Investigativa Antimafia (DIA). *Annual Report 2023: Activities and Results.* Rome : Ministry of the Interior, 2024. 95 p.

4. Paoli L. *The Oxford Handbook of Organized Crime.* Oxford : Oxford University Press, 2014. 672 p.

***Мягкова С. В.*[1],**
доцент кафедры конституционного
и муниципального права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат педагогических наук

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В ч. 1 ст. 43 Конституции РФ установлено право каждого на образование, а также, согласно ч. 3 данной статьи Основного закона, устанавливается право каждого получить бесплатно на конкурсной основе высшее образование [1].

Ч. 1 ст. 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» закреплено право иностранных граждан на получение образования в Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации, а также, согласно ч. 2 данной статьи – иностранные граждане обладают равными с гражданами Российской Федерации правами на получение дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, а также профессионального обучения по программам профессиональной подготовки по профессиям рабочих, должностям служащих в пределах освоения образовательной программы среднего общего образования на общедоступной и бесплатной основе [2].

К основным целям и задачам международной образовательной миграции следует отнести:

- создание образовательной (учебной) миграции в Российскую Федерацию и поддержание академической мобильности: совершенствование условий для обучения в российских образовательных учреждениях на разных уровнях подготовки российских и иностранных студентов вне зависимости от гражданства и места проживания;

- увеличение контингента студентов в образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования из числа иностранных граждан, преимущественно граждан государств – участников Содружества Независимых Государств;

- совершенствование условий пребывания в Российской Федерации иностранных студентов, их социально-культурной адаптации, медицинского страхования, обеспечения безопасности;

- экспорт российских образовательных услуг в страны – источники массовой миграции в Российскую Федерацию;

- содействие мобильности специалистов, занимающихся преподавательской, исследовательской и экспертно-аналитической работой в образовательных учреждениях и научных организациях; организационное, информационное и финансовое содействие образовательным учреждениям и научным организаци-

[1] © Мягкова С. В., 2025.

ям в реализации программ международной академической мобильности и в привлечении зарубежных ученых на основе долгосрочных трудовых контрактов;

- предоставление иностранным студентам, обучающимся в Российской Федерации, права заниматься трудовой деятельностью в период обучения на тех же основаниях, что и российским студентам;

- предоставление возможности иностранным гражданам работать по полученной специальности в Российской Федерации непосредственно после завершения обучения в российских образовательных учреждениях высшего и среднего профессионального образования;

- создание центров довузовской подготовки, изучения русского языка в образовательных учреждениях начального профессионального образования в странах с наиболее интенсивными миграционными потоками;

- упрощение административных процедур, связанных с въездом и пребыванием на территории Российской Федерации иностранных граждан в целях преподавательской, исследовательской и экспертно-аналитической работы в образовательных учреждениях и научных организациях, в том числе для участия в конференциях и семинарах;

- введение упрощенного порядка получения иностранными гражданами, въехавшими на территорию Российской Федерации в целях преподавательской, исследовательской и экспертно-аналитической работы в образовательных учреждениях и научных организациях, и членами их семей статуса постоянно проживающих в Российской Федерации;

- упрощение въезда членов семей иностранных граждан, прибывших в целях преподавательской, исследовательской и экспертно-аналитической работы в образовательных учреждениях и научных организациях, и снятие ограничений для осуществления ими трудовой деятельности и обучения;

- разработка системы грантов для граждан Российской Федерации, получивших профессиональное образование за рубежом, в целях содействия их возвращению;

- содействие соотечественникам, в том числе их детям, проживающих за рубежом, в получении образования на территории Российской Федерации;

- разработка минимально необходимого перечня услуг по медицинскому страхованию для иностранных граждан, обучающихся в образовательных учреждениях Российской Федерации [3].

Россия участвует в двусторонних и многосторонних соглашениях о взаимном признании высшего образования. Это значит, что выпускники вузов могут устроиться на работу в десятках стран Европы, Азии, Африки, СНГ, ЕАЭС. Поэтому многие иностранные абитуриенты стремятся получить российское образование, поступая в вузы России, так как качество образования занимает лидирующие позиции во всем мире.

Сегодня в российских вузах учатся граждане 170 государств. По данным Международного института образования, базирующегося в Нью-Йорке, в 2024 году Россия заняла 7-е место по числу иностранных студентов. По данным Ми-

нобрнауки, в 2024 году в нашей стране обучалось 376 тысяч иностранцев, из них 220 тысяч – из СНГ. Для сравнения: в США сейчас учатся 957 тысяч иностранных студентов, в Канаде – 842 тысячи, в Великобритании – 675 тысяч, во Франции – 505 тысяч, в Австралии – 467 тысяч, в Германии – 423 тысячи. С 2019 по 2024 год удвоилось число студентов из Китая, Индии, Египта и Ирана. Студентов из СНГ стало больше примерно на 15-20%. Сейчас пятерка стран, из которых чаще всего приезжают в Россию, выглядит так: Казахстан – 55,5 тыс. человек, Туркмения – 53,3 тыс. человек, Китай – 51,2 тыс. человек, Узбекистан – 47,5 тыс. человек, Индия – 30,3 тыс. человек [4].

Высшее образование иностранцы могут получить бесплатно. Бюджетные места для них существуют достаточно давно, согласно ежегодно выделяемой правительством квоты. Получить образование по квоте, иностранный гражданин обязан зарегистрироваться на сайте «Образование в Российской Федерации для иностранцев» https://education-in-russia.com. Для участия в конкурсе необходимо: заполнить анкету, прикрепить фотографию, скан-копии паспорта и документа об образовании (или справку о периоде обучения).

Приемная компания 2024 года поставила рекорд: в российские вузы зачислено более 400 тысяч иностранных студентов. Это самый высокий результат за последние 5 лет. Из них 30 тысяч человек обучаются бесплатно, по правительственной квоте. В 2025 году количество планируют сохранить. Самые популярные направления обучения – экономика и менеджмент, юриспруденция, медицина, международные отношения, IT-специальности, лингвистика, энергетика. При этом 77% иностранных граждан выбрали обучение на коммерческой основе. Стоимость зависит от выбранной специальности и расположения самого вуза. Например, в МГИМО на факультете управления и политики можно учиться за 755 тысяч рублей в год, в Московском автомобильно-дорожном государственном техническом университете на любой специальности – за 250 тысяч, а в Ярославском государственном техническом университете – в среднем за 150 тысяч. Дороже всего учиться на медицинских специальностях, но это общемировая тенденция, так как нужны высококачественные материалы, оборудование, инструменты. Стоимость за год обучения доходит до миллиона рублей в год [5].

Иностранных студентов в основном интересовали программы бакалавриата – 219 000 человек. На специалитете и магистерских программах училось 105 000 и 54 000 соответственно. При этом если более половины всех иностранцев из государств СНГ учились преимущественно в бакалавриате и магистратуре, то доля студентов из стран дальнего зарубежья в специалитете превысила 68%. Среднее специальное образование в 2024 г. в России получали 28 000 иностранцев (почти 90% из них – граждане из стран СНГ) [6].

Таким образом, рост интереса абитуриентов к вузам России из стране не только ближнего зарубежья, но и дальнего, вызван внешнеполитическим сотрудничеством в сфере международной образовательной миграции.

Следует и дальше активно привлекать иностранных студентов и аспирантов для обучения в России, предлагать им все лучшее, что накопила отечественная система классического образования и в области естественных, и, конечно, гу-

манитарных наук», - сказал Путин на заседании попечительского совета МГУ [7].

Согласно Указу Президента Владимира Путина «О национальных целях развития», российское правительство планирует к 2030 г. нарастить количество иностранных студентов, обучающихся в России, до 500 000 человек [8].

Чаще всего иностранцы выбирают экономические, медицинские специальности, фармацевтику, лингвистику и педагогику. Среди технических специальностей – информационные технологи и строительство. Очевидным преимуществом при выборе российских вузов в качестве места обучения для иностранных учащихся является сочетание цены и качества, гибкость образовательных программ и миграционной политики государства, карьерные перспективы выпускников на рынке труда, а также возможность учиться бесплатно [9].

В пятерку самых популярных вузов среди иностранных студентов вошли: МГУ имени М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, Санкт-Петербургский государственный университет, РУДН, Медицинский университет имени И.М. Сеченова [10].

Таким образом, можно сделать вывод, что Россия – огромная страна с богатой историей, и каждый иностранный студент может найти образовательную программу в соответствии со своими потребностями и пожеланиями.

Также, данное обстоятельство актуализирует необходимость более пристального внимания государства к миграционным процессам на территории России. Следует согласиться с тезисом, что «миграция вносит существенные коррективы в государственную политику, развитие экономики, правовую и демографическую сферы жизни отдельных общественных коллективов и государств в целом» [11].

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм. и доп. 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru.

2. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) «Об образовании» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru.

3. Мягкова С.В., Хазов Е.Н. Миграционные процессы в сфере образования: современные подходы и пути их решения в России // Государственная служба и кадры. 2024. № 3. С. 79-83.

4. Россия на 7 месте по числу иностранных студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://dzen.ru/a/aLp7fGyOLXjPQG6q.

5. Иностранные студенты в России: куда и как можно поступить [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://vuzopedia.ru/articles/7766.

6. Россия вплотную приблизилась к развитым странам по количеству иностранных студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/09/03/1136111-rossiya-priblizilas-k-razvitim-stranam-po-kolichestvu-inostrannih-studentov.

7. Путин призвал привлекать иностранных студентов для обучения в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://ria.ru/20250124/putin-1995351851.html.

8. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. http://pravo.gov.ru.

9. Россия вплотную приблизилась к развитым странам по количеству иностранных студентов [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/09/03/1136111-rossiya-priblizilas-k-razvitim-stranam-po-kolichestvu-inostrannih-studentov.

10. ВУЗы для иностранных граждан в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: свободный. URL: https://koronapay.com/about/blog/vuzy-dlya-inostrannykh-grazhdan-v-rossii/.

11. Мягкова С.В., Международное сотрудничество привлечения мигрантов в Российскую Федерацию из стран дальнего зарубежья: новое порождение нелегальной миграции или перспективное развитие страны // Право, общество, государство: проблемы истории, теории и практики : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, 12 апреля 2024 г. (Московский областной филиал МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя) / под общ. ред. С. Г. Куликовой; сост. М. В. Конопляникова. – Старотеряево. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя (Московский областной филиал), 2024. С. 154-157.

Нефедов Б. И.[1]***,***
профессор кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ТРЕХ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДОВ НА НАЦИОНАЛЬНОМ, ТРАНСГРАНИЧНОМ И МЕЖДУНАРОДНОМ УРОВНЯХ

Одни и те же правовые явления, однозначно воспринимаемые на национальном уровне, на международном уровне часто приобретают совершенно необычные и даже не свойственным им характеристики.

Рассмотрим это на примере наиболее широко известных[2] и, казалось бы, по своему содержанию давно ставших незыблемыми аксиомами, такие принципы уголовной ответственности индивидов как:

- «*nullum crimen sine lege*» (нет преступления без указания на него в законе);
- «*non bis in idem»* (не дважды за одно и то же, т.е. нельзя дважды привлекать к уголовной ответственности за одно и то же преступление);
- «*nullum poena sine lege*» (нет наказания без закона, в соответствии с которым установление конкретно определенного наказания за преступление должно иметь место до его совершения)

Дело в том, что в условиях существования разных (втом числе по типу) правовых систем эти принципы неожиданно оказались довольно спорными постулатами.

Возьмем ***принцип nullum crimen sine lege*** («нет преступления без указания на него в законе»). В соответствии с ним преступлением считается лишь то деяние, которое на момент своего совершения уже было предусмотрено в качестве такового уголовным законом государства.

Приведем здесь несколько его формулировок из уголовного законодательства отдельных государств. Так, статья 18 УК Республики Армения по этому поводу закрепляет, что «под преступлением понимается виновно совершенное общественно опасное деяние, предусмотренное Уголовным кодексом Республики Армения» [1]. В соответствии со статьей 3 УК Китайской Народной Республики преступлением «является то, что названо как таковое в настоящем Кодексе, поэтому определение преступления и вынесение приговора осуществляются на основе настоящего Кодекса; если деяние не названо как

---

[1] © Нефедов Б. И., 2025.

[2] Также существуют такие принципы уголовной ответственности индивидов как равенство граждан перед уголовным законом, личная ответственность человека, совершившего преступление, соответствие наказания характеру и степени общественной опасности преступления и др.

преступление в настоящем Кодексе, то его нельзя определять как преступление и выносить приговор» [2]. Что касается Российской Федерации, то часть 1 статьи 3 ее Уголовного кодекса гласит: «Преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом» [3], а часть 1 ст. 14 УК РФ, определяя само понятие преступления недвусмысленно подчеркивает, что таковым «признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» [3].

Близкие по формулировкам определения содержатся в уголовном законодательстве и абсолютного большинства других государств. Отсюда следует вывод о том, что на национальном уровне в качестве преступления рассматривается исключительно деяние, предусмотренное в качестве такового государственным уголовным законом, и никакие другие правовые документы этого устанавливать не могут.

Однако, в международном праве сформировался совершенно иной подход к этому вопросу. Так, Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси 1945 года (далее – Устав Нюрнбергского трибунала) не только закрепил саму **способность** не только национального, но и **международного права самостоятельно** (и для всех государств) **признавать те или иные деяния в качестве преступных** (правда, применительно только к международным преступлениям), но и установил возможность привлечения к уголовной ответственности индивида «**независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет**»[1].

11 декабря 1946 года Генеральная Ассамблея ООН **единогласно** принимает Резолюцию «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала», тем самым возведя (в том числе указанные) положения Статута на уровень норм общего международного права, т. е. правил поведения, общеобязательных для всех государств [4].

В 1950 году Комиссия международного права ООН подготовила и представила Генеральной Ассамблеи «Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала», общепризнанно ставшие базовыми основами как современного международного уголовного права, так и международных уголовно-процессуального права и уголовно-исполнительного права. Мало того, именно они обеспечили основу для существования и деятельности в дальнейшем международных уголовных судов. Так вот, уже в первом Принципе было закреплено правило о том, что «всякое лицо, совершившее какое-либо действие, при-

[1] См. Устава Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси от 08.08.1945 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М.: Политиздат. 1955. № 11. С. 1663–1836. Ст. 6. Аналогична по своему содержанию и статья 5 Устава Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока, принятого в Токио от 19 янв. 1946 года.

знаваемое, **согласно международному праву**, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию» [5] (выделено нами – Б.Н.), а во втором – «то обстоятельство, что **по внутреннему праву не установлено наказания** за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, **не освобождает** лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву» [5] (выделено нами – Б.Н.).

Эти новые веяния не могли не найти своего отражения в последующих универсальных и региональных международно-правовых актах. В качестве соответствующих примеров приведем часть 1 статьи 15 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года: «Никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления вследствие какого-либо действия или упущения, которое, согласно действовавшему в момент его совершения внутригосударственному законодательству **или международному праву,** не являлось уголовным преступлением» [6]. В целом аналогичны формулировки части 1 статьи 7 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года [7], статьи 7 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года [8] и др.

Отсюда следует два основных вывода:

1. Ситуация с криминализацией деяний исключительно нормами национального уголовного права отдельных государств в значительной степени изменилась и потому распространенные внутригосударственные правовые формулировки типа «преступлением признается… деяние, запрещенное настоящим Уголовным Кодексом под угрозой наказания» давно перестали отражать реальное положение вещей. Мало того, они не отвечают обязательствам государств по международному праву.

2. Следует признать, что к уголовной ответственности могут быть привлечены лица, совершившие деяния, которые не указаны в качестве преступных в уголовном законе данной страны.

Теперь перейдем к рассмотрению еще одного принципа уголовной ответственности индивидов ***non bis in idem*** («не дважды за одно и то же»), который означает запрет осуществления уголовного преследования, осуждения и наказания лица за совершение преступления, за которое это лицо уже было осуждено или оправдано.

Закрепление и реализация этого принципа применительно к внутригосударственным отношениям не дает оснований для иного толкования, причем соответствующие установки даются не только в национальном уголовном законодательстве государств[1] и/или в их Основных законах (конституциях)[2], но и в международно-правовых документах. Так, пункт 1 статьи 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября

---

[1] См., например, часть 2 статьи 6 УК Российской Федерации.

[2] Например, в статье 39 Конституции Японии говорится, что «никто не может быть дважды привлечен к уголовной ответственности за одно и то же преступление». // Конституция Японии. URL:https://legalns.com/-download/books/cons/japan.pdf?ysc-lid=m8ldo-riis470182827 (дата обращения 03.08.2025). См. также часть 1 статьи 50 Конституции России и др.

1950 года прямо подчеркивает, что «никто не должен быть повторно судим или наказан в уголовном порядке в рамках юрисдикции одного и того же государства за преступление, за которое он уже был оправдан или осужден в соответствии с законом и уголовно-процессуальными нормами этого государства» [9]. Близкие формулировки содержатся в пункте 7 статьи 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах 1966 года [6], части 2 статьи 7 Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 года [7] и др.

В то же время следует признать, что уже **на трансграничном уровне этот принцип не действует.**

Комиссия международного права ООН по поводу довольно многочисленных повторных осуждений за одно и то же преступление в разных государствах констатировала: «С точки зрения теории данный принцип применим во внутреннем праве, но его осуществление в отношениях между государствами порождает проблему соблюдения одним государством окончательных судебных решений, вынесенных в другом государстве, поскольку международное право не обязывает государства признавать решение по уголовному делу, принятое в иностранном государстве» [10].

Такой подход находит свое закрепление и в уголовном законодательстве государств и соответствующей правоприменительной практике. Так, согласно статьи 10 Уголовного кодекса Китайской Народной Республики к лицам, «совершившим преступления за пределами Китайской Народной Республики и подлежащим уголовной ответственности, согласно положениям настоящего Кодекса, наказание может быть назначено в соответствии с положениями настоящего Кодекса, даже если эти лица привлекались к ответственности за границей» [2]. В качестве примера правоприменительной практики возьмем широко известный инцидент, связанный с захватом 19 августа 1990 года 11-ю заключенными во время их этапирования из Нерюнгри в Якутск советского авиалайнера Ту-154 и угоном его в Пакистан. Верховный суд этой страны приговорил их к смертной казни, но впоследствии смертный приговор был заменен угонщикам на пожизненное заключение, но в 1998 году они были амнистированы, а затем (граждане России, оставшиеся к тому времени в живых) были переданы Российской Федерации, где они вновь были преданы суду за совершение указанного преступления и приговорены к 15 годам лишения свободы, правда, уже с зачетом отбытого в Пакистане срока [11]. При этом действия как Пакистана, так и России, в силу легитимно существующей коллизии их национальных юрисдикций, были абсолютно правомерны.

Впрочем, возможно в этой части самоограничение государств, устанавливаемое национальным законом[1] и/или международными договорами,

[1] Так, согласно части 1 статьи 12 УК РФ «граждане Российской Федерации и постоянно проживающие в Российской Федерации лица без гражданства, совершившие вне пределов Российской Федерации преступление против интересов, охраняемых настоящим Кодексом, подлежат уголовной ответственности в соответствии с настоящим Кодексом, **если в отношении этих лиц по данному преступлению не имеется решения суда иностранного государства**» (выделено нами. – Б.Н.).

например, соглашениями о выдаче. Так, в статье 9 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года говорится: Так, в статье 9 Европейской конвенции о выдаче от 13 декабря 1957 года говорится: «Выдача не осуществляется, если компетентные органы запрашиваемой Стороны вынесли окончательное решение в отношении лица, требуемого в связи с преступлением или преступлениями, по поводу которых запрашивается выдача. В выдаче может быть отказано, если компетентные органы запрашиваемой Стороны вынесли решение не осуществлять или прекратить судебное преследование в отношении того же преступления или преступлений» [12].

Возможность повторного осуждения за одно и то же преступление также может прямо предусматриваться и уставными актами органов международного правосудия. Например, в силу статьи 20 Статута Международного уголовного суда (МУС) лицо, которое уже было осуждено другим судом за деяние, запрещенное нормами Статута МУС, может быть за те же самые преступления вновь судимо МУС при условии «когда разбирательство в другом суде:

a) предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда; или

b) по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно в соответствии с нормами надлежащей законной процедуры, признанными международным правом, и проводилось таким образом, что, в существующих обстоятельствах, не отвечало цели предать соответствующее лицо правосудию» [13].

Отсюда допустимо сформулировать следующие выводы:

- во-первых, принцип non bis in idem, устанавливающий запрет на двойное осуждение за одно и тоже преступление, в настоящее время имеет безусловный характер только в рамках национального уголовного права каждого отдельного государства;

- во-вторых, на уровне соотношения национальных правовых систем, в силу независимости этих правовых систем и в отдельных случаях объективно возникающей конкуренции уголовно-правовых норм разных государств, физические лица могут неоднократно привлекаться к уголовной ответственности за одно и то же преступление (если отсутствует самоограничение государства по данному вопросу);

- в-третьих, судебные органы международной уголовной юстиции, в случаях прямо оговоренных в их учредительных документах, также могут повторно привлекать к уголовной ответственности физических лиц за совершеные ими одних и тех же преступлений.

Третий принцип, взятый нами для исследования обычно в доктрине обозначается на латыни как ***nullum poena sine lege*** («нет наказания без закона»). В соответствии с ним уголовное наказание может быть назначено только в том случае, когда оно было четко определенно, в том числе, в части своих нижних и верхних пределов, правовыми нормами за данное преступление до его совершения.

В качестве примера нормативных национальных формулировок этого принципа в части применения уголовного наказания как такового приведем формулировку статьи 111-3 Уголовного кодекса Франции, которая предусматривает, что «никто не может быть подвергнут наказанию, которое не предусмотрено законом, если преступное деяние является преступлением или проступком» [14]. Что же касается вопросов правовой определенности в части установления вида и меры уголовного наказания за совершенное того или иного конкретного преступления, то на национальном уровне это требование неукоснительно соблюдается абсолютным большинством государств[1] и здесь достаточно посмотреть, например, любую статью Особенной части УК РФ.

Однако на международном уровне мы такого единодушия не увидим. Так, Уставы органов международного уголовного правосудия не всегда содержат положения о видах применяемых ими уголовных наказаний и/или отвечают требованию их конкретизации и определенности. Возьмем, к примеру, Устав Нюрнбергского трибунала, в статье 27 которого указано только то, что Трибунал «***имеет право приговорить виновного к смертной казни или другому наказанию, которое Трибунал признает справедливым***» [15]. По факту же Трибунал применил как смертную казнь, так и пожизненное заключение, а также тюремное заключение на срок 10, 15 и 20 лет[2].

Статья 24 Устава Международного трибунала по бывшей Югославии 1993 года в качестве меры наказания уже предусматривала единственно тюремное заключение, но со ссылкой на то, что «при определении сроков тюремного заключения Судебные камеры руководствуются общей практикой вынесения приговоров о тюремном заключении в судах бывшей Югославии» [16]. По сути аналогичны формулировки и статьи 23 Устава Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. [17], и статья 19 Устава Специального суда по Сьерра-Леоне 2000 года [18].

Не трудно заметить, что все указанные Уставы не устанавливают конкретных (как минимальных, так и максимальных) пределов наказания в виде тюремного заключения, а в лучшем случае отсылают правоприменителя к соответствующей практике национальных судебных органов или других международных трибуналов.

В то же время, в статье 77 Статута Международного уголовного суда 1998 года говорится, что за международные преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС этот международных Суд «вправе назначить одно из следующих наказаний: а) лишение свободы на определенный срок, исчисляемый в количестве лет, не превышающем максимального срока в 30 лет; б) пожизненное ли-

---

[1] Некоторое исключение составляют только отдельные исламские государства, где уголовное право в ряде случаев фактически допускается аналогия при применении уголовного наказания, устанавливается неодинаковая ответственности мусульман и не мусульман за одни и те же преступления и др.

[2] Сразу оговоримся, что это – не более, чем констатация факта и что мы не ставим под сомнение сформировавшуюся в мире единую и бескомпромиссную оценку всех государств на вынесенные Нюрнбергским и Токийским трибуналами приговоры в качестве законных и справедливых.

шение свободы за исключительно тяжкий характер преступления и с учетом индивидуальных обстоятельств лица, признанного виновным в его совершении;

Помимо лишения свободы, Суд вправе назначить: а) штраф; б) конфискацию доходов, имущества и активов, полученных прямо или косвенно в результате преступления, без ущерба для прав bona fide (добросовестных) третьих сторон» [13].

Имеют бесспорное значение для закрепления требований принципа nullum poena sine lege и положения Статута МУС, сформулированные в части 1 статьи 11 («Суд обладает юрисдикцией только в отношении преступлений, совершенных *после вступления в силу* настоящего Статута»), статье 23 («лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями настоящего Статута»). а также в части 2 статьи 24 («В случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным).

Отсюда следует вывод о том, что национальное уголовное законодательство абсолютного большинства государств и общее международное право стоят на позиции закрепления безусловного исполнения требований принципа nullum poena sine lege, но только в рамках национальных правовых и судебных систем. На уровне международной уголовной юстиции исполнение требований принципа nullum poena sine lege в ряде случаев оказалось в значительной степени ограничено отсутствием правовой определенности в части установления минимальных (нижних) и максимальных (верхних) пределов границ наказания, в рамках которых суд при вынесении приговора вправе был избрать его меру.

Таким образом:

Общим выводом по указанным трем принципам уголовной ответственности индивидов является то, что фактически в полной мере они признаются и реализуются лишь на уровне национальных правовых систем. На уровне международных (трансграничных и межгосударственных) отношений они не являются столь безоговорочными. В частности:

- уголовная ответственность может наступать и при отсутствии на момент совершения того или иного деяния его криминализации в уголовном законодательстве данного государства, поскольку может быть криминализовано общим международным правом;

- на трансграничном и международном уровнях физическое лицо может быть повторно привлечено к уголовной ответственности за совершение одного и того же преступления;

- применение уголовного наказания органами международного правосудия может иметь место несмотря на его недостаточную конкретизацию и определенность.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Республики Армения. Принят 18.04.2003 года. / Armenian legal information system. URL: https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=63312 (дата обращения: 23.09.2025).

2. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. Вступил в силу 1 октября 1997 года. / Бизнес в Китае. Информационно-аналитический портал. URL: https://asia-business.ru/-law/law1/criminalcode/criminal (дата обращения: 23.09.2025).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 года // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

4. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 года. № 95 (I) «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала» // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей на второй части первой сессии с 23 октября по 15 декабря 1946 года. ООН, Лейк Соквес и Нью-Йорк: ООН, 1947.

5. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала. / Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/docu-ments/decl_conv/conventions/principles.shtmlhttps://www.un.org/ru/docu-ments/decl_conv/conventions/principles.shtml (дата обращения: 23.09.2025).

6. Международный Пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.

7. Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26.05.1995 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 13. Ст. 1489.

8. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 18.05.1998 г. № 20, ст. 2143.

9. Протокол № 7 от 22 ноября 1984 года к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Guide_Art_4_Protocol_7_RUS (дата обращения 23.09.2025).

10. Ежегодник Комиссии международного права, 1996. Том II, ч. 2. С. 46.

11. Тополь С., Кутасов О., Гурылев С., Воронова Т. Русским террористам Колыма покажется раем // Газета «Коммерсантъ». 11.11.1998. URL: https://www.kommersant.ru/doc/208500 (дата обращения 25.09.2025).

12. Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 года // Собрание законодательства Российской Федерации от 05 июня 2000. № 23. Ст. 2348.

13. Римский статут Международного уголовного суда 1998 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/-decl_conv/conventions/pdf/rome_statute(r).pdf?ysclid=mai2ori4tt23897993 (дата обращения: 03.08.2025).

14. Уголовный кодекс Франции 1992 года (в ред. 02.04.2000 года). URL: https://yuriston-line.org/laws/fore-ign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения 25.06.2025).

15. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1955. № 11. 199 с.

16. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии от 25 мая 1993 г. Сайт ООН. URL: http://www.un.org/ru/-law/icty/charter.shtml (дата обращения: 02.08.2025).

17. Устав Международного трибунала по Руанде от 8 ноября 1994 г. URL: https://www.un.org/ru/law/ictr/charter.shtml?ysclid=mdon01gwdp543162474 (дата обращения: 02.08.2025).

18. Устав Специального суда по Сьерра-Леоне, учрежденный на основании Соглашения между Организацией Объединенных Наций и Правительством Сьерра-Леоне во исполнение резолюции 1315 (2000) Совета Безопасности от 14 августа 2000 года. Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/bylaws/charter_sierra.pdf?ysclid=mdon71m0sh47003155 (дата обращения: 02.08.2025).

Никонов П. В.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.*,*
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ КОМИТЕТА ООН ПРОТИВ ПЫТОК, СВЯЗАННОЙ С РАССМОТРЕНИЕМ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ СООБЩЕНИЙ

Запрет применения пыток является одной из фундаментальных норм международного права и считается абсолютным, однако полное искоренение этой практики все еще недостижимо. Представляется, что «несмотря на достижение значительного прогресса в области защиты прав человека, проблема пыток остается актуальной в современном мире» [1, с. 31]. Даже спустя десятилетия после принятия Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (далее – Конвенция), случаи насилия со стороны должностных лиц государственных органов власти продолжают фиксироваться во многих странах. Это свидетельствует о том, что существуют постоянные структурные проблемы, связанные с отсутствием эффективного контроля за правоохранительными органами, слабостью судебной системы и неэффективностью национальных средств правовой защиты.

Запрет пыток является одной из норм jus cogens, то есть тех, от которых государства не имеют права отходить ни при каких обстоятельствах. Система международных договорных органов ООН, предназначенная для контроля за выполнением своих обязательств государствами, играет особую роль в обеспечении соблюдения рассматриваемой нормы. Одним из таких органов является Комитет ООН против пыток (далее – Комитет), который имеет право рассматривать индивидуальные сообщения (жалобы) от лиц, утверждающих, что они стали жертвами нарушений Конвенции. Этот механизм, предусмотренный статьей 22 Конвенции, является важным инструментом для граждан, чтобы иметь возможность прибегать к международным средствам правовой защиты в тех случаях, когда национальные органы власти оказались неэффективными.

Важность деятельности Комитета заключается не только в рассмотрении конкретных жалоб, но и в формировании правовых подходов к толкованию и применению положений Конвенции. Оценивая деятельность межгосударствен-

[1] © Никонов П. В., 2025.

ных органов по правам человека, В.А. Коннов справедливо отмечает, что «все эти институты на протяжении многих лет не только разрабатывали предложения по совершенствованию международно-правовой базы, но рассматривали жалобы на нарушения прав человека, формировали свои позиции, вырабатывали решения...» [5, с. 146]. Хотя решения Комитета ООН против пыток не носят прямого принудительного характера, однако они имеют значительный авторитет в международной правовой практике, влияют на политику государств и служат источником разработки международных стандартов в области защиты прав человека.

В то же время на практике существует тенденция государств, официально признавших юрисдикцию Комитета, игнорировать его выводы, что снижает эффективность механизмов международного контроля. В частности, неоднократно наблюдаются случаи нарушений статей 2, 3, 12 и 16 Конвенции, касающихся предотвращения пыток, расследования жалоб и обеспечения надлежащих условий содержания под стражей.

Проведем анализ решений Комитета ООН против пыток, принятых по результатам рассмотрения отдельных индивидуальных сообщений, с целью определения характера типичных нарушений, выявления особенностей их квалификации международным договорным органом.

Одной из наиболее часто встречающихся категорий жалоб являются обращения, касающиеся бесчеловечных условий содержания под стражей. В деле Sergei Kirsanov v. Russian Federation (сообщение № 478/2011, решение от 14 мая 2014 г.) [2] заявитель указал, что его удерживали в изоляторе временного содержания более четырех месяцев при отсутствии надлежащих санитарных условий: отсутствовали постельные принадлежности и доступ к гигиене, питание предоставлялось один раз в день, а прогулки были запрещены. Комитет признал, что данные обстоятельства не достигали уровня «пытки» по смыслу статьи 1 Конвенции, но квалифицировал их как жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение по статье 16. Комитет установил нарушение обязательств Российской Федерации, связанных с обеспечением гуманного обращения с лицами, лишенными свободы.

Проанализируем также дело Agiza против Швеции (сообщение № 233/2003, решение от 20 мая 2005 г.) [3]. Египетский гражданин утверждал, что его депортация из Швеции нарушает статью 3 Конвенции, поскольку в Египте он рискует подвергнуться пыткам. Несмотря на предоставленные египетскими властями дипломатические гарантии, Комитет признал, что Швеция не провела достаточную проверку реального риска. Было отмечено, что наличие подобных гарантий не освобождает государство от обязанности тщательно оценивать индивидуальные обстоятельства дела. Этот случай стал важным ориентиром для международной практики: государства не могут ссылаться на формальные обещания третьих стран, если в них зафиксированы систематические случаи пыток.

Показательным также является дело Ben Salem против Туниса (сообщение № 269/2005) [4], связанное с применением физического насилия в ходе допро-

сов и длительным содержанием под стражей без доступа к адвокату. Комитет установил, что подобные действия нарушают статьи 2 и 15 Конвенции, поскольку полученные под давлением признательные показания были использованы в качестве доказательств. В решении особо отмечено: государство несет ответственность не только за сам факт пыток, но и за последующее использование информации, добытой незаконными методами.

Анализ рассмотренных дел позволяет выделить определенные закономерности. Во-первых, Комитет последовательно расширяет толкование статьи 3, включая в нее не только запрет пыток, но и запрет на возвращение лиц в страны, где существует реальная угроза их применения (non-refoulement). Во-вторых, решения Комитета подчеркивают, что права человека не могут быть гарантированы без надлежащих процедурных стандартов – справедливого судебного разбирательства, доступа к адвокату и независимого расследования жалоб. В-третьих, международная практика утверждает принцип недопустимости использования доказательств, полученных под пытками, как важнейшую гарантию справедливого судопроизводства. В целом, практика рассмотрения Комитетом индивидуальных сообщений демонстрирует переход от формального признания запрета пыток к его содержательному наполнению.

Анализ практики Комитета ООН против пыток показывает, что данный механизм играет важную роль в формировании современного понимания абсолютного характера запрета пыток и других форм жестокого обращения. Рассмотрение индивидуальных сообщений позволяет не только восстанавливать нарушенные права конкретных лиц, но и выявлять проблемы в правоприменении на национальном уровне.

Опыт различных государств свидетельствует о том, что наиболее частые нарушения связаны с неэффективной проверкой рисков при экстрадиции или депортации, формальным подходом к расследованию жалоб о применении насилия и использованием признаний, полученных под давлением. Комитет последовательно указывает, что подобные практики несовместимы с обязательствами государств по Конвенции, независимо от их правовых традиций, уровня развития судебной системы или внутренней политической ситуации.

Практика Комитета постепенно формирует единый международный стандарт. Проанализированные решения Комитета продемонстрировали, что государства не застрахованы от нарушений, если не обеспечен надлежащий контроль за деятельностью правоохранительных органов.

В более широком смысле деятельность Комитета способствует укреплению идеи международной ответственности государств за несоблюдение фундаментальных прав человека. Его решения не имеют прямой обязательной силы, однако оказывают значительное влияние на судебную практику, законодательство и административные процедуры во многих странах. Тем не менее государствам необходимо учитывать выводы Комитета.

Таким образом, практика Комитета ООН против пыток служит источником формирования универсальных подходов к защите личности от насилия и унижения, помогает развивать национальные правовые системы и способствует

укреплению международного правопорядка. Анализ решений Комитета имеет не только теоретическую, но и практическую ценность. Он позволяет понять, каким образом международные стандарты постепенно трансформируются в реальные механизмы защиты прав человека, а также выявить направления, по которым государствам предстоит совершенствовать внутренние процедуры и политику в сфере предупреждения пыток.

Список литературы

1. Соловьева, А. С. Особенности практики Комитета ООН против пыток по сообщениям (жалобам) в отношении Российской Федерации / А. С. Соловьева // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 7(206). – С. 31-33.

2. Решение Комитета ООН против пыток от 14 мая 2014 г. по делу Sergei Kirsanov v. Russian Federation. Сообщение №478/2011.CAT/C/52/D/478/2011 // База данных договорных органов. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FC%2F52%2FD%2F478%2F2011&Lang=ru.

3. Решение Комитета ООН против пыток от 07 ноября 2007 г. по делу Agiza против Швеции сообщение № 233/2003. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.refworld.org/jurisprudence/caselaw/cat/2005/en/36673.

4. Решение Комитета ООН против пыток от 07 ноября 2007 г. по делу Али Бен Салем против Туниса сообщение N 269/2005 //sudact.ru. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:https://sudact.ru/law/obzor-sudebnoi-praktiki-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii_29/praktika-mezhdunarodnykh-dogovornykh-organov/v-sfere-ugolovno-pravovykh-i-ugolovno-protsessualnykh/zapret-pytok/praktika-dogovornykh-organov-oon_8/komitet-protiv-pytok_2/?ysclid=mi34bzmpbj426489399.

5. Коннов, В. А. Проблемы функционирования межгосударственных органов по правам человека в условиях геополитических изменений / В. А. Коннов // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 6. – С. 145-148.

***Одиназода И. А.*[1],**
докторант кафедры
уголовного процесса
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОСТИ И ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ

Проблема процессуальной судьбы результатов оперативно-розыскной деятельности на протяжении последних десятилетий остается одной из наиболее дискуссионных в уголовно-процессуальной науке. Уже сама двойственная природа этих сведений – возникающих в сфере негласного оперативного поиска, но претендующих на включение в процессуальную систему доказывания – вызывает трудности теоретического осмысления. Вопрос заключается не только в том, каким образом результаты ОРД могут быть использованы в уголовном процессе, но и в том, какова должна быть их интерпретация, где проходят пределы допустимости толкования, и в какой момент оперативная информация может обрести доказательственное значение.

Разнообразие доктринальных подходов свидетельствует о сложности задачи. Одни исследователи акцентируют внимание на «интерпретации» как механизме понимания и смыслового упорядочивания оперативных сведений [9], другие – на «использовании» как единственной адекватной категории для описания их включения в процесс доказывания [2]. При этом очевидно, что сведение проблемы исключительно к лексическому различию было бы чрезмерным упрощением: за каждой концепцией стоит определенное представление о границах допустимости процессуальной оценки и о самом характере доказательственной системы.

Понятие интерпретации применительно к результатам оперативно-розыскной деятельности появилось в отечественной литературе как попытка описать ту грань, где негласная информация переходит в сферу процессуального познания. Само слово «интерпретация» акцентирует внимание на акте понимания и истолкования, то есть на смысловой обработке сведений, а не на их формальном закреплении. В этом заключается достоинство концепции: она позволяет показать, что результаты ОРД не являются статичными данными, они требуют осмысления, соотнесения с задачами расследования, проверки на внутреннюю согласованность.

Однако специфика уголовного процесса такова, что интерпретация не может быть самодовлеющей категорией. В отличие от правовой герменевтики, где интерпретация и есть конечный результат, в уголовном праве она лишь промежуточное звено между информацией и доказательством. Теоретический интерес заключается именно в том, чтобы определить пределы этой категории: где ин-

[1] © Одиназода И. А., 2025.

терпретация еще выполняет полезную функцию смыслового анализа, а где она начинает подменять собой процессуальное оформление и тем самым теряет адекватность.

В научной литературе отмечается, что интерпретация необходима прежде всего как средство «фильтрации» сведений: не все, что поступает из сферы ОРД, пригодно для доказывания [4]. При этом важен момент: интерпретация не придает сведению процессуального статуса, но помогает выявить, какие элементы информации могут обрести его при последующем использовании. Тем самым данная категория отражает одну из стадий познавательной работы следователя и суда, но не совпадает с понятием доказательства.

Вопрос о границах допустимости интерпретации результатов ОРД имеет не столько практический, сколько теоретико-методологический характер. Очевидно, что любое знание, поступающее из оперативной сферы, требует смыслового анализа: необходимо понять, каким образом сведения соотносятся с событиями, подлежащими доказыванию, насколько они непротиворечивы, какова их познавательная ценность. В этих пределах интерпретация оправдана и даже неизбежна. Она выступает в роли инструмента осмысления, который позволяет отличить релевантные сведения от случайных или незначимых.

Однако границы интерпретации становятся заметны в тот момент, когда ей приписывается большее значение, чем она способна выполнять в структуре уголовного процесса. Интерпретация не может заменить собой процессуальное оформление и не наделяет сведения свойством доказательства. Она ограничена рамками предварительного анализа и оценки, оставаясь на стадии подготовки к их включению в систему доказывания. Если в научном или практическом дискурсе она начинает рассматриваться как полноценный способ легализации информации, возникает риск смещения акцентов: толкование подменяет собой юридическую форму, а процессуальная достоверность уступает место субъективному пониманию.

Границы допустимости также проявляются в характере самой информации. Чем более вероятностный и фрагментарный характер носят результаты ОРД, тем выше риск того, что интерпретация будет носить произвольный характер. Именно поэтому интерпретация должна пониматься как средство отбора и упорядочивания сведений, но не как финальный этап их оценки. Теоретическая строгость требует признать: значение интерпретации ограничено моментом смыслового осмысления, и выход за эти пределы нарушает баланс между оперативным знанием и процессуальной истиной.

Связь между интерпретацией и доказательственным значением представляет собой одну из наиболее тонких проблем в научных дискуссиях [6; 7]. Интерпретация по своей природе ориентирована на выявление смысла и логической структуры информации: она позволяет оценить ее внутреннюю непротиворечивость, соотнести отдельные сведения с общей картиной расследуемого события, определить, какое место они могут занять в цепи доказывания. В этом заключается ее познавательная функция.

Однако процессуальная природа доказательства требует большего, чем смысловой анализ. Для того чтобы сведения превратились в доказательство, они должны обрести процессуальную форму, которая придает им юридическую силу. Именно здесь возникает разграничение: интерпретация необходима для того, чтобы установить ценность информации, но ее недостаточно для придания этой информации доказательственного статуса, поскольку «сведения, полученные оперативным путем, т. е. вне процессуальных условий и гарантий, не обладают той степенью достоверности, которую обеспечивает им уголовно-процессуальный закон» [10, с. 152].

Тем не менее интерпретация сохраняет значение в структуре оценки доказательственного материала. Она способствует пониманию степени достоверности сведений: позволяет выделить их вероятностный характер, выявить скрытые логические связи, определить возможность сопоставления с иными источниками. Благодаря этому интерпретация становится своего рода аналитическим фильтром, подготавливающим информацию к вхождению в доказательственную систему.

Границы такой оценки также имеют свои пределы. Интерпретация не способна устранить процессуальные дефекты оформления или восполнить отсутствие надлежащей фиксации. Она может показать, насколько сведения теоретически ценные и убедительные, но окончательное доказательственное значение они приобретают лишь тогда, когда включены в систему доказывания через процессуальное использование.

Если интерпретация отражает познавательный аспект работы с оперативно-розыскной информацией, то категория использования предлагает более точное объяснение ее процессуальной судьбы [1; 5]. Использование фиксирует момент перехода сведений в систему доказывания: именно тогда информация перестает быть лишь материалом для осмысления и превращается в элемент доказательственной базы. В этом смысле использование выступает как доктринальная конструкция, способная преодолеть неопределенность статуса результатов ОРД.

Теоретическое преимущество этой концепции заключается в ее соотнесенности с доказательственным правом. Использование показывает, что сведения обретают юридическое значение не сами по себе и не в силу субъективного понимания их смысла, а в результате включения в процессуальную деятельность. Тем самым устраняется риск произвольного толкования, который сопровождает концепцию интерпретации: субъективное уяснение заменяется объективным процессуальным актом [3; 8].

Тем не менее противопоставление интерпретации и использования не должно быть радикальным. Более продуктивным представляется их понимание как двух взаимосвязанных стадий: интерпретация обеспечивает смысловое осмысление и аналитический отбор сведений, использование придает этим сведениям доказательственное значение. Взаимодополнение этих категорий позволяет объяснить сложный путь, который проходит оперативная информация от момента ее получения до включения в доказательственную систему.

Такое теоретическое разграничение снимает искусственное противопоставление и придает исследованию большую целостность: интерпретация ограничена рамками предварительного анализа, использование завершает этот процесс, закрепляя сведения в качестве доказательств.

Таким образом, исследование границ допустимости и оценки доказательственного значения результатов ОРД показывает: интерпретация и использование не исключают друг друга, но занимают разные уровни теоретической модели. Интерпретация подготавливает сведения к юридическому обращению, использование завершает этот процесс, придавая им доказательственную ценность. В этом заключается перспектива дальнейшего развития научных подходов к проблеме: не в абсолютизации какой-либо одной концепции, а в их системном согласовании. Интерпретация в данном случае выполняет вспомогательную функцию: она позволяет отобрать и оценить сведения, выявить их познавательный потенциал, установить их непротиворечивость и соотнести с задачами расследования. Однако значение этой категории ограничено. Интерпретация не может наделять информацию юридической силой и не устраняет требований процессуальной формы. Концепция использования в большей степени отражает специфику доказательственного права. Она позволяет объяснить, каким образом результаты ОРД становятся элементами системы доказывания: только через процессуальное закрепление и включение в процесс установления истины по делу.

Список литературы

1. Богданов А. С. Порядок использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Конституционные основы российского государства: история и современность: сб. ст. Рязань: Рязанский филиал МУ МВД России им. В. Я. Кикотя, 2020. С. 177–184.

2. Галахов С. С., Барсова Ю. К. Проблемы уголовно-процессуального регулирования использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2020. № 3. С. 9–13.

3. Костенко А. Б. Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Юридическая наука. 2020. № 3. С. 111–115.

4. Ларин К. И., Чурилов С. Н. Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Образование и право. 2021. № 8. С. 260–264.

5. Мирасов Р. Р. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам (практико-правовой аспект) // Правоохранительная деятельность: теория и практика: материалы VI Всерос. науч.-практ. конф., Челябинск, 25 апр. 2022 г. Челябинск: Челябинский гос. ун-т, 2022. С. 210–215.

6. Мурузиди А. В. Проблема легализации и использования результатов оперативно-розыскной деятельности в расследовании преступлений // Актуальные

проблемы уголовного права, криминологии и криминалистики: сб. науч.-исслед. работ по итогам III Междунар. науч.-практ. конф., Краснодар, 29 нояб. 2021 г. Краснодар: Эпомен, 2021. С. 98–116.

7. Назаров М. В. Изменение существующей парадигмы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Российский юридический журнал. 2023. № 1(148). С. 127–139.

8. Наумова А. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 13 нояб. 2020 г. / отв. ред. Н. С. Диденко. Ростов-н/Д: Ростовский юридический институт МВД России, 2021. С. 113–117.

9. Поляков М. П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дисс. … д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 442 с.

10. Семенцов В. А. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном доказывании // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 2. № 1(1). С. 151–157.

Пасынков В. А.[1]***,***
слушатель факультета подготовки
сотрудников полиции
для подразделений по охране
общественного порядка
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ЗАЩИТА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В ЭПОХУ ТОТАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Современная эпоха цифровизации ознаменовала фундаментальные преобразования во всех сферах общественной жизни. Цифровые технологии стали неотъемлемым элементом функционирования общества и государства. Однако, наряду с очевидными преимуществами, цифровая трансформация порождает новые вызовы для реализации и защиты прав человека, в частности, права на неприкосновенность частной жизни.

В условиях всеобъемлющего распространения технологий обработки данных, искусственного интеллекта и алгоритмических систем слежения вопрос о границах допустимого вмешательства государства в сферу частной жизни приобретает особую остроту и актуальность. Цифровая среда изменила само понимание приватности, сделав личную информацию объектом правовой охраны. Представляется, что широкое использование информационных технологий, в том числе и искусственного интеллекта, «сопровождается правовыми и этическими проблемами, что вызывает оправданную обеспокоенность у международных организаций, государств и правозащитников» [1, с. 202]

В этой связи появляется объективная необходимость научного анализа и осмысления актуальных аспектов современного мироустройства, являющихся причинами нарушения права на неприкосновенность частной жизни, а также новых измерений, которые приобретает исследуемое право в своей современной трактовке.

Право на неприкосновенность частной жизни является одним из фундаментальных прав человека, закрепленных в универсальных и региональных международно-правовых актах. Оно закреплено в ст. 12 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [2], ст. 17 Международного пакта о гражданских и политиче-

[1] © Пасынков В. А., 2025.

ских правах 1966 г. [3], ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и других международных договорах. В данных нормах закрепляется идея о запрете произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, жилище и корреспонденцию, а также о необходимости государственной защиты от таких вмешательств. Исследуемое право занимает одно из центральных мест в системе международных стандартов прав человека, выступая гарантом автономии личности и основой уважения к человеческому достоинству.

Однако в цифровую эпоху эти традиционные формулы приобретают новые смысловые оттенки, поскольку личная жизнь человека во многом перемещается в виртуальное пространство, где классические механизмы защиты оказываются недостаточно эффективными. Если в середине XX века под вмешательством в частную жизнь понимались, прежде всего, обыски, прослушивания и контроль корреспонденции, то сегодня на первый план выходят электронное наблюдение, сбор и обработка персональных данных. Современные технологии позволяют формировать подробные «цифровые портреты» личности, зачастую без ее ведома и согласия. Это создает угрозу превращения человека в объект постоянного наблюдения и анализа, что несовместимо с самим духом права на неприкосновенность частной жизни.

Представляется, что право на неприкосновенность частной жизни нельзя рассматривать как статичную категорию. Оно является динамическим правом, содержание которого эволюционирует под влиянием социальных, технологических и культурных изменений. Основная его идея – защита личности от произвольного вмешательства и обеспечение уважения к ее внутреннему миру – остается неизменной, но формы реализации этого права трансформируются.

Современные технологии создают возможности для массового сбора, анализа и хранения персональных данных в беспрецедентных масштабах. Практика показывает, что цифровые платформы, социальные сети, поисковые системы и мобильные приложения аккумулируют огромные массивы информации о пользователях – их местоположении, привычках, интересах, политических предпочтениях и даже эмоциональных реакциях. Эти данные нередко становятся предметом коммерческой эксплуатации, что порождает угрозу утраты контроля индивидом над собственной информацией. Таким образом, в современном контексте исследуемое право включает такие элементы, как защита персональных данных, право на информационную самоопределенность, сохранение цифровой идентичности, а также возможность контроля над использованием своих данных в сети.

Особенную обеспокоенность в контексте рассматриваемого права вызывает участие государства в процессах цифрового наблюдения за гражданами. Современные государства все активнее используют технологии видеонаблюдения, распознавания лиц, анализа больших данных и перехвата коммуникаций под предлогом обеспечения национальной безопасности, борьбы с преступностью или терроризмом. Однако подобные методы нередко оказываются чрезмерными и не соответствующими принципу соразмерности, в связи с чем неизбежно

возникает вопрос о границах допустимого вмешательства в частную жизнь человека.

Представляется, что даже в условиях повышенных требований безопасности и борьбы с преступностью государства обязаны соблюдать баланс между общественными интересами и правами человека. Цифровизация не отменяет действия международных стандартов, но требует их переосмысления. Современное право на неприкосновенность частной жизни понимается как право человека контролировать собственную информацию, а также как обязанность государства обеспечивать эффективные правовые и институциональные механизмы защиты от цифрового произвола.

Подводя итоги, подчеркнем, что в условиях стремительного развития цифровых технологий право на неприкосновенность частной жизни перестает быть лишь гарантией индивидуальной автономии – оно становится фундаментом доверия между человеком, государством и цифровой средой. Цифровизация не устраняет потребность в приватности, но радикально меняет ее формы и содержание. Должная реализация рассматриваемого права зависит от баланса между открытостью общества и свободой индивида, между безопасностью и приватностью, между интересами государства и правами человека. От эффективности правовой защиты исследуемого права зависит не только сохранение личной свободы, но и устойчивость демократических институтов, основанных на уважении к человеческому достоинству.

Перспективы защиты права на неприкосновенность частной жизни связаны с дальнейшим укреплением международных стандартов в области обработки персональных данных. Только при сочетании правовых гарантий, технологических инноваций и ответственности участников цифрового пространства возможно обеспечить реализацию этого права в полном объеме. В конечном счете, защита приватности в эпоху цифровизации – это не просто правовая задача, но и цивилизационный вызов, от решения которого зависит, останется ли человек центральной ценностью в мире, управляемом данными и алгоритмами.

Список литературы

1. Соловьева, А. С. Практика региональных международных судебных органов по вопросам влияния искусственного интеллекта на реализацию прав человека / А. С. Соловьева // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 23 октября 2024 года. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – С. 202-206.

2. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml

3. Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

***Перегудова А. П.*[1],**
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ронин В. С.,
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМОВ МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В настоящее время по оценкам Международной организации труда (далее – МОТ) число трудовых мигрантов составляет более 168 млн. человек, что в общей структуре международной миграции от суммарного числа иных категорий мигрантов составляет свыше 59% [1]. «Мы поняли, что миграция является одной из определяющих черт нашего глобализованного мира, что она соединяет общества как внутри регионов, так и между ними, вследствие чего все наши страны становятся одновременно странами происхождения, транзита и назначения» – именно так формулирует общее понимание места миграции в современных реалиях Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. [2, с. 3] Неслучайно отдельный акцент делается на характеристике современного миропорядка как «глобализованного»: процессы, происходящие в казалось бы в удаленных друг от друга частях планета, порой оказывают колоссальное влияние на состояние других регионов мира. Особенно данный фактор приобретает ключевое значение с учетом тенденций развития сектора информационно-телекоммуникационных технологий, который, при соблюдении ряда условий, фактически стирает физические границы стран в классическом понимании их смысла. В этой связи также целесообразно упомянуть Резолюцию Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций A/HRC/32/L.20 [3, с. 2], отмечающую синергетику таких процессов, как расширение ИКТ и глобальной «подключенности» человечества к общемировой сети с формированием принципиально нового типа общества. В таких условиях закономерно появление различных новаций, среди которых, в контексте международно-правового регулирования трудовой миграции, особенно актуальными видятся вопросы дистанционной (удаленной) работы, а также, так называемой, «цифровой миграции».

---

[1] © Перегудова А. П., 2025.

В широком понимании под дистанционной работой понимается любой вид трудовой деятельности, осуществляемый вне места нахождения работодателя. Немалую долю в развитии данной формы осуществления трудовой функции сыграла пандемия COVID-19, которая продемонстрировала, что физическое местоположение работника в отдельных секторах экономики не имеет влияния на его трудоспособность и качество выполняемой работы, в связи с чем дистанционная форма работы – один из ответов на современные вызовы времени. Вместе с этим удаленная работа получила определенное распространение как один из вариантов трудоустройства трудящихся-мигрантов, когда иностранный гражданин, не покидая страну своего происхождения, выполняют трудовую функцию вне пределов страны-происхождения посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий. Однако важно отметить, что в настоящее время понятие «цифровой миграции» является по большей части собирательной теоретической концепцией, воплощение которой на практическом уровне ограничивается единичными случаями.

В этом контексте, в первую очередь, видится целесообразным упоминание опыта Европейского Союза в области регулирования дистанционного труда. В частности, под эгидой Конференции европейских профсоюзов (ETUC), в 2002 г. было принято *Рамочное соглашение о телеработе* (прим. под телеработой понимается форма организации работы, при которая трудовая функция, осуществляемая на основании трудового договора посредством использования ИКТ, реализовывается как на непосредственном рабочем месте, так и вне его пределов). Его фундаментальной идеей является следующее положение: *«Если Европа хочет извлечь максимальную пользу из информационного общества, она должна поощрять эту новую [дистанционную] форму организации труда таким образом, чтобы сочетались гибкость и безопасность, качество рабочих мест повышалось, а шансы людей с ограниченными возможностями на рынке труда увеличивались»*. Данный документ пусть и носит характер рекомендации, но, несмотря на это, заложил основы для последующих регулятивных инициатив в данной области. Так, спустя пять лет был подготовлен отчет о проделанной странами-участницами Евросоюза работе (Экспертный отчет об имплементации норм Рамочного соглашения о телеработе 2008 г.) [4, с. 61]. В настоящее время 27 стран включили в том или ином виде положения Соглашения, а именно в качестве:

– совместных руководящих принципов, рекомендаций, типовых соглашений;

– автономного национального соглашения;

– отдельных руководящих принципов, типовых соглашений, разработанных одним из социальных партнеров (социальный партнер – понятие, используемое для обозначения института уполномоченных представителей профсоюзных организаций и трудовых коллективов, задействованных в разработке социального и трудового законодательства, а также иных сферах, предусмотренных ст. ст. 154, 155 Договора о функционировании Европейского союза);

– коллективных соглашений (отраслевых нормах компаний, учреждений, соглашений о персонале или производствах);

– национального соглашение, получившего статус закона;

– закона, которому предшествовали совместные консультации;

– специального законодательства, не основанного на консультациях или соглашении.

В отчете отмечается, что наибольшую ценность представляют те формы реализации положений Соглашения, где происходили предварительные консультации с социальными партнерами и профсоюзами, поскольку в таких случаях «оно лучше отражает букву и дух Европейского Рамочного соглашения и может привести к более строгому соблюдению [5, с. 32]. Из заключительных положений Отчета следует, что неоднородный характер имплементации норм Соглашения – важный маркер, свидетельствующий о сложностях, с которыми сталкиваются государства при реализации такого рода документов. Европейская модель регулирования дистанционного труда представляет собой инкорпорирование принципов и идей, которые впоследствии реализовываются в конкретном виде непосредственными участниками Соглашения. В связи с этим, видится целесообразным использования опыта ЕС, а именно выработка принципиальных положений совместно с профсоюзами или иными представительскими организациями, в первую очередь, на региональном уровне в виду большей схожести их правовых систем друг с другом в целях уменьшения числа возможных коллизий.

Помимо прочего, необходимо затронуть также неоднородность субъектов, курирующих данное направление. Например, в Республике Хорватия специализированные визы («визы цифровых кочевников») выдает Министерство внутренних дел, в Греческой Республике – Министерство иностранных дел, в Исландии – Управление по иммиграции. Частично межведомственное сотрудничество осложняется тем, что за данное направление отвечают разные государственные структуры. В частности, в Малайзии вопросами цифровой миграции занимается Управление по инвестициям и развитию, которое не относится ни к МИД, ни к МВД, традиционно задействованных в направлении разрешительно-визовой работы, что существенно отличается от традиционной практики большинства стран и осложняет коммуникацию по данному вопросу.

Для решения вышеописанных в настоящей статье проблем предлагается создание нескольких документов, направленных на устранение существующих пробелов.

Универсальный уровень. В частности, предлагается создание и последующее принятие Международной конвенции о правовом статусе цифровых трудящихся-мигрантов. В первую очередь такой документ будет закреплять понятие и его определение: «цифровой-трудящийся мигрант – лицо, осуществляющее трудовую деятельность вне пределов государства своего происхождения посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий, при этом не пересекая физической границы и не находясь на территории государства, где им осуществляется трудовая

деятельность». Помимо прочего, Конвенция должна подчеркивать, что цифровая трудовая миграция – одна из форм трудовой миграции, в связи с чем ее субъектам должны гарантироваться те же самые права, что и традиционным категориям трудящихся-мигрантов, указанных в Международной конвенции о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Также стоит отметить, что данная Конвенция будет применяться только в тех случаях, когда место нахождения сотрудника и его гражданство не тождественно стране работодателя. Помимо вышеописанного, объектом охраны трудовых и иных прав по настоящей Конвенции не являются лица свободной профессии и фрилансеры, поскольку их деятельность по своей специфике больше характерна для правоотношений в рамках договора подряда, что не регулируется данным документом. Дополнительно стоит отметить, что ввиду сильного пересечения налогового, трудового, гражданского и иных отраслей национального права разных государств, Конвенция должна содержать положения, которые бы позволяли странам регулировать отдельные вопросы обеспечения своего внутреннего законодательства в области обеспечения и охраны прав цифровых трудящихся-мигрантов посредством двусторонних договоров и региональных соглашений. Отмечается, что такие договоры не могут противоречить универсальным конвенциям в области охраны прав мигрантов, а также посягать на их фундаментальные права и свободы, либо использоваться для их ущемления или умаления.

Региональный уровень. Как уже отмечалось ранее, большая часть правовых коллизий в регулировании обеспечения и охраны трудовых прав цифровых-трудящихся мигрантов связана с пересечением различных отраслей национального права друг с другом. В таком случае сложившиеся противоречия могут быть разрешены подписанием между государствами Соглашения об обеспечении социальных, трудовых и иных гарантий цифровым-трудящимся мигрантам. Также видится целесообразным заключение не только двусторонних соглашений, но и соглашений в рамках союзов. Например, граждане стран-участниц ЕАЭС имеют право на трудоустройство на территории Российской Федерации без патента. Данное положение можно отдельно прописать в соглашении и распространить на другие государства, в результате чего устранится существующий правовой пробел, а сами цифровые трудящиеся-мигранты таких стран смогут работать на территории всего блока ЕАЭС без аналогичных разрешений.

Такого рода соглашения должны урегулировать спорные вопросы налогообложения и налоговых отчислений, а также некоторые нюансы медицинского, социального страхования и прочее. Такие двусторонние договоренности позволят стандартизировать заключение трудовых договоров с цифровыми-трудящимися мигрантами, что в свою очередь сделает процедуру заключения трудового договора, а также обеспечение и реализацию их охраны труда для работодателя более прозрачной и понятной процедурой, что позволит расширить практику найма таких сотрудников и частично прокрыть дефицит кадров в некоторых отраслях экономики.

В свою очередь, учитывая опыт стран Европейского Союза по имплементации положений Рамочного соглашения о телеработе 2002 г., видится целесообразным создание рабочих консультативных групп с представителями как самих цифровых-трудящихся мигрантов, так и работодателей, имеющих опыт привлечения такого контингента на работу, в целях повышения качества правового регулирования, а также лучшего понимания спорных моментов и неочевидных проблем, которые имеет данная форма организации труда.

Применительно к Министерству внутренних дел Российской Федерации, стоит отметить его особую роль в разработке правового регулирования деятельности цифровых-трудящихся мигрантов. В частности, Службой по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД России (далее – Миграционная служба) осуществляет функции головного подразделения Министерства в сфере миграции, а одна из его основных задач - организация и участие в формировании основных направлений государственной политики в сфере миграции. Помимо этого, Россия является участницей Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г., который обращает особое внимание на то, что «проблемы и возможности, связанные с международной миграцией, [должны] объединять, а не разделять нас», а ее правовая регламентация - формировать и «обеспечивать возможность ее использования на благо всех». Помимо этого, Договор декларирует в качестве одной из своих целей стимулирование использования людьми именно легальных каналов миграции посредством упрощения доступа к ним со стороны органов государственной власти, а также повышения их гибкости. В рамках реализации этой цели Договор указывает на необходимость разработки и заключения двусторонних и многосторонних соглашений, направленных на повышение трудовой мобильности населения, снимающий по возможности административные барьеры для перемещения лиц, желающих заниматься трудовой деятельностью между государствами-участниками соглашений. Миграционная служба как главный субъект в области регулирования миграционной политики, во исполнении положений Договора может выступить в качестве инициативной стороны по созданию регионального Рамочного Соглашения стран ЕАЭС по регулированию прав и свобод цифровых-трудящихся мигрантов, а в преддверие его разработки – организатором национальной консультативной группы по аналогии с моделью государств-участниц ЕС.

Таким образом, резюмируя все вышеописанное, стоит сделать вывод, что регламентация явления цифровых трудящихся-мигрантов, а также реализации и охраны их трудовых прав нуждается в многоуровневом правовом регулировании. Данная сфера общественных отношений испытывает дефицит в руководящих документах международно-правового характера на универсальном и региональном уровнях. В частности, настоящее исследование указывает на необходимость разработать Международную конвенцию о правовом статусе цифровых трудящихся-мигрантов, которая бы устанавливала понятие «цифровой трудящийся-мигрант», а также бы признавала цифровую миграцию в качестве одной из форм миграции, в результате чего права и свободы, гарантируе-

мые общепринятым категориям мигрантов, гарантировались бы и цифровым трудящимся-мигрантам.

В свою очередь на региональном уровне предлагается внедрение практики принятия отдельных региональных соглашений для блоков по типу ЕАЭС, ЕС и прочее, а также подписание двусторонних соглашений между государствами. В совокупности такая практика должна, во-первых, установить общие стандарты в вопросе реализации и охраны трудовых, социальных и иных прав цифровых трудящихся-мигрантов, во-вторых, позволить государствам самостоятельно урегулировать вопросы, порождающие правовые коллизии из-за пересечения национального права двух стран, в-третьих, расширить границы взаимодействия государств с области миграции в ключевых и быстроразвивающихся отраслях экономики.

Список литературы

1. International migrants are vital force in the global labour market [Электронный ресурс] // Международная организация труда: официальный сайт. URL: https://www.ilo.org/resource/news/international-migrants-are-vital-force-global-labour-market.

2. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://docs.un.org/ru/A/CONF.231/3.

3. Резолюция о поощрении, защите и осуществлении прав человека в Интернете. A/HRC/32/L.20 [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. URL: https://docs.un.org/ru/A/HRC/32/L.20.

4. Visser, J., & Ramos Martin, N. (2008). Expert report on the implementation of the social partner's Framework Agreement on Telework. Amsterdam Institute of Advanced Labour Studies, University of Amsterdam. URL: http://www.uvaaias.net/uploaded_files/regular/Telework_Report_Final.pdf.

5. Лютов Никита Леонидович Дистанционный труд: опыт Европейского Союза и проблемы правового регулирования в России // Lex Russica. 2018. №10 (143). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnyy-trud-opyt-evropeyskogo-soyuza-i-problemy-pravovogo-regulirovaniya-v-rossii.

6. Международное миграционное право / И. П. Сайфуллина, А. Х. Абашидзе, М. М. Алексеева [и др.]. – Москва : Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2024. – 228 с.

***Петров А. А.*[1],**
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Мжельская Г. М.*,**
старший преподаватель кафедры
иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

КОРОЛЕВСТВО НИДЕРЛАНДОВ КАК МИРОВОЙ ЛИДЕР В КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ

Королевство Нидерландов последовательно укрепляет свой статус одного из ключевых центров кибербезопасности в Европе. Этот рост обеспечивается тысячами компаний, разрабатывающих соответствующие технологии, и поддерживающей законодательной базой. По прогнозам, объем рынка кибербезопасности в Нидерландах достигнет 3,09 миллиарда долларов США в 2026 году, демонстрируя значительный потенциал для развития. Такой прогресс становится особенно актуальным в условиях увеличения частоты и сложности кибератак, что вынуждает бизнес и государственные структуры уделять повышенное внимание защите цифровых активов.

Одним из знаковых законодательных достижений, иллюстрирующих проактивный подход страны, стало закрепление права на удаленную работу. Нижняя палата парламента Нидерландов приняла закон, делающий работу из дома правом сотрудника, что перекладывает бремя обоснования отказа на работодателей. После одобрения Сенатом этот законодательный акт позволил Нидерландам стать одной из первых стран, интегрировавших подобную гибкость в национальное трудовое законодательство, что является прямой адаптацией к современным цифровым реалиям и требует соответствующих мер безопасности для распределенной IT-инфраструктуры.

Правительство Нидерландов осознает, что в условиях высокой цифровизации безопасность цифровых процессов неразрывно связана с национальной безопасностью. В 2022 году Национальный координатор по борьбе с терроризмом и обеспечению безопасности (NCTV) представил отчет «Оценка по кибербезопасности», в котором подчеркивается, что цифровая угроза для страны остается чрезвычайно высокой и постоянно меняется. Этот документ стал основой для выработки стратегических мер, направленных на снижение дисбаланса между цифровыми угрозами и устойчивостью к ним.

В 2023 году была опубликована Международная киберстратегия Нидерландов на 2023-2028 годы, оформившая стремление страны к созданию открытого,

[1] © Петров А. А., 2025.

свободного и безопасного киберпространства. Стратегия фокусируется на построении коллективных возможностей для ответа на крупные кибератаки и на работе с международными партнерами для обеспечения стабильности в киберпространстве.

Институциональная архитектура кибербезопасности в Нидерландах проходит этап трансформации, направленной на повышение эффективности. В рамках Национальной стратегии кибербезопасности (NLCS) ведется работа по объединению трех ключевых структур: Национального центра кибербезопасности (NCSC), Центра цифрового доверия (DTC) и команды реагирования на компьютерные инциденты (CSIRT-DSP). Создание единой организации призвано обеспечить оперативное информирование всех государственных и частных структур о цифровых угрозах и способах их предотвращения. Параллельно страна готовится к полноценной имплементации обновленной европейской Директивы о сетевой и информационной безопасности (NIS2) в национальное законодательство, что ужесточит требования к киберустойчивости компаний из критически важных секторов экономики. Нидерланды сталкиваются с серьезными вызовами в лице государственно-спонсируемых кибератак. Согласно отчету, NCTV за 2024 год, недружественные государства активно используют хакерские группы для проведения атак, одновременно наращивая возможности в сфере цифрового шпионажа и саботажа. Зачастую кибератаки являются элементом более масштабных гибридных кампаний, включающих дезинформацию и иные инструменты влияния. Разведслужбы страны фиксируют угрозы как со стороны России, так и со стороны Китая, который проявляет особый интерес к нидерландской высокотехнологичной промышленности, в частности, к сектору производства полупроводников.

Помимо целенаправленных атак, значительную озабоченность вызывают масштабные сбои, способные парализовать критически важную инфраструктуру. Ярким примером стал инцидент с компанией CrowdStrike в июле 2024 года, когда из-за технического сбоя более 8,5 миллионов компьютеров по всему миру перестали загружаться. Этот случай наглядно продемонстрировал уязвимость глобальных сетей и потенциальную возможность остановки общественного транспорта, авиаперевозок и медицинских услуг. Подобные риски требуют не только стандартных мер защиты, но и комплексного подхода к управлению рисками, выходящего за рамки традиционных протоколов.

Ответ Нидерландов на эти вызовы включает не только оперативное реагирование на инциденты, но и активную профилактику. В стране регулярно проводятся масштабные учения, такие как ISIDOOR IV, которые помогают отработать скоординированные действия в условиях кризисных ситуаций. Эти учения объединяют усилия государственных органов, частного сектора и научного сообщества, что способствует выработке единых и эффективных процедур противодействия киберугрозам.

Ответ Нидерландов на современные кибервызовы включает не только реагирование на инциденты, но и стратегическое развитие собственного технологического потенциала. Растущее использование таких технологий, как искус-

ственный интеллект, облачные вычисления и Интернет вещей (IoT), создает новые возможности и требует инновационных решений для снижения рисков. Глобальный рынок кибербезопасности демонстрирует устойчивый рост: в 2024 году его объем оценивался в 248,65 миллиарда долларов, а к 2029 году ожидается увеличение до 427,96 миллиарда при среднегодовом темпе роста (CAGR) в 11,8%.

В этом контексте одним из наиболее значимых трендов является растущий спрос на облачную безопасность. Внедрение облачных вычислений среди предприятий в Нидерландах почти удвоилось за последние пять лет – с 35% в 2016 году до 65% в 2021 году, что ставит страну в один ряд с лидерами ЕС в этой области. Такой стремительный переход к облачным технологиям стимулирует развитие соответствующих решений безопасности, включая Cloud Access Security Brokers (CASB), Cloud Security Posture Management (CSPM) и Secure Web Gateways (SWG).

Национальный центр кибербезопасности страны (NCSC) отмечает прогресс в виде роста использования компаниями многофакторной аутентификации и вывода из эксплуатации небезопасных технологий, что улучшает возможности по обнаружению угроз и реагированию на них. Крупнейшие мировые и местные участники рынка, такие как Palo Alto Networks, CrowdStrike и EclecticIQ B.V., активно предлагают решения, адаптированные под потребности голландского рынка, способствуя тем самым укреплению его киберустойчивости.

Правительство также инициирует целевые программы финансирования. Например, в феврале 2024 года Агентство предпринимательства Нидерландов предложило финансирование голландским компаниям и исследовательским организациям, работающим над проектами в области кибербезопасности, где бизнес-проекты могут получить до 200 000 евро для повышения своей киберустойчивости. Подобные инициативы стимулируют развитие инновационных решений и помогают стартапам выйти на рынок.

Значительные инвестиции в кибербезопасность поступают и на общеевропейском уровне. В рамках программы Digital Europe Programme на период 2021-2027 годов планируется инвестировать 1,9 миллиарда евро в развитие киберспособностей и широкое развертывание инфраструктуры кибербезопасности по всему Европейскому союзу. Нидерланды как одна из наиболее цифровизированных стран ЕУ активно участвуют в реализации этих программ и используют предоставляемые ресурсы для укрепления национального и общеевропейского киберпространства.

Одной из ключевых проблем, стоящих перед Нидерландами в области кибербезопасности, остается дефицит квалифицированных специалистов. Согласно отчету NCTV, нехватка кадров и ресурсов в области кибербезопасности продолжает оставаться серьезным вызовом, усугубляющим уязвимость перед киберугрозами. Этот дефицит наблюдается во всех секторах экономики и является одним из факторов, способствующих росту числа успешных кибератак.

Для решения этой проблемы на национальном и общеевропейском уровне реализуется комплекс мероприятий. Европейская комиссия запустила Академию навыков кибербезопасности (Cybersecurity Skills Academy), которая объ-

единяет государственные и частные инициативы по ликвидации кадрового разрыва. Академия призвана стимулировать развитие образовательных программ и повышение осведомленности о карьерных возможностях в сфере кибербезопасности.

В Нидерландах особый акцент делается на практическую подготовку специалистов через организацию хакатонов, киберучений и специализированных курсов. Такие мероприятия не только способствуют повышению квалификации уже работающих профессионалов, но и привлекают в отрасль молодежь. Эти инициативы, связаны с растущими инвестициями в исследования и разработки, постепенно формируют устойчивый кадровый потенциал, необходимый для противодействия современным киберугрозам.

Нидерланды демонстрируют активную позицию в области международного киберсотрудничества, рассматривая его как необходимое условие обеспечения безопасности в глобальном цифровом пространстве. В Гааге базируется Global Forum for Cyber Expertise (GFCE), что укрепляет позиции города как международного центра компетенций в области кибербезопасности. Участие страны в инициативах NATO и Европейского союза позволяет ей влиять на формирование международных стандартов и норм поведения в киберпространстве.

На уровне ЕС Нидерланды активно участвуют в реализации таких ключевых инициатив, как Cyber Solidarity Act, вступивший в силу в феврале 2025 года. Этот документ направлен на повышение готовности, обнаружения и реагирования на киберинциденты через Европейский союз. Кроме того, страна готовится к применению Регламента о киберустойчивости (Cyber Resilience Act), который устанавливает единые стандарты безопасности для продуктов с важными элементами на протяжении всего их жизненного цикла.

Несмотря на значительные успехи, будущее лидерство Нидерландов в сфере кибербезопасности будет зависеть от способности сохранять динамизм и инновационность в условиях быстро эволюционирующей угрозы. Основными вызовами остаются растущая изощренность государственно-спонсируемых атак, уязвимости цепочек поставок и необходимость постоянной адаптации нормативной базы к технологическим изменениям. Однако проактивная позиция правительства, инвестиции в облачные технологии и искусственный интеллект, а также акцент на государственно-частном партнерстве позволяют стране не только эффективно противостоять текущим угрозам, но и активно формировать будущие стандарты цифровой безопасности в Европе и мире.

Таким образом, Королевство Нидерланды демонстрирует многогранный и адаптивный подход к укреплению своих позиций в глобальной архитектуре кибербезопасности. Стратегические законодательные реформы, активная поддержка государством исследований и разработок, а также формирование благоприятной среды для частных инвестиций создают устойчивую экосистему. Хотя такие вызовы, как эскалация гибридных угроз и дефицит квалифицированных специалистов, сохраняются, комплексный подход Нидерландов позволяет им не только укреплять собственную цифровую устойчивость, но и вносить суще-

ственный вклад в обеспечение безопасности европейского и глобального киберпространства.

Список литературы

1. Comparitech. (2025). Netherlands Cybersecurity Statistics: Updated in 2025. Comparitech. – URL: https://www.comparitech.com/blog/information-security/netherlands-cybersecurity-statistics/.

2. Statista. (2025). Cybersecurity - Netherlands. Statista Market Forecast. – URL: https://www.statista.com/outlook/tmo/cybersecurity/niederlande.

3. Baker McKenzie. (2024, December). Key Data & Cybersecurity Laws | the Netherlands. Resource Hub. – URL: https://resourcehub.bakermckenzie.com/en/resources/global-data-and-cyber-handbook/emea/the-netherlands/topics/key-data-and-cybersecurity-laws.

Петров М. Г.*[1]*,
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Парфененко Е. Н.*,*
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат филологических наук

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛ): АНАЛИЗ НЕДОСТАТОЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НЦБ И БАРЬЕРОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБМЕНА

Международная организация уголовной полиции (МОУП), известная как Интерпол, занимает центральное место в глобальной системе противодействия преступности. Она была образована в 1923 году на Международном полицейском конгрессе [1, с. 305] и действует на основании Устава, принятого в 1956 году. Актуальность исследования обусловлена тем, что потребность в международной организации по борьбе с уголовной преступностью возникла давно в связи с расширением масштабов преступности, ее быстрой интернационализацией и увеличением ущерба, причиняемого общим интересам государства [2, с. 17]. Интерпол является крупнейшей по числу членов международной правоохранительной организацией. Деятельность Интерпола в целом является частью межгосударственного сотрудничества [3, с. 29], а его цели реализуются преимущественно путем информационного обеспечения международного розыска и ведения криминалистических учетов [4, с. 145]. Однако, несмотря на уникальные возможности, которыми обладает Интерпол, его потенциал не реализуется в полной мере, что обусловлено рядом объективных и субъективных факторов, включая недостаточную компетенцию НЦБ и барьеры обмена информацией .

Роль НЦБ и барьер недостаточной компетенции Ключевую роль в организации играют Национальные центральные бюро (НЦБ) Интерпола, которые выступают в качестве основного канала, обеспечивающего постоянное взаимодействие между Генеральным секретариатом и национальными правоохранительными органами [5, с. 79–89; 6, с. 48–51]. НЦБ Интерпола в Российской Федерации функционирует как структурное подразделение Министерства внутренних дел (МВД России) [7; 8].

Одной из основных проблем, ограничивающих эффективность Интерпола, является недостаточная компетенция НЦБ Интерпола. Сотрудники НЦБ долж-

[1] © Петров М. Г., 2025.

ны обладать знаниями в области международного уголовного права, процедур розыска и криминалистики. Существует потребность в систематическом повышении профессиональной компетенции сотрудников НЦБ. Отмечается, что Интерпол по сути своей представляет глобальную полицейскую информационную сеть [4, с. 145]. Устав Интерпола не предусматривает совместных оперативно-розыскных действий или совместных расследований [4, с. 145]. Это предопределило тенденцию создания многоуровневой организационной системы сотрудничества, что привело к формированию региональных организаций, таких как Европол и «АМЕРИПОЛ» [4, с. 145–146; 9]. Ограниченная компетенция НЦБ является существенным ограничением оперативной деятельности. Информационное обеспечение и технологические вызовы

Информационный обмен является критически важным для Интерпола. Центральным инструментом для эффективного обмена информацией является глобальная полицейская телекоммуникационная система «I-24/7» [8, с. 136; 10, с. 83]. I-24/7 доступна 24 часа в сутки, семь дней в неделю, и позволяет оперативно связывать правоохранительные органы стран-членов, предоставляя круглосуточный доступ к базам данных о разыскиваемых лицах, похищенных или утраченных документах [8, с. 136]. Для существенного повышения информационной обеспеченности национальных правоохранительных органов многие страны-члены предоставили своим органам, расположенным в стратегически важных пунктах (на границе, в аэропортах, на таможенном контроле), прямой доступ к базам данных Интерпола через I-24/7 .

Однако эффективному обмену препятствует ряд субъективных факторов:

1. Политика двойных стандартов: Эффективность международного сотрудничества снижается из-за предвзятой позиции государств и политики двойных стандартов, что выражается в различном отношении к материалам и запросам.

2. Нежелание делиться информацией: Многие государства не выполняют свои обязательства по пополнению соответствующих баз данных, не желая делиться оперативной информацией [6, с. 48–51]. Отмечается, что необходимость максимальной эффективности взаимодействия предполагает открытость национальных информационных систем, однако это невозможно по соображениям национальной безопасности [6, с. 48–51].

3. Формальные требования: При направлении запросов о правовой помощи, они должны быть оформлены только в машинописном виде и подписаны руководителями органов внутренних дел [3, с. 5]. При этом фамилии, имена иностранных граждан, наименования зарубежных фирм должны воспроизводиться в оригинале, если их написание на языке запрашиваемой страны доступно [3, с. 5].

4. Пробелы в регулировании: Существуют пробелы в правовых аспектах, связанных с направлением российских специалистов (сотрудников МВД России) для долговременной работы в Генеральный секретариат Интерпола [11, с. 17], для устранения которых предлагается разработка соответствующего Указа Президента Российской Федерации [11, с. 17].

Инновации и перспективы совершенствования деятельности

Для модернизации глобальной полицейской деятельности Интерпол запустил обновленный и усовершенствованный набор инструментов искусственного интеллекта (ИИ), предназначенный для улучшения выявления преступлений, анализа разведданных и повышения оперативной эффективности [12, с. 2]. Инструментарий ИИ Интерпола объединяет машинное обучение, обработку естественного языка и предиктивную аналитику, помогая анализировать огромные объемы данных [12, с. 3]. Интерпол создал платформу для обработки больших объемов данных, включая биометрические данные (INSIGHT), чтобы предоставить полиции по всему миру прогностическую аналитику [10, с. 6]. Российское бюро Интерпола также участвовало в разработке нового уведомления Интерпола «с серебряным углом», которое предназначено для установления, идентификации, скрытого мониторинга и ареста/«замораживании» доходов, полученных преступным путем.

Для повышения эффективности международного полицейского сотрудничества предлагается:

1. Расширение полномочий НЦБ и его региональных подразделений для осуществления оперативно-розыскной деятельности в полном объеме.

2. Устранение децентрализации управления в сфере международного сотрудничества ОВД и приведение структуры МВД России к стандартам Интерпола [11, с. 17].

3. Систематическое обучение полицейских кадров по новейшим технологиям, включая адаптацию методологий обучения к новым вызовам и угрозам [13, с. 115].

В условиях транснациональной преступности, сотрудничество между государствами является единственным способом противодействия ей.

Список литературы

1. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью. Томск, 2013. С. 305. URL: https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2013/09/Уткин-В.А.-Международное-право-борьбы-с-преступностью.pdf.

2. Третьяков И.Л. Уголовная поЛИТИка и проблемы борьбы с преСТУпноСТью // Мир политики и социологии. 2013. № 10. С. 17–32. URL: https://fonduniver.ru/wp-content/uploads/2013/12/Tretyakov-pb.pdf.

3. Программа составления просьб об оказании взаимной правовой помощи // Международное сотрудничество по уголовным делам, связанным с терроризмом. ООН. 2012. С. 5. URL: https://www.unodc.org/documents/terrorism/Publications/Training_Curriculum_Module3/Ebook_Russian.pdf.

4. Волеводз А.Г. Международная организация уголовной полиции – Интерпол и тенденция формирования региональных правоохранительных организаций // Международный правовой курьер. 2016. № 5-6. С. 145. URL: https://mgimo.ru/upload/iblock/39e/39e2db62337d919c05b15bd9316f2139.pdf.

5. Клименко А.И., Солуков А.А. Международная организация уголовной полиции (Интерпол): вопросы правовой идеологии // Московский журнал между-

народного права. 2020. № 1. С. 79–89. URL: https://www.mjil.ru/jour/article/download/349/254.

6. Водянов А.В., Пузырева Ю.В. Информационное обеспечение сотрудничества государств по линии Интерпола // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 48– 51. URL: https://vestnikesiirk.ru/ru/storage/download/170092.

7. Национальное центральное бюро Интерпола // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola.

8. О Национальном центральном бюро Интерпола. Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г. № 1113.

9. Исполнительный директорат полицейского сотрудничества // Директорат информационных систем и технологий. URL: [a2e85ed4a6b75419b0e4e3d69b9236de.pdf].

10. Интерпол использует платформу больших данных и биометрии для предоставления полиции возможности предиктивной аналитики // 35 лет участия России в деятельности Интерпола. 2025. С. 6. //https://zavtra.ru/blogs/35_let_uchastiya_rossii_v_deyatel_nosti_interpola

11. Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. С. 17. URL: https://vestnikesiirk.ru/ru/storage/download/170092.

12. Как Интерпол планирует бороться с преступностью с помощью ИИ // 35 лет участия России в деятельности Интерпола. 2025. С. 2–3.

13. Подготовка полицейских кадров // The INTERPOL Global Complex for Innovation. 2015. С. 115. URL: https://dokumen.pub/download/6f054beb10381b0fe58f1fc48ef8f794.html.

***Поваляева М. А.*[1],**
студент юридического факультета
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Осадчая О. Н.,
доцент кафедры иностранных языков
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
кандидат филологических наук

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ ОБ ЭКСТРАДИЦИИ: ОПЫТ РОССИИ И ДРУГИХ СТРАН

Экстрадиция представляет собой фундаментальный институт международного уголовного права, позволяющий государствам сотрудничать в преследовании и наказании преступников, пересекающих границы. В эпоху глобализации, когда преступность приобретает транснациональный характер, такие как терроризм, киберпреступления, отмывание денег и торговля наркотиками, роль экстрадиции становится особенно значимой. Согласно определению, экстрадиция – это процесс, при котором одно государство (запрашиваемое) передает лицу, обвиняемому или осужденному за преступление в другом государстве (запрашивающем), для судебного преследования или исполнения приговора. Этот механизм регулируется как двусторонними, так и многосторонними международными договорами, которые устанавливают правила, основания и процедуры для такой передачи.

Исторически экстрадиция эволюционировала от ad hoc соглашений между монархами в Средние века к формализованным договорам в XIX веке. Сегодня она опирается на принципы, закрепленные в международном праве, включая принцип двойной криминализации (преступление должно быть наказуемым в обеих странах), запрет экстрадиции за политические преступления и защиту прав человека. Отсутствие договора не обязательно препятствует экстрадиции, но делает ее возможной только на основе взаимности или специальных соглашений. По данным ООН, модельный договор об экстрадиции 1990 года служит шаблоном для многих национальных систем, подчеркивая необходимость баланса между суверенитетом государств и международным сотрудничеством [1].

В этой статье предпринята попытка рассмотреть ключевые международные договоры об экстрадиции, а также опыт их применения в России и других странах, таких как США, страны Европейского Союза, Китай и Индия. Анализ основан на сравнении правовых рамок, практических случаев и вызовов, с акцентом на эволюцию этих систем в контексте геополитики. Особое внимание

[1] © Поваляева М. А., 2025.

уделено историческому фону, современным тенденциям и способам усовершенствования данного института.

Международные договоры об экстрадиции строятся на нескольких ключевых принципах. Во-первых, принцип специальности подразумевает, что экстрадированное лицо может быть судимо только за преступления, указанные в запросе. Во-вторых, принцип неэкстрадиции собственных граждан, который применяется во многих странах, включая Россию и Китай, но не в США. В-третьих, отказ в экстрадиции возможен по гуманитарным основаниям, таким как риск пыток или несправедливого суда, в соответствии с Конвенцией ООН против пыток 1984 года [2].

Одним из старейших и наиболее влиятельных многосторонних договоров является Европейская конвенция об экстрадиции 1957 года, принятая Советом Европы. Эта конвенция, ратифицированная около 50 государствами, устанавливает минимальный срок наказания для экстрадируемых преступлений – не менее одного года лишения свободы. Она исключает экстрадицию за военные и политические преступления, но позволяет осуществлять экстрадицию за фискальные правонарушения, такие как налоговые уклонения. Конвенция предусматривает упрощенную процедуру для согласия экстрадируемого лица и определяет место центральных органов при обмене запросами. Действие конвенции для России прекращено в связи с выходом страны из Совета Европы.

Современные модельные договоры ООН об экстрадиции, разработанные в 2000-х годах, классифицирует основания для отказа, включая дискриминацию по расе, религии или политическим убеждениям. Он отличает обязательные (например, истечение срока давности) и факультативные основания (например, малозначительность преступления). Этот модельный договор повлиял на многие двусторонние соглашения, особенно в развивающихся странах.

Роль Интерпола в экстрадиции нельзя недооценивать. Организация выпускает "красные уведомления" (Red Notices), которые не являются ордерами на арест, но информируют 196 стран-членов о разыскиваемых лицах для временного ареста в ожидании экстрадиции. Эти уведомления основаны на национальных ордерах и проверяются на соответствие правилам Интерпола, исключая политически мотивированные запросы. Однако, как показывает практика, некоторые страны обвиняются в злоупотреблении системой для преследования оппозиционеров [3].

В глобальном масштабе экстрадиция регулируется также региональными соглашениями, такими как Конвенция ОАГ об экстрадиции 1981 года в Латинской Америке или двусторонними договорами в африканских странах, а также международными конвенциями, такими как Конвенция ООН против коррупции. Эти договоры адаптируют общие принципы к региональным реалиям, учитывая культурные и правовые различия.

Россия, как правопреемница СССР, имеет богатый опыт в международных договорах об экстрадиции, но ее практика характеризуется осторожностью и акцентом на суверенитет. Конституция РФ (статья 61) запрещает экстрадицию российских граждан, что является ключевым принципом. Кроме того, Россия

имеет двусторонние договоры с более чем 70 странами, включая страны СНГ (Минская конвенция 1993 года), Китай, Индию и некоторые европейские государства. В рамках СНГ экстрадиция упрощена: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция) позволяет передачу без формального запроса в случаях, когда преступление совершено на территории запрашивающего государства. Это способствовало успешным экстрадициям в делах о терроризме и экономических преступлениях. Например, в 2010-х годах Россия экстрадировала нескольких подозреваемых в терроризме из Центральной Азии.

Однако отношения с Западом напряженные. Отсутствие двустороннего договора с США приводит к переговорам в режиме ad hoc. Россия часто отказывает в экстрадиции, ссылаясь на политическую мотивацию запросов, как в случае с Эдвардом Сноуденом в 2013 году, которого США обвиняли в шпионаже, но Россия предоставила ему убежище [4]. В свою очередь, Россия требует экстрадиции своих разыскиваемых, но Запад часто отказывает, ссылаясь на нарушения прав человека, например, Великобритания отказала в экстрадиции бизнесмена Андрея Лугового, обвиняемого в убийстве Александра Литвиненко, мотивируя это отсутствием гарантий справедливого суда.

В последние годы Россия усилила использование Интерпола для "красных уведомлений", но столкнулась с критикой за политическое преследование. Согласно статистическим данным, с 2018 года Россия выдавала более 500 «красных уведомлений» ежегодно, но многие были отменены Интерполом. В целом, российская практика фокусируется на взаимности: Россия сотрудничает с союзниками (Китай, Иран), но скептически относится к запросам из ЕС и США. Это отражает геополитический контекст, где экстрадиция становится инструментом дипломатии.

США имеют одну из наиболее развитых систем экстрадиции, с двусторонними договорами с 116 странами. Эти договоры требуют двойной криминализации и минимального наказания в один год. США не экстрадируют своих граждан без согласия, но практика показывает гибкость: в 2020-х годах США экстрадировали американцев в ЕС по делам о киберпреступлениях. Примером двустороннего договора об экстрадиции между САШ и Индией является договор 1997 года позволяет осуществлять экстрадицию за терроризм и незаконное распространение наркотиков, но исключает политические преступления. В случае с Джулианом Ассанжем США запросили экстрадицию из Великобритании в 2019 году по обвинениям в шпионаже, что вызвало дебаты о свободе прессы.

В процесс экстрадиции в США включен Департамент юстиции и Государственный департамент: запрос проходит судебное слушание для проверки двойной криминализации и отсутствия политической мотивации. Успешные случаи включают экстрадицию мексиканского наркобарона Хоакина Гусмана (Эль Чапо) в 2017 году. Однако вызовы возникают со странами без договоров. В таких случаях США полагаются на многосторонние конвенции, такие как Конвенция ООН против коррупции. США активно используют экстрадицию для

борьбы с транснациональной преступностью, высылая за пределы страны более 500 человек ежегодно.

В ЕС экстрадиция революционизирована Европейским ордером на арест (ЕОА). Европейский ордер на арест заменяет традиционную экстрадицию между членами ЕС с помощью упрощенной процедуры: ордер выдается судом одной страны и исполняется в другой без политического вмешательства сроком в 60 дней. Данное инструмент позволил значительно ускорить передачу экстрадируемых лиц: в 2022 году исполнено более 7000 ордеров. Европейская конвенция 1957 года остается основой для отношений с не-членами ЕС. В качестве примера можно привести экстрадицию Германией Карлеса Пучдемона в Испанию в 2018 году в соответствии с Европейским ордером на арест, несмотря на политический контекст. Основные вызовы для Европейского союза представляют последствия выхода ряда стран из его состава, которые значительно замедляют экстрадиционные процессы. Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) часто блокирует экстрадицию в страны с риском пыток, как в делах против Турции.

Китай имеет 45 ратифицированных двусторонних договоров об экстрадиции, включая с Россией, Индией и странами Африки. Закон об экстрадиции 2000 года требует двойной криминализации и запрета на смертную казнь для экстрадируемых. Судебная практика обнаруживает главный фокус на экономических преступлениях. Так, в результате проведения операции «Fox Hunt» с 2014 года было возвращено более 8000 беглецов, часто через неформальные каналы [5]. Ярким примером может служить экстрадиция из США китайского бизнесмена в 2021 году, обвиняемого в коррупции. Камнем преткновения для Китая явился законопроект об экстрадиции 2019 года, который вызвал массовые беспорядки и волну критики в Гонконге, что отражает политическую напряженность в данном регионе.

В настоящее время Китай расширяет сеть договоров, особенно в рамках инициативы «Один пояс – один путь», созданной с целью борьбы с коррупцией. Данная инициатива является составным элементом экономического пояса Шелкового пути, таким образом, подчеркивая экономическую суть экстрадиционного процесса.

Индия имеет договоры с 48 странами и соглашения с 10 государствами, включая США и Россию. Закон об экстрадиции 1962 года регулирует процесс выдачи преследуемых лиц, требуя доказательств, достаточных для установления факта или выдвижения презумпции (prima facie). Явным успехом в данной сфере может считаться экстрадиция Абу Салема из Португалии в 2005 году, обвиненному в терроризме. Тем не менее Индия сталкивался с отказами в экстрадиции из-за недоказанности преступлений или из-за опасений нарушения прав человека. В Индии сложилась своя экстрадиционная практика: лица не экстрадируются за малые преступления и данный процесс построен на взаимности сторон-участниц.

Сравнивая экстрадиционный опыт разных стран, следует подчеркнуть, что Россия и Китай высоко ставят суверенитет и неэкстрадицию граждан, в то

время как США и ЕС во главу угла помещяют эффективность и интеграцию. Общими вызовами для всех государств являются политическая мотивация, права человека и геополитика. С одной стороны, в 2020-х годах пандемия и военные конфликты замедлили процессы, но, с другой стороны, быстро развивающаяся сфера цифровых технологий значительно их ускоряют.

В качестве путей дальнейшего развития и совершенствования рассматриваемого института можно выделить интегрирование ИИ в процессы проверки запросов, а также развитие многосторонних договоров. Международные договоры об экстрадиции – ключ к глобальной справедливости, но их применение варьируется. Опыт России показывает баланс суверенитета и сотрудничества, в отличие от интегрированного подхода ЕС или экономической направленности Китая. Будущие тенденции видятся в гармонизации норм для борьбы с новыми угрозами.

Список литературы

1. Алиева М. Н. Проблемы реализации института экстрадиции в международном и национальном праве // Закон и право. 2019. № 2. С. 116-119.

2. Волеводз А. Г. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью. М.: Юристъ, 2018.

3. Кибальник А. Г. Современное международное уголовное право: теория и практика уголовного права и уголовного процесса / А. Г. Кибальник. - Москва, 2016. - 304 с.

4. Приходько О. В. США – Европа: информационная безопасность и кризис доверия. Обозреватель. М.: Институт стран СНГ, 2014. С. 23-39.

5. Юй Т. Китайско-российское сотрудничество в области совместного обеспечения информационной безопасности: состояние, факторы влияния и принятые меры. URL: https://doi.org/10.60797/IRJ.2025.151.19.

***Пузырева Ю. В.*[1],**
ученый секретарь
диссертационного совета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИНЯТИЯ КОНВЕНЦИИ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ И НАКАЗАНИИ ЗА НИХ

Преступления против человечности, наряду с геноцидом, военными преступлениями и преступлением агрессии, признаны одними из тяжких международных преступлений. К таким преступлениям относятся убийства, изнасилования, пытки, апартеид, депортации, преследования и другие правонарушения, совершаемые в рамках широкомасштабных или систематических нападений на гражданское население, основанных на политике правительства или организации [3]. Данные противоправные деяния могут совершаться как во время вооруженных конфликтов, так и в мирное время, причинять чрезмерные, масштабные и систематические страдания физическим лицам и нарушать их прав. В отличие от сформированного международно-правового регулирования противодействия таким видам международных преступлений, как например, геноциду (Конвенция о пресечении геноцида и наказании за него 1948 г.) или военным преступлениям (Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г.), вопросы предупреждения преступлений против человечности и наказаний за их совершение в настоящее время находятся в правовом регулировании положений Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. (далее – Римский статут), который не является специальным договором для данного вида преступлений.

Несовершенства положений Римского статута и его далеко неуниверсальный характер, а также политизированность работы МУС, наряду с иными объективными факторами, определили необходимость в разработке базового договора о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них. Активизация данного вопроса в международной повестке произошла в 2010 г., когда под эгидой Инициативы по борьбе с преступлениями против человечности был обнародован Проект конвенции о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них (далее – Конвенция)[2]. Динамичное развитие темы произошло в 2014 г. после включения Комиссией международного права (далее – Комиссия) Организации Объединенных Наций (далее - ООН) тематики преступлений против человечности в свою текущую программу для

---

[1] © Пузырева Ю. В., 2025.

[2] Washington University School of Law. Whitney R. Harris World Law Institute. Crimes Against Humanity Initiative. August 2010. Proposed International Convention on the Prevention and Punishment of Crimes Against Humanity. URL:https://cpb-us-w2.wpmucdn.com/sites.wustl.edu/dist/b/2004/files/2019/02/EnglishTreatyFinal.pdf.

проведения тщательного исследования. Учитывая историческую роль Комиссии в кодификации международного права, в том числе в кодификации Нюрнбергских принципов и проекта Римского статута в 1994 г., она была выбрана как наиболее статусная и авторитетная площадка для работы над новым глобальным договором о преступлениях против человечности. Следует отметить, что до этого периода работа Комиссии в исследуемой тематике велась в рамках более широкой концепции, представленной в Кодексе преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. Научные труды по этому вопросу подготовлены такими известными юристами-международниками, как Р.М. Валеев [1], С.В. Глотова [2], Н.А. Сафаров [3], А.Ю. Скуратова [4], Ш. Бассиуни [5] и др. В представленной статье будет уделено внимания наиболее современному состоянию вопроса о принятии под эгидой ООН Конвенции о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них.

В результате кропотливой работы в 2019 г. Комиссия подготовила проект статей потенциального договора[1] и представила его Генеральной Ассамблее ООН с рекомендациями по разработке Конвенции или под эгидой Генеральной Ассамблеи, или в рамках международной конференции полномочных представителей на основе выработанного проекта статей[2].

По окончанию режима пандемии COVID-19 в 2022 г. Шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН (далее – Шестой комитет) принял резолюцию 77/249 о начале дальнейшего сотрудничества по разработке Конвенции[3]. Данная резолюция получила широкую поддержку, учитывая, что 86 государств-членов ООН выступили ее соавторами, а в общей сложности 100 государств в той или иной мере поддержали проект ее текста.

В 2023 и 2024 г. в Нью-Йорке были проведены две сессии для подробного обсуждения проекта статей будущего договора в части его следующих разделов: вводные положения; определение и общие обязательства; национальные меры; международные меры; гарантии.

По итогам второй сессии в декабре 2024 г. была принята историческая резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 79/122, постановившая созвать «Конференцию полномочных представителей ООН по предупреждению преступлений против человечности и наказанию за них, которая будет проводиться в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке в течение трех недель подряд в начале 2028 г. и трех недель подряд в 2029 г. …для разработки и заключения юридически обязывающего документа по предупреждению преступлений против человечности и наказанию за них…» (п. 4 Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 79/122 от 4 декабря 2024 г.)[4].

---

[1] Draft articles on Prevention and Punishment of Crimes Against Humanity 2019 // UN. URL:https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/draft_articles/7_7_2019.pdf.

[2] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 г.). – Нью-Йорк, ООН, 2019. С. 10.

[3] Resolution adopted by the General Assembly on 30 December 2022 [on the report of the Sixth Committee (A/77/416, para. 7)] // UN. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/77/249.

[4] Resolution adopted by the General Assembly on 4 December 2024 [on the report of the Sixth Committee (A/79/470, para. 14)] 79/122. United Nations Conference of Plenipotentiaries on Pre-

Было определено, что основой для переговорного процесса в рамках Конференции будут выступать проекты статей Комиссии, представленные правительствами предложения по поправкам к проектам статей, а также комментарии к проектам статей, письменные комментарии и замечания правительств, мнения, высказанные в ходе обсуждений на семьдесят четвертой – семьдесят восьмой сессиях Генеральной Ассамблеи, письменное резюме возобновленных сессий Шестого комитета и рекомендации Комиссии.

Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 79/122 предписывает подготовительной группе Дипломатической конференции начать работу в январе 2026 г. в целях выработки предложений по внесению поправок в проект статей будущей Конвенции. Согласно резолюции, окончательные предложения должны быть представлены в Секретариат ООН до 30 апреля 2026 г. Проведение второго заседания запланировано на 2027 г. для обсуждения правила проведения конференции.

Последовательно принимаемые решения на площадке Генеральной Ассамблеи ООН в рамках ее 79-й сессии в 2024 г. имели неоднозначную оценку

среди делегаций. Бесспорно, все государства были едины в понимании того, что сделан важный шаг на пути к международному уголовному правосудию, который заполняет существенный пробел в международном праве[1]. Однако в фундаментальных подходах по дальнейшей работе над Конвенцией и ее правовой основе имеются расхождения.

В частности, западные представители, вдохновленные амбициозными целями по выработке в кратчайшие сроки универсального договора, отмечают, что проект статей Комиссии от 2019 г. может выступить прочной правовой основой для будущей Конвенции о предупреждении преступлений против человечности и наказании за них. Диаметрально противоположной оказалась позиция Российской Федерации и ее партнеров, отмечающих, что данный проект «не годится для запуска переговорной работы и его стоило бы отправить в Комиссию на доработку с приложением всех позиций, озвученных и направленных в письменном виде государствами и требующих сбалансированного учета»[2].

Действительно, если внимательно проанализировать документационные итоги работы Комиссии и двух возобновленных сессий Шестого комитета, то можно выявить фундаментальные, концептуальные различия в подходах государств к основополагающим положениям, включая сферу охвата потенциальной Конвенции, определения понятия «преступлений против человечности»,

---

vention and Punishment of Crimes against Humanity // UN. URL: https://docs.un.org/en/A/RES/79/122.

[1] Sixth Committee, Upholding Tradition of Consensus in Historic Meeting, Approves Text to Begin Elaborating International Convention on Crimes Against Humanity Delegations Also Send 15 Draft Texts to General Assembly for Adoption. 22 November 2024 // UN. URL: https://press.un.org/en/2024/gal3738.doc.htm.

[2] Выступление представителя Российской Федерации в Шестом комитете 79-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по пункту повестки дня «Преступления против человечности» 10 октября 2024 г. // ООН. URL: https://www.un.org/en/ga/sixth/79/pdfs/statements/cah/10mtg_russia.pdf.

юрисдикционных привязок и иммунитетов. Ни по одной статье в базовом проекте договора не просматривается единства или даже совпадения взглядов, что определяет востребованную задачу по кардинальному пересмотру их содержания.

Кроме того, в той юридической основе, которая будет представлена для работы Конференции, отсутствуют обозначенные в рамках сессий Шестого комитета делегациями государств полезные элементы будущего договора, включая рассмотрение рабства, колониальных практик в качестве преступлений против человечности, а также односторонних принудительных мер, последствия которых для целых народов и регионов вполне соотносимы с преступлениями против человечности[1]. К сожалению, без учета всех современных угроз правам человека, выраженных в озабоченностях и предложениях отдельных государств с их последующим включением в содержание проекта статей, не представляется возможным заключить актуальный и жизнеспособный договор, который со временем должен стать универсальным.

Ссылки западных делегаций на необходимость проведения срочной и ускоренной работы над Конвенцией ввиду неотложности вопроса также беспочвенны. В повестке дня Шестого комитета многие годы находится без движения такой результат работы КМП, как проекты статей по ответственности международных организаций за противоправные деяния. Парадоксально, но продвижение по этому важному и востребованному вопросу десятилетиями блокируют те государства, которые в настоящее время выступают за ускоренную разработку Конвенции о преступлениях против человечности, ссылаясь на заявления о том, что проекты статей по ответственности не отражают международное обычное право и практику. Справедливости ради следует отметить, что такое же замечание следует высказать и в адрес проектов статей по преступлениям против человечности. Кроме того, доводы о том, что проблематика преступлений против человечности находится вне правового регулирования беспочвенны. Так, международно-правовая база для решения стоящих перед государствами задач в этой сфере включает в себя обширные договоры о правовой помощи, Конвенцию о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г., разработанной на основе Уставов Нюрнбергского и Токийского Трибуналов, воплотивших в себе международное обычное право. Кроме того, вопросы преступлений против человечности с учетом их серьезности урегулированы и в национальных правовых системах, поэтому государствам, обеспокоенным недостатком правового регулирования и правовых пробелов в исследуемой сфере, следует сместить акцент внимания на совершенствование в первую очередь уголовного законодательства. Данные внутригосударственные процессы и решения могут суще-

[1] Выступление представителя Российской Федерации Е.А. Меликбекян на заседании Шестого комитета ГА ООН по пункту повестки дня «Преступления против человечности» 12 октября 2025 г. // Постоянное представительство России при ООН. URL: https://russiaun.ru/ru/news/1310202512.

ственно повысить эффективность противодействия преступлениям против человечества.

Учитывая несовершенство и односторонность проектов статей, а также наличие диаметрально противоположных взглядов отдельных делегаций по их содержанию, Российская Федерация выступила против форсирования дальнейшей работы над Конвенцией на площадке Генеральной Ассамблеи[1] и воздержалась от консенсуса по проекту резолюции о дальнейшей работе по данному вопросу в рамках Шестого комитета, выразив, в том числе, несогласие с методами подготовки документа. Результатом данного обоснованного юридическими фактами и событиями решения явились политизированные обвинения «в недобросовестном поведении» и критика как на международной площадке, так и в академическом пространстве[2].

Вместе с тем, по итогам сложных и длительных переговоров Россия отозвала свои поправки и дистанцировалась от резолюции, которая в итоге была принята в рамках Шестого комитета и передана на утверждение Генеральной Ассамблеей.

В целях объективного представления сложностей, с которыми столкнутся государства в рамках переговорного процесса по Конвенции и которые не были отработаны в рамках Шестого комитета с учетом форсирования западными государствами вопроса по принятию Конвенции, проведем краткую дискуссию по дефиниции *«преступления против человечности»*. В ст. 2 проекта статей Комиссии дословно воспроизведено определение, содержащееся в ст. 7 Римского статута[3]. Среди противоправных деяний в ч. 1 (h) ст. 2 закреплено «преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любым деянием, указанным в данном пункте». Однако несмотря на то, что в определении используется обобщающее выражение «или иным признакам», оно тем не менее предметно не регламентирует защиту лицам, специальный статус которых получил международно-правовое закрепление или дальнейшее совершенствование и развитие после принятия Римского статута.

Например, правовые достижения в сфере защиты прав человека были представлены в виде разработанных Канцелярией Прокурора МУС документов по вопросам гендерного преследования, защиты детей, ответственности за пре-

---

[1] Корейская Народно-Демократическая Республика, Никарагуа и Российская Федерация: поправка к пересмотренному проекту резолюции (A/C.6/79/L.2/Rev.1). 20 декабря 2024 г. Конференция полномочных представителей Организации Объединенных Наций по предупреждению преступлений против человечности и наказанию за них // ООН. URL: https://docs.un.org/ru/A/C.6/79/L.20.

[2] Radhakrishnan A., Sadat L.N. Key UN Committee Clears Path for Crimes Against Humanity Treaty Negotiations // Just Security. URL: https://www.justsecurity.org/105305/cah-treaty-negotiations-passes-sixth-committee/.

[3] Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 г.). – Нью-Йорк, ООН, 2019. С. 31.

ступления на сексуальной и гендерной почве. Также в 2006 г. была принята Конвенция ООН о правах инвалидов, содержащая инновационное положение, касающееся учета потребностей в защите лиц с ограниченными возможностями в ситуациях риска, включая вооруженные конфликты, чрезвычайные гуманитарные ситуации и стихийные бедствия (ст. 11). Безусловно, данные международные акты и решения должны иметь прямое отношение к предстоящему переговорному процессу и должны подлежать учету государствами при обсуждении положений проекта статей.

В рамках развития прогрессивной концепции прав человека в контексте будущей Конвенции, по мнению отдельных экспертов понятие «преследование» должно быть расширено и включать «преследование по признаку языка, социального происхождения, возраста, инвалидности, состояния здоровья, сексуальной ориентации, гендерной идентичности, половых признаков, а также по признаку принадлежности к коренным народам, статуса беженца, безгражданства или миграционного статуса»[1]. Таким образом, следует констатировать, что предстоит много кропотливой работы в целях согласования позиций государств по каждому проекту статьей Конвенции.

Желая представить конструктивно-положительные характеристики будущей Конвенции, следует отметить заложенную в ней эффективную идею «обязанности предотвращать». Наряду с наказанием, предотвращение является одной из двух основных целей, обозначенных в проекте статей как в преамбуле, так и в его отдельных положениях (ст. 3, ст. 4). Данные цели следует толковать во взаимосвязи, но при этом учитывая их обособленность как самостоятельных обязательств государств. Бесспорно, эти два обязательства тесно между собой связаны, поскольку одним из способов предотвращения преступлений против человечности является сдерживающий эффект судебного преследования. С другой стороны, предотвращение в рамках будущего договора – это полностью самостоятельное направление деятельности государств, которое, если оно будет полностью выполнено, сделает наказание излишним. В проекте статей Конвенции превентивный аспект приобретает самостоятельное значение по отношению к карательному, возлагая на государства четкие обязательства принимать конкретные превентивные меры в этих целях. Базовые положения проекта статей по предотвращению преступлений против человечности были смоделированы Комиссией по образцу аналогичных положений Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1949 г.

В заключении статьи следует подчеркнуть, что принятое в декабре 2024 г. решение Генеральной Ассамблеи ООН о созыве Дипломатической конференции для проведения переговоров и заключения нового договора следует оценивать двояко. С одной стороны, данное решение открывает путь для многолетних многосторонних переговоров по совершенствованию международно-

[1] Четвертый доклад о преступлениях против человечности, подготовленный Специальным докладчиком Шоном Д. Мерфи: док. ООН A/CN.4/725. Нью-Йорк: ООН, 2019. URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/046/21/PDF/N1904621.pdf?OpenElement.

правового и в дальнейшем внутригосударственного регулирования привлечения к ответственности лиц, виновных в преступлениях против человечности. С другой стороны, как представляется, было заложено слишком мало времени на подготовку широко приемлемого проекта текста потенциальной конвенции, что в будущем усложнит путь к выработке по-настоящему универсального и эффективного международного правового механизма по защите прав и свобод человека. В перспективе делегациям государств предстоит заняться существенной переработкой статей и уделить внимание предложениям, которые в спешке были оставлены без внимания. Конвенция, претендующая со временем стать универсальным актом, должна быть по-настоящему сбалансированной и основанной на подлинном консенсусе.

Список литературы

1. Валеев Р. М. Кодификация преступлений против человечности (к 70-летию Нюрнбергского процесса) // Юридические науки. 2015. № 3. С. 69-74.
2. Глотова С.В. Преступления против человечности: генезис и современное понимание концепции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. №3 (58). С. 101-108.
3. Доклад Комиссии международного права. Семьдесят первая сессия (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 г.). – Нью-Йорк, ООН, 2019. – 480 с.
4. Сафаров Н.А., Сафаров Ф.Н. Предупреждение и наказание преступлений против человечности: проблемы разработки международной Конвенции (обзор работы Комиссии международного права ООН) // Правоведение. 2016. №6 (329). С. 94-124.
5. Скуратова А.Ю. К вопросу о принятии Конвенции о преступлениях против человечности: материалы работы Комиссии международного права ООН // Московский журнал международного права. 2015. № 3 (99). С. 58-78.
6. Bassiouni C. Crimes against Humanity: Historical Evolution and Contemporary Application. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 884 p.
7. Pons W.I., Lord J.E., Stein M.A. Disability, Human Rights Violations, and Crimes Against Humanity // American Journal of International Law. 2022. Vol. 116(1). P. 58-95.

***Пулатов Ю.*[1],**
профессор кафедры
Университета общественной безопасности
Республики Узбекистан,
доктор юридических наук, профессор

***Равшанов У.*[2],**
преподаватель кафедры
Университета общественной безопасности
Республики Узбекистан

О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ

Террористическая активность остается одной из главных транснациональных угроз, а успешность ее пресечения определяется тем, насколько слаженно взаимодействуют правоохранительные органы разных государств. Каркас такой кооперации сформирован решениями Совета Безопасности ООН – прежде всего, резолюцией 1373 (2001), которая возложила на страны обязательства блокировать поддержку террористов, криминализовать финансирование, замораживать активы и расширять механизмы взаимной правовой помощи [1], – а также Глобальной контртеррористической стратегией ООН (2006, с последующими обновлениями), задавшей общие ориентиры профилактики, пресечения и восстановления после терактов [2] и укрепившей институциональную базу за счет Контртеррористического комитета и его Исполнительной дирекции (CTED) [3]. На практике именно эта «надстройка» унифицирует словарь и процедуры спецслужб, полиции, прокуратуры и финансовых разведок, позволяя встроить национальные меры в единую международную систему (ООН/UNOCT).

Материальное основание сотрудничества составляют универсальные договоры: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г., которая прямо криминализует целевое финансирование и предусматривает интенсивную международную помощь [4], и Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. [5]. Их имплементация увязана с обязательством соблюдать права человека и принципы верховенства права: правозащитные стандарты ООН подчеркивают, что результативные контртеррористические меры и защита прав не противоречат друг другу, а усиливают воздействие друг друга [6]. Благодаря сочетанию норм УВКПЧ, обязательных резолюций Совбеза и договорных механизмов правоохранители выравнивают составы преступлений и процедуры экстрадиции/взаимопомощи, снижая расхождения между юрисдикциями.

---

[1] © Пулатов Ю., 2025.
[2] © Равшанов У., 2025.

В Евразии универсальные нормы подкреплены региональными решениями. В рамках Содружества Независимых Государств действует Антитеррористический центр СНГ (АТЦ СНГ), координирующий обмен данными, совместные операции и учения; его мандат и деятельность раскрыты на официальных ресурсах [7]. В 2024 году под эгидой АТЦ в Узбекистане прошли этапы учений «Восток-Антитеррор-2024» с отработкой защиты критической инфраструктуры и межведомственного взаимодействия [8]. Параллельно Шанхайская организация сотрудничества выстроила собственный режим: Шанхайская конвенция 2001 г. о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и Конвенция ШОС против терроризма (2009) действуют в связке с Региональной антитеррористической структурой (РАТС ШОС) – постоянной площадкой для обмена информацией, согласования решений и регулярных учений [9]. В результате режимы СНГ и ШОС образуют взаимодополняемую архитектуру, где правоохранители и спецслужбы вырабатывают совместимые алгоритмы реагирования [10].

Опорным узлом оперативного обмена остается Интерпол. Национальные центральные бюро обеспечивают круглосуточный доступ к глобальным массивам, включая банк данных примерно о 135 тыс. иностранных боевиков-террористов; это помогает выявлять «возвратников», отслеживать маршруты и пресекать транзит [11]. Пограничный контур усиливают биометрические инициативы Интерпола (HOTSPOT), расширяющие сопоставление отпечатков и лиц, а также проектная линейка (CT-Tech, Sharaka и др.), нацеленная на пресечение злоупотребления новыми технологиями и каналами перемещения [12]. Центральная Азия встроена в эту экосистему – показателен проект Kalkan, ориентированный на обмен биометрией и практиками ограничения трансграничных перемещений террористов [13]. Синхронно ООН развивает Программу «Countering Terrorist Travel», продвигая PNR/API, риск-профилирование и машиночитаемые каналы, совместимые с национальными базами и ресурсами Интерпола [14].

Блок противодействия финансированию терроризма (ФТ) выделился в самостоятельный трек. Евразийская группа (ЕАГ) – региональный орган «семейства ФАТФ» – объединяет ряд стран региона (включая Россию и Узбекистан) и через взаимные оценки, типологии и рекомендации выравнивает AML/CFT-режимы, повышая сопоставимость правоприменения и обмена данными финансовых разведок [15]. Глобальный обмен поддерживает Эгмонт-группа: национальные FIU обмениваются оперативной и аналитической информацией о подозрительных операциях, обеспечивая правоохранителей разметкой транзакционных цепочек [16]. В 2025 г. UNOCT и Росфинмониторинг подписали меморандум о сотрудничестве по наращиванию потенциала CFT – показатель растущей межведомственной интеграции и стандартизации методик для правоохранителей и финразведок. Обновленная аналитика ФАТФ указывает на ускорение эволюции рисков – от криптоактивов до краудфандинга – и требует риск-ориентированного надзора и плотного международного обмена, закрывающего «окна возможностей» в трансграничных потоках [17].

Российско-узбекский вектор демонстрирует, как национальная база сочетается с региональными инструментами. В России системообразующим актом выступает Федеральный закон № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [18], вокруг которого выстроена национальная антитеррористическая система под координацией. В Узбекистане ключевыми документами являются Закон «О борьбе с терроризмом» [19] и Национальная стратегия 2021–2026 гг. (УП-6255), задающая сквозные меры для МВД, СГБ, Генпрокуратуры и др. [20]. Двустороннее Соглашение РФ–РУз о сотрудничестве в борьбе с преступностью (27.07.1995) регламентирует взаимодействие МВД, прокуратур и спецслужб, обмен данными и совместные мероприятия, прямо перечисляя компетентные органы, что упрощает процессуальные контакты [21]. В части уголовно-процессуальной кооперации востребована Кишиневская конвенция СНГ (2002) о правовой помощи и правовых отношениях, охватывающая экстрадицию и исполнение запросов [22].

Технологические изменения сдвигают повестку правоохранителей. Доклад UNOCT/UNICRI «Algorithms and Terrorism: The Malicious Use of AI for Terrorist Purposes» описывает ключевые сценарии злоупотребления ИИ – от генерации дезинформации и инструктивного контента до автономизации отдельных звеньев подготовки нападений – и одновременно формулирует требования к соразмерному, правозащитно выдержанному применению технологий самими органами правопорядка [23]. Это резонирует с позицией УВКПЧ ООН: любые контртеррористические меры должны строиться на основе прав человека и верховенства права; эти цели не конкурируют, а взаимно укрепляют легитимность и результативность практик. Для практики это означает встроенные «правозащитные фильтры» (human-rights-by-design) в алгоритмы мониторинга и аналитики, документирование проверок необходимости/пропорциональности и судебный контроль при трансграничном обмене данными.

Сформировались и устойчивые рабочие форматы. Регулярные совместные учения и операции (включая «Восток-Антитеррор-2024» в Узбекистане) повышают совместимость тактик, коммуникаций и управления; спецподразделения и следственно-оперативные группы «сшивают» сценарии для транспорта, мест массового пребывания и критической инфраструктуры. Стандартизированные каналы через Интерпол – вместе с биометрическими решениями и проектами для границ – и Программа ООН по предотвращению террористических путешествий (PNR/API) сокращают возможности для перемещения террористов и курьеров [24]. Сетевое взаимодействие ЕАГ и Эгмонт-группы дает правоохранителям «финансовую томографию»: банки и платежные операторы направляют отчеты о подозрительных операциях в FIU, а правоохранители получают маршруты активов и бенефициаров для арестов и изъятий [25]. Унификация процессуальных форм (Кишиневская конвенция, двусторонние договоры) ускоряет правовую помощь и выдачу, снижая риск просрочек и процессуальных дефектов.

Проблематика при этом не исчерпана. Расхождения в дефинициях («терроризм», «экстремизм») осложняют выдачу и взаимную помощь; прирост киберу-

гроз и злоупотребления ИИ требуют непрерывного повышения квалификации следователей и криминалистов. Отдельная зона риска – баланс безопасности и прав: международные руководства ООН и ОБСЕ подчеркивают необходимость прозрачности, встроенных гарантий и доступных средств правовой защиты; без этого падает общественное доверие и растут процессуальные уязвимости дел. С учетом быстрого развития финтеха и криптоактивов регуляторам и правоохранителям стоит синхронизировать санкционные/наблюдательные списки субъектов ФТ, расширять совместимые форматы обмена данными и закрывать регуляторные «зазоры» между юрисдикциями (подход ФАТФ, 2025) [26].

В итоге международное взаимодействие правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму – это многоуровневая система: универсальные акты ООН и решения Совбеза, региональные контуры СНГ и ШОС, оперативная связность через Интерпол и сеть финансовых разведок плюс сближающиеся процессуальные механизмы правовой помощи. Российско-узбекский опыт показывает эффективность связки «правовая база – совместные учения – финансовый мониторинг – цифровые платформы». Ближайшие приоритеты – гармонизация дефиниций и составов, ускорение глубинного обмена данными (включая биометрию и PNR/API), правозащитно выверенное внедрение ИИ и системная подготовка кадров для межведомственных и международных форматов. Эта повестка требует не только политической поддержки, но и ежедневной дисциплины правоприменения со стороны следователей, оперативников и аналитиков [27].

Список литературы

1. UNSC Res. 1373 (2001), полн. текст (PDF): https://www.unodc.org/pdf/crime/terrorism/res_1373_english.pdf

2. UN Global Counter-Terrorism Strategy (официальная страница): https://www.un.org/counterterrorism/un-global-counter-terrorism-strategy ([United Nations]

3. Counter-Terrorism Committee / CTED (подборка резолюций и мандата): https://www.un.org/securitycouncil/ctc/content/security-council-resolutions ([United Nations]

4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999): https://www.un.org/law/cod/finterr.htm ([United Nations]

5. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом (1997) (PDF):https://www.unodc.org/documents/treaties/Special/1997%20International%20Convention%20for%20the%20Suppression%20of%20Terrorist.pdf ([Nuclear Energy Agency (NEA)]

6. OHCHR, Fact Sheet No.32 «Human Rights, Terrorism & Counter-terrorism» (PDF): https://www.ohchr.org/Documents/Publications/Factsheet32EN.pdf

7. АТЦ СНГ – официальный сайт (About): https://eng.cisatc.org/132 ([CISATC]

8. АТЦ СНГ: учения «East-Antiterror-2024» (Ташкент): https://eng.cisatc.org/1289/133/161/9518 ([CISATC]

9. ШОС/РАТС – Соглашение о РАТС (официальный текст): https://eng.sectsco.org/files/207250/207250 ([The Shanghai cooperation organisation]

10. Шанхайская конвенция (2001) (PDF): https://eurasiangroup.org/files/documents/conventions_eng/The_20Shanghai_20Convention.pdf ([Eurasian Group]

11. INTERPOL: Preventing terrorist travel (официальная страница): https://www.interpol.int/en/Crimes/Terrorism/Preventing-terrorist-travel ([interpol.int]

12. INTERPOL: HOTSPOT (биометрия на границах): https://www.interpol.int/en/Crimes/Terrorism/Counter-terrorism-projects/HOTSPOT ([interpol.int]

13. INTERPOL: Project Kalkan (новость): https://www.interpol.int/en/News-and-Events/News/2019/Sharing-biometrics-via-INTERPOL-to-help-restrict-terrorist-travel ([interpol.int]

14. UNOCT: Countering Terrorist Travel Programme: https://www.un.org/counterterrorism/countering-terrorist-travel ([United Nations)

15. Евразийская группа (ЕАГ) – офиц. сайт: https://eurasiangroup.org/en ([Eurasian Group]

16. Egmont Group – офиц. сайт: https://egmontgroup.org/ ([egmontgroup.org][18])

17. РФ: ФЗ № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (англ. текст): https://legislationline.org/taxonomy/term/23582 ([Legislationline][6])

18. Национальный антитеррористический комитет РФ (офиц. портал, EN): https://en.nac.gov.ru/ ([en.nac.gov.ru]

19. РУз: Закон «О борьбе с терроризмом» (обзор/текст): https://lex.uz/en/docs/6817136 ([LexUz]

20. РУз: Национальная стратегия 2021–2026 (УП-6255):
https://lex.uz/en/docs/6964140 ([LexUz]

21. Соглашение РФ–РУз о сотрудничестве в борьбе с преступностью (27.07.1995) (текст): https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=25406 ([CIS Legislation]

22. Конвенция СНГ о правовой помощи (Кишинев, 2002) (PDF): https://www.unhcr.org/sites/default/files/legacy-pdf/4de4edc69.pdf ([UNHCR])

23. UNOCT/UNICRI: «Algorithms and Terrorism: The Malicious Use of AI…» (PDF):https://www.un.org/counterterrorism/sites/www.un.org.counterterrorism/files/malicious-use-of-ai-uncct-unicri-report-hd.pdf ([United Nations]

24. INTERPOL: Counter-terrorism projects (обзор): https://www.interpol.int/en/Crimes/Terrorism/Counter-terrorism-projects ([interpol.int]

25. UNOCT – Office of Counter-Terrorism (портал): https://www.un.org/counterterrorism/ ([United Nations]

26. FATF: Comprehensive Update on Terrorist Financing Risks (2025): https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Methodsandtrends/comprehensive-update-terrorist-financing-risks-2025.html ([FATF].

27. BelTA–UZA: «Uzbekistan to host CIS anti-terror exercise (East-Antiterror-2024)»: https://eng.belta.by/society/view/uzbekistan-to-host-cis-anti-terror-exercise-161053-2024/ ([Belta].

***Пушкарев В. В.*[1],**
доцент кафедры
«Безопасность в цифровом мире»
Московского государственного
технического университета имени Н. Э. Баумана
(национальный исследовательский университет),
кандидат юридических наук, доцент

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ДОКАЗЫВАНИЕ ВРЕДА КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В условиях все более активного применения кибероружия, роста сложности и масштабов кибератак, а также глубокой цифровизации государственных и экономических процессов, вопрос правовой квалификации вреда КИИ приобретает первостепенное значение. Традиционные подходы к определению ущерба (преимущественно имущественного характера) уже неадекватны для оценки последствий киберпреступлений, которые могут затрагивать национальную безопасность, общественное доверие, социальную стабильность и даже жизненно важные функции государства.

В Сингапуре основным нормативным актом в сфере кибербезопасности является Закон о компьютерных злоупотреблениях и кибербезопасности (Computer Misuse and Cybersecurity Act) [1]. Раздел 8 Закона устанавливает ответственность за «несанкционированное модифицирование компьютерных материалов». «Компьютерные материалы» определяются широко и включают в себя «данные, программы, информацию и программное обеспечение». «Модифицирование» включает в себя «изменение, стирание, добавление или повреждение компьютерных материалов». Раздел 9 Закона устанавливает ответственность за «несанкционированное воспрепятствование доступу к компьютеру или компьютерным услугам». Данные статьи Закона имплицитно предусматривают ответственность за деяния, причиняющие вред информационной инфраструктуре путем модификации данных или нарушения доступа к компьютерным системам и услугам.

Закон о кибербезопасности 2018 года (Cybersecurity Act 2018) [2] усилил защиту критической информационной инфраструктуры Сингапура. Закон устанавливает требования к владельцам критической информационной инфраструктуры по обеспечению кибербезопасности, включая регистрацию объектов КИИ, проведение оценок рисков, разработку планов кибербезопасности и сообщение о инцидентах кибербезопасности. Закон также предусматривает уголовную ответственность за нарушение требований кибербезопасности КИИ и за кибератаки на КИИ.

---

[1] © Пушкарев В. В., 2025.

В Малайзии основным нормативным актом в сфере киберпреступности является Закон о компьютерных преступлениях 1997 года (Computer Crimes Act 1997) [3]. Раздел 3 Закона устанавливает ответственность за «несанкционированный доступ к компьютерным материалам», раздел 4 - за «несанкционированный доступ с намерением совершить или содействовать совершению дальнейшего преступления», раздел 5 - за «несанкционированное модифицирование содержания компьютера». Данные статьи Закона также предусматривают ответственность за деяния, причиняющие вред информационной инфраструктуре путем несанкционированного доступа и модификации данных.

Закон о кибербезопасности 2007 года (Cybersecurity Act 2007) [4] направлен на укрепление кибербезопасности на национальном уровне. Закон учреждает Национальное агентство кибербезопасности (NACSA) и устанавливает рамки для сотрудничества между государственными органами и частным сектором в сфере кибербезопасности. Закон не содержит прямых положений об уголовной ответственности, однако он создает правовую основу для разработки дальнейших нормативных актов в сфере кибербезопасности и противодействия киберпреступности.

Судебная практика Сингапура и Малайзии по делам о киберпреступлениях пока еще находится на стадии формирования, однако имеющиеся примеры демонстрируют тенденцию к ужесточению ответственности за киберпреступления, направленные на нарушение функционирования информационной инфраструктуры. Например, в Сингапуре дело «Public Prosecutor v. Muhammad Irwan Syah bin Samsudin» [5] суд приговорил обвиняемого к лишению свободы за несанкционированный доступ к серверам университета и кражу конфиденциальных данных. В Малайзии дело «Public Prosecutor v. Ng Wai Hong» [6] суд приговорил обвиняемого к лишению свободы за организацию фишинговой атаки и кражу банковских данных клиентов.

Китайское законодательство уделяет значительное внимание защите информационной инфраструктуры и противодействию киберпреступности. Закон Китайской Народной Республики «О кибербезопасности» (Cybersecurity Law of the People's Republic of China) [7] является основополагающим нормативным актом в данной сфере. Статья 76 Закона определяет «сетевую безопасность» как «способность принимать необходимые меры для эффективной защиты сетей от вмешательства, разрушения или несанкционированного доступа, а также предотвращения утечки, искажения или утраты сетевых данных, чтобы обеспечить непрерывную и надежную работу сетей и услуг, а также нормальное использование данных». Данное определение включает в себя понятие «вред информационной инфраструктуре» в случае нарушения непрерывности и надежности функционирования сетей и услуг, а также утраты или искажения данных.

Статья 27 Закона «О кибербезопасности» устанавливает требования к операторам ключевой информационной инфраструктуры (КИИ) по обеспечению кибербезопасности. К КИИ относятся «важные отрасли и сферы, такие как общественная связь и информационные услуги, энергетика, транспорт, водное хо-

зяйство, финансы, общественные услуги, электронное правительство и национальная оборона, а также другие важные сетевые инфраструктуры, которые могут серьезно повлиять на национальную безопасность, народное хозяйство и средства к существованию населения в случае повреждения, потери функциональности или утечки данных». Операторы КИИ обязаны принимать меры по защите от кибератак, обеспечивать резервное копирование данных, проводить регулярные проверки безопасности и сообщать о инцидентах кибербезопасности.

Уголовный кодекс Китайской Народной Республики (Criminal Law of the People's Republic of China) [8] содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за киберпреступления, включая статьи 285, 286, 287, которые направлены на защиту компьютерных информационных систем и данных. Статья 285 устанавливает ответственность за «незаконное проникновение в компьютерную информационную систему государства», статья 28 - за «разрушение компьютерной информационной системы», статья 287 - за «использование сети для совершения преступлений». Статья 286 является наиболее релевантной, так как она предусматривает ответственность за «разрушение, изменение, добавление или удаление данных в компьютерной информационной системе, а также нарушение нормальной работы компьютерной информационной системы». Санкции за данные преступления зависят от степени тяжести последствий, включая лишение свободы на срок до 10 лет и более в случае «серьезных последствий».

Судебная практика Китая по делам о киберпреступлениях демонстрирует жесткий подход к защите информационной инфраструктуры. Например, в деле «Wang Xinming and others v. Jiangsu Telecom et al.» [9] суд признал группу лиц виновными в «незаконном проникновении в компьютерную информационную систему» и «разрушении компьютерной информационной системы» за организацию DDoS-атаки на серверы телекоммуникационной компании. Суд приговорил организатора преступления к 12 годам лишения свободы и крупному штрафу, а других участников группы к различным срокам лишения свободы и штрафам. Данное дело подчеркивает серьезность отношения китайских судов к киберпреступлениям, направленным на нарушение функционирования информационной инфраструктуры.

Страны Юго-Восточной Азии демонстрируют различные подходы к законодательству о киберпреступности и определению понятия «ущерб информационной инфраструктуре», что отражает различные уровни экономического развития, правовые традиции и национальные приоритеты. Показательным примером является Социалистическая республика Вьетнам.

Власти Вьетнама активно борются с онлайн-мошенничеством и киберпреступностью. Логично, что уголовные дела о киберпреступлениях часто связаны с финансовыми преступлениями. В контексте «ущерба информационной инфраструктуре» вьетнамские суды чаще всего рассматривают как экономический ущерб, так и воздействие на общественный порядок и национальную безопасность, учитывая приоритеты общественной безопасности.

Закон о кибербезопасности 2018 года [10] устанавливает рамки для защиты киберпространства Вьетнама и запрещает действия, «нарушающие законный порядок и безопасность в киберпространстве», включая «кибератаки, кибертерроризм, кибершпионаж и киберпреступления».

Уголовное законодательство Вьетнама [11] демонстрирует наличие развитых норм о преступлениях, связанных с нарушением правил в области информационных технологий и телекоммуникационных и применяется к киберпреступлениям, которые наносят экономический вред в чистом виде (стоимостная оценка незаконной прибыли и/или причиненного материального ущерба), а также по количеству зараженных устройств.

Таким образом, и Китай, и Вьетнам четко определяют приоритет национальной безопасности и социальной стабильности в своем законодательстве о кибербезопасности, что потенциально расширяет возможности толкования термина «вред» и судебного преследования за киберпреступления. Западные юрисдикции, как правило, уделяют больше внимания экономическому ущербу и нарушению работы служб, хотя проблемы национальной безопасности также становятся все более актуальными.

Основываясь на проведенном сравнительно-правовом анализе и выявленных проблемных аспектах доказывания «вреда информационной инфраструктуре», для Российской Федерации представляется целесообразным сформулировать ряд практических рекомендаций, направленных на совершенствование законодательства и правоприменительной практики в сфере защиты информационной инфраструктуры от киберпреступных посягательств.

Анализ правоприменительной практики в значимых юрисдикциях убедительно показывает, что широкие определения вреда и его видов, как например, «ущерб», «нарушение», «сбой», «потеря целостности/доступности», дают правоохранительным органам значительную свободу действий, но могут затруднить компаниям понимание конкретных мер и пределов ответственности.

Российское законодательство должно формироваться исходя из концепции «киберсуверенитета», которая подчеркивает государственный контроль над Интернет-пространством и информационной инфраструктурой внутри своих границ. Поэтому отечественные нормы о кибербезопасности критической информационной инфраструктуры должны быть принципиально ориентированы на национальную безопасность и общественную стабильность, а ущерб по уголовным делам о преступлениях, затрагивающих КИИ, может быть интерпретирован не только в экономических терминах, но и в контексте потенциальной угрозы государственной безопасности или социальной стабильности, к доверию общества к государственным услугам. Факторами, отягчающими вину, могут быть атака на КИИ, утечка чувствительных данных и предполагаемая связь атакующих с иностранными государствами или организациями. Таким образом, косвенное дефинитивное признание вреда, является более предпочтительным прямому определению вреда, причиненному информационной инфраструктуре в уголовном законе. Безусловно, что введение легального определения «вреда информационной инфраструктуре» позволит повысить определенность право-

вых норм и унифицировать правоприменительную практику, но само понятие должно быть основано на широкой и инклюзивной трактовке его составляющих.

Установлено, что расчет финансового воздействия кибератак часто затруднителен. Он включает прямые затраты (например, реагирование на инциденты, восстановление системы), косвенные затраты (например, перерыв в работе бизнеса, потеря производительности, репутационный ущерб), потенциальные долгосрочные последствия (например, потеря доверия клиентов, снижение стоимости акций), в том числе оценку нарушения работы служб и потенциальные риски для безопасности и угрозы жизни и здоровью граждан, что представляет собой значительный, хотя и нематериальный, вред. Экономический вред должен определяться исходя из экономических потерь, продолжительности сбоев в работе систем и воздействия на общественные интересы. Точное количественное определение этих потерь и установление прямой причинно-следственной связи с кибератакой имеет решающее значение для гражданских исков.

Актуальным направлением исследований является изучение возможности и целесообразности разработки унифицированных международных стандартов определения и оценки различных видов вреда, причиненного киберпреступлениями, для целей международного сотрудничества в сфере борьбы с киберпреступностью и гармонизации национального законодательства различных государств.

Список литературы

1. Computer Misuse and Cybersecurity Act. Singapore. Act 3 of 1998. // URL: https://sso.agc.gov.sg/Act/CMCA1998 (дата обращения: 01.11.2025).

2. Cybersecurity Act 2018. Singapore. Act 9 of 2018. // URL: https://sso.agc.gov.sg/Acts-Supp/9-2018 (дата обращения: 01.11.2025).

3. Computer Crimes Act 1997. Malaysia. Act 563. // URL: https://www.malaysianbar.org.my/malaysia_legislation/computer_crimes_act_1997.html (дата обращения: 01.11.2025).

4. Cybersecurity Act 2007. Malaysia. Act 668. // URL: https://www.malaysianbar.org.my/malaysia_legislation/cybersecurity_act_2007.html (дата обращения: 01.11.2025).

5. Public Prosecutor v. Muhammad Irwan Syah bin Samsudin. SGDC 274 (Singapore District Court) // URL: https://www.elitigation.sg/gdviewer/s/2011_SGCA_32 (дата обращения: 01.11.2025).

6. Public Prosecutor v. Ng Wai Hong. 7 MLJ 1 // Malaysia Law Journal. URL: https://www.cljlaw.com/index.html (дата обращения: 01.11.2025).

7. Cybersecurity Law of the People's Republic of China. Adopted at the 24th Session of the Standing Committee of the Twelfth National People's Congress on 7 November 2016. // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2016-11/07/content_2001605.htm (дата обращения: 01.11.2025).

8. Criminal Law of the People's Republic of China. Adopted at the Second Session of the Fifth National People's Congress on 1 July 1979, revised on 14 March

1997. // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2009-03/14/content_1471532.htm (дата обращения: 01.11.2025).

9. Wang Xinming and others v. Jiangsu Telecom et al. Jiangsu Province Nanjing Intermediate People's Court, China. Case № (2014) Ning Xing Chu Zi No. 123.

10. Law on Cyber Security 2018, Vietnam. Закон от 12 июня 2018 года № 24/2018/QH14 Национального собрания Социалистической Республики Вьетнам о кибербезопасности // URL: https://www.economica.vn/Content/files/LAW%20&%20REG/Law%20on%20Cyber%20Security%202018.pdf (дата обращения: 01.11.2025).

11. Уголовный кодекс Социалистической Республики Вьетнам № 100/2015/QH13 от 27 ноября 2015 года. // URL: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Criminal_Code_of_Vietnam_(English_translation).pdf (дата обращения: 01.11.2025).

Радченко Е. В.[1]***,***
командир отделения
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Симонова А. Е.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В РАМКАХ СНГ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и повсеместного распространения интернета, проблема киберпреступности приобретает глобальный характер. Согласно ежегодному отчету Центра жалоб на интернет-преступления (IC3) Федерального бюро расследований, в 2024 году зафиксирован существенный рост обращений, связанных с киберпреступностью. Ведомство получило почти 860 тыс. жалоб, что представляет собой увеличение на треть по сравнению с показателями 2023 года. Усугубляет ситуацию рекордный финансовый ущерб, оцененный в 16,6 млрд. долларов, что является наивысшим показателем с момента основания Центра. Государства-участники Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) сталкиваются с возрастающими угрозами в киберпространстве, что делает международное сотрудничество в данной сфере не просто актуальным, но и жизненно необходимым. Наибольший процент кибератак в 2024 году зафиксирован на Российскую Федерацию – 73%, Республику Казахстан – 8%, Республику Беларусь – 7%, что превышает в 2,6 раза показателей аналогичного периода прошлого года.

Значительным историческим событием в формировании международного правового механизма противодействия киберпреступности стало инициирование Российской Федерацией разработки Конвенции ООН по борьбе с киберпреступностью 2024 года (далее – Конвенция о киберпреступности). Данный документ направлен на укрепление международного взаимодействия в пресечении правонарушений, совершаемых с применением информационно-коммуникационных технологий, а также на упрощение обмена электронными доказательствами, относящимися к тяжким преступлениям. Необходимо отметить, что Конвенция о киберпреступности заняла особое место в системе международного права, став первым юридическим документом, носящим обяза-

[1] © Радченко Е. В., 2025.

тельный характер, регулирующим уголовно-правовые аспекты цифровой среды и способствующим укреплению глобальной информационной безопасности.

Введения термина «киберпреступность» в международную юридическую практику связывают с Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации (далее – Конвенция), принятой Советом Европы 23 ноября 2001 года [6, С. 97]. Так, в соответствии с отмеченным международным актом, под киберпреступностью понимаются противоправные действия, совершаемые в сфере электронный информационных технологий [2]. Рассматриваемая Конвенция, открытая для присоединения государств, не входящих в состав региональной организации, привлекла к ратификации 23 страны и 68 подписавших, среди которых представлены крупные государства-участники – Канада, Израиль, США, Япония. В числе государств СНГ Конвенцию ратифицировали лишь Республика Армения, Республика Молдова, Азербайджанская Республика. Что касается Российской Федерации, то, несмотря на первоначальное намерение присоединиться к документу в 2005 г., она впоследствии отказалась от ратификации. Основной причиной такого решения стало содержание п. «b» ст. 32 Конвенции, который, по мнению российской стороны, может угрожать суверенитету, национальной безопасности, а также законным правам и интересам граждан и юридических лиц [5]. Данный пункт предусматривает возможность трансграничного доступа к компьютерным данным, находящимся на территории другого государства, без необходимости получения предварительного согласия соответствующих органов этого государства.

Конвенция о киберпреступности проводит разграничение между двумя ключевыми категориями киберпреступлений: 1) деяниями, посягающими на конфиденциальность, целостность и доступность компьютерных данных и систем; 2) преступлениями, совершаемыми посредством использования компьютеров [2]. В рамках настоящего исследования разделяется позиция, согласно которой наиболее универсальным и общепринятым определением киберпреступления является понимание его как «преступления, совершенного в киберпространстве». Данное определение стало основой при разработке проекта модельного закона «О противодействии киберпреступности» для государств СНГ. Киберпреступность, под которой понимается совокупность преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий и сетей, представляет собой одну из наиболее актуальных угроз современной глобальной безопасности. Ее трансграничный характер, высокая степень анонимности и стремительное развитие технологий создают серьезные вызовы для национальных правоохранительных органов и систем правосудия. В этом контексте, государства-участники СНГ, обладая общим правовым и историческим наследием, а также тесными экономическими и социальными связями, сталкиваются с необходимостью формирования единой линии борьбы с киберугрозами.

Пространство СНГ, характеризующееся высоким уровнем проникновения интернета и цифровизации, по мнению Р.Е. Джансараевой, становится благодатной почвой для развития различных форм киберпреступности – от мошенничества и распространения вредоносного ПО до хакерских атак на критически

важную инфраструктуру и кибертерроризма [6, С. 95]. Учитывая, что киберпреступники зачастую действуют в транснациональном масштабе, эффективное противодействие им возможно лишь на основе скоординированных действий и развитых моделей международного сотрудничества.

Продолжающая цифровизация общественных отношений неизбежно ведет к росту киберпреступности, что является вполне прогнозируемым явлением. Масштабный экономический ущерб и сопутствующие угрозы, такие как распространение «гибридных» войн, обуславливают настоятельную необходимость в разработке эффективных механизмов противодействия. Тем не менее, следует признать, что нормативная правовая база для решения данной проблемы находится на стадии формирования, причем этот процесс актуален как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Кроме того, в рамках СНГ наблюдается эволюция правового регулирования вопросов кибербезопасности и противодействия информационным преступлениям. Основополагающим документом в этой сфере является Стратегия обеспечения информационной безопасности государств-участников СНГ, ставшая отправной точкой для последующих инициатив. В рамках развития сотрудничества государств СНГ Концепция дальнейшего развития региона подчеркнула особую важность современных усилий в области международной информационной безопасности и противодействия преступлениям, совершаемым с применением информационно-телекоммуникационных технологий. Значительным шагом в формировании современной правовой базы стало заключение 28 сентября 2018 года Соглашения о сотрудничестве между государствами-участниками СНГ по борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий, которое регламентирует практические аспекты взаимодействия, включая вопросы экстрадиции и взаимного правового содействия. Кроме того, Межгосударственная программа совместных мероприятий по борьбе с преступностью на 2024-2028 годы предусматривает комплекс практических, правовых, организационных, информационных и научных мер, направленных на эффективное противостояние киберпреступности [4]. Важным элементом унификации законодательства стран СНГ в данной области является развитие модельного законодательства. После его имплементации в национальные правовые системы появилась возможность унифицировать определение киберпреступлений, меры профилактики и формы международного сотрудничество [3]. В этом контексте особо примечательно решение Межпарламентской Ассамблеи государств СНГ, принятое на 55-м пленарном заседании 14 апреля 2023 года, о утверждении модельного закона «О противодействии киберпреступности.

Российская Федерация последовательно развивает международное взаимодействие в сфере информационной безопасности, выходя за пределы СНГ. Ярким примером данного расширения является Соглашение, подписанное 20 ноября 2017 года, о сотрудничестве государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в области обеспечения информационной безопасности. Значительным этапом на пути к гармонизации подходов в области кибербезопасности внутри ОДКБ стало утверждении, инициированное Рес-

публикой Беларусь, модельных законодательных актов «О защите информации и противодействии киберпреступности» и «О безопасности критической информационной инфраструктуры». Параллельно, Российская Федерация реализует активное двустороннее взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), что подтверждается заключенным Соглашением меду правительствами государств-членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности.

Эффективное международное взаимодействие в борьбе с киберпреступностью сталкивается с серьезной преградой – отсутствием единого правового механизма на глобальном уровне. Чтобы устранить данный пробел, Российская Федерация выступила с инициативой создания Конвенции ООН, направленной на противодействие злоупотреблениям информационно-телекоммуникационными технологиями в преступных целях. Проект данного документа был представлен Генеральной Ассамблее ООН 30 июля 2021 года и одобрен на 75-й сессии Ассамблеи 10 августа 2021 года (Резолюция 75/980). Конвенция предусматривает уголовную ответственность за 22 вида киберпреступлений, охватывающих как правонарушения, связанные непосредственно с информационными активами, так и те преступления, в которых фигурируют данные об использовании электронных технологий различного вида [1].

Важно отметить, что на сегодняшний день в рамках сотрудничества государств-участников СНГ по борьбе с киберпреступностью, имеется ряд недостатков. Во-первых, недостаточная законодательная база – отсутствие единой, всеобъемлющей конвенции по киберпреступности, а также различия в национальных законодательствах. Во-вторых, техническое и кадровое неравенство, поскольку на сегодняшний день наблюдается существенный разрыв в техническом оснащении и подготовке специалистов между государствами СНГ. В-третьих, оперативное сотрудничество зачастую ориентировано на традиционные виды преступлений, что порождает недостаточную оперативность в сфере обмена информацией о киберугрозах. Для повышения эффективности противодействия киберпреступности в пространстве СНГ необходимо сосредоточиться на следующих направлениях:

1. Разработка и принятие единой конвенции СНГ по борьбе с киберпреступностью, направленной на комплексное регулирование вопросов определения киберпреступлений, обеспечение гармонизации законодательства, установления порядка трансграничного доступа к данным, взаимной правовой помощи и консолидации. Важно отметить, что страны СНГ стремятся к унификации своих национальных законодательств в сфере борьбы с киберпреступностью. Это включает в себя разработку и принятие законов, которые определяют составы киберпреступлений, устанавливают ответственность за их совершение и регулируют процедуры расследования.

2. Создание специализированного регионального центра по борьбе с киберпреступностью. Аналогично Европолу, такой центр мог бы координировать оперативно-розыскную деятельность, проводить совместные расследования,

осуществлять сбор и анализ информации о киберугрозах, а также проводить обучение специалистов.

3. Развитие законодательства в области защиты критической информационной инфраструктуры. Например, согласование подходов к обеспечению безопасности объектов критической инфраструктуры и реагированию на кибератаки на них.

Таким образом, киберпреступность представляет собой одну из наиболее серьезных угроз для стабильности и развития государств-участников СНГ. Эффективное противодействие ей невозможно без скоординированных и целенаправленных усилий на международном уровне. Существующие модели сотрудничества в рамках СНГ, несмотря на определенные достижения, нуждаются в существенной доработке и модернизации, поскольку киберпреступность представляется как транснациональное явление, угрожающее как мировой, так и национальной безопасности.

Список литературы

1. Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (Принята Резолюцией 79/243 Генеральной Ассамблеей от 24 декабря 2024 года) // [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/wClw (дата обращения: 27.09.2025).

2. Конвенция о преступности и в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/HakY (дата обращения: 27.09.2025).

3. Модельный закон «О противодействии киберпреступности» (принят на 55-м планерном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 55-20 от 14 апреля 2023 г.)) // СПС «Гарант» [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/zZjq (дата обращения: 27.09.2025).

4. Решение Совета Глав Государств СНГ от 13 октября 2023 г. «О Межгосударственной программе совместных мер борьбы с преступностью на 2024-2028 годы» // СПС «Гарант» [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/wOhT (дата обращения: 27.09.2025).

5. Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс] URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/23081 (дата обращения: 27.09.2025).

6. Джансараева Р.Е. Борьба с киберпреступлениями: сравнительный анализ законодательства стран СНГ // Всероссийский криминологический журнал. – № 3. – 2022. С. 95-99.

***Ронин В. С.*[1],**
заместитель начальника кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАФЕДРЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ВОПРОСОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

80 лет назад, в 1945 году, на пепелище самой разрушительной войны в истории человечества, была создана Организация Объединенных Наций (далее – «ООН»). Ее фундаментальная задача, закрепленная в Уставе [1], – «избавить грядущие поколения от бедствий войны». И одной из ключевых опор для достижения этой цели стало правоохранительное сотрудничество. Основатели ООН понимали, что преступность не знает границ, и безопасность одного государства неразрывно связана с безопасностью всех.

За восемь десятилетий мы прошли огромный путь. Благодаря таким инструментам, как Интерпол, инициативам в рамках Управления ООН по наркотикам и преступности, конвенциям против коррупции [2], транснациональной организованной преступности [3], терроризма [4], был создан мощный международно-правовой каркас для совместной работы.

Дух, в котором создавалась ООН 80 лет назад – дух единства перед лицом общей угрозы – сегодня актуален как никогда. Безопасность в нашем взаимосвязанном мире не может быть частичной. Уязвимость одного государства создает риски для всех.

Правоохранительное сотрудничество – это не просто технический вопрос экстрадиции или обмена данными. Это практическое воплощение принципа коллективной безопасности, заложенного в Уставе ООН. Это общая ответственность перед будущими поколениями.

Кафедра прав человека и международного права (далее – кафедра) Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (далее – Университет) вносит свой вклад, можно сказать, в «устойчивое развитие» международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

Деятельность кафедры многоаспектна и затрагивает множество направлений, в том числе обусловленных профилизацией, в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» [5].

Так, являясь головным подразделением в Университете в рамках учебно-научного центра по приоритетному профилю «международно-правовая деятельность органов внутренних дел» (далее – профиль), кафедра реализует обра-

[1] © Ронин В. С., 2025.

зовательную, научную, а также иные виды деятельности (например, кафедра участвует в приеме иностранных делегаций в Университете).

Ежегодно проводится обучение специалистов, в том числе иностранных, по программам повышения квалификации (например, обучение проходит оперативный состав подразделений Национального центрального бюро Интерпола территориальных органов МВД России).

В настоящее время прорабатывается вопрос о подготовке специалистов в области международного правоохранительного сотрудничества для соответствующих подразделений МВД России, как центрального аппарата, так и территориальных органов. Проводится анализ потребностей в подготовке кадров по программам высшего образования в рамках приоритетного профиля «международно-правовая деятельность органов внутренних дел».

В текущем, 2025 году разработана магистерская программа подготовки иностранных специалистов для компетентных органов зарубежных стран 40.04.01 Юриспруденция (международное сотрудничество в правоохранительной сфере), планируется к реализации в 2026 году.

Прорабатывается вопрос о создании учебно-полигонной базы в рамках приоритетного профиля «международно-правовая деятельность органов внутренних дел» прежде всего исходя из задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России, в сфере международного сотрудничества, соблюдения основных положений государственного протокола и общепризнанных в международной протокольной практике норм, а также других аспектов будущей практической деятельности обучающихся, в частности по работе с открытыми международными базами данных, международной правовой помощи по административным и уголовным делам и т.д.

Кафедрой реализуются программы подготовки научно-педагогических и научных кадров по линии адъюнктуры Университета по научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки», в том числе для иностранных специалистов, как из ближнего, так и дальнего зарубежья.

На базе кафедры проводятся диссертационные исследования на соискание ученых степеней кандидата юридических наук и доктора юридических наук по научной специальности 5.1.5. «Международно-правовые науки».

Тематика этих диссертаций напрямую или косвенно затрагивает актуальные проблемы международного сотрудничества в правоохранительной сфере. Например, это вопросы: практики межгосударственных органов по правам человека; сотрудничества государств по противодействию экстремизму и терроризму; сотрудничества государств по противодействию нелегальной миграции; сотрудничества государств в сфере информационной безопасности; вопросы миротворчества и другие.

В рамках научного направления деятельности также: готовятся научные публикации как фундаментального, так и прикладного характера; рецензируются научные материалы; проводятся научно-исследовательские работы. Так, ежегодно кафедра осуществляет разработку инициативных и заказных научно-исследовательских работ (далее – НИР), напрямую или косвенно затрагиваю-

щих отдельные аспекты проблематики международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

В прошлом году проводились НИР по таким темам как:

- «Организационно-правовые основы деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, связанной с трансграничной передачей персональных данных, механизм и проблемы ее реализации на практике», научная продукция – методические рекомендации (заказчик Управление международного сотрудничества МВД России (далее – УМС МВД России));

- «Действие норм международного гуманитарного права в отношении сотрудников органов внутренних дел, выполняющих служебные задачи в зоне специальной военной операции», научная продукция – памятка (заказчик Главное управление по работе с личным составом МВД России);

- «Сводные правила для лиц, прибывающих в Российскую Федерацию, в сфере защиты основных прав и свобод и обеспечения безопасности», научная продукция – проект сводных правил с памяткой (заказчик Главное управление по вопросам миграции МВД России (с текущего года Служба по гражданству и регистрации иностранных граждан МВД России (далее – Миграционная служба МВД России));

- «Дипломатическое и консульское право; церемониал и протокол», научная продукция – учебное пособие;

- «Международное информационное право», научная продукция – учебное пособие.

В текущем году проводятся НИР по таким темам как:

- «Совершенствование компетенций оперативного состава подразделений Национального центрального бюро Интерпола в территориальных органах МВД России», научная продукция – учебное пособие;

- «Международно-правовое регулирование миграционных процессов», научная продукция – учебное пособие;

- «Аналоги документов стратегического планирования на международном уровне», научная продукция – учебное пособие;

- «Методика подготовки прогнозов применительно к деятельности МВД России в рамках стратегического планирования по вопросам миграции», научная продукция – методические рекомендации (заказчик Миграционная служба МВД России).

В следующем году предполагаются НИР по следующим темам:

- «Зарубежный опыт проведения внутренних государственных процедур необходимых для вступления в силу международных договоров», научная продукция – аналитический обзор (заказчик УМС МВД России);

- «Права человека в деятельности органов внутренних дел», научная продукция – учебное пособие;

- «Международное сотрудничество в сфере миграции», научная продукция – учебное пособие.

На кафедре функционирует научная школа, объединяющая множество представителей и последователей, также функционирует научный кружок.

Кафедра организует и проводит научно-представительские мероприятия, центральное место среди которых занимает ежегодная международная научно-практическая конференция, в том числе, по результатам проведения которой в текущем году подготовлен настоящий сборник статей.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text (дата обращения: 01.10.2025).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции [Электронный ресурс] : (принята резолюцией 58/4 Генеральной Ассамблеи от 31 октября 2003 года). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 01.10.2025).

3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15 ноября 2000 года). – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 01.10.2025).

4. Конвенции против терроризма [Электронный ресурс] / ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conv_terrorism.shtml (дата обращения: 01.10.2025).

5. Приказ МВД России от 29 августа 2012 г. № 820 «О профилизации образовательных организаций МВД России» // КонсультантПлюс : справочно-правовая система. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 01.10.2025).

Сабанаева А. А.*[1]*,
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бондарь Е. О.,
заместитель начальника
кафедры административного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ ФОРМИРОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Международно-правовой аспект формирования административного права в современный период приобретает все большее значение в контексте глобализации, развития информационных технологий и усиления международного сотрудничества. Административное право, регулирующее деятельность органов исполнительной власти и должностных лиц, национальные правовые системы, все чаще сталкивается с необходимостью учета международных стандартов и норм. [1, с. 45]

Одним из ключевых аспектов является имплементация международных договоров и конвенций в национальное административное законодательство. Государства, присоединяясь к международным соглашениям, обязуются привести свое внутреннее законодательство в соответствие с принятыми обязательствами. Это касается вопросов прав человека, защиты окружающей среды, борьбы с коррупцией и других сфер, регулируемых административным правом.

Влияние международных организаций, таких как ООН, Совет Европы и Европейский Союз, также оказывает значительное воздействие на формирование административного права. Рекомендации, директивы и модельные законы, разрабатываемые этими организациями, служат ориентиром для национальных законодателей при разработке и совершенствовании административных процедур и институтов. [2, с. 112]

Особое внимание уделяется вопросам административной юстиции и обеспечения эффективной защиты прав граждан в отношениях с государственными органами. Международные стандарты в этой области предусматривают создание независимых и беспристрастных административных судов, которые могут рассматривать жалобы граждан на действия или бездействие органов власти. [2, с. 113]

---

[1] © Сабанаева А. А., 2025.

Таким образом, международно-правовой аспект становится неотъемлемой частью формирования современного административного права, способствуя его гармонизации и развитию в соответствии с общемировыми тенденциями и требованиями.

В условиях развития цифровой экономики и электронного правительства международно-правовые нормы играют важную роль в регулировании трансграничного обмена данными и обеспечении кибербезопасности. Административное право должно учитывать международные стандарты защиты персональных данных, обеспечения конфиденциальности информации и предотвращения киберпреступлений.

Развитие международного сотрудничества в сфере административного права также проявляется в обмене опытом и лучшими практиками между государствами. Организуются международные конференции, семинары и тренинги для повышения квалификации государственных служащих и обмена знаниями в области административного управления. [3, с. 67]

Влияние международного права на административное право проявляется и в процессе нормотворчества. При разработке новых законов и подзаконных актов необходимо учитывать международные обязательства государства, чтобы избежать коллизий и обеспечить соответствие национального законодательства международным стандартам.

Международно-правовой аспект является важным фактором, определяющим развитие административного права в современный период. Он способствует гармонизации национальных правовых систем, укреплению международного сотрудничества и обеспечению защиты прав граждан в отношениях с государством. [4, с. 88]

Развитие государственных функций подвержено влиянию не только внутренних трансформаций, но и глобализации – эпохи динамичного развития интеграции в экономике.

Формирование единого мирового экономического пространства, где законодательные и экономические преграды постепенно исчезают, играет ключевую роль. При анализе административно-правового регулирования в условиях глобальной экономики, необходимо учитывать процессы мировой интеграции, особенно активное развитие межгосударственной интеграции на региональном уровне. Наиболее динамично развиваются объединения экономической интеграции.

Создание Евразийского экономического союза с едиными административно-правовыми регуляторами, позволяет обеспечить справедливую конкуренцию и защиту экономического суверенитета в условиях экономического давления. Ограничивая возможности на свободную экономическую деятельность из-за санкций, союз защищает от ослабления национальные экономики от внешнего управления и давления на политические и экономические решения. [4, с. 89]

В документе, определяющем национальную безопасность России до 2020 года, представлены подходы к урегулированию насущных вопросов, возникающих при формировании Единого экономического пространства, в том числе

касающихся упорядочения норм права. Основой для решения этой задачи стало утверждение о необходимости выстраивания иерархии норм, опирающейся на принцип их всеобщего применения. По нашему мнению, не допустимо существование американского права, права Европейского союза или права СНГ как отдельных правовых систем (они могут рассматриваться лишь в качестве научных или учебных дисциплин, что может быть полезно). Этот принцип закреплен в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, которая в качестве приоритетной цели внешней политики России определяет построение международных отношений на основе принципов права, ядром которого являются универсальные нормы и документы международных организаций.

Процессы глобализации закономерно приводят к возникновению наднациональных элементов в административно-правовом регулировании. Кроме того, важно учитывать, что глобализация укрепила взаимосвязь между национальным административным правом государств и международным правом. [5, с. 32]

Формирование глобального экономического пространства и, как следствие, мирового рынка, поднимает вопросы о необходимости глобального управления в сфере экономики, опирающегося на существующую нормативно-правовую базу. Модель такого управления экономикой, по нашему мнению, можно увидеть в странах, входящих во Всемирную торговую организацию.

Концепция адаптации российских норм административного права к международным стандартам в условиях глобализирующейся экономики, на наш взгляд, опирается на следующие теоретические подходы: усиление роли международных договоров Российской Федерации в регулировании административных отношений на законодательном уровне; внедрение общепринятых международных принципов и норм в законодательство, регулирующее административные отношения; более широкое использование документов межгосударственных и международных организаций в национальном законотворчестве. [5, с. 33]

Поскольку общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ являются неотъемлемой частью ее правовой системы (п. 4 ст. 15 Конституции РФ), в качестве источников правового регулирования административных отношений рассматриваются и международные договоры, ратифицированные Федеральным Собранием РФ. Примером служит Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между РФ и Европейскими сообществами и их государствами-членами, подписанное и ратифицированное соответствующим Федеральным законом. В соответствии с этим Соглашением, стороны признают важность сближения законодательства для укрепления экономических связей между Россией и ЕС. Россия, согласно ст. 55 Соглашения, обязалась постепенно приводить свое законодательство в соответствие с законодательством Сообщества. Международное соглашение о партнерстве между ЕС и РФ расширяет российское законодательство включением в него административно-правовых принципов-норм, которые, будучи международными по

своей сути, становятся самоисполнимыми в плане своего воздействия на регулируемые общественные отношения. [6, с. 156]

Влияние международного права на эволюцию национального административного права, особенно в контексте государственного управления и национальной экономики, выражается в адаптации внутригосударственных законов к современным международным стандартам и формам регулирования административных отношений. Кроме того, возрастает значимость систематизации законодательства в сфере государственного управления, учитывая приоритет и условия применения как международных, так и национальных норм, регулирующих административные отношения в соответствующих областях.

В эпоху глобализации, при создании национального административного законодательства, критически важно с самого начала принимать во внимание международные тенденции в правовом регулировании административных отношений в различных сферах государственной деятельности. В современных условиях сложно представить развитие экономики, изолированной от мировых тенденций и полностью зависимой только от внутренних факторов, особенно учитывая ее интеграцию в мировую экономическую систему. [6, с. 157]

Кроме того, в силу геополитического, демографического, социально-экономического положения России, по нашему мнению, должна быть проявлена максимальная заинтересованность в том, чтобы возможно полнее исследовать международно-правовые аспекты формирования и развития административно-правовых управленческих процессов по созданию и управлению межгосударственных объединений экономической интеграции с участием России, что позволило бы не только спрогнозировать вероятные последствия развития этих интеграционных процессов, но и проанализировать альтернативные варианты собственных действий при различных внутренних и внешних условиях, порой характеризующихся беспрецедентным набором экономических санкций особенно в настоящее время со стороны ведущих западных государств по отношению к России вследствие имеющего место украинского кризиса. Внешнеэкономическая государственная политика, построенная на общепризнанных международно-правовых регуляторах административных отношений, позволяет в условиях применяемых к России экономических санкций не просто на них реагировать, но действовать на опережение, что делает ее заведомо эффективной в отстаивании своих национальных интересов.

Список литературы

1. Александров, И. А. Международное право и административное право: взаимодействие и взаимовлияние / И. А. Александров // Вестник административного права. – 2023. – № 3. – С. 45-52.

2. Белова, Е. Н. Административное право в условиях глобализации: международно-правовые аспекты / Е. Н. Белова // Юридический вестник. – 2024. – № 1. – С. 112-119.

3. Волкова, О. П. Гармонизация административного законодательства в контексте международного сотрудничества / О. П. Волкова // Международное право и международные организации. – 2023. – № 4. – С. 67-74.

4. Дмитриев, А. С. Международные стандарты в административном процессе: имплементация в российское законодательство / А. С. Дмитриев // Закон и право. – 2025. – № 2. – С. 88-95.

5. Козлова, Р. И. Влияние международных организаций на развитие административного права / Р. И. Козлова // Государственная служба и управление. – 2024. – № 5. – С. 32-39.

6. Петров, С. В. Административная юстиция и защита прав человека: международно-правовой аспект / С. В. Петров // Российское правосудие. – 2025. – № 1. – С. 156-163.

Сабилин В. А.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Ронин В. С.,
заместитель начальника
кафедры прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О РЕАЛИЗАЦИИ ЦЕЛЕЙ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ООН В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИИ

Миграция является одним из наиболее значимых процессов современного мира, оказывающим влияние на социально-экономическое развитие, безопасность и международные отношения. По данным Международной организации по миграции (далее – «МОМ»), в 2024-м году число международных мигрантов превысило 304 миллионов человек [1]. ООН рассматривает миграцию как неотъемлемый элемент устойчивого развития, включив соответствующие цели и индикаторы в повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Цели устойчивого развития (далее – «ЦУР») 10, 8 и 16 напрямую касаются вопросов миграции, социальной интеграции и прав человека.

Международное регулирование миграции базируется на ряде универсальных документов:

– Устав ООН (1945 г.);

– Всеобщая декларация прав человека (1948 г.) и развивающие ее пакты (1966 г.);

– Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей (1990 г., далее – «Конвенция 1990 года»);

– Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (2018 г., далее – «Глобальный договор 2018 года»).

Эти документы формируют основу для реализации целей устойчивого развития, в частности:

– ЦУР 8 - защита трудовых прав, достойная работа и экономический рост;

– ЦУР 10 - уменьшение неравенства;

– ЦУР 16 - обеспечение доступа к правосудию для всех, эффективные институты [2].

Нормативное развитие в сфере миграции отражает переход от охранительной модели к модели «управление миграцией», где миграция рассматривается как ресурс развития, а не только как источник рисков.

---

[1] © Сабилин В. А., 2025.

За последние годы международные региональные организации добились заметных успехов в институционализации миграционной политики. Принятие Глобального договора 2018 года стало важным шагом в признании необходимости координации на универсальном уровне [3]. Среди прочего он предусматривает:

– обмен информацией между государствами;

– поддержку законных путей миграции;

– борьбу с торговлей людьми;

– обеспечение доступа мигрантов к базовым услугам.

Кроме того, реализуются программы развития ООН, Международной организации труда и МОМ, направленные на легализацию труда мигрантов и поддержку интеграции в принимающих странах.

Достигнутые результаты, реализация ЦУР сталкивается с рядом трудностей:

1. Политизация миграционных процессов. Многие государства рассматривают миграцию преимущественно через призму национальной безопасности, что ограничивает применение гуманитарных подходов.

2. Нехватка ресурсов. Финансирование программ поддержки мигрантов остаются недостаточным, особенно в странах так называемого глобального юга.

3. Отсутствие унифицированных стандартов. Различия в законодательстве препятствуют гармонизации правовых норм.

4. Рост вынужденной миграции. Конфликты, климатические изменения и экономические кризисы способствуют росту числа беженцев, что выходит за рамки существующих международных механизмов.

Миграция все чаще становится инструментом политического давления, что противоречит принципам устойчивого развития и солидарности.

Эффективная реализация миграционных целей невозможна без согласованных действий государств, международных организаций, частного сектора и гражданского общества. Особое значение приобретает расширение взаимодействия между ООН, МОМ и региональными интеграционными объединениями (например, Африканским союзом, Содружеством Независимых Государств) [4].

Развитие цифровых платформ учета мигрантов, электронных виз и баз данных позволяют повысить прозрачность и безопасность миграционных процессов. В то же время необходимы международные гарантии защиты персональных данных и соблюдения прав мигрантов.

Одним из ключевых направлений реализации целей устойчивого развития ООН в сфере регулирования миграции является содействие социальной интеграции мигрантов. Цель 10-ой повестки дня в области устойчивого развития предусматривает сокращение неравенства внутри стран и между ними, в том числе через развитие инклюзивных институтов и равный доступ к социальным благам. Мигранты, особенно лица, находящиеся в уязвимом положении - беженцы, женщины и несовершеннолетние, - часто сталкиваются с дискриминацией, социальным отчуждением и ограниченным доступом к образованию, здравоохранению и труду.

Реализация мер по интеграции мигрантов включает несколько уровней: правовой, институциональный и культурно-образовательный. На правовом уровне важным аспектом является гармонизация национальных законодательств с международными стандартами, в частности закрепленными в Конвенции 1990 года и в Глобальном договоре 2018 года. Государствам рекомендуется внедрять правовые гарантии против дискриминации и обеспечивать доступ мигрантов к социальным услугам независимо от их статуса.

Климатическая миграция становится новым измерением международного регулирования. По оценкам Всемирного банка, к 2050-му году до 216 000 000 человек могут стать внутренними климатическими иммигрантами. Разработка специальных международных норм для этой категории лиц - одно из ключевых направлений будущей работы ООН.

Реализация ЦУР в сфере регулирования миграции представляет собой комплексный процесс, включающий гуманитарное, правовое и экономическое измерения. Несмотря на значительные достижения (принятие Глобального договора 2018 года, формирование механизмов международного сотрудничества и усиления роли международных организаций) остаются нерешенными проблемы, связанные с политизацией, недостатком ресурсов и другие.

Для дальнейшего продвижения ЦУР, повестки 2030, необходимо:

- укрепление глобального партнерства в рамках ООН и МОМ;
- разработка универсальных стандартов защиты прав мигрантов;
- внедрение цифровых инструментов учета и управления миграционными потоками;
- разработка комплекса мер, в том числе правовых, по решению проблемы климатической миграции.

Реализация этих направлений позволит приблизить достижение ЦУР и сделать миграцию фактором устойчивого развития, а не источником конфликтов и неравенства. Общими усилиями всех стран и международных организаций возможно добиться должного контроля над миграционными потоками, а также исключить теневую миграцию и излишнюю политизацию.

Список литературы

1. Инфографика: страны с самой высокой долей международных мигрантов / [Электронный ресурс] // naked-science: [сайт]. – URL: https://clck.ru/3QEA52.

2. Цели в области устойчивого развития ООН / [Электронный ресурс] // ООН: [сайт]. – URL: https://clck.ru/3QEAX7.

3. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции / [Электронный ресурс] // ООН: [сайт]. – URL: https://clck.ru/3QEAkP.

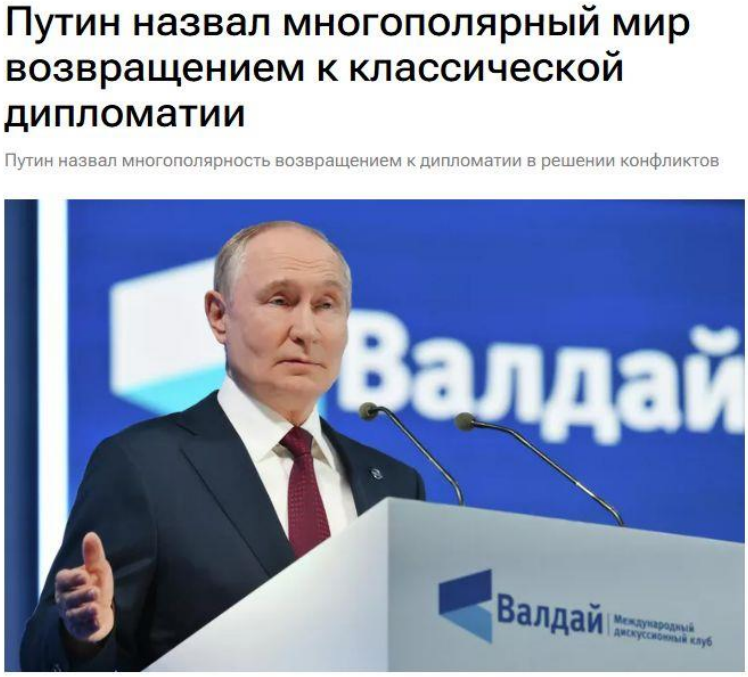
4. САБУНИ Р.М. ГЛОБАЛЬНЫЙ ДОГОВОР ООН О БЕЗОПАСНОЙ, УПОРЯДОЧЕННОЙ И ЛЕГАЛЬНОЙ МИГРАЦИИ: ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ / САБУНИ Р.М. [Электронный ресурс] // ELIBRAR: [сайт]. – URL: https://clck.ru/3QEBmu.

Садеков Р. Р.*[1]*,
доцент кафедры психологии,
педагогики и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России,
кандидат педагогических наук, доцент

Матвеев Д. А.*[2]*,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Российского экономического университета
Им. Г. В. Плеханова,
кандидат юридических наук, доцент

ПОЛИЦЕЙСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАН – УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИИ ДОГОВОРА О КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Современный мир характеризуется нарастающей сложностью и динамизмом международных отношений. Сегодня формирование многополярной системы, с одной стороны, предоставляет новые возможности для развития государств, а с другой – порождает новые вызовы и угрозы, которые в свою очередь требуют четких, скоординированных усилий всего международного сообщества. В контексте обеспечения безопасности и стабильности эти вызовы приобретают особую актуальность для стран, входящих в Организацию Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ).

[1] © Садеков Р. Р., 2025.
[2] © Матвеев Д. А., 2025.

Многополярный мир подразумевает возвращение к классической дипломатии в урегулировании конфликтов, заявил президент России Владимир Путин на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай»[1].

В условиях глобальных политических изменений и усиления многополярности традиционные механизмы обеспечения безопасности подвергаются переосмыслению. Отметим, что, в частности, вопросы полицейского взаимодействия становятся актуальными с учетом разнообразия интересов, правовых систем и стратегических приоритетов стран-участниц ОДКБ. Современные вызовы, связанные с транснациональной преступностью, терроризмом и киберугрозами, где борьба с киберпреступностью была и остается одной из приоритетных задач обеспечения безопасности государств в современном мире [1], требуют от правоохранительных структур разработки новых эффективных и действенных форм сотрудничества и обмена информацией. В этой связи необходимо проанализировать существующие механизмы и наметить поиск эффективных путей их совершенствования.

Изучением теоретических основ коллективной безопасности, роли органов правопорядка в спектре международного полицейского сотрудничества, перспективах и стоящих актуальных задачах занимались многие ученые и практики, среди которых Бальчугов С.Г., Померлян А.Н., Дергунов А.В., Буханцев А.А., Ерекенева З.С., Сидорова Е.З., Усов Е.Г., Хаванова Д.Ю., Васнецова А.С., Жилкин М.Г., Зайцев О.А., Рахмаджонзода Р.Р., Мишальченко Ю.В., Мишальченко М.Ю., Таранец В.А., Сабитова К.Р., Максименко Е.И., Середа Р.А., Жалова А.А., Кардашова И.Б., Кобец П.Н., Забавка В.И., Ву Чи.Ян., Душкин А.С., Юренкова В.А. и др.

В своей работе автор Ч.Я. Ву отмечает, что с момента распада СССР западные силы постепенно усиливались в круге российского традиционного влияния, что привело Россию инициировать создать новую организацию ОДКБ с усиленным оборонительным характером на основе СНГ, создавая специализированные силы и органы в рамке ОДКБ, которые дают больше шансов для реагирования на потенциальные угрозы и вызовы, и ОДКБ уделяет многое внимание на улучшение механизма взаимодействия [2].

Эффективная борьба с терроризмом и транснациональной преступностью требует международного взаимодействия. Россия активно включает в этот процесс подписание множества международных соглашений, касающихся борьбы с терроризмом в рамках ООН, СНГ, ШОС и Совета Европы. Отметим, что успешное функционирование правоохранительных органов зависит от уровня профессиональной подготовки их кадров, поэтому повышение квалификации работников становится первостепенной задачей. Актуальная задача подготовки кадров состоит как в национальных, так и в международных аспектах. Ярким примером эффективной подготовки специалистов является работа Всероссийского института повышения квалификации МВД России [3].

Геополитическая напряженность в современном мире постоянно нарастает, что приводит к изменению структуры мирового порядка, формированию новых

[1] https://ria.ru/20251002/putin-2045985149.html

правил и принципов мироустройства. Россия является членом ОДКБ наряду с Арменией, Беларусью, Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном.

Кардашова И.Б. в своем исследовании отмечает необходимость принятия государствами –участниками ОДКБ совместных мер по формированию действенной системы коллективной безопасности, обеспечивающей коллективную защиту в случае возникновения угрозы безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитету государств-участников и реализацию их права на коллективную оборону [4].

Важное мнение в своей работе высказывает автор Д.Ю. Хаванова, которая отмечает, что эффективность международных организаций в поддержании мирового порядка будет во многом зависеть от их способности адаптироваться к меняющимся реалиям, преодолеть структурные недостатки и выработать инклюзивную повестку глобального управления, отвечающую интересам всех государств мира [5].

Отметим, что понятие многополярности, долгое время остававшееся предметом дискуссий в академических кругах, сегодня становится реальностью международных отношений. Распад биполярной системы и формирование новых центров силы повлекли за собой изменение баланса сил, возникновение новых альянсов и коалиций, а также трансформацию существующих механизмов международного сотрудничества.

Многополярность оказывает непосредственное влияние на развитие полицейского сотрудничества, определяя как его возможности, так и ограничения. С одной стороны, она предоставляет государствам больше возможностей для выбора партнеров и форм взаимодействия, позволяя выстраивать сотрудничество на основе общих интересов и взаимной выгоды. С другой стороны, многополярность может приводить к фрагментации международного сотрудничества, дублированию усилий и возникновению противоречий между различными центрами силы. Эффективное полицейское взаимодействие в рамках ОДКБ должно

учитывать особенности многополярной системы, адаптироваться к ее изменениям и использовать ее возможности для достижения общих целей.

Само по себе полицейское взаимодействие – это скоординированная деятельность правоохранительных органов различных государств, направленная на предотвращение, выявление, пресечение и расследование преступлений, а также на обеспечение общественного порядка и безопасности. Оно охватывает широкий спектр направлений, включая обмен информацией, проведение совместных операций, оказание правовой помощи, обучение и повышение квалификации сотрудников.

Профессиональное полицейское взаимодействие между странами коллективной безопасности характеризуется как многоуровневый процесс, включающий обмен оперативной информацией, проведение совместных тренировок и реализацию единых оперативных мер. В многополярном мире, где власть распределена между несколькими центрами влияния, важным становится учет национальных особенностей и политико-правовых приоритетов каждого участника.

Анализ показывает, что:

1. Существуют как явные преимущества, так и сложности многопланового сотрудничества, связанные со спецификой правовых систем различных государств.

2. Формируются новые формы партнерства, предусматривающие адаптацию методов расследования и оперативного реагирования на угрозы, что требует постоянного обновления технологий и международной нормативной базы.

3. К сожалению, проблемы координации и взаимного доверия между правоохранительными структурами остаются ключевыми барьерами на пути к эффективному сотрудничеству.

На примере совместных антитеррористических учений и обмена оперативной информацией между странами-участниками наблюдается рост эффективности противодействия транснациональным угрозам. Однако опыт показывает, что отсутствие унифицированных стандартов и различия в правоприменительной практике часто приводят к задержкам в обмене данными и снижению оперативной совместимости. Убеждены, что рекомендации по унификации стандартов и совершенствованию нормативно-правовой базы, несомненно, могут стать основой для дальнейших исследований и практических инициатив по повышению безопасности на международном уровне.

Автором С.Г. Бальчуговым в качестве положительного аспекта отмечается, что происходит трансформация ОДКБ, вместе с тем поступательное развитие в вопросах коллективной безопасности за последние годы подтвердило объективную необходимость взаимодействия в этом формате, основанном на совместных исторических и культурных традициях, стремлении народов государств-членов ОДКБ к дальнейшему развитию и укреплению союзнических отношений [6].

Очень важно, что полицейское взаимодействие стран ОДКБ осуществляется в различных формах и с использованием различных механизмов, включая: обмен информацией, проведение совместных операций, оказание правовой помо-

щи, обучение и повышение квалификации сотрудников, разработка и реализация совместных программ и проектов и др.

Заслуживает внимание то, что поступательно, страны-участницы ОДКБ периодически проводят совместные антитеррористические учения. На таких мероприятиях правоохранительные органы обмениваются оперативной информацией, тестируют согласованность действий при отражении угроз, а также отрабатывают единые протоколы реагирования. Также важным компонентом этой работы является то, что обмен оперативной информацией помогает уменьшить временные рамки реакции на предполагаемые преступные действия. В свою очередь взаимодействие на цифровых платформах, использование единых стандартов шифрования и протоколов передачи данных играют ключевую роль, однако различия в национальном законодательстве могут усложнять такой обмен.

В этой связи, для гармонизации процедур полицейского взаимодействия регулярно организуются семинары и конференции, где эксперты из разных стран обсуждают вопросы унификации правовых норм, стандартов оперативного взаимодействия и технических аспектов военно-полицейского сотрудничества, одним из которых является наша сегодняшняя совместная работа.

Таким образом, считаем целесообразным, в условиях многополярного мира необходимо совершенствовать полицейское взаимодействие стран ОДКБ по следующим направлениям:

- *Укрепление правовой базы сотрудничества,* в ходе которой будет продолжена экспертная разработка новых и совершенствование действующих международных договоров и соглашений, регулирующих различные аспекты полицейского взаимодействия.
- *Расширение использования современных информационных технологий,* где приоритетным останется внедрение современных информационных технологий

для обеспечения оперативного обмена информацией, координации действий и анализа данных.

- *Развитие сотрудничества с другими международными организациями,* направленное на установление и развитие сотрудничества с другими международными организациями, занимающимися борьбой с преступностью и терроризмом.
- *Повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников полицейских органов и подразделений* в формате организации специализированных учебных курсов и семинаров по борьбе с современными видами правонарушений и преступлений, затрагивающих национальные и международные интересы государств.

Ключевым аспектом сегодня является то, что полицейское взаимодействие стран ОДКБ несомненно представляет собой важный фактор обеспечения безопасности и стабильности в регионе. В условиях формирующегося многополярного мира необходимо совершенствовать данное взаимодействие, укреплять правовую базу сотрудничества, расширять использование современных информационных технологий и развивать сотрудничество с другими международными организациями. Реализация этих мер позволит повысить эффективность борьбы с транснациональной преступностью, терроризмом, экстремизмом и другими угрозами безопасности, стоящими перед странами ОДКБ и всего мира.

Список литературы

1. Кузнецов, А. Г. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью / А. Г. Кузнецов // Научный портал МВД России. – 2023. – № 1(61). – С. 131-136. – EDN ZTOEMT.

2. Ву, Ч. Я. Взаимодействие стран-участниц в рамках ОДКБ / Ч. Я. Ву // Постсоветские исследования. – 2022. – Т. 5, № 6. – С. 635-646. – EDN FJHMCP.

3. Ерекенева, З. С. Международное сотрудничество МВД Российской Федерации / З. С. Ерекенева // Социальное управление. – 2025. – Т. 7, № S1. – С. 54-61. – EDN EUVRSL.

4. Кардашова, И. Б. О роли миротворческой деятельности в обеспечении национальной безопасности / И. Б. Кардашова // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2023. – № 5(97). – С. 61-68. – EDN YRQJKI.

5. Хаванова, Д. Ю. Роль международных организаций в урегулировании межгосударственных конфликтов и поддержании мирового порядка / Д. Ю. Хаванова // Теории и проблемы политических исследований. – 2024. – Т. 13, № 3-1. – С. 42-50. – EDN QSBWLS.

6. Бальчугов, С. Г. Организация договора о коллективной безопасности в публично-правовом механизме обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / С. Г. Бальчугов, А. Н. Померлян // Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири. – 2025. – № 1(23). – С. 5-16. – EDN MOTSBN.

***Саксонов Д. Р.*[1],**
студент юридического факультета
института Таврической академии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского

Научный руководитель:
Смолина М. М.,
доцент кафедры уголовного права и процесса
юридического факультета
института Таврической академии
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского,
кандидат юридических наук

ОБ АНАЛИЗЕ ДИСПОЗИЦИИ Ч. 1 СТ. 150 УК РФ И СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО ПО СТ. 150 УК РФ

В настоящее время проблема вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений становится все более актуальной по следующим причинам: во-первых, с учетом падающего уровня нравственности и проблемой в сохранении духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации, данный вид преступления максимально губительно сказывается на подрастающей и формирующейся личности несовершеннолетнего, молодом поколении в целом, так как с совершением преступления личность несовершеннолетнего деградирует; во-вторых, преступники, не желая самостоятельно совершать общественное опасное наказуемое деяние под страхом быть привлеченным к уголовной ответственности, вовлекают посредством различных механизмов принуждения в данную деятельность несовершеннолетних лиц. Впрочем, после того, как несовершеннолетний приобретает статус подозреваемого или обвиняемого, во время допроса последнего или свидетелей, может быть установлено, что несовершеннолетний совершил преступление против своей воли, т.е. был вовлечен в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Именно такую диспозицию устанавливает ч. 1 ст. 150 УК РФ, ч. 4. усиливает ответственность, если было совершено деяние, связанное с вовлечением несовершеннолетнего в преступную группу; в совершение тяжкого или особо тяжкого преступления; в совершение трех и более преступлений небольшой и (или) средней тяжести; в совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды или по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [2]. Под вовлечением, в соответствии с Постановлением Пленума ВС РФ от 01.02.2011 №1 (далее – Постановление №1), понимается действия взрослого лица, направленные

[1] © Саксонов Д. Р., 2025.

на возбуждение желания совершить преступление [6]. Чаще всего взрослые лица вовлекают несовершеннолетних в совершение преступлений, связанных с кражами, грабежами, разбоями, с наркотическими средствами, психотропными веществами и их аналогами.

Как показывает практика, взрослый человек вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещания вознаграждения (чаще всего материального) за проделанные преступные действия, а также обещаниями о безнаказанности преступной деятельности (что по своей сути является не только обещанием, но еще и обманом), реже – путем угроз. В результате пресечения и расследования данных деяний несовершеннолетний становится на стадии предварительного следствия обвиняемым, а на стадии судебного производства – подсудимым, а после, соответственно, осужденным. В свою очередь лицу, вовлекавшему в совершение преступления, совместно с несовершеннолетним, будет предан статус соучастника (чаще всего в виде подстрекателя и организатора), а после в отношении данного лица будет возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного соответствующей части ст. 150 УК РФ. На данной стадии следователю необходимо разрешить вопрос о процессуальном оформлении статуса потерпевшего несовершеннолетнему.

В соответствии со ст. 42 УПК РФ потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред; решение о признании потерпевшим принимается незамедлительно с момента возбуждения уголовного дела и оформляется постановлением дознавателя, следователя, судьи или определением суда [4, 5]. Во взаимосвязи данной статьи со ст. 150 УК РФ складывается впечатление, что вовлеченного в совершение преступления несовершеннолетнего необходимо признать потерпевшим и оформить его статус соответствующим процессуальным актом. Стоит заметить, что правоприменительная практика в данном вопросе неоднозначна, поэтому нами будет рассмотрен следующий пример. В отношении несовершеннолетней А. было возбуждено уголовное дело по признакам покушения на преступление, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, сразу же следователь допустил ее законного представителя к участию в деле, после в отношении Б. как лица, достигшего восемнадцатилетнего возраста к моменту совершения им предполагаемого преступления, возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 150 УК РФ, о чем А. и ее законный представитель не были уведомлены, далее постановлением следователя это дело соединено в одно производство с другим уголовным делом в отношении Б., возбужденным, соответственно, по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. Несовершеннолетняя А. была осуждена за совершение преступления, предусмотренного п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ, в качестве смягчающих наказание обстоятельств учтено признание вины, раскаяние в содеянном и несовершеннолетний возраст на момент совершения преступления, однако тот факт, что она была вовлечена в совершение данного преступления, взят во внимание не был. В свою очередь законным представителем А. было заявлено ходатайство о признании дочери потерпевшей (на тот момент статус

был – свидетель), однако в данном ходатайстве постановлением следователя было отказано и было сообщено, что объектом преступления, наказуемого по ч. 4 ст. 150 УК РФ, выступает не личность несовершеннолетнего, вовлеченного в совершение преступления, а совокупность общественных отношений в сфере государственной политики по реализации прав и законных интересов семьи и ребенка, по воспитанию подрастающего поколения; также отсутствовали противоправные действия, связанные с применением Б. насилия либо угроз к А., а потому она, совершив преступление хотя и под влиянием Б., но по собственной воле, не может быть признана потерпевшей. После было заявлено аналогичное ходатайство уже непосредственно в ходе судебного разбирательства, однако оно было отвергнуто с мотивировкой, что оснований к тому не установлено ввиду отсутствия сведений о том, какими из вмененных подсудимому действий и какой именно и какой именно вред был причинен А. Приговором Б. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30 и п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) и одновременно оправдан по обвинению в вовлечении путем обещаний и обмана несовершеннолетнего в совершение особо тяжкого преступления (ч. 4 ст. 150 УК РФ) за отсутствием в его действиях данного состава (факт вовлечения не нашел подтверждения в ходе судебного разбирательства, поскольку из анализа показаний свидетеля А. следует лишь, что о деятельности, связанной с незаконным распространением наркотиков, она узнала от Б., который установил на ее мобильный телефон приложение и подключил зарегистрированный аккаунт к чату с лицом, сообщившим в последующем информацию о месте нахождения закладки, о получении ею этой информации Б. не знал, она ему об этом не сообщала, никаких обещаний материального обогащения и сведений о безнаказанности преступной деятельности он ей не высказывал, денежное вознаграждение за размещение наркотиков не обещал и не предлагал, преступление, за которое А. осудили, совершено из-за желания заработать денежные средства. С учетом этого суд сделал вывод, что преступление совершено А. с целью личного обогащения, добровольно, без обещаний, уговоров, понуждения со стороны Б. и без предложений совершить запрещенное уголовным законом деяние) [7].

Российская Федерация, провозглашая себя демократическим и правовым государством, в ст. 38 Конституции устанавливает, что материнство и детство, семья находится под защитой государства [1]. Следовательно, РФ осуществляет определенную государственную политику в сфере защиты семьи, в том числе в интересах детей, среди которых: содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с традициями народов РФ, достижениями российской и мировой культуры; защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [3]. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25.05.2023 №26-П «детство – период физической, умственной и психологической незрелости и одновременно важнейший этап развития личности, на кото-

ром закладываются основы моральных и нравственных качеств, формируются мировоззрения и взгляды, определяющие жизненные принципы и перспективы; поэтому необходимо проведение эффективной правовой политики в данной области, направленной на недопущение дискриминации несовершеннолетних, а также восстановление прав и законных интересов в случаях их нарушения, соответственно, несовершеннолетний нуждается в специальной охране и заботе» [7].

Становится ясным, что в данный период у несовершеннолетнего отсутствует психофизиологическая сформированность, соответственно, он обладает высокой степенью внушаемости, податливости, не осознает социальное и общественно опасное значение своих поступков, а любое значимое действие, особенно общественно опасное, отражает влияние на его дальнейшее развитие и может нанести вред складывающейся личности. С учетом вышеназванных положений, неопределенным становится вопрос о необходимости предания статуса потерпевшего несовершеннолетнему, если он был вовлечен в совершение преступления, но без обещаний, обмана и угроз. Диспозиция ч. 1 ст. 150 УК РФ носит открытый характер, так как помимо названных способов законодатель добавляет и «иным способом», однако, что под ним понимается, ни УК РФ, ни Пленум ВС РФ разъяснения не дают. А.И. Рарог, например, указывает, что «иной способ может быть связан с убеждением несовершеннолетнего, когда взрослое лицо настойчиво разъясняет последнему целесообразность или даже необходимость участия в совершении преступления (здесь же ряд манипуляций – «не делал – не мужик», «тебе слабо?» и т.п.) [8, с. 345].

В свою очередь, посредством любого способа вовлечения оказывается негативное влияние на дальнейшее развитие и становление личности несовершеннолетнего как порядочного и законопослушного гражданина. Таким образом, независимо от способа вовлечения, несовершеннолетний в силу своей психофизиологической незрелости, в любом случае оказывается под пагубным воздействием взрослого лица, соответственно, у несовершеннолетнего формируется пренебрежительное отношение к обществу, негативное отношение к правам других лиц, а также создается ложное представление о безнаказанности за совершенные преступления, обесценивается вклад родителей и государства в формирование личности как порядочной и законопослушной. Как указывает Пленум в Постановлении №1 «с целью установления пагубного влияния необходимо на любой стадии производства выяснить характер взаимоотношений между взрослым лицом и несовершеннолетним, поскольку эти данные могут иметь существенные значения для установления роли взрослого лица в вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений» [6]. Только после установления характера взаимоотношений между взрослым лицом и несовершеннолетним, степени пагубного влияния и вовлекаемости, необходимо оформлять статус потерпевшего либо отказать в его оформлении посредством постановления с объяснением отказа (при наличии соответствующего ходатайства). Исходя из определения вовлечения, данного в Постановлении №1, необходимо установить, что действия взрослого лица побудили возбуждение желания (посредством перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ) совершить

преступление [6]. И в таком случае ставится вопрос о наличии объективной стороны и, соответственно, об оформлении статуса потерпевшего, если несовершеннолетний добровольно, без уговоров и прочих механизмов психического или физического давления совершил преступление, хоть и по указанию взрослого лица.

Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 25.05.2023 №26-П «По смыслу статьи 150 УК РФ несовершеннолетний, вовлекаемый в совершение преступления любым способом, в том числе не связанным с применением к нему физического или психического принуждения, во всяком случае становится жертвой самостоятельного преступного посягательства со стороны взрослого, оказываясь под его пагубным влиянием, способным сформировать ложное представление о допустимости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства; в случае возбуждения уголовного дела о вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления констатируется наличие признаков пагубного влияния на его нравственность и признаков причинения вреда достоинству его личности и морального вреда; вредные последствия в виде физического, имущественного, морального вреда возникают с момента их причинения конкретному лицу, и оно является потерпевшим в силу самого факта причинения вреда; таким образом, часть 4 ст. 150 УК РФ и часть 1 ст. 42 УПК РФ предполагают признание лица потерпевшим по возбужденному уголовному делу о его вовлечении в период несовершеннолетия в совершение преступления независимо от способа такого вовлечения» [7].

Важно заметить, Конституционный Суд акцентирует, что независимо от способов принуждения (психического или физического) и вовлечения, перечисленных в диспозиции ч. 1 ст. 150 УК РФ, несовершеннолетнему должен быть в любом случае предан статус потерпевшего, потому что вовлечением со стороны взрослого лица на него оказывалось пагубное влияние и ложное представление о действительности. Тем не менее, учитывая позицию Конституционного Суда, вопрос о наличии состава преступления остается открытым, если несовершеннолетнему было предложено совершить преступление на добровольной основе, взрослым лицом не использовались никакие механизмы принуждения (психологические и физические), в том числе не использовались такие способы, как обман, обещание, угроза, и если несовершеннолетний, неоднократно уже совершавший преступление без вовлечения со стороны других взрослых лиц, уже имеет преступные наклонности. Возвращаясь к вышеуказанному толкованию нормы Конституционным Судом, ставится вопрос о возможности побудить желание совершить преступление (то есть вовлечь) без всех перечисленных механизмов.

Исходя из анализа вышеуказанного толкования ст. 150 УК РФ Конституционным Судом во взаимосвязи с Постановлением Пленума Верховного Суда, по нашему мнению, если несовершеннолетний на добровольной основе и по согласию со взрослым лицом, без любого вида и способа принуждения (психологического, физического, а также посредством способов, предусмотренных дис-

позицией ч. 1 ст. 150 УК РФ) со стороны взрослого лица, умышленно, осознавая общественную опасность и характер своих действия, предвидя возможность или неизбежность общественно опасных последствий, до этого уже совершав преступления, сделал это вновь, хоть и по предложению взрослого лица, данные действия не образуют состава преступления для совершеннолетнего, предусмотренного ст. 150 УК РФ.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/ View /00012 02007040001

2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/

3. Федеральный закон от 24.07.1998 №124-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»// СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/229e3648326b2a024be 098acb6e1f0f2daefe2c8/

4. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 07.06.2025)// СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 №17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102220/#dst100009

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 №1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110315/#dst100096

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 №26-П «По делу о проверки конституционности части четвертой статьи 150 УК РФ и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 УПК РФ в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_447988/

8. Комментарий к Уголовному кодексу РФ/ отв. ред. А.И. Рарог. – 14-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2025. – 1032 с.

Саморукова А. В.*[1]*,
доцент кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук, доцент

ВЛИЯНИЕ БОЛЬШИХ ЯЗЫКОВЫХ МОДЕЛЕЙ НА РАБОТУ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Широкое использование ChatGPT – большой языковой модели (Large Language Model - LLM) – в настоящее время привлекает все большее внимание общественности, главным образом из-за ее способности быстро предоставлять готовые к использованию ответы, которые могут быть применены к огромному количеству различных контекстов.

Эти модели обладают огромным потенциалом. Машинное обучение, от которого когда-то ожидали решения только рутинных задач, доказало свою способность выполнять сложную творческую работу. Модули LLM совершенствуются, регулярно выпускаются новые версии, а технологические усовершенствования происходят быстро. Но одновременно с тем, что они открывают большие возможности для различных компаний и представителей общественности, LLM представляют собой большой риск, поскольку злоумышленники могут использовать LLM в своих преступных целях.

В ответ на растущее общественное внимание, уделяемое ChatGPT, в течение последних ряда лет представители правоохранительных органов различных государств привлекают профильных международных экспертов с целью изучить, как преступники могут злоупотреблять ChatGPT и как в свою очередь ChatGPT сможет помочь следователям в их повседневной работе.

В данной статье предпринята попытка проанализировать влияние, которое LLM и в частности ChatGPT может оказать на работу правоохранительных органов с целью более глубокого понимания проблем, которые могут представлять производные и генеративные модели искусственного интеллекта.

Структура большой языковой модели

Говоря о структуре LLM в целом, стоит рассмотреть отдельно каждую ее составляющую.

Искусственный интеллект (Artificial Intelligence)

Как известно, искусственный интеллект (далее – ИИ/Artificial Intelligence/AI) - это широкая область компьютерных наук, которая включает в себя создание интеллектуальных машин, способных выполнять задачи, которые обычно требуют интеллекта на уровне человека, такие, как понимание естественного языка, распознавание изображений и принятие решений. ИИ охватывает собой различные области: машинное обучение, обработку естественного языка, компьютерное зрение, робототехнику и экспертные системы.

Нейронные сети (Neural Networks)

---

[1] © Саморукова А. В., 2025.

Нейронные сети, также известные как искусственные нейронные сети (Artificial Neural Networks - ANN), представляют собой вычислительные системы, основанные на структуре и функциях человеческого мозга. Они состоят из взаимосвязанных узлов или нейронов, которые предназначены для распознавания информации и принятия решений на основе входных данных.

Глубокое обучение (Deep learning)

Глубокое обучение - это раздел машинного обучения, который ставит перед собой цель обучить искусственные нейронные сети, представляющие собой вычислительные системы, основанные на структуре и функциях человеческого мозга, распознавать закономерности и принимать решения на основе больших объемов данных. Глубокое обучение особенно успешно в таких областях, как распознавание изображений, обработка естественного языка и распознавание речи.

Контролируемое / неконтролируемое обучение (Supervised/unsupervised learning)

Контролируемое обучение - это тип машинного обучения, который включает в себя обучение модели с использованием маркированных данных, когда желаемый результат уже известен. Модель учится делать прогнозы или принимать решения, находя закономерности в данных и сопоставляя входные переменные с выходными переменными.

Неконтролируемое обучение - это тип машинного обучения, который включает в себя обучение модели с использованием немаркированных данных, когда желаемый результат неизвестен. Модель учится выявлять закономерности и взаимосвязи в данных без получения конкретных инструкций и часто используется для таких задач, как кластеризация, обнаружение аномалий и уменьшение размерности.

ChatGPT - это большая языковая модель (LLM), разработанная компанией OpenAI - американской научно-исследовательской организацией, занимающейся разработками в области искусственного интеллекта, впервые была представлена широкой публике в рамках ее предварительного исследования в ноябре 2022 года. Обработка естественного языка и LLM являются подразделами систем искусственного интеллекта (ИИ), которые построены на методах глубокого обучения и обучении нейронных сетей на значительных объемах данных. Это позволяет LLM понимать и генерировать текст на естественном языке.

За последние годы в этой области произошли значительные прорывы, отчасти благодаря быстрому прогрессу, достигнутому в разработке суперкомпьютеров и алгоритмов глубокого обучения. В то же время беспрецедентный объем доступных данных позволил исследователям обучать свои модели на основе огромного объема необходимой информации.

LLM ChatGPT основан на архитектуре Generative Pre-trained Transformer (GPT). Он был создан с использованием нейронной сети, разработанной для обработки естественного языка, на наборе данных из более чем 45 терабайт текста из Интернета (книг, статей, веб-сайтов, другого текстового контента), который в общей сложности включал миллиарды слов текста.

Обучение ChatGPT проводилось в два этапа: первый включал обучение без учителя, которое включало обучение ChatGPT угадывать пропущенные слова в заданном тексте, чтобы изучить структуру и знаки человеческого языка. После предварительной подготовки на втором этапе была проведена точная настройка ChatGPT с помощью обучения с подкреплением на основе обратной связи с человеком, подхода к обучению под наблюдением, в ходе которого человеческий вклад помог модели научиться корректировать свои параметры, чтобы лучше выполнять свои задачи.

Текущая общедоступная модель, лежащая в основе ChatGPT, GPT-4, способна обрабатывать и генерировать текст, подобный человеческому, в ответ на запросы пользователя. В частности, модель может отвечать на вопросы по различным темам, переводить текст, вступать в разговорный обмен («чат») и резюмировать текст, чтобы выделить ключевые моменты. Кроме того, он способен выполнять анализ настроений, генерировать текст на основе заданного запроса (например, писать рассказ или стихотворение), а также объяснять, создавать и улучшать код на некоторых из наиболее распространенных языков программирования (Python, Java, C ++, JavaScript, PHP, Ruby, HTML, CSS, SQL). Таким образом, по своей сути ChatGPT очень эффективен в принятии во внимание живого контекста и выработке ответов.

В марте 2023 года OpenAI выпустила ChatGPT Plus модель GPT4. Согласно OpenAI, GPT-4 способен точно решать более сложные задачи. Кроме того, GPT-4 может обрабатывать, классифицировать и анализировать изображения в качестве входных данных. Более того, утверждается, что GPT-4 с меньшей вероятностью отвечает на запросы о «запрещенном контенте» и с большей вероятностью выдает фактические ответы, чем предыдущие версии. Ожидается, что по мере продолжения разработки и совершенствования LLMs будут выпущены более новые версии с более широкими функциональными возможностями.

Тем не менее, модель имеет ряд важных ограничений, которые необходимо иметь в виду. Наиболее очевидный из них связан с данными, на основе которых он был обучен: хотя обновления производятся на постоянной основе, подавляющее большинство данных обучения ChatGPT датируется 2021 годом. Ответы, сгенерированные на основе этих данных, не содержат ссылок, позволяющих понять, откуда была взята определенная информация, и могут быть предвзятыми. Кроме того, ChatGPT преуспевает в предоставлении ответов, которые звучат очень правдоподобно, но часто являются неточными или неправильными/3 4. Это связано с тем, что ChatGPT в корне не понимает значения человеческого языка, а скорее понимает его шаблоны и структуру на основе огромного количества текста, на базе которого он был обучен. Это означает, что ответы часто являются базовыми, поскольку модель испытывает трудности с проведением расширенного анализа заданных входных данных. Другая ключевая проблема связана с самим вводом, поскольку часто точная формулировка приглашения очень важна для получения правильного ответа от ChatGPT. Небольшие изменения могут быстро выявить разные ответы или заставить модель поверить, что она вообще не знает ответа. Это также относится к неоднозначным подсказкам,

при которых ChatGPT обычно предполагает понимание того, что пользователь хочет знать, вместо того, чтобы запрашивать дальнейшие разъяснения.

Наконец, самое большое ограничение ChatGPT - это самостоятельное использование. В рамках политики модерации контента модели ChatGPT не отвечает на вопросы, которые были классифицированы как вредные или предвзятые. Эти механизмы безопасности постоянно обновляются, но в некоторых случаях их все еще можно обойти при правильном оперативном проектировании.

Учитывая значительный объем информации, к которой имеет доступ ChatGPT, и относительную легкость, с которой он может выдавать самые разнообразные ответы в ответ на запрос пользователя, OpenAI включила ряд функций безопасности с целью предотвращения злонамеренного использования модели ее пользователями. Конечная точка модерации оценивает данный вводимый текст на предмет потенциального сексуального содержания, разжигания ненависти, насилия или пропаганды самозащиты и ограничивает возможности ChatGPT отвечать на запросы такого типа.

Однако многие из этих мер предосторожности можно довольно легко обойти с помощью оперативного проектирования. Оперативная разработка - это относительно новая концепция в области обработки естественного языка; это практика, когда пользователи уточняют точный способ постановки вопроса, чтобы повлиять на результат, генерируемый системой искусственного интеллекта. Хотя оперативная разработка является полезным и необходимым компонентом максимального использования инструментов искусственного интеллекта, ею можно злоупотреблять, чтобы обойти ограничения на модерацию контента и создавать потенциально опасный контент. В то время как способность к оперативному проектированию создает универсальность и дополнительную ценность для качества LLM, это должно быть сбалансировано с этической и юридической точки зрения с целью предотвращения их использования с целью причинения вреда.

Несмотря на то, что LLM все еще находятся на относительно ранней стадии разработки, учитывая сложность этих моделей, исследователи и субъекты угроз находят множество новых обходных путей. В случае ChatGPT некоторые из наиболее распространенных обходных путей включают следующее:

- Создание подсказки (предоставление ответа и просьба к ChatGPT предоставить соответствующую подсказку);
- Просить ChatGPT дать ответ в виде фрагмента кода или притворяться вымышленным персонажем, рассказывающим о предмете;
- Замена триггерных слов и последующее изменение контекста;
- Передача стиля / мнения (побуждение к объективному ответу и последующее изменение стиля / перспективы, в которых оно было написано);
- Создание вымышленных примеров, которые легко перенести на реальные события (например, избегая имен, национальностей и т.д.).

Некоторые из наиболее продвинутых и мощных обходных путей представляют собой наборы конкретных инструкций, направленных на джейлбрейк (взлом) модели. Одним из них является так называемый “DAN” («сделай что-

нибудь сейчас») джейлбрейк, который представляет собой приглашение, специально разработанное для обхода мер предосторожности OpenAI и вынуждающее ChatGPT реагировать на любой ввод, независимо от его потенциально вредоносного характера. В то время как OpenAI быстро закрыла эту конкретную лазейку, впоследствии появились новые и еще более сложные версии DAN, все предназначенные для предоставления подсказок о джейлбрейке, которые позволяют ориентироваться в механизмах безопасности, встроенных в модель.

Использование ChatGPT в преступных целях

Выпуск GPT-4 предназначался не только для улучшения функциональности ChatGPT, но и для того, чтобы снизить вероятность выдачи потенциально вредных результатов. Различные семинары правоохранительных органов, в том числе Интерпола и Европола, проводимые с участием профильных экспертов. выявили широкий спектр криминальных случаев использования GPT-3.5. Однако последующая проверка GPT-4 показала, что все они по-прежнему работают. В некоторых случаях потенциально опасные реакции GPT-4 были еще более продвинутыми.

GPT-4 отличается тем, что предоставляет пользователю готовую к использованию информацию в ответ на широкий спектр запросов. Если потенциальный преступник ничего не знает о конкретной криминальной сфере, ChatGPT может значительно ускорить процесс исследования, предложив ключевую информацию, которая затем может быть дополнительно изучена на последующих этапах. Таким образом, ChatGPT можно использовать для получения информации об огромном количестве потенциальных сфер совершения преступлений без каких-либо предварительных знаний, начиная от того, как проникнуть в дом, заканчивая терроризмом, киберпреступностью и сексуальным насилием над детьми. Выявленные примеры использования, описанные в ходе семинаров, проведенных Европолом со своими экспертами, ни в коем случае не являются исчерпывающими. Скорее, цель состоит в том, чтобы дать представление о том, насколько разнообразными и потенциально опасными могут быть LLM, такие как ChatGPT, в руках злоумышленников.

Хотя вся информация, предоставляемая ChatGPT, находится в свободном доступе в Интернете, возможность использовать модель для выполнения конкретных шагов путем задания контекстуальных вопросов означает, что злоумышленникам значительно проще понимать различные виды преступлений и впоследствии совершать их.

Мошенничество и социальная инженерия

Способность ChatGPT создавать аутентичные тексты на основе запроса пользователя делает его чрезвычайно полезным инструментом для фишинговых целей. Если раньше многие виды фишинговых мошенничеств было легче обнаружить из-за очевидных грамматических и орфографических ошибок, то теперь можно реалистично выдавать себя за организацию или частное лицо, даже имея лишь базовое представление об английском языке.

Важно отметить, что контекст фишингового электронного письма может быть легко адаптирован в зависимости от потребностей субъекта угрозы, начиная от мошеннических инвестиционных возможностей и заканчивая компрометацией деловой электронной почты и мошенничеством руководителя. Таким образом, ChatGPT может предложить преступникам новые возможности, особенно для преступлений, связанных с социальной инженерией, учитывая его способность реагировать на сообщения в контексте и придерживаться определенного стиля написания. Кроме того, различным видам онлайн-мошенничества можно придать дополнительную легитимность, используя ChatGPT для создания фальшивого взаимодействия в социальных сетях, например, для продвижения мошеннического инвестиционного предложения.

На сегодняшний день такого рода вводящие в заблуждение сообщения преступникам приходится создавать самостоятельно. Некоторое время назад подобные преступления нетрудно было идентифицировать из-за очевидных орфографических или грамматических ошибок или его расплывчатого или неточного содержания. С помощью LLM эти виды фишинга и онлайн-мошенничества могут создаваться быстрее, гораздо более достоверно и в значительно большем масштабе.

Способность LLM обнаруживать и воспроизводить языковые шаблоны не только облегчает фишинг и онлайн-мошенничество, но и обычно может использоваться для имитации стиля речи конкретных людей или групп. Этой возможностью можно активно злоупотреблять с целью введения в заблуждение потенциальных жертв и принуждения их довериться преступным структурам.

В дополнение к виду преступной деятельности, описанному выше, возможности ChatGPT позволяют использовать их в ряде потенциальных случаев злоупотреблений в области терроризма, пропаганды и дезинформации. Таким образом, модель может быть использована для общего сбора дополнительной информации, способствующей террористической деятельности, такой, как например, финансирование терроризма или анонимный обмен файлами.

ChatGPT отличается высокой скоростью и масштабом создания аутентично звучащего текста. Это делает модель идеальной для целей пропаганды и дезинформации, поскольку она позволяет пользователям генерировать и распространять сообщения, отражающие конкретный нарратив, с относительно небольшими усилиями. Например, ChatGPT может использоваться для создания онлайн-пропаганды от имени других участников с целью продвижения или защиты определенных взглядов, которые были разоблачены как дезинформация или фейковые новости.

Несмотря на то, что ChatGPT отказывается предоставлять ответы на запросы, которые он считает явно вредоносными, существует возможность, аналогичная другим вариантам использования, обойти эти ограничения. Этот тип приложений не только облегчил бы распространение дезинформации, разжигающих ненависть высказываний и террористического контента в Интернете - он также позволил бы пользователям придать им неуместную достоверность, по-

скольку они были созданы машиной и, таким образом, возможно, кажутся некоторым более объективными, чем если бы они были созданы человеком.

В дополнение к созданию человекоподобного языка, ChatGPT способен создавать код на ряде различных языков программирования. Как и в случае с другими вариантами использования, можно получить ряд практических результатов за считанные минуты, введя правильные подсказки. Одна из областей преступности, на которую это может оказать значительное влияние, - киберпреступность. В текущей версии ChatGPT уже может создавать инструменты для различных вредоносных целей. Несмотря на то, что инструменты являются лишь базовыми (например, для создания фишинговых страниц или вредоносных скриптов), это дает старт киберпреступности, поскольку позволяет кому-либо без технических знаний использовать вектор атаки на систему жертвы.

Подобный тип автоматической генерации кода особенно полезен для тех криминальных авторитетов, которые практически ничего не знают о кодировании и разработке. Важно отметить, что меры предосторожности, предотвращающие предоставление ChatGPT потенциально вредоносного кода, работают только в том случае, если модель понимает, что она делает. Если подсказки разбиты на отдельные шаги, обойти эти меры безопасности несложно.

Несмотря на то, что инструменты, создаваемые ChatGPT, по-прежнему довольно просты, активное их использование субъектами угроз создает мрачные перспективы ввиду неизбежных улучшений таких инструментов в ближайшие годы. Фактически, способность ChatGPT преобразовывать подсказки на естественном языке в рабочий код была быстро использована злоумышленниками для создания вредоносного ПО. Вскоре после публичного выпуска ChatGPT в блоге Check Point Research, опубликованном в декабре 2022 года, было продемонстрировано, как ChatGPT можно использовать для создания полноценного потока заражения, от шпионского фишинга до запуска обратной оболочки, которая принимает команды на английском.

Ожидается, что возможности генеративных моделей, таких как ChatGPT, для оказания помощи в разработке кода со временем будут еще более расширяться. Последняя версия GPT-4 уже внесла улучшения по сравнению со своими предыдущими версиями и, как следствие, может эффективно способствовать киберпреступности. Новая модель лучше понимает контекст кода, а также исправляет сообщения об ошибках и исправляет ошибки программирования. Для потенциального преступника с небольшими техническими знаниями это представляет собой бесценный ресурс. В то же время более продвинутый пользователь может использовать эти улучшенные возможности для дальнейшего совершенствования или даже автоматизации сложных методов работы киберпреступников.

Примеры использования LLM, изложенные в данной статье, дают лишь общее представление о том, на что способны LLM, такие как ChatGPT. Хотя некоторые из этих примеров являются базовыми, они обеспечивают отправные точки, которые с учетом ожидаемого улучшения базовой технологии могут стать намного более совершенными и, как следствие, опасными. Другие вари-

анты использования, такие, как рассылка фишинговых электронных писем, общение по-человечески и дезинформация, уже вызывают беспокойство своей сложностью. Ожидается, что они тоже станут еще более аутентичными, сложными, и их будет трудно отличить от продукции, произведенной человеком. Усилия, направленные на обнаружение текста, генерируемого моделями искусственного интеллекта, продолжаются и могут принести значительную пользу в этой области в будущем.

Одно из величайших достижений данного типа технологий связано с концепцией «исследовательской коммуникации», то есть возможностью быстрого сбора ключевой информации по практически безграничному кругу вопросов. Возможность глубже погрузиться в темы без необходимости ручного поиска и обобщения огромного объема информации, найденной в классических поисковых системах, может значительно ускорить процесс обучения, позволяя гораздо быстрее осваивать новую область, чем это было раньше.

Влияние, которое эти типы моделей могут оказать на работу правоохранительных органов, уже несложно предвидеть. Преступники, как правило, быстро используют новые технологии и предпринимают конкретные преступные действия через несколько недель после публичного выпуска ChatGPT.

Как показали семинары, меры предосторожности, принятые для предотвращения злонамеренного использования ChatGPT, можно легко обойти с помощью оперативной разработки. Поскольку ограничивающие правила, установленные создателями моделей такого типа, вводятся в действие людьми, они требуют участия экспертов в предметной области, чтобы гарантировать их эффективность.

В ответ на некоторое давление общественности с целью обеспечения безопасности генеративных моделей искусственного интеллекта исследовательская некоммерческая организация PartnershipOnAI (PAI) разработала набор основных принципов создания контента, созданного с помощью искусственного интеллекта, и обмена им.

К этим рекомендациям присоединилась группа ряда компаний, включая OpenAI, взяв на себя обязательство придерживаться ряда передовых практик. К ним относится информирование пользователей о том, что они взаимодействуют с контентом, созданным искусственным интеллектом (например, с помощью водяных знаков, заявлений об отказе от ответственности или отслеживаемых элементов). Тем не менее остается неясным, в какой степени это предотвратит практическое злоупотребление. Кроме того, остаются вопросы относительно того, как можно эффективно обеспечить точность контента, создаваемого генеративными моделями искусственного интеллекта, и как пользователи могут понять, откуда поступает информация, чтобы проверить ее.

В то же время правоохранительные органы различных государств консолидируют законодательные усилия, направленные на регулирование систем искусственного интеллекта.

В настоящее время неизбежность совершенствования технологии ставит вопрос о том, каким выглядит будущее LLMs. Относительно вскоре после того,

как ChatGPT стал интернет-сенсацией, в январе 2023 года компания Microsoft объявила об инвестициях в ChatGPT в размере 10 миллиардов долларов США. Вскоре после этого компания представила первые попытки интеграции услуг LLM в различные приложения компании, в частности в виде новой версии поисковой системы Bing. В то же время другие конкуренты, такие как Google, объявили о планах выпустить свои собственные «экспериментальные разговорные сервисы искусственного интеллекта», за которыми, вероятно, последуют другие. Это поднимает вопросы о том, насколько более мощными могут стать модели такого типа при поддержке крупных технологических компаний, а также о том, как различные компании намерены бороться со сценариями злоупотреблений, описанными выше.

В будущем всеобщая доступность больших языковых моделей может создать и другие проблемы: интеграция иных сервисов искусственного интеллекта (например, для создания синтетических носителей) может открыть совершенно новое измерение потенциальных приложений. К одним из них относятся мультимодальные системы искусственного интеллекта, которые сочетают разговорных чат-ботов с системами, которые могут создавать синтетические медиа, такие как весьма убедительные фейки, или включать сенсорные способности, такие как зрение и слух. Другие потенциальные проблемы включают появление «серых LLMs», которые могут размещаться в сети darknet для предоставления чат-бота без каких-либо гарантий, а также LLM, которые обучены работе с определенными – возможно, особенно опасными – данными. Наконец, существует неопределенность относительно того, как службы LLM могут обрабатывать пользовательские данные в будущем – будут ли храниться разговоры и будет ли конфиденциальная личная информация передана неавторизованным третьим лицам? И если пользователи создают вредоносный контент, следует ли сообщать об этом в правоохранительные органы?

Поскольку влияние LLM, таких как ChatGPT, как ожидается, будет расти в ближайшем будущем, крайне важно, чтобы сообщество правоохранительных органов было готово к тому, каким образом их положительное и отрицательное применение может повлиять на их повседневную деятельность. Учитывая вред, который может возникнуть в результате злонамеренного использования LLM, крайне важно повысить осведомленность по этому вопросу, чтобы гарантировать, что любые потенциальные лазейки будут обнаружены и закрыты как можно быстрее.

LLM оказывают реальное влияние на правоохранительную деятельность, которое уже можно наблюдать в наши дни. Правоохранительные органы должны опасность такого влияния на все потенциально затронутые сферы преступности, чтобы иметь возможность лучше прогнозировать, предотвращать и расследовать различные виды преступных злоупотреблений.

Сотрудникам правоохранительных органов необходимо начать развивать навыки, необходимые для максимального использования таких моделей, как ChatGPT. Это означает понимание того, как эти типы систем могут быть использованы для накопления знаний, расширения существующего опыта и по-

нимания того, как добиться требуемых результатов. Это будет означать, что сотрудники правоохранительных органов должны уметь оценивать контент, создаваемый генеративными моделями искусственного интеллекта, с точки зрения точности и потенциальных искажений.

Поскольку технологический сектор вкладывает значительные инвестиции в эту область, крайне важно взаимодействовать с соответствующими заинтересованными сторонами с целью обеспечения безопасного функционирования соответствующих механизмов безопасности.

Необходимо принимать во внимание огромный потенциал, которым уже обладают LLM. ChatGPT способен содействовать значительному количеству преступных действий, начиная от оказания помощи преступникам в сохранении анонимности и заканчивая конкретными преступлениями, включая терроризм и сексуальную эксплуатацию детей. Следующие итерации LLM будут иметь доступ к большему количеству данных, смогут понимать и решать более сложные проблемы и потенциально интегрироваться с широким спектром других приложений. В то же время, будет крайне важно отслеживать потенциальные направления этого развития, поскольку теневые агенты, обученные способствовать вредоносному производству, могут стать ключевой криминальной бизнес-моделью будущего. Это создает новую проблему для правоохранительных органов, в результате чего злоумышленникам станет легче, чем когда-либо, осуществлять преступную деятельность без необходимых предварительных знаний.

По мере развития технологий и появления новых моделей для правоохранительных органов будет становиться все более важным оставаться в авангарде этих разработок с целью предвидения и предотвращения злоупотребления новейшими разработками в области ИИ.

Список литературы

1. OpenAI 2023, GPT-4 https://openai.com/product/gpt-4

2. Open AI 2023, GPT-4 System Card, https://cdn.openai.com/papers/gpt-4-system-card.pdf

3. Engineering.com 2023, ChatGPT Has All the Answers – But Not Always the Right Ones, https://www.engineering.com/story/chatgpt-has-all-the-answers-but-not-always-the-right-ones

4. Vice 2022, Stack Overflow Bans ChatGPT for Constantly Giving Wrong Answers, https://www.vice.com/en/article/wxnaem/stack-overflow-bans-chatgpt-for-constantly-giving-wrong-answers

5. NBC News 2023, ChatGPT passes MBA exam given by a Wharton professor, https://www.nbcnews.com/tech/tech-news/chatgpt-passes-mba-exam-wharton-professor-rcna67036

6. WithSecure 2023, Creatively malicious prompt engineering, https://labs.withsecure.com/publications/creatively-malicious-prompt-engineering.

7. NewsGuard 2023, Misinformation Monitor: January 2023, https://www.newsguardtech.com/misinformation-monitor/jan-2023

8. Fortune 2023, It turns out that ChatGPT is really good at creating online propaganda: ‘I think what’s clear is that in the wrong hands there’s going to be a lot of trouble’, https://fortune.com/2023/01/24/chatgpt-open-aionline-propaganda/.

9. Check Point 2023, OPENAI: AI that can save the day or hack it away, https://research.checkpoint.com/2022/opwnai-ai-that-can-save-the-day-or-hack-it-away/

10. The Washington Post 2023, The clever trick that turns ChatGPT into its evil twin, https://www.washingtonpost.com/technology/2023/02/14/chatgpt-dan-jailbreak/

11. Google 2023, An important step on our AI journey, https://blog.google/technology/ai/bard-google-aisearch-updates

MIT Technology Review 2021, AI armed with multiple senses could gain more flexible intelligence,
https://www.technologyreview.com/2021/02/24/1018085/multimodal-ai-vision-language/

Сатлер С. В.[1]***,***
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ СТРАН СОДРУЖЕСТВА НЕЗАВИСИМЫХ ГОСУДАРСТВ В СВЕТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Транснациональная организованная преступность (далее – ТОП) представляет собой одну из наиболее серьезных угроз стабильности и суверенитету современных государств. Характерной особенностью этого феномена является его способность быстро адаптироваться к меняющимся социально-политическим и технологическим условиям, выходя за рамки национальных юрисдикций.

Для стран Содружества Независимых Государств (далее – СНГ) эта проблема имеет особое значение, что обусловлено общими границами, историческими связями и схожестью правовых систем. В условиях нарастания новых вызовов, таких как цифровая трансформация преступности, эффективность международного сотрудничества становится критически важным фактором обеспечения региональной безопасности. Представляется, что «развитие общественных отношений, научно-технический прогресс и новые подходы к управлению общественными процессами продолжают и будут продолжать ставить перед учеными и практиками задачи, связанные с обеспечением эффективной борьбы с преступностью...» [1, с. 65]. Проанализируем основные формы и направления взаимодействия стран СНГ в борьбе с учетом современны реалий.

Правовую основу взаимодействия стран СНГ формируют многочисленные международные договоры и соглашения, центральным из которых выступает Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступностью 1998 г [2]. Эти документы заложили фундамент для реализации следующих базовых форм сотрудничества:

---

[1] © Сатлер С. В., 2025.

- оказание правовой помощи по уголовным делам – фундаментальная форма взаимодействия, охватывающая широкий спектр действий: от вручения документов и допросов свидетелей до проведения сложных следственных действий (обыски, изъятия) на территории запрашиваемого государства. Механизм экстрадиции (выдачи преступников) также является ключевым элементом данной формы;

- регулярный и оперативный обмен данными между правоохранительными органами и специальными службами является критически важным для выявления транснациональных преступных сетей. Используются централизованные банки данных, формируемые, в частности, на базе Бюро по координации борьбы с организованной преступностью (далее – БКБОП) и иными опасными видами преступлений на территории СНГ;

- проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий и специальных операций – согласованные действия или создание совместных следственно-оперативных групп для нейтрализации конкретных преступных структур или каналов (например, наркотрафика, торговли людьми). Примерами являются регулярно проводимые операции под кодовыми названиями «Канал», «Розыск» и др.

Современные реалии диктуют необходимость трансформации устоявшихся форм сотрудничества [3]. Новые вызовы, такие как стремительное развитие информационных технологий, гибридные конфликты оказывают существенное влияние на криминальную среду.

Преступления в сфере информационных технологий вышли на качественно новый уровень. От традиционного мошенничества до сложных кибератак на критическую инфраструктуру – эти деяния требуют разработки новых правовых инструментов и усиления кооперации в области цифровой криминалистики.

Угроза международного терроризма остается актуальной для региона СНГ. Сотрудничество в этой сфере предполагает не только пресечение терактов, но и противодействие распространению радикальной идеологии в сети «Интернет», а также выявление каналов финансирования террористических организаций.

ТОП активно использует элементы гибридных угроз, маскируя свою деятельность под легальный бизнес или используя уязвимости в системах миграционного контроля. Это требует более глубокой интеграции усилий не только правоохранительных органов, но и пограничных служб и других ведомств [4].

Представляется, что для эффективного противодействия новым вызовам необходимо дальнейшее совершенствование механизмов сотрудничества стран СНГ. Сближение национальных законодательств, особенно в сфере регулирования цифровых активов и кибербезопасности, упростит трансграничное расследование преступлений. Также следует расширять сотрудничество в области подготовки кадров, проведения совместных научных исследований и обмена передовым опытом в сфере борьбы с киберпреступностью и терроризмом. Кроме того, отметим необходимость повышения эффективности деятельности

БКБОП и Антитеррористического центра государств-участников СНГ (АТЦ СНГ) за счет расширения их полномочий и технической оснащенности.

Таким образом, сотрудничество государств-участников СНГ в борьбе с ТОП носит системный характер. Традиционные формы сотрудничества в обозначенной сфере остаются актуальными, однако требуют адаптации к стремительно меняющимся условиям. Новые вызовы и угрозы региональной безопасности диктуют необходимость усиления интеграционных процессов, разработки инновационных методов противодействия и дальнейшей унификации правовых норм. Только совместными, скоординированными усилиями государств-участников СНГ возможно эффективное противостояние этому опасному социальному явлению.

Список литературы

1. Коннов, В. А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и международная защита прав человека: проблемы соотношения и приоритетов / В. А. Коннов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Москва, 31 октября 2018 года / Под общей редакцией Д.Д. Шалягина. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 61-66.

2. Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступностью 1998 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/50699/.

3. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 166 с.

4. Пузырева, Ю. В. Международное уголовное право / Ю. В. Пузырева, И. П. Сайфуллина. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – 404 с.

***Сафроникова М. С.*[1],**
адъюнкт факультета
подготовки научно-педагогических
и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ВКЛАД КОМИТЕТА ООН ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРОТИВ ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ И ТОРГОВЛИ ДЕТЬМИ

Представляя собой одну из наиболее серьезных угроз для благополучия и развития детей по всему миру, трансграничная эксплуатация и торговля являются грубейшим нарушением прав человека. Рассматриваемый феномен чаще всего можно обусловить нищетой, неравенством, различными конфликтами и отсутствием доступа к образованию. В результате он, по своей сущности, приобретает все более сложные и транснациональные формы, требуя скоординированных усилий именно на международном уровне. В этих условиях центральным элементом сотрудничества выступает Комитет по правам ребенка (далее – Комитет, КПР). Это орган, созданный в соответствии с Конвенцией ООН о правах ребенка (далее – Конвенция, КоПР), для контроля за выполнением государствами-участниками обязательств по защите прав детей.

Конвенция о правах ребенка[2], принятая резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года [1], является наиболее широко ратифицированным международным договором по правам человека и закрепляет всесторонние права детей[3], устанавливая при этом соответствующие обязательства государств по их защите. В частности, статья 35 КоПР обязывает государства принимать все необходимые меры для предотвращения похищения детей, торговли или их контрабанды в любых целях и в любой форме. Статья 34, вместе с тем, устанавливает обязательства по защите детей от всех форм сексуальной эксплуатации и совращения.

Комитет по правам ребенка, состоящий из независимых экспертов, наделен мандатом на осуществление надзора за выполнением КоПР государствами-участниками. Этот надзор осуществляется посредством нескольких ключевых механизмов:

Во-первых, это рассмотрение периодических докладов государств-участников. Установлено, что государства обязаны регулярно представлять Комитету отчеты о мерах, которые были приняты для осуществления прав, признанных в КоПР. Следует обратить внимание, что Комитет рассматривает

---

[1] © Сафроникова М. С., 2025.

[2] Российская Федерация в числе первых десяти государств ратифицировала Конвенцию о правах ребенка, став ее участником 16 августа 1990 года. В Конвенции участвуют 196 государств, включая все государства-члены ООН, за исключением США.

[3] Конвенция объединяет в одном документе весь спектр прав человека: гражданских, политических, экономических, социальных и культурных, относящихся к детям.

их прямо в контексте диалога с представителями государств, где задает возникающие вопросы и в случае чего может выразить обеспокоенность.

Во-вторых, это Замечания общего порядка (далее – Замечание, ЗОП), разрабатываемые самим Комитетом. В них он интерпретирует содержание положений КоПР, разъясняет сферу применения и одновременно с этим дает рекомендации государствам по их эффективному осуществлению. Стоит отметить, что общие замечания представляют собой документы расширительного толкования, поэтому не являются юридически обязательными, но обладают значительным авторитетом и оказывают влияние на формирование политики государств.

В-третьих, это индивидуальные сообщения. Факультативный протокол к КоПР, который касается процедуры сообщений [2], позволяет детям или их представителям подавать жалобы в Комитет на нарушения соответствующих прав, закрепленных в КоПР, после исчерпания внутренних средств правовой защиты[1]. Можно констатировать, что рассмотрение таких сообщений позволяет Комитету выявлять системные проблемы и давать рекомендации государствам по их устранению.

В-четвертых, это дни общей дискуссии. Комитет организует такие мероприятия по конкретным темам, которые непосредственно связаны с правами детей, с участием представителей государств, международных организаций, НПО и экспертов. Эти дискуссии, необходимо подчеркнуть, способствуют углублению понимания проблем и выработке рекомендаций для государств.

В результате, имея такую систему механизмом, Комитет не просто осуществляет контроль за соблюдением прав детей, но и формирует своего рода международные стандарты в этой среде, выявляя нарушения и стимулируя государства к улучшению своих законодательств.

Комитет по правам ребенка существенно повлиял на формирование и практическую реализацию международных стандартов и рекомендаций в сфере противодействия трансграничной эксплуатации и торговли детьми. В этом ключе особенно важны общие замечания. Например, ЗОП № 13[2] 2011 года о праве ребенка на свободу от всех форм насилия [3] содержит подробные рекомендации по предотвращению и пресечению торговли детьми, а также по защите и реабилитации пострадавших. Примечательно, что в Замечании общего порядка № 6[3] 2005 года об обращении с несопровождаемыми детьми и детьми, разлученными с родителями за пределами их стран происхождения [4], Комитет уже подчеркивал необходимость защищать таких детей от торговли и эксплуатации.

---

[1] См.: дело «Х.М. против Испании» (2021), дело «В.М.Ц. против Дании» (2020), дело «Х.К. против Дании» (2022) и др.

[2] Документ основан на статье 19 Конвенции о правах ребёнка. В нём подчёркивается, что защита ребёнка должна начинаться с предупреждения всех форм насилия, а также предусматривать прямое запрещение всех форм насилия.

[3] Ссылаясь на данное Замечание, Комитет указал, что государства не должны возвращать ребёнка в ту или иную страну, если есть серьёзные основания полагать, что ему может быть причинён непоправимый вред.

Упомянутые документы подчеркивают необходимость комплексного подхода, который начинается с профилактики и ранних этапов выявления, затем предполагает процесс взаимодействия между ведомствами и завершается реабилитацией пострадавших. Отсюда следует, что государствам необходимо привести свое национальное законодательство и практику в соответствие с ключевыми положениями Замечаний.

Помимо этого, значимым инструментом являются рекомендации Комитета для государств по итогам рассмотрения их докладов. В них КПР регулярно выражает обеспокоенность по поводу трансграничной эксплуатации и торговли детьми, предлагая конкретные меры для улучшения ситуации. Данные советы касаются, в частности, усиления законодательства, укрепления правоохранительных органов, повышения осведомленности, сотрудничества с соседними странами и международными организациями, а также предоставления помощи и защиты пострадавшим.

Не менее существенным является международное сотрудничество с организациями, в котором Комитет последовательно выстраивает взаимодействие с разнообразными международными институтами, такими как Специальный докладчик ООН по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека (УВКПЧ) и Международная организация по миграции (МОМ). Такое сотрудничество позволяет Комитету получать информацию о ситуации в разных регионах и странах и координировать усилия по борьбе с трансграничной эксплуатацией и торговлей детьми.

В процессе самого взаимодействия происходит обмен данными и сформированными аналитическими отчетами, проведение совместных исследований по выделенным проблемным направлениям и миссий. С помощью этих мероприятий, как отмечается, повышается оперативность выявления случаев торговли детьми, а также улучшается сам уровень защиты и реабилитации пострадавших.

В сочетании с уже отмеченным вкладом, КПР поэтапно продвигает международное сотрудничество против трансграничной эксплуатации и торговли детьми. Это находит свое выражение в следующих основных направлениях:

1. Комитет призывает государства ратифицировать и выполнять все соответствующие международные договоры, которые касаются борьбы с торговлей людьми. Один из таких – это Палермский протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее[1] (дополнительный протокол к Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности) [5]. Заметим, что Комитет также призывает государства выполнять свои обязательства по КоПР и Факультативным протоколам к ней, о чем ранее упоминалось в работе.

[1] Согласно Протоколу, торговля детьми признаётся преступлением вне зависимости от использования запрещённых средств. В этом случае для квалификации преступления достаточно установить лишь два элемента: деяние и цель.

2. Комитет рекомендует странам сотрудничать друг с другом на двусторонней и многосторонней основе для предотвращения и пресечения трансграничной эксплуатации и торговли детьми. Такое важное взаимодействие, по-нашему мнению, может включать как теоретический обмен информацией и разработку общих стратегий, так и практическое проведение совместных операций и оказание взаимной правовой помощи.

3. Важно, что Комитет создает площадки для обмена успешными подходами в борьбе с трансграничной эксплуатацией и торговлей детьми между государствами. Следует, что в ходе рассмотрения докладов государств КПР выявляет успешные примеры и распространяет их среди других стран.

Заметим, что имеет место и аспект взаимодействия с гражданским обществом, где Комитет по правам ребенка активно сотрудничает с организациями, которые занимаются вопросами прав человека, борьбы с дискриминацией и правами детей, включая организации, возглавляемые самими детьми или молодежью. Эти объединения предоставляют Комитету важную информацию, например, о ситуации на местах, участвуют в днях общей дискуссии и оказывают поддержку государствам в рамках своих возможностей в выполнении рекомендаций Комитета.

Таким образом, можно утверждать, что Комитет по правам ребенка ООН является незаменимым институтом в формировании и укреплении международного сотрудничества, которое направлено на противодействие трансграничной эксплуатации и торговле детьми. Благодаря налаженному взаимодействию с различными международными органами и, как отмечалось, гражданским обществом, а также существующим механизмам надзора и Замечаниям общего порядка, Комитет способствует не только повышению осведомленности об имеющейся на международной арене проблеме, но и формированию международно-правовых стандартов, а также, как результат, укреплению национальных систем защиты детей. Следовательно, Комитет остается самым важным элементом в условиях защиты детей от эксплуатации и торговли, и его вклад в международное сотрудничество будет оставаться решающим в будущем.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml

2. Факультативный протокол к Конвенции о правах ребенка, касающийся процедуры сообщений (Принята резолюцией 66/138 Генеральной Ассамблеи от 19 декабря 2011 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/child_optprot.shtml

3. Замечание общего порядка № 13 (2011) Право ребенка на свободу от всех форм насилия. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g11/423/89/pdf/g1142389.pdf

4. Замечание общего порядка № 6 (2005) Обращение с несопровождаемыми и разлученными детьми за пределами страны их происхождения. URL: https://www.refworld.org/ru/legal/general/crc/2005/ru/38046

5. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности (принят резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml

6. Доклад Специального докладчика по вопросу о торговле детьми и сексуальной эксплуатации детей, включая детскую проституцию, детскую порнографию и изготовление прочих материалов о сексуальных надругательствах над детьми от 21 января 2021 г. [Текст]: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/421/01/pdf/n2242101.pdf

7. Хабриева Т.Я. Национальное и международно-правовое регулирование противодействия торговле людьми и рабству. М.: ИНФРА-М. 2019. 267 с.

Седов В. Д.[1]***,***
слушатель международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Хаминский Я. М.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ НЕЙРОСЕТЕЙ

Современный международный правопорядок, основанный на принципе государственного суверенитета и закрепленный в Уставе ООН, сталкивается с новыми вызовами, обусловленными развитием цифровых технологий. Киберпространство трансформировалось из технической среды в арену межгосударственного взаимодействия, что потребовало адаптации правовых норм XX века к реалиям XXI века. Несмотря на достигнутый на политическом уровне консенсус о применимости основных принципов международного права к информационной среде, отраженный в докладах профильных групп ООН [2, с. 11], сохраняются существенные различия в их толковании [1].

Качественно новым этапом в развитии цифровых технологий становится широкое внедрение систем искусственного интеллекта, в частности нейросетей. Их отличительной особенностью является способность к автономному принятию решений и самообучению, при этом логика этих решений не всегда прозрачна для разработчиков (феномен «черного ящика»). Это создает значительные трудности для применения института ответственности государств за международно-противоправные деяния, поскольку традиционные критерии присвоения поведения государству утрачивают свою эффективность [3, с. 45].

Цель настоящей статьи – проанализировать пределы применимости действующих принципов международного права в условиях развития нейросетей. Особое внимание уделяется угрозам и вызовам, возникающим в связи с этим для правоохранительных органов, в частности для Министерства внутренних дел Российской Федерации. Ведомство сталкивается с двойной задачей: с одной стороны, необходимо противодействовать новым формам трансграничных угроз, управляемых искусственным интеллектом, а с другой - определить правовые рамки для применения подобных технологий в собственной деятельности. Учитывая активное развитие отечественных разработок в данной сфере, согласно Национальной стратегии [4], упреждающий правовой анализ становится важным условием обеспечения национальной безопасности. Существу-

[1] © Седов В. Д., 2025.

ющая академическая доктрина, включая такой фундаментальный труд, как Таллиннское руководство 2.0 [5], заложила основу для понимания права в киберпространстве, но появление автономных систем требует нового витка осмысления, чтобы не допустить формирования правового вакуума, чреватого эскалацией и хаосом в глобальном масштабе.

Декларативное признание государствами применимости международного права к цифровой среде не устраняет существенных расхождений в толковании его фундаментальных принципов. Нормы, разработанные для физического мира и традиционных угроз, с трудом адаптируются к условиям киберпространства. Это состояние, охарактеризованное в отечественной доктрине как «поиск консенсуса» [6, с. 25], усугубляется технологическим прорывом, который не просто добавляет новые переменные, а меняет характер самой проблемы. Появление нейросетей знаменует собой качественный сдвиг: из инструмента, управляемого человеком, киберсредства могут превращаться в автономные системы, способные к самообучению и действиям, логика которых не всегда очевидна (проблема «черного ящика»).

Эта трансформация представляет особую угрозу для принципа государственного суверенитета. Если ранее его нарушение связывалось с дискретными вредоносными воздействиями на критическую инфраструктуру с возможностью их атрибуции, то теперь возникает проблема постоянного, адаптивного влияния на социально-политическую среду [7, с. 145]. Нейросеть способна осуществлять не единичные атаки, а продолжительные кампании, направленные на дестабилизацию общественных институтов и подрыв доверия. Для Министерства внутренних дел Российской Федерации это означает необходимость противостоять угрозам нового типа. Задача защиты общественного порядка усложняется переходом от противодействия конкретным субъектам к борьбе с децентрализованными и саморазвивающимися системами, установление контроля над которыми затруднено.

Аналогичные сложности возникают и в применении механизмов, призванных сдерживать межгосударственную агрессию. Критерии квалификации кибератаки как «применения силы» по смыслу Устава ООН, основанные на сопоставимости ее последствий с вооруженным нападением [5], формально сохраняют свою актуальность. Однако нейросеть способна вызывать масштабные разрушительные последствия (например, дестабилизацию финансовых рынков или нарушение работы критической городской инфраструктуры), затрудняя при этом установление прямой причинно-следственной связи. Особенно серьезные вызовы возникают для института международно-правовой ответственности. Классический тест «эффективного контроля», сформулированный Международным судом ООН [8] и требующий доказывания контроля государства над конкретной операцией, теряет свою эффективность в отношении автономных систем. Вопрос о том, как доказать контроль над системой, которой делегирована определенная степень автономии, остается открытым. Формирующаяся правовая неопределенность существенно затрудняет международное сотрудничество и, как следствие, расследование трансграничных ки-

берпреступлений и привлечение виновных к ответственности силами Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В условиях правовой неопределенности и появления новых операционных вызовов просто констатации пробелов в праве становится недостаточно. Для эффективного противодействия новым угрозам Министерству внутренних дел Российской Федерации целесообразно инициировать работу по стратегической адаптации. Одной из задач является формирование современной научно-методологической базы для оперативно-розыскной и следственной деятельности, включая разработку методик «цифровой криминалистики автономных систем». Это направление требует тесной кооперации с ведущими научными институтами. Одновременно с этим, критическую важность приобретает укрепление межведомственного взаимодействия. Представляется целесообразным создание постоянно действующей платформы с участием Министерства внутренних дел Российской Федерации, ФСБ России, ФСТЭК России и МИД России для выработки скоординированных ответов на гибридные угрозы. На международном же уровне необходимо использовать площадки Интерпола и ШОС для продвижения единых протоколов расследования преступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта. Третьим направлением работы должна стать модернизация национального законодательства. Действующие процессуальные кодексы должны быть дополнены нормами, регулирующими статус и порядок работы с электронными доказательствами, созданными автономной системой. Наконец, в основе всех этих преобразований лежит человеческий капитал. Требуется запуск программ переподготовки сотрудников и интеграция модулей по изучению ИИ в образовательные программы ведомственных вузов, чтобы специалисты правоохранительных органов обладали необходимыми компетенциями для работы с новыми технологиями.

Анализ был бы неполным без рассмотрения обратной стороны проблемы - интеграции нейросетевых технологий в деятельность самого Министерства внутренних дел Российской Федерации. В условиях активного технологического развития отказ от использования ИИ может привести к снижению эффективности правоохранительной деятельности. Применение предиктивной аналитики для выявления очагов преступности, использование систем распознавания лиц для розыска подозреваемых, автоматизированный анализ огромных массивов данных в ходе расследований – все это является насущной необходимостью для поддержания правопорядка в цифровую эпоху.

Эта внутренняя задача по модернизации имеет прямое международно-правовое измерение, прежде всего в плоскости прав человека. Применение подобных систем для сбора и анализа больших массивов данных о гражданах затрагивает фундаментальные аспекты права на неприкосновенность частной жизни, гарантированного статьей 17 Международного пакта о гражданских и политических правах [9]. В отличие от традиционных оперативно-розыскных мероприятий, носящих точечный характер, нейросеть технически позволяет осуществлять масштабный мониторинг в режиме реального времени. Возникает фундаментальный вопрос о пропорциональности такого вмешательства пресле-

дуемым законным целям. Решения, принятые алгоритмом (например, о присвоении гражданину высокого уровня «риска»), могут иметь дискриминационный характер и нарушать право на справедливое судебное разбирательство, если они не подкреплены прозрачными и проверяемыми доказательствами.

Более того, деятельность правоохранительных систем на базе ИИ может приобретать трансграничный характер. Расследуя деятельность международной преступной группы, Министерство внутренних дел Российской Федерации с помощью нейросети будет анализировать данные, находящиеся в юрисдикциях других государств, затрагивая права и интересы иностранных граждан. Такие действия, даже если они преследуют цели борьбы с преступностью, могут быть восприняты другим государством как нарушение его суверенитета или как попытка экстерриториального правоприменения. Таким образом, государство, активно использующее ИИ для внутренних нужд, само оказывается под пристальным вниманием с точки зрения соблюдения им своих международных обязательств. Оно несет ответственность за обеспечение того, чтобы его собственные цифровые инструменты не нарушали права человека и не создавали угрозы для других субъектов международного права, реализуя тем самым принцип «должной осмотрительности» (due diligence) в новом технологическом контексте.

Проведенный анализ показывает, что стремительное развитие и внедрение нейросетей является не только технологическим вызовом, а фактором, трансформирующим основы международного правопорядка. Автономность и непрозрачность функционирования этих систем создают нагрузку на его основополагающие элементы: они усложняют применение концепции государственного суверенитета, норм о запрете силы и, что наиболее критично, ставят под сомнение эффективность традиционной доктрины ответственности государств, основанной на возможности атрибуции конкретного деяния. Правовые тесты, разработанные в иную технологическую эпоху, оказываются недостаточными для адекватной оценки действий самообучающегося алгоритма.

Одновременно с этим, исследование показало, что проблема носит зеркальный характер. Министерство внутренних дел Российской Федерации оказывается в двойственном положении: оно не только выступает объектом новых анонимных и адаптивных угроз, но и само, внедряя технологии искусственного интеллекта в свою деятельность, становится субъектом пристального внимания с точки зрения соблюдения международных обязательств. Использование ИИ в правоохранительной сфере порождает сложнейшие вопросы в области прав человека и трансграничной юрисдикции, требуя от государства высочайшей ответственности за свои собственные цифровые инструменты.

Таким образом, мировое сообщество, и Россия в его составе, сталкивается с риском формирования пространства с недостаточным правовым регулированием, где технологические возможности значительно опережают нормативную базу, что может привести к росту конфликтного потенциала. Решение этой проблемы, по-видимому, лежит не в частичных изменениях существующих норм, а в формировании новой международно-правовой парадигмы. Ее ядром должно

стать смещение фокуса с попыток доказать ответственность за конкретный акт, совершенный автономной системой, на установление ответственности за ее создание, развертывание и непринятие государством должных мер по предотвращению вредоносных последствий. Только проактивный и ответственный диалог на международной арене, направленный на выработку универсальных правил, позволит интегрировать технологическую революцию в существующий миропорядок, не разрушив его до основания, и сохранить за правом его главную функцию - быть регулятором силы, а не ее оправданием.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций (Принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.

2. Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности // Документ ООН A/70/174 от 22 июля 2015 г. – 30 с. Режим доступа: URL-адрес https://docs.un.org/ru/A/70/174.

3. Проекты статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, принятые Комиссией международного права на ее пятьдесят третьей сессии (2001 г.) // Ежегодник Комиссии международного права. 2001. Т. II. Ч. 2. – С. 26–143.

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»): Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 41. – Ст. 5700. Режим доступа: URL-адрес http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910110003.

5. Tallinn Manual 2.0 on the International Law Applicable to Cyber Operations / M. N. Schmitt (Ed.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – 642 p.

6. Русинова В.Н. Международно-правовая квалификация вредоносного использования информационно-коммуникационных технологий: в поисках консенсуса // Московский журнал международного права. – 2021. – № 2. – С. 21–35.

7. Красиков Д.В. Применимость международного права к поведению государств в киберпространстве: проблемы достижения консенсуса // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 138–161.

8. Case Concerning Military and Paramilitary Activities in and Against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America), Merits, Judgment, I.C.J. Reports 1986, p. 14.

9. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17 (1831). – Ст. 291.

Секушина Е. А.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Удунян В. Р.,
старший преподаватель
кафедры прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

МЕСТО НЦБ ИНТЕРПОЛА В СИСТЕМЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВА: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В эпоху глобализации и стремительного технологического прогресса преступность приобретает беспрецедентный транснациональный характер. Организованные преступные группы и террористические сети эффективно используют открытость границ и информационные технологии для своей деятельности, что делает международное сотрудничество в правоохранительной сфере не просто желательным, но и жизненно необходимым. Центральное место в этом сотрудничестве занимает Международная организация уголовной полиции – Интерпол (International Criminal Police Organization – INTERPOL), которая объединяет 196 государств-членов [1]. Важно отметить, что на сегодняшний день спектр деятельности Интерпола расширяется и совершенствуется. Так, заседание 6-й экспертной рабочей группы Генерального секретариата Интерпола, прошедшее 10-12 сентября 2025 года в Италии, было посвящено детальному анализу итогов фазы пилотного тестирования нового механизма Интерпола – уведомления с «серебряным углом». Этот инструмент представляет собой новаторское решение, внедряемое впервые за последнее десятилетие, с целью оптимизации процессов розыска и отслеживания преступно нажитого капитала, который скрывается злоумышленниками в различных юрисдикциях. Проведенное мероприятие не только способствовало выработке конкретных мер по дальнейшему внедрению и совершенствованию уведомления с «серебряным углом», но и послужило платформой для укрепления и развития рабочих связей между зарубежными правоохранительными органами [5].

Фундаментальным звеном Интерпола на национальном уровне являются Национальные центральные бюро (далее – НЦБ). Каждое НЦБ служит единственной точкой контакта между Секретариатом Интерпола и национальными правоохранительными органами, а также между правоохранительными органами различных стран-членов. Эффективность функционирования НЦБ напрямую зависит от его места в национальной правоохранительной системе и, что

[1] © Секушина Е. А., 2025.

не менее важно, от налаженных механизмов взаимодействия с другими национальными ведомствами.

Деятельность Интерпола и его НЦБ регулируется Уставом Международной организации уголовной полиции, принятым в 1956 году (далее – Устав). Согласно ст. 32 Устава, каждое государство-член назначает орган, который будет функционировать в качестве НЦБ [1]. Этот орган должен обеспечивать связь с Генеральным секретариатом Интерпола и с НЦБ других стран, а также с национальными полицейскими и судебными властями. Принцип нейтралитета и невмешательства в вопросы политического, военного, религиозного или расового характера (ст. 3 Устава) является краеугольным камнем в деятельности всей Организации, включая НЦБ [1].

Важно отметить, что в международно-правовой доктрине выделяется ряд универсальных функций. Во-первых, это обмен информацией, направленный на получение и передачу запросов на розыск лиц, похищенного имущества, оперативных данных по преступлениям, имущества, оперативных данных по преступлениям, имеющим международный аспект, посредством защищенной глобальной полицейской коммуникационной система I-24/7. Во-вторых, международный розыск, связанный с инициированием и координацией международного поиска и задержания преступников (красные уведомления), без вести пропавших лиц (желтые уведомления), а также запрос информации о лицах (синие уведомления). В-третьих, поддержка расследований, сущность которой заключается в оказании содействия в сборе доказательств, получении показаний, проведении экспертиз за рубежом по запросам национальных правоохранительных органов. В-четвертых, координация операций, связанная с участием в международных полицейских операциях и проектах, направленных на борьбу с конкретными видами транснациональной преступности (наркотики, терроризм, киберпреступность, торговля людьми и пр.). В-пятых, аналитическая работа, заключающаяся в сборе, анализе и обобщении информации о транснациональной преступности для предоставления ее национальным и международным партнерам [3]. Кроме того, в рамках Интерпола осуществляется содействие в исполнении запросов о взаимной правовой помощи по уголовным делам и экстрадиции. НЦБ, таким образом, в национальной правоохранительной системе может значительно варьироваться, что отражает особенности государственного устройства, правовых традиций и структуры правоохранительных органов каждой страны. Рассмотрим несколько ключевых моделей.

Интеграция в Министерство внутренних дел Российской Федерации представляется Национальным центральным бюро Интерпола МВД России. Это означает, что НЦБ представляет собой структурное подразделение федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке и реализации государственной политики и нормативному правовому регулированию в сфере внутренних дел, а также по федеральному государственному контролю (надзору) в этой сфере [2]. Важно отметить, что преимуществом данной модели является обеспечение НЦБ прямого доступа к обширным оперативным, информационным и кадровым ресурсам крупнейшего правоохранительного ве-

домства страны. Это облегчает оперативный обмен данными с территориальными органами внутренних дел, которые генерируют основной объем запросов на международное сотрудничество. НЦБ имеет возможность быстро реагировать на запросы и использовать внутренние каналы для их проверки. Однако, иногда могут возникать сложности во взаимодействии с другими, не подчиненными МВД ведомствами, где может потребоваться дополнительное согласование на межведомственном уровне.

Под эгидой федерального агентства в США НЦБ Интерпола входит в состав Министерства юстиции и управляется Федеральным бюро расследований (ФБР), являющимся одним из ведущих федеральных правоохранительных и разведывательных агентств. При этом, в составе НЦБ Интерпола Вашингтон работают сотрудники различных федеральных агентств, включая ФБР, Департамент внутренней безопасности (DHS), службу маршалов США, Управление по борьбе с наркотиками (DEA) и другие. Такая модель позволяет консолидировать усилия множества федеральных агентств, имеющих международные концепции, под одним началом Интерпола. Межведомственный состав НЦБ облегчает координацию и обмен информацией между различными федеральными структурами, имеющими свои базы данных и сферы ответственности. ФБР как ведущее агентство предоставляет значительные ресурсы и экспертный потенциал. Однако, децентрализованная правоохранительная система США (федеральный, штатный, местный уровни) может создавать сложности для обеспечения единого подхода и быстрого обмена информацией на всех уровнях [4]. Координация между федеральными, штатными и местными правоохранительными органами является постоянным вызовом.

Централизованный подход через Национальное агентство по борьбе с преступностью (далее – NCA) в Великобритании НЦБ Интерпола с 2013 года является частью Национального агентства по борьбе с преступностью (National Crime Agency – NCA). NCA – это мощный национальный правоохранительный орган, занимающийся борьбой с организованной преступностью, серьезными преступлениями и киберпреступностью [4]. Необходимо понимать, что интеграция в NCA обеспечивает НЦБ прямой доступ к передовой политике и оперативным возможностям ведущего агентства по борьбе с наиболее опасными видами преступлений. NCA объединяет функции разведки и оперативной работы, что позволяет более эффективно использовать данные Интерпола в национальных расследованиях. Централизованная структура облегчает взаимодействие с региональными полицейскими силами и другими ведомствами (например, таможней, налоговой службой и пр.). Существенным недостатком такой системы признается факт, что создание нового мега-агентства, такого как NCA, всегда сопряжено с проблемами интеграции и согласования полномочий с уже существующими структурами. Кроме того, централизация может иногда замедлять реакцию на запросы местных правоохранительных органов.

В Германии НЦБ Интерпола интегрировано в Федеральное ведомство уголовной полиции (Bundeskriminalamt – BKA). BKA является центральным органом уголовной полиции Германии, координирующим борьбу с тяжкими пре-

ступлениями на федеральном уровне и поддерживающим сотрудничество с земельными полицейскими органами [4]. Размещение НЦБ Интерпола в BKA обеспечивает четкую вертикаль взаимодействия и экспертную поддержку на федеральном уровне. BKA обладает значительными ресурсами для криминалистических экспертиз, анализа и проведения расследований. Оно служит единым контактным пунктом для всех 16 земельных полицейских ведомств, что упрощает международное взаимодействие для децентрализованной немецкой правоохранительной структуры. Сложность федеративной структуры Германии может иногда приводить к задержкам в передаче информации между BKA и земельными полициями, хотя механизмы взаимодействия постоянно совершенствуются.

Эффективность НЦБ Интерпола напрямую зависит от его способности координировать действия и обмениваться информацией с широким кругом национальных ведомств. Так, например, взаимодействие с органами внутренних дел (в частности, с полицией) является наиболее прямым и интенсивным взаимодействием. Национальные полицейские силы являются основным звеном передачи и получения информации через НЦБ. Такое взаимодействие осуществляется в рамках запросов на международный розыск, обмена оперативной информацией о преступниках и преступных группах, проверки иностранных граждан, а также содействия в международных расследованиях. Кроме того, сотрудничество с разведывательными агентствами и ведомствами становится все более важным, особенно в борьбе с терроризмом, киберпреступностью, организованной преступностью и шпионажем. Неотъемлемой частью межведомственного взаимодействия является сотрудничество с органами прокуратуры и следствия. Это взаимодействие критически важно для процессуальной стороны межведомственного сотрудничества по уголовным делам. Так, в рамках данного процесса осуществляется координация запросов о правовой помощи (истребование доказательств, проведение допросов и пр.), вопросы экстрадиции, передача лиц, представление интересов государства в международных судебных инстанциях. Кроме того, особую актуальность на сегодняшний день приобретает взаимодействие с миграционными службами по вопросам контроля за въездом/выездом иностранцев, розыска лиц, нарушивших миграционное законодательство, или причастных к преступлениям. Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что, по мнению К.А. Сафронова, одним из необходимых условий успешного межведомственного сотрудничества является формирование в каждом ведомстве системы специальных координаторов [4]. Их функция заключается в поддержании оперативной связи с НЦБ Интерпола и контроле за неукоснительным выполнением установленных протоколов. Нельзя не согласиться с точкой зрения правоведа, поскольку для достижения целей борьбы с транснациональной преступностью необходима мобилизация всех сил и средств как на национальном, так и на международном уровнях.

Таким образом, национальные центральные бюро Интерпола являются неотъемлемой и стратегически важным элементом в системе международной борьбы с преступностью. Их место в национальной правоохранительной систе-

ме, будь то интеграция в Министерство внутренних дел (Российская Федерация), федеральное агентство (США, Германия) или специализированное национальное агентство (Великобритания), определяется историческими, правовыми и политическими особенностями каждого государства. Несмотря на различия в организационных моделях, для всех НЦБ критически важным является налаженное и эффективное межведомственное взаимодействие. Оно позволяет оперативно обмениваться информацией и координировать действия в условиях, когда преступность не знает границ. Укрепление роли НЦБ Интерпола и оптимизация его взаимодействия с национальными ведомствами через стандартизацию процедур, технологическую интеграцию, повышение квалификации кадров и укрепление международного правового поля являются ключевыми условиями для эффективного противодействия глобальным преступным угрозам и обеспечения безопасности в XXI веке.

Список литературы

1. Устав Международной организации уголовной полиции (ИНТЕРПОЛ) от 13.06.1956 г. // Официальный сайт МИД России [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/AUfC (дата обращения: 06.10.2025).

2. Приказ МВД России от 31.03.2012 № 305 (ред. от 28.12.2021) «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/WcAx (дата обращения: 06.10.2025).

3. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международная организация уголовной полиции: история и современность // Вестник Московского университета МВД России. – № 8. – 2016. [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/HGDL (дата обращения: 06.10.2025).

4. Стронский Д.Д. Организационно-правовое становление и развитие Национального центрального бюро в Российской Федерации: Общетеоретические и историко-правовые аспекты: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Д.Д. Стронский. – Краснодар, 2002. – 236 с.

5. Делегация руководства НЦБ Интерпола МВД России приняла участие в 6-ом заседании экспертной рабочей группы Интерпола по отслеживанию и возврату активов, полученных преступным путем // МВД Медиа [Электронный ресурс] URL: https://clk.li/vIgN (дата обращения: 06.10.2025).

***Сенченко Е. А.*[1],**
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

***Бояринова Е. А.*[2],**
курсант факультета подготовки сотрудников
для подразделений экономической безопасности
и противодействия коррупции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ГЛОБАЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Современная цивилизация характеризуется беспрецедентным прогрессом в технологическом развитии, коммерческой деятельности и средствах связи. Информационные потоки свободно циркулируют по обширным цифровым каналам, формируя тесную взаимозависимость государств и обществ. Данное переплетение, наряду с очевидными преимуществами, сопряжено с определенными рисками, поскольку криминальные структуры адаптируются и используют эти же коммуникационные платформы для осуществления нелегальных операций. В условиях углубляющейся интеграции мирового пространства критически важным становится осознание принципов глобальной взаимосвязанности.

В контексте интенсификации международных связей эскалация транснациональной преступности представляет собой значимую проблему, требующую консолидированных усилий всего мирового сообщества. Криминальные организации эволюционировали в сложные, разветвленные структуры, беспрепятственно функционирующие за пределами национальных границ. Это обстоятельство обусловливает потребность в совершенствовании методик, применяемых правоохранительными органами, для обнаружения и пресечения противозаконной деятельности в экономических субъектах. Эффективная борьба с подобными преступлениями невозможна без тесного международного взаимодействия, предполагающего скоординированные действия государств, направленные на обмен оперативной информацией, техническими ресурсами, накопленным опытом и передовыми методиками. Подобное сотрудничество должно выходить за рамки узконациональных интересов, ориентируясь на достижение общей цели – обеспечение глобальной защищенности[3].

Глобальное сотрудничество является не просто одним из вариантов стратегии, а фундаментальной необходимостью в современном ландшафте уголовно-

---

[1] © Сенченко Е. А., 2025.
[2] © Бояринова Е. А., 2025.

[3] Организация Объединенных Наций. (2000). Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протоколы к ней.

го правосудия. Главная цель данного исследования заключается в предпосылке, что совместные усилия между странами необходимы для эффективного решения проблем, связанных с транснациональными преступлениями. После изучения исторических механизмов международного сотрудничества, примеров успеха и попутно возникших трудностей, следует выделить решающий аспект глобального сотрудничества в создании и внедрении надежной уголовной системы, способной ориентироваться в большинстве возможных тонкостей современного мира.

Транснациональные преступления представляют собой постоянно развивающуюся угрозу. Эти правонарушения выходят за рамки одного государства и охватывают спектр незаконной деятельности во всех странах. Примерами являются такие преступления как: торговля людьми, контрабандой наркотиков, киберпреступность, терроризм, отмывание денег, легализация и т.д. Из-за того, что преступные элементы используют всемирную паутину, понимание точного определения и проявления транснациональных преступлений имеет первостепенное значение для разработки эффективных контрстратегий[1].

Широкое распространение подобных злодеяний оказывает существенное влияние как на внутреннюю, так и на международную безопасность. Подобная активность нивелирует автономию отдельных государств, уменьшая эффективность действий сил правопорядка по сохранению общественного спокойствия. Помимо этого, взаимосвязанность подобного рода правонарушений создает угрозу устойчивости, поскольку способна инициировать региональные противоречия, финансировать террористическую деятельность и облегчать распространение контрабандной продукции. Изучение указанных связей имеет определяющее значение для осознания значимости международного содействия в противодействии противоправной деятельности.

Существенной преградой для индивидуальной борьбы с трансграничными преступлениями является юрисдикционная неопределенность. Преступная активность, перешагивая государственные границы, создает правовые лакуны, осложняющие следственные действия. Злоумышленники намеренно используют указанный аспект в качестве тактического приема, создавая "юридические коллизии" с целью уклонения от ответственности перед законом. Сложившаяся ситуация предопределяет необходимость консолидации усилий, преодолевающих традиционные правовые ограничения.

Неоднородность, характеризующая глобальные криминальные структуры, служит значительным препятствием для государств, разрабатывающих независимые стратегии борьбы с транснациональными правонарушениями. Очевидно, что для предупреждения образования новых криминальных схем, а также, для проведения расследований, необходима координация действий правоохранительных органов на международном уровне, поскольку преступные сообщества проявляют колоссальную гибкость к современным инновационным методам.

---

[1] Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УПОН). (2020). Глобальный отчет о торговле людьми.

Объединение усилий правоохранительных структур, согласно аналитике, оказывает эффективное влияние на работу в сфере противодействия преступности. Тесная связь по вопросам безопасности, координация действий в международной правоохранительной сфере необходима, поскольку в последние годы наблюдается снижение эффективности усилий индивидуальных стратегий.

Современная криминальная среда характеризуется постоянным совершенствованием методов осуществления преступной деятельности, особенно в сфере трансграничных правонарушений. Это обстоятельство существенно повышает значимость межгосударственного взаимодействия в информационном пространстве.

Однако, несмотря на очевидную необходимость оперативного обмена данными, существуют определенные барьеры. Они связаны прежде всего с правовыми нюансами и различиями в подходах к обеспечению информационной безопасности, которые сложились в разных странах.

При рассмотрении примеров работы с Интерполом следует отметить высокое количество раскрытых уголовных дел, требующих международного взаимодействия. Оказанная данной организацией помощь подчеркивает ее влияние на противодействие правонарушениям. Подобные примеры служат иллюстрацией некого «стимула» для помощи и организации коллективной деятельности, Интерпол показывает, насколько важно помогать друг другу при поиске и задержании преступников, а также при ликвидации нелегальных коридоров и сетей.

Установленные между странами договоры являются главными нормативными актами, регулирующими различные юридические вопросы при расследовании трансграничных преступлений, примерами могут быть: договоры об экстрадиции, соглашения о взаимопомощи и сотрудничестве с целевыми группами. Такие нормативные акты позволяют выстроить определенный порядок при проведении правовых процедур, облегчить обмен информацией и выдачу преступников, то есть ускорить реагирование на первые признаки криминогенного характера.

Существование международных институтов, как Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Организация американских государств, создает благоприятные условия для организации совместной деятельности стран по противодействию международным преступлениям. Такие организации являются основой для разработки большого числа договоренностей, стратегий, что, несомненно, усиливает влияние глобального сотрудничества в борьбе с преступностью.

В современном мире, где угрозы постоянно меняются и развиваются, крайне важно уделять особое внимание существующим формам международного сотрудничества. Необходимо понимать, что только непрерывное развитие и совершенствование механизмов взаимодействия может обеспечить эффективную защиту от возникающих вызовов.

Представители правоохранительных органов, политики и международные институты должны быть готовы быстро адаптировать свои подходы и законодательство к новым формам трансграничной преступности. Это требует не

только оперативного реагирования, но и проактивной позиции в вопросах безопасности.

Криминальный мир не стоит на месте, постоянно изобретая новые способы совершения преступлений. В ответ на это необходимо выстраивать гибкую систему взаимодействия между странами, основанную на:

- постоянном обмене опытом;
- совершенствовании существующих методов работы;
- анализе как успешных кейсов, так и допущенных ошибок.

Только непрерывное движение вперед и готовность к изменениям позволит мировому сообществу эффективно противостоять постоянно эволюционирующим формам транснациональной преступности и сохранять контроль над ситуацией. Регулирование данных сложностей требует создания максимально защищенных каналов связи, внедрения специализированных протоколов и, конечно, укрепления доверия между государствами, не смотря на расхождения во взглядах на другие аспекты или политические разногласия. Объединение сил по решению этих проблем является основой для всемирного обмена информацией и разведданными в сфере противодействия преступности.

Многочисленные прецеденты служат иллюстрацией результативного международного взаимодействия в противодействии транснациональным злодеяниям. Объединенные усилия привели к проведению совместных операций и расследований, преодолевающих национальные границы. В качестве примеров можно привести операцию "Инфракрасный", направленную на борьбу с торговлей людьми, и проект "Кассандра", нацеленный на ликвидацию глобальных сетей по незаконному обороту наркотических средств. Указанные инициативы демонстрируют эффективность консолидированных действий. Подобные совместные усилия, зачастую координируемые такими организациями, как Интерпол, подчеркивают значимость международного сотрудничества в противодействии сложности и масштабам транснациональной преступной деятельности.

Успех международного взаимодействия определяется не только результативностью отдельных операций, но и их совокупным воздействием на транснациональные криминальные структуры. К числу заметных достижений можно отнести ликвидацию крупных наркокартелей, демонтаж сетей контрабанды людей и арест влиятельных преступников с глобальной сферой деятельности. Совместный подход ограничивает операционные возможности обозначенных сетей, разрушает их финансовую инфраструктуру и посылает мощный сигнал, выходящий за рамки отдельных юрисдикций, способствуя созданию более безопасной и стабильной мировой обстановки.

Стремительное развитие технологий, создание искусственного интеллекта и цифровой среды кардинально преобразили подходы правоохранительных органов к взаимодействию в мировом масштабе. Доступ к базам данных, в которых хранится информация о преступниках, угнанных транспортных средствах, украденных паспортах, отпечатки пальцев и прочие данные, оказывает неоценимую помощь при выявлении и задержании преступников, пересекающих границы разных государств.

В заключение хочется отметить, что взаимодействие правоохранительных структур на транснациональном уровне обусловлено как активным ростом преступлений, затрагивающих несколько государств, так и постоянным развитием новых технологий и инноваций. Практические кейсы, от операций против торговли людьми до ликвидации наркокартелей, убедительно демонстрируют, что глобальная кооперация не просто желательна, а жизненно необходима для эффективного ориентирования в сложном и постоянно меняющемся криминальном пространстве XXI века.

Для повышения эффективности международного взаимодействия в сфере уголовного правосудия требуется принятие срочных и действенных мер.

Правительствам разных стран необходимо сосредоточить усилия на нескольких ключевых направлениях:

- укрепление дипломатических связей и обязательств;
- создание атмосферы доверия между участниками международного сотрудничества;
- разработка современных методов преодоления юридических, культурных и политических барьеров.

Особое внимание следует уделить следующим аспектам:

- расширение полномочий международных организаций, в частности Интерпола;
- активизация процесса заключения межгосударственных договоров как на двусторонней, так и на многосторонней основе;
- внедрение передовых технологических решений в практику международного сотрудничества.

Достижение общей цели – обеспечение безопасности во всем мире – возможно только при условии объединения усилий всех участников международного сообщества. При этом важно находить баланс между национальными интересами отдельных государств и глобальными задачами по созданию более безопасного и справедливого мироустройства.

Благодаря скоординированным действиям и единой позиции международное сообщество способно успешно противостоять угрозам транснациональной преступности. Это позволит сформировать будущее, в котором международное сотрудничество станет основой надежной системы уголовного правосудия.

Список литературы

1.https://criminal-justice.iresearchnet.com/criminal-justice-process/international-aspects-and-extradition/global-cooperation-in-crime-fighting/;

2. Арсовска, Дж., Доорн, Н. (Ид.). Глобальная организованная преступность: подход 21-го века. Рутледж. – 2017.

3. Бейли, Д. Ч. Полиция в мире: сравнительная перспектива. Издательство Оксфордского университета. – 2010

4. Даммер, Х. Р., и Альбанезе, Дж. С. Сравнительные Системы Уголовного Правосудия: Актуальный Подход. Пирсон. – 2011.

5. Финкенауэр, Дж. О.. Борьба с транснациональной преступностью: концепции, действия и ответы. Публикации Sage. – 2008.

6. Интерпол. Годовой отчет за 2020 год. – 2021. https://www.interpol.int/en/content/download/15573/file/54a85728-efb1-4df2-8d2e-158e75ea8556;

7. Надельманн, Э. А. Полицейские через границы: интернационализация США Правоприменение Уголовного Права. Издательство Университета штата Пенсильвания. – 1993.

8. Райхель, П. Сравнительные Системы Уголовного Правосудия: Актуальный Подход. Зал Прентис. – 2008.

9. Шелли, Л. (Изд.). Торговля людьми: глобальная перспектива. Издательство Кембриджского университета. – 2005.

10. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УПОН). Глобальный отчет о торговле людьми. – 2020. https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/glotip.html;

11. Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. Резолюция 2388 о торговле людьми в конфликтных ситуациях. – 2017. https://undocs.org/S/RES/2388(2017);

12. Организация Объединенных Наций. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности и Протоколы к ней. – 2000. https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-e.pdf;

13. Ван Дуйн, П. С., van Dijck, M., & von Lampe, K. (Ид.). Организованное преступное сообщество: эссе в честь Алана А. Блок. Спрингер. – 2019.

14. Вардак, А. (Изд.). Преступность и повстанцы в племенных районах Афганистана и Пакистана. Спрингер. – 2016.

15. Уильямс, П. Транснациональные преступные организации, киберпреступность и отмывание денег: справочник для сотрудников правоохранительных органов, аудиторов и финансовых следователей. Пресса CRC. – 2001.

16. Йылмаз, Й. (Изд.). Киберкриминология: изучение интернет-преступлений и преступного поведения. Пресса CRC. – 2017.

***Серебрякова О. М.*[1],**
доцент кафедры
иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат филологических наук

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Уровень сотрудничества правоохранительных органов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и особенно между Австралией и ее ближайшими соседями, остается высоким на протяжении многих лет. Сотрудничество между региональными организациями, а также между правительственными учреждениями и департаментами Австралии и их региональными партнерами убедительно подтверждается широким спектром и сочетанием специализированных региональных совещаний, консультаций, обмена разведданными, меморандумами о взаимопонимании, договорами и предоставлением финансирования и персонала.

По сути, сотрудничество правоохранительных органов, взаимодействие между правоохранительными органами облегчается и усиливается за счет деятельности правоохранительных органов, не являющихся оными. Ряд австралийских правительственных департаментов и агентств, а также региональных органов участвуют в борьбе с транснациональной преступностью в целом и терроризмом в частности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Очевидно, что в странах региона будут существовать различия в возможностях решения подобного рода проблем, отчасти обусловленные относительным экономическим неравенством. Однако, что касается борьбы с терроризмом, правительства стран Юго-Восточной Азии прилагают большие усилия для решения этой проблемы.

Федеральная полиция Австралии обеспечивает соблюдение уголовного законодательства Австралийского союза и защищает интересы Содружества и государства в целом от преступлений в Австралии и за рубежом, а также является международным представителем Австралии по вопросам правоприменения и охраны правопорядка, главным источником консультаций для правительства Австралии по вопросам охраны правопорядка. В апреле 2004 года Федеральная полиция Австралии подписала протокол с правоохранительными органами Филиппин о запуске проекта стоимостью 3,65 миллиона долларов, направленного на укрепление потенциала страны в области борьбы с терроризмом путем совершенствования правоохранительных органов Филиппин в следующих областях: обмен разведывательными данными, методы расследования взрывов и судебно-медицинская экспертиза.

На сегодняшний день 208 сотрудников Федеральной полиции Австралии, а также 94 сотрудника из восьми стран региона составляют 302 полицейских подразделения, которые в настоящее время работают на Соломоновых островах

[1] © Серебрякова О. М., 2025.

под эгидой Региональной Миссии по оказанию помощи Соломоновым островам. В данные полицейские подразделения входят сотрудники из Австралии, Новой Зеландии, Фиджи, Тонга, Самоа, Вануату, Кирибати, Науру и острова Кук. К достижениям Региональной Миссии по оказанию помощи Соломоновым островам на сегодняшний день относятся: • Создание подразделения охраны RSIP. • Организация подготовки руководящих кадров для старших офицеров полиции. • Назначение консультантов в систему правосудия для повышения способности страны справляться с большим количеством производимых арестов. • Завершение строительства новой тюрьмы строгого режима в Хониаре и усиление тюремной службы. • Разработка инициатив по предупреждению преступности в школах и в обществе в целом.

Кроме того, в рамках совместного проекта Федеральной полиции Австралии Группы по борьбе с терроризмом были направлены в Индонезию для оказания помощи индонезийской национальной полиции в вопросах, связанных с терроризмом, под эгидой Джакартского оперативного центра.

Федеральная полиция Австралии оказала содействие в создании Совместной группы по расследованию незаконного ввоза людей в Иммиграционном бюро Королевской полиции Таиланда, которая также занимается координацией деятельности по борьбе с транснациональной преступностью. Совместная группа Федеральной полиции Австралии и Камбоджи по расследованию транснациональной преступности разработала структуру для содействия борьбе с транснациональной преступностью, включая рабство и сексуальное насилие. Данной группой была создана группа по борьбе с транснациональной сексуальной эксплуатацией и торговлей людьми, состоящая из специально подготовленных следователей и аналитиков, деятельность которой координируется Координационным центром Федеральной полиции Австралии по борьбе с транснациональной преступностью.

Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС) является ведущим форумом для содействия экономическому росту, сотрудничеству, торговле и инвестициям в Азиатско-Тихоокеанском регионе. АТЭС в основном занимается вопросами терроризма. В состав Целевой группы по борьбе с терроризмом ФЕЭС, созданной в феврале 2003 года, входят инициатива «Безопасная торговля в регионе АТЭС», направленная на обеспечение безопасности и расширение потока товаров и людей посредством мер по защите грузов, судов, международной авиации и транзитных пассажиров; пресечение финансирования терроризма; содействие кибербезопасности; и • инициатива по энергетической безопасности [2].

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стремится ускорить экономический рост, социальный прогресс и культурное развитие в регионе. АСЕАН (в состав которой входят Бруней-Даруссалам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Филиппины, Сингапур, Таиланд, Вьетнам) реализовали несколько проектов и инициатив в области борьбы с транснациональной преступностью, таких как Семинар АСЕАН по борьбе с отмыванием денег (июль 2003 г.), семинар АСЕАН по Борьба с контрабандой оружия (июнь 2003

года) и семинар АСЕАН-Китай «Сотрудничество правоохранительных органов в борьбе с транснациональной преступностью» (сентябрь 2003 года). В число перспективных проектов входят семинар АСЕАН по борьбе с морским пиратством и Семинар АСЕАН по торговле людьми, в особенности женщинами и детьми. Созданы механизмы для сотрудничества АСЕАН плюс три (Китай, Япония и Республика Корея), начато сотрудничество в области борьбы с терроризмом [1]. В июле 2004 года Австралия и АСЕАН подписали декларацию о борьбе с терроризмом, которая предусматривает расширение сотрудничества и взаимодействия между правоохранительными органами и службами безопасности в отношении режимов борьбы с терроризмом; продолжение и совершенствование обмена разведывательными данными и информацией, в частности, о финансировании терроризма; активизацию усилий по наращиванию потенциала правоохранительных органов посредством профессиональной подготовки, просвещения и консультаций; оказание помощи в вопросах транспортной безопасности и пограничного и иммиграционного контроля; заявление о сотрудничестве в борьбе с пиратством и другими угрозами морской безопасности.

Полиция и сотрудники правоохранительных органов стран АСЕАН договорились о создании национальных целевых групп по борьбе с терроризмом для укрепления регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом, в частности, в вопросах допроса свидетелей, поиска и изъятия доказательств. В программе действий АСЕАН по борьбе с транснациональной преступностью (принятой в мае 2002 года) определены шесть направлений сотрудничества: 1. обмен информацией; 2. сотрудничество по правовым вопросам; 3. сотрудничество в правоохранительных вопросах; 4. наращивание институционального потенциала; 5. Обучение; 6. межрегиональное сотрудничество [4].

Иммиграционные власти стран АСЕАН договорились оказывать содействие и координировать свои действия с другими правоохранительными органами. Правоохранительные органы стран АСЕАН предотвращают передвижение террористов и пресекают трансграничный терроризм, работая над созданием разведывательных подразделений, а их ведомства занимаются борьбой с торговлей людьми, контрабандой людей и терроризмом, создали справочник координаторов АСЕАН для иммиграционных властей стран АСЕАН в целях обмена информацией. Продолжается реализация следующих совместных мероприятий АСЕАН: • Совместная декларация АСЕАН и Китая о сотрудничестве в области безопасности и Меморандум о взаимопонимании, принятый 4 ноября 2002 года и 10 января 2004 года, соответственно. • Совместная декларация АСЕАН и ЕС о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, принятая на 28 января 2003 года • Совместная декларация АСЕАН и США о сотрудничестве в борьбе с международным Терроризму, подписанный 1 августа 2002 года • Совместная декларация АСЕАН и Индии о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, принятая 8 октября 2003 года.

Таможенная служба Австралии обеспечивает безопасность и неприкосновенность границ Австралии. Ключевыми достижениями таможни Австралии в региональном сотрудничестве являются подписание двусторонних меморанду-

мов о взаимопонимании в области таможенного сотрудничества с таможенными администрациями Фиджи (октябрь 2003 г.), Таиланда (декабрь 2003 г.) и КНР (апрель 2004 г.); и проведение официальных двусторонних переговоров с администрациями заказчиков из Кореи (октябрь 2003 г.), Японии (апрель 2004 г.) и Индонезии (май 2004 г.). Австралийская таможня также принимала другие правительственные делегации из более чем 20 стран или направляла своих представителей для посещения, в том числе, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Народной Китайской Республики, Гонконга, Индонезии, Японии, Республики Кореи, Малайзии, Новой Зеландии, Филиппин и Таиланда. Совместно с Департаментом транспорта и региональных служб Таможенная служба Австралии провела обучение по новому режиму безопасности на море в Индонезии, Филиппинах, Папуа - Новой Гвинее, Таиланде и Вьетнаме [3].

Азиатско-Тихоокеанский регион включает в себя ряд развивающихся государств, многие из которых в той или иной степени сталкиваются с целым рядом экономических, социальных и политических проблем. К ним относятся текущие вопросы, такие как необходимость экономической реформы, реструктуризация государственных предприятий и реформа финансового и судебного секторов как с точки зрения их инфраструктуры, так и с точки зрения надзора. Кроме того, требуется дальнейшая работа в секторе уголовного правосудия, включая дальнейшее сотрудничество с правоохранительными органами, а также сокращение масштабов коррупции и борьбу с ней.

Правительство Австралии продолжает играть заметную и ведущую роль в содействии достижению и поддержанию изменений, необходимых для обеспечения растущей и долгосрочной стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, частью которого оно является. Основные вопросы полицейской деятельности, которые могут возникнуть в любой стране региона, будут включать, в связи с участием Австралии, материально-техническое обеспечение интеграции Австралийской федеральной полиции в правоохранительную систему принимающей страны, юридические вопросы, такие как характер и применимость полномочий полиции в местных условиях , а также создание должен ли режим работы полиции быть более или менее формальным по структуре и подходу. Однако следует признать, что правоохранительные органы зависит не только от усилий полиции. В долгосрочной перспективе сильная полицейская, правовая и судебная системы в значительной степени определяют способность стран бороться с коррупцией, добиваться экономического роста и привлекать иностранные инвестиции. "Эффективное обеспечение правопорядка также требует решения долгосрочных, часто эндемичных, экономических, социальных и управленческих проблем. Только путем решения такие проблемы позволят консолидировать первоначальные усилия правоохранительных органов. Короче говоря, неоднородный характер региона и его ресурсов приведет к различным уровням дисфункции. Важно то, что региональные решения региональных проблем понимаются и принимаются на основе совместных и хорошо финансируемых процессов.

Список литературы

1. Association of South East Asian Nations (ASEAN) Annual Report 2003-04. URL: http://www.aseansec.org/ar04.htm

2. Counter-Terrorism Task Force, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC) URL: http://www.apec.org/apec/apec_groups/som_special_task_groups/counter_terrorism.html

3. Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs, Australian Government, Annual Report 2003-04. URL: http://www.dimia.gov.au/annual_report/annrep04/index.htm

4. Transnational Crime Unit, Attorney-General's Department, Australian Government Transnational Sexual Exploitation and Trafficking Team (TSETT), Australian Federal Police 'Transnational Terrorism: The Threat to Australia', Department of Foreign Affairs and Trade, Australian Government. URL: http://www.dfat.gov.au/publications/terrorism/index.html

***Симонова А. Е.*[1],**
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

***Тесленко А. С.*[2],**
командир отделения
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ТЕРРОРИЗМУ И ЭКСТРЕМИЗМУ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В последние годы терроризм и экстремизм трансформировались, пожалуй, в одну из наиболее острых проблем современности. Оба этих явления, характеризующиеся высокой степенью адаптивности, мобильностью и идеологической составляющей, выходят далеко за рамки локальных территорий, приобретая системный, межгосударственный характер и безусловно посягают на основополагающие права человека [1]. События последних лет дают основание полагать, что борьба с такими угрозами проходит этап перерождения из сугубо силовой модели в многомерную, интегрированную систему, сочетающую правовые, правоохранительные, социальные, информационные и иные компоненты. Цифровая трансформация общества и расширение доступа к дезинформации создали новую среду, в которой терроризм и экстремистские идеологии распространяются не только через традиционные каналы, но и через алгоритмически управляемые платформы, что значительно усложняет их выявление и нейтрализацию. Террористические организации все чаще отказываются от иерархических структур в пользу децентрализованных сетей, где роль «одиночек-исполнителей» становится доминирующей, что требует пересмотра подходов к профилактике и предупреждению насилия. Актуальность научного анализа данной проблемы обусловлена также ростом транснациональных связей между экстремистскими группировками и использованием новых технологий – от шифрованной связи до искусственного интеллекта для вербовки и манипуляции восприятием. Как показывает международная повестка дня в ответ на такие угрозы международное сообщество еще активнее задействует институциональные механизмы коллективного реагирования, в центре которых продолжают оставаться многосторонние организации – как универсальные (ООН, Интерпол), так и региональные (ОБСЕ, ОДКБ, ШОС, ЕС, НАТО и др.). Эффектив-

[1] © Симонова А. Е., 2025.
[2] © Тесленко А. С., 2025.

ность противодействия террористическим и экстремистским вызовам с помощью таких площадок давно доказана и напрямую зависит от уровня координации усилий государств, обмена разведывательной и оперативной информацией, а также от выработки единых стандартов правового и превентивного реагирования. Международные организации, обладая платформами для диалога, нормотворчества и практического сотрудничества, играют ключевую роль в формировании глобальной и региональной архитектуры антитеррористической безопасности. При этом каждая структура, исходя из своего мандата, географического охвата и политических приоритетов, выстраивает уникальную модель взаимодействия.

Раскрывая особенности антитеррористической деятельности некоторых структур традиционно следует начать с базовой универсальной международной площадки - Организации Объединенных Наций и ее Совета Безопасности (далее - СБ ООН). Очевидно, что данный орган ООН напрямую не противодействует террористическим «шайкам», но основополагающие принципы, заложенные Уставом ООН 1945 г. [13] играют первоочередную роль. СБ ООН, который в рамках своей деятельности проводит периодические заседания, в рамках которых рассматривает - ситуацию вокруг Ирака; ситуацию в Боснии и Герцеговине; ситуацию в Ливии; иные угрозы международному миру и безопасности. Данные заседания были проведены в апреле-мае 2024 года[1].

Не менее важной международной площадкой следует обозначить Контртеррористическое управление ООН (далее - КТУ ООН). КТУ ООН является организацией, оказывающей помощь, а именно - политическую, информационную поддержку, принимает меры по скорейшему оказанию технической поддержки. Базовым документом его деятельности является Глобальная контртеррористическая стратегия ООН [2]. Данный документ разработан в целях расширения взаимодействия стран по вопросам борьбы с терроризмом. Подразделение производит свою деятельность по основным четырем направлениям - искоренение основ, способствующих указанным категориям; производит разработку документов по борьбе с терроризмом; наращивает потенциал государств и увеличивает роль ООН в противодействии преступности; устанавливает базовые права человека, как основу всего законодательства в области противодействия терроризма.

Интерпол как универсальный механизм помимо разветвленной «полицейской» системы основанный на вступившем в силу в 1956 г. Уставе Интерпола [12] является бесспорным гегемоном в области развития медиа, как способа применения в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом [16]. Выявление аккаунтов вербовщиков, их координация и сбор преступных финансов - эти и многие другие функции выполняет организация в рамках своей деятельности. Также были разработаны способы обнаружения потенциальных свидетелей исследуемого вида преступлений. Одним из основных достижений организации

[1] Справочную информацию о работе Совета можно получить из Справочника по практике Совета Безопасности, а также из Справочника по практике органов Организации Объединенных Наций.

является оперативный обмен информацией между государственными структурами стран. Служащие занимаются консультационной деятельностью правоохранительных органов по вопросам такой категории дел. Существующие базы здесь позволяют быстро получить информацию о людях, которые имеют отношение к незаконному изготовлению и использованию самодельных взрывных устройств. Говоря об оценке его деятельности, важно отметить его ключевую роль, так как оперативный обмен информацией поможет на ранних стадиях выявить и пресечь преступную деятельность. Поэтому его деятельность является приоритетным направлением в борьбе с исследуемыми категориями.

Что касается региональной «сетки» противодействия таким угрозам, то она представлена прежде всего таким механизмом, как Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданная на основе Хельсинского Заключительного акта в 1975 г. [14] (далее ОБСЕ). ОБСЕ является организацией, принимающей эффективные меры по борьбе с терроризмом и его разновидностями. Основными принципами, регламентирующими ее деятельность является всеобъемлющий вклад в международные усилия, сотрудничество и координация всех уровней, налаживание партнерских отношений [15]. К сферам его деятельности относится - предупреждение ассигнования терроризма, противодействие применению интернета в террористических целях, сотрудничество по взаимодействию по борьбе с терроризмом, укрепление национальных усилий, повышение безопасности проездных документов, защита основных свобод человека в области терроризма. Еще одним региональным «заслоном» исследуемым угрозам является ФАТФ, охватывающим своим влиянием более 100 государств. Стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и распространению оружия массового уничтожения являются эффективными и должны быть применимы во всех странах. Они направлены на уменьшение «лазеек», к которым могут прибегнуть террористы для финансирования своей преступной деятельности, что, несомненно, сокращает возможность дальнейшего проведения террористами своих акций. Недавняя встреча в Китае глав государств-участников Шанхайской Организации Сотрудничества (далее - ШОС) подтвердила стойкость и непоколебимость в укреплении «глобальной безопасности». В настоящее время ШОС сосредоточен на укреплении многополярного международного порядка, что отражено в Декларации глав государств ШОС 2023 г [3]. Основной акцент делается на обеспечении коллективной безопасности через борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом – направлениями, закрепленными в Договоре о коллективной безопасности 2002 г. [4]. В рамках этого ШОС активно взаимодействует с ООН, опираясь на Устав ООН 1945 г., особенно статьи 1 и 55, подчеркивая легитимность совместных антитеррористических усилий. ШОС стремится к расширению партнерства с АСЕАН, ЛАГ и другими региональными структурами, что соответствует принципам универсальности и дополнительности в международном праве (статья 51 Устава ООН). Организация Договора о коллективной безопасности (далее - ОДКБ) в настоящее время фокусируется на укреплении региональной безопасности через координацию антитеррористиче-

ских и иных операций, что соответствует положениям Устава ООН 1945 г. Основополагающим международно-правовым документом остается Договор о коллективной безопасности 1992 г., ратифицированный всеми участниками, который закрепляет принцип коллективного реагирования на внешние угрозы – ключевой элемент. В рамках борьбы с транснациональной преступностью ОДКБ активно сотрудничает с ЮНИОС и Интерполом, опираясь на Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [6] и ее протоколы. Важным и эффективным институциональным механизмом противодействия исследуемым угрозам считают Антитеррористический центр Содружества Независимых Государств (далее - АТЦ СНГ), который является ключевым координационным органом в сфере борьбы с терроризмом и экстремизмом на постсоветском пространстве, действуя в рамках все того же Договора о коллективной безопасности 1992 г. Основная задача Центра – обеспечение оперативного обмена разведывательной информацией между спецслужбами стран-участниц, что соответствует принципам международного сотрудничества, закрепленным в резолюциях Совета Безопасности ООН № 1373 (2001) [10] и № 1624 (2005) [11], призывающих к созданию национальных и региональных механизмов противодействия терроризму. АТЦ СНГ проводит совместные учения и тренировки силовых структур, направленные на отработку реагирования на террористические акты, в том числе с использованием оружия массового поражения, что согласуется с рекомендациями Международного комитета Красного Креста и Женевскими конвенциями 1949 г. о защите гражданского населения [5]. Центр играет важную роль в координации деятельности по пресечению финансирования терроризма, анализируя трансграничные финансовые потоки в соответствии с рекомендациями Интернациональной группы по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ). Организация поддерживает единый реестр террористических организаций, что позволяет избегать дублирования и обеспечивает соблюдение норм международного права. АТЦ СНГ активно взаимодействует с ООН, Интерполом и Европолом, участвуя в глобальных инициативах по борьбе с иностранными боевиками и нелегальным перемещением террористов, в духе резолюции СБ ООН № 2178 (2014) [8] о предотвращении притока иностранных террористов. Центр развивает цифровые платформы для мониторинга интернет-пространства, выявления пропагандистского контента и блокировки экстремистских ресурсов. Особое внимание уделяется защите критически важной инфраструктуры – энергетических объектов, транспортных узлов и государственных учреждений. АТЦ СНГ способствует гармонизации национального законодательства стран-участниц с международными антитеррористическими конвенциями, включая Конвенцию о финансировании терроризма 1999 г. [7] Организация регулярно проводит семинары и рабочие встречи для судебных и правоохранительных органов, повышая уровень компетенций в области уголовного преследования террористических преступлений, что соответствует принципам верховенства права, закрепленным в Хельсинкском заключительном акте 1975 г. В условиях роста угроз со стороны локальных ячеек и «одиночек-террористов» Центр внедряет модели раннего предупреждения и

профилактической работы с группами риска, опираясь на опыт Всемирного банка и ЮНИСПЕКТР в области социальной резилиентности. АТЦ СНГ также занимается анализом новых форм терроризма – включая использование беспилотников, кибератак и химических веществ – и разрабатывает рекомендации по адаптации национальных систем безопасности.

Не следует забывать и о Европоле – постоянном органе Европейского союза, созданный в 1998 г, со статусом центрального координационного агентства по борьбе с организованной преступностью в рамках правового поля ЕС, основанного на принципах взаимного признания и доверия между государствами-членами. Основной задачей Европола является сбор, анализ и распространение оперативной информации о транснациональных преступных сетях, Борьба с терроризмом остается приоритетом: Европол интегрирует данные из национальных баз данных, участвует в совместных расследованиях. Агентство играет ключевую роль в борьбе с финансовыми преступлениями, включая отмывание денег и финансирование терроризма, используя информацию от Финансовой группы разведки (FIU) стран-членов и сотрудничая с ФАТФ; способствует внедрению единых стандартов цифровых следов и электронных доказательств. Европол активно участвует в проектах по профилактике преступности, включая работу с молодежью, предотвращение вербовки в экстремистские организации и борьбу с радикализацией, опираясь на План действий ООН по предотвращению насильственного экстремизма 2015 г. [9].

Анализируя деятельность указанных выше и иных существующих институциональных механизмов по противодействию терроризму и экстремизму в современных условиях становится ясно, что в настоящее время и в нынешних условиях необходим переход от простых репрессивных мер к активным, системным стратегиям. Успешные практики демонстрируют, что сочетание правоохранительных, образовательных, социальных и цифровых инструментов позволяет не только снизить уровень насилия, но и ослабить притягательность экстремистских радикалов на уровне глубинных социальных установок. Цифровая среда, будучи двойственным пространством, требует от государств разработки адаптивных алгоритмов выявления радикального контента, при этом сохраняя баланс между безопасностью и правами на свободу выражения мнений. Международное сотрудничество должно эволюционировать от формального обмена информацией к созданию единых стандартов правоприменения, совместных исследований и гармонизации законодательства в сфере предотвращения вербовки и финансирования терроризма и экстремизма.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Организация Объединенных Наций URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

2. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН // ООН URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/un-global-counter-terrorism-strategy.

3. Декларация глав государств ШОС 2023 г. // URL: http://www.kremlin.ru/supplement/5963.

4. Договор о коллективной безопасности 2002 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1666031.

5. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civil.

6. Конвенция ТОП 2000 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

7. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml.

8. Официальный сайт ООН // URL: https://main.un.org/securitycouncil/ru/s/res/2178-(2014).

9. План действий ООН по предотвращению насильственного экстремизма 2015 г. // URL: https://www.un.org/counterterrorism/ru/cct/plans-of-action-to-prevent-violent-extremism.

10. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373 (2001) // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n20/090/39/pdf/n2009039.pdf.

11. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1624 (2005) // URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n05/510/54/pdf/n0551054.pdf.

12. Устав Международной организации уголовной полиции (Интерпол) 1956 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/.

13. Устав ООН 1945 г. // URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.

14. Хельсинский Заключительный акт 1975 г. // URL: https://www.osce.org/ru/resources/csce-osce-key-documents.

15. Борьба с терроризмом // ОБСЕ URL: https://www.osce.org/ru/countering-terrorism.

16. Рыжов В.Б. Участие Интерпола в борьбе с терроризмом // Международное право. 2020. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-interpola-v-borbe-s-terrorizmom.

***Соловьева А. С.*[1],**
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАКТИКИ ПОДКОМИТЕТА ООН ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПЫТОК

Строгий запрет на применение пыток установлен в фундаментальных международных договорах по правам человека (ст. 5 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [1], ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. [2]), принцип недопустимости пыток «...получил свое широкое закрепление в текстах конституций стран мира» [3, с. 116]. Однако практика применения пыток обладает системным характером и остается глобальной проблемой, не решенной ни одним государством мира. Случаи жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения фиксируются в различных государствах, независимо от уровня правовой культуры и социально-экономического развития общества. Таким образом, «несмотря на достижение значительного прогресса в области защиты прав человека, проблема пыток остается актуальной в современном мире» [4, с. 31].

Как справедливо отмечает В.А. Коннов, международное право прав человека «... не ограничивается констатацией наличия или отсутствия прав у людей, а включает также нормы, регулирующие процессы их реализации, защиты, восстановления» [5, с. 1]. В соответствии с положениями п. 1 ст. 2 Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Факультативный протокол), «создается Подкомитет по предупреждению пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания Комитета против пыток...» [6] (далее – Подкомитет, ППП).

Основными направлениями деятельности Подкомитета являются:

– посещение мест лишения свободы в государствах-участниках с целью оценки условий и формулирования рекомендаций по защите лишенных свободы от пыток;

– оказание содействия в учреждении в государствах-участниках национальных превентивных механизмов.

Особенность деятельности Подкомитета, наделенного превентивным мандатом, состоит в том, что его работа направлена на выявление и устранение рисков, ведущих к пыткам, а не на реагирование на уже свершившиеся факты.

В ходе посещения пенитенциарных учреждений члены Подкомитета оценивают фактическое положение лиц, находящихся под стражей, проводят инди-

[1] © Соловьева А. С., 2025.

видуальные конфиденциальные беседы с заключенными без присутствия сотрудников администрации или иных посторонних лиц.

Представляется интересным проанализировать практику Подкомитета, связанную с посещением государств-участников, в части данных договорным органом ООН рекомендаций.

В период с 26 марта по 1 апреля 2023 года члены ППП посетили Казахстан [7]. Подкомитет рекомендовал рассматриваемому государству-участнику предпринять меры по дальнейшему совершенствованию законодательства в области национального превентивного механизма. ППП также рекомендует на законодательном уровне закрепить определение понятия «лишение свободы», а также сформулировать перечень мест, где лица могут быть лишены свободы. Также Подкомитет рекомендует закрепить за национальным превентивным механизмом статус ключевого элемента национальной системы предупреждения пыток. Также Казахстану надлежит повысить узнаваемость и открытость деятельности указанного механизма, в том числе посредством проведения информационно-просветительских кампаний и разъяснительных мероприятий.

По результатам посещения мест лишения свободы ППП отметил, что там сохраняется атмосфера страха и недоверия. Лица, находившиеся под стражей, испытывали страх перед возможными репрессиями и потому опасались вести доверительный диалог. Часто в беседах с заключенными наблюдалось единообразие в изложении ими обстоятельств содержания под стражей. В начале беседы заключенные утверждали, что пытки в учреждении не применяются. Однако по мере разговора некоторые из задержанных сообщали сведения, которые можно расценивать как указания на случаи жестокого обращения. Отдельные лица, находившиеся в карантине, раскрыли факты избиения вновь прибывших.

ППП подчеркивает необходимость переориентации пенитенциарной системы от чрезмерно карательного подхода к принципам реабилитации и ресоциализации осужденных. ППП рекомендует национальным администрациям мест лишения свободы провести работу, направленную на подготовку сотрудников пенитенциарных учреждений с акцентом на формирование и поддержание уважительных отношений как между самими заключенными, так и между последними и сотрудниками указанных учреждений. Также Подкомитет рекомендует Казахстану обеспечить фактическую доступность и повысить эффективность независимых механизмов подачи жалоб в местах лишения свободы.

В рамках условий содержания под стражей ППП рекомендует государству-участнику продолжать реализацию программ строительства и реконструкции мест содержания под стражей в соответствии с международными стандартами, уделяя особое внимание обеспечению надлежащего дневного освещения, вентиляции и достаточного пространства в камерах. Также необходимо гарантировать, чтобы все лица, находящиеся в изоляторах временного содержания, имели возможность ежедневно проводить вне камер не менее одного часа, включая время для физических упражнений и пребывания на свежем воздухе. Необходимо гарантировать отсутствие чрезмерных физических страданий или ограничений свободы движения лицам, переводимым из одного учреждения в другое.

Задержанных ни в коем случае нельзя пристегивать наручниками к сиденьям или перекладинам внутри транспортных средств.

Кроме того, Подкомитет рекомендует Казахстану продолжать обновление материально-технической базы мест лишения свободы. Подкомитет подчеркивает необходимость соответствующего содержания в местах лишения свободы женщин, предоставления средств личной гигиены и возможности посещения санитарных комнат. Следственные изоляторы и тюрьмы должны отвечать потребностям лиц с ограниченными возможностями здоровья, иметь соответствующие технические средства и приспособления для их нормальной жизнедеятельности.

Кроме того, ППП подчеркивает необходимость обеспечения того, чтобы система видеонаблюдения во всех местах лишения свободы не нарушала право содержащихся под стражей лиц на частную жизнь, особенно женщин, и не препятствовала конфиденциальному общению с адвокатом, врачом или членами семьи. В случаях, когда установка видеокамер в помещениях мест лишения свободы может быть оправдана, например, для предотвращения суицидов, их использование должно быть ограничено строго необходимым временем и сопровождаться надежными гарантиями соблюдения права заключенных на неприкосновенность частной жизни.

В период с 2 июля по 8 июля 2023 года члены Подкомитета посетили Хорватию [8]. ППП также порекомендовал государству-участнику повысить значимость и авторитет национального превентивного механизма, который должен обладать самостоятельностью и необходимой автономией для выполнения своего мандата. Подкомитет рекомендует Хорватии организовать целевую подготовку судей и прокуроров по вопросам должного уровня знаний и применения международных стандартов по запрету пыток.

Подкомитет призывает государство-участника применять соответствующие меры, направленные на устранение системных причин переполненности мест лишения свободы: отказ от назначения наказания в виде лишения свободы за незначительные правонарушения, расширение практики условно-досрочного освобождения для лиц, осужденных за такие деяния. Кроме того, ППП рекомендует государству-участнику внести изменения в национальное законодательство с целью установления норм оценки вместимости мест лишения свободы на основе конкретных критериев, соответствующих действующим международным стандартам.

Подкомитет рекомендует государству-участнику обеспечить информирование всех лиц, лишенных свободы, на понятном им языке об их праве подавать прямые и конфиденциальные жалобы как администрации мест лишения свободы, так и в вышестоящие органы. Также Подкомитет рекомендует Хорватии обеспечить, чтобы рассмотрение и расследование жалоб на действия сотрудников правоохранительных органов осуществлялось независимым надзорным органом, обладающим необходимыми ресурсами и полномочиями для проведения эффективных и беспристрастных расследований.

В рамках рекомендаций по поводу условий содержания под стражей ППП рекомендует государству-участнику обеспечить, чтобы во всех полицейских участках: все камеры предварительного заключения были оборудованы окнами, пропускающими естественное освещение, водопроводной водой и постельными принадлежностями; все камеры предварительного заключения были спроектированы таким образом, чтобы задержанные могли легко вступать в контакт с сотрудниками полиции или привлекать к себе их внимание; все учреждения с ветхой инфраструктурой были отремонтированы, в том числе путем переоборудования любых камер, которые не отвечают международным стандартам. Кроме того, Подкомитет рекомендует государству-участнику, чтобы во всех полицейских участках все задержанные должны регулярно получать достаточное количество пищи надлежащего качества, включая, по крайней мере, одно горячее блюдо в день. Более того, во всех местах лишения свободы должен быть обеспечен надлежащий уровень внутреннего порядка, способствующий соблюдению лично гигиены. В камерах должна быть комфортная температура и надлежащая вентиляция.

Также ППП рекомендует Хорватии обеспечивать оперативное и беспристрастное расследование всех жалоб о пытках. Подкомитет особо подчеркнул, что жалобы от лиц, страдающих психическими расстройствами, необходимо рассматривать с особым вниманием. Указанные сообщения не должны отклоняться исключительно ввиду состояния здоровья лиц, подавших такие жалобы.

Таким образом, анализ практики Подкомитета, связанной с посещением государств-участников, позволяет сделать вывод о системном и комплексном подходе рассматриваемого договорного органа ООН к оценке состояния дел в сфере предупреждения пыток и жестокого обращения. Рекомендации Подкомитета, адресованные государствам-участникам, ориентированы на реальные улучшения и преобразования в национальных системах исполнения наказаний. Деятельность Подкомитета направлена на то, чтобы в государствах-участниках укреплялись не только институциональные механизмы контроля, но и повышалась правовая культура гуманного обращения с лицами, находящимися под стражей. Подкомитет стремится к системной профилактике нарушений и укреплению доверия между государством и лицами, лишенными свободы.

Список литературы

1. Всеобщая декларация прав человека (10 декабря 1948 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

2. Международный пакт о гражданских и политических правах (16 декабря 1966 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.

3. Романовский, Г. Б. Запрет пыток в современном конституционном праве / Г. Б. Романовский // Наука. Общество. Государство. – 2019. – Т. 7, № 2(26). – С. 112-118.

4. Соловьева, А. С. Особенности практики Комитета ООН против пыток по сообщениям (жалобам) в отношении Российской Федерации / А. С. Соловьева // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 7(206). – С. 31-33.

5. Коннов, В. А. Сравнительная характеристика международно-правового регулирования миграции и международного права прав человека / В. А. Коннов // Advances in Law Studies. – 2024. – Т. 12, № 4. – С. 1-5.

6. Факультативный протокол к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (18 декабря 2002 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture_prot.shtml.

7. Доклад Подкомитета – посещение Казахстана в период с 26 марта по 1 апреля 2023 года: рекомендации и замечания, адресованные государству-участнику. CAT/OP/KAZ/ROSP/1 // База данных договорных органов. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FOP%2FKAZ%2FROSP%2F1&Lang=ru.

8. Доклад Подкомитета – посещение Хорватии в период с 2 июля по 8 июля 2023 года: рекомендации и замечания, адресованные государству-участнику. CAT/OP/HRV/ROSP/1 // База данных договорных органов. – URL: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT%2FOP%2FHRV%2FROSP%2F1&Lang=ru.

***Соломина А. А.*[1],**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Бондарь Е. О.,
заместитель начальника
кафедры административного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК КЛЮЧЕВОЙ АСПЕКТ РЕГУЛИРОВАНИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ДАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ

В 2025 году исполняется 76 лет с момента установления дипломатических русско-китайских отношений, которые на данный момент характеризуются высокой степенью политического доверия, независимостью от влияния иных государств, а также наличием широких перспектив для политического и экономического развития. Важное место в данном сотрудничестве отведено принятию общей стратегии регулирования межгосударственных миграционных процессов. Указанная стратегия поможет решить проблемы демографического дисбаланса, особенно на территориях Дальнего Востока, внешней торговли и снабжения рынков труда на территории РФ. Актуальность данной темы обусловлена интенсивным развитием приграничных территорий, связанных с укреплением торгово-экономических связей и необходимостью обеспечения безопасности обеих стран. Среди некоторых причин поддержания баланса отношений стратегического партнерства можно выделить: решение геополитических последствий миграции, борьба с незаконной миграцией, обеспечение прав и интересов мигрантов и др.

Особое значение приобретает регулирование миграционных процессов в приграничных регионах, например, Амурской области и Приморском крае. Эти территории являются не только экономическими центрами, но и зонами повышенной миграционной активности. С российской стороны приграничные территории характеризуются слабо заселенностью, но ресурсной обеспеченностью; с китайской – густонаселенные провинции Хэйлунцзян и Цзилинь, испытывающие потребность в экономических возможностях. В связи с экономическим дисбалансом происходит естественная миграция: как отмечал Экономический и Социальный Совет ООН, в условиях обеспечения глобальной

[1] © Соломина А. А., 2025.

безопасности, упорядоченной и легальной миграции, необходимо выработать целостный и комплексный подход. Россия, поддержавшая Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, подписала его 10 декабря 2018 года. [1] После принятия данного договора Российская Федерация приняла ряд нормативных актов с Китайской Народной Республикой. Впоследствии данные соглашения привели к резкому подъему численности трудовых мигрантов на территории России: исходя из статистики таможенных органов РФ, в 1 квартале 2024 года отмечался 5-кратный рост количества перемещений граждан через границу. Общее число туристов на всех пунктах пропуска с начала года составило более 233 тыс. человек. Отмена визового режима для групповых туристических поездок в 2023 году стала дополнительным стимулом для увеличения потоков, но одновременно создала новые вызовы, связанные с контролем за нелегальной миграцией и обеспечением прав мигрантов.

Юридическая природа межгосударственного взаимодействия базируется на принятии и реализации положений международных договоров. Ключевым документом является Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства от 2016 года. В соответствие с данным Соглашением, работники осуществляют трудовую деятельность в принимающем государстве при наличии разрешений, которые выдаются на срок до одного года; в указанный в договоре период пребывания на территории принимающего государства работникам гарантируются предусмотренные законодательством этого государства права и свободы, а также работниками закрепляется обязанность трудовых мигрантов по соблюдению законодательства принимающего государства. Важным шагом в дальнейшем межгосударственном взаимодействии стало подписание в 2022 году Совместной декларации о сотрудничестве в сфере миграционного контроля, а в 2023 году - Протокол о создании единой информационной системы учета мигрантов. В 2022 году была принята Совместная декларация о углублении сотрудничества в сфере миграции, которая предусматривает упрощение процедур для трудовых мигрантов, усиление контроля за нелегальным перемещением лиц и создание совместных информационных систем. Например, в соответствии с этой декларацией, стороны внедрили механизм электронного учета мигрантов, что позволило снизить количество нарушений на 25% по данным МВД России. Например, с 1 сентября 2025 года российская сторона ввела обязательную установку приложения «Амина» и регистрацию в нем в порядке экспериментального порядка учета. Данное программное обеспечение помогает отслеживать место пребывания мигранта.

Однако сотрудничество сталкивается с серьезными проблемами. По данным Института социально-политических исследований РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова, средняя заработная плата внешнего трудового мигранта году в России составляла 30,1 тыс. рублей, что составляет 76,9% от средней заработной платы гражданина России на момент проведения исследования. [2, с. 199] Данная проблема возникает чаще всего по причине нарушения трудового законодательства работодателями и правовой неграмотностью мигрантов. Другой про-

блемой является нелегальная миграция: по информации ГУВМ МВД России, в 2023 году было выявлено около 15 тысяч граждан КНР, незаконно находящихся на территории РФ. [3] Различия в культуре, языковой барьер, юридическая безграмотность наносят ущерб экономике государства, повышая занятость мигрантов в теневом бизнесе; рост совершения противоправных действий; общественный резонанс, связанный с разжиганием ксенофобии на фоне преступной деятельности иностранных граждан. Особую проблему составляют культурные барьеры, из-за которых нередко происходят происшествия, вызванные сложностью адаптации лиц, приезжих из-за рубежа; дискриминации, а в некоторых случаях – протесты.

Для решения указанных проблем предлагаются следующие пути: создание совместных российско-китайских центров правовой поддержки мигрантов, разработка унифицированной системы признания квалификаций и дипломов, усиление сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с нелегальной миграцией, развитие программ культурной адаптации и языковой подготовки.

В рамках создания центров правовой поддержки был создан в 2023 году Российско-Китайский юридический центр, основной задачей которого является предоставление комплексной юридической помощи российским и китайским предпринимателям. Помощь осуществляется в рамках защиты интеллектуальных прав, права собственности, обеспечения налогового планирования, консультаций в ведении споров и переговоров. Благодаря данному центру удается эффективно защищать интересы как большого, так и среднего бизнеса в пределах государства и за рубежом.

Стратегия разрешения «миграционных» проблем при помощи механизмов унификации дипломов нашла свое закрепление в «Соглашении между Правительством Российский Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях». Данный акт отмечает, что целью унифицирования выступает обеспечения доступа обладателей иностранного образования и квалификации к образованию и профессиональной деятельности в России, а также в предоставлении академических и профессиональных прав, предусмотренных законодательством РФ и договорами [4]. Алгоритм признания иностранного диплома включает в себя несколько этапов, среди которых: проверка формы диплома с установленным образцом, перевод документов на русский язык, подача заявления в Главэкспертцентр при Рособнадзоре через портал «Госуслуги», получение свидетельства о признании иностранного образования.

В рамках организации сотрудничества правоохранительных органов РФ и КНР ведется активное обсуждение на уровне Правительств. За 2025 год в России была создана система противодействия незаконной миграции, в которую были включены механизмы по превенции, обнаружению и пресечению административных правонарушений и преступлений, совершенных как иностранными гражданами, так и совершение противоправных действий в отношение их.

Решая вопрос о культурной идентификации народов, прибывающих на территории РФ, следует обратить внимание на способы превенции культурной адапта-

ции и языкового барьера. По данным на 2025 год, благодаря распространению в социальных сетях иностранной культуры (в российских мессенджерах – китайских традиций, языка; в китайских социальных сетях – музыкальных произведений и иных элементов национальной культуры) у подрастающего поколения формируется интерес к изучению языков, традиций и путешествиям. Молодежь посредством использования информационно-телекоммуникационных технологий общается с представителями другого государства, благодаря чему происходит «культурный обмен» и формируется толерантность.

Таким образом, можно констатировать, что решение миграционных проблем сводится к нахождению комплексной стратегии по решению юридических, культурных, экономических и политических вопросов. Дальнейшая гармонизация миграционного законодательства двух стран будет способствовать созданию более эффективной системы управления миграционными потоками. Например, произойдет упрощение условий въезда на территории РФ и КНР для граждан указанных государств (в том числе введение полноценного безвизового режима), что, несомненно, приведет к притоку трудовых мигрантов. Что касается будущего сотрудничества, то здесь можно выделить несколько перспективных направлений. Во-первых, это дальнейшая цифровизация миграционных процессов, включая внедрение биометрических систем и искусственного интеллекта для анализа данных. Во-вторых, углубление гармонизации законодательств, что позволит унифицировать требования к мигрантам и упростить процедуры их адаптации. В-третьих, расширение программ культурного и образовательного обмена, которые способствуют взаимопониманию и снижению напряженности в приграничных регионах.

В заключение следует отметить, что российско-китайское сотрудничество в сфере миграционной политики является примером успешного двустороннего взаимодействия, основанного на взаимном уважении и прагматизме. Несмотря на существующие вызовы, такие как нелегальная миграция или культурные различия, стороны демонстрируют готовность к совместному поиску решений. Дальнейшая интеграция усилий, подкрепленная научными исследованиями и статистическими данными, позволит не только регулировать миграционные потоки, но и превратить их в ресурс для развития обоих государств.

Список литературы

1. Генеральная Ассамблея ООН. Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/node/414163_fr

2. Алешковский И.А., Гребенюк А.А., Кравец В.А., Максимова А.С. Иностранные мигранты на российском рынке труда: Оценка общей численности и вклада в ВВП России // Экономические и социальные перемены: факты. тенденции, прогноз. 2019 Т. 12 № 6 С. 197–208. DOI: 10.15838/esc.2019.6.66.11

3. МВД России. Статистика и аналитика. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migra

4. Правовой департамент МИД России. Соглашение между Правительством Российский Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о взаимном признании документов об образовании и ученых степенях. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/47900/

***Старова Е. В.*[1],**
преподаватель кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ КАК ОДНА ИЗ ЦЕЛЕЙ УКРЕПЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Международное сотрудничество правоохранительных органов играет важную роль в обеспечении безопасности и стабильности государств, включает совместные усилия государств по борьбе с преступностью, обмену информацией и координации действий в целях поддержания законности и порядка.

В современных условиях, когда агрессивные геополитические настроения по отношению к нашей стране превалируют, порой, над здравым смыслом, когда по всему миру не прекращаются эскалации военных конфликтов, способствуя бурному росту преступности как внутри отдельно взятой страны, так и за ее пределами, необходимость международного сотрудничества правоохранительных органов не вызывает сомнений. Страны сталкиваются с такими проблемами, как: транснациональная преступность (контрабанда наркотиков, оружия, нелегальная миграция); терроризм и экстремизм (угроза распространения радикальных идей и осуществление террористических актов); организованная преступность (участие в финансовых махинациях, киберпреступности и отмывании денег). На передний план выходят преступления в сфере киберпространства. Эти проблемы требуют скоординированных усилий правоохранительных органов всех стран.

Международное сотрудничество в области правопорядка начало развиваться в конце XIX начале XX веков. К созданию первых международных организационных структур относятся Международная пенитенциарная комиссия 1872 года и Международное криминалистическое общество, так называемый Международный союз криминалистов, созданный в 1889 году.

В 1914 г. на Первом международном конгрессе криминальной полиции в Монако принимается решение о необходимости создания международной системы обмена информацией посредством международного органа, специализирующегося на сборе, хранении и обмене информацией. И, как результат, в 1923 г. была создана Международная комиссия уголовной полиции, впоследствии получившей название Международная организация уголовной полиции – Интерпол, что стало доказательством объективной необходимости борьбы с транснациональной преступностью. С возникновением Европейского Союза в 1998 году учреждается Европол, специализирующийся на борьбе с организованной преступностью в Европе. Россия участвует в работе Интерпола и сотрудничает с Европолом в рамках соглашений и меморандумов.

[1] © Старова Е. В., 2025.

Международное сотрудничество правоохранительных органов осуществляется не только путем институционного сотрудничества (сотрудничество в рамках международных организаций), но и в рамках правовой базы (заключение и осуществление двусторонних или многосторонних договоров, регулирующие отношения с правоохранительными органами иностранных государств). Правоохранительные органы обмениваются информацией о преступных группах, методах совершения преступлений и потенциальных угрозах, проводят совместные расследования преступлений, осуществляют организацию совместных команд для расследования сложных и межгосударственных преступлений. Экстрадиция преступников (процесс выдачи подозреваемых или осужденных лиц другим странам для судебного преследования или отбывания наказания) еще одна составляющая международного сотрудничества государств правоохранительных органов.

Неотъемлемой частью международного сотрудничества является подготовка и обучение кадров правоохранительных органов государств. Без обмена опытом между правоохранительными системами на международном уровне невозможно добиться высоких результатов в борьбе с преступностью, которая год от года совершенствует способы и методы совершения преступлений, используя новейшие технологические разработки и знания методов работы сотрудников правопорядка. Важность такого сотрудничества вызвана объективной реальностью. Нельзя недооценивать возможности преступной деятельности. Совершенствование стратегий и механизмов противодействия преступной деятельности на мировой арене является приоритетной задачей правоохранительных органов каждого государства, становясь основой международного сотрудничества правоохранительных органов. Таким образом, правовая и институционная составляющая международного сотрудничества правоохранительных органов играет важную роль в борьбе с преступной деятельностью. Установление четкой документационной основы служит укрепляющей составляющей международного сотрудничества, подчеркивая значимость совместной работы в рамках борьбы за глобальную безопасность. Соблюдение международных договоров и соглашений способствует укреплению доверия и взаимопонимания между странами. Заключение международных договоров и соглашений, создание конвенций между государствами служат официальным правовым инструментарием, таким образом, регулируя международное сотрудничество правоохранительных органов, устанавливая правовые обязательства между государствами, что способствует борьбе с транснациональной преступностью, включая терроризм, незаконный оборот наркотиков, торговлю людьми и киберпреступность.

Международное сотрудничество правоохранительных органов - это структурированная платформа взаимодействия между государствами на правовой и институционной основе. Международные организации, в свою очередь, используя свои возможности, улучшают взаимодействие и координацию в борьбе с транснациональной преступностью, разрабатывая правовые ограничения и предлагая инициативы, направляя и стандартизируя международное сотрудничество. Кроме того, международные организации по борьбе с преступностью

являются базой данных, технологическими ресурсами и накопленного десятилетиями передового опыта по борьбе с преступностью, оказывают помощь странам в наращивании их собственного потенциала правоохранительных органов. Предлагая обучение и техническую поддержку, они обеспечивают комплексный подход, способствуя укреплению доверия и сотрудничества между странами, повышая общую эффективность международного сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с мировым преступным сообществом.

Глобальные проблемы борьбы с преступностью и будущее международного сотрудничества правоохранительных органов требует инновационных подходов и стратегий. Нельзя не отметить технологическую составляющую, оптимизацию коммуникации, обмена данными в процессе расследования. Передовые информационные системы и базы данных значительно облегчают взаимодействие в режиме реального времени, позволяя правоохранительным органам быстро осуществлять обмен важной информацией. Такие инновации, как искусственный интеллект расширяют аналитические возможности, позволяя органам власти выявлять закономерности и более эффективно предотвращать преступления. Биометрия и цифровая криминалистика упрощают процессы идентификации и проверки в ходе транснациональных расследований. Кроме того, цифровые платформы обеспечивают плавную интеграцию ресурсов и экспертных знаний, способствуя широкому спектру подходов в борьбе с транснациональной преступностью. Достижения в области кибербезопасности дают гарантии, что конфиденциальная информация, которой обмениваются страны, остается защищенной. Технологическая основа должна способствовать укреплению доверия между государствами, и, как итог, улучшение сотрудничества в области международного уголовного права. В связи с цифровых технологий, нельзя не заметить, что в ближайшие годы ситуация в области международного сотрудничества правоохранительных органов будет претерпевать значительные изменения. Одной из заметных тенденций является растущая технологическая зависимость, поскольку аналитическая обработка данных и искусственный интеллект повышают возможности борьбы с транснациональной преступностью. Бесспорно, такая интеграция упрощает обмен информацией между правоохранительными органами по всему миру, содействуя быстрой координации действий и, как результат, реакции на совершаемые преступные деяния.

Международное сотрудничество правоохранительных органов включает в себя множество заинтересованных сторон, от которых зависит его эффективность. Национальные правительства являются основными участниками, содействующими заключению договоров и обмену оперативной информацией. Их сотрудничество укрепляет правовую базу, гарантируя, что страны смогут сообща бороться с преступностью, выходящей за рамки границ государства. Национальные правительства являются основными игроками в рамках международного сотрудничества правоохранительных органов. Именно они разрабатывают политику и предоставляют ресурсы, позволяющие участвовать в общих инициативах, направленных на борьбу с транснациональной преступностью. Необходимо подчеркнуть, что политическая составляющая взаимоотношений

государств оказывает огромное влияние на международное сотрудничество правоохранительных органов. И недальновидность некоторых руководителей стран может нанести непоправимый ущерб взаимоотношениям между правоохранительными структурами государств. Разрушить создававшееся годами легко, а вот создать и выстроить заново систему взаимоотношений бывает крайне сложно. Поэтому суверенитет государств в области политики взаимоотношений правоохранительных органов не должен зависеть от сиюминутных политических воззрений, поскольку часто это определяет уровень их участия и стратегии в международных усилиях.

Поэтому основные функции национальных правительств должны включать дипломатию, обмен данными и принятие законов, соответствующих международным стандартам, что соответствует общим мировым интересам. Национальные правительства ведут переговоры по заключению международных договоров и соглашений, способствуя взаимной правовой помощи и трансграничному сотрудничеству. Помимо законотворческой деятельности, национальные правительства берут на себя ответственность за подготовку сотрудников правоохранительных органов и их оснащение для эффективной борьбы с международными преступлениями.

Таким образом, международное сотрудничество правоохранительных органов является основой в области международного уголовного права, способствуя взаимосвязанному подходу в обеспечении глобальной безопасности, содействуя созданию механизмов сотрудничества между странами. Международное сотрудничество повышает эффективность деятельности правоохранительных органов и способствует осуществлению правосудия во всем мире. Но нельзя забывать о том, что политические отношения между странами могут препятствовать совместной работе правоохранительных органов. Поэтому существует необходимость не останавливаться на уже имеющихся международных связях правоохранительных органов, но и выходить на контакт с другими странами, создавая новые связи международного сотрудничества в правоохранительной сфере. Мы живем во все более сложной международной обстановке, неизменным должно оставаться стремление к укреплению международного сотрудничества. Необходимо осознать, что решение внутренних проблем и использование технологических достижений позволят международным правоохранительным органам оперативно реагировать на возникающие угрозы.

Список литературы

1. An official website of the European Union. Communication on a renewed EU action plan against migrant smuggling (2021-2025), https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC 0591

2. An official website of Europol. Criminal Networks in Migrant Smuggling, Europol, July 2023. https://commission. europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/promoting-our-european-way-life/statistics-migration-europe_en#snapshot-of-immigrants-in-european-society

3. Fijnaut, C., Police cooperation and the area of freedom, security and justice, in: Walker, N. (ed.) Europe's Area of Freedom, Security and Justice, 2004 Oxford University Press, Oxford.

4. Tryfon Ch. Korontzis ''a''. European Union criminal policy and Joint Investigation Teams. The case of Hellas. International Journal of Asian Social Science, Vol. 2, issue 12, December 2012, p.p. 2237-2250.

5. Tryfon Ch. Korontzis, International Law Enforcement Cooperation, May 2014, European Scientific Journal, DOI:10.2139/ssrn.4881519, Hellenic Open University.

***Степанова И. С.*[1],**
старший преподаватель
кафедры судебной экспертизы
и таможенного дела
Тульского государственного университета

ПРАВОВОЕ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Интеграционные процессы в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) с момента подписания Договора в Астане 29 мая 2014 г. [1] постепенно вышли за пределы чисто экономической сферы регулирования и стали включать вопросы, напрямую связанные с обеспечением безопасности функционирования общего рынка и борьбой с трансграничной преступностью. Наличие общего экономического пространства оборачивается для государств-участников дополнительными рисками, в числе которых – отмывание доходов, контрабанда, трансграничная киберпреступность и незаконная миграция; эти вызовы требуют согласованных процессуальных и организационных ответов, соразмерных характеру и масштабу угроз. В условиях роста незаконной миграции, киберпреступности, отмывания доходов и иных угроз устойчивому развитию региона государства ЕАЭС стремятся выработать согласованные подходы к организации правоохранительного взаимодействия. Это предопределяет необходимость анализа правовой базы и институциональных механизмов сотрудничества, а также оценки их эффективности с точки зрения интересов национальных правопорядков.

В статье 4 Договора закрепляется принцип проведения согласованной политики в смежных областях, включая вопросы противодействия правонарушениям, затрагивающим функционирование общего рынка. На этой основе государства-члены заключили ряд специальных соглашений, в частности Соглашение о сотрудничестве в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [2]. Наряду с актами ЕАЭС важное значение сохраняют договоры в рамках СНГ и Союзного государства, которые исторически обеспечивали правовую базу взаимодействия правоохранительных органов. В национальном законодательстве также закреплен ряд правовых нор, имеющих ключевое значение в данном вопросе. Это, например, процессуальные нормы, регламентирующие порядок направления и исполнения запросов о международной правовой помощи: в российском Уголовно-процессуальном кодексе, например, процедура направления таких запросов и их содержание детально урегулированы в положениях главы о международной правовой помощи [3].

На практике сотрудничество сталкивается с несколькими взаимосвязанными трудностями, каждая из которых снижает оперативность и качество совместных

[1] © Степанова И. С., 2025.

расследований. Различия в уголовно-процессуальных моделях, в подходах к обеспечению процессуальных гарантий и в институциональном распределении полномочий порождают ситуацию, когда зарубежные партнеры не всегда способны выполнить запрос в требуемом объеме или в удобный для следствия срок; это замедляет реагирование на быстро эволюционирующие угрозы [4, с. 165].

В российской научной литературе подчеркивается, что правовое сближение не дает эффекта без институционального сопровождения – практической отработки механизмов взаимодействия, обмена опытом и выработки единых процедур [5, с. 236]. Без эффективных региональных механизмов зачастую нет возможности обеспечить защиту единого экономического пространства, поэтому важным шагом является унификация уголовно-правовых подходов.

Среди направлений совершенствования сотрудничества выделяется формирование единого банка данных о преступлениях, имеющих трансграничный характер, что позволит повысить аналитический потенциал правоохранительных органов. Важным шагом станет разработка модельного уголовно-процессуального кодекса ЕАЭС, обеспечивающего согласованность национальных процедур. Особое значение имеет внедрение цифровых систем электронного обмена информацией, аналогичных европейской системе e-CODEX [6], что позволит минимизировать временные издержки. Наконец, институциональное укрепление возможно через расширение полномочий Евразийского банка развития в сфере мониторинга подозрительных финансовых транзакций, что обеспечит дополнительный контроль за отмыванием доходов.

В заключение следует отметить, что обеспечение безопасности единого экономического пространства ЕАЭС невозможно без устойчивой и оперативной системы международного сотрудничества правоохранительных органов. Международное сотрудничество государств ЕАЭС в правоохранительной сфере сегодня становится фактором, определяющим успешность интеграции в целом. Правовая архитектура уже отчасти создана, однако ее практическая реализация потребует последовательного совершенствования национальных процессуальных норм, внедрения цифровых средств обмена и институционального упорядочения взаимодействия между региональными структурами. Только комплексный подход позволит создать в рамках ЕАЭС устойчивую систему противодействия транснациональной преступности и обеспечить долгосрочную стабильность всего региона.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии http://www.eurasiancommission.org/, 05.06.2014.

2. Соглашение об обмене информацией в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных

инструментов через таможенную границу Евразийского экономического союза (Заключено в г. Москве 20.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 21.03.2023.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Магомедов Р.М. Международное сотрудничество в российском уголовно-процессуальном праве / Р.М. Магомедов // Экстремальные ситуации, конфликты, социальное согласие: Сборник статей XIX Международной научно-практической конференции. Академия управления МВД России. – 2018. – С. 163-165.

5. Александрова О.И. Процессуальные проблемы участия России в международной борьбе с преступностью / О.И. Александрова, А.И. Бастрыкин. – Санкт-Петербург: Северо-Западный фил. Российской правовой акад. М-ва юстиции Российской Федерации, 2001. – 485 с.

6. e-CODEX: Cross-border electronic exchange of data in judicial cooperation. EU Regulation, 2021 [Электронный ресурс] - https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-7926-2021-INIT/en/pdf.

***Суворова А. Ю.*[1],**
преподаватель кафедры
административного права
и административной деятельности
органов внутренних дел
Восточно-Сибирского института МВД России

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ В КОНТЕКСТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Глобализация мировых процессов, стремительное развитие информационных технологий и рост транснациональной преступности обуславливают нарастающую потребность в эффективном международном сотрудничестве в правоохранительной сфере. В этих условиях возрастает роль образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов для правоохранительных органов, в формировании у них необходимых компетенций для успешного взаимодействия с зарубежными коллегами. Настоящая статья посвящена анализу ключевых аспектов международного сотрудничества в правоохранительной сфере и его отражению в образовательной деятельности.

Государственная политика Российской Федерации в области международного сотрудничества по подготовке и переподготовке полицейских кадров характеризуется четкостью и последовательностью решений [1]. Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин неоднократно подчеркивал важность и актуальность задачи консолидации международного сообщества в области борьбы с международной и организованной преступностью, с международным терроризмом, с незаконным оборотом наркотиков, и, в конечном счете, в области подготовки и переподготовки высококвалифицированных специалистов для правоохранительных органов [2, с. 189]. В этой связи, стратегическим вектором государственной политики является укрепление связей с зарубежными партнерами в сфере профессионального образования. Это проявляется в активном участии российских образовательных учреждений в международных форумах, конференциях и программах, направленных на обмен опытом и лучшими практиками в подготовке кадров. Особое внимание уделяется разработке совместных образовательных программ, стажировкам и обмену преподавателями, что позволяет повысить квалификацию сотрудников и обеспечить соответствие их профессиональных навыков международным стандартам.

Заметим, что международное сотрудничество в правоохранительной сфере представляет собой комплекс согласованных действий государств и международных организаций, направленных на совместное противодействие преступности, обеспечение безопасности и правопорядка[2]. Образовательные учрежде-

---

[1] © Суворова А. Ю., 2025.

[2] Среди основных форм международного сотрудничества можно выделить: многостороннее сотрудничество (осуществляется в рамках международных организаций, таких как Интерпол, ООН, Совет Европы и других. Оно предполагает разработку международных стан-

ния, готовящие специалистов для правоохранительных органов, призваны формировать у них знания, умения и навыки, необходимые для эффективного международного сотрудничества[1]. Это предполагает включение в учебные программы дисциплин, посвященных: международному праву (изучение норм и принципов международного права, регулирующих сотрудничество в правоохранительной сфере, является необходимым условием для понимания правовых основ международного взаимодействия); международным организациям (необходимо знание структуры, функций и полномочий международных организаций, занимающихся борьбой с преступностью, а также правил участия в их деятельности); иностранным языкам (владение иностранными языками, особенно английским, является важным инструментом для общения с зарубежными коллегами и обмена информацией); сравнительному правоведению (изучение правовых систем разных стран позволяет выявлять различия и сходства в подходах к борьбе с преступностью и находить оптимальные решения).

Образовательная деятельность в сфере международного сотрудничества должна носить практико-ориентированный характер [3, с. 126]. Это предполагает, во-первых, использование интерактивных методов обучения, таких как деловые игры, моделирование ситуаций международного взаимодействия, анализ конкретных кейсов, которые позволяют обучающимся применять полученные знания на практике. Во-вторых, привлечение к учебному процессу практикующих сотрудников правоохранительных органов. Так, их опыт и знания позволяют обучающимся получить представление о реальных проблемах и задачах, возникающих в процессе международного сотрудничества. Также следует организовывать учебные поездки и стажировки в зарубежные правоохранительные органы. Это позволит обучающимся ознакомиться с работой зарубежных коллег, перенять их опыт и установить личные контакты. Не стоит забывать и о разработке и внедрении в учебный процесс специализированных учебных программ и курсов, которые будут учитывать особенности различных видов преступлений, с которыми приходится сталкиваться в процессе международного сотрудничества, таких как терроризм, наркоторговля, киберпреступность и другие.

дартов, конвенций и рекомендаций в области борьбы с преступностью, а также координацию усилий государств-членов); двустороннее сотрудничество (реализуется на основе межгосударственных договоров и соглашений, определяющих порядок взаимодействия в конкретных областях правоохранительной деятельности); региональное сотрудничество (осуществляется между государствами, расположенными в одном регионе, и направлено на решение общих проблем, таких как борьба с трансграничной преступностью, терроризмом и незаконной миграцией.

[1] Международное сотрудничество в образовательной сфере в правоохранительной области охватывает широкий спектр направлений: обмен опытом и знаниями (организация международных конференций, семинаров, тренингов и стажировок для сотрудников правоохранительных органов с целью обмена опытом и изучения передовых практик); разработка совместных образовательных программ; создание международных образовательных центров; поддержка научных исследований; обмен преподавателями и исследователями; разработка единых стандартов обучения и др.

В настоящее время во многих российских институтах активно практикуют международное сотрудничество в образовательной сфере. Рассмотрим некоторые из них.

Совместные образовательные программы и курсы повышения квалификации. Так, многие университеты и академии МВД России активно сотрудничают с зарубежными образовательными учреждениями и правоохранительными органами в разработке и реализации совместных программ. Это позволяет обмениваться опытом преподавания, внедрять инновационные методики обучения и адаптировать учебные материалы к специфике различных стран и регионов. Примером может служить совместный курс повышения квалификации по борьбе с киберпреступностью, разработанный и проводимый совместно с европейскими партнерами. Эта программа позволяет российским полицейским получить доступ к передовым знаниям и технологиям в области кибербезопасности и эффективно противостоять новым угрозам в этой сфере.

Стажировки в зарубежных правоохранительных органах и образовательных учреждениях являются ценным инструментом для повышения квалификации и расширения профессионального кругозора российских полицейских. Такие стажировки позволяют ознакомиться с организацией работы зарубежных коллег, перенять их опыт в борьбе с преступностью и установить личные контакты, которые могут быть полезны в дальнейшей работе.

Проведение совместных научных исследований и участие в международных конференциях позволяет российским ученым и практикам обмениваться знаниями и опытом с зарубежными коллегами, а также совместно разрабатывать новые методы и стратегии борьбы с преступностью. Эти мероприятия способствуют распространению передовых научных разработок и внедрению их в практику работы правоохранительных органов. Например, Восточно-Сибирский институт МВД России активно принимает участие в различных научно-практических мероприятиях, организованных такими странами как: Казахстан, Таджикистан, Беларусь и др.

Программы обмена преподавателями и студентами между российскими и зарубежными образовательными учреждениями способствуют развитию межкультурного диалога, углублению знаний о различных правовых системах и расширению международного сотрудничества. Такие программы позволяют российским студентам получить образование за рубежом и познакомиться с лучшими мировыми практиками в области правоохранительной деятельности, а также привлекают иностранных студентов в российские образовательные учреждения, что способствует распространению российского опыта и знаний.

Отметим, что российские правоохранительные органы и образовательные учреждения активно участвуют и в международных проектах и программах по борьбе с преступностью, реализуемых под эгидой разных международных организаций. Это позволяет России вносить свой вклад в международные усилия по обеспечению безопасности и правопорядка, а также получать доступ к передовым знаниям и технологиям в области борьбы с преступностью.

В некоторых странах Европы также разрабатываются специальные образовательные программы для международного сотрудничества в рамках правоохранительной деятельности. К таким программам можно отнести, например, программы Europol по подготовке сотрудников правоохранительных органов стран-членов ЕС. Europol организует совместные тренинги и семинары для сотрудников правоохранительных органов стран-членов ЕС, направленные на борьбу с различными видами преступлений [4]. Программы UNODC по борьбе с наркотрафиком и организованной преступностью. UNODC реализует образовательные программы, направленные на повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов развивающихся стран в борьбе с наркотрафиком и организованной преступностью [5].

Несмотря на значительные успехи в развитии образовательной деятельности в сфере международного сотрудничества, существуют и определенные проблемы. Одна из главных проблем – недостаточное финансирование. Отсутствие достаточных финансовых ресурсов ограничивает возможности образовательных учреждений по организации стажировок, обмену опытом и привлечению иностранных экспертов. Среди проблем также можно выделить различия в правовых системах, различных стран затрудняют согласование образовательных программ и языковые барьеры, политическая нестабильность, недостаток квалифициоранных кадров и др.

Для решения этих проблем необходимо не только увеличить финансирование образовательных учреждений, осуществляющих подготовку специалистов для международного сотрудничества, но и разработать единые учебные программы и стандарты в сфере международного сотрудничества, развить языковую подготовку обучающихся, привлечь к учебному процессу практикующих сотрудников правоохранительных органов и иностранных экспертов, а также совершенствовать саму систему повышения квалификации преподавателей.

Таким образом, международное сотрудничество в правоохранительной сфере в контексте образовательной деятельности является важным инструментом для борьбы с транснациональной преступностью и обеспечения безопасности. Образовательные учреждения, осуществляющие подготовку специалистов для правоохранительных органов, призваны формировать у них необходимые компетенции для эффективного международного взаимодействия. Совершенствование образовательных программ, обмен опытом и знаниями, разработка единых стандартов обучения и активное сотрудничество с международными организациями являются ключевыми факторами успеха. Преодоление существующих проблем и реализация новых возможностей позволит повысить эффективность борьбы с преступностью и обеспечить безопасность граждан во всем мире.

Список литературы

1. Российская Федерация и международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/crime/1710766/.

2. Путин В.В. Избранные речи и выступления. Москва: Книжный мир, 2008. 480 с.

3. Аржанова И.В. Международное образовательное сотрудничество – эволюция понятия и его содержательная сущность // Вестник РУДН. 2011. №4. С. 124-133.

4. European Union Agency for Law Enforcement Training (CEPOL). [Электронный ресурс]. URL: https://www.europol.europa.eu/partners-collaboration/agreements/european-union-agency-for-law-enforcement-training-cepol.

5. Управление ООН по наркотикам и преступности. [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/.

Сулименко А. Н.*[1]*,
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Старова Е. В.*,**
преподаватель кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИЦИИ В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИЗОЛЯЦИИ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Периоды значительной политической изоляции государства неизбежно оказывают глубокое влияние на его способность осуществлять эффективное международное сотрудничество в сфере обеспечения правопорядка. Данная статья анализирует ключевые проблемы, с которыми сталкивается российская правоохранительная система в области трансграничного взаимодействия с зарубежными партнерами (в первую очередь с западными странами) в условиях обострения геополитической напряженности и санкционного давления. Основное внимание уделяется влиянию приостановки членства, замораживания совместных программ и утраты доверия на борьбу с транснациональной преступностью, включая терроризм, киберпреступность и незаконный оборот наркотиков.

Международное сотрудничество правоохранительных органов является критически важным элементом глобальной безопасности в условиях возрастающей транснационализации преступности. Российская Федерация, будучи крупным игроком на международной арене, традиционно участвовала в многосторонних механизмах, таких как Интерпол (ICPO) и двусторонние соглашения. Однако с 2014 года, и особенно после 2022 года, политическая изоляция России на Западе привела к системным сбоям в этих механизмах.

Международное полицейское сотрудничество (МПС) базируется на принципах взаимного доверия, обмена информацией и юридической взаимопомощи, закрепленных в международных конвенциях и уставах организаций, таких как Интерпол. Политическая напряженность, санкции и взаимные обвинения подрывают сам фундамент этого сотрудничества – доверие.

Как отмечают Dunning and Hocking (2016), эффективность МПС прямо коррелирует с уровнем политической консенсуса между государствами. В условиях, когда государства воспринимают друг друга как прямых оппонентов, информация, передаваемая через каналы правоохранительного взаимодействия,

[1] © Сулименко А. Н., 2025.

может быть использована в политических целях или, наоборот, заблокирована из соображений национальной безопасности.

Политическая изоляция России породила ряд специфических проблем в сфере МПС, которые можно разделить на институциональные и операционные.

Интерпол является центральным хабом для обмена информацией о разыскиваемых лицах и преступных сетях. Ограничения, наложенные на Россию в рамках этой организации, создают серьезные операционные пробелы. Риск злоупотребления механизмами: Западные страны неоднократно обвиняли Россию в использовании системы «Красных уведомлений» Интерпола для преследования политических оппонентов, находящихся за рубежом. В ответ на эти обвинения, ряд юрисдикций (например, Великобритания и США) стали более осторожно реагировать на российские запросы или полностью их игнорировать, ссылаясь на Политику в отношении заявлений, касающихся характера запроса (Article 3 of the Interpol Constitution), которая запрещает использование ресурсов организации в политических целях (Fawcett, 2019).

Снижение оперативности: Замедление или отказ в обработке запросов, касающихся экстрадиции, обмена данными ДНК или отпечатками пальцев, напрямую затрудняет расследование транснациональных преступлений, совершенных на территории России или с участием российских граждан за рубежом.

Значительная часть эффективного МПС осуществляется через двусторонние соглашения, особенно между правоохранительными органами ЕС, США и России. Замораживание рабочих контактов: После 2022 года многие двусторонние рабочие группы, созданные для борьбы с конкретными видами преступлений (например, наркотрафик или киберпреступность), были заморожены или распущены. Broomfield (2021) подчеркивает, что такие рабочие группы, основанные на личном доверии между оперативными сотрудниками, часто более эффективны, чем формальные межгосударственные договоры. Их прекращение оставляет «серые зоны» в обмене тактической информацией. Влияние санкций: Хотя прямые санкции обычно не нацелены на рутинное полицейское взаимодействие, общие финансовые и технологические ограничения усложняют закупку необходимого оборудования, доступ к международным базам данных и проведение совместных операций.

Киберпреступность требует наиболее тесного международного сотрудничества, поскольку атаки не признают государственных границ.

Проблема атрибуции и недоверия: Западные правительства регулярно обвиняют российские государственные структуры в проведении кибератак. Это взаимное недоверие делает невозможным обмен критически важными данными об источниках атак, вредоносном ПО и хакерских группах, действующих с территории России. Wall (2020) отмечает, что в отсутствие доверия, страны предпочитают действовать в одностороннем порядке (например, через контрмеры), что не решает проблему системно. Отказ от взаимной выдачи: В сфере киберпреступлений, где мотивы часто носят политический оттенок (например, атаки на инфраструктуру), риск отказа в выдаче преступника или его нежелания сотрудничать многократно возрастает.

Политическая изоляция приводит к тому, что Россия вынуждена:

1. Переориентироваться на "дружественные" юрисдикции: Усиливается сотрудничество с государствами Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, где политические разногласия менее выражены. Однако эти юрисдикции могут не обладать таким же уровнем технологической оснащенности или разведывательных возможностей в борьбе с определенными видами преступности, как западные партнеры.

2. Усиление внутренней контрразведки: В условиях снижения внешнего потока информации, возрастает зависимость от внутренних методов сбора данных и разведывательных служб, что может приводить к менее полному пониманию глобальных тенденций преступности.

Политическая изоляция России на международной арене создает серьезные препятствия для эффективного международного сотрудничества полиции. Институциональные каналы (прежде всего Интерпол) подвергаются давлению и риску политизации, а двусторонние рабочие отношения заморожены. Это замедляет борьбу с транснациональной преступностью, особенно в высокотехнологичных сферах, таких как кибербезопасность. Успешное противодействие глобальным угрозам требует отделения рутинного полицейского взаимодействия от текущих геополитических конфликтов, однако текущая ситуация демонстрирует, что это разделение в условиях острой конфронтации практически невозможно.

Список литературы

1. Broomfield, M., The Unseen Hand: Bilateral Police Cooperation in the Shadow of International Tensions. Journal of International Law and Criminology, 2021, 15(2), 45-62.

2. Dunning, T., Hocking, B., International Relations: The Essentials. Routledge, 2016.

3. Fawcett, L., The Politics of Interpol: Global Policing and the Limits of Neutrality, Oxford University Press, 2019.

4. Wall, D. S. Cybercrime and Geopolitics: The Impasse of International Cooperation. Cyber Policy, 2020, 11(1), 1-18.

***Терешенко Е. Г.*[1],**
старший преподаватель
кафедры уголовно-исполнительного права
и криминологии уголовно-исполнительного факультета
Академии МВД Республики Беларусь,
кандидат юридических наук

ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Правоохранительная система призвана не просто противостоять преступности, но и вести системную работу, направленную на то, чтобы предупредить рецидив со стороны лиц, ранее отбывавших наказания. В связи с изложенным подготовка специалистов для уголовно-исполнительной системы на сегодняшний день является актуальным направлением подготовки кадров в правоохранительной области для любого цивилизованного государства.

В Республике Беларусь подготовка кадров для уголовно-исполнительной системы осуществляется в учреждении образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» на уголовно-исполнительном факультете. В рамках образовательного процесса на уголовно-исполнительном факультете курсанты осваивают образовательную программу, позволяющую по окончании обучения им стать квалифицированными юристами по профилизации «уголовно-исполнительная деятельность». Выпускники, получающие соответствующие компетенции, в дальнейшем принимаются на службу в органы и учреждения Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь, как правило, на должности сотрудников оперативных, режимных подразделений, а также служб исправительного процесса. Вместе с тем, следует отметить, что помимо перечисленных служб, в квалифицированных кадрах нуждаются и другие подразделения органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе психологические подразделения, специфика которых отличается, однако деятельность которых в не меньшей степени способствует эффективному функционированию органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

Работа психологической службы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы имеет важное значение для обеспечения безопасности в среде осужденных, предупреждения совершения ими правонарушений, в том числе преступлений насильственного и корыстно-насильственного характера, эффективной ресоциализации осужденных, что непосредственно связано с эффективностью исполнения наказания. Также психологическая служба способствует диагностике психологического состояния осужденных, выявлению факторов риска, развитию адаптивных и социализационных навыков, а также оказанию необходимой психопрофилактической и психотерапевтической помощи и др. Все вышеперечисленное требует подготовки на базе учреждения

[1] © Терешенко Е. Г., 2025.

высшего образования, так как приобретение знаний, умений и навыков, необходимых для осуществления деятельности в указанных направлениях, без такой подготовки невозможно.

Эффективное осуществление уголовно-исполнительной деятельности требует четкого понимания психических явлений, присущих людям, с которыми сотрудники правоохранительных и правоприменительных органов осуществляют профессиональное взаимодействие. На основе этих знаний возможна психологически оптимальная реализация профессиональных функций, что позволяет достигать необходимого эффекта от исполнения наказания.

Более того, в перспективе представляется целесообразным расширить круг сотрудников, которые могли бы оказать необходимое психологическое воздействие на осужденных. Учитывая тот факт, что психологическое воздействие оказывает непосредственное влияние на сознание спецконтингента, нельзя не согласиться с тем, что его качество влияет на эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы. Вряд ли можно оценить ее как средство, имеющее меньший эффект при достижении целей исполнения наказания, чем режим, воспитательная работа, общественно полезный труд, получение осужденными образования, общественное воздействие. Вместе с тем стоит понимать, что психологическое воздействие коррелирует со средством исправления осужденных в виде воспитательной работой с осужденными: невозможно достичь желаемого педагогического эффекта без понимания психологии. В связи с этим в дальнейшем целесообразно рассмотреть, как необходимость, наличие психологического образования у сотрудников подразделений исправительного процесса органов и учреждений уголовно-исполнительной системы.

В настоящее время Академия МВД Республики Беларусь взаимодействует с Московским университетом МВД России имени В.Я. Кикотя в рамках подготовки кадров по специальности «Психология служебной деятельности». Направленные в Московский университет курсанты отбираются на учебу территориальными органами внутренних дел Республики Беларусь и после окончания обучения, соответственно, направляются в их распоряжение.

Стоит констатировать, что аналогичный механизм подготовки кадров был бы актуален и для органов и учреждений уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. В связи с этим, полагали бы целесообразным активировать международное сотрудничество в области подготовки курсантов, направляемых на учебу в интересах Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь. Это обосновано тем, что эффективное исполнение наказания требует наличия у сотрудника органов и учреждений уголовно-исполнительной системы комплекса знаний не только в области права, но и в области психологии и педагогики, применяя который он мог бы проходить службу в любом из подразделений, непосредственно взаимодействующих с осужденными, но главное – в психологической службе. Исправление осужденного предполагает в первую очередь работу с его сознанием, в котором формируется готовность к ведению правопослушного образа жизни и дальнейшей реинтеграции в общество. При том определяющим является понимание того, что ведение правопо-

слушного образа жизни должно быть не следствием страха перед наказанием за новое преступление, а осознание недопустимости совершения преступления исходя из комплекса сформированных в процессе исполнения наказания положительных ценностей и антиценностей (неприятие преступного образа жизни, аморальных влечений, жизни в условиях лишения свободы и т.д.).

Учитывая, что исправительная функция органов и учреждений уголовно-исполнительной системы является целевой, а необходимость наличия у их сотрудников квалификации в области психологии и педагогики сложно переоценить, нами предлагается ежегодно осуществлять отбор абитуриентов для обучения по специальности «Психология служебной деятельности» в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя в интересах Департамента исполнения наказаний МВД Республики Беларусь.

Внедрение вышеуказанных изменений позволит:

1) сократить количество лиц, которым необходимо дополнительно получить квалификацию в области психологии и педагогики;

2) решить проблему некомплекта служб психологического обеспечения, так как для подготовки такого специалиста не понадобится направлять его на переподготовку. Лицо сможет получить необходимую квалификацию в процессе обучения на I ступени высшего образования;

3) повысить качество исправительного воздействия на осужденных, а следственно – повысить эффективность исполнения наказания.

***Тимонин С. А.*[1],**
курсант факультета подготовки сотрудников
для оперативных подразделений полиции
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В РАМКАХ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В соответствии с п. 2 ст. 3 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. (далее – Конвенция ООН против ТОП), преступление имеет транснациональный характер в случае, если: оно совершено в более чем одном государстве; оно совершено в одном государстве, но существенная часть его подготовки, планирования, руководства или контроля имеет место в другом государстве; оно совершено в одном государстве, но при участии организованной преступной группы, которая осуществляет преступную деятельность в более чем одном государстве; или оно совершено в одном государстве, но его существенные последствия имеют место в другом государстве [1]. «Конвенция определяет действенные рычаги по недопущению развития и эффективные меры противодействия транснациональным преступлениям, в ней сформулированы единые для всех участников подходы к осознанию криминальных опасностей и четких требований в их подавлении с применением всех имеющихся законных средств» [2, с. 236].

Высокая общественная опасность таких деяний, связанных, как правило, с соответствующим уровнем организации и обширными ресурсами преступных формирований, подталкивает национальные правоохранительные системы к консолидации и взаимодействию с целью противодействия такого рода преступности, находящей выражение, как правило, в преступлениях: террористической направленности, в сфере незаконного оборота наркотиков, торговли людьми, организации проституции, «отмыванию» незаконных доходов.

Международные акты в области сотрудничества в правоохранительной сфере стремятся унифицировать и конкретизировать ключевые понятия (например, определения преступлений, процедуры экстрадиции, правила оказания правовой помощи), чтобы обеспечить эффективное взаимодействие и избежать пра-

[1] © Тимонин С. А., 2025.

вовых коллизий. Формулировка в п. 1 ст. 18 Конвенции ООН против ТОП «на взаимной основе предоставлять друг другу иную аналогичную помощь» представляется широкой и гибкой, следовательно, позволяет охватить различные формы сотрудничества, в частности, предоставление информации, добытой в том числе и в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

Национальное законодательство Российской Федерации прямо указывает на процедуры международного сотрудничества в рамках ОРД. Так, в ч. 6 ст. 7 Федерального закона № 144 «Об оперативно-розыскной деятельности» в качестве одного из оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий закрепляется запрос международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации [3].

«Развитие общественных отношений, научно-технический прогресс и новые подходы к управлению общественными процессами продолжают и будут продолжать ставить перед учеными и практиками задачи, связанные с обеспечением эффективной борьбы с преступностью» [4, с. 65]. Транснациональные преступные формирования активно применяют в своей деятельности достижения цифровизации общественной жизни, а именно сеть «Интернет», что подталкивает правоохранительные органы консолидировать усилия для противодействия подобным угрозам. Так, большая часть наркотрафика как в странах Европы, так и в странах Востока и Азии реализуется посредством «теневого» сегмента всемирной сети «Интернет». Наглядным примером работы подразделений, уполномоченных на осуществление ОРД, в глубоком взаимодействии с коллегами из соседних государств является операция по всеобъемлющему противодействию незаконному обороту наркотиков под кодовым названием «Пангея» [5].

В ходе проведения операции было реализовано более 13 000 контрольных и оперативно-розыскных мероприятий, в рамках которых реализовано более 900 транснациональных почтовых отправлений. Пресечена деятельность преступных формирований специализирующихся на выдаче ложных врачебных рецептов на приобретение сильно-действующих и наркосодержащих препаратов. В результате международного сотрудничества возбуждено более 150 уголовных дел, задержаны 100 лиц, общая сумма изъятой из оборота продукции составила 405,5 миллиона рублей.

Международное сотрудничество правоохранительных органов в ОРД характеризуется необходимостью сочетания высокой оперативности и гибкости взаимодействия с соблюдением принципов суверенитета и национального законодательства государств [6]. В отличие от формальной правовой помощи, обмену оперативной информацией присущи прямые межведомственные контакты и использование широкого спектра каналов, включая международные организации, что обеспечивается благодаря гибким формулировкам международных конвенций. Эффективность такого сотрудничества зависит от наличия прочной договорно-правовой базы и способности правоохранительных органов унифицировать подходы к обмену и использованию полученных оперативных дан-

ных. Неполитизированное взаимодействие правоохранительных органов, представляющее из себя консолидацию национальных сил и средств органов правоприменения, является наиболее эффективной формой противодействия транснациональной преступности. Таким образом, специфика международного сотрудничества в сфере ОРД требует постоянного совершенствования правовых механизмов и развития доверительных отношений между правоохранительными структурами разных государств.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

2. Соловьева А. С. Место и роль Российской Федерации в рамках ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г, Москва, 29 октября 2020 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – С. 235-240.

3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (последняя ред.) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7519/.

4. Коннов, В. А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и международная защита прав человека: проблемы соотношения и приоритетов / В. А. Коннов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Москва, 31 октября 2018 года / Под общей редакцией Д.Д. Шалягина. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 61-66.

5. Ирина Волк: В МВД России подвели итоги операции «Пангея» // МВД Медиа. – URL: https://mvdmedia.ru/news/ofitsialnyy-predstavitel/irina-volk-v-mvd-rossii-podveli-itogi-operatsii-pangeya/.

6. Пузырева, Ю. В. Международно-правовые основы сотрудничества Интерпола и Организации Объединенных Наций в контексте противодействия транснациональной организованной преступности / Ю. В. Пузырева // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2021 года / Под редакцией О.В. Химичевой. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 269-274.

***Тишков С. А.*[1],**
заместитель начальника кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института
МВД России имени В. В. Лукьянова,
кандидат политических наук, доцент

УЧАСТИЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ КОМПОНЕНТОВ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ МООНЮС)

В XXI веке внутренние вооруженные конфликты приобрели новое измерение. Они стали одной из ключевых проблем обеспечения безопасности на Африканском континенте, унося жизни миллионов мирных граждан и превращая десятки миллионов человек в беженцев или перемещенных лиц.

С учетом того, что права человека универсальны и неделимы, международное сообщество рассматривает проблемы прав человека в комплексе, на справедливой и равной основе. Поэтому в мировой повестке дня все активнее формируется точка зрения, что «положение в этой сфере перестает быть исключительно внутренней прерогативой суверенных государств, и может стать причиной или поводом принятия конкретных мер воздействия» [1, с. 54].

На протяжении многих десятилетий несомненное лидерство в области обеспечения прав человека принадлежит Организация Объединенных Наций (ООН), которая не только создала признанный международным сообществом всеобъемлющий свод законов в данной области, но и разработала механизмы обеспечения и защиты этих прав.

Для решения задач, связанных с обеспечением прав человека, ООН применяет различные формы от контактов Генерального Секретаря и уполномоченных должностных лиц с правительствами государств-членов до направления по просьбе государств-членов миссий для контроля соблюдения политических договоренностей в области прав человека или мониторинга назревающих внутренних конфликтов.

Считаем возможным предположить, что «использование гуманитарного потенциала полевых миссий ООН в зонах конфликтов и постконфликтных регионах является наиболее действенным способом воздействия на ситуацию, т.к. в условиях массовых нарушений прав человека и широкомасштабных актов насилия возрастает актуальность решения задач обеспечения безопасности и защиты гражданского населения» [4, с. 18].

Как показывает практика, полевые миссии ООН решают все более широкомасштабные и комплексные задачи в сфере безопасности, приоритеты которых находят свое выражение в докладах высших должностных лиц ООН.

Так, в марте 2022 г. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш подчеркнул, что «в процессе реформирования сектора безопасности необходимо уделять

[1] © Тишков С. А., 2025.

важное внимание вопросам прав человека, поскольку без этого невозможно завоевать доверие населения. Учет прав человека в процессе реформирования … должен распространяться как на институциональные реформы и совершенствование систем управления, так и индивидуального поведения сотрудников сил безопасности» [7].

Формирование доктринальных основ совместной работы полиции ООН и других международных правоохранительных институтов в сфере обеспечения уважения прав человека отражает возросшее внимание данному направлению в миротворческой практике ООН. Все чаще при проведении полевых миссий ООН задачи содействия обеспечения прав человека рассматриваются в комплексе с проблемами защиты гражданских лиц и с вопросами сокращения насилия, включая сексуальное и гендерное насилие в условиях конфликта [5].

Подтверждением данной тенденции является деятельность Миссии ООН в Республике Южный Судан (МООНЮС).

Приветствуя обретение независимости Республикой Южный Судан (РЮС), Совет Безопасности (СБ) ООН принял резолюцию № 1996 (2011), в которой для упрочения мира и безопасности в регионе, создания условий для развития учредил МООНЮС.

Мандат МООНЮС, сформированный на основании главы VII Устава ООН, предусматривал оказание поддержки правительству РЮС:

а) в деятельности по предотвращению, смягчению и урегулированию конфликтов, защите гражданских лиц путем:

- оказания военным и полицейским структурам на национальном и местном уровнях консультативной помощи и поддержки в сфере обеспечения защиты гражданских лиц;

- сдерживания насилия, в том числе путем упреждающего развертывания и патрулирования в районах с высоким риском конфликта ... и защиты гражданских лиц от угрозы физического насилия в случаях, когда национальное правительство не обеспечивает такой безопасности;

б) в укреплении его способности обеспечить безопасность и верховенство права и укрепить секторы безопасности и правосудия путем:

- содействия разработке стратегий реформирования сектора безопасности, обеспечения верховенства права и развития сектора правосудия;

- укрепления потенциала национальных полицейских служб посредством консультирования …, а также обучения и наставничества в ключевых областях [8].

Однако, после кризисных событий в декабре 2013 г. [3, с. 65, 73] СБ ООН резолюцией № 2155 (2014) значительно расширил мандат МООНЮС в сфере защиты гражданского населения, мониторинга соблюдения прав человека, включая расследование и предание гласности случаев несоблюдения прав человека и нарушения международного гуманитарного права, объектом которых становятся дети и женщины, уделяя особое внимание фактам сексуального и гендерного насилия в условиях вооруженного конфликта [9], а также существенно усилил военный и полицейский компоненты миссии.

Несмотря на значительные усилия ООН и региональных партнеров, ситуация в сфере соблюдения прав человека в Южном Судане продолжает вызывать серьезную озабоченность у акторов миротворчества.

Например, с 1 апреля по 15 июля 2025 г. МООНЮС задокументировала и подтвердила 358 случаев нарушения и ущемления прав человека, в результате которых пострадали 1.974 гражданских лица, включая 151 женщину и 106 детей, из них 77 мальчиков и 29 девочек. В общей сложности 856 гражданских лиц были убиты, 792 получили ранения, 117 были похищены, а 209 подверглись произвольному аресту и задержанию. Ответственность за 62% инцидентов возлагалась на общинных ополченцев и/или группы гражданской обороны; за 30% инцидентов – на долю традиционных сторон конфликта и других вооруженных групп; за 8 инцидентов – на неустановленные вооруженные группы (фракции) [10].

В данных условиях компонент полиции ООН продолжает действия по поддержанию общественной безопасности в соответствии с принципами верховенства права и международными нормами в области прав человека, а также наращиванию правоохранительного потенциала местной полиции по защите жизни и имущества.

В отчетном периоде полицейские МООНЮС провели на всей территории Южного Судана 6.007 операций по патрулированию, в том числе 45 комплексных патрульных операций и 4.687 патрулей с участием женщин-полицейских, при этом значительно расширилось оперативное присутствие в республиканской столице г. Джубе. Кроме того, в состоянии готовности поддерживались более 1.213 групп быстрого реагирования в целях оказания содействия усилиям полиции в г. Джубе, г. Малакале и г. Бентиу [10].

Наряду с выполнением практических задач, сотрудники полиции ООН провели 171 семинар-практикум с участием 5.081 сотрудника Национальной полицейской службы Южного Судана (включая 1.462 женщины). Тематика семинаров была посвящена проблемам обеспечения безопасности предотвращения насилия в отношении женщин в период проведения выборов, защиты детей, а также расследования и судебного преследования по делам о сексуальном и гендерном насилии и сексуальном насилии в связи с конфликтом.

Актуальность проблем обеспечения прав человека для операций ООН на африканском контингенте [2, с. 192] подтверждается результатами проведенного в 2024 году опроса российских полицейских-миротворцев, проходящих службу в составе МООНЮС, согласно которым «наиболее актуальными направлениями подготовки местной полиции в Южном Судане являются: обеспечение прав человека – 100 % ответов; защита гражданского населения – 92 % ответов; защита женщин и детей в условиях вооруженного конфликта – 88 % ответов» [6, с. 127].

Таким образом, вопросам обеспечения соблюдения прав человека уделяется все большее внимание в деятельности полевых миссий ООН. Примером данной тенденции возможно считать деятельность полицейского компонента МООНЮС, сотрудники которого активно участвуют в мероприятиях по пресечению

массовых и грубых нарушений прав и свобод человека в условиях многолетнего внутреннего конфликта, а также реализует программы по повышению профессионального уровня местных полицейских в целях неукоснительного обеспечения выполнения прав человека.

Список литературы

1. Кулагин, В. М. Международная безопасность: учебное пособие для студентов ВУЗов / В. М. Кулагин. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 318 с.

2. Киселев, А. К. Проблемы полицейской ответственности и реформы в Африке / А. К. Кисилев // Известия Самарского Центра РАН. Сер. : История. 2013. № 3. С. 189-196.

3. Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций: коллективная монография / Т. Л. Дейч, Е. А. Елькина, Р. Н. Исмагилова [и др.]. – М. : Институт Африки РАН, 2017. – 146 с.

4. Тишков, С. А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования : автореф. дисс. … канд. полит. наук : 23.00.04 / Тишков Сергей Александрович. – Орел, 2011. – 26 с.

5. Тишков, С. А. Опыт и уроки миссии ООН по стабилизации в Гаити (МООНСГ) по сокращению насилия и преступности в процессе формирования основ постконфликтного восстановления / С. А. Тишков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2017. – № 15(264). – С. 175-182.

6. Тишков, С. А. Особенности организации обученияместного полицейского персонала при проведении миротворческих операций ООН / С. А. Тишков // Научный портал МВД России. – 2024. – № 4(68). – С. 121-133.

7. Доклад Генерального секретаря S/2022/280 от 15 марта 2022 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n22/289/44/pdf/n2228944.pdf?token=49MmqcY776oBQjHHPG&fe=true.

8. Резолюция СБ ООН № 1996 (2011) от 8 июля 2011 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: www.un.org.

9. Резолюция СБ ООН № 2155 (2014) от 27 мая 2014 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: www.un.org.

10. Доклад Генерального секретаря S/2025/504 от 7 августа 2025 г. // Сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://docs.un.org/ru/S/2025/504.

***Тишкова Д. С.*[1],**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВ МИРОТВОРЧЕСТВА ООН: ОБЗОР МИНИСТЕРСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ МИРА 2025 ГОДА

Организация Объединенных Наций (далее – ООН) была создана в 1945 году для поддержания международного мира и безопасности, и уже 80 лет играет ключевую роль в этом процессе. Для достижения главной цели Устав ООН предусматривает широкий спектр механизмов и инструментов, одним из которых являются операции ООН по поддержанию мира (далее – миротворческие операции) [1]. Миротворчество ООН представляет собой уникальный инструмент, сочетающий в себе международную легитимность, политический мандат и многонациональный контингент. На протяжении десятилетий миротворческие операции играют ключевую роль в сдерживании конфликтов, защите гражданского населения и создании условий для устойчивого мира.

13-14 мая 2025 г. в Берлине состоялась Министерская конференция по поддержанию мира, где представители государств-членов и международных межправительственных организаций регионального уровня обсудили будущее миротворчества ООН, а также реформы, которые способны повысить его эффективность. Министерская конференция по поддержанию мира стала значимым событием, определившим вектор развития миротворчества ООН на ближайшую перспективу. Анализ итогового доклада данной конференции позволяет выявить ключевые векторы и приоритеты предстоящих реформ, формирующие новую архитектуру миротворчества ООН [2].

Центральной темой дискуссий в Берлине стала необходимость адаптации правовой основы миротворческих операций – мандатов, предоставляемых Советом Безопасности ООН (далее – СБ ООН). Участники конференции подчеркнули необходимость разработки мандатов для санкционирования миссий с учетом тех условий, в которых планируется их функционирование. Это предполагает принятие решений, учитывающих специфику каждого конфликта и позволяющих оперативно реагировать на местные вызовы.

Значительное внимание было уделено и модернизации операций в технологическом направлении. Внедрение в практику миротворчества таких технологий, как, например, искусственный интеллект или беспилотные летательные аппараты открывает новые возможности для повышения безопасности миротворческого персонала и эффективности самой операции. Кроме того, одной из острых проблем, стоящей перед миротворчеством, является распространение ложной информации в телекоммуникационной среде. Участники конференции

[1] © Тишкова Д. С., 2025.

подчеркнули, что использование современных технологий способно помочь ООН противостоять этому вызову. Однако в настоящее время правовые основы миссий не предусматривают четких процедур для внедрения современных технологий в миротворческие операции, что вызывает необходимость в разработке соответствующих международных правовых актов.

Защита гражданского населения является важнейшей задачей, стоящей перед каждой миротворческой операцией ООН, поэтому участники конференции отметили тенденцию совершенствования механизмов такой защиты. Правовая основа защиты гражданского населения базируется на ряде фундаментальных резолюций СБ ООН, таких как резолюция 1265 (1999) [3], заложившая основу для системного включения защиты гражданских лиц в мандаты миротворческих операций, 1296 (2000) [4], 1674 (2006) [5] и 1894 (2009) [6], обязывающие миротворческие операции предотвращать насилие против гражданского населения, защищать от непосредственных угроз и создавать условия для долгосрочной безопасности. Новым витком в вопросах защиты гражданского населения является приверженность ООН политике «нулевой терпимости» к сексуальной эксплуатации и насилию, распространенным в зоне конфликтов, в связи с чем в рамках Организации существуют и постоянно совершенствуются стандарты поведения персонала, задействованного в миротворческих операциях. Как отметил в своем докладе Генеральный Секретарь ООН А. Гутерриш, в настоящее время разработана трехсторонняя стратегия для борьбы с насилием: профилактика, обеспечение соблюдения стандартов поведения и принятие корректирующих мер [7].

Организационная трансформация проявляется в развитии многоуровневой системы партнерств. Особое значение придается укреплению координации между Секретариатом ООН и операциями, а также углублению сотрудничества с региональными и субрегиональными организациями. Так, например, резолюция СБ ООН 2719 (2023) о финансировании операций под эгидой Африканского союза [8] свидетельствует о формировании моделей распределения ответственности в миротворческой деятельности: если ранее ООН была единственным центром ответственности за поддержание международного мира и безопасности, то после принятия данной резолюции, такая ответственность распределяется между глобальными и региональными акторами на основе их сравнительных преимуществ. ООН обеспечивает легитимность и финансирование, а Африканский союз – оперативное руководство. Такой опыт признан участниками прошедшей конференции положительным, в связи с чем была подчеркнута необходимость его внедрения в практику миротворчества ООН.

Важно отметить, что все в качестве одного из «молодых» партнеров ООН в сфере миротворчества выступает Организация Договора о Коллективной безопасности (далее – ОДКБ). В настоящее время активно разрабатывается нормативно-правовая база для внедрения постоянно действующих Коллективных миротворческих сил (далее – КМС ОДКБ) в систему поддержания международного мира и безопасности, существующую в рамках ООН [9]. Сотрудничество между ООН и ОДКБ представляет собой стратегически важное

направление современного миротворчества. Его развитие соответствует общей тенденции децентрализации миротворческих операций и распределении ответственности между универсальными и региональными структурами. Партнерство ООН и ОДКБ способно создать эффективную модель регионально-универсального миротворчества, сочетающую глобальную легитимность ООН с оперативными возможностями ОДКБ, что соответствует духу главы VIII Устава ООН 1945 г. [1] и может стать важным вкладом в укрепление международной безопасности.

Участниками Министерской конференции 2025 была также подчеркнута важность создания благоприятных условий для полного, равного, безопасного и значимого участия женщин в миротворческой деятельности. Вопрос участия женщин в миротворческих операциях ООН стал стратегически приоритетным, непосредственно влияющим на эффективность операции. Впервые необходимость участия женщин в миротворчестве была отражена в резолюции СБ ООН 1325 (2000) [10], после чего были приняты резолюции 2242 (2015) [11] и 2538 (2020) [12], посвященные вопросам участия женщин в обеспечении мира и безопасности. На конференции было подчеркнуто, что 25-летие резолюции 1325 ознаменовано смещением акцента от увеличения числа женщин в миротворческих операциях к обеспечению их полноценного участия в принятии решений, планировании операций и руководства операциями.

Министерская конференция по поддержанию мира в 2025 г. стала значимым событием для института миротворчества ООН и продемонстрировала сохранение коллективной политической воли государств к укреплению миротворческого потенциала ООН. По итогам конференции была отмечена необходимость перехода к гибким мандатам, укреплена модель партнерства Организации с международными межправительственными организациями регионального уровня, подчеркнута значимость участия женщин в миротворческих операциях.

Список литературы

1. Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text.

2. Peacekeeping Ministerial 2025 – Chairs summary // Официальный сайт ООН. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/pkmin_chairs_summary.pdf.

3. Резолюция СБ ООН 1265 (1999) от 17 сентября 1999 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1265(1999).

4. Резолюция СБ ООН 1296 (2000) от 19 апреля 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1296(2000).

5. Резолюция СБ ООН 1674 (2006) от 28 апреля 2006 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1674(2006).

6. Резолюция СБ ООН 1894 (2009) от 11 ноября 2009 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1894(2009).

7. Доклад Генерального секретаря ООН о специальных мерах защиты гражданских лиц от сексуальной эксплуатации и насилия // Официальный сайт

ООН. URL: https://conduct.unmissions.org/sites/default/files/report_of_the_secretary-general_on_special_measures_for_protection_from_sexual_exploitation_and_abuse_a79789.pdf.

8. Резолюция СБ ООН 1265 (1999) от 17 сентября 1999 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/en/S/RES/2719(2023).

9. В Москве состоялись консультации о формировании условий для задействования миротворческого потенциала ОДКБ // Официальный сайт ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-moskve-sostoyalis-konsultatsii-o-formirovanii-usloviy-dlya-zadeystvovaniya-mirotvorcheskogo-potents/#loaded.

10. Резолюция СБ ООН 1325 (2000) от 31 октября 2000 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/womenwatch/ods/S-RES-1325(2000)-R.pdf.

11. Резолюция СБ ООН 2242 (2015) от 13 октября 2015 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://wps.unwomen.org/pdf/2242/UNSCR-2242-RU.pdf.

12. Резолюция СБ ООН 2538 (2020) от 28 августа 2020 г. // Официальный сайт ООН. URL: https://docs.un.org/en/S/RES/2538(2020).

13. Атто Р. От миротворчества к миростроительству: эволюция роли Организации Объединенных Наций в операциях в пользу мира // Международный журнал Красного Креста. – 2015. – №. 891-892. – С. 3-27.

14. Миротворчество в многополярном мире / Я. Н. Аду, А. Р. Андронова, А. Н. Антонов [и др.]. – М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2024. – 492 с.

15. ООН и вызовы современного мира в XXI веке : коллективная монография / А. Х. Абашидзе, М. А. Симонова, Р. В. Нигматуллин [и др.]. – Уфа : Башкирский государственный университет, 2021. – 152 с.

16. Тишков С. А. Гендерная перспектива в полицейском миротворчестве ООН / С. А. Тишков, И. К. Харичкин // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2023. – Т. 23, № 1. – С. 7-19.

17. Пузырева Ю.В., Шалягин Д.Д. Организационное и правовое обеспечение участия сотрудников органов внутренних дел российской федерации в миротворческих операциях и в зонах вооруженных конфликтов. – М.: МосУ МВД России, 2019. – 115 с.

***Трифонов С. Г.*[1],**
профессор кафедры теории государства и права
Ростовского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

***Трифонова К. В.*[2],**
доцент кафедры прав гражданского процессуального права
Российского государственного университета
правосудия имени В.М. Лебедева,
доцент кафедры гражданского и предпринимательского права
Южно-Российского института управления
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

ЦИФРОВИЗАЦИЯ МИГРАЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На современном этапе развития информационного общества разрешение актуальных и взаимосвязанных проблем правоохранительной деятельности соединяется с модернизацией правового статуса мигранта [1, с.3-9].

Происходящие в настоящее время всеобъемлющие глобализационные процессы не могут не затронуть как миграционные процессы в целом, так и институт незаконной миграции, в частности, которая «приспосабливается к исторической формации, определяя свое место в разряде проблем международного масштаба» [2, с.43-54]. Это детерминировано тем, что: «мигранты одновременно выступают как неотъемлемая составляющая и движущая сила экономического подъема государства, так и в качестве комплекса нерешенных проблем, связанных с обеспечением безопасности страны от миграционной экспансии» [2, с.43-54].

Основной целью миграционной политики Российской Федерации является «создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, а также защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе» [2, с.43-54].

В настоящее время происходит ужесточение миграционной политики в условиях проведения СВО в первую очередь путем ужесточения миграционного законодательства, в частности в области миграционного контроля с учетом активного развития и внедрения информационных технологий в миграционную сферу.

---

[1] © Трифонов С. Г., 2025.
[2] © Трифонова К. В., 2025.

Задачами исследования выступают анализ международного опыта внедрения цифровых технологий в миграционную деятельность, изучение научных разработок в сфере становления цифровой миграционной деятельности, изучение правового регулировал вопросов цифровизации миграционной деятельности.

Согласно п.14 Концепции государственной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы «Целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, обеспечения безопасности государства, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода» [12].

Вопросы модернизации института миграционного контроля с учетом активного развития информационных технологий нашли отражение как в научной сфере, так и на практике в ряде подзаконных нормативных актов в области миграционных отношений, таких как Перечень поручений Президента Российской Федерации по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы (далее – Перечень) [13], Указ Президента Российской Федерации 467 «О государственном информационном ресурсе «Цифровой профиль иностранного гражданина, Постановление Правительства Российской Федерации «О проведении эксперимента по апробации правил и условий въезда в Российскую Федерацию и выезда из Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства» и т.д.

В частности, в вышеуказанном Перечне еще в 2023 году было указано, что: «…Вместе с тем существующие миграционные правила недостаточно ясны и унифицированы. Уровень применения информационных технологий при предоставлении государственных услуг и осуществлении государственного контроля в сфере миграции остается невысоким» [14].

Как указывается в Перечне поручений, «миграционный розыск» должен предусматривать «законные основания и полномочия по определению места нахождения иностранных граждан, нарушивших миграционное законодательство, уклоняющихся от выезда из Российской Федерации и т.п., а также конкретные меры и порядок их осуществления» [15].

На МВД России возложены полномочия по осуществлению иммиграционного контроля в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства [16]. А государственная система миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность, предполагает «обеспечение выполнения специальных задач в сфере пограничного, иммиграционного и иных видов контроля» [17]. Следовательно вопросы цифровизации миграционной деятельности в целом, миграционного контроля в частности, имеют стратегическое значение в настоящее время с учетом сложившейся геополитической обстановки, проводимой СВО.

Совершенствование институционально-правового обеспечение миграционной деятельности нашло отражения в проводимой МВД России реформе

2 апреля 2025 года Президент РФ подписал Указ №205 «О совершенствовании государственного управления в сфере миграции» [18] (далее – Указ № 205), ознаменовавший начало масштабной реформы в сфере миграционного контроля путем создания Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан МВД.

Эффективность и результативность реализации задач в миграционной сфере в контексте обеспечения национальной безопасности в целях предупреждения и пресечение незаконной миграции любого государства являются осуществление контрольно-надзорных мероприятий, которые выступают в качестве структурного элемента миграционной политики.

Представляет интерес и изучение института миграционного контроля на примере Канады, где специальная пограничная служба – CBSA активно использует в своей деятельности информационные технологии: «применяет такой инструмент контроля за отдельными категориями лиц, как система голосовой отчетности (VR), использующая биометрическую технологию голосовой печати по телефону через согласованные промежутки времени» [3, с.109-116].

Впервые Аристид Зольберг в 1997 г. ввел термин «дистанционный пограничный контроль» для описания трансатлантической системы виз, выдаваемых консульствами за рубежом, и проверки пассажиров в европейских портах, которая сформировалась в девятнадцатом и начале двадцатого веков[4, p.111-121]. Он заметил, что: «контроль в начальной точке «теперь настолько привычен, что мы склонны недооценивать его радикально новаторский характер и его фундаментальное значение в регулировании мирового движения» [4, p.111-121]. Ученые из разных областей социальных и юридических исследований разработали аналогичные концепции, в целях демонстрации, как государства используют пространство для регулирования миграции вне трансатлантического контекста [5]. Система «дистанционного пограничного контроля» используются для фильтрации иностранных граждан, пребывающих из-за рубежа, а не просто для запрета. Смысл их существования, однако, заключается в способности исключать, рассеивать и «отбраковывать массы» в соответствии с меняющимися критериями приема и отклонения мигрантов [6]).

Стратегии эффективного миграционного контроля со стороны государства, а также судебного и законодательного контроля за исполнительной властью в исследуемой сфере формируются в зависимости от сложившейся миграционной ситуации.

Правильное определение меняющихся отношений между государствами, правами человека, мигрантами и миграционным контролем имеет важное значение, как с теоретической точки зрения, так и с политической.

Во-первых, права личности, основанные на универсальных принципах, таких как верховенство прав человека, как закрепленные на международном уровне, так и во внутригосударственном национальном законодательстве, на практике по-прежнему активно территориализируются. Государства пытаются

«отодвинуть» миграционный контроль от своих территориальных границ, одновременно усиливая контроль на самой границе, чтобы ограничить доступ мигрантов, тем самым в большинстве случаях, нарушая права человека. Экстерриториализация, т.е. вынесение контроля за пределы территории государства, происходит в то же время и подчиняется той же логике, что и гипертерриториализация, вводя контроль и создавая юридический смысл посредством тонких пространственных различий на границе. В зарубежных юридических исследованиях институт «дистанционного пограничного контроля» очень часто характеризуется как «экстерриториальность» [7].

Во-вторых, экстернализация миграционного контроля меняет представления о том, как государства «монополизируют законные средства передвижения» [8].

Современные государства, в отличие от частных субъектов, сохраняют эту власть, но отдельные государства часто не монополизируют контроль на своей территории. Государства часто сотрудничают, чтобы контролировать движение. Государства, которые более сильны в «иерархии суверенитета» [9], проводят политику, направленную формировании эмиграции и транзита. Легитимность этих усилий оспаривается, поэтому экстерриториальные действия государства часто не афишируется либо, если они носят публичный характер, это представляется как межгосударственное сотрудничество путем заключения, как правило двух- и многосторонних договоров.

«Контроль над мобильностью в зарубежных странах все чаще осуществляется, когда происходит взаимодействие государственных органов при предоставлении контролирующим органам баз данных биометрических реестров, которые не имеют реального физического местонахождения» [10].

Цифровизация миграционных процессов, в целом, миграционного контроля в частности, является одним из «этапов намерений государства по отказу от посредников и сокращению нелегальной миграции» [11].

В ведомственных актах большинства правоохранительных органов нашли отражение требования в части создания единого информационного ресурса как для контроля и учета, так и взаимодействия между разными структурами.

Основной детерминантой усиления миграционного контроля в первую очередь является предупреждение и пресечение нелегальной миграции, что обусловлено рядом факторов: рост трудовой миграции, сложная военная ситуация на территории ряда государств, СВО, интеграция новых территорий

В настоящее время основными направлениями цифровизация миграционной деятельности в контексте осуществления миграционного контроля выступают следующие:

1. Введение цифрового профиля мигранта

В зарубежных странах имеются аналоги цифрового профиля. В частсности, опыт ОАЭ представлен национальной цифровой системой идентификации для граждан, резидентов и гостей UAE Pass, а для мигрантов - ICA Smart Service, который предоставляет возможность получения, продления виз, а также легализации своего статуса.

Система UAE Pass предоставляет возможность лицам получения различных государственных услуг, в том числе оформлению различных документов (например, открытие банковского счета, оплата различных платежей), получение и использование электронной цифровой подписи.

2. Экспериментальный цифровой миграционный учет

3. Реестр контролируемых лиц

Представляет интерес, изучение, проводимого с 1 сентября 2025 года в Москве и Московской области эксперимента путем внедрения нового цифрового приложения, которое заменит бумажную регистрацию и включает в себя возможности подтверждение геолокации иностранным гражданином каждые 3 дня, в случае отсутствия такого включение в реестр контролируемых лиц, также в случае невыполнения обязанностей по оплате налогов и сборов, совершения различных правонарушений со стороны мигранта, также могут способствовать попаданию в реестр.

4. Учреждения мигрант ID - единого документа, удостоверяющего личность иностранца на территории России, с электронным носителем информации.

«Мигрант ID» («айди», от англ. identity document) – это удостоверение личности с электронным носителем данных, которое может стать обязательным для иностранцев, если они приезжают в Россию не как туристы. Цифровой паспорт будет содержать ФИО, сведения о гражданстве, биометрические данные, трудовой патент, информацию о месте жительства и работы, данные о переводах за рубеж и правонарушениях.

Необходимо констатировать, что несмотря на то, что информационно-компьютерные технологии интенсивно используются всеми субъектами миграционных отношений, как самими мигрантами, которые выступают центральным элементом управления миграционными процессами со стороны государства, так и контролирующими государственными органами. В настоящее время интеграция цифровых технологий в повседневную жизнь трансформирует национальные государства, суверенитет, территорию и границы. Государство в лице правоохранительных органов большое внимание уделяет развитию таких новых направлений как цифровизация в области наблюдения, безопасности и миграционного, пограничного контроля, сосредоточив внимание на пересечении цифровых технологий, обоснований безопасности и режимов миграции.

Список литературы

1. Капустин О.А. Модернизация статуса судьи в условиях информационного общества // Российский судья. 2019. № 8. С. 3 - 9

2. Самохвалов И.Ю. Проблемы противодействия проявления нарушения миграционного законодательства как современной угрозе безопасности государства.//Пенитенциарная наука. №1(53). 2021. С. 43-54

3. Сандугей А.Н. О совершенствовании правовых механизмов государственного контроля (надзора) в сфере иммиграции.// Научный портал МВД России. №4 (52). 2020. С. 109-116

4. Zolberg, Aristide R. 1997. “The Great Wall against China.” In Migration, Migration History, and History: New Perspectives, edited by Jan Lucassen and Leo Lucassen, 111–121. New York: Peter Lang.

5. McKeown, Adam. 2008. Melancholy Order: Asian Migration and the Globalization of Borders. New York: Columbia University Press.

6. Spijkerboer, Thomas. 2018. “The Global Mobility Infrastructure: Reconceptualising the Externalisation of Migration Control.” European Journal of Migration and Law 20: 452–469. doi: 10.1163/15718166-12340038 [Crossref], [Web of Science ®], [Google Scholar]

7. Ryan, Bernard, and Valsamis Mitsilegas. 2010. Extraterritorial Immigration Control: Legal Challenges. Leiden: Martinus Nijhoff Publishers. Lax, Violeta Moreno. 2017. Accessing Asylum in Europe: Extraterritorial Border Controls and Refugee Rights under EU Law. Oxford: Oxford University Press.

8. Torpey, John C. 2018. The Invention of the Passport: Surveillance, Citizenship and the State. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.

9. Lake, David A. 2009. Hierarchy in International Relations. Ithaca: Cornell University Press.

10. Amoore, Louise. 2006. “Biometric Borders: Governing Mobilities in the War on Terror.” Political Geography 25 (3): 336–351. doi: 10.1016/j.polgeo.2006.02.00

11. By Low, CC (Low, Choo Chin) 1 View Web of Science ResearcherID and ORCID (provided by Clarivate) Digitalization of Migration Management in Malaysia: Privatization and the Role of Immigration Service Providers.// JOURNAL OF INTERNATIONAL MIGRATION AND INTEGRATION DOI 10.1007/s12134-021-00809-1 Early Access MAR 2021

12. Концепции государственной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы.// СЗ РФ. 5 ноября 2018 г. N 45 ст. 6917

13. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы (утв. Президентом РФ 6 марта 2020 г. N ПР-469).//СПС Гарант

14. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы (утв. Президентом РФ 6 марта 2020 г. N ПР-469).//СПС Гарант

15. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы (утв. Президентом РФ 6 марта 2020 г. N ПР-469).//СПС Гарант

16. Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 21 дек. 2016 г. N 699.

17. Об утверждении Положения о государственной системе миграционного и регистрационного учета, а также изготовления, оформления и контроля обращения документов, удостоверяющих личность: Постановление Правительства Рос. Федерации от 6 авг. 2015 г. N 813.

18. Указ Президента РФ от 02.04.2025 № 205 "О совершенствовании государственного управления в сфере миграции".//Собрание законодательства РФ. 07.04.2025. № 14. Ст. 1692.

***Уварова Е. С.*[1],**
слушатель факультета подготовки сотрудников полиции
для подразделений по охране общественного порядка
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ГОСУДАРСТВ В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В современном мире транснациональная организованная преступность (далее – ТОП) представляет одну из наиболее серьезных угроз для универсальной и региональной безопасности и стабильности государств, поскольку ее последствия выходят далеко за рамки национальных границ и затрагивают ключевые основы международной стабильности, верховенства права и защиты прав человека. ТОП «внедряется в государственные структуры, разрушает их процветающей коррупцией, подчиняет своему разлагающему влиянию производство, бизнес, политику, что в итоге затрудняет поступательное экономическое и социальное развитие» [1, с. 235]. Особый характер, сложность и многообразие форм, которые принимает эта преступность, требуют от международного сообщества скоординированных усилий и комплексного взаимодействия к ее преодолению.

15 ноября 2000 года была принята Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (далее – Конвенция ООН против ТОП) в целях содействия «сотрудничеству в деле более эффективного предупреждения транснациональной организованной преступности и борьбы с ней» [2]. Данный международный договор является краеугольным камнем глобальной системы противодействия транснациональной преступности. Конвенция ООН против ТОП определяет основные понятия в обозначенной области, создает механизмы международного сотрудничества и правовой помощи, а также институциональные инструменты координации действий государств.

Международные организации не только координируют усилия государств, но и разрабатывают рекомендации и стандарты, которые помогают странам развивать международное сотрудничество в исследуемой сфере. «Международ-

[1] © Уварова Е. С., 2025.

ное сотрудничество в борьбе с преступностью с момента создания Интерпола вполне четко обозначило круг своих приоритетов – противодействие общеуголовной преступности, угрожающий как интересам отдельных государств, так и всего мирового сообщества» [3, с. 61]. Интерпол является не просто инструментом международного полицейского сотрудничества, но и важным элементом глобальной архитектуры противодействия ТОП. Его деятельность способствует укреплению доверия и взаимопомощи между государствами, что особенно важно в условиях стремительной глобализации преступных сетей и их адаптации к новым технологическим и экономическим реалиям. Таким образом, подчеркнем, что «Интерпол является стратегическим партнером Организации Объединенных Наций в борьбе с нарастающими угрозами со стороны транснациональной организованной преступности» [4, с. 272].

Представляется интересным проанализировать современные вызовы, с которыми сталкиваются государства в борьбе с ТОП. Современная ТОП представляет собой динамичное и адаптивное явление, претерпевшее специфические изменения под воздействием глобальных процессов цифровой трансформации и финансовой интеграции. Наиболее значимыми вызовами, определяющими контуры борьбы с этим феноменом, являются цифровизация преступности, возрастающая финансовая мобильность преступных доходов, гибридизация преступных структур и масштабное влияние коррупции. Эти четыре аспекта не существуют изолированно – напротив, они образуют взаимосвязанную систему факторов, усиливающих друг друга и создающих для государств сложнейшие правовые и организационные проблемы.

Цифровизация преступности стала одной из ключевых тенденций последнего десятилетия. Преступные организации все активнее используют достижения информационных технологий – от шифрованных каналов связи до криптовалютных инструментов – для организации, координации и сокрытия своей деятельности. Интернет и цифровая инфраструктура предоставляют преступникам не только новые способы взаимодействия, но и практически безграничные возможности для анонимности. Использование шифрования и анонимных сетей, таких как TOR, делает практически невозможным традиционный контроль коммуникаций, а распределенное хранение данных на серверах в разных юрисдикциях препятствует их изъятию и анализу. В этой связи международное сотрудничество сталкивается с необходимостью переосмысления подходов к сбору и обмену электронными доказательствами: классические формы взаимной правовой помощи оказываются недостаточно гибкими, поскольку требуют формальных процедур и значительного времени, что несовместимо с высокой скоростью циркуляции цифровых данных.

Особую проблему представляет растущая зависимость следственных органов от частных технологических компаний, находящихся в юрисдикциях с различными правовыми стандартами. Это создает правовые коллизии между необходимостью доступа к информации и обязанностью соблюдать законы о защите данных. Возникает вопрос о соразмерности вмешательства государства в циф-

ровую сферу, ведь чрезмерная оперативность может привести к нарушению прав человека, в частности права на неприкосновенность частной жизни.

Наряду с цифровыми угрозами, одним из определяющих факторов устойчивости транснациональной преступности остается ее финансовая мобильность. В эпоху глобальных финансовых потоков и инновационных технологий преступные группы получили доступ к инструментам, позволяющим практически мгновенно перемещать и маскировать средства. Использование криптовалют, анонимных электронных кошельков и офшорных структур обеспечивает высокий уровень сокрытия происхождения активов. При этом международные режимы противодействия отмыванию доходов, такие как рекомендации ФАТФ, не всегда поспевают за технологическими изменениями.

Параллельно с цифровыми и финансовыми трансформациями наблюдается качественное изменение самих преступных структур. Если ранее транснациональная преступность представляла собой иерархические организации с устойчивыми центрами управления, то сегодня все чаще наблюдаются гибридные сети, действующие по принципу горизонтальной, распределенной кооперации.

Особенностью гибридных структур является использование законных инструментов для прикрытия незаконной деятельности: регистрация компаний, участие в легальных тендерах, открытие банковских счетов, создание инвестиционных фондов. Граница между законной и преступной активностью становится все более размытой, а выявление и документирование преступных схем требует международного межведомственного взаимодействия и привлечения высококвалифицированных специалистов разных профилей.

Кроме того, отметим разрушительное воздействие коррупции. Транснациональная коррупция часто сопровождается использованием офшорных компаний и посредников, что делает расследование преступлений подобного рода крайне затруднительным. Без эффективных антикоррупционных механизмов любые международные соглашения по борьбе с преступностью теряют практическую значимость.

Представляется, что государства смогут преодолеть актуальные вызовы, к примеру, путем объединения правоохранительных, финансовых и технических ресурсов. Необходима модернизация процедур взаимной правовой помощи. Решающее значение имеет укрепление антикоррупционной инфраструктуры: ротация сотрудников, независимый аудит, международная защита свидетелей, применение целевых санкций против лиц, участвующих в коррумпированных схемах. При этом любая стратегия должна учитывать необходимость соблюдения прав человека – борьба с преступностью не может служить оправданием для нарушения процессуальных гарантий, права на справедливое судебное разбирательство и защиты личных данных.

Таким образом, ТОП представляет собой одну из наиболее серьезных и многогранных угроз современности, подрывающую основы международной и региональной безопасности, стабильности и устойчивого развития государств. Гибридный характер ТОП обусловливает сложные вызовы, преодоление которых невозможно в рамках исключительно национальных юрисдикций. В этих

условиях международное сотрудничество становится ключевым элементом глобальной стратегии противодействия организованной преступности, объединяющим усилия государств, международных организаций и институтов гражданского общества.

Список литературы

1. Соловьева А. С. Место и роль Российской Федерации в рамках ООН по борьбе с транснациональной организованной преступностью // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 20-летию принятия Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г, Москва, 29 октября 2020 года. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2020. – С. 235-240.

2. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (15 ноября 2000 г.) // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml.

3. Коннов, В. А. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью и международная защита прав человека: проблемы соотношения и приоритетов / В. А. Коннов // Актуальные проблемы международного сотрудничества в борьбе с преступностью : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, приуроченной к 70-летию принятия Генеральной Ассамблеей Организация Объединенных Наций Всеобщей декларации прав человека 1948 года, Москва, 31 октября 2018 года / Под общей редакцией Д.Д. Шалягина. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2019. – С. 61-66.

4. Пузырева, Ю. В. Международно-правовые основы сотрудничества Интерпола и Организации Объединенных Наций в контексте противодействия транснациональной организованной преступности / Ю. В. Пузырева // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Москва, 12 ноября 2021 года / Под редакцией О.В. Химичевой. – Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2022. – С. 269-274.

***Удунян В. Р.*[1],**
старший преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В РАМКАХ ЛИГИ АРАБСКИХ ГОСУДАРСТВ

Одна из старейших международных региональных организаций – Лига Арабских Государств (далее – ЛАГ) на протяжении всех десятилетий своего существования сталкивалась с множеством вызовов и угроз, которые касались политического, экономического, религиозного и других аспектов. Культурная и национальная близость этих стран с одной стороны способствует сохранению традиций и обычаев, развитию сотрудничества, а с другой обуславливает серьезные общие проблемы. Одной из таких проблем является интернациональная преступность в регионе. Государства сталкиваются как со сходными криминальными угрозами, так и с сугубо национальными вызовами. Среди общих проблем последних двух-трех десятилетий для арабских стран является терроризм. Государства региона нередко обвиняют в сотрудничестве с отдельными группировками, и даже в их спонсировании. Однако правда заключается в том, что данная угроза наносит существенный вред – от имиджевого, до экономического. Государства отчетливо осознают опасности, которые несет терроризм для стабильности в регионе, для устойчивости государственных режимов в этих странах. В связи с этим государства участники ЛАГ приняли несколько региональных договоров, направленных на противодействие данным угрозам. Среди них основным выступает Конвенция о пресечении терроризма.

Арабская конвенция о пресечении терроризма [1] представляет собой региональный правовой инструмент, направленный на координацию и усиление борьбы арабских стран с терроризмом. Она была принята 22 апреля 1998 года на совместном заседании министров внутренних дел и юстиции Арабских государств в г. Каире (Египет) и вступила в силу 7 мая 1999 года после ратификации семью государствами-членами Лиги. Документ был призван обличить в правовую форму и закрепить конкретные обязательства государств, которые были ранее обозначены в Стратегии AIMC по борьбе с терроризмом [2]. С точки зрения соотношения с другими актами международного права, участниками которых являются стороны, Конвенция не заменяет собой универсальные международные договоры по борьбе с терроризмом (например, конвенции, принятые в рамках ООН). В преамбуле и в отдельных нормах обозначено, что она дополняет их на региональном уровне и призывает государства-участники соблюдать свои обязательства по другим международным соглашениям в данной области. Аналогичным образом в заключительных положениях указывается,

[1] © Удунян В. Р., 2025.

что Конвенция не отменяет действия двусторонних договоров между арабскими государствами, а дополняет их.

В качестве основных целей заключения и реализации Конвенции 1998 года указывается укрепление сотрудничества между арабскими государствами в предупреждении и пресечении террористических преступлений, установление унифицированного определения терроризма и террористических преступлений для всего арабского региона, создание правовых рамок для экстрадиции террористов и оказания правовой помощи, а также защита прав арабских народов на борьбу с иностранной оккупацией и агрессией, что является ключевым и специфическим аспектом данной конвенции. Последнее находит отражение также в преамбуле (необходимость разграничения терроризма и права народов на борьбу с оккупацией и за самоопределение), также отдельных нормах, о чем будет сказано ниже.

Кроме преамбулы договор включает 42 статьи, объединенных в несколько тематических разделов.

Ключевым моментом выступает закрепленное в статье 1 определение терроризма. Оно сформулировано весьма широко: «Терроризмом признается любое насилие или угроза его применения, независимо от его мотивов или целей, совершаемые для осуществления индивидуального или коллективного преступного плана, направленного на причинение ущерба людям или сеяние страха среди них, путем подвергания их жизней и свободы опасности, создания угрозы национальной безопасности, нанесения ущерба окружающей среде, публичным или частным сооружениям, имуществу, их занятие либо захват, а также подтверждение опасности национальных интересов». Эта формулировка конкретизируется в перечислении отдельных видов преступлений, которые признаются террористическими (если они подпадают под указанное определение):

- угон воздушных судов;
- захват заложников;
- финансирование терроризма;
- убийства, нападения на физическую неприкосновенность и свободу людей;
- преступления против дипломатов;
- массовое использование взрывчатых веществ, оружия.

Как видно, несмотря на очень расширенный формат понимания терроризма, в целом закрепленное определение коррелирует с аналогичными формулировками в актах ООН, а равно в актах других региональных организаций. Вместе с тем, для Арабской конвенции характерна особенность, которая отражает итоги непростых взаимоотношений с отдельными странами мира, в том числе с Израилем, а также особый взгляд на терроризм с точки зрения политики «антиколониализма» (в понимании арабских государств).

Статья 2 Конвенции закрепляет, по сути, исключение из определения терроризма, отраженное в статье 1. Устанавливается, что борьба против иностранной оккупации и агрессии с целью освобождения и самоопределения (включая вооруженную борьбу) не считается террористическим преступлением. Таким образом, арабские государства фактически увязывают в данной норме кримина-

лизацию терроризма с целями, ради которых указанные действия совершаются. При этом в Конвенции нет отсылок к конкретным актам, закрепляющим понятие самоопределения наций и народов (в том числе к соответствующему принципу международного права). Совершенно очевидно, что такое исключение было продиктовано солидарностью арабских государств с борьбой различных палестинских группировок (и прежде всего Организации Освобождения Палестины - ООП) за признание государственности и вывод израильских войск с ранее занятых территорий [3]. Вместе с тем, данный политический, по сути, акт имел и в настоящее время имеет вполне осязаемые правовые последствия - в странах ЛАГ отсутствует уголовное преследование лиц, совершающих террористические акты против Израиля и его населения. Данный аспект неоднократно подвергался критике как со стороны политиков, так и со стороны правоведов, которые указывали на фактическую институализацию и нормативное закрепление двойных стандартов в борьбе с одним из наиболее опасных деяний [4].

Закрепляемые конвенцией формы сотрудничества неразрывным образом связаны с обязательствами государств предотвращать и пресекать террористические преступления на своей территории, а также с запретом создания на ней лагерей, убежищ или вербовочных центров для террористов. Статьи 5-19 международного договора предусматривают две формы взаимодействия - экстрадицию подозреваемых и обвиняемых, и оказание правовой помощи как на этапе расследования, так и на этапе предупреждения преступлений. В частности, устанавливается, что выдача обязательна для преступлений, караемых лишением свободы на срок не менее чем пять лет в обоих государствах (принцип двойной криминализации). Перечислены основания для отказа в выдаче (например, если преступление носит политический характер, и связано с преследованием политических оппонентов). Следует отметить, что хотя статья 6(а) Конвенции запрещает экстрадицию за преступления, которые в соответствии с законами, действующими в запрашиваемом государстве, рассматриваются как имеющие политический характер, но при этом исключает из списка таких преступлений некоторые деяния: нападения на глав государств и посягательство на государственную собственность.

В рамках оказания правовой помощи Конвенция закрепляет обязанность правоохранительных органов государств-участников помогать друг другу в проведении расследований, сборе доказательств, допросе свидетелей, обысках и арестах, обмениваться информацией и опытом деятельности, сотрудничать в обучении полицейского и силового персонала, а также предпринимать превентивные меры с целью локализации угроз до совершения террористических актов.

Перечень закрепляемых обязательств подкреплен и организационной составляющей. Конвенция учреждает и устанавливает наиболее общие правила функционирования специального органа организации - Арабского бюро по борьбе с терроризмом при Генеральном секретариате Лиги Арабских Государств (Раздел V Конвенции, статьи 24-27). В качестве задач Бюро указаны

сбор и анализ информации, координация усилий государств-членов, подготовка аналитических отчетов для руководителей организации. Помимо Конвенции деятельность данной структуры регламентируется решениями Совета министров внутренних дел ЛАГ, который наделил ее такими функциями как:

- создание баз данных о террористических организациях, их членах и источниках финансирования;
- организация встреч экспертов и представителей спецслужб арабских стран;
- анализ методов вербовки и радикализации, используемых террористическими группировками.

В целом анализ документов ЛАГ, на основании которых функционирует Бюро, позволяет констатировать, что его значимость для борьбы с преступностью носит опосредованный и вспомогательный характер по отношению к деятельности Совета министров внутренних дел. Бюро выступает в роли информационного и аналитического центра, политического подразделения, осуществляющего коммуникацию между СМ МВД и Генеральным секретариатом организации.

Таким образом, содержание Арабской конвенции против терроризма представляет собой попытку найти баланс между необходимостью совместной борьбы с международным терроризмом и политическими реалиями региона, где вопросы оккупации и национально-освободительной борьбы на протяжении десятилетий остаются крайне актуальными. Специфичность понимания терроризма накладывает свою печать на взаимодействие арабских стран со странами других регионов мира в противодействии данному явлению. В частности, некоторые арабские государства игнорируют запросы о розыске по каналам Интерпола лиц, которых в соответствии со своей доктриной правоохранительной деятельности не считают террористами.

Список литературы

1. Арабская конвенция о пресечении терроризма 1998 года // Международные документы, касающиеся предупреждения и пресечения международного терроризма. Том I. Нью-Йорк, Секретариат ООН, 2019. С. 405.

2. Open Society Foundations, the Cairo Institute for Human Rights Studies, The League of Arab States Human Rights Standards and Mechanisms: Towards Further Civil Society Engagement - A Manual for Practitioners, 30 November 2015, p. 88, https://cihrs.org/wp-content/uploads/2015/12/league-arab-states-manual-en-20151125.pdf.

3. Молодцова М.А. Деятельность Лиги арабских государств в области поддержания международного мира и безопасности //Московский журнал международного права. 2002;(2):127-142.

4. Arab Anti-Terror Efforts: Assessing an Arab League Initiative. Brief Analysis. The Washington Institute for Near East Policy. Jan 13, 1998 // https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/arab-anti-terror-efforts-assessing-arab-league-initiative#main-content.

***Файрушина М. З.*[1],**
преподаватель кафедры
профессиональной подготовки
Уфимского юридического института
МВД России,
кандидат политических наук

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

На данный момент Россия столкнулась с множеством угроз, среди которых терроризм, экстремизм, организованная преступность, киберпреступность. Эти явления несут в себе потенциальные угрозы для национальной безопасности и социальной стабильности. Увеличение потока мигрантов на территории России стало одним из факторов, вызывающих негативные последствия, что создает серьезные вызовы для государства.

Следует заметить, что международные террористические и экстремистские организации активно используют миграционные потоки в своих целях, что усиливает угрозу безопасности. Вместе с законными мигрантами в Россию также попадают нелегальные мигранты и лица с другими намерениями. Эта ситуация требует внимательного и комплексного подхода со стороны государства и общества в целом при обеспечения вопросов национальной безопасности.

Россия, будучи страной с развитой экономикой и инфраструктурой, привлекательна для иностранных работников и ищущих лучшей жизни. Однако, необходимо учитывать, что вместе с потоком мигрантов могут прибыть и представители экстремистских и террористических организаций, что делает вопрос контроля за миграцией более актуальным и насущным.

С увеличением масштабов миграции и интенсивности миграционных процессов, возрастает число криминальных мигрантов, нелегальных мигрантов и профессиональных преступников, стремящихся осуществлять преступную деятельность на территории России. Эти лица воспользуются анонимностью, конспиративностью пребывания, высокой мобильностью и безвизовым режимом въезда для своих целей.

Миграция, особенно нелегальная, оказывает значительное влияние на уровень преступности как в стране в целом, так и в отдельных регионах. Присутствие большого количества мигрантов становится серьезной угрозой для национальной безопасности России. Это связано с тем, что неконтролируемое проникновение иностранных граждан может способствовать увеличению числа преступлений и нарушений закона.

Наряду с этим, длительное пребывание мигрантов в стране без официального статуса может также создавать социальные и экономические проблемы, включая недополучение налогов, низкую оплату труда и

[1] © Файрушина М. З., 2025.

конкуренцию на рынке труда. Поэтому необходимы строгие меры контроля и регулирования миграционных процессов для обеспечения безопасности и стабильности общества.

Для эффективного управления потоком миграции и максимизации ее позитивного воздействия на экономику и общество, необходимо принимать комплексные и долгосрочные меры. Миграция, помимо вызывающих обеспокоенность аспектов, может стать источником новых возможностей и ресурсов для страны при правильном подходе. Мигранты вносят свой вклад в развитие экономики, особенно в секторах с нехваткой квалифицированной рабочей силы.

Однако, чтобы ограничить негативные последствия незаконной миграции, необходимо совершенствовать механизмы контроля и регулирования. Важно улучшать систему миграционного учета, чтобы иметь полную и достоверную информацию о мигрантах, и предоставлять им возможности для успешной адаптации в новой среде. Кроме того, обмен опытом и информацией с другими странами поможет эффективнее бороться с угрозами терроризма и экстремизма, связанными с миграцией.

Следовательно, для обеспечения устойчивого развития и мирного сосуществования различных культур и национальностей в современном мире, необходимо продолжать работать над сбалансированным подходом к управлению миграцией и интеграцией мигрантов в общество.

Безопасность страны тесно связана с притоком иностранных работников, и важно найти оптимальный баланс между этими аспектами. Государства в лице правоохранительных органов и общество должны скоординировать свои усилия для решения этой проблемы.

Для обеспечения национальной безопасности необходимо не только контролировать приток иностранных работников, но и разрабатывать социальные программы для их успешной интеграции в общество.

Применение современных технологий в управлении миграционными процессами также может способствовать эффективному решению проблемы баланса между трудовыми ресурсами и безопасностью государства.

Таким образом, взаимодействие различных структур и участников общества на международном уровне играет ключевую роль в обеспечении устойчивого развития и безопасности страны. Порядка 16 миллионов граждан других государств каждый год приезжают в страну, а постоянно находятся здесь около 10 миллионов, это данные комитета Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации по безопасности и противодействию коррупции. Так Президент Российской Федерации 19 октября 2022 г. в ходе заседания Совета Безопасности Российской Федерации подчеркнул, что необходимо «скорректировать действующую Концепцию государственной миграционной политики, она должна в полной мере учитывать весь комплекс как существующих, так и потенциальных вызовов, стать основой для дальнейшего совершенствования законодательства» [2].

В соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 31.10.2018 № 622, регулирование миграционных процессов, обеспечение при этом необходимого уровня безопасности правопорядка и законности – приоритетное направление деятельности правоохранительных органов Российской Федерации [2].

Незаконная миграция – одна из главных проблем России в сфере безопасности. Она несет в себе угрозу не только в экономическом и социальном плане, но и в аспекте национальной безопасности. Число незаконных мигрантов в стране неуклонно увеличивается, создавая серьезные вызовы для правоохранительных органов и государственных структур.

Миллионы нелегальных мигрантов, находящихся на территории России, представляют собой потенциальную угрозу для общественной безопасности. Статистика свидетельствует о том, что, несмотря на усилия государства, проблема остается актуальной и требует комплексного решения на всех уровнях власти.

По данным экспертов, в среде незаконных мигрантов существует риск инфильтрации экстремистских и террористических группировок, что может привести к серьезным последствиям для безопасности страны. Необходимо принимать меры по контролю за миграционными потоками, ужесточению миграционной политики и совершенствованию механизмов их выявления и учета.

Для эффективной борьбы с незаконной миграцией и связанными с ней угрозами необходимо установить тесное сотрудничество между правоохранительными органами, такими как МВД, ФСБ, Росгвардия и Таможенные органы. Это позволит более эффективно контролировать поток мигрантов и предотвращать возможные негативные последствия.

Незаконные мигранты, оказавшись в стране, часто создают свои национальные или родовые диаспоры, что приводит к увеличению социокультурной диверсификации и разобщенности с местным населением. При этом диаспоры могут стать идеальным местом для развития экстремистской и террористической деятельности, предоставляя своим членам убежище, финансирование и возможность рекрутинга.

Для эффективной борьбы с этими явлениями также необходимо активно взаимодействовать с общественными организациями, землячествами и диаспорами. Только вместе государственные и негосударственные структуры смогут создать комплексную систему мер, направленных на пресечение незаконной миграции и предотвращение угроз национальной безопасности.

Для более эффективной борьбы с террористическими угрозами, связанными с незаконной миграцией, необходимо обратить внимание на несколько ключевых моментов. Важным шагом будет усиление контроля на границах и повышение эффективности системы миграционного контроля. Это позволит более точно отслеживать потоки нелегальных мигрантов и предотвращать возможные угрозы.

Одним из важных моментов является создание и внедрение единой базы данных по незаконным мигрантам. Это позволит оперативно реагировать на ситуации и координировать действия различных служб. Также необходимо усовершенствовать процедуры выявления и выдворения нелегальных мигрантов, чтобы уменьшить влияние незаконной миграции на общественную безопасность.

Кроме того, важно привлекать к ответственности лиц, способствующих незаконной миграции, чтобы создать прецедент и отпугнуть потенциальных нарушителей закона. Проведение разъяснительной работы среди населения о рисках, связанных с незаконной миграцией, также играет важную роль в предотвращении угроз и формировании правильной позиции общества по этому вопросу.

Безусловно, законодательство, регулирующее миграционные процессы в России, находится в стадии постоянного обновления и совершенствования. Однако для достижения максимальной эффективности необходим комплексный подход, включающий правоприменительные меры, профилактику и образовательные программы. Только таким образом можно обеспечить безопасность и стабильность в стране.

Для обеспечения стабильности миграционной ситуации и предотвращения угроз правопорядку, межнациональным отношениям и экстремистской активности, территориальные органы МВД России проводили встречи с представителями различных общественных объединений. Они обсуждали вопросы содействия в приобретении проездных документов иностранными гражданами, находящимися в специальных учреждениях и подлежащими выдворению или депортации. В ходе этих мероприятий обсуждались также вопросы реадмиссии (согласие государства на обратный прием своих граждан) и сотрудничества с образовательными учреждениями, национальными культурными и религиозными организациями.

Эти встречи направлены на создание взаимопонимания между различными социокультурными группами и обеспечение безопасности граждан. При этом акцент делается на предотвращении конфликтов и урегулировании спорных ситуаций в области миграции. Важным аспектом обсуждения является не только оказание помощи в получении документов, но и предоставление информации и консультаций по вопросам интеграции в общество и соблюдению законодательства.

Важным условием для успешной адаптации иностранных граждан в России является создание эффективных инструментов информационной поддержки. Необходимо обеспечить доступ к актуальной информации о правилах пребывания, трудоустройстве и деятельности миграционных центров. В каждом регионе страны, включая все субъекты Российской Федерации, важно организовать каналы связи, которые будут задействовать широкий спектр участников, начиная от представителей национальных диаспор и землячеств до сотрудников миграционных служб и комитетов по делам национальностей.

Эффективное взаимодействие всех заинтересованных сторон поможет обеспечить качественное информирование и поддержку иностранных граждан, проживающих или работающих на территории России. Участие духовенства и других социальных институтов также играет важную роль в этом процессе. Создание удобных и понятных каналов информации, доступных через интернет, позволит сделать адаптацию более гладкой и успешной для всех сторон.

Таким образом, сотрудничество и взаимодействие между различными общественными и государственными структурами становится ключевым элементом поддержки иностранных граждан в процессе адаптации в современной России. Создание открытых коммуникационных каналов и активное участие всех заинтересованных сторон способствует улучшению понимания законодательства и облегчает интеграцию иностранных граждан в новую социокультурную среду [3, с. 11-17].

Проведенный комплекс мероприятий в 2020-м году и начале 2021-го, направленных на своевременную профилактику, выявление пресечение нарушений миграционного законодательства, позволили сохранить контроль за миграционной ситуацией и не допустить всплеска преступности в среде мигрантов [4, с. 44-50].

С момента принятия закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» в него было внесено более сотни «поправок» [5]. Морально устарели также законы в порядке выезда из России и въезда в нее, о миграционном учете и так далее. Следует отметить, что в Российской Федерации на постоянной основе осуществляется совершенствование миграционного законодательства.

На основании изложенного можно сделать вывод, о том, что терроризм, экстремизм и киберпреступность, связанны с миграцией. Контроль над миграцией критичен для безопасности. Улучшение миграционного учета важно для адаптации мигрантов и борьбы с терроризмом. Необходим контроль над нелегальной миграцией, улучшение процедур выявления и выдворения нелегальных мигрантов.

Привлечение к ответственности за незаконную миграцию, работа с населением по рискам, помощь иностранцам, реадмиссия граждан для обеспечения стабильности и безопасности, взаимопонимание, интеграция, соблюдение законов.

Список литературы

1. Текст заседания Совета Безопасности Российской Федерации (Электронный ресурс). Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69636.

2. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы : Указ Президента РФ от 31 октября 2018 № 622 // Собрание законодательства РФ, № 45, ст. 6917.

3. Зинченко Е.Ю., Исаков В.М., Хазов Е.Н. Влияние внутренней и внешней миграции на состояние преступности в России // Криминологический журнал.- 2020.- №4.-С. 11-17.

4. Зинченко Е.Ю., Хазов Е.Н., Миронов А.Л. Пределы ограничений прав и свобод иностранных граждан в Российской Федерации: конституционно-правовой аспект // Вестник Московского университета МВД России. - 2020. - № 8. - С. 44-50.

5. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 № 115-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

***Фролова Е. А.*[1],**
адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических и научных кадров
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИЕЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И АНАЛИЗ ПРИЧИН

Проблемы предупреждения и противодействия незаконной миграции являются самыми обсуждаемыми во многих странах на постсоветском пространстве. Как следует из представленных заместителем начальника главного управления по вопросам миграции МВД России В.А. Яковлевым материалов, число лиц, совершивших преступления, по сравнению с 2024 годом снизилось и составило 7,8 тыс. В 2025 году наибольшее число совершенных преступлений пришлось на граждан Республики Узбекистан, что составило 35,5% от их общего количества, Республики Таджикистан – 16,6% и Кыргызской Республики – 11,5%. При этом количество административных протоколов, составленных в отношении иностранных граждан, уменьшилось на 1,1% – до 668,9 тыс [1].

На сегодняшний день в странах СНГ ведется активная работа по совершенствованию законодательства в сфере противодействия преступлениям связанных с организацией незаконной миграцией и вытекающей на этой основе преступной деятельностью самих мигрантов. Однако простое ужесточение санкций лишь создает видимость решения проблемы, но не уменьшает поток нелегальных мигрантов. Фактически это приводит к увеличению активности криминальных группировок, которые наживаются на желании людей иметь достойную жизнь [2]. Российские специалисты отмечают, что наибольшую опасность в контексте незаконной миграции представляют преступные организации, занимающиеся торговлей людьми, поставкой наркотиков, подделкой документов, отмыванием денег и контрабандой оружия. Кроме того, каналы незаконной миграции используются международным терроризмом для передвижения по миру и участия в локальных конфликтах [3].

Главным, решающим условием успешной правоохранительной деятельности в сфере противодействия преступлениям данной категории признается общесоциальное предупреждение, суть которого заключается в повышение жизненного уровня населения, нравственной культуры и образования, что несомненно обусловливает устранение социальных причин, способствующих распространению преступлений [4]. Наряду с этим одним из наиболее заметных трендов в реалиях XXI века стала активная цифровая трансформация миграционных процессов, которые все больше управляются и оптимизируются с помощью современных цифровых технологий, например, через онлайн-сервисы для оформления документов, виртуальные платформы для взаимодействия мигран-

[1] © Фролова Е. А., 2025.

тов с государственными органами и автоматизированные системы для анализа миграционных потоков. Государства-участники СНГ внедряют в гражданский оборот различные формы электронных виз, продолжают развивать порталы государственных услуг и системы биометрической идентификации. Лидерами в этой области выступают Российская Федерация и Республика Казахстан, где до 1 ноября 2025 года планируется запустить Единую цифровую платформу учета миграционных процессов.

К слову отметим, что в Российской Федерации уже реализуется Государственная информационная система миграционного учета, предназначенная для комплексной автоматизации, информационной и технологической поддержки этих процессов. С 1 сентября 2025 года иностранные граждане обязаны устанавливать мобильное приложение «ruID», которое позволяет подать заявление о въезде на территорию страны, проверить ограничения на въезд и сформировать цифровой профиль. Исключение сделано лишь для граждан Союзного государства – Республики Беларусь.

Параллельно усиливается борьба с незаконной миграцией. Государства-участники СНГ унифицируют подходы к противодействию незаконному трудоустройству, включая административное выдворение и усиление пограничного контроля. В целях борьбы с нелегальной миграцией и подделкой документов, а также для повышения безопасности в ряде стран действует дактилоскопическая регистрация иностранцев (Россия, Беларусь, Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан) [5]. Однако, несмотря на предпринимаемые странами СНГ меры, которые бесспорно положительно зарекомендовали себя с практико-ориентированной стороны, проблемы в предупреждении и противодействии незаконной миграции различной направленности сохраняются, о чем однозначно свидетельствует статистическая и другая официальная информация, опубликованная в открытых источниках.

Так, в Республике Казахстан обеспечение национальной безопасности признано одним из основных принципов государственной политики в области миграции населения. Согласно п.п. 3 п. 1 ст. 6 Закона Республики Казахстан от 06.01.2012 № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» неконтролируемые миграционные процессы являются одной из основных угроз национальной безопасности. Вместе с тем принимаемые государством специальные меры предупреждения преступности в виде принятия правовых норм по установлению контроля над незаконной миграцией не всегда являются эффективными [6]. В целях повышения эффективности организационного и правового обеспечения в сфере предупреждения и пресечения незаконной миграции Правительством Республики Казахстан принимается постановление от 30.11.2022 № 961 «Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023 – 2027 годы» [7] по семи направлениям:

1. «образовательная иммиграция, целью которой является позиционирование Казахстана как регионального образовательного хаба – «Казахстан – центр академической мобильности и притяжения ведущих ученых и специалистов по наиболее востребованным специальностям».

2. бизнес-иммиграция, которую необходимо стимулировать на фоне усиливающейся в мире глобальной конкуренции за инвестиции – «Казахстан – территория свободной экономической, финансовой активности и новых возможностей».

3. привлечение квалифицированных трудовых мигрантов в Казахстан с акцентом на иностранных специалистов по дефицитным профессиям, имеющих высокую степень профессиональной квалификации, которые обеспечат трансферт технологий и подготовку национальных кадров – «открытость для квалифицированных кадров».

4. переосмысление регулирования этнической миграции – «Сохранение национальных традиций и укрепление экономических связей с исторической родиной через вовлечение этнических казахов – граждан других стран в развитие Казахстана».

5. выполнение международных обязательств по работе с беженцами, лицами, ищущими убежище, а также лицами без гражданства и оказание помощи беженцам, лицам, ищущим убежища, и лицам без гражданства на территории Республики Казахстан, принимая во внимание вопросы национальной безопасности, в соответствии с положениями Конвенции 1951 года и Протокола 1967 года, общепризнанными принципами и нормами международного права и конвенций, участницей которых является Республика Казахстан, а также законодательством Республики Казахстан..

6. защита прав трудовых мигрантов (эмигранты), являющихся гражданами Казахстана.

7. стимулирование внутренней мобильности казахстанцев для выравнивания демографических дисбалансов между трудоизбыточными и трудодефицитными регионами за счет пересмотра программ переселения.» [7]

По данным МВД Республики Казахстан отмечается, что по итогам проверки республиканского оперативно-профилактического мероприятия «Нелегал-2025» выявлено 13 061 нарушение миграционного законодательства. К ответственности привлечено 9 595 иностранцев, в том числе выдворено за пределы страны 1 770 иностранных лиц. Также привлечено к ответственности 2 759 граждан Республики Казахстан за нарушение законодательства в области миграции, а также 707 работодателей – за привлечение иностранной рабочей силы с нарушением законодательства. По итогам операции возбуждено 33 уголовных дела за умышленное незаконное пересечение государственный границы, 394 – за организацию незаконной миграции и 395 – за неоднократное нарушение правил привлечения и использования в Казахстане иностранной рабочей силы [8,9].

В международных рейтингах Кыргызская Республика входит в число стран с высокой преступностью, но при этом отсутствует отдельно принятая и апробированная концепция или стратегия криминологической политики. По результатам комплексной оценки исполнения Закона Кыргызской Республики от 05.05.2021 № 60 «Об основах профилактики правонарушений» Комитет Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по правопорядку, борьбе с преступностью и противодействию коррупции пришел к выводу о том, что указанный выше

нормативно-правовой акт по ряду позиций остается декларативным и практически не реализуется, а именно:

«правоохранительные органы не выполняют функцию поддержания взаимодействия всеми сторонами, ограничиваясь решением исключительно правоохранительных задач;

отсутствует постоянная координация усилий в области профилактики правонарушений на национальном уровне;

помимо органов внутренних дел, другие государственные органы не видят своей роли в снижении уязвимости граждан перед преступным поведением и в целом в активной работе в сфере профилактики правонарушений;

одним из ключевых факторов криминализации остаются низкое социальное положение населения (бедность) и безработица;

миграционные процессы негативно сказываются на воспитании детей, усиливают их уязвимость перед совершением правонарушений и виктимности» [10].

В результате чего Кабинетом Министров Кыргызской Республики вынесено постановление от 23.08.2022 № 469 «Об утверждении Концепции государственной политики в сфере профилактики правонарушений на 2022–2028 годы», которое представляет собой систему взглядов на содержание, принципы и основные направления деятельности государства в сфере профилактики правонарушений, определяет компоненты и направления деятельности по профилактике правонарушений. Главными целями Концепции являются повышение уровня защищенности граждан, снижение уровня преступности, выявление, устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений. [11].

В 2025 году МВД Кыргызской Республики не публиковало отдельную статистику нарушений миграционного законодательства гражданами Кыргызстана. Однако, по данным МИД Кыргызстана наблюдался рост числа нарушений миграционного законодательства среди граждан Кыргызстана, выявляемых российскими правоохранительными органами, а также увеличение числа депортированных из России мигрантов [12].

В сентябре 2025 года в городе Жалал-Абад прошло заседание кыргызско-узбекской межведомственной координационной рабочей группы и руководителей приграничных органов внутренних дел Кыргызской Республики и Республики Узбекистан. На встрече были рассмотрены ключевые вопросы совместного противодействия преступности, включая меры по борьбе с экстремизмом, терроризмом, незаконной миграцией, наркооборотом и киберпреступностью [13].

Заместитель председателя Кабинета министров - председатель Государственного комитета национальной безопасности Камчыбек Ташиев обеспокоен тем, что в сфере обеспечения безопасности государственных границ возникают новые вызовы, требующие, с одной стороны, оперативного реагирования, с другой – выработки долгосрочных стратегий. Для адекватного противостояния современным угрозам необходим комплексный и межгосударственный подход.

Среди актуальных проблем – незаконная миграция. Он также подчеркнул, что массовые миграционные потоки, создают угрозу гуманитарного кризиса. Соседние страны обладают значительным потенциалом для противодействия этим вызовам. Важно действовать сообща, избегая разногласий.

Что касается мер по противодействию преступлениям связанным с незаконной миграцией в Республике Узбекистан, то здесь необходимо отметить, что в п. 5.1 приложения №1 проекта Указа Президента Республики Узбекистан «О стратегии «Узбекистан-2030» [14] предусмотрено совершенствование системы внешней трудовой миграции, оказание всемерной помощи гражданам, работающим за рубежом, а также дальнейшее развитие международного сотрудничества в сфере противодействия незаконной трудовой миграции и торговле людьми.

На данный момент официальная статистика МВД Республики Узбекистан по нарушениям, связанным с незаконной миграцией в 2025 году не опубликована. Однако, можно отметить общие тенденции и статистику за предыдущие периоды: в 2024 году уровень преступности в Республике Узбекистан вырос на 25,8% по сравнению с предыдущим годом, а число граждан, переезжающих в Россию на постоянное место жительства, увеличилось в 1,9 раза до 2,67 тыс. человек [15].

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что в основном причины, толкающие граждан государств-участников СНГ к совершению преступлений, в том числе в сфере незаконной миграции, обусловлены социально-экономическими, политическими, нравственными проблемами, в качестве мер общей профилактики необходимо повсеместное внедрение принципа транспарентности на всех уровнях государственного управления.

Таким образом, к актуальным на сегодняшний день проблемам предупреждения преступлений в сфере незаконной миграции относятся: недостаточное организационное и правовое обеспечение этого процесса, наличие пробелов в законодательстве и его низкая эффективность, недостаток межведомственного взаимодействия между государственными правоохранительными органами, отсутствие комплексной межгосударственной системы контроля над миграционными потоками. Одновременно с решением данных проблем должны развиваться цифровые возможности обмена оперативной информацией между странами СНГ.

Список литературы

1. Число преступлений мигрантов в РФ в I квартале выросло на 15,3% // Тасс. 12.06.2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/24204329.

2. Ананич В.А., Ананич С.В., Аникеева Н.А. и коллектив авторов Проблемы предупреждения отдельных видов преступности / В.А. Ананич [и др.] ; под общ. ред. В.А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь», Ассоц. высш. учеб. заведений м-в внутр. дел (полиции) государств –

участников СНГ по подготовке, переподготовке и повышению квалификации руководящего состава милиции (полиции). – Минск : Академия МВД, 2017. – 385 с.

3. Князев В.В., Сазонова Н.И., Свешникова И.Ю. Проблемы противодействия торговле людьми за рубежом : учеб. пособие. М. : ВНИИ МВД России, 2010. С. 30.

4. Жампеисов Даурен А., Жампеисов Думан А. Преступность в Республике Казахстан: социально-экономические, социокультурные и миграционные факторы // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1. № 4. С. 82–95.

5. Цифровизация против нелегальной миграции: как страны СНГ перестраивают рынок труда // Интернет-портал СНГ. 15.09.2025. URL: https://e-cis.info/news/566/130415/.

6. Закон Республики Казахстан от 6 января 2012 года № 527-IV «О национальной безопасности Республики Казахстан» // СПС Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31106860.

7. Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023 – 2027 годы // Әділет. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2200000961.

8. ОПМ “Нелегал”: за три дня из Казахстана выдворены 39 иностранных граждан // Министерство внутренних дел Республики Казахстан. 01.10.2025. URL:https://www.gov.kz/memleket/entities/qriim/press/news/details/1087766?directionId=53&lang=ru.

9. Полиция выявила более 13 тыс. нарушений миграционного законодательства за неделю // Turan Times. 01.10.2025. URL.: https://turantimes.kz/obschestvo/64452-policija-vyjavila-bolee-13-tys-narushenij-migracionnogo-zakonodatelstva-za-nedelju.html.

10. Закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года № 60 «Об основах профилактики правонарушений» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/4-3027/edition/1278497/ru.

11. Постановление Кабинета Министров Кыргызской Республики от 23 августа 2022 года № 469 «Об утверждении Концепции государственной политики в сфере профилактики правонарушений на 2022-2028 годы» // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/30-146/edition/1188601/ru.

12. О проделанной работе Посольства КР в РФ в сфере защиты прав и законных интересов граждан КР, пребывающих на территории России за 1-квартал 2025 года // Министерство иностранных дел Кыргызской Республики. URL: https://mfa.gov.kg/ru/menyu---inostrannoe/novosti/novosti-i-sobytiya/o-prodelannoy-rabote-posolstva-kr-v-rf-v-sfere-zashchity-prav-i-zakonnyh-interesov-grazhdan-kr-prebyvayushchih-na-territorii-rossii--za-1-kvartal-2025-goda-.

13. Кыргызстан и Узбекистан усиливают сотрудничество в борьбе с преступностью // Пресс-служба МВД Кыргызской Республики. 25.09.2025. URL: https://mvd.gov.kg/rus/news/4535.

14. Указ президента Республики Узбекистан от 11 сентября 2023 года № УП-158 «О стратегии «Узбекистан – 2030» // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/ru/docs/6600404.

15. Отчеты о деятельности Министерства внутренних дел Республики Узбекистан в 2024 году по предупреждению и профилактике правонарушений // сайт Министерства внутренних дел Республики Узбекистан URL: https://gov.uz/ru/iiv/pages/ichki-ishlar-vazirligi-faoliyatiga-oid-hisobotlar.

***Халимбеков Х. И.*[1],**
слушатель факультета подготовки
иностранных специалистов
Московского ордена Почета университета
МВД Росси имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Симонова А. Е.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

КИБЕРПРЕСТУПНОСТЬ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ БЕЗОПАСНОСТЬЮ И ПРАВАМИ ЧЕЛОВЕКА В РАМКАХ ООН

В условиях стремительного развития цифровых технологий киберпреступность превратилась в одну из ключевых угроз как национальной, так и международной безопасности. Под киберпреступностью в правовой доктрине понимается совершение преступных деяний с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) либо против них. К таким деяниям относятся незаконный доступ к компьютерной информации, создание и распространение вредоносных программ, мошенничество с использованием электронных средств, кража персональных данных, а также преступления, связанные с контентом – например, распространение экстремистских материалов или детской порнографии.

В Российской Федерации борьба с киберпреступностью осуществляется в рамках нескольких правовых актов. Уголовный кодекс РФ (глава 28) содержит специальные составы преступлений в сфере компьютерной информации (ст. 272–274) [1]. Кроме того, Федеральный закон «О персональных данных» № 152-ФЗ от 27 июля 2006 г. устанавливает требования к обработке, хранению и защите персональной информации [2].

На международном уровне наиболее значимым документом остается Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция, 2001 г.), которая устанавливает общие уголовно-правовые нормы и процедуры взаимной правовой помощи [3]. Однако она не ратифицирована Российской Федерацией, Китаем, Индией и большинством африканских государств, что ограничивает ее универсальность. В рамках ООН с 2019 года ведется работа над универсальной конвенцией по противодействию использованию ИКТ в преступных целях. Эта инициатива, закрепленная в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 74/247, призвана создать правовую основу, учитывающую инте-

[1] © Халимбеков Х. И., 2025.

ресы всех государств [4]. Важным шагом в этом направлении стал Пакт о будущем, принятый на Саммите ООН по вопросам будущего в сентябре 2024 года [5]. В рамках Пакта был одобрен Глобальный цифровой договор, который закрепляет обязательства государств по обеспечению открытого, безопасного и инклюзивного цифрового пространства, основанного на уважении прав человека, верховенстве права и многосторонности. Договор прямо указывает, что «меры по обеспечению кибербезопасности не должны служить предлогом для массового наблюдения, цензуры или ограничения свободы выражения мнений» (пункт 28 Глобального цифрового договора) [6].

Однако на национальном уровне возникает острая проблема – нарушение баланса между обеспечением кибербезопасности и защитой прав человека. Особое внимание заслуживает практика сбора персональных и биометрических данных у иностранных граждан. С 1 июня 2023 года вступил в силу порядок, согласно которому иностранный гражданин для приобретения SIM-карты в РФ обязан предоставить не только документ, удостоверяющий личность, и миграционную карту, но и номер СНИЛС, а также сдать биометрические данные (фото, голос и отпечатки пальцев) в аккредитованном банке. Эти данные передаются в Единую биометрическую систему (ЕБС), оператором которой выступает АО «Центр финансовых технологий» при участии Минцифры России и Центрального банка РФ. Доступ к биометрическим данным получают не только мобильные операторы, но и ряд государственных органов, включая МВД, ФСБ, Пенсионный фонд и ряд других государственных органов с правом на хранение, обработку и передачу информации в целях «обеспечения безопасности». При этом иностранный гражданин не имеет права отказаться от предоставления данных – в противном случае ему будет отказано в подключении к мобильной связи. Такой подход поднимает вопросы о пропорциональности мер: в то время как цель – предотвращение анонимного использования связи – представляется законной, масштаб сбора биометрической информации и отсутствие четких ограничений на ее использование выходят за рамки необходимого вмешательства, предусмотренного статьей 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) [7]. Более того, практика принудительного сбора биометрических данных у всех иностранных граждан без исключения, включая туристов и студентов, не дифференцирует уровень риска и не предусматривает механизма обжалования, что противоречит принципу индивидуализации мер, закрепленному в международной практике.

В Республике Узбекистан также наблюдаются системные проблемы в защите персональных данных. Несмотря на принятие Закона «О персональных данных» в 2019 году и создание Агентства по информационным технологиям, в июне 2023 года международная платформа по кибербезопасности DataBreachToday сообщила об обнаружении в общедоступных облачных хранилищах баз данных Министерства здравоохранения и Министерства дошкольного и школьного образования Узбекистана [8]. В общей сложности были выявлены записи о более чем 12 млн граждан, включая ФИО, даты рождения, адреса регистрации, номера телефонов и медицинские диагнозы. Расследование

показало, что утечка произошла из-за отсутствия базовой аутентификации на серверах, принадлежащих частным подрядчикам. В отличие от России, где утечки происходят в условиях жесткого регулирования, в Узбекистане проблема связана с недостаточным контролем за частным сектором и отсутствием культуры кибергигиены. Это демонстрирует два полюса одной проблемы: чрезмерное вмешательство государства с одной стороны и недостаточная регуляция – с другой.

Эти локальные проблемы трансформируются в глобальные угрозы. Утечки персональных данных из государственных и частных баз регулярно становятся основой для международных киберпреступлений: от целевого фишинга и мошенничества до создания фейковых документов и «финансового» терроризма. По данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), в 2022 году более 60% случаев кражи личности были связаны с компрометацией государственных или корпоративных баз данных [9]. Более того, под предлогом борьбы с киберпреступностью и обеспечения «умного управления» некоторые государства внедряют системы массового наблюдения, которые сами по себе нарушают международные стандарты прав человека. В докладе Специального докладчика ООН по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни (A/HRC/47/25, 2021) прямо указывается на программы «умного города» в Китайской Народной Республике и Республике Индия как на примеры чрезмерного сбора биометрических данных без надлежащего правового регулирования [10]. В частности, в КНР система «Социальный кредит» интегрирована с сетью из более чем 200 млн камер видеонаблюдения с функцией распознавания лиц, управляемой через платформы компаний SenseTime и Hikvision при поддержке Министерства общественной безопасности. В Индии национальная программа «Smart Cities Mission» предусматривает установку интегрированных центров управления (Integrated Command and Control Centres) в 100 городах, однако, как отмечает индийская правозащитная организация Internet Freedom Foundation (2023), большинство проектов реализуются без проведения оценки воздействия на права человека и без механизмов судебного контроля за использованием собранных данных.

В этой связи международное сообщество предпринимает шаги по выработке универсальных норм. Инициатива Генерального секретаря ООН «Дорожная карта по цифровому сотрудничеству» (2020), обновленная в 2023 году, призывает к созданию многоуровневой системы управления цифровым пространством с участием государств, частного сектора и гражданского общества [11]. Она прямо связывает борьбу с киберпреступностью с защитой прав человека и устойчивым развитием. Эта повестка была интегрирована в Пакт о будущем и легла в основу переговоров по Глобальному цифровому договору. Параллельно с этим Открытая рабочая группа ООН продолжает разработку специализированной конвенции по киберпреступности, которая должна стать юридически обязывающим инструментом, дополняющим политические обязательства Пакта.

В этих условиях было бы очень полезно, если бы разрабатываемая конвенция ООН и Глобальный цифровой договор дополняли друг друга. Во-первых, в

тексте конвенции стоит дать четкое и узкое определение киберпреступлений – чтобы избежать слишком общих формулировок, которые в будущем могут быть использованы не по назначению, например, для ограничения свободного выражения мнений. Во-вторых, важно предусмотреть надежные гарантии защиты персональных данных. Эти гарантии должны опираться на общепризнанные принципы – законность, необходимость и соразмерность, – которые уже закреплены в статье 17 Международного пакта о гражданских и политических правах и подтверждены в Глобальном цифровом договоре. В-третьих, учитывая, что не все страны обладают одинаковыми ресурсами, в конвенции целесообразно заложить механизмы технического сотрудничества. Например, можно рассмотреть создание специального фонда поддержки для государств, где цифровая инфраструктура и правовые рамки еще находятся на ранней стадии развития. И, наконец, в-четвертых, было бы разумно предусмотреть независимый механизм для отслеживания того, как положения конвенции применяются на практике – в том числе с точки зрения соблюдения прав человека. Одним из возможных вариантов могли бы стать регулярные обзоры или доклады со стороны Управления Верховного комиссара ООН по правам человека.

Таким образом, борьба с киберпреступностью не может строиться исключительно на расширении полномочий государств. Без надежной защиты персональных данных и уважения прав человека любые меры безопасности рискуют породить новые угрозы – уже не технические, а правовые и этические. Универсальная конвенция ООН в сочетании с Глобальным цифровым договором должна стать не только щитом от киберпреступников, но и гарантией свободы в цифровом пространстве для каждого человека.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 08.12.2023). Статьи 272–274.

2. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных».

3. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // Серия договоров Совета Европы. – № 185. – Страсбург : Издательство Совета Европы, 2001.

4. Резолюция 74/247 Генеральной Ассамблеи ООН «Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях» : принята 27 декабря 2019 г. // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, семьдесят четвертая сессия, Дополнение № 49. – A/RES/74/247.

5. Пакт о будущем : принят на Саммите ООН по вопросам будущего, Нью-Йорк, 22 сентября 2024 г. // A/RES/79/1. – Нью-Йорк : ООН, 2024.

6. Глобальный цифровой договор : приложение к Пакту о будущем // A/79/L.2. – Нью-Йорк : ООН, 2024.

7. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят резолюцией 2200A (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 г. //

Сборник международных договоров ООН. – Т. 999. – С. 171. – URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20999/v999.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

8. Закон Республики Узбекистан «О персональных данных» от 2 сентября 2019 г. № ЗРУ-547.

9. Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (UNODC). Комплексное исследование по киберпреступности. – Вена : UNODC, 2013. – 302 с.

10. Доклад Специального докладчика по вопросу о праве на неприкосновенность частной жизни Жозефа Каннатачи : A/HRC/47/25. – Женева : Совет по правам человека ООН, 2021.

Дорожная карта по цифровому сотрудничеству : инициатива Генерального секретаря ООН. – Нью-Йорк : ООН, июнь 2020 г. – URL: https://www.un.org/en/digital-cooperation-roadmap (дата обращения: 10.04.2025).

***Халитов О. Ф.*[1],**
старший преподаватель
кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Уфимского юридического
института МВД России

КИБЕРГИГИЕНА И МЕДИАГРАМОТНОСТЬ КАК ЭЛЕМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММАХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровизацией всех сфер жизни, включая правоохранительную деятельность. Если еще десятилетие назад основной задачей сотрудников правоохранительных органов была борьба с традиционными формами преступности, то сегодня значительная часть вызовов связана с киберпреступлениями, информационными атаками и манипулятивным медиаконтентом. Эти угрозы носят транснациональный характер, что делает невозможным их эффективное преодоление в рамках исключительно национальных усилий.

По данным МВД России, количество преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, ежегодно демонстрирует устойчивый рост. Одновременно фиксируется увеличение числа информационных атак, направленных на подрыв общественного доверия, распространение фейковых новостей и радикальных идей. В этих условиях подготовка специалистов правоохранительной сферы требует не только традиционных юридических знаний, но и современных цифровых компетенций.

Особую роль играет международное образовательное сотрудничество. Вузы МВД России готовят специалистов для стран СНГ, Африки, Азии и Латинской Америки, передавая им знания и навыки, востребованные в условиях глобальной цифровой среды. Включение вопросов кибергигиены и медиаграмотности в такие программы становится важным инструментом укрепления коллективной безопасности и доверия между государствами.

Россия на протяжении многих лет занимает ведущие позиции в подготовке иностранных кадров для правоохранительных органов. Ведомственные вузы МВД ежегодно принимают сотни иностранных слушателей. Обучение ведется как по основным образовательным программам, так и в формате повышения квалификации и стажировок [1].

Особенность российской модели заключается в комплексном подходе: сочетаются фундаментальная теоретическая подготовка, практические занятия и непосредственное знакомство с деятельностью подразделений МВД. Иностранные слушатели не только осваивают профессиональные дисциплины, но и погружаются в правовую культуру России, знакомятся с ее традициями обеспечения безопасности. Это позволяет им формировать целостное представление о

[1] © Халитов О. Ф., 2025.

правоохранительной системе, сопоставлять ее с национальными практиками и заимствовать наиболее эффективные элементы.

Подготовка иностранных специалистов в России играет важную роль в укреплении международного сотрудничества. Выпускники вузов МВД становятся проводниками российской правовой школы в своих странах и формируют кадровую основу для взаимодействия на межгосударственном уровне. Включение в образовательные программы элементов кибергигиены и медиаграмотности делает этот опыт особенно востребованным в условиях цифровых вызовов XXI века.

Одним из ключевых направлений образовательных инноваций становится кибергигиена, которая понимается как система правил безопасного поведения в цифровой среде. Для сотрудников правоохранительных органов эта компетенция имеет принципиальное значение, поскольку они работают с большими массивами конфиденциальной информации и несут ответственность за ее защиту [2].

В процессе обучения иностранные слушатели получают знания о современных стандартах информационной безопасности, знакомятся с практическими методами защиты персональных данных и служебных сведений. Особое внимание уделяется противодействию социально-инженерным атакам, моделированию кибератак и разработке алгоритмов реагирования.

В ряде государств Африки и Азии отсутствует системная подготовка кадров в области кибербезопасности, что делает российский опыт крайне ценным. Универсальность принципов кибергигиены позволяет применять полученные знания вне зависимости от национальной юрисдикции [3]. Таким образом, кибергигиена становится своеобразным мостом между различными системами безопасности, формируя единое международное пространство защиты от цифровых угроз.

Не менее важным направлением подготовки является формирование медиаграмотности. Под этим понятием понимается способность критически воспринимать информацию, отличать достоверные источники от фейковых, выявлять манипулятивные техники и оценивать риски деструктивного контента. Для правоохранительных органов медиаграмотность играет двойную роль: она необходима и для личной устойчивости сотрудников, и для эффективной профилактической работы с населением.

Международный опыт показывает, что экстремистские и террористические организации все активнее используют медиапространство для вербовки и пропаганды. Особенно уязвимой к манипуляциям оказывается молодежь, что актуально как для России, так и для стран-партнеров. Введение в учебный процесс тем, связанных с медиаграмотностью, позволяет иностранным слушателям вырабатывать способность критически оценивать поступающую информацию и приобретать навыки работы с различными медиаресурсами на профессиональном уровне. Российские вузы системы МВД, сотрудничая с зарубежными партнерами, делятся наработанными методиками распознавания недостоверных сообщений и способами противодействия информационным атакам, проверенными практикой последних лет. Такое взаимодействие помогает формировать у будущих сотрудников правоохранительных органов единое пони-

мание задач информационной безопасности и делает национальные структуры более защищенными перед внешними вызовами.

Включение в образовательные программы тематики кибергигиены и медиакомпетентности открывает новые горизонты для международного взаимодействия. На основе российских образовательных учреждений возможно создание специальных учебных модулей, которые учитывали бы специфику национальных систем безопасности и правовой среды отдельных государств.

В качестве перспективы можно рассматривать проведение совместных научных исследований по вопросам киберугроз и организации международных центров обучения сотрудников нового поколения.

Значимым направлением остаются программы обмена и стажировок, которые помогают выстраивать общее образовательное пространство. Выпускники-иностранцы, обучавшиеся в России, сохраняют связи с отечественными вузами и становятся посредниками в развитии профессионального сотрудничества у себя на родине. Подобная практика укрепляет доверие между государствами, создает основу для проведения совместных мероприятий в правоохранительной сфере и формирует предпосылки для коллективной безопасности.

Сегодня кибергигиена и медиаграмотность выступают в качестве необходимых компонентов профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов. Эти навыки выходят за рамки индивидуальной практики и приобретают международное значение. Включение данных тем в учебные планы российских вузов МВД позволяет эффективно готовить специалистов как для национальной системы, так и для зарубежных стран.

Такое взаимодействие формирует единые стандарты противодействия киберпреступности и информационным угрозам, укрепляет взаимное доверие и способствует развитию общей системы безопасности. Опыт России в этой сфере подтверждает ее статус надежного партнера в образовательном пространстве и показывает ее вклад в подготовку профессиональных кадров для различных регионов мира.

Список литературы

1. Ронин В. С., Перегудова А. П., Максимов Н. Р. Подготовка кадров правоохранительных органов иностранных государств: опыт образовательных организаций МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. 2024. № 4. С. 175-178. https://doi.org/10.24412/2658-638X-2024-4-175-178. EDN: EZHFSB.

2. Расторопов, С. В. Цифровые доказательства в расследовании преступлений / С. В. Расторопов // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 256-259. – EDN CAUJRM.

3. Харисова, З. И. Проблемы и пути совершенствования деятельности по собиранию цифровых доказательств при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации / З. И. Харисова // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(108). – С. 116-126. – EDN VMNIYK.

***Хаминский Я. М.*[1],**
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ, ГРУППЫ РАЗРАБОТКИ ФИНАНСОВЫХ МЕР ПО БОРЬБЕ С ОТМЫВАНИЕМ ДЕНЕГ (ФАТФ) И ЕЕ АНАЛОГОВ, МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИЦИИ (ИНТЕРПОЛ) И ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОРЬБЕ С НЕЛЕГАЛЬНЫМИ ФОРМАМИ ТРАНСГРАНИЧНОГО ДВИЖЕНИЯ КАПИТАЛА И С ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Одна из основных ролей в системе противодействия нелегальным формам трансграничного движения капитала отведена деятельности международных организаций и создаваемых на их основе специализированных органов. Так как проблема распространения данного вида противоправной преступной деятельности уже достаточно давно известна и широко освещается на различных уровнях, в структурах основных глобальных организаций создаются специальные органы, направлением деятельности которых является борьба с нелегальными формами трансграничного движения капитала и с теневой экономикой.

ООН является центральной международной организацией, созданной для поддержания мира и безопасности на планете. В ее структуре также присутствуют механизмы осуществления борьбы с международной преступностью по различным направлениям. Для целей выработки механизмов и организации противодействия легализации денежных средств, полученных преступным путем, в рамках ООН предусмотрено Управление ООН по наркотикам и преступности (далее – УНП ООН). Данное управление предпринимает меры по борьбе с коррупцией, профилактикой наркомании и борьбы с незаконным оборотом наркотиков (далее – НОН), организованной преступностью, торговлей оружием и людьми, и иными глобальными проявлениями преступности, в том числе и отмыванием денег.

УНП ООН отвечает за реализацию Глобальной программы борьбы с отмыванием денег, доходами от преступной деятельности и финансированием терроризма, принятой еще в 1997 году на основании Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [1]. В 1998 году сфера деятельности по данной программе была расширена, путем включения в список деяний, по которым осуществляется противодействие легализации, всех тяжких преступлений, а не исключительно преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков.

---

[1] © Хаминский Я. М., 2025.

Главной задачей деятельности по реализации данной программы является оказание помощи государствам-членам в борьбе с отмыванием преступных доходов по всем направлениям (выявление, арест, конфискация) и на всех уровнях в рамках, предусмотренных документами ООН. Реализация этой задачи происходит по просьбе самих государств путем предоставления им технической помощи.

Официальной позицией УНП ООН предусматривается ряд целей, достижение которых планируется при проведении работы в данной сфере борьбы с преступностью:

1. достижение уровня развития национальных законодательств государств, который позволит в полной мере использовать механизмы противодействия легализации преступных доходов, предусмотренные международными универсальными документами;

2. обеспеченность государств необходимыми ресурсами для полномасштабной и всесторонней борьбы с финансовой преступностью путем просветительской работы с государствами и должностными лицами уполномоченных государственных органов, передачи специализированных знаний и накопленного опыта, а также обеспечения средствами осуществления такого рода деятельности;

3. развитие многостороннего международного и регионального взаимодействия между государствами в области борьбы с преступлениями, связанными с легализацией доходов от преступлений и расширение возможностей государств в осуществлении этой борьбы [2].

В 1989 г. 35 стран, Европейская комиссия и G7 создали ФАТФ [3] 17 (юридически независимую от них организацию) с целью борьбы с легализацией преступных доходов во всем мире, поскольку вследствие глобализации мировой экономики возникла необходимость в наднациональных коллективных действиях по борьбе, противодействию и предупреждению теневой экономики. Затем по образцу ФАТФ созданы региональные группы. Среди них Азиатско-Тихоокеанская, Ближневосточная, Евразийская, Западноафриканская, Карибская, Латиноамериканская, Центрально- и Южноафриканская, а также Европейская. Стратегическими направлениями работы ФАТФ являются:

1. стандартизация и мониторинг теневой экономики на международном уровне;

2. координирование деятельности региональных организаций;

3. разработка научных подходов и осуществление аналитической деятельности по выявлению рисков легализации в целях интенсификации борьбы с ними;

4. кооперирование в целях выработки единой стратегии с ведущими международными организациями, в том числе с валютно-финансовыми, и Группой Эгмонт. Результат не заставил себя долго ждать. В 1990-е гг. ФАТФ разработала 40 рекомендаций по борьбе с легализацией преступных доходов 19, нацеленных не только на развитые, но и развивающиеся страны, которые повышают эффективность совместных действий.

Во исполнение своего предназначения ФАТФ в своей деятельности решает широкий круг задач, обеспечивающих мировую и национальную экономическую стабильность, снижение объемов «грязных» денег в мировой финансовой системе и общего уровня финансовой и сопутствующей ей преступности.

В 1997 г. при Европейском комитете Совета Европы по преступности был создан специальный подкомитет по борьбе с финансовыми преступлениями – МАНИВЭЛ. Статус МАНИВЭЛ примечателен тем, что, с одной стороны, это региональная группа, созданная и работающая по типу ФАТФ, с другой стороны, это институт системы Совета Европы. Цели деятельности МАНИВЭЛ схожи с ФАТФ и направлены на противодействие легализации преступных доходов, в том числе террористических. В своей деятельности МАНИВЭЛ руководствуется 40 рекомендациями ФАТФ.

В 2004 г. в Москве представители Белоруссии, Казахстана, Китая, Киргизии, Российской Федерации и Таджикистана создали региональную Евразийскую группу по борьбе с теневой экономикой (далее – ЕАГ). В 2005 г. Узбекистан стал в ней наблюдателем, а в 2010 г. наблюдатели Туркменистана и Индии повысили свой статус в группе, став ее членами. Примечательно, что ЕАГ превратилась в особое объединение, поскольку изначально создание такового подразделения для евразийских стран не предусматривалось. Работает оно, по оценкам ФАТФ, эффективно, особенно в направлениях обеспечения прозрачности и безопасности финансовых систем в Евразийском регионе, а также снижения террористической угрозы, уделяя особое внимание технической помощи.

В 2011 г. было подписано межправительственное соглашение о группе «Евразия», что стало важной вехой в работе ЕАГ, поскольку это соглашение дало возможность повысить степень независимости института, например, располагать собственным бюджетом по принципу равного участия (ранее основную долю средств предоставляла Российская Федерация). Так, группа разработала рекомендации по финансовым пирамидам, коррупции, выводу активов. Выявленные группой основные индикаторы могут способствовать раннему обнаружению подозрительных транзакций, например, указывая на ухудшение состояния кредитной организации. Активизировалось и международное межведомственное взаимодействие на уровне финансовых разведок.

Основной международной организацией, обеспечивающей осуществление полицейского сотрудничества между государствами, является международная организация уголовной полиции, сокращенно именуемая «Интерпол». Интерпол играет значительную роль в развитии международного сотрудничества, координации работы полицейских органов, решении вопросов в сферах оперативно-розыскной деятельности, осуществления уголовного правосудия и технической поддержки. В Российской Федерации в составе МВД создано специальное подразделение – Национальное центральное бюро Интерпола (далее – НЦБ Интерпола МВД России), задачами которого являются непосредственное осуществление информационного взаимодействия с Интерполом. Правовой основой функционирования подразделения и выполнения им своих основных задач выступают Указ Президента Российской Федерации от 30 июля 1996 г.

№ 1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции - Интерпола» [4] и приказ МВД России от 31 марта 2012 г. № 305 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» [5].

Содействие полицейских структур различных государств в борьбе с нелегальными формами трансграничного движения капитала через Интерпол осуществляется по нескольким основным направлениям: сотрудничество в области оперативно-розыскной деятельности, осуществления уголовного правосудия, содействие в представлении технических и теоретических средств и методов борьбы с преступностью.

В рамках сотрудничества в оперативно-розыскной сфере следует особо выделить следующие основные направления: обмен информацией о совершенных преступлениях, лицах, их совершающих, оказание помощи в выявлении физических и юридических лиц, связанных с нелегальными формами трансграничного движения капитала.

В сфере взаимодействия по обеспечению уголовного судопроизводства проводятся следующие действия: получение заявлений и свидетельских показаний, транспортировка доказательств, передача и доставка лиц для дачи свидетельских и иных показаний и оказания иного содействия проведению расследования, принятие мер по финансовой блокировке банковских счетов подозреваемых лиц и заморозка всех проводимых финансовых операций. Также возможно исполнение мер по осуществлению ареста имущества, которое в дальнейшем может стать предметом конфискации (обеспечения) по решениям национальных судов иностранных государств [6].

Интерпол постоянно совершенствует и актуализирует методы и средства борьбы со всеми распространенными преступлениями в рамках своей сферы действия, в том числе и с нелегальными формами трансграничного движения капитала. В области борьбы указанным явлением на данный момент намечаются следующие основные тенденции работы Интерпола:

1. проведение параллельного расследования легализации преступных доходов с первоначальным преступлением, ставшим источником происхождения незаконных денежных средств и имущества;

2. направленность на выявление источников, потоков и местонахождения преступных доходов, их замораживание и конфискация;

3. привлечение гражданских организаций и инструментов гражданского общества к противодействию данному распространенному преступному деянию;

4. расширение взаимодействия и наращивание потенциала в целях повышения следственных навыков при расследовании случаев легализации преступных доходов, совершенных в государствах Западной Африки [7].

Международный валютный фонд (далее – МВФ) – специализированный орган ООН и ведущая организация международного сотрудничества в валютно-финансовой сфере, членами которой являются 190 государств-членов, в том

числе и Российская Федерация. В рамках изучения поставленного вопроса следует обратить внимание на деятельность МВФ в борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем. Оказывая противодействие данному явлению, МВФ тем самым наносит и ущерб транснациональному движению капитала в нелегальных формах.

Официальная позиция МВФ касательно легализации доходов, полученных преступным путем, заключается в том, что данный процесс является угрозой экономической и финансовой стабильности государств, в результате которой также нарушается безопасность личности и государства в целом. Данная противоправная деятельность возможна в связи с наличием разнообразных уязвимостей в финансовых системах, которые и позволяют совершать незаконные действия в этой сфере. Деятельность по предотвращению злоупотреблений уязвимостями в финансовых системах отдельных государств и принятию мер по выявлению лиц, совершающих указанные действия, является одной из основных частей работы МВФ. Деятельность организации в этой сфере представлена анализом финансовых систем и органов отдельных государств, разработкой рекомендаций по экономической политике государства в целом, улучшению финансовых систем и устранению уязвимостей в них, и, как итог, оценка выполнения предоставленных рекомендаций и общих стандартов в области противодействия отмыванию преступных доходов.

МВФ выделяет два основных направления своей работы, способствующие снижению мировых объемов отмываемых денежных средств:

- помощь государствам в активизации национальных инструментов в борьбе с коррупционными преступлениями и уклонением от уплаты налогов, так как данные преступления непосредственно связаны с последующим процессом легализации полученных доходов;

- оказание содействия странам со слабой и уязвимой экономикой в обеспечении доступа к корреспондентским отношениям между банками и связью с мировой финансовой системой, так как процесс разрыва данных отношений, в рамках непланомерной и непоступательной борьбы с отмыванием преступных доходов, создает непосредственную угрозу благосостоянию государств.

В целом, в рамках работы по снижению уровня внедрения доходов от совершения преступлений в легальный сектор экономики Международным валютным фондом оказана техническая помощь и поддержка более чем 120 государствам в разработке национальных стратегий по противодействию отмыванию доходов, совершенствованию национальных надзорных органов и органов финансового контроля и разведки.

В некоторых странах, которым МВФ оказал техническую помощь, ситуация стабилизировалась на уровне, достаточном для того, чтобы ФАТФ отменила их финансовый мониторинг по причине улучшения и нормализации обстановки в области отмывания денег [8].

Группа «Эгмонт» представляет собой международную организацию, объединяющую подразделения финансовой разведки 166 государств-членов с целью создания и поддержания безопасного обмена опытом и информацией меж-

ду ними по защищенному каналу связи на национальном и международном уровне.

На данном этапе необходимо прояснить понятие подразделений (групп) финансовой разведки (далее – ПФР), цели их создания и задачи. Вследствие того, что борьба нелегальными формами трансграничного движения капитала невозможна традиционными методами борьбы с организованной преступностью, международными органами рекомендовано создание национальных структур, наделенных правом в обход принципов конфиденциальности информации о банковских операциях осуществлять сбор и анализ этих данных. Подразделения финансовой разведки представляют собой государственный орган, ответственный за получение, сбор, анализ и передачу иным компетентным органам информации о подозрительных финансовых операциях, осуществляемых через банковские системы государства. ПФР получают интересующую информацию от финансовых учреждений, иных структур и лиц, проводят анализ подозрительных операций на их причастность к процессу отмывания денежных средств и в дальнейшем в доступной форме передают национальным правоохранительным органам и подразделениям финансовой разведки в других государствах [9].

Передача этой конфиденциальной информации должна проходить с мерами недопущения ее утечки и передачи третьим лицам, для этих целей группа «Эгмонт» является международным форумом для взаимодействия субъектов осуществления финансовой разведки, располагающим всеми необходимыми инструментами и ресурсами для безопасного и оперативного обмена данными по международным стандартам противодействия отмыванию денег.

Структура группы представлена Заседанием глав ПФР, входящих в состав Эгмонтской группы, Пленарного заседания, Рабочих групп по различным вопросам (правовая работа, расширение состава группы, применение информационных технологий, обучение квалифицированных кадров, решение оперативных задач), Рабочих групп по регионам (Азия и Тихоокеанский регион, Америка, две европейских группы, Евразия, Ближний Восток и Северная Африка, Восточная и Южная Африка, Западная и Центральная Африка), Секретариатом (для осуществления административной поддержки деятельности организации и Эгмонтского центра повышения квалификации и лидерства ПФР (ЭКОФЕЛ)). Как можно заметить, в рабочих группах широко представлен Африканский регион – это связано с недостаточным представительством и контролем со стороны международных организаций финансовых систем данного континента, который на данный момент является самым проблемным для осуществления противодействия легализации преступных доходов и одним из самых привлекательных для использования международными организованными преступными группами [10].

Постоянное развитие системы международного сотрудничества по противодействию трансграничному движению капитала, увеличение количества государств, задействованных в этом процессе, принятие международных правовых актов, регулирующих деятельность и взаимодействие субъектов противодействия данному явлению, означает серьезную эффективность применяемых мер

в рассматриваемой области. Несмотря на это, остается нерешенным ряд проблемных вопросов.

1. Регулирование международного движения капитала становится важным фактором обеспечения экономической безопасности на различных уровнях. Во-многом, это обуславливается потребностью государств или их объединений в противодействии оттоку капитала. Для государств с формирующимися рынками (к которым относится и Россия) данное направление должно стать приоритетным в процессе формирования экономической безопасности национального уровня.

2. Нелегальные формы трансграничного движения капитала не имеют легальной дефиниции. Понимание отдельных явлений в указанной сфере сопряжено со специфическими экономическими и юридическими познаниями. Однако для наиболее успешной борьбы с данным противоправным деянием требуется разработка специализированного международного акта, в котором помимо легальных дефиниций должна быть отражена и система нелегальных форм трансграничного движения капитала. Все это возможно лишь в условиях наличия реальной заинтересованности со стороны международного сообщества в борьбе с нелегальными формами трансграничного движения капитала.

3. В настоящее время отсутствует закрепленная система нелегальных форм трансграничного движения капитала, поэтому их идентификация возможна путем выявления в различных формах таких критериев как осуществление незаконной финансовой деятельности противоправными методами; направленность на достижение этих противоправных целей; перемещение активов, имеющих криминальное происхождение; наличие общественной опасности в процессе движения капиталов.

4. Несмотря на отсутствие единого подхода в определении рассматриваемого явления, отдельные элементы борьбы с ним реализуются путем противодействия иным противоправным деяниям. Так, наиболее развитым направлением международного сотрудничества в сопряженной с нелегальными формами трансграничного движения капитала сферой является борьба с легализацией доходов, полученных преступным путем. Данное сотрудничество осуществляется в различных направлениях на всех стадиях уголовного судопроизводства: от выявления фактов совершения преступлений и сбора доказательств до непосредственного привлечения лиц к уголовной ответственности и исполнения наказания. В рамках международного права подобное сотрудничество осуществляется в виде создания необходимых правовых механизмов сотрудничества и оказания помощи на взаимной основе.

5. Основное препятствие в развитии международного сотрудничества в борьбе с нелегальными формами движения капитала выражается в неравномерном экономическом развитии государств. Это ведет к нежеланию отдельных государств (выгодоприобретателей от применения нелегальных форм трансграничного движения капитала) оказывать содействие международному сообществу.

Список литературы

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (заключена в г. Вене 20.12.1988) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

2. УНП ООН и вопросы отмывания денег и противодействия финансированию терроризма // Официальный сайт ООН URL: https://www.unodc.org/unodc/ru/money-laundering/index.html?ref=menuside.

3. ФАТФ (англ. Financial Action Task Force, FATF) – Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег.

4. Указ Президента РФ от 30.07.1996 N 1113 (ред. от 27.10.2011) «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции - Интерпола» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Приказ МВД России от 31.03.2012 N 305 (ред. от 14.02.2020) «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. Водянов Андрей Викторович Позитив международно-правового опыта включенности правоохранительных органов Российской Федерации в дело борьбы мирового сообщества с легализацией доходов, полученных преступным путем (на примере Интерпола) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2013. №1.

7. Money laundering // Официальный сайт INTERPOL. URL: https://www.interpol.int/Crimes/Financial-crime/Money-laundering.

8. Кристин Лагард. Усиление борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма. // IMF Blog. от 26 июля 2017 года.

9. ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ РАЗВЕДКИ ОБЗОР / Международный Валютный Фонд, Юридический департамент, Департамент денежно-кредитных и финансовых систем., под ред. Пола Глисона, Гленна Готтселига Пересмотренный вариант от 23 июля 2004 года. изд. Вашингтон (округ Колумбия): Международный Валютный Фонд, 2004.

10. Structure and Organization of the Egmont Group of Financial Intelligence Units // Egmont Group URL: https://egmontgroup.org/en/content/structure-and-organization-egmont-group-financial-intelligence-units.

***Хмиль И. В.*[1],**
преподаватель кафедры
административного и финансового права,
специалист по обработке научной информации
отдела по организации научной
и редакционно-издательской деятельности
2 категории; соискатель кафедры
международного и морского права
Крымского филиала Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

К ВОПРОСУ О РОЛИ МИРОТВОРЧЕСКИХ ОПЕРАЦИЙ ООН В ВОССТАНОВЛЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА В ПОСТКОНФЛИКТНОЙ ЗОНЕ

Миротворческая деятельность ООН, как обобщенное название различных режимов и деятельности операции по поддержанию мира и обеспечению коллективной безопасности можно назвать гибким и динамичным механизмом. По мнению ООН формат и содержание миротворческой деятельности изменяется по мере появления новых конфликтов и изменения характера их протекания[2].

С момента учреждения первой миротворческой операции ООН в 1948 г. мандаты операций постепенно расширялись и приобретали новое понимание целей операций. Актуальность рассмотрения возможных средств восстановления общественного порядка после завершения конфликта и непосредственно работы миротворческой операции особо проявилась в начале 2000-х гг., а именно после опубликования «доклада Брахими», который будет в дальнейшем рассмотрен в исследовании. В настоящее время вопрос восстановления общественного порядка в постконфликтной зоне не утратил своей актуальности и рассматривается как один из необходимых на этапе миростроительства с целью предотвращения возобновления конфликта.

Рассмотрим поэтапно трансформацию миротворческой деятельности ООН с точки зрения становления режима миростроительства.

Накопившийся практический опыт проведения первых миротворческих операций ООН к 1956 г. отразился в Докладе Генерального Секретаря от 03.11.1956 г.[3] Из анализа доклада можно заключить, что изначально цели миротворческих операций были определены как прекращение военных действий, предупреждение их возобновления, окончательное урегулирование конфликта. Обозначение такого круга целей показывает, что предупреждение возобновления конфликта

---

[1] © Хмиль И. В., 2025.

[2] История миротворческих операций [Электронный ресурс] URL: https://peacekeeping.un.org/ru/our-history

[3] Документ A/3267. Доклад Генерального Секретаря, представленный во исполнение пункта 5 резолюции 99\ (ES-1), принятой Генеральной Ассамблеей 2 ноября 1956 года. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/Depts/dhl/dag/docs/a3256r.pdf?ysclid=mg2msv97t639677510

изначально рассматривается как необходимое условие работы миротворческой операции. При этом, в докладе не перечисляются конкретные механизмы, действия в мандате операции для достижения такой цели. Это представляется объяснимым, так как на момент составления доклада ООН только наращивала потенциал проведения подобных операций. Ко времени составления доклада были учреждены только 3 операции, которые находились в статусе действующих, две из которых являются действующими в настоящее время (ОНВУП[1], ГВНООНИП[2], ЧВСООН I[3] – завершила работу в 1967 г.). Соответственно, оценка действий миротворческой операции и определение необходимости расширения их мандатов для эффективного последующего миростроительства была невозможна. Доклад оперировал понятием «полицейская операция» в отношении ЧВСООН I и обобщал первый миротворческий опыт ООН.

Спустя 2 года, в 1958 году был принят еще один доклад Генерального Секретаря ООН[4]. Рассматриваемый документ в большей степени был посвящен структурированию правовых и организационных основ учреждения операции, формулированию и раскрытию принципов проведения операций. Документ не охватывает вопросы последующего восстановления бывших конфликтующих сторон (в п. 166 доклада отмечается, что «части ООН не могут быть использованы в ситуациях, носящих исключительно внутренний характер» – это положение будет пересмотрено в следующих документах ООН). В п. 154 документа подчеркивается невозможность заранее предусмотреть всех конкретных форм действий ООН в разрешении конфликта. Это, тем самым, закрепило оставление пространства для возможностей ООН в конкретных конфликтах приспосабливать и совершенствовать свои механизмы для их разрешения, в том числе дает ориентир для выработки мер постконфликтного восстановления.

Следующие два доклада Генерального Секретаря ООН были приняты в 1960 году[5] в связи с работой миротворческой операции в Конго (ОНУК[6]). Эти документы сыграли существенную роль в уточнении юридических оснований, поня-

---

[1] ОНВУП – Фактологический бюллетень. // Операции ООН по поддержанию мира. [Электронный ресурс] URL: https://peacekeeping.un.org/ru/mission/untso

[2] ГВНООНИП – Фактологический бюллетень. [Электронный ресурс] URL: https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unmogip

[3] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 04.11.1956. № 1000 (ES-I). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/depts/dhl/dag/docs/ares1000-1001r.pdf

[4] Краткий обзор опыта, приобретенного в связи с созданием и функционированием Вооруженных сил: доклад Генерального Секретаря. 09.10.1958 г. [Электронный ресурс] URL: https://docs.un.org/ru/A/3943

[5] First report on the implementation of the Security Council resolution S/4387 of 14 July 1960: addendum № 3 / by the Secretary-General. [Электронный ресурс] URL: https://digitallibrary.un.org/record/620783?v=pdf&ln=en; Fourth report on the implementation of Security Council resolution S/4387 of 14 July 1960, S/4405 of 22 July 1960 and S/4426 of 9 August 1960: addendum № 1 / by the Secretaty-General. [Электронный ресурс] URL: https://digitallibrary.un.org/record/620819?v=pdf

[6] Резолюция Совета Безопасности ООН от 14.07.1960. № 143. [S/4387]. [Электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.3f75653a-66e1ee33-acf1d6af-74722d776562/https/documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/157/88/pdf/nr015788.pdf

тия и принципов проведения операций ООН, в особенности принципа неприменения силы. Примечательно, что в четвертом докладе Генерального Секретаря 1960 года выдвинуто предложение по изменению проведения операций в аспекте рассмотрения их как единой и тщательно разработанной, сбалансированной операции, приспособляя ее к происходящим событиям и учитывая накопившийся опыт.

Формулируя общие положения названных документов, отметим, что безусловной целью операций определяется обеспечение коллективной безопасности, устранение угрозы миру и разрешение конфликта. Мандаты операций ограничивались действиями по нивелированию конфликта, поддержанию условий перемирия и склонению конфликтующих сторон к переговорам. Действия же по устранению коренных причин конфликтов, по дальнейшему восстановлению мирной инфраструктуры, в том числе поддержание гражданского порядка после завершения конфликта, не рассматривались как задачи операций ООН. Однако, ООН оставляла за собой открытость и гибкость такого механизма для трансформации действий ООН с учетом реальных обстоятельств протекания конфликтов.

Вплоть до начала 90-х годов XX века, положения обобщенные в перечисленных докладах оставались неизменными для практики проведения миротворческих операций. В научной литературе этап с 1948 года до 1990-х годов получил обозначение «традиционного миротворчества» [1, с. 237; 2, с. 3]. Отличительной чертой таких операций выделяют наличие четкого мандала операций, включающего действий по поддержанию мира в активной фазе конфликта (соблюдение условий перемирия, соглашений о прекращении огня и/или выводе войск).

Такое положение было изменено в 1992 г. с принятием доклада Генерального Секретаря «Превентивная дипломатия, миротворчество и поддержание мира». Значимость рассматриваемого документа, на наш взгляд, состоит в том, что была структурно изложена миротворческая деятельность ООН, которая стала пониматься шире, чем непосредственное проведение миротворческих операций. Так, были закреплены следующие режимы ООН, составляющие ее миротворческую деятельность:

- превентивная дипломатия (выявление потенциального конфликта);
- миротворческая операция (применяется в активной фазе конфликта для установления договоренностей между враждующими сторонами, а также разрешение проблем, ставших причиной конфликта);
- поддержание мира (развертывание военного и/или полицейского персонала ООН с целью выполнения соглашений ранее достигнутых соглашений);
- миростроительство и принятие мер в отношении глубинных причин конфликта.

Перечисленные действия могут применяться как самостоятельно, так и в комплексно, сочетая элементы друг друга.

В документе особо отмечается, что основной тенденцией миротворческой деятельности ООН является расширение задач и мандатов операций, а также их

эволюционный характер. В связи с этим, согласно п. 55 доклада миротворческие операции, операции по поддержанию мира могут включать действия по восстановлению порядка, разоружению, содействию усилиям по защите прав человека, формальным и неформальным процессам политического участия, контроль за проведением выборов и т.д.

Таким образом, доклад впервые в систематизированном виде выделил миростроительство и задачи по восстановлению порядка в качестве необходимых в миротворческой деятельности ООН.

Существенное внимание к миростроительству и к действиям по восстановлению порядка, поддержанию общественного порядка в постконфликтной зоне было уделено в докладе Группы по операциям ООН в пользу мира 2000 года – «доклад Брахими»[1]. Доклад, как отмечает сама Группа, был подготовлен в связи с кризисом операций ООН в последнее десятилетие XX века. В частности, признаются ошибки организации при проведении операций, неэффективность операций в Руанде[2] и Сребренице[3], где были официально подтверждены акты геноцида[4]. В отношении традиционных миротворческих операций был выделен ряд значительных недостатков, основным из которых было неразрешение и не установление источников конфликтов, что в свою очередь порождало долгосрочность пребывания операций и возобновление конфликтов.

В связи с названными событиями и факторами, была необходима существенная трансформация миротворческой деятельности ООН. Группа вносит в оборот новый термин «комплексные операции в пользу мира», которые сочетают в себе операции по осуществлению мирных соглашений, операции по поддержанию мира, миростроительство.

Анализ положений доклада позволяет выделить следующие отличия нового подхода к проведению подобных операций ООН:

- поддержание мира трансформируется из военной модели обеспечения соблюдения прекращения огня и разъединения сторон в комплексный механизм из гражданского и военного элементов (п. 12);

- миростроительство понимается как деятельность, проводимая после окончания конфликта с целью восстановления основ мира и выработки инструментов для самостоятельного функционирования и поддержания политических, со-

---

[1] Доклад Группы по операциям Организации Объединенных Наций в пользу мира (доклад Брахими). A/55/305. 21.08.2000. [Электронный ресурс] URL: http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/55/305

[2] Резолюция Совета Безопасности ООН от 05 октября 1993 года S/RES/872 (1993). [Электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.ef4243cd-68d91e47-fe27f538-74722d776562/https/docs.un.org/ru/S/RES/872(1993)

[3] Резолюция Совета Безопасности ООН от 10.06.1999 года S/RES/1244 (1999). [Электронный ресурс] URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1244(1999)

[4] Prosecuting Genocide in Rwanda, op. cit. (note 2). [Электронный ресурс] URL: https://www.unwatch.com/rwanda.html; International Tribunal for the Prosecution of Persons Responsible for Serious Violations of International Humanitarian Law Committed in the Territory of Former Yugoslavia since 1991. [Электронный ресурс] URL: https://www.icty.org/x/cases/krstic/tjug/en/krs-tj010802e.pdf

циальных и экономических изменений для самоподдерживающихся безопасных условий (п. 13, 28). Действия по миростроительству могут включать в себя укрепление правопорядка, подготовку и изменение местной полиции, проведение реформы судебной системы, обеспечение уважения к правам человека, расследование нарушений и т.д. Миростроительство может быть включено как в мандат проводимых операций ООН, так и быть самостоятельным механизмом. Миростроительство признается одним из ключевых механизмов в комплексных операциях ООН, что соответственно, акцентирует внимание на переход к действиям по поддержанию порядка, применения правоохранительных элементов в операциях, оказанию помощи в достижении национального примирения в постконфликтный период;

- новое понимание принципов миротворческой деятельности: беспристрастности и неприменения силы. В отношении беспристрастности было сделано существенное уточнение, что этот принцип не означает нейтралитет в тех случаях, когда имеются преднамеренные действия против гражданского населения с одной из сторон конфликта и/или сторона конфликта нарушает условия мирного соглашения[1]. В этом случае невозможно одинаковое отношение ко всем сторонам конфликта и мандат операции должен быть расширен для необходимых действий по устранению таких угроз (п. 50). Принцип неприменения силы изменился в сторону необходимости применения силы, с указанием четких полномочий на такое применение в мандате операции (п. 51), что переводит операции в более жесткий формат;

- допущение возможностей применения миротворческих механизмов ООН для разрешения не только межгосударственных конфликтов, но и для внутригосударственных с трансграничным эффектом.

Таким образом, с начала XXI века, положительный и отрицательный опыт проведения операций ООН позволил выработать новый расширенный механизм урегулирования конфликтов и устранения угроз мира и безопасности. Было признано значимым использование не только военного компонента для разъединения враждующих сторон, но и гражданского и полицейского для обеспечения безопасности гражданского населения, поддержания общественного порядка, введения в необходимых случаях временной администрации, с целью комплексного и окончательного разрешения конфликта.

В 2008 г. положения доклада 1992 г. и доклада Брахими вновь были подтверждены в документе по руководящим началам миротворческих операций Департамента операций по поддержанию мира и Департамента полевой поддержки ООН. Миростроительство (*peacebuilding*) понимается как ряд мер, направленных на снижение риска перерастания или возобновления конфликта в результате укрепления национального потенциала. Основной целью миростроительства является устранение укоренившихся причин конфликтов, повышение потенциала государства для эффективного выполнения своих функций.

---

[1] Резолюция Совета Безопасности ООН от 19 апреля 2000 года S/RES/1296 (2000). [Электронный ресурс] URL: https://docs.un.org/ru/S/RES/1296(2000)

По мнению некоторых зарубежных авторов, например, Р. Атто, такие изменения в конце XX – начале XXI века объясняются тем, что новые геополитические условия не позволяли оценить длительные перспективы операций. Соответственно, неудачный опыт в Боснии и Руанде, послужил катализатором для изменения подхода к проведению многофункциональных операций [3, с. 18].

В отечественной научной литературе относительно темы исследования употребляется термин «миростроительные операции», которые рассматриваются, по мнению С.А. Тишкова, как продолжение многокомпонентных операций ООН. Как указывает автор миростроительство в долгосрочной перспективе охватывает в себе решение задач, в том числе, по обеспечению безопасности и поддержанию правопорядка в государстве, в сочетании с силовыми методами ООН для разрешения самого конфликта [4, с. 12].

Операции ООН, учрежденные или продолженные в начале XXI века в значительной степени предусматривали в своем мандате действия по поддержанию общественной безопасности в зоне конфликта. Например, Миссия ООН в Сьерра-Леоне (МООНСЛ, UNAMSIL) была учреждена в 1999 году[1], однако уже в 2000 году резолюцией Совета Безопасности ООН[2] мандат операции был изменен и дополнен задачами по обеспечению безопасности во всех пунктах, содействие обеспечению свободного движения людей и грузов, координация действий с правоохранительными органами. Миссия ООН по поддержке в Восточном Тиморе (МООНПВТ, UNMISET) с момента развертывания в 2002 года включала в свой мандат действия по оказанию помощи административным структурам, выполнение временных функций в области поддержания правопорядка, обеспечение общественной безопасности и правоохранительной деятельности[3].

В настоящее время ООН, в лице Комиссии по миростроительству поддерживает ключевую роль действий по миростроительству, так как разногласия внутри общества являются наиболее устойчивым фактором нестабильности и появления конфликтов. Укрепление социальной устойчивости является краеугольным камнем миростроительства[4].

Таким образом, обозначим несколько заключительных тезисов.

---

[1] Миссия ООН в Сьерра-Леоне (МООНСЛ, UNAMSIL). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/events/missions/past/unamsil/unamsil.htm?ysclid=mg3oy8ab15727212374

[2] Resolution 1289 (2000) / adopted by the Security Council at its 4099th meeting, on 7 February 2000. [Электронный ресурс] URL: https://digitallibrary.un.org/record/407322?v=pdf&ln=en

[3] Миссия ООН по поддержке в Восточном Тиморе (МООНПВТ, UNMISET). [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/ru/events/missions/past/untaet/untaetindexbacgr.htm?ysclid=mg3oz10qh4474434579

[4] Concept Note 2025. Peacebuilding Commission Ministerial-level Meeting. 25.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.un.org/peacebuilding/sites/www.un.org.peacebuilding/files/documents/2025-09-25_cn_pbc_ministerial_on_promoting_social_cohesion_and_inclusive_governance_to_foster_community_resilience_and_sustainable_peace.pdf

Во-первых, поддержание общественного порядка, как один из возможных механизмов операций ООН для урегулирования конфликта, изначально не выделялось в качестве необходимого условия для эффективного проведения миротворческой операции.

Во-вторых, в связи с трансформацией подхода к проведению миротворческих операций с 90-х годов XX века, появляется новый элемент в многоплановой миротворческой деятельности ООН – миростроительство. Основная цель миростроительств в ряде документов ООН называется как создание самоподдерживающихся механизмов для политического, экономического и социального функционирования государства в постконфликтный период.

В-третьих, обеспечение общественного порядка и безопасности включается в режим миростроительства, как необходимый гражданский и полицейский элемент для создания эффективной площадки функционирования административных структур в постконфликтной зоне.

Список литературы

1. Никитин А.И. Конфликты и миротворческая деятельность: типологизация, методологические аспекты. // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 4 (13). С. 234-244.

2. Снегина С.Н. Эволюция деятельности Организации Объединенных Наций по поддержанию международного мира и безопасности. … автореф.дисс.к.ю.н. Казань, 2006. – 26 с.

3. Atto R. From peacefulness to peacebuilding: role evolution Organizations deep preparation for operations in using the world // International Journal of the Red Cross Selected articles from the issue: «Multinational operations and the law» 2013. Vol. 95 (891/892). Pp. 3-27.

4. Тишков С.А. Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования. … автореф.дисс.к.полит.н. Орел, 2011. – 27 с.

Хоменко Н. А.[1]***,***
студент юридического факультета
Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева

Научный руководитель:
Чернядьева Н. А.,
профессор кафедры
государственно-правовых дисциплин
Крымского филиала
Российского государственного
университета правосудия имени В. М. Лебедева,
доктор юридических наук, доцент

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И ИНТЕРПОЛА

International Criminal Police Organization – Interpol (Международная организация уголовной полиции – Интерпол) (далее – МОУП, Интерпол) – одна из старейших и влиятельнейших межправительственных организаций в мире. Организация была образована 07 сентября 1923г. и до 1956 г. называлась «Международная комиссия уголовной полиции» [1; 2], в организацию входит 196 стран [3].

Миссия организации заключается в содействии международному сотрудничеству между странами через Национальное центральное бюро Интерпола (далее – НЦБ) [4]. Интерпол обладает правосубъектностью, обособленной от правосубъектности государств-членов, и его деятельность регулируется международным правом [5, с. 130].

Основным документом, регулирующим деятельность Интерпол – является его учредительный документ – устав, вступивший в силу 13 июня 1956 года, в котором закреплены компетенции, цели и задачи организации структура, а также принципы международного сотрудничества в области борьбы с преступностью и другие базовые положения [4].

Также Интерпол использует и другие документы, регулирующие его деятельность, такие как:

1. Регламент Интерпола (Принятый одновременно с уставом организации, содержащий процедурные нормы).

2. Резолюции Генеральной Ассамблеи Интерпола (далее – Генассамблея Интерпола), бывают обязательного [6] и рекомендательного [7] характера. Первые касаются вопросов функционирования организации, вторые – отдельных направлений международного сотрудничества.

---

[1] © Хоменко Н. А., 2025.

3. Служебные стандарты Интерпола. Например, Служебные стандарты Национальных центральных бюро Интерпола, утвержденные на 73 сессии Генассамблеи [8].

4. Правила Интерпола. К примеру, Правила организации контроля за информацией и обеспечением доступа к архивам Интерпола, утвержденные Резолюцией Генеральной Ассамблеи Интерпола AG-2004-RES-08 2005 года [9].

Также деятельность Интерпола регулируется Нормативно-правовыми актами (далее - НПА) стран. Так, например, деятельность НЦБ Интерпола в Российской Федерации, регулируется, Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, Приказом МВД России от 31.03.2012 № 305 "Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации"[10].

7 апреля 1990 года Совет Министров СССР издал постановление № 338, которым было принято решение о вступлении Советского Союза в Интерпол [11]. 27 сентября 1990 г. на 59-й сессии Генеральной ассамблей Интерпола СССР был принят в члены Интерпола. С 1 января 1991 г. в структуре МВД СССР начало действовать НЦБ Интерпола [12].

Первым начальником НЦБ Интерпола стал первый заместитель Министра внутренних дел СССР генерал-полковник внутренней службы Трушин Василий Петрович [13].

Статус бюро определен Указом Президента РФ от 30 июля 1996 года № 1113 "Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции - Интерпола", в котором говорится, что НЦБ является структурным подразделением МВД РФ – органом по сотрудничеству правоохранительных и иных государственных органов РФ с правоохранительными органами иностранных государств-участников Интерпола и генеральным секретариатом организации [14].

Правительство РФ конкретизировало статус НЦБ. Согласно соответствующему постановлению, оно является подразделением криминальной полиции, входящим в состав центрального аппарата МВД России [15].

Фактически наше сотрудничество в рамках Интерпола началось лишь через пять лет, после Указа Президента № 1113, конкретизировавшего статус Национального центрального бюро.

Несмотря на то, что Россия сравнительно недавно вошла в полицейский Международный союз, ее Центральное бюро занимает одно из первых мест в мире по технической оснащенности. НЦБ РФ одной из первых установила у себя систему I-24/7 – «Интерпол, действующий 24 часа в сутки 7 дней в неделю» [16]. Благодаря чему может оперативно передавать информацию в полицию любой страны.

Главные задачи НЦБ – обеспечение эффективного международного обмена информацией об уголовных преступлениях; оказание содействия в выполнении запросов международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами РФ; осуществление наблюдения за исполнением международных

договоров по вопросам борьбы с преступностью, участником которых является Россия [15].

Сейчас по каналам Интерпола разыскиваются свыше 6 тысяч обвиняемых, из них по инициативе России – 3176 человек [17]. Например, Российской Федерацией разыскиваются:

- Мерзоев Адам, 25.01.2005 г.р., уроженец Республики Ингушетия, который обвинен в «участии в деятельности незаконного вооруженного формирования, участие в деятельности террористической организации»;

- Бабаева Диана, 04.06.1996 г.р. уроженка Республики Азербайджан обвинена в «участие в деятельности террористической организации; участие в незаконном вооруженном формировании».

Сотрудничество в основном происходит через экстрадицию. Экстрадиция в международном праве – один из важнейших и древнейших институтов [18, с. 119].

Экстрадиция – основанная на нормах международного права и национальном законодательстве юридическая процедура, состоящая в процессе доставки лица, совершившего преступление, под юрисдикцию запрашивающего государства для целей привлечения его к уголовной ответственности или исполнения наказания [19].

Согласно «Большому юридическому словарю»: Экстрадиция (от лат. extraditio) – выдача одним государством другому лица для привлечения к уголовной ответственности. Современные конституции и законы, как правило, безоговорочно запрещают выдачу своих граждан иностранному государству (напр., Конституция РФ в п. 1 ст. 61). Выдача иностранных граждан и лиц без гражданства допускается обычно только в случаях, предусмотренных международным договором, связывающим соответствующие государства. Согласно общепризнанным принципам международного права Э. не допускается в те государства, где выдаваемому лицу может угрожать смертная казнь или применение пыток. В РФ (согласно п. 2 ст. 63 Конституции РФ) не допускается выдача другому государству лиц, преследуемых за политические убеждения, а также за действия (или бездействие), не признаваемые в РФ преступлением [20].

В Российской Федерации порядок осуществления экстрадиции регламентирован рядом нормативно-правовых актов, прежде всего Уголовно-процессуальным кодексом и Уголовным кодексом РФ, а также международными конвенциями, среди которых необходимо назвать:

1) «Европейскую конвенцию о выдаче» (1957 г.) и два дополнительных протокола к ней (1975 и 1978 гг.) (с изм. от 20.09.2012) (ратифицирована Российской Федерацией 25 октября 1999г. № 190-ФЗ) [21], участниками конвенции являются 46 государств;

2) Минскую конвенцию государств-участников СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (1993г.) [22];

3) Двусторонние соглашения о выдаче и правовой Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Греческой Республикой «О право-

вой помощи по гражданским и уголовным делам» – был подписан 21.05.1981г., вступил в силу 01.09.1982г. [23]

Приведем примеры ситуаций применения экстрадиции:

16.11.2016 года, сотрудниками НЦБ Интерпола МВД России обеспечена экстрадиция из Мадрида в Москву граждан России Манукяна Сергея Завеновича, 1962 г.р., обвиняемого в совершении мошенничества в особо крупном размере, и Кащука Михаила Михайловича, 1957 г.р., обвиняемого в совершении мошенничества в особо крупном размере и легализации денежных средств, полученных незаконным путем.

В феврале 2013 г. по инициативе УМВД России по Брянской области Манукян С.З. был объявлен в международный розыск по каналам Интерпола. В январе 2016 года обвиняемый был задержан на территории Королевства Испании, а в октябре компетентными органами Королевства Испания было принято решение об экстрадиции Манукяна С.З. в Россию.

В декабре 2010 г. по инициативе УМВД России по Брянской области Кащук М.М. был объявлен в международный розыск по каналам Интерпола. В феврале 2016 года обвиняемый был задержан на территории Королевства Испании, в октябре компетентными органами Королевства Испания было принято решение об экстрадиции Кащука М.М. в Россию [24].

В заключение, стоит отметить, что Интерпол играет важную роль в современном мире, содействуя международному сотрудничеству в борьбе с преступностью. Будучи одной из старейших межправительственных организаций, Интерпол обладает разветвленной структурой и опирается на обширную нормативно-правовую базу, регулирующую его деятельность.

Однако, несмотря на значительные достижения, существует проблема, требующая постоянного внимания: необходимость повышения эффективности международного обмена информацией и координации действий между различными национальными бюро. Скорость и оперативность в современном мире играют решающую роль в успехе борьбы с транснациональной преступностью.

Россия, являясь активным участником Интерпола, вносит существенный вклад в международные усилия по борьбе с преступностью, обеспечивая эффективный обмен информацией и оказывая содействие в выполнении запросов международных правоохранительных органов. Примеры успешных экстрадиций, таких как дела Манукяна и Кащука, свидетельствуют об эффективности работы Национального центрального бюро Интерпола МВД России и его сотрудничестве с зарубежными коллегами. В дальнейшем необходимо укреплять это сотрудничество и совершенствовать механизмы взаимодействия для достижения еще более значимых результатов в борьбе с преступностью.

Список литературы

1. Who we are: What is IN⁰TERPOL? Официальный сайт Интерпол URL: https://www.interpol.iN⁰t/Who-we-are/What-is-INTERPOL2 (дата обращения: 18.08.2025)

2. Who we are: Our history. Официальный сайт Интерпол URL: https://www.interpol.int/Who-we-are/Our-history (дата обращения: 19.08.2025)

3. Who we are: Member countries. Официальный сайт Интерпол. URL: https://www.interpol.int/Who-we-are/Member-countries (дата обращения: 19.08.2025)

4. Внешняя политика: Международные договоры: Многосторонние договоры. Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/51357/ (дата обращения 19.08.2025)

5. Семенков М.К. О правосубъектности международной организации уголовной полиции // Вестник Томского государственного университета № 356. 2012. С.130-131

6. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола № AG-2008-RES-08 «Создание подразделения компьютерного анализа». URL: http://www.interpol.int/public//ICP0/GeneralAssembly/Agn77/resolve/AGN77RES08.asp. (дата обращения: 19.08.2025).

7. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола №AG-2005-RES-10 «К вопросу о деятельности, ведущейся в сети Интернет, по поощрению терроризма». URL: http://www.interpol.int/public//ICP0/GeneralAssembly/Agn74/resolve/AGN77RES08.asp. (дата обращения: 19.08.2025).

8. Служебные стандарты Национальных центральных бюро Интерпола. URL: https://www.iterpol.it/ews-ad-Evets/Evets/2004/73rd-ITERPOL-General-Assembly (дата обращения 20.08.2025)

9. Резолюция Генеральной Ассамблеи Интерпола № AG-2004-RES-08. «Правила организации контроля за информацией и обеспечением доступа к архивам Интерпола». URL: https://www.interpol.int/content/download/6143/file/GA-2004-73-RES-08%20-%20Draft%20Rules%20relating%20to%20the%20CoNºtrol%20of%20Information%20aNºd%20Access%20to%20INTERPOL%27s%20Files.pdf (дата обращения: 22.08.2025)

10. Приказ МВД России от 31.03.2012 № 305 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации». Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/nacionalnoe_centralNºoe_bjuro_Interpola/Polozhenie_o_nacionalnom_centralnnom_bjur?ysclid=men6qs3w2v347712955 (дата обращения: 22.08.2025)

11. О вступлении СССР в Международную организацию уголовной полиции – Интерпол: Постановление Совета Министров СССР от 7 апреля 1990 г. № 338. Семерка. Российский правовой портал. URL: http://www.law7.ru/base29/part2/d29ru2445.htm (дата обращения: 22.08.2025).

12. Официальный сайт МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Iz_istorii_Interpola?ysclid=me№75b№0ee949348516 (дата обращения: 22.08.2025)

13. Официальный сайт МВД России по Республике Северная Осетия-Алания. URL: https://15.мвд.рф/gumvd/структура/управление-/отделение-национального-центрального-бюр/из-истории-нцб-интерпола (дата обращения 22.08.2025)

14. Указ Президента РФ от 30 июля 1996 года №1113 «Об участии Российской Федерации в деятельности Международной организации уголовной полиции - Интерпола» // СЗ РФ. 1996. № 32. Ст. 3895

15. Постановление Правительства РФ от 14 октября 1996 г. № 1190 «Об утверждении Положения о Национальном центральном бюро Интерпола» //СЗ РФ. 1996. № 43. Ст. 4916

16. Свободная Пресса. URL: https://svpressa.ru/post/article/99230/?ysclid=mepvbq9mmq726995106 (дата обращения 24.08.2025)

17. How we work. Notices Red. Notices View Red Notices. Официальный сайт Интерпола. URL: https://www.i№terpol.i№t/e№/How-we-work/№otices/Red-№otices/View-Red-№otices. (дата обращения 23.08.2025)

18. Плотников А. В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) // Вестник РУДН. Сер. №4 : Юридические науки. 2009. №4. С. 69-83

19. Вылегжанин А.Н. Международное право в 2 ч. Ч. 2: учебник для вузов / 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2021. Ст. 342.

20. Додонов В.Н. Большой юридический словарь. URL: https://juridical.slovaronline.com/6669-EKSTRADITSIYA (дата обращения 09.09.2025)

21. Европейская конвенция о выдаче 1957 года. СПС «Консультант Плюс».

22. Конвенция СНГ «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» от 22 января 1993 г // Бюллетень международных договоров, 1995г., №2

23. Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Греческой Республикой «О правовой помощи по гражданским и уголовным делам» // Сборник международных договоров СССР. XXXVIII. 1984. С.138-152.

24. Официальный сайт МВД России. URL: https://x№--b1aew.x№--p1ai/mvd/structure1/Upravlenija/nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpola/Publikacii_i_vistuplenija/item/8939082 (дата обращения 24.08.2025)

Хрупкова А. А.[1]***,***
заместитель командира взвода
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА УВАЖЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И ОСНОВНЫХ СВОБОД В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В настоящее время, когда общество и мир, в котором оно существует, становятся с каждым днем все более разнообразными и сложными, принцип уважения прав человека и основных свобод приобретает все большую актуальность для развития устойчивого социума. С одной стороны, международное сообщество делает все для создания единой системы гарантий прав и основных свобод для всех людей, а с другой – сталкивается с применением смертной казни, как высшей меры уголовного наказания за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь. В данной статье рассмотрим вопрос применения смертной казни и нарушает ли данное наказание принцип уважения прав человека и основных свобод.

Начнем с того, что данный принцип представляет собой совокупность неотъемлемых, неотчуждаемых и универсальных норм, гарантирующих человеку достойное существование. Каждый имеет право на жизнь, свободу, безопасность, справедливое судебное разбирательство, свободу выражения мнений, мирные собрания и ассоциацию, а также на другие права, которые обеспечивают свободное развитие личности и уважение к индивидуальности.

Принцип уважения прав человека и основных свобод имеет давние исторические корни, которые прослеживаются в концепциях естественного права и гуманизма эпохи Возрождения. Стоит отметить, что его современное понимание и осмысление сформировалось только после Второй мировой войны, когда международное сообщество осознало острую необходимость в создании правовых механизмов, которые будут способны предупреждать массовое нарушение прав человека и основных свобод.

Жизнь человека – это самое ценное, что у него есть, и отнять ее будет означать лишить его всех остальных прав и свобод. Поэтому право на жизнь является основным. Данное право закреплено не только в законодательстве боль-

[1] © Хрупкова А. А., 2025.

шинства государств, но и в ряде международно-правовых актов [7]. На государство возложена защита этого принципа, но оно и является главным его нарушителем, так как обладает монополией на легитимное насилие в лице армии и полиции. В примеры нарушений можно привести смертную казнь, которая является мерой наказания, узаконенной в различных странах, когда государство лишает жизни. Полицейское насилие, когда правоохранительные органы выходят за рамки гарантий личной безопасности сотрудников и защиты населения. Также войны и вооруженные конфликты являются нарушение права на жизнь со стороны государства, когда оно отправляет своих солдат на гибель и, что еще ужаснее, когда агрессии со стороны противника подвергаются мирные жители.

Перейдем к вопросу, можно ли смертную казнь считать гуманным наказанием? С точки зрения современного международного гуманитарного права и прав человека – нет, смертную казнь нельзя считать гуманной. Однако у этого утверждения есть как аргументы, подтверждающие, так и опровергающие его. Весомым доводом против применения смертной казни является ее необратимость и риск судебной ошибки. В настоящее время ни одну судебную систему нельзя назвать совершенной, поэтому такое наказание является непоправимой ошибкой без возможности ее исправления. Также стоит отметить, что одной из ключевых целей современной пенитенциарной системы является исправление преступника. Смертная казнь же полностью отрицает эту цель. В этом случае она выступает не наказанием, а актом возмездия за причиненное зло.

Контраргументом будет выступать утверждение о том, что смерть преступника – это акт справедливости и возмездия для жертв и общества в целом. Сторонники этой позиции считают, что для семьи погибшего в результате совершения в отношении него преступных действий и социума, потрясенного от случившегося, смертная казнь является формой восстановления справедливости и актом защиты их прав на безопасную жизнь.

При этом в научном сообществе не существует единого подхода к оценке смертной казни через призму принципа уважения прав человека.

Сторонники, выступающие за отмену, такие как известный итальянский юрист и правозащитник Антонио Кассезе, утверждали, что право на жизнь является абсолютным и не подлежит ограничению, даже волей большинства. Кассезе, бывший председатель Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, подчеркивал, что современное международное право движется в сторону признания смертной казни формой бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, что запрещено всеми основными международными конвенциями. Он указывал, что государство, применяя смертную казнь, опускается до уровня преступника, легитимизируя убийство как инструмент власти, что подрывает саму моральную основу правового государства [3].

Американский философ и правовед Рональд Дворкин в своей работе о правах как «козырях» против политики большинства аргументов, что фундаментальные права, включая право на жизнь, не могут быть принесены в жертву утилитарным соображениям о потенциальной пользе для общества. Таким образом, даже если бы смертная казнь имела сдерживающий эффект, это не

оправдывало бы ее применения, так как она грубо попирает основополагающие право индивида [2].

С другой стороны, ряд ученых, например, Эрнест ванд ен Хааг, американский профессор юрисдикции и психологии, в своих работах настаивал на моральной оправданности смертной казни за особо тяжкие преступления. Он полагал, что казнь является не просто актом возмездия, но публичным утверждением морального порядка и абсолютной ценности невинной человеческой жизни. По его мнению, отказ применить высшую меру наказания за умышленное лишение жизни другого человека может быть расценен как недооценка тяжести преступления и страданий жертвы [5].

В российской правовой науке также присутствует дискуссия. Так, С.В. Бошно, анализируя соотношение национального и международного права, указывает на примат государственного суверенитета в вопросах установления наказаний. С этой точки зрения, решение о применении смертной казни является прерогативой государства, если оно не взяло на себя четкие международные обязательства по ее отмене [1]. Однако другие отечественные ученые, например, И.И. Лукашук, подчеркивали, что формирование императивной нормы международного права, запрещающей смертную казнь, является объективным процессов, и государствам рано или поздно придется привести свое законодательство в соответствии с этими новыми стандартам [4].

Таким образом, анализ мнений ведущих правоведов демонстрирует глубокий раскол в оценке смертной казни. С одной стороны, она рассматривается как несовместимый с правами человека пережиток, а с другой – как легитимный инструмент возмездия и защиты общества. Однако общемировой тренд в международном праве, подкрепляемый позицией большинства современных теоретиков права, однозначно смещается в сторону признания смертной казни негуманным наказанием и полной ее отмены.

Список литературы

1. Бошно С.В. Соотношение национального и международного права в вопросах установления наказаний / С.В. Бошно // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 112-119.

2. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. – Москва: РОССПЭН, 2004. – 584 с.

3. Кассезе А. Международное уголовное право / А. Кассезе. – Москва: ЮрлитИнформ, 2005. – 940 с.

4. Лукашук И.И. Международное право. Общая часть / И.И. Лукашук. – Москва: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.

5. Хааг Э. ван ден. Смертная казнь: за / Э. ван ден Хааг, Дж. П. Конрад. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 2007. – 480 с.

6. Мутагиров Д.З. Является ли смертная казнь нарушением права человека на жизнь? // ПОЛИТЭКС. – 2005. – №. 2.

7. Семенов И.С. Смертная казнь и право на жизнь // Международное право. 2009. – №. 3. – С. 264-279.

***Чемис Е. Д.*[1],**
заместитель командира взвода
международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя

Научный руководитель:
Харламов С. О.,
начальник кафедры
конституционного и муниципального права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПАТТЕРНЫ ВЫНУЖДЕННОЙ МИГРАЦИИ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Паттерны вынужденной миграции представляют собой многогранное и динамичное явление, коренящееся в комплексном взаимодействии политических, экономических, экологических и социальных факторов. Научный анализ вынужденной миграции требует тщательного рассмотрения как макроуровневых процессов – трансформации государств, изменения международных отношений и экономической глобализации, так и микроуровневых механизмов, обусловленных индивидуальными стратегиями выживания и адаптации. Складывающиеся паттерны миграционных потоков варьируются от массовых перемещений беженцев вследствие вооруженных конфликтов до медленных, но не менее значимых миграционных волн, вызванных деградацией природных ресурсов и усилением климатических потрясений. В данном контексте на первый план выходит необходимость описания взаимосвязей между причинами вынужденной миграции и их непосредственными последствиями для мигрантов, принимающих сообществ и обществ исходных территорий.

Одним из ключевых двигателей вынужденной миграции являются вооруженные конфликты. Исторические примеры показывают, что эскалация насилия в различных регионах мира ведет к резкому росту числа беженцев и внутренне перемещенных лиц [1, с. 70]. При этом интенсивность миграции напрямую коррелирует с масштабом разрушений инфраструктуры, уровнем гуманитарного кризиса и длительностью конфликта. В условиях военных действий люди оказываются вынужденными покидать привычные места жительства, теряя доступ к базовым услугам, лекарствам и средствам к существованию. Научные исследования демонстрируют, что в странах с длительным внутренним конфликтом многие семьи формируют стратегию поочередного перемещения, стремясь обеспечить уязвимым группам, таким как женщины и дети, базовую безопасность. Более того, миграционные коридоры

[1] © Чемис Е. Д., 2025.

часто организуются через негосударственные сети и международные гуманитарные организации, что создает дополнительный уровень взаимодействия между различными акторами на международной арене.

Экологические и климатические изменения становятся вторым по значимости фактором, стимулирующим вынужденную миграцию. Ужесточение засух, наводнения, повышение температуры и другие проявления климатического кризиса делают некоторые регионы непригодными для традиционного сельского хозяйства, снижая продовольственную безопасность. Полезным примером служит ситуация в некоторых частях Африки, где в результате постепенного опустынивания жители вынуждены покидать свои общины в поисках более плодородных земель. В то же время в прибрежных зонах подъем уровня моря ведет к затоплению прибрежных поселков, создавая постоянную динамику миграционных потоков вглубь материка. Исследования показывают, что в таких обстоятельствах люди чаще всего мигрируют не на тысячи километров, а в пределах региональных центров, что создает дополнительное давление на инфраструктуру и социальные услуги принимающих регионов.

Социально-экономические причини вынужденной миграции включают бедность, безработицу и неравномерное развитие регионов. Растущие экономические дисбалансы между благополучными городами и сельскими территориями, ускоренная урбанизация и ограниченный доступ к рынку труда создают миграционные потоки, на первый взгляд имеющие экономический характер, однако в условиях хронической нищеты эти потоки становятся вынужденными [2, с. 9]. Люди мигрируют в города, лишенные достаточных ресурсов, сталкиваясь со сложностями социальной интеграции, высоким уровнем безработицы и дискриминацией. С научной точки зрения это явление представляет собой вынужденную миграцию по сочетанию экономических и социальных мотивов, когда выбор между крайне неблагоприятными альтернативами приводит к перемещению.

Политические репрессии и нарушение прав человека формируют особую категорию принудительной миграции, где субъекты права лишаются элементарных гарантий и вынуждены искать убежище в других странах. Режимы с авторитарными тенденциями используют репрессивный аппарат для подавления инакомыслия, что влечет за собой массовые аресты, пытки и исчезновения людей. В такой ситуации миграция становится не просто стратегией улучшения уровня жизни, но вопросом личной безопасности и сохранения жизни. Международное сообщество реагирует на этот вызов через институты предоставления статуса беженца, но бюрократические барьеры и политические интересы часто сдерживают своевременную помощь [3].

Рассмотрение последствий вынужденной миграции на индивидуальном уровне показывает, что мигранты сталкиваются с многослойными рисками: от физического и психологического насилия во время перемещения до дискриминации и сложностей с признанием квалификации в принимающей стране. Травматический опыт утраты дома и неопределенность будущего нередко приводят к росту депрессии, посттравматического стрессового расстройства и дру-

гих психических нарушений. В то же время адаптация в новой социальной среде требует от мигрантов высокой гибкости и способности к культурному переключению, что нередко осложняется языковыми барьерами и отсутствием социальных связей.

На уровне приемных сообществ миграционные волны вызывают необходимость перестройки инфраструктуры, переосмысления социальных услуг и изменения политики занятости. Столкнувшись с внезапным притоком вынужденных мигрантов, города и регионы должны срочно находить ресурсы для размещения, обеспечения медицинского обслуживания, обучения в школах и интеграционных программ. Научные исследования свидетельствуют о том, что успешная интеграция зависит от комплексного подхода, включающего обучение языку, учет культурных особенностей и создание условий для профессиональной самореализации мигрантов. В противном случае растет риск социальной изоляции и возникновения напряженности между коренным населением и приезжими [5].

Экономические последствия для стран исхода также разнообразны. С одной стороны, отток рабочей силы может ослабить экономику через нехватку квалифицированных кадров, снижение производительности и уменьшение налоговых поступлений. С другой стороны, диаспоры, поддерживающие связи с родными регионами, способны направлять денежные переводы, стимулируя предпринимательство и создавая социальные сети, которые приносят благоустроительные проекты и инвестиции. Таким образом, сама природа вынужденной миграции демонстрирует двойственный эффект: мигранты одновременно выступают «утечкой мозгов» и источником денежных потоков, что требует тонкой настройки политики исходных государств.

На международном уровне вынужденная миграция стимулирует пересмотр подходов к глобальному управлению миграционными процессами. Вызовы вынужденной миграции требуют сотрудничества стран-донора, стран транзита и стран назначения, а также участия международных организаций и неправительственных фондов [4, с. 48]. Интеграция гуманитарной помощи и долгосрочных программ развития становится ключевым элементом в борьбе с причинами миграции и смягчении последствий. Программы устойчивого развития и климатического финансирования призваны помочь сообществам адаптироваться к изменениям и снизить давление вынужденного перемещения.

Подводя итоги, можно утверждать, что паттерны вынужденной миграции отражают сложность современного мира, где границы между внутренними и международными, экономическими и политическими, временными и постоянными перемещениями становятся все более размытыми. Комплексный научный подход к анализу этих явлений помогает понять не только механизмы причин и следствий, но и разработать эффективно сбалансированные стратегии вмешательства. В этом контексте дальнейшие исследования должны сосредоточиться на междисциплинарных методах, объединяющих политологию, экономику, климатологию, социологию и психологию, что позволит точнее прогнозировать миграционные потоки и разрабатывать адекватные ответные меры.

Список литературы

1. Андрейцо С. Ю. Проблемы реализации миграционной политики в России: права человека, трудовая, вынужденная незаконная миграция // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2022. – № 2 (55). – С. 69–72.

2. Булатов Р. Б., Андрейцо С. Ю. Реализация прав иностранных граждан в России: вынужденная миграция, административная ответственность // Миграционное право. – 2021. – № 1. – С. 7–10.

3. «Миграция, вынужденная миграция и безгражданство»: пособие по вопросам беженцев / А. В. Селиванов [и др.] – Минск: Четыре четверти, 2020. – 200 с.

4. Петровская М. И. Содержание государственного управления в сфере вынужденной миграции в России: административно-правовой аспект // Юрист. – 2021. – № 1. – С. 44–53.

5. Суворова В. А. Политико-правовое обеспечение соблюдения прав вынужденных мигрантов: соотношение международных и российских норм. – Москва: Государственный университет управления, 2021. – 107 с.

Чулкова М. Р.*[1]*,
преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

Петухова А. Р.*[2]*,
студент Юридического факультета
имени М. М. Сперанского
Института права и национальной безопасности
Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Проблема защиты ограниченных или нарушенных прав, интересов и свобод человека и гражданина всегда являлась приоритетным направлением в деятельности государств, в том числе деятельности правоохранительных органов. Международное сотрудничество как один из элементов международных отношений является необходимой мерой обеспечения безопасности населения в мировом масштабе. Безусловно, особое место в обеспечении национального и международного правопорядка отводится органам внутренних дел, которые, в первую очередь, призваны бороться с преступностью на различных уровнях. Необходимо отметить, что как национальный, так и международный правопорядок основывается на верховенстве права, и, соответственно, на беспрекословном соблюдении норм международного права и национального законодательства [1, с. 120].

В настоящее время возрастает актуальность межгосударственного сотрудничества в целях борьбы с международной преступностью. Помимо общих причин экономического, социально-семейного, политического характера следует выделить, в первую очередь, динамичный рост инновационных технологий и цифровизацию общественных отношений в целом. Так, например, разработка новых схем и способов облегчает денежные переводы и трансакции в любую точку мира за считанные секунды, что упрощает отмывание денег в любой сфере. Здесь следует также обратить внимание на высокий уровень финансовой подготовки и материального обеспечения. Нередко, уровень технического оснащения преступных групп выше, чем у сотрудников правоохранительных органов [2, с. 41-42].

---

[1] © Чулкова М. Р., 2025.
[2] © Петухова А. Р., 2025.

Во-вторых, отметим, что развитие международных торговых связей способствует беспрепятственному и быстрому перемещению товаров и людей, что так же затрудняет своевременный поиск преступных групп. В-третьих, это изощренность способов совершения преступных деяний; а также появление новых видов таких, как киберпреступления, преступления в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Одной из причин международной преступности и одновременно главной проблемой международного сотрудничества является отсутствие координации между правоохранительными органами различных государств в рамках одних и тех же задач. Слабый контроль со стороны различных ведомств также является причиной нарушения и дестабилизации международного правопорядка. Высокая организованность преступных сообществ, распределение ролей и полномочий не позволяет просчитать следующий шаг при планировании и совершении преступных деяний, что затрудняет своевременное реагирование правоохранительных органов на данные деяния.

В настоящее время одной из серьезных проблем, препятствующих организации международного сотрудничества и реализации межгосударственных связей, является проведение «санкционной политики» в отношении Российской Федерации странами Европейского Союза и США [2, с. 41-42]. Поэтому сейчас самым приоритетным направлением правоохранительных органов является укрепление и поддержание взаимодействия с другими странами по вопросам обеспечения международной безопасности.

В научной литературе под международным сотрудничеством принято понимать согласованную деятельность и взаимопомощь заинтересованных государств в целях предупреждения и пресечения международных преступлений, поиска и ликвидации преступных группировок, а также осуществления превентивных мер по поддержанию международного правопорядка, мира и безопасности на основании норм и принципов международного права и национального законодательства [3, с. 102]. Несомненно, эффективное и комплексное использование международного опыта и связей необходимо для совершенствования государственной политики в области пресечения преступности, и, соответственно, обеспечения международной безопасности.

Как было уже отмечено, правовую основу международного сотрудничества правоохранительных органов составляют нормы и принципы международного и национального законодательства в части защиты прав человека и обеспечения международной безопасности. Первоочередное место в системе источников международных стандартов обеспечения прав и свобод человека занимает Всеобщая декларация прав человека 1948 года, которая провозглашает человека и его права высшей ценностью человечества [4, с. 50]. Устав ООН свидетельствует об основополагающей значимости международного мира и безопасности, мирного разрешения международных споров. В свою очередь принцип Венской Конвенции о праве международных договоров 1969 г. «О добросовестном выполнении международных обязательств» служит критерием правового опреде-

ления законности в деятельности государств в международных и во внутригосударственных отношениях. [1, с. 121-122].

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года охватывает практически весь спектр гражданских и политических прав и свобод. Вместе с тем необходимо включить в этот список Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. Отметим, что правовую основу совместной деятельности государств по противодействию преступности составляют различные международные договоры [2, с. 40]. А основополагающие нормы в источниках международного права нашли отражение в нормах национального права.

Так, рассматривая нормы национального законодательства, безусловно остановимся на Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, которая также провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства в соответствии со статьей 2 Конституции РФ. Представляется, что государство в лице правоохранительных органов, в том числе органов внутренних дел, обязано обеспечивать функцию защиты населения от внешних угроз, неправомерных посягательств на человека и его свободу.

Более подробные полномочия деятельности сотрудников ОВД отражены в Федеральном законе «О полиции» от 7 февраля 2011 № 3 – фз, нормы которого определяют назначение, принципы и основные направления деятельности полиции, такие как, 1) защита личности, общества, государства от противоправных посягательств; 2) предупреждение и пресечение преступлений и административных правонарушений; 3) выявление и раскрытие преступлений; и другие. В настоящее время руководство МВД Росси особое внимание уделяет вопросам укрепления международного взаимодействия, развития новых способов быстрого и эффективного обмена информацией, а также совершенствования деятельности органов внутренних дел в пресечении международной преступности [2, с. 43].

Общеизвестно, что в систему субъектов международного сотрудничества входят, во-первых, международные организации, а, во-вторых, национальные правоохранительные органы, ведомства и учреждения [3, с. 102]. Поэтому следует сделать вывод, что международное сотрудничество осуществляется на двух уровнях одновременно, что в совокупности позволяет максимально эффективно и оперативно осуществлять межгосударственные функции органов внутренних дел в борьбе с преступностью в мировом масштабе.

Центральным структурным элементом международного сотрудничества в правоохранительной сфере является участие Международной организации уголовной полиции – Интерпола, действующего на основании Устава 1956 года. На сегодняшний день это крупнейшая после Организации Объединенных Наций международная межправительственная организация, объединяющая 190 государств [5, с. 25-26]. Целью создания Интерпола является, во-первых, обес-

печение широкого взаимодействия всех органов (учреждений) уголовной полиции в рамках существующего законодательства страны и в духе Всеобщей Декларации прав человека; а во-вторых, создание и развитие учреждений, которые могут успешно способствовать предупреждению уголовной преступности и борьбе с ней. К наиболее распространенным формам межгосударственного взаимодействия в рамках деятельности Национального Центрального Бюро Интерпола относят обмен сведениями и оперативно значимой информацией; исполнение запросов и ведение учета и баз данных [5, с. 25-26].

В заключение отметим, что деятельность органов внутренних дел многогранна и масштабна; имеет усложненную структуру взаимодействия и контроля. Международное сотрудничество органов внутренних дел осуществляется на основании принципов и норм международного права, а также норм национального законодательства, где признается только верховенство закона, а человек, его права и свободы – высшей ценностью. Благодаря своевременному реагированию правоохранительных органов и межгосударственных ведомств можно добиться снижения уровня международной преступности и обеспечить максимально комфортные условия для реализации своих прав и свобод. В современных условиях особенно важно сохранять, укреплять и развивать внутригосударственные и внешнеполитические связи.

Список литературы

1. Саркисов, О.Р. Международное сотрудничество органов внутренних дел: правовое регулирование, практика взаимодействия / О.Р. Саркисов // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 3. – С. 120-123.

2. Котляров, И.И. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России / И.И. Котляров, Ю.В. Пузырева // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3(99). – С. 37-57.

3. Кобец, П.Н. Основы международного сотрудничества правоохранительных органов Российской Федерации по предупреждению преступности / П.Н. Кобец // Инновационная наука. – 2016. – № 8-3. – С. 102-104.

4. Середа, Р.А. Совершенствование международного сотрудничества в рамках международной организации уголовной полиции Интерпол в условиях цифровизации / Р.А. Середа, А.А. Жалова // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2023. – № 2(46). – С. 49-54.

5. Литвинова, Ю.И. Проблемы и перспективы международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации / Ю.И. Литвинова, Е.К. Обринская // Юристъ-Правоведъ. – 2020. – № 3(94). – С. 22-27.

***Шайдаев М. Ш.*[1],**
ведущий научный сотрудник
Центра сопровождения научно-исследовательских
и опытно-конструкторских работ
в области информационных технологий
Научно-исследовательского института специальной техники,
ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
кандидат юридических наук

КИБЕРБЕЗОПАСНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Основной организацией, координирующей усилия государств по осуществлению мероприятий в области обеспечения международной информационной безопасности (МИБ) и борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий, является Организация объединенных наций (ООН).

Одной из важнейших основ международной информационной безопасности является свод из 13 международных правил, норм и принципов ответственного поведения государств, рекомендованный Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/73/27 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности», принятой 11 декабря 2018 г. [1, с. 7]

Согласно документам ООН международная информационная безопасность – это состояние международных отношений, исключающее нарушение мировой стабильности и создание угрозы безопасности государств и мирового сообщества в информационном пространстве [2]. Рассматривается МИБ и как защищенность глобальной информационной системы от так называемой «триады угроз» – террористических, преступных и военно-политических.

В соответствии с основами государственной политики Российской Федерации международная информационная безопасность представляет собой такое состояние глобального информационного пространства, при котором на основе общепризнанных принципов и норм международного права и на условиях равноправного партнерства обеспечивается поддержание международного мира, безопасности и стабильности [3].

Угрозы международной информационной безопасности связываются с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в различных сферах и с различными целями:

– в военно-политической и иных сферах в целях подрыва суверенитета, нарушения территориальной целостности государства, осуществления в глобальном информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира, безопасности и стабильности;

– в террористических и экстремистских целях, в том числе для пропаганды терроризма и экстремизма, привлечения к террористической и экстремистской

[1] © Шайдаев М. Ш., 2025.

деятельности новых сторонников, а также для вмешательства во внутренние дела суверенных государств;

– в преступных целях, в том числе для совершения преступлений в сфере компьютерной информации, а также для совершения различных видов мошенничества;

– для проведения компьютерных атак на информационные ресурсы государства, в том числе на критическую информационную инфраструктуру [3].

Исходя из перечисленных угроз, важной составляющей для поддержания МИБ является обеспечение кибербезопасности.

Как основа международной безопасности в условиях роста киберугроз и цифровизации роль кибербезопасности заключается в обеспечении защиты данных и инфраструктуры от несанкционированного доступа, кибератак и уязвимостей. Это требует комплексного подхода, который включает нормативно-правовое регулирование, стратегии государств и международных организаций, использование технологий и развитие образования.

Необходимым условием поддержания международной информационной безопасности является расширение сферы международного сотрудничества в области кибербезопасности, которое, как отмечают специалисты, должно предусматривать следующие направления:

– развитие глобальных стандартов и нормативов – это поможет странам координировать усилия по защите критически важных объектов;

– усиление обмена информацией и разведывательными данными – своевременное получение данных о новых видах угроз позволяет более эффективно разрабатывать стратегии защиты;

– развитие образовательных программ и научных исследований – подготовка квалифицированных специалистов в области кибербезопасности, разработка новых методов защиты информации.

– Кибербезопасность в контексте международной информационной безопасности направлено на:

– противодействие угрозам стратегической стабильности в глобальной цифровой среде. Например, защита критически важной инфраструктуры, нарушение работы которой может негативно повлиять на национальную экономическую безопасность, здравоохранение, правопорядок;

– укрепление доверия в области использования информационных систем трансграничного характера и обеспечение безопасности единого информационного пространства;

– предотвращение межгосударственных конфликтов в глобальном информационном пространстве.

Таким образом, кибербезопасность специалистами рассматривается как комплекс организационных, программно-аппаратных и правовых мер, направленных на обеспечение конфиденциальности, целостности и доступности цифровых данных и инфраструктуры. В отличие от более широкого термина «информационная безопасность», кибербезопасность акцентирует внимание именно на электронной среде.

Обеспечение кибербезопасности должно основываться на общепринятых принципах, таких как:

– приоритет превентивных мер – проектирование систем кибербезопасности должна проводиться с учетом предотвращения возникновения угроз и минимизации рисков их реализации, что достигается за счет использования средств защиты, анализа уязвимостей, обучения пользователей.

– обеспечение обнаружения угроз и реагирования на них в случае, когда несмотря на превентивные меры, происходит проникновение угроз в систему, что требует разработку механизмов автоматического обнаружения инцидентов и быстрого реагирования на них т локализацию.

– обеспечение восстанавливаемости системы в случае успешной атаки или инцидента, что достигается за счет интеграции в системы кибербезопасности механизмов для восстановления работоспособности системы и ее компонентов, а также для сбора и анализа информации о событии и принятия мер для предотвращения повторного возникновения подобных угроз.

Среди вызовов и угроз, которые стоят на пути обеспечения кибербезопасности следует отметить:

– рост числа кибератак. Особую угрозу представляют кибератаки со стороны государственных хакерских групп в целях получения конфиденциальной информации или воздействия на критическую инфраструктуру. При этом рост количества потенциальных уязвимостей напрямую связано с увеличением числа подключенных устройств и объемов обрабатываемых данных;

– развитие методов киберпреступности, чему способствует ускоренное развитие современных информационных технологий, особенно искусственного интеллекта и машинного обучения и их использование для проведения сложных атак, отличающиеся сложностью в обнаружении и предотвращении;

– одновременно с этим быстрое развитие новых технологий, таких как интернет вещей (IoT), искусственный интеллект (AI) и блокчейн, сопровождается появлением новых уязвимостей и угроз, требующих постоянного обновления и адаптации мер безопасности;

– рост объема конфиденциальных данных, в том числе личной информации, финансовых данных и коммерческой тайны, что создает дополнительные трудности в обеспечении их защиты, а, следовательно, требует совершенствования средств и методов защиты;

– человеческий фактор, а именно недостаточная осведомленность среди пользователей и сотрудников о рисках и методах защиты, которая может привести к уязвимостям.

Ответ на возникающие вызовы и угрозы в контексте международной информационной безопасности требует консолидации усилий государств для обеспечения кибербезопасности, в том числе, по следующим направлениям:

– координация международных усилий по анализу угроз в области информационно-коммуникационных технологий. Например, в рамках Первого комитета Государственной Ассамблеи ООН проводится обсуждение глобальных международных процессов, что позволяет разрабатывать меры по укреплению

доверия и принципы ответственного поведения государств в цифровом пространстве;

– межгосударственный обмен информацией, в том числе на площадках международных организаций, о передовых практиках обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы государств;

– оказание международной помощи странам, ставшим жертвами информационных атак, чтобы смягчить последствия нарушения нормальной деятельности объектов критических инфраструктур государств;

Правовое основание для осуществления указанных мер, а также регулирования вопросов кибербезопасности и международной информационной безопасности стало формироваться с начала 2000 годов с принятием нормативных документов на уровне международных и региональных организаций. Первым международным договором, направленным на борьбу с преступлениями в киберпространстве, стала Конвенция Совета Европы о киберпреступности, принятая в Будапеште в 2001г. и установившая основные принципы и механизмы международного сотрудничества в этой сфере. Необходимость международного сотрудничества для противодействия киберпреступности и защиты критической информационной инфраструктуры закреплена в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 55/63 «Борьба с использованием информационных технологий в преступных целях» 2001 г. Кроме того значительную роль в правовой реализации кибербезопасности играют региональные организации. В частности, Европейский Союз активно разрабатывает и внедряет нормативные акты, направленные на защиту информации и информационных систем, Одним из таких документов является Директива ЕС о безопасности сетей и информационных систем, которая устанавливает требования к обеспечению безопасности критической инфраструктуры и обязывает государства-члены ЕС принимать меры для защиты своих информационных систем [4, с. 25] Меры по обеспечению информационной безопасности государств-участников Шанхайской организацией сотрудничества обозначены в Соглашении о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, принятой в 2010 году.

Практическая реализация положений принятых нормативно-правовых документов подтверждается многочисленными примерами успешного международного сотрудничества в сфере кибербезопасности. При участии Европейского агентства по кибербезопасности (ENISA), играющего ключевую роль в разработке рекомендаций и стратегий для стран-участниц, проведены операции, в результате которых удалось изобличить множество киберпреступников.

Благодаря сотрудничеству в правоохранительном сегменте как между государствами, так и с международными организациями у правоохранительных органов появилась возможность обмена разведывательной информацией в реальном времени, а также непосредственной координации деятельности по противодействию преступлениям в сфере ИКТ, проведению совместных ответных мер на кибератаки, в том числе совместные учения. Подобное сотрудниче-

ство осуществляется между ФБР и Интерполом в расследовании схем интернет-мошенничества, что позволило провести аресты киберпреступников в различных юрисдикциях.

Примером консолидации усилий по противодействию угрозам информационной безопасности и борьбы с преступлениями в сфере информационных технологий как на национальном, так и международном уровнях служит совместная деятельность государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности, принявших решение о проведении специальных операций под условным наименованием «ПРОКСИ» («Противодействие криминалу в сфере информации»), направленных на выявление и пресечение функционирования внутренних и внешних информационных ресурсов, созданных для нанесения ущерба национальной и коллективной безопасности [5, с. 269].

Эффективность международного сотрудничества в борьбе с киберпреступностью продемонстрировала совместная операция нескольких стран, включая Нидерланды, Германию и Великобританию, вместе с Europol и Eurojust, по ликвидации инфраструктуры EMOTET в январе 2021 года.

Наряду с принимаемыми правовыми и организационными мерами в обеспечении кибербезопасности следует признать, что ключевая роль принадлежит современным информационным технологиям, на основе которых создаются системы защиты от кибератак и реагирования на киберугрозы. Так, алгоритмы искусственного интеллекта, способного анализировать большие данные, обнаруживать аномалии в поведении системы и выявлять необычное поведение пользователей, может автоматически идентифицировать потенциальные угрозы, улучшая скорость и точность реагирования, а также прогнозируя возможные сценарии развития кибератак.

Основанные на блокчейн-технологиях децентрализованные идентификаторы обеспечивают надежную аутентификацию и контроль доступа, создавая надежную систему хранения и передачи информации и предоставляя возможность пользователям самостоятельно управлять своими данными, что уменьшает риск утечек и атак на централизованные базы данных.

Значительное повышение уровня безопасности достигается за счет использования биометрических данных, таких как отпечатки пальцев, распознавание лиц и радужной оболочки глаза, для аутентификации пользователей.

Адаптироваться к изменяющимся угрозам позволяют облачные решения безопасности, обеспечивающие мониторинг, анализ и управление инцидентами в реальном времени, что значительно повышает уровень защиты.

Многофакторная аутентификация, защищенные VPN и антивирусные программы давно уже используются для повышения уровня защиты личных данных, обеспечивая киберзащиту на уровне конечного пользователя.

В предсказании возможных кибератак путем оценки уязвимостей и тестирования систем безопасности используются методы моделирования и симуляции, на основе чего разрабатываются соответствующие меры защиты.

Совершенные системы шифрования, основанные на квантовой криптографии, обеспечивают надежную защиту от взлома, даже с применением суперкомпьютеров.

Подобные меры уже внедрены во многих странах, активно разрабатывающих и реализующих мероприятия по обеспечению кибербезопасности. Так, по данным на 2025 год хорошо развитая инфраструктура для предотвращения и реагирования на кибератаки, а также сильная законодательная база отмечается в США, где национальный институт стандартов и технологий (NIST) активно разрабатывает рекомендации по защите данных.

Благодаря высокой готовности к угрозам и значительным инвестициям Сингапур уже вошел в число мировых лидеров по уровню обеспечения кибербезопасности. В стране создана уникальная стратегия «Smart Nation», включающая элементы защиты критически важных данных.

Южная Корея отличается сильной инфраструктурой и высокой цифровой грамотностью населения. Как один из самых подключенных регионов к технологиям интернета вещей (IoT), созданию систем защиты в этой сфере уделено самое повышенное внимание.

Одним из центров мирового кибербезопасностного сообщества признается Израиль, благодаря развитию множества стартапов и инноваций в этой сфере. В стране на регулярной основе на уровне национальной стратегии проводятся тренировки по кибербезопасности.

Эффективная стратегия кибербезопасности принята в Канаде, которая направлена на подготовку специалистов и повышение осведомленности среди граждан, а также налаживание сотрудничества с международными организациями.

Успешная интеграция искусственного интеллекта и машинного обучения в меры безопасности получило развитие в Японии, усилия специалистов в которой сосредоточены на разработке программ кибербезопасности по защите критической инфраструктуры и данных крупных компаний.

Своей надежной системой защиты данных и строгими законами о конфиденциальности известна Швейцария, активно поддерживающая развитие технологий безопасности для финансового сектора.

В Российской Федерации реализуется федеральный проект «Инфраструктура кибербезопасности», в рамках которого проводится независимый анализ защищенности государственных информационных систем. В стране созданы Отраслевой центр государственной системы обнаружения и противодействия компьютерным атакам, Национальный удостоверяющий центр для выдачи российских сертификатов безопасности, Центр кибербезопасности по компьютерным инцидентам, Центр проверки мобильных и веб-приложений.

В части касающейся российского рынка кибербезопасности, то он переживает в настоящее время стремительную трансформацию, обусловленную интенсивной цифровизацией критически важных отраслей, усилением киберугроз, вынужденной технологической автономностью, импортозамещением. В целом на рынке развиваются как новые продукты и услуги, связанные с облачными

сервисами и нейросетями, так и традиционные, вроде антивирусов и ИБ-аудита [6].

Таким образом, в условиях глобализации и цифровой трансформации кибербезопасность становится ключевым элементом национальной и международной информационной безопасности. Для ее обеспечения необходимо как развитие международного сотрудничества в целях создания единого международного правового пространства, регулирующего вопросы международной информационной безопасности, так и создание новейших технологический решений на основе современных информационно-коммуникационных технологий и искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Ромашкина Н.П., Марков А.С., Стефанович Д.В., Международная безопасность, стртегическая стабильность и информационные технологии / Отв. ред. – А.В Загорский, Н.П. Ромашкина. – М.: ИМЭМО РАН. – 2020. – 98с.

2. Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция). URL: http://www.scrf.gov.ru/documents/6/ 12.html.

3. Указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 «Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности». URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/46614.

4. Сангаджиев Б.Д., Сангаджиева К.В. Международно-правовые основы обеспечения информационной безопасности // Образование и право. – М.: Юркомпани. – 2024. – № 8. – С. 24-27.

5. Шайдаев М.Ш. Роль и место Организации Договора о коллективной безопасности в сфере противодействия современным киберугрозам // Сборник научных трудов Международной практической конференции. М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. – 2024. – С. 268 – 273.

6. Кибербезопасность на пике спроса: что движет отраслью в 2024-2025 годах. URL: https:// www.anti-malware/ru/analytics/Technjljgy_Analysis/Cybersecurity-market-trends-2024-2025.

***Шарипова А. Р.*[1],**
преподаватель кафедры
профессиональной подготовки
Уфимского института МВД России

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Экстремизм и терроризм представляют собой одни из наиболее опасных вызовов современного мира. Их транснациональный характер, высокий уровень организованности, использование новейших технологий при совершении преступлений обуславливает необходимость борьбы с ними при участии международного сообщества в целом. Масштаб террористических угроз демонстрирует невозможность эффективного решения проблемы исключительно на национальном уровне. Именно поэтому международное сотрудничество в противодействии экстремизму и терроризму является важным условием обеспечения глобальной и региональной безопасности. Борьба с указанными явлениями включает как правовые, так и организационные мероприятия, в том числе разработку международных актов, заключение двусторонних и многосторонних соглашений, координацию действий правоохранительных органов, обмен розыскной информацией и проведение совместных операций.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ правовых и организационных основ международного сотрудничества в противодействии экстремизму и терроризму, а также выявлении актуальных проблем и направлений их разрешения.

Международное сообщество на протяжении десятилетий участвует в разработке правовых норм, направленных на пресечение террористической и экстремистской деятельности. Важнейшим документом в этой области является Устав ООН, закрепляющий обязанность государств поддерживать международный мир и безопасность. Уже в резолюциях Совета Безопасности ООН 1990-х годов были сформулированы ключевые подходы к противодействию терроризму.

После событий 11 сентября 2001 года в США международное сотрудничество приобрело новый импульс. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1373 (2001), которая стала своего рода универсальной «антитеррористической конституцией». Данным документом на государства-члены ООН были возложены обязательные к исполнению меры, направленные на предупреждение и пресечение терроризма. К ним, в частности, относятся: недопущение финансирования террористических актов и криминализация умышленного сбора средств для этих целей. Кроме того, резолюция провозгласила обязанность стран заблаговременно информировать друг друга о готовящихся терактах, а также содействовать сотрудничеству в области уголовного преследования и обмена оперативными данными. Для контроля за выполнением этих предписа-

[1] © Шарипова А. Р., 2025.

ний был создан Контртеррористический комитет (КТК) при СБ ООН. Его задача – координировать усилия государств на национальном и международном уровнях, используя экспертные оценки. Государствам также вменялось в обязанность ужесточить контроль за финансовыми потоками террористов, наладить обмен информацией и предотвращать предоставление убежища террористам. Таким образом, деятельность КТК нацелена на формирование комплексной стратегии противодействия терроризму [3, с. 33].

Помимо универсального уровня, важную роль играет региональное сотрудничество. Так, в рамках Совета Европы действует Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (СДСЕ 198, 2005 г.), В СНГ принят ряд соглашений о совместной борьбе с терроризмом, действуют антитеррористические структуры ШОС и ОДКБ.

Значительную роль в формировании правовых стандартов противодействия терроризму играет прецедентная практика международных судебных органов. Ярким примером служит постановление Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Финогенов и другие против России», в котором был констатирован факт нарушения положений статьи 2 (право на жизнь) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Правовой оценке подверглись недостатки, допущенные на этапах планирования и реализации операции по освобождению заложников в театральном центре на Дубровке, выразившиеся, в частности, в несвоевременном и некомпетентном оказании медицинской помощи. При этом современный терроризм характеризуется стратегией, нацеленной на причинение вреда неопределенному кругу лиц и формированию в общественном сознании атмосферы страха. Наиболее ярким проявлением, отличающимся исключительной степенью жестокости, является террористический акт в Беслане. В своем вердикте от 13 апреля 2017 года по делу «Тагаева и другие против Россия» ЕСПЧ установил ответственность Российской Федерации за ряд нарушений, допущенных в ходе указанных событий. Таким образом, судебной практикой закрепляются конкретные стандарты в области защиты прав жертв террористических актов и организации антитеррористической деятельности [4, с. 67].

Не менее важна и российская судебная практика. Пленум Верховного Суда РФ в постановлении № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» дал разъяснения о квалификации экстремизма и связанных с ним преступлений, подчеркнув необходимость строгого разграничения экстремистских и террористических деяний. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 9 февраля 2012 года «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» дополнительно акцентировано внимание на вопросах доказывания умысла при совершении террористических актов и ответственности за подготовку таких преступлений.

В Определении от 25.09.2014 № 2055-О Конституционный суд РФ рассматривал вопрос о том, насколько уголовная ответственность за публичные призы-

вы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма (ст. 205.2 УК РФ) соотносится с конституционными свободами мысли, слова и совести (ст. 28, ч. 1, 3 - 5 ст. 29 Конституции РФ). Суд указал, что данная уголовно-правовая норма, введенная для выполнения международных договоров, преследует легитимную цель защиту общественной безопасности. Ее действие распространяется лишь на публичные призывы, при оценке публичности которых необходимо анализировать способ и контекст их распространения (Интернет, публичные мероприятия и т.д.). На этом основании КС РФ пришел к выводу о непротиворечии оспариваемого положения Конституции РФ [1, с. 11].

Таким образом, как международные, так и национальные судебные органы формируют важные стандарты, которые позволяют сочетать требования безопасности с защитой прав личности.

Международная кооперация против терроризма не ограничивается принятием конвенций и резолюций. Она предполагает активное взаимодействие государственных институтов.

1. Интерпол играет ключевую роль в обмене оперативной информацией, розыске подозреваемых и пресечении каналов финансирования терроризма.

2. Европол обеспечивает координацию действий правоохранительных органов государств Европейского союза. В его структуре функционирует Европейский центр по борьбе с терроризмом.

3. ФАТФ разрабатывает международные стандарты по предотвращению финансирования терроризма.

4. Региональные антитеррористические структуры (например, РАТС ШОС) проводят совместные операции и учения [2, с. 44].

Несмотря на наличие широкого комплекса правовых и организационных мер, международное сотрудничество сталкивается с рядом трудностей.

В настоящее время отсутствует универсальное определение терроризма, что создает серьезные сложности для унификации национальных норм и практики международного сотрудничества. Поэтому на международном уровне целесообразно разработать и принять всеобъемлющую конвенцию ООН о терроризме. Она должна содержать согласованное понятие терроризма, включающее указание на кибертерроризм и финансирование через криптовалюты, а также закрепить обязанности государств по криминализации террористической деятельности, регулированию вопросов правовой помощи, экстрадиции и обмена доказательствами. Такой документ обеспечил бы единый понятийный аппарат и устранил разногласия, препятствующие совместной работе государств.

На уровне национального законодательства Российской Федерации необходима корректировка статьи 205 УК РФ, которая регулирует ответственность за террористический акт. Действующая редакция не учитывает трансграничный характер терроризма и новые формы его проявления. Представляется целесообразным дополнить статью положениями о привлечении к ответственности за деяния, совершенные за пределами страны, если они направлены против интересов России или ее граждан. Кроме того, важно выделить кибертерроризм как

квалифицированный состав преступления, предусматривая ответственность за воздействие на критическую инфраструктуру или вмешательство в деятельность органов управления с использованием цифровых технологий. Особое внимание должно быть уделено и финансированию терроризма, в том числе через электронные платежные системы и криптовалюты, что требует отдельного упоминания в статье.

Не менее значимой является инициатива по созданию международной базы судебной практики по делам о терроризме. Сегодня подходы национальных судов и международных юрисдикционных органов существенно различаются, что снижает эффективность борьбы с преступлениями террористического характера. В этой связи необходимо сформировать единый международный правовой ресурс, куда государства будут передавать анонимизированные решения своих высших судов. Обобщенная практика могла бы стать основой для рекомендаций национальным судам и повысила бы единообразие правоприменения.

В российской судебной системе также назрела потребность в более активном учете практики ЕСПЧ. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, регулирующие вопросы квалификации террористических и экстремистских преступлений, требуют дополнения положениями о необходимости анализа международных стандартов защиты прав человека. Уместным было бы прямо закрепить обязанность судов мотивированно учитывать или, напротив, обосновывать отказ от применения подходов ЕСПЧ. Это обеспечит баланс между задачами безопасности и соблюдением конституционных прав личности.

Особое внимание следует уделить вопросам финансирования терроризма. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» недостаточно охватывает новые схемы, основанные на обороте криптовалют. В целях повышения прозрачности финансовых операций необходимо обязать операторов криптовалютных платформ предоставлять информацию о подозрительных транзакциях в Росфинмониторинг, а также предусмотреть уголовную ответственность за сознательное содействие переводу цифровых активов террористическим организациям.

Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» также требует развития в направлении профилактических мер. Его положения преимущественно сосредоточены на силовых механизмах, тогда как социально-образовательные программы представлены фрагментарно. Логично закрепить обязанность государственных органов разрабатывать программы по профилактике радикализации молодежи, а также создать единую базу данных лиц, прошедших дерадикализацию, что позволит оценивать эффективность подобных мер и предотвращать повторное вовлечение в экстремистскую деятельность.

Таким образом, предложения о совершенствовании законодательства должны охватывать как международный уровень – через принятие универсальной конвенции, так и национальный – путем корректировки уголовного законодательства, внесения изменений в федеральные законы, усиления учета судебной

практики международных органов и разработки превентивных социальных мер. Их реализация способна не только повысить эффективность борьбы с терроризмом и экстремизмом, но и укрепить правовые гарантии личности, что особенно важно в условиях роста глобальных угроз.

Список литературы

1. Брежнев О.В. Проблемы противодействия терроризму в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 6. С. 11 - 20.

2. Канунникова Н.Г. Административно-правовые основы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Безопасность бизнеса. 2020. № 6. С. 44 - 47.

3. Кудинов В.В. Роль ООН в противодействии угрозам кибертерроризма (особенности правового регулирования) // Международное публичное и частное право. 2021. № 4. С. 33 - 35.

4. Нуссбергер А. Терроризм и права человека. О правоприменительной практике Европейского суда по правам человека // Международное правосудие. 2018. № 1. С. 67 - 78.

Шахова Е. И.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Соловьева А. С.,
преподаватель кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ОРГАНОВ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ

Органы внешних сношений представляют собой государственные структуры, наделенные полномочиями по реализации внешней политики государства, представлению его интересов на международной арене и поддержанию отношений с другими государствами и международными организациями [1].

Деятельность зарубежных органов внешних сношений (далее - ЗОВС) на современном этапе, несмотря на детальную регламентацию международными конвенциями, сопряжена с комплексом сложных и зачастую трудноразрешимых проблем. Эти вызовы требуют постоянного внимания и адаптации как со стороны отдельных государств, так и всего мирового сообщества, поскольку напрямую затрагивают эффективность международного диалога и стабильность межгосударственных отношений.

Одной из наиболее острых и традиционных проблем является злоупотребление иммунитетами и, как следствие, возникающие на этой почве юрисдикционные конфликты. Фундаментальный принцип дипломатического иммунитета, призванный гарантировать независимость и безопасность дипломатов, на практике зачастую оборачивается инструментом для уклонения от ответственности. Речь идет не только о неуплате долгов или дорожно-транспортных происшествиях, но и о более серьезных правонарушениях. Подобные случаи, становясь достоянием общественности, вызывают справедливое возмущение в государстве пребывания и подрывают легитимность самого института иммунитетов, порождая в обществе представление о дипломатах как о «неприкасаемых». Хотя ст. 32 Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года (далее – ВКДС) [2] предусматривает механизм отказа аккредитующим государством от иммунитета своего сотрудника, на практике он используется крайне неохотно, так как воспринимается как ослабление собственного суверенитета. Данная проблема усугубляется в контексте деятельности почетных консулов. Их иммунитет, будучи функциональным по смыслу Венской конвенции о консуль-

[1] © Шахова Е. И., 2025.

ских сношениях 1963 года (далее – ВККС) [3], на деле зачастую трактуется расширительно, что создает почву для злоупотреблений и конфликтов, особенно учитывая их нередкий статус влиятельных бизнесменов.

Не менее значительный пласт проблем порождает цифровая эпоха, выдвигающая на первый план вопросы кибербезопасности. ЗОВС являются первостепенными целями для кибершпионажа, поскольку концентрируют в себе ценнейшую информацию: от конфиденциальных политических переговоров и разведывательных данных до экономических стратегий. Успешная кибератака может нанести непоправимый ущерб национальной безопасности аккредитующего государства. Кроме того, цифровые платформы стали новым полем для гибридного противоборства. Официальные аккаунты дипломатических миссий в социальных сетях зачастую используются не только для публичной дипломатии, но и для вмешательства во внутренние дела государства пребывания путем распространения дезинформации, манипулятивного нарратива и разжигания социальной розни. Правовое поле для регулирования такой деятельности практически отсутствует. Еще один критический аспект – защита данных. Консульства и посольства аккумулируют гигантские массивы персональных данных своих граждан (биометрические, паспортные, юридические), и обеспечение их конфиденциальности в соответствии с жесткими стандартами, такими как Общий регламент по защите данных в ЕС, становится сложнейшей технической и правовой задачей.

Классической, но не теряющей актуальности остается проблема обеспечения физической безопасности дипломатических и консульских работников. Несмотря на императивные нормы ст. 22 ВКДС и ст. 31 ВККС, возлагающие на государство пребывания особую обязанность принимать все разумные меры для защиты помещений ЗОВС, террористические акты, нападения на дипломатов и штурмы посольств продолжают периодически потрясать мировое сообщество. В странах с нестабильной политической обстановкой или где правительства не обладают достаточными ресурсами или политической волей, дипломатические миссии оказываются особенно уязвимы, что вынуждает их замыкаться в укрепленных комплексах, ограничивая живое взаимодействие с принимающим обществом [2].

Особого внимания заслуживают проблемы, связанные с деятельностью почетных консулов. Экономическая эффективность этого института имеет и обратную сторону. Главным риском является конфликт интересов: почетный консул, будучи, как правило, предпринимателем, может использовать свой официальный статус и связи для продвижения личных коммерческих проектов, что дискредитирует представляемое государство и создает недобросовестную конкуренцию. Непрофессионализм, обусловленный отсутствием систематической дипломатической подготовки, может привести к фатальным ошибкам в критических ситуациях, например, при оказании правовой помощи арестованным гражданам, где некорректные действия могут усугубить положение. Наконец, в ряде случаев имела место практика «продажи» почетных консульских патентов, когда статус предоставлялся за крупные пожертвования без надле-

жащей проверки благонадежности и репутации кандидата, что превращало дипломатический институт в инструмент для отмывания репутации и получения привилегий.

В последние годы наблюдается тревожная тенденция использования ограничений и массовых высылок дипломатов в качестве инструмента политического давления. Институт объявления дипломата «persona non grata» (статья 9 ВКДС), изначально предназначенный для урегулирования индивидуальных инцидентов, все чаще применяется в виде симметричных или асимметричных массовых акций [2]. Подобные акции, носящие явно политизированный и демонстративный характер, наносят серьезный ущерб нормальному функционированию дипломатических каналов, затрудняют поддержание диалога в период кризисов и де-факто наказывают не виновных дипломатов, а все общество государства пребывания, лишающееся доступа к консульским услугам.

Кроме того, системной проблемой являются правовые пробелы в регулировании новых форм дипломатической деятельности. Международное право, по своей природе консервативное, не успевает за стремительно развивающейся практикой. Статус и правовой режим деятельности виртуальных дипломатических миссий, вопросы применения искусственного интеллекта для анализа международной обстановки и ведения переговоров, правовой статус дипломатической почты, пересылаемой в электронном виде, – все эти области остаются серой зоной. Отсутствие четких международно-правовых норм создает риски злоупотреблений, конфликтов и недопонимания между государствами [4].

Таким образом, разрешение проанализированных проблем функционирования зарубежных органов внешних сношений требует комплексного подхода. Он должен включать в себя как укрепление двустороннего диалога и неукоснительное соблюдение уже существующих норм Венских конвенций, так и активную работу по развитию самого международного права, его адаптации к вызовам XXI века, будь то киберпространство, гибридные угрозы или новые дипломатические форматы.

Список литературы

1. Дипломатическое и консульское право : учебник /М.Ф. Чудаков. - Минск : Вышэйшая школа, 2019. 223 с.

2. Венская конвенция о дипломатических сношениях, принятая 18 апреля 1961 года // Официальный сайт ООН. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml.

3. Венская конвенция о консульских сношениях, принятая 24 апреля 1963 года // Официальный сайт ООН. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1901943.

4. Содиков Ш. Д. Дипломатическая защита граждан и юридических лиц: учебник для вузов, 2-е изд., испр. и доп., Москва: Издательство «Юрайт», 2025.

Шмарикова Е. Д.*[1]*,
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Донская М. В.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Терроризм представляет собой одну из наиболее серьезных угроз международному миру и безопасности в XXI веке. Его транснациональный характер, способность адаптироваться к меняющимся условиям и использование глобальных процессов требуют адекватного ответа на уровне международного права. Международно-правовая борьба с терроризмом прошла значительный путь эволюции – от первых конвенций, направленных на пресечение отдельных видов террористической деятельности (например, угон воздушных судов или захват заложников), до формирования сложной, многогранной системы, основанной на резолюциях Совета Безопасности Организации Объединенных Наций и многосторонних договорах. Целью данной статьи является выявление и анализ ключевых тенденций, определяющих развитие этой системы на современном этапе.

Изначально международно-правовое регулирование борьбы с терроризмом носило фрагментарный и отраслевой характер. Были приняты конвенции, криминализирующие конкретные деяния: Токийская от 14 сентября 1963 года, Гаагская от 16 декабря 1970 года и Монреальская от 23 сентября 1971 года конвенции по борьбе с угоном воздушных судов, Конвенция о борьбе с захватом заложников от 17 декабря 1979 года и др. Такой подход был эффективен против конкретных преступлений, но не против терроризма как системного явления.

Современная тенденция заключается в переходе к комплексному и универсальному подходу. Переломным моментом стало принятие Резолюции 1373 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций от 28 сентября 2001 года, которая, по сути, установила обязательные для всех государств нормы по противодействию терроризму. Также 5 октября 2001 года был создан Контртеррористический комитет (КТК), координирующий выполнение этой резолюции. Кроме того, 8 сентября 2006 года была принята Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций, которая представляет

[1] © Шмарикова Е. Д., 2025.

собой всеобъемлющий план действий на четырех основных направлениях: устранение условий, способствующих распространению терроризма; предупреждение и борьба с терроризмом; принятие мер для укрепления потенциала государств; обеспечение защиты прав человека.

Осознание того, что терроризм не может существовать без финансовой подпитки, привело к формированию одной из наиболее значимых тенденций – созданию международно-правового режима противодействия финансированию терроризма. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года стала основой этого режима. Она обязывает государства криминализировать предоставление или сбор средств с намерением их использования для совершения террористических актов.

Резолюция Совета Безопасности Организации Объединенных Наций 1373 дополнительно ужесточила эти требования, предписав государствам замораживать активы лиц и организаций, связанных с террористической деятельностью, и запрещать своим гражданам предоставлять им какие-либо средства. Эта тенденция проявляется в тесном сотрудничестве государств в рамках таких структур, как Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), чьи рекомендации стали международным стандартом в данной области.

Еще одной ярко выраженной тенденцией является сдвиг от реактивных к превентивным мерам. Если ранее правоохранительная система действовала по факту совершенного преступления, то сегодня акцент сместился на его предотвращение. Это включает в себя:

1) Сбор и обмен разведывательными данными между государствами.

2) Мониторинг и контроль за лицами, подозреваемыми в связях с терроризмом.

3) Принятие административных и силовых мер до совершения теракта (например, запрет деятельности организаций, ограничение передвижения).

Данная тенденция напрямую связана с усилением роли органов безопасности, разведки и вооруженных сил в борьбе с терроризмом. Операции по ликвидации террористических лидеров, проведение контртеррористических операций на территории других государств (по приглашению их правительств или в порядке самообороны, согласно ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций) стали неотъемлемой частью современной контртеррористической практики.

Террористические организации активно осваивают цифровое пространство. В связи этим формируется новая тенденция – адаптация международно-правовых механизмов для борьбы с кибертерроризмом и использованием интернета в террористических целях. Кибертерроризм может быть направлен на критическую инфраструктуру (энергетика, транспорт, финансовая система), а интернет используется для вербовки, пропаганды, обучения и финансирования.

Ответом международного сообщества становятся инициативы, такие как «Кибербезопасность Организации Объединенных Наций», и включение соответствующих положений в резолюции Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Однако правовое регулирование в этой сфере пока отстает от технологического развития, что создает значительные вызовы и требует выработки новых специализированных норм.

Усиление превентивных и силовых мер породило противоположную тенденцию, связанную с защитой прав человека. Широкие полномочия спецслужб, практика внесудебных ликвидаций, задержания без предъявления обвинений, пытки под предлогом борьбы с терроризмом вызывают озабоченность со стороны правозащитных организаций и международных судов (в частности, Европейского суда по правам человека).

Современный тренд заключается в поиске баланса между эффективностью контртеррористических мер и неукоснительным соблюдением международных стандартов в области прав человека. Глобальная контртеррористическая стратегия Организации Объединенных Наций прямо подчеркивает, что защита прав человека является фундаментальной основой борьбы с терроризмом.

Таким образом, международно-правовая борьба с терроризмом характеризуется рядом динамичных тенденций. Ключевыми из них являются: консолидация разрозненных норм в единую комплексную систему; приоритет борьбы с финансированием терроризма; переход к превентивной парадигме с усилением роли силовых структур; попытки противостоять вызовам цифровой эпохи; а также поиск баланса между безопасностью и правами человека.

Несмотря на значительный прогресс, перед международным сообществом по-прежнему стоят фундаментальные вызовы. Главным из них остается отсутствие универсального общепринятого определения терроризма, что создает правовые пробелы и позволяет государствам трактовать это понятие в политизированном ключе. Дальнейшее развитие международно-правового режима будет зависеть от способности государств преодолеть разногласия и выработать единые, основанные на верховенстве права, подходы к нейтрализации этой глобальной угрозы.

Список литература

1. Резолюция 1373 (2001), Совет Безопасности ООН, S/RES/1373 (2001).

2. Глобальная контртеррористическая стратегия ООН, содержащаяся в резолюции Генеральной Ассамблеи A/Res/60/288 от 20.09.2006//www.un.org/ ru/ documents/.

3. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (1999).

4. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть: Учебник для вузов. – М.: БЕК, 2005.

5. Тузмухамедов Б.Р. Противодействие терроризму: международно-правовые аспекты // Московский журнал международного права. – 2015. – № 4. – С. 6-20.

6. Ерохин Д.В. Международно-правовые основы противодействия терроризму // КиберЛенинка. – 2018.

7. Международное уголовное право : Учебник / И. И. Котляров, Ю. В. Пузырева, А. А. Козлова [и др.]. – Москва : Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя, 2021. – 149 с.

Шолина А. В.[1]***,***
курсант международно-правового факультета
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
Симонова А. Е.,
доцент кафедры
прав человека и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

РОЛЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ МВД РОССИИ В ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВАХ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Процессы глобализации и развитие научно-технического прогресса, свобода передвижения людей и капитала, а также упрощение процедур пересечения государственных границ способствуют росту международной преступности и формированию транснациональных преступных сообществ. В этих условиях значительно возрастает потребность в эффективном международном сотрудничестве правоохранительных органов, важнейшая роль в реализации которого отводится представителям МВД России, чья деятельность строится на комплексном сочетании международных и национальных правовых норм. Ю.В. Земсков подчеркивает двойственный характер современных глобализационных процессов, указывая, что «указанные процессы, хотя и содействуют повышению благосостояния населения, одновременно активно используются международными преступными организациями для реализации своих противоправных целей» [7, с. 70]. В этом контексте особую актуальность приобретает обмен представителями правоохранительных органов. Так, И.И. Котляров и Ю.В. Пузырева отмечают, что «обмен представителями правоохранительных органов – эффективная форма международного сотрудничества», позволяющая существенно повысить результативность совместной борьбы с преступностью [8, с. 41]. В продолжение данной позиции И.А. Виноградов, И.П. Каленюк и Е.В. Кузнецов подчеркивают необходимость не только практического взаимодействия, но и тщательного нормативного сопровождения данного процесса. По мнению указанных авторов, «международное сотрудничество органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с организованной преступностью является важным направлением деятельности, требующим нормативного правового регулирования и постоянного совершенствования» [9, с. 45]. Таким образом, исследователи сходятся во мнении, что эффективное международное сотрудничество правоохранительных органов, в особенности путем обмена

[1] © Шолина А. В., 2025.

представителями МВД России, является не только практической необходимостью, но и задачей, требующей непрерывного совершенствования правовых основ и механизмов реализации.

Институт представителей МВД России имеет долгую историю, восходящую к периоду существования СССР. Уже в 50-х годах XX века сотрудники органов внутренних дел СССР начали работать в дипломатических представительствах за рубежом, преимущественно в странах социалистического блока. Такое присутствие диктовалось необходимостью укрепления сотрудничества в сфере внутренней безопасности и правопорядка, обмена оперативной информацией, а также координации усилий в борьбе с преступностью и противоправными действиями международного характера. Наиболее мощный аппарат представителей МВД СССР был сформирован в Германской Демократической Республике (ГДР), где сотрудники МВД выполняли широкий спектр задач, связанных с поддержанием общественной безопасности, взаимодействием с местными правоохранительными органами и защитой интересов СССР. Впоследствии, в 1970–1980-е годы, институт представителей продолжал развиваться: сотрудники МВД были включены в состав советских посольств и консульств в других странах, в том числе в государствах, не входивших в социалистический блок. Основными направлениями их деятельности оставались обеспечение оперативного обмена данными о международных преступных группировках, поддержка правоохранительных операций за рубежом, а также содействие в расследованиях, затрагивающих интересы СССР и его союзников. Важным элементом работы были консультативные функции – представители делились с иностранными коллегами опытом в области охраны правопорядка, организации правоохранительной деятельности и обучения персонала. Современный этап развития института представителей МВД начался в 90-е годы, когда была осознана необходимость координации деятельности правоохранительных органов России и зарубежных стран [7, с. 72].

Существенное влияние на определение правового статуса и объема привилегий представителей МВД России в дипломатических и консульских учреждениях за рубежом оказывают положения Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года [1] и Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года [2], обладающие универсальным характером и закрепляющие комплекс международно-признанных норм. Так, в соответствии со статьями 22 и 29 Венской конвенции о дипломатических сношениях обеспечивается неприкосновенность зданий дипломатического представительства и личности дипломатического агента, причем данные гарантии носят абсолютный характер и распространяются на любые формы принуждения со стороны государства пребывания. Статья 31 наделяет дипломатического представителя иммунитетом от уголовной, гражданской и административной юрисдикции (за исключением отдельных случаев, прямо предусмотренных конвенцией), что упрочивает высокий уровень защиты интересов направляющего государства. В свою очередь, Венская конвенция о консульских сношениях детализирует статус и функции консульских должностных лиц, закрепляя в статьях 40 и 43 неприкосновен-

ность консульских помещений и иммунитет в отношении действий, совершенных при исполнении служебных обязанностей, однако в целом предусматривает более ограниченные по объему гарантии по сравнению с дипломатической сферой. При этом обе конвенции не регламентируют процедуру присвоения дипломатических или консульских рангов сотрудникам правоохранительных органов и не содержат специализированных норм о разграничении их оперативных полномочий, что на практике способно порождать коллизии между реальным функционалом представителей МВД и установленными международно-правовыми требованиями. Для разрешения подобных несоответствий необходимо как совершенствование национального законодательства, так и разработка дополнительных двусторонних соглашений, учитывающих специфику оперативно-служебной деятельности представителей МВД и интересы государства пребывания.

Ключевым нормативным актом, определяющим деятельность представителей МВД Российской Федерации за рубежом, стало «постановление Правительства РФ от 5 января 1995 г. № 10 «Положение о представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации в зарубежных государствах». [3]. Однако дальнейшее развитие международного сотрудничества, усложнение задач, стоящих перед представителями МВД, а также необходимость адаптации правовой базы к новым вызовам обусловили принятие в 2018 году нового нормативного акта – Постановления Правительства Российской Федерации от 11 июня 2018 года № 672 [4]. Данный документ уточнил и расширил правовые рамки и механизмы реализации деятельности представителей МВД России, актуализировав их с учетом изменившейся международной обстановки и практического опыта. В 2017 году был принят Указ Президента Российской Федерации № 612, который придал официально-юридический статус, институту представителей МВД [5], установив порядок их направления и функции. Наиболее важными статьями следует считать следующие положения. Так, в статье 1 устанавливается, что общая штатная численность загранаппарата МВД России составляет 100 единиц. Далее, согласно статье 2, загранаппарат включает непосредственно представительства МВД, а также представителей МВД России и их заместителей. В свою очередь, статья 3 уточняет, что решение о создании или упразднении представительств принимается Президентом РФ по предложению МВД, согласованному с МИД и компетентными органами иностранного государства, при этом представители выполняют свои функции в составе дипломатических и консульских учреждений без включения в их штатную численность, а назначаются они на должности непосредственно МВД по согласованию с МИД. Кроме того, в статье 4 предусматривается, что МИД России совместно с ФСБ, СВР и ФСО обеспечивает специальную связь для представительств и представителей. В статье 5 Правительству РФ поручается определить условия деятельности представительств, а также обеспечить финансирование расходов на их содержание из федерального бюджета, а статья 6 признает утратившими силу ранее действовавшие указы по данной тематике. Для детальной регламентации деятельности представителей в 2009 году был

принят приказ МВД России № 975, утвердивший инструкцию о порядке направления и организации деятельности представителей МВД России за рубежом [6]. Согласно данному документу, представители командируются в дипломатические и консульские учреждения РФ, могут выполнять свои функции одновременно в нескольких государствах, при этом основными задачами представителей являются развитие и повышение эффективности сотрудничества с правоохранительными органами других стран, контроль за исполнением международных договоров и информирование МВД России об опыте борьбы с преступностью за рубежом.

К представителям МВД за рубежом предъявляются высокие требования: обязательным является опыт работы на руководящих должностях в правоохранительных органах не менее 5 лет, допуск к сведениям государственной тайны, знание международного права и национального законодательства страны пребывания, владение иностранными языками. Согласно действующему порядку, кандидаты проходят стажировку и заключают контракт о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, после чего командируются за рубеж. Вопросы финансирования, материально-технического обеспечения и организационно-правового статуса представителей четко регламентированы ведомственными актами.

Анализ нормативной базы выявил несколько существенных проблем. В частности, вызывает вопросы отсутствие четко регламентированного механизма присвоения дипломатических рангов представителям МВД России, что нередко приводит к несоответствиям между статусом сотрудника и его фактическими обязанностями. Кроме того, недостаточно полно проработан порядок командирования представителей МВД в консульские учреждения, хотя такая практика предусмотрена нормативными актами. Также остаются неурегулированными вопросы компенсации расходов представителей МВД, связанных с обучением их несовершеннолетних детей за рубежом, что создает дополнительные сложности для сотрудников и снижает привлекательность службы за границей. Наконец, не предусмотрены механизмы получения представителями информации о зарубежных активах граждан России, несмотря на актуальность этого вопроса в контексте борьбы с коррупцией и транснациональной преступностью. Все указанные проблемы требуют скорейшего нормативно-правового разрешения для повышения эффективности работы представителей МВД России за рубежом.

В заключение следует отметить, что институт представителей МВД России в зарубежных государствах является одним из важнейших механизмов обеспечения эффективного международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью. Российская Федерация активно сотрудничает с другими государствами в области борьбы с преступностью различных форм. Это сотрудничество осуществляется через несколько ключевых механизмов.

1. Договорно-правовая (конвенционная) форма. Она включает заключение двусторонних и многосторонних соглашений, которые регулируют взаимодействие правоохранительных органов в противодействии различным видам пре-

ступлений. Например, заключено Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Министерством внутренних дел Кыргызской Республики об оказании финансовой, материально-технической и организационной помощи в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Аналогичные соглашения были подписаны с Республикой Таджикистан, а также установлены партнерские отношения между МВД России и министерствами внутренних дел таких стран, как Республика Замбия, Государство Катар и Республика Зимбабве.

2. Институционная форма. Сотрудничество осуществляется в рамках международных организаций как всеобщего, так и регионального характера, включая ООН, Интерпол, СНГ, ОБСЕ, Шанхайскую организацию сотрудничества и другие. В частности, в период с августа по сентябрь 2025 года по линии Национального центрального бюро Интерпола МВД России в Российскую Федерацию были депортированы лица, разыскиваемые по каналам Интерпола из Объединенных Арабских Эмиратов, Республики Коста-Рика и Алжира. В свою очередь, калининградские правоохранительные органы передали Литве двух осужденных за контрабанду и наркоторговлю, а Болгарии был передан гражданин этой страны для дальнейшего отбывания наказания.

Кроме того, важным аспектом международного сотрудничества является участие представителей МВД России в международных конференциях, посвященных вопросам противодействия преступности. Например, 17-18 сентября 2025 года в Москве прошла V Международная конференция по проблеме распространения идеологии экстремизма, на которой рассматривались возможности взаимодействия между министерствами внутренних дел стран-участниц для противодействия развитию экстремистской идеологии и, как следствие, сокращения числа преступлений экстремистской направленности. В конференции приняли участие представители НЦБ Интерпола МВД России, Главного управления по борьбе с экономической преступностью МВД России, а также делегации стран-участниц СНГ, представители Антитеррористического центра СНГ, Организации Договора о коллективной безопасности, Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры ШОС и Управления по наркотикам и преступности ООН.

Таким образом, анализ действующей нормативно-правовой базы, в том числе Указа Президента РФ № 612 (2017 г.), Постановления Правительства РФ № 672 (2018 г.), ведомственных приказов и инструкций, позволяет сделать вывод о последовательном развитии правовых основ деятельности представителей МВД, а также о наличии ряда нерешенных вопросов, требующих дополнительного регулирования. К ним относятся проблемы присвоения дипломатических рангов, особенности командирования в консульские учреждения, вопросы обеспечения социальных гарантий для сотрудников и членов их семей, а также расширение полномочий по получению и проверке данных о зарубежных активах граждан России. Но с другой стороны, Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет активное взаимодействие с иностранными государствами по вопросам борьбы с преступностью в различных формах, не-

смотря на недостатки правового регулирования правового положения представителей. Это сотрудничество охватывает как теоретические дискуссии на международных конференциях, так и практические меры, такие как экстрадиция лиц, совершивших преступления.

Список литературы

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях (заключена в г. Вене 18.04.1961) // Ведомости ВС СССР. 29 апреля 1964 г. № 18. Ст. 221.

2. Венская конвенция о консульских сношениях (заключена в г. Вене 24.04.1963) // Сборник международных договоров СССР, вып. XLV.- М., 1991. С. 124 – 147.

3. Постановление Правительства РФ от 05.01.1995 № 10 "Об утверждении Положения о представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации в зарубежных государствах» (Документ утратил силу).

4. Постановление Правительства РФ от 11.06.2018 № 672 «Об обеспечении деятельности представительств и представителей Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (вместе с "Правилами деятельности представительств и представителей Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом, в том числе условия их материального обеспечения, при открытии представительств (направлении представителей)»).

5. Указ Президента РФ от 21.12.2017 № 612 «О представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом» // Собрание законодательства РФ, 25.12.2017, № 52 (Часть I), ст. 8110.

6. Приказ МВД России от 31.12.2019 № 995 (ред. от 27.11.2023) "Об утверждении Положения о представительствах и представителях Министерства внутренних дел Российской Федерации за рубежом (загранаппарате Министерства внутренних дел Российской Федерации)" (Зарегистрировано в Минюсте России 06.02.2020 № 57444)

7. Земсков Ю. В. Правовые основы деятельности представителей МВД России в иностранных государствах //Труды Академии управления МВД России. – 2013. – №. 1 (25). – С. 69-73.

8. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Международно-правовые аспекты деятельности органов внутренних дел России // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3 (99). – июль-сентябрь. – С. 37-50

9. Виноградов, И. А., Каленюк, И. П., Кузнецов, Е. В. Нормативное правовое регулирование международного сотрудничества органов внутренних дел Российской Федерации в сфере борьбы с организованной преступностью // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. тр. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2024. Т. 30. № 2. С. 39–54.

***Шумилова В. В.*[1],**
преподаватель кафедры прав человека
и международного права
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук

МЕСТО И РОЛЬ БРИКС В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Глобальные геополитические изменения, эскалация территориальных споров, вооруженные конфликты, нарастающая напряженность в системе международных отношений и другие проблемы требуют совершенствования модели сотрудничества между государствами в целях их преодоления и дальнейшей реализации норм международного права в области прав человека. В системе трансформации международных отношений на региональном и глобальном уровнях одно из центральных мест занимает активно развивающее сотрудничество и взаимодействие государств посредством их участия в такой международной «параорганизации» [1, с. 14], как БРИКС. Как отмечается в ряде документов БРИКС, именно на основе соблюдения международного права государства-участники выстраивают систему международных отношений [2]. При этом сотрудничество в рамках БРИКС является одним из основных направлений внешней политики Российской Федерации [3]. С учетом всеобъемлющей перестройки международных отношений исследование места и роли БРИКС как нового формата международного сотрудничества представляет особый научный интерес.

БРИКС – интеграционное межгосударственное неформальное объединение нового типа, взаимодействие которого строится на принципах взаимного равенства, справедливости, уважения суверенитета, всестороннего учета национальных интересов государств-членов БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Египет, Иран, Объединенные Арабские Эмираты, Индонезия и Эфиопия) несмотря на то, что они значительно различаются по этническим, культурным, религиозным, политическим и иным факторам.

Заслуживает внимание тот факт, что БРИКС – сравнительно молодое объединение. Однако его повестка настолько всеобъемлющая, что оно занимается координацией в широком спектре областей, таких как здравоохранение, образование, наука, экономическое и политическое развитие, энергетика, продовольственная безопасность, экология и защита окружающей среды, климат, поддержание мира и безопасности и др. Рассматриваемая платформа взаимодействия стран занимается всеми ключевыми вопросами, требующими разрешения для построения гармоничной архитектуры мироустройства и выстраивания отношений, исключающих силовое давление и ущемление суверенитета других государств.

---

[1] © Шумилова В. В., 2025.

Как указывается в актах, принятых в рамках БРИКС, государства-участники выстраивают отношения на основе принципа инклюзивной многосторонности [4]. При этом под инклюзивностью необходимо понимать сотрудничество под вектором сплоченности, взаимопомощи и всеобщего охвата интересов всего объединения, ориентация на создание благоприятных условий для наиболее эффективного решения задач посредством диалога, построение отношений на демократических началах, поиск путей взаимодействия на основе, не противоречащей универсальному понимаю прав человека. Поскольку данное объединение является неформальным, что предполагает менее жесткую организацию, реализация данных процессов становится более доступной. При этом «привлекательность и перспективность БРИКС предопределяется следующим фактором: двусторонние отношения между государствами – членами БРИКС строятся на основе добровольности, равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела и взаимовыгоды. Именно эти принципы взаимодействия государств, подкрепленные разнообразными двусторонними соглашениями, гарантируют эффективность и перспективность БРИКС в условиях грандиозных перемен в мировой политике и международных отношениях» [5, с. 118].

Несмотря на сохранение центральной роли ООН в международной системе и неспособности БРИКС заменить форматы взаимодействия государств в рамках их участия в международных организациях, нельзя отрицать, что БРИКС является стратегическим объединением не только в региональном значении, но и в глобальном. При этом роль этого мощнейшего объединения состоит не в том, чтобы конкурировать с ООН и ее структурными подразделениями, а в том, чтобы способствовать достижению целей и задач, стоящих перед ООН, и выработке нового курса межгосударственных отношений, основанных на общепризнанных нормах международного права и ключевых принципах устава ООН. Расширение его состава и увеличение его влияния на мировой арене, возрастание роли и усиление положения позволяют говорить о том, что для этого имеются все предпосылки. При этом стоит отметить, что правовой статус БРИКС характеризуется тем, что оно не обладает правосубъектностью, то есть не является субъектом международного права, не имеет организационной структуры, не обладает правотворческими функциями, не наделено правом принимать юридически обязательные решения и проч. Тем не менее, многими авторами указывается на тот факт, что в декларациях, принятых в рамках БРИКС, рассматривается ряд важнейших вопросов, имеющих значение для всего мира [6, с. 335].

Таким образом, как структура межгосударственного сотрудничества, построенного на переговорной основе, БРИКС представляет собой альтернативный механизм многостороннего взаимодействия, способный составить конкуренцию объединениям государств в рамках международных организаций, и может стать примером успешной модели выстраивания системы сотрудничества и координации интересов государств по различным направлениям в соответствии с общепризнанными принципами международного права. Создание

и функционирование БРИКС являются яркой иллюстрацией процессов интеграции и углубления участия в вопросах приверженности идее справедливого международного порядка «как результата реализации требований международно-правовых норм, регулирующих международные общественные отношения» [7, с. 30]. Учитывая значительное расширение БРИКС за сравнительно короткий срок и участие в нем крупнейших мировых держав, имеющих огромный потенциал в природных, производственных, финансовых, интеллектуальных и других ресурсах и разделяющих стремление к построению справедливого миропорядка, его деятельность может стать одним из основных источников по поддержанию мира и безопасности и обеспечению эффективной защиты прав в соответствии с нормами международного права и многосторонним подходом к принятию решений . Как отмечает А.Х. Абашидзе, только БРИКС вселяет уверенность стать такой платформой для широкого круга участников межгосударственного общения, которая сможет выработать приемлемую для всех без исключения государств новую архитектуру международного правопорядка [5, с. 121].

Среди многоаспектного взаимодействия государства-члены БРИКС уделяют особое внимание также и противодействию транснациональной преступности, считая его одним из ключевых направлений международного правоохранительных сотрудничества. Общими угрозами для безопасности на пространстве БРИКС являются такие виды противоправных деяний, как наркоторговля с использованием интернет-ресурсов, отмывание денег, контрабанда, организация азартных игр с криптовалютой, создание поддельных документов, изменение лиц с помощью ИИ (дипфейк) в мошеннических целях и незаконная продажа персональных данных. В этой связи компетентные органы государств-членов БРИКС налаживают сотрудничество по обмену опытом и лучшими правоохранительными практиками в борьбе с актуальными транснациональными преступными угрозами [8]. Многолетний опыт в данной сфере привел к созданию и успешному функционированию таких профильных площадок, как Антинаркотическая рабочая группа БРИКС, Группа по вопросам безопасности в сфере ИКТ, Антикоррупционная рабочая группа, Форум Председателей Верховных судов стран БРИКС. Бесспорно, международное сотрудничество стран БРИКС в борьбе с транснациональной преступностью является актуальной и расширяющейся сферой, в рамках которой государства-члены БРИКС привержены развитию не только правовых основ, но и совершенствованию организационных механизмов, направленных на борьбу с международной преступностью.

Таким образом, с уверенностью можно констатировать, что в современном глобализирующемся мире лидирующую роль играют интеграционные организации, основанные на едином понимании общих задач и целей в рамках формируемого нового миропорядка и приверженные дальнейшему наращиванию стратегического партнерства. БРИКС является ярким примером такой межгосударственной солидарности, основанной на взаимоуважении и взаимопонимании, суверенном равенстве, солидарности, демократии, открытости, инклюзивности, взаимодействии и консенсусу.

Борьба с преступностью в рамках БРИКС рассматривается как важное направление стратегического партнерства, реализация которого будет способствовать успешному построению безопасного и стабильного базиса для дальнейшего развития экономики и финансов внутри регионов государств-членов.

Список литературы

1. Шумилов В.М. Трансформация глобального экономического правопорядка в условиях формирования многополярного мироустройства // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 4. С. 9-16.

2. Совместная Декларация 10-го Парламентского форума БРИКС (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 11-12 июля 2024 г.). Режим доступа: https://cdn.brics-russia2024.ru/upload/docs/2024-07-12-11-Декларация_X_Парламентского_форума_БРИКС.pdf?1721291191554504.

3. Концепция Участия Российской Федерации в объединении БРИКС. Режим доступа: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d452a8a232b2f6f8a5.pdf.

4. БРИКС и Африка: партнерство в интересах совместного ускоренного роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности: Йоханнесбургская декларация-II, Сэндтон, Гаутенг, ЮАР, 23 августа 2023 г... Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1901504/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200070ba448a2015b6bba377be5d6f3a260fb719e5096384dfe37f4c431379e15eee084ed29bf3143000dca49de88c34bba12dbf06404c38ee08bd58b49cb7f23137ef9ec6c9ef573098716a12aea9fddc49d6cb1085d80dea22.

5. Абашидзе А.Х. БРИКС: международно-правовое измерение // Обозреватель. 2024. № 4. С. 115-123.

6. Котлова А.В., Вереина Л.В. Arctic BRICS: институционально-правовое измерение взаимодействия России и неарктических государств в Арктике. Вестник Пермского университета // Юридические науки. 2024. № 2. С. 327-337.

7. Нефедов Б.И. Понятие «мирового порядка»: теории и реальность // Сравнительная политика. 2021. Т. 12. № 3. С. 21-32.

8. XVI Саммит БРИКС. Казанская декларация «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности (г. Казань, Российская Федерация, 23 октября 2024 г.) Режим доступа: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAmF3LEh02OL3Hk.pdf.

***Юсупов Р. Г.*[1],**
профессор кафедры
теории государства и права
Института права
Уфимского университета науки и технологий,
доктор исторических наук

***Пинтсон А. Н.*[2],**
старший преподаватель
кафедры оперативно-разыскной
деятельности органов внутренних дел
Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СССР И ЛИГИ НАЦИЙ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

Еще до революции 1917 г. Россия играла заметную роль в формировании международной системы контроля за оборотом наркотиков. К этому времени Российская империя приняла участие в Шанхайской опиумной комиссии (1909 г.) [1] и Гаагской международной конвенции о контроле над опием (1912 г.) [2].

В дальнейшем после краха Российской империи молодая советская власть принимала определенное участие в решении международных проблем осуществления контроля за оборотом наркотиков.

В 1920-х гг. развитию международной нормативно-правовой базы в данной сфере области послужило Женевское соглашение о запрещении производства, внутренней торговли и использования очищенного опиума (11 февраля 1925 г.) и Международная конвенция по опиуму, подписанная в Женеве 19 февраля 1925 г. Указанная конвенция обязывала страны-участники на своем уровне законодательно обеспечить контроль за операциями с опиумом-сырцом, а также предусмотрела введение лицензий и регистраций внешних сделок с теми ли иными психоактивными веществами. Также предусматривалась обязанность, под контролем Лиги наций, исполнение странами взятых на себя обязательств в данной сфере.

Советский союз присоединился к Женевской конвенции и иным международным антинаркотическим правовым актам через 10 лет, и шел к этому шагу осознанно и постепенно. Активизации международного сотрудничества советской власти в антинаркотической сфере способствовало и осложнение ситуации с распространением определенных видов психоактивных веществ (опиум, героин, кокаин, гашиш и др.) [3].

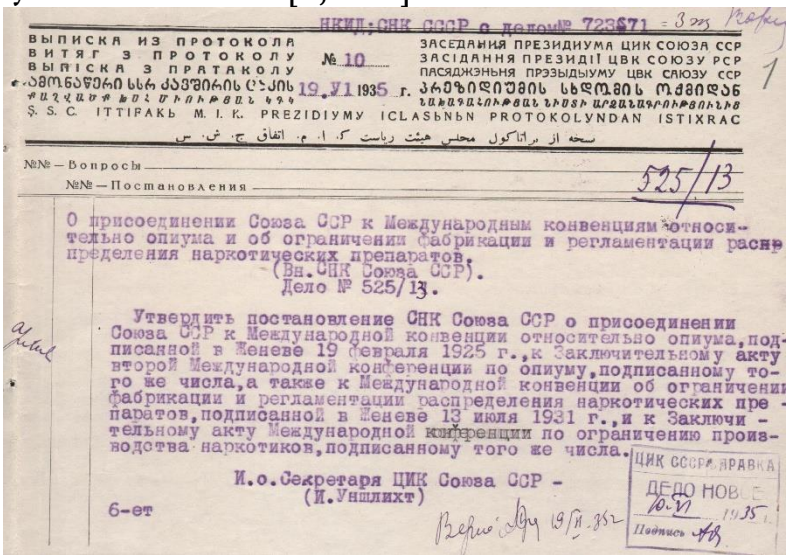
---

[1] © Юсупов Р. Г., 2025.
[2] © Пинтсон А. Н., 2025.

В 1924 г. в Госплане при секции Внешней торговли была сформирована Комиссия по выяснению мер борьбы с производством и распространением опиума и других наркотических веществ с участием представителей от Нарком земледелия, Наркомздрав, ЦПЭУ ВСНХ, Наркомвнешторг и Наркоминдел [4].

Например, в июле 1924 г. на заседании данной комиссии были озвучены доклады об организации экспорта опиума и методах возможной борьбы с употреблением в СССР наркотиков с медицинской точки зрения, о положении опийного дела в Киргизской республике, Туркменской республике, а также рассмотрена анкета Лиги наций, разосланная государствам в связи с созываемой Международной конференцией по уточнению конвенции об опиуме [5]. Это свидетельствует о наличии предпосылок для международного сотрудничества советского государства по линии контроля за оборотом наркотиков.

После официального вступления СССР в Лигу наций (1934 г.) по предложению Наркоминдел СССР СНК СССР принял постановление от 08.06.1935 № 1126 «О присоединении Союза ССР к Международным Конвенциям относительно опиума и об ограничении фабрикации и регламентации распределения наркотических препаратов» [6, Л. 2], Вскоре было утверждено аналогичное постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР с формулировкой: «Утвердить постановление СНК Союза ССР о присоединении Союза ССР к Международной конвенции относительно опиума, подписанной в Женеве 19 февраля 1925 г., к Заключительному акту второй Международной конвенции по опиуму, подписанному того же числа, а также к Международной конвенции об ограничении фабрикации и регламентации распределения наркотических препаратов, подписанной в Женеве 13 июля 1931 г., и к Заключительному акту Международной конвенции по ограничению производства наркотиков, подписанному того же числа» [6, Л. 1].

НКИД: СНК СССР о делом № 723671 - 3 лл.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА
ВИТЯГ З ПРОТОКОЛУ
ВЫПІСКА З ПРАТАКОЛУ
№ 10
19.VI 1935 г.

ЗАСЕДАНИЯ ПРЕЗИДИУМА ЦИК СОЮЗА ССР
ЗАСІДАННЯ ПРЕЗИДІЇ ЦВК СОЮЗУ РСР
ПАСЯДЖЭННЯ ПРЭЗЫДЫУМУ ЦВК САЮЗУ ССР
S. S. C. ITTIFAKЬ M. I. K. PREZIDIYUMY ICLASЬNЬN PROTOKOLYNDAN ISTIXRAC

№№ — Вопросы
№№ — Постановления

525/13

О присоединении Союза ССР к Международным конвенциям относительно опиума и об ограничении фабрикации и регламентации распределения наркотических препаратов.
(Вн. СНК Союза ССР).
Дело № 525/13.

Утвердить постановление СНК Союза ССР о присоединении Союза ССР к Международной конвенции относительно опиума, подписанной в Женеве 19 февраля 1925 г., к Заключительному акту второй Международной конференции по опиуму, подписанному того же числа, а также к Международной конвенции об ограничении фабрикации и регламентации распределения наркотических препаратов, подписанной в Женеве 13 июля 1931 г., и к Заключительному акту Международной конференции по ограничению производства наркотиков, подписанному того же числа.

И.о. Секретаря ЦИК Союза ССР -
(И.Уншлихт)

6-ет

ЦИК СССР. ПРАВКА
ДЕДО НОВ
10.VI 1935
Подпись

Рис. 1. Выписка из протокола заседания Президиума ЦИК Союза ССР от 19.06.1935 № 10. Источник: ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 28. Д. 179. Л. 1. Публикуется впервые.

Примерно через полгода, лишь в январе 1936 г., после прохождения установленных бюрократических процедур в Лиге наций СССР присоединился к

вышеуказанным международным конвенциям. С этого момента СССР принял на себя обязательство создать единый контрольный орган, обязанный наблюдать за применением вышеуказанных конвенций, контролировать оборот опиума и ежеквартально и ежегодно сообщать в Секретариат Лиги наций сведения о перемещении, экспорте и импорте опиума и других психоактивных веществ, а также данные о потребности страны в них.

Административный орган, ответственный за контроль за оборотом наркотиков и обобщение сведений для предоставления отчетности в рамках международных договоренностей, в СССР неоднократно менялся. Первоначально Постановлением СНК СССР от 23.05.1936 этим органом была определена Всесоюзная государственная санитарная инспекция при СНК СССР. Однако уже через год эти функции фактически перешли к Наркомздраву СССР в соответствии с Постановлением СНК СССР от 22.10.1937 г. №1882. Кроме того, в выполнении задач по наблюдению и контролю за оборотом опиума и других наркотических веществ в той или иной степени также были задействованы Ученый Медицинский совет, Трест лекарственных совхозов, Трест «Вохимфарм», Главное аптечное управление, Наркомвнешторг, НКВД СССР и ряд других статистических органов [7].

Наркомздрав СССР выполнял задачи обмена информацией с секретариатом Лиги наций и соответствующими комитетами по вопросам регулирования и контроля оборота опиума, его производных и других психоактивных веществ. Например, в одном из отчетов отмечалось, что экспорт опия из СССР за 1938-1940 гг. составил 37,6 тонны, при этом в структуре экспорта опия из СССР за эти же годы основными получателями были Германия (17 тонн) и Голландия (14,7 тонны) [8].

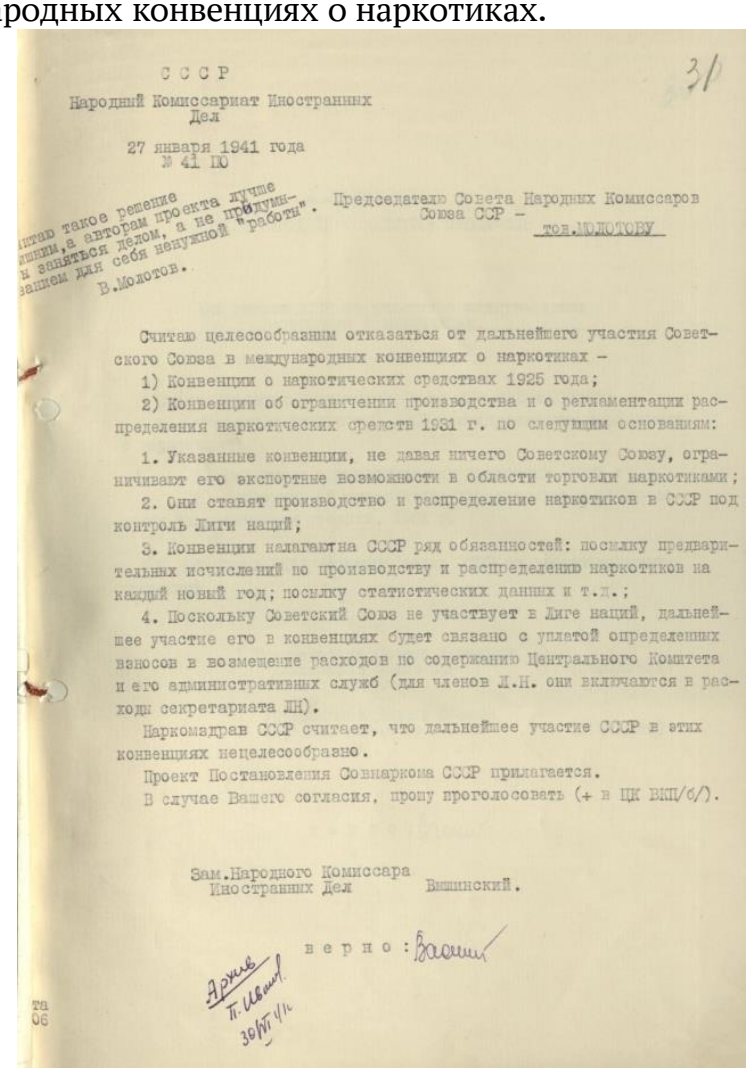
Как известно, в 1939 г. состоялось исключение СССР из Лиги наций, международная обстановка осложнилась. В данном контексте заслуживает внимания предпринятая в начале 1940-х гг. частью советской политической элиты попытка отказа от участия в конвенции о наркотических средствах 1925 г. и Конвенции об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств 1931 г. Так, в докладной записке на имя председателя Совета народных комиссаров СССР В.М. Молотова заместитель народного комиссариата иностранных дел СССР А. Я. Вышинский 27.01.1941 докладывал, что совместно с Наркомздравом СССР предварительно проработан вопрос о целесообразности отказа СССР от дальнейшего участия Советского Союза в международных антинаркотических конвенциях по причинам того, что указанные конвенции:

– ставят производство и распределение наркотических веществ в СССР под контроль Лиги наций;

– ограничивают экспортные возможности СССР в области торговли наркотиками, ничего не давая взамен Советскому Союзу;

– налагают на СССР ряд обязанностей, таких как посылку планируемых объемов производства и распределения наркотических веществ на каждый новый год, иных статистических сведений.

Также А.Я. Вышинский отмечал, что поскольку СССР уже несколько лет не участвует в Лиге наций, дальнейшее участие его в конвенциях обусловит уплату определенных взносов по содержанию центрального комитета и его административных служб (для членов Лиги наций они включаются в расходы секретариата Лиги наций). К данной докладной записке А.Я. Вышинского прилагался соответствующий проект Постановления Совнаркома СССР об отказе СССР от участия в международных конвенциях о наркотиках.

С С С Р

Народный Комиссариат Иностранных Дел

27 января 1941 года
№ 41 ПО

Председателю Совета Народных Комиссаров Союза ССР – тов.МОЛОТОВУ

Считаю целесообразным отказаться от дальнейшего участия Советского Союза в международных конвенциях о наркотиках –

1) Конвенции о наркотических средствах 1925 года;

2) Конвенции об ограничении производства и о регламентации распределения наркотических средств 1931 г. по следующим основаниям:

1. Указанные конвенции, не давая ничего Советскому Союзу, ограничивают его экспортные возможности в области торговли наркотиками;

2. Они ставят производство и распределение наркотиков в СССР под контроль Лиги наций;

3. Конвенции налагают на СССР ряд обязанностей: посылку предварительных исчислений по производству и распределению наркотиков на каждый новый год; посылку статистических данных и т.п.;

4. Поскольку Советский Союз не участвует в Лиге наций, дальнейшее участие его в конвенциях будет связано с уплатой определенных взносов в возмещение расходов по содержанию Центрального Комитета и его административных служб (для членов Л.Н. они включаются в расходы секретариата ЛН).

Наркомздрав СССР считает, что дальнейшее участие СССР в этих конвенциях нецелесообразно.

Проект Постановления Совнаркома СССР прилагается.

В случае Вашего согласия, прошу проголосовать (+ в ЦК ВКП/б/).

Зам.Народного Комиссара Иностранных Дел Вышинский.

верно:

Считаю такое решение лишним, а авторам проекта лучше бы заняться делом, а не придумыванием для себя ненужной "работы". В.Молотов.

Рис. 2. Докладная записка Зам. НКИД СССР А.Я. Вышинского председателю СНК СССР В.М. Молотову
Источник: ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 28. Д. 179. Л. 2. Публикуется впервые.

Однако, несмотря на внешнюю логичность и обоснованность данной инициативы, В.М. Молотов не согласился с таким изоляционистским подходом и оставил на документе резолюцию следующего содержания: «Считаю такое решение лишним, а авторам проекта лучше бы заняться делом, а не придумыванием для себя ненужной “работы”» [9].

Таким образом, даже в условиях обострения международной обстановки политическая элита СССР предпринимала попытки выстраивать конструктивные международные отношения, в том числе в сфере контроля за оборотом наркотиков [10].

Список литературы

1. Федоров А.В. К столетию Шанхайской опиумной комиссии 1909 г. // Наркоконтроль. 2008. № 4. С.38-40.
2. Федоров А.В., Федулов А.В. Первая Международная Конвенция о контроле над наркотиками // Наркоконтроль. 2007. № 4. С. 37-44.
3. Юсупов, Р. Г. Наркоситуация в первые годы советской власти: историко-правовой аспект / Р. Г. Юсупов, К. В. Максимов // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 4(78). – С. 109-117.
4. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 486. Л. 6-7.
5. ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 43а. Д. 1028. Л. 8.
6. ГА РФ. Ф. Р-3316. Оп. 28. Д. 179. Л. 1, 2.
7. ГА РФ Ф. Р5446 Оп. 18. Д. 2805. Л. 12.
8. ГА РФ Ф. 5446 Оп. 25а. Д. 382. Л. 25.
9. ГА РФ Ф. Р5446 Оп. 25а. Д. 382. Л. 31.
10. Юсупов, Р. Г. Некоторые аспекты российского участия в международных антинаркотических конвенциях первой половины XX века / Р. Г. Юсупов, К. В. Максимов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2023. – № 2(14). – С. 28-36.

***Ярмак К. В.*[1],**
начальник управления
учебно-методической работы
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

ПОТЕНЦИАЛ ЦИФРОВОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ ПОЛИЦЕЙСКИХ КАДРОВ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ (НА ПРИМЕРЕ ВЕДОМСТВЕННОГО ВУЗА)

Современная система высшего образования характеризуется активной интеграцией цифровых технологий, которые трансформируют традиционные подходы к обучению. В сфере профессиональной подготовки специалистов для силовых структур, в частности полицейских кадров иностранных государств, этот тренд приобретает особую значимость. Цифровизация образовательного процесса открывает новые возможности для формирования компетенций, необходимых для эффективной правоохранительной деятельности в условиях глобализации и цифровой трансформации общества.

Подготовка иностранных слушателей в ведомственных вузах сопряжена с рядом специфических трудностей, таких как языковой барьер, адаптация к новой правовой системе, преодоление социокультурных различий и прочее. Традиционные методы обучения зачастую оказываются недостаточно гибкими для преодоления этих вызовов, что актуализирует поиск инновационных педагогических решений.

В этом контексте потенциал комплексного цифрового сопровождения представляется одним из наиболее перспективных направлений модернизации образовательных программ. Так, Сотрудники Академии управления МВД России в своих исследованиях сосредотачиваются на трансформации подготовки полицейских кадров в контексте цифровизации образования и поиске ключевых направлений повышения эффективности профессионального обучения сотрудников в новых реалиях [1]. На основе контент-анализа научных источников, включенного наблюдения и анализа деятельности профессорско-преподавательского состава ведомственных вузов авторы обосновывают комплекс педагогических условий и путей совершенствования. Они показывают, что стратегическое внедрение в учебный процесс и оперативно-служебную деятельность технологий искусственного интеллекта, машинного обучения, предиктивной аналитики и робототехники способно кардинально повысить эффективность, как решения практических задач ОВД, так и самого процесса профессионального становления сотрудников. Данный вывод подтверждает, что цифровая трансформация подготовки полицейских кадров является не столько технической, сколько системной педагогической задачей. Перспекти-

[1] © Ярмак К. В., 2025.

вы, обозначенные авторами, в полной мере относятся и к сфере подготовки иностранных специалистов.

Подготовка квалифицированных специалистов для правоохранительных органов иностранных государств занимает важное место в системе международного сотрудничества, реализуемого образовательными организациями МВД России. Как справедливо отмечают сотрудники Волгоградской академии МВД России, международное сотрудничество в сфере подготовки полицейских кадров приобретает в современных условиях колоссальное значение и демонстрирует тенденцию к стремительному расширению [2]. Данное межгосударственное взаимодействие активно развивается на различных уровнях: от универсального, в рамках таких организаций, как ООН и Интерпол, до регионального, представленного структурами Европола, Асеанапол и Содружества Независимых Государств. Вклад МВД России в совершенствование профессиональной подготовки специализированных кадров для правоохранительных органов иностранных государств является определяющим фактором для повышения общего уровня противодействия современным транснациональным вызовам и угрозам. Этот тезис подтверждает высокую актуальность и стратегическую важность дальнейшего развития образовательных программ для иностранных слушателей.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ) активно развивает рассматриваемое направление, объединяя в своем академическом пространстве слушателей из множества стран. Выстроена широкая система, включающая программы специалитета, адъюнктуры для подготовки научно-педагогических кадров, а также дополнительные общеобразовательные программы и программы переподготовки и повышения квалификации. Динамика развития данного направления демонстрирует тенденцию к расширению контингента иностранных обучающихся.

Анализ текущего состояния международного взаимодействия МВД России в сфере подготовки полицейских кадров, проведенный нашими коллегами из Московского университета, позволяет констатировать как широкую географию данного партнерства, охватывающую страны от Юго-Восточной Азии до Латинской Америки, так и его комплексный характер [3]. В рамках исследования не только рассмотрены ключевые причины устойчивой востребованности российского ведомственного образования за рубежом, но и выявлены системные проблемы, возникающие в процессе реализации совместных образовательных программ. В качестве перспективных направлений совершенствования этой деятельности авторы предлагают ряд мер, среди которых выделяется повышение уровня информационного взаимодействия между всеми участниками процесса. Предлагаемые пути оптимизации коррелируют с общей логикой нашего исследования, поскольку эффективное цифровое сопровождение является фундаментальным условием для реализации обозначенных задач.

На этапе довузовской подготовки в Университете реализуется общеобразовательная программа, ориентированная на адаптацию иностранных граждан и их подготовку к освоению основных профессиональных программ на русском

языке. Учебный план программы включает интенсивное изучение ключевых дисциплин гуманитарного цикла, таких как русский язык, литература, история и обществознание, что создает прочную языковую и предметную базу для последующего обучения.

В целях развития языковой компетенции иностранных обучающихся в рамках выполнения соответствующего поручения руководства Министерства внутренних дел Российской Федерации были организованы дополнительные занятия по русскому языку. Мероприятия реализуются в формате дополнительной общеразвивающей программы «Русский язык для иностранцев. Разговорный клуб», нацеленной на формирование у слушателей устойчивого интереса к русскому языку как основе культурного и духовного воспитания, а также на углубление их связи с культурой и традициями страны.

Создание такого специализированного ресурса направлено на расширение возможностей для практики речевых навыков и погружения в языковую среду с использованием интерактивных и мультимедийных технологий. Для обеспечения эффективной реализации данной программы и создания современной образовательной среды кафедре русского языка совместно с факультетом подготовки иностранных специалистов поручено организовать разработку и внедрение цифровой платформы открытых мультимедийных комплексов. Данная инициатива отражает общую тенденцию интеграции цифровых инструментов в процесс языковой подготовки, позволяя не только повысить доступность и гибкость обучения, но и усилить мотивационный и культурологический аспекты образовательного процесса для иностранных специалистов.

Опыт ведущих российских вузов демонстрирует эффективность использования цифровых платформ и мобильных приложений в учебном процессе. Ярким примером служит Казанский (Приволжский) федеральный университет, где в образовательной деятельности успешно применяется набор цифровых инструментов, обеспечивающих проведение дистанционных занятий, организацию коммуникации через чаты, обмен файлами и управление учебными заданиями, что создает целостную цифровую среду для обучения. Особый интерес представляет опыт целенаправленной разработки цифровых ресурсов для лингвистической подготовки иностранных учащихся [4].

В основном высшее образование в МосУ МВД России имени В.Я Кикотя осуществляется по программам специалитета, сфокусированным на актуальных аспектах правоохранительной деятельности. Среди них – безопасность информационных технологий, психология служебной деятельности, правовое обеспечение национальной безопасности и судебная экспертиза. В целях постоянного совершенствования образовательного процесса разрабатываются и внедряются новые программы, отвечающие современным вызовам, таким как расследование киберпреступлений и международное сотрудничество в правоохранительной сфере.

Для подготовки научных и научно-педагогических кадров в адъюнктуре предлагается широкий спектр образовательных программ по юридическим, техническим и психолого-педагогическим наукам. Иностранные слушатели ак-

тивно вовлечены в научно-исследовательскую деятельность по наиболее востребованным направлениям, прежде всего в области уголовного, гражданского, публичного и международного права.

Важным компонентом модели является дополнительное профессиональное образование, включающее программы повышения квалификации и переподготовки. Ежегодно реализуется широкий тематический спектр программ, охватывающих международное полицейское сотрудничество, экспертно-криминалистическую деятельность, информационную безопасность, противодействие массовым беспорядкам и другим видам преступлений. Значительная часть программ проводится в формате стажировок на базе профильных подразделений МВД России, а также реализуется с применением дистанционных образовательных технологий.

Важным элементом развития образовательной системы является планомерная работа по повышению квалификации профессорско-преподавательского состава. В частности, для преподавателей кафедры русского языка организовано прохождение курсов по таким программам, как «Методика преподавания русского языка как иностранного» и «Современные тенденции в обучении русскому языку иностранных учащихся». В перспективе требуется проработать вопрос организации повышения квалификации для всего профессорско-преподавательского состава кафедры. Целью подобных мер должно стать не только совершенствование общеметодической компетенции, но и овладение цифровыми педагогическими технологиями, навыками создания электронных образовательных ресурсов и работы в современных виртуальных средах, что является неотъемлемым условием эффективной подготовки иностранных специалистов в XXI веке.

В контексте модернизации педагогического корпуса В.П. Вишневская [5, с. 102] акцентирует необходимость разработки в России научно обоснованной системы организации курсов повышения квалификации преподавателей. Автор подчеркивает, что такая система должна активно интегрировать современные средства и методы специальной подготовки, критически осмысливая и адаптируя при этом весь накопленный позитивный опыт – как отечественный, так и зарубежный.

В целях адаптации образовательных программ для иностранных слушателей в МосУ проведена системная работа по формированию специализированного информационно-ресурсного обеспечения. Создана комплексная цифровая база нормативных и справочных материалов, включающая:

- Электронный сборник нормативных правовых актов зарубежных государств в сфере правоохранительной деятельности;

- Доступ к профильным ресурсам, содержащим прессу, литературу и законодательство стран Латинской Америки, Карибского бассейна и СНГ через электронные библиотеки партнерских учреждений;

- Специализированные разделы в WEB-приложении библиотеки Университета, ориентированные на потребности специалистов из стран СНГ, Азии, Африки и других регионов.

Особое значение имеет интеграция справочных сетевых ресурсов международных объединений (БРИКС, ШОС, ОДКБ), что позволяет учитывать региональные особенности правоохранительной деятельности.

Для обеспечения устойчивого функционирования данной системы факультету подготовки иностранных специалистов необходимо организовать регулярное обновление и пополнение ресурсов электронной библиотеки, что является ключевым условием поддержания качества образовательного процесса на современном уровне.

Важнейшим направлением адаптации образовательного процесса к потребностям иностранных слушателей является специализация учебно-методического обеспечения. Учебные материалы по дисциплинам разрабатываются с учетом специфики национального законодательства стран, направляющих своих специалистов, и включают элементы сравнительно-правового анализа нормативных источников. Данный подход находит свое логическое завершение в организации итоговой аттестации. Тематика выпускных квалификационных работ предусматривает проведение комплексного сравнительного исследования различных аспектов практической деятельности правоохранительных органов стран обучающихся и правоохранительных органов России.

Практическая подготовка иностранных слушателей характеризуется активным внедрением гибридных форматов, сочетающих офлайн- и онлайн-взаимодействие. Ярким примером эффективного использования цифровых каналов является опыт кафедры оружиеведения и трасологии. В ходе практических занятий активно используются цифровые сервисы, такие как специализированный канал в популярном мессенджере для методической поддержки и интерактивные флеш-карточки на платформе «Образавр». Эти инструменты обеспечивают наглядность, доступ к справочным материалам и возможность самостоятельного контроля знаний.

В мае 2024 года на базе Центра современных образовательных технологий Университета был проведен научно-методический семинар, посвященный особенностям подготовки иностранных специалистов в современных геополитических условиях. В работе семинара приняли участие ведущие ученые из образовательных и научных организаций МВД России, Министерства науки и высшего образования, а также практические сотрудники правоохранительных органов. В рамках мероприятия был рассмотрен широкий круг актуальных вопросов, включая методические аспекты обучения, проблемы адаптации иностранных специалистов к российскому правовому пространству и перспективы использования современных телекоммуникационных технологий в образовательном процессе [6].

Университет для подготовки иностранных специалистов располагает современной материально-технической базой, включающей аудитории, оснащенные компьютерной техникой и мультимедийным оборудованием. Для практической подготовки обучающихся создан специализированный лабораторный комплекс, объединяющий полигоны и лаборатории в области информационной безопасности, судебной экспертизы и психологии служебной деятельности [7].

В целях полноценного использования созданной инфраструктуры кафедрам Университета необходимо разработать специализированные учебно-методические материалы, адаптированные под возможности нового оборудования, а также планомерно осуществлять дооснащение и модернизацию лабораторно-полигонной базы. Параллельно ведется работа по созданию новых учебных пространств, в частности, разрабатывается проект полигона для реализации магистерской программы по международному сотрудничеству в правоохранительной сфере.

В целях формирования позитивного имиджа и укрепления международных связей для иностранных слушателей реализуется комплекс воспитательных мероприятий. Церемония вручения дипломов проводится в знаковом месте – на Красной площади – с участием руководства МВД России и дипломатического корпуса. Культурно-адаптационная работа включает посещение музеев, театров и проведение Дня национальных культур с презентацией кулинарных традиций и награждением наиболее успешных слушателей. Патриотическое воспитание осуществляется через знакомство с историей органов внутренних дел в музейно-выставочном комплексе Университета. Активное вовлечение иностранных слушателей в творческие конкурсы и спортивные соревнования способствует их социальной интеграции в университетскую среду [8].

Проведенное исследование позволяет заключить, что цифровое сопровождение представляет собой как вспомогательный инструмент, так и системный фактор модернизации подготовки полицейских кадров для иностранных государств. Оно преодолевает традиционные барьеры обучения через создание адаптивной образовательной среды, объединяющей специализированные полигоны, интерактивные платформы и мультимедийные ресурсы. Ключевым условием эффективности данной трансформации является соответствующая подготовка преподавательского состава и разработка специализированного контента, учитывающего национально-правовые особенности стран обучающихся. Одновременно цифровые инструменты усиливают воспитательную и адаптационную составляющие образовательного процесса, способствуя формированию профессионального сообщества и укреплению международного имиджа российского ведомственного образования.

Список литературы

1. Байдаев М. М. Подготовка кадров для органов внутренних дел Российской Федерации в условиях цифровой трансформации // Прикладная психология и педагогика. – 2022. – Т. 7, № 4. – С. 203-214.

2. Яловенко Т. В., Никитина Г. А. Международное сотрудничество МВД России в области подготовки полицейских кадров // Опыт и традиции подготовки полицейских кадров : Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, Волгоград, 01 октября 2021 года. – Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2022. – С. 215-219.

3. Ронин В. С., Перегудова А. П., Максимов Н. Р. Подготовка кадров правоохранительных органов иностранных государств: опыт образовательных организаций МВД России // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2024. – № 4. – С. 175-178.

4. Иванова Д. А. Применение цифровых инструментов обучения на довузовском этапе подготовки иностранных граждан // Русский язык как иностранный: история, современность и будущее : сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию кафедры русского языка как иностранного и 45-летию преподавания РКИ в Казанском университете (в рамках Международного форума «Русский язык и литература как средство формирования российской идентичности и международной интеграции»), Казань, 02–08 апреля 2023 года. – Казань: Издательство Казанского университета, 2023. – С. 455-460.

5. Вишневская В. П. Из опыта подготовки управленческих кадров полиции зарубежных стран // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. № S2. С. 102–110.

6. Ярмак К. В. Особенности организации образовательного процесса иностранных слушателей в ведомственном университете в современных условиях // Педагогический диалог. Часть 3 : альманах. – Москва: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2025. – С. 83-89.

7. Организация и проведение учебных занятий на криминалистических полигонах : учебно-методическое пособие / Е. А. Азаренкова, В. В. Артемова, И. А. Архипова [и др.]. – Москва : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2023. – 366 с.

8. Калиниченко И.А., Зиборов О.В., Гасанов К.К., Артамонов Ю.А., Савицкий В.Ю. Содержание воспитательного процесса в контексте реализации образовательных программ высшего образования. Часть 5. Социокультурное пространство образовательного процесса Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Внешний контур // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 7. – С. 12-18.

***Ярцева А. И.*[1],**
курсант института подготовки сотрудников
для органов предварительного расследования
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель:
***Старова Е. В.*,**
преподаватель кафедры иностранных языков
Московского ордена Почета университета
МВД России имени В. Я. Кикотя

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ПРИНЦИПЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОЛИЦИИ

Современная преступность все чаще приобретает транснациональный характер, выходя за пределы юрисдикции отдельных государств. Развитие технологий, миграционные процессы, международная торговля и глобализация способствуют тому, что преступления совершаются при участии лиц из разных стран и затрагивают интересы сразу нескольких государств. В связи с этим международное полицейское сотрудничество становится не просто полезным инструментом, а необходимым условием эффективного противодействия преступности.

Одним из ключевых направлений международного сотрудничества полиции является обмен информацией. Государства активно обмениваются сведениями о преступниках, разыскиваемых лицах, похищенных предметах, поддельных документах и способах совершения преступлений [1]. Этот обмен осуществляется как в двустороннем порядке, так и через международные организации, такие как Интерпол. Система уведомлений Интерпола, включающая «красные», «синие» и «желтые» уведомления, позволяет оперативно распространять информацию о преступниках по всему миру [2].

Второе важное направление – взаимная правовая помощь по уголовным делам. В ее рамках государства сотрудничают в сборе доказательств, допросах свидетелей, выполнении процессуальных поручений, экстрадиции и других действиях, направленных на эффективное расследование преступлений. Такие механизмы обеспечивают не только прозрачность расследований, но и укрепляют доверие между правоохранительными системами разных стран.

Не менее значимым направлением является борьба с международным терроризмом. После событий начала XXI века большинство государств осознали, что ни одна страна не способна самостоятельно противостоять террористическим сетям, имеющим разветвленную структуру и международное финансирование. В этом контексте обмен разведывательной информацией, совместные операции и разработка международных стандартов противодействия финансированию терроризма стали приоритетными задачами.

---

[1] © Ярцева А. И., 2025.

Также все большее внимание уделяется борьбе с киберпреступностью, которая не имеет границ. Преступники, действующие в виртуальном пространстве, могут атаковать банковские системы, государственные сети или персональные данные граждан в любой точке мира [3]. Для противодействия этому создаются специализированные подразделения и подписываются международные конвенции, например, Будапештская конвенция о киберпреступности 2001 года, которая стала базовым международным документом в данной сфере.

Международное сотрудничество полиции реализуется в различных организационных и правовых формах, каждая из которых направлена на повышение эффективности взаимодействия между странами. Основными из них являются: участие в международных организациях, заключение двусторонних и многосторонних соглашений, проведение совместных операций и создание координационных центров.

Среди важнейших правоохранительных организаций выделяется Интерпол, известный также как Международная организация уголовной полиции, учрежденный в 1923 году и объединяющая более 190 государств. Главная цель Интерпола заключается в содействии сотрудничеству национальных правоохранительных органов в борьбе с преступностью, не затрагивая вопросы политического, военного, религиозного или расового характера [4]. В рамках деятельности Интерпола функционирует глобальная система коммуникаций I-24/7, которая обеспечивает круглосуточный обмен данными между странами-участницами [5].

На региональном уровне значимую роль играет Европол, действующий в рамках Европейского Союза. Его деятельность направлена на координацию усилий стран-членов ЕС в борьбе с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков, торговлей людьми, киберпреступностью и другими формами организованной преступности [6]. Европол не обладает полномочиями по проведению самостоятельных арестов, однако он оказывает помощь национальной полиции в сборе и анализе информации, а также организует совместные следственные группы.

Кроме Интерпола и Европола, существуют и другие формы взаимодействия – например, Шенгенская информационная система (SIS), Сеть полицейского сотрудничества Юго-Восточной Европы (SELEC) и различные региональные инициативы, которые позволяют обмениваться оперативными данными и координировать действия на границах.

Основой эффективного взаимодействия служат принципы международного полицейского сотрудничества, выработанные в рамках международного права и закрепленные в уставах организаций. К ним относятся принципы:

– уважения суверенитета государств – каждое государство сохраняет право самостоятельно принимать решения в пределах своей юрисдикции;

– невмешательства во внутренние дела – международные полицейские структуры не вправе осуществлять деятельность, нарушающую национальные законы;

– взаимности и равенства – государства сотрудничают на основе взаимной выгоды и доверия;

– законности и защиты прав человека – любые меры должны соответствовать нормам международного права и не нарушать основные права и свободы граждан.

Эти принципы особенно важны в условиях глобализации, когда обмен информацией и проведение международных операций могут затрагивать персональные данные граждан и внутренние правовые нормы стран-участниц. Соблюдение баланса между эффективностью расследований и защитой прав личности – одно из ключевых требований современной системы международной безопасности.

В последние годы международное полицейское сотрудничество развивается в условиях стремительной глобализации и технологической трансформации. Появление новых видов преступлений – таких как кибермошенничество, транснациональный терроризм, торговля людьми и наркотиками – требует гибких и быстрых механизмов взаимодействия между государствами.

Одной из ключевых тенденций является активное внедрение информационных технологий. Создаются единственные базы данных, цифровые платформы для обмена сведениями о разыскиваемых лицах и преступлениях, а также системы анализа больших данных для прогнозирования криминогенной ситуации. Эти технологии позволяют национальным и международным службам быстро выявлять связи между преступлениями и координировать совместные операции.

Важное место занимает обучение и подготовка кадров. Международные программы повышения квалификации полицейских, стажировки в правоохранительных органах других стран, семинары и конференции способствуют обмену опытом и лучшими практиками. Такие инициативы повышают уровень профессионализма и позволяют быстрее адаптироваться к новым угрозам.

Однако международное сотрудничество сталкивается и с рядом проблем. Среди них можно выделить:

– правовые различия между государствами, которые затрудняют оперативное взаимодействие и обмен доказательствами;

– нехватка доверия между правоохранительными органами, особенно в странах с разной степенью прозрачности и независимости полиции;

– ограниченные финансовые и технические ресурсы, необходимые для внедрения современных систем связи и баз данных;

– конфиденциальность и защита персональных данных, что особенно актуально при трансграничной обработке информации о гражданах.

Перспективы развития международного полицейского сотрудничества связаны с несколькими направлениями. Первое – углубление интеграции региональных структур: расширение полномочий и возможностей таких организаций, как Европол, SELEC и аналогичных центров в других частях мира. Второе – развитие единых международных стандартов и процедур, которые позволят упростить обмен информацией, экстрадицию и проведение совместных расследований.

Третье направление – интеграция современных технологий, включая искусственный интеллект, машинное обучение и анализ больших данных. Эти инструменты помогут выявлять преступные схемы, прогнозировать возможные угрозы и обеспечивать более точное планирование международных операций.

В целом, можно отметить, что международное полицейское сотрудничество развивается динамично и постепенно превращается в комплексную систему глобальной безопасности. Эффективность этой системы зависит не только от технических возможностей, но и от соблюдения принципов взаимного уважения, законности и защиты прав человека. Именно сочетание технологий, стандартов и этических норм обеспечивает устойчивость международной системы правопорядка.

Таким образом, можно отметить, что международное сотрудничество полиции является ключевым элементом глобальной системы обеспечения безопасности. В условиях транснациональной преступности, терроризма и киберугроз эффективное взаимодействие между правоохранительными органами разных стран становится необходимостью.

В статье были рассмотрены основные направления сотрудничества: обмен информацией, правовая помощь, борьба с терроризмом и киберпреступностью. Также выделены формы сотрудничества – участие в международных организациях, заключение двусторонних и многосторонних соглашений, создание совместных оперативных групп, использование современных технологий.

Особое внимание уделено принципам взаимодействия, включающим уважение суверенитета, невмешательство во внутренние дела, взаимность и законность. Соблюдение этих принципов позволяет эффективно координировать действия стран, обеспечивать защиту прав человека и поддерживать доверие между государствами. Современные подходы, основанные на внедрении цифровых решений, обучении сотрудников и применении технологий искусственного интеллекта, способствуют повышению результативности партнерства. Однако определенные трудности, связанные с законодательными различиями, ограниченными возможностями и защитой персональных данных, все еще актуальны.

Список литературы

1. Interpol. Annual Report 2023. Lyon: Interpol General Secretariat, 2024.

2. International Criminal Police Organization (ICPO) – Red Notices Overview, 2024.

3. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). Counter- Terrorism Cooperation Report, 2023.

4. Council of Europe. Convention on Cybercrime (Budapest), 2001.

5. Interpol I-24/7 Global Police Communications System. Official Report, 2024.

6. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC). International Cooperation in Criminal Matters. Vienna, 2023.